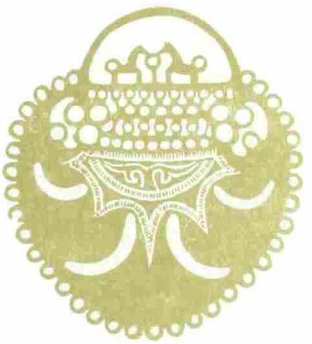
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1967

Статьи

Ю. А. САВВАТЕЕВ

О НОВЫХ ПЕТРОГЛИФАХ КАРЕЛИИ

В 1963 г. на о. Большой Малинин в низовье р. Выг Беломорской археологической экспедицией Петрозаводского института языка, литературы и истории АН СССР велись раскопки стоянки Залавруга I [1]. Под небольшим культурным слоем (песком розоватой окраски толщиною в 12—15 *см*) на поверхности скалы мы обнаружили наскальные изображения. На вскрытых в этот год участках скальной поверхности зарегистрировано более 200 рисунков [2].

Несколько неожиданное открытие новых петроглифов Беломорья нельзя рассматривать вне связи с многолетним археологическим изучением данного района, начатым в 1926 г. Тогда на о. Шойрукшине, расположенном в 1,5 *км* выше по течению, А. М. Линевский с помощью местного жителя Г. П. Матросова открыл Бесовы (Чертовы) Следки — первую группу наскальных изображений Беломорья. Так в Карелии стал известен новый район наскального искусства [3].

Как сами петроглифы, так и окружающая их местность заинтересовали исследователей, которые выявили здесь ценнейший комплекс памятников первобытной эпохи.

В 1928—1929 гг. разведки и раскопки вблизи Бесовых Следков проводил А. Я. Брюсов. Им был добыт небольшой, но весьма ценный вещевой материал, открывший новые возможности в изучении наскальных рисунков [4]. В 1936 г. копированием старых, а также поисками новых петроглифов занималась экспедиция под руководством В. И. Равдоникаса, которому удалось открыть (тоже с помощью местного жителя) вторую замечательную скалу с рисунками — Залавругу. Важным итогом работ явилось выявление нескольких мелких групп петроглифов, обследование окружающих поселений и, наконец, публикация всех материалов [5]. В те же годы полевым изучением наскальных изображений Беломорья занимался А. М. Линевский.

В конце 30-х годов экспедиционные работы в низовье р. Выг прекратились, шла обработка, изучение и обобщение накопленных материалов.

---

[1] В составе экспедиции работали: Ю. А. Савватеев (начальник экспедиции), А. В. Анциферов, С. И. Кочкуркина, Б. Н. Новожилов, И. Полякова, В. Пессонен, А. Филатова, В. Филатова, В. Фролова.

[2] После написания данной статьи, в 1964—1966 гг. найдено еще 17 групп петроглифов (около 700 изображений).

[3] Онежские петроглифы открыты в 1848 г.

[4] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Тр. ГИМ, IX, 1940, стр. 276—284; его же. Стоянки в низовьях реки Выг, около петроглифов Бесовы Следки. «Археологический сборник», Петрозаводск, 1947, стр. 48—53.

[5] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. II., М.— Л., 1938.

Именно в это время появились основные труды, посвященные петроглифам Карелии [6].

После окончания Великой Отечественной войны, в 1947 г. А. Я. Брюсов нашел поселение Залавруга I, расположенное у скалы с петроглифами Залавруга. После А. Я. Брюсова изучение этих памятников было продолжено лишь спустя десять лет карельскими археологами. Особенно ши-

Рис. 1. Петроглифы I группы

роко полевые работы здесь развернулись в 1960—1965 гг. в связи со строительством каскада Выгских ГЭС. В эти годы при сплошном обследовании берегов и островов низовьев Выга были открыты еще 40 разновременных стоянок. Половину из них составляют поселения эпохи бронзы и раннего

[6] Там же, I, М.— Л., 1936, II; его же. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. СА, III, 1937; А. Я. Брюсов. История древней Карелии...; его же. Карельские петроглифы. ВДИ, 1938, 1; А. М. Линевский. Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939.

железа, не известные здесь ранее. Почти все найденные поселения подвергались раскопкам.

Многолетние раскопки способствовали открытию новых петроглифов. Их скрывала стоянка Залавруга I. Долгое время исследователи ограничивались беглым знакомством с ней[7]. Систематические раскопки начались в 1962 г. Тогда на стоянке был заложен раскоп площадью в 112 $м^2$. На следующий год от этого раскопа в сторону петроглифов Залавруга была заложена разведочная траншея. В ней были замечены первые рисунки (рис. 1): небольшая лодка с людьми, а рядом с ней изображение лося.

Таблица 1

Краткая характеристика петроглифов	Номер группы				
	I	II	III	IV	V
Количество фигур	41	32	14	137	12
Количество композиций	2	3	1 (?)	10	1
Сохранность	Плохая	Хорошая	Плохая	Хорошая	Хороша
Площадь распространения, $м^2$	36	8	6	19	0,8
Высота над уровнем моря, *м*	16,19—16,28	16,23—16,37	16,31	15,84—16,04	15,54—15,72

Они находились на узкой полоске скалы, сохранившей гладкую глянцевитую поверхность. Ее окружала сильно выветрившаяся, шероховатая скала, на которой рисунки стали «проявляться» лишь спустя год. Новые петроглифы были найдены в 50 *м* от известной уже Залавруги за ложбинкой, заросшей густым смешанным лесом. В отличие от старых новые рисунки находились на значительном удалении от уреза воды протоки и, что особенно интересно, под культурным слоем стоянки.

Теперь стало очевидно, что дальнейшие поиски нужно вести дальше от берега под слоем почвы. Удобным местом для таких поисков оказался песчаный карьер, примыкающий к стоянке и частично разрушивший ее. Отвалы карьера засыпали значительную часть стоянки и сильно затруднили ее раскопки (рис. 2). Но внутри карьера скала залегала не глубоко, небольшими горизонтальными уступами, понижающимися от берега, и расчистка ее не представляла трудностей. Эти уступы покрывал нетронутый слой чистого намывного песка толщиной от 5 до 40 *см*, над которым, видимо, лежал культурный слой, снятый бульдозерами при создании карьера. При расчистке скалистых уступов удалось найти еще четыре группы петроглифов, несколько отличающихся по количеству изображений, тематике, высотным отметкам и другим деталям (табл. 1).

Мы ограничиваемся кратким описанием каждой из пяти групп. Основное внимание при этом уделяется наиболее многочисленной и самой интересной IV группе.

Изображения I группы (рис. 1) состоят из 41 рисунка и разместились довольно свободно на значительной площади. Свыше половины из них (21 фигура) — лодки, обычно с экипажами, лишь две — без гребцов. Кроме лодок мы находим одиночные изображения оленя, лося, белухи и т. д. Четвертую часть всех рисунков составляют непонятные фигуры. Бесспорных композиций в рассматриваемой группе — одна. Она посвящена морскому промыслу (лодка, соединенная с белухой). По-видимому, композициями являются также скопления рисунков, где внешняя связь между отдельными фигурами хотя и отсутствует, но, вероятно, подразумевалась творцами петроглифов. Таковы восемь небольших по размерам лодок,

[7] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 113; Г. А. Панкрушев. Отчет о работе Карельской археологической экспедиции за 1958 г. Архив Петрозаводского ИЯЛИ, ф. 1, оп. 29. № 14, стр. 85, 86.

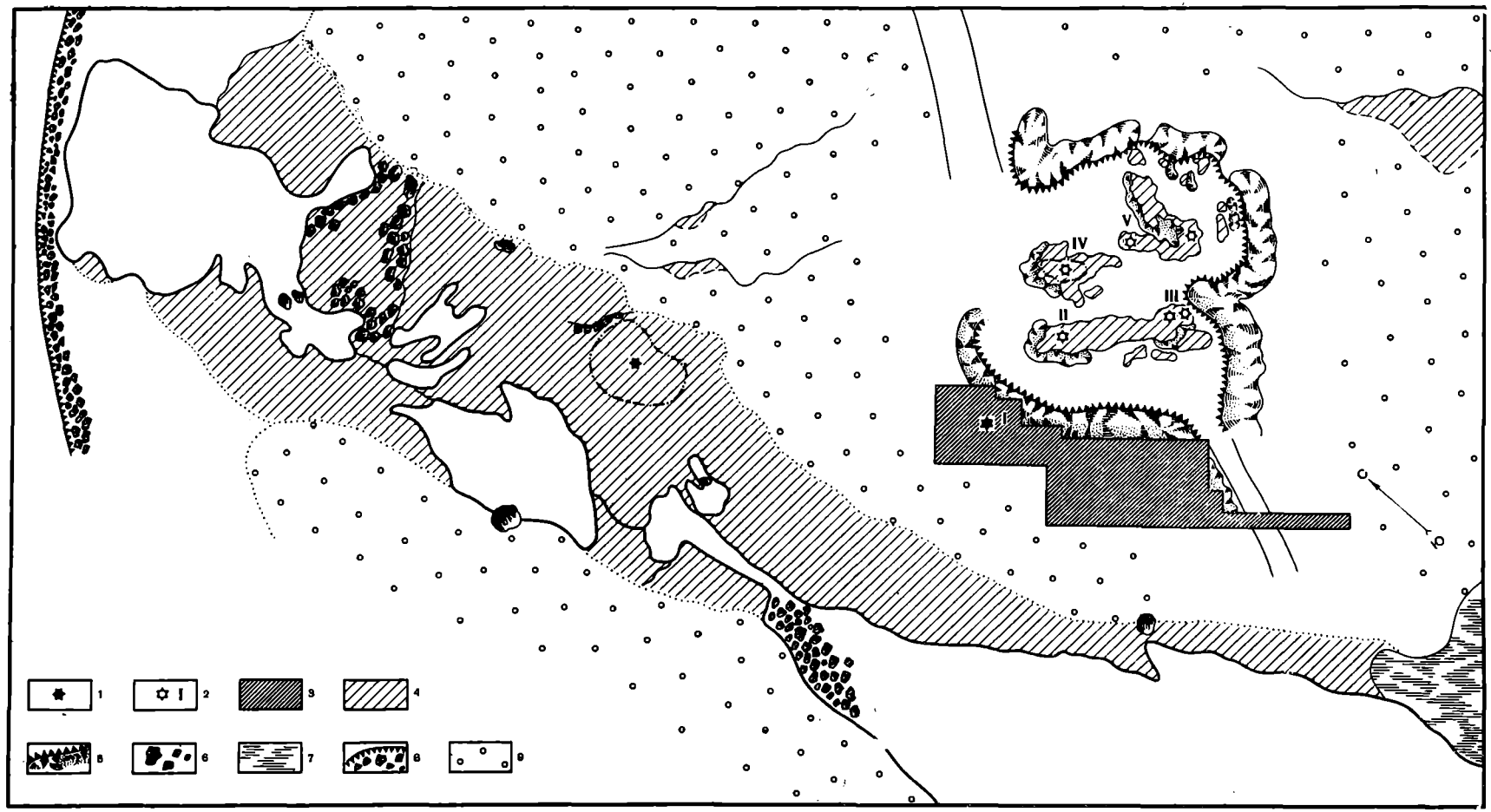


Рис. 2. План местности Залавруга.

1 — старая группа петроглифов Залавруги, *2* — новые группы петроглифов Залавруги, *3* — раскоп, *4* — обнажения скалы, *5* — карьер и отвалы песка, *6* — валуны и камни, *7* — болото, *8* — плотина, *9* — лес

ориентированных в разные стороны, близких по манере изображения, три вытянутые в ряд непонятные фигуры (отряд людей) и др.

II группа (рис. 3) находится в 18 *м* восточнее I группы, в боковой части узкого и длинного скалистого уступа. В ней около 30 рисунков, размещенных гораздо компактнее. Лодки здесь составляют примерно четвертую часть (восемь фигур), встречаются и изображения людей, белух, птиц

Рис. 3. Петроглифы II группы

(лебедь). Любопытно появление следов зверя и человека, а также соединительных линий, использовавшихся для связи отдельных фигур и сцен при создании композиций.

Большая часть фигур объединена в композиции. Выделяется сцена зимней охоты, в которой показаны: лыжня, спускающаяся по склону (удачно использован естественный склон), охотник на лыжах, стреляющий из лука, мелкий лесной зверь, пораженный стрелами. Вдоль лыжни снизу тянутся две цепочки небольших углублений крестообразной и округлой формы. Одну из них можно принять за след зверя, другую — за следы лыжных палок или же за условные знаки счета. Эта сцена объединена с другой композицией, посвященной водному промыслу, значительно усложнившей весь сюжет. Ниже лыжни выбита сцена морского промысла белух, в котором участвуют две лодки, каждая из них соединена с морским зверем. Выразительные одиночные фигуры: медвежонок, лодка со змеевидным отростком, небольшая фигурка «пляшущего» человечка, показанного в фас в окружении миниатюрных лодочек.

III группа находится в противоположном углу того же уступа, в 12 *м* от II группы. Поверхность скалы здесь сплошь покрыта естественными выщербинами, сильно затрудняющими выявление рисунков. Пока удалось рассмотреть лишь 14 изображений. Половину из них составляют лодки, все они, за исключением одной, с гребцами. Дважды встречаются изображения лося и гуся, имеются фрагменты непонятых фигур. Основная часть рисунков расположена очень кучно и, возможно, составляет композицию.

IV группа (рис. 4, 5) — наиболее выразительная из пяти групп. Она ярко выделяется и на фоне всех известных петроглифов Карелии. В ней

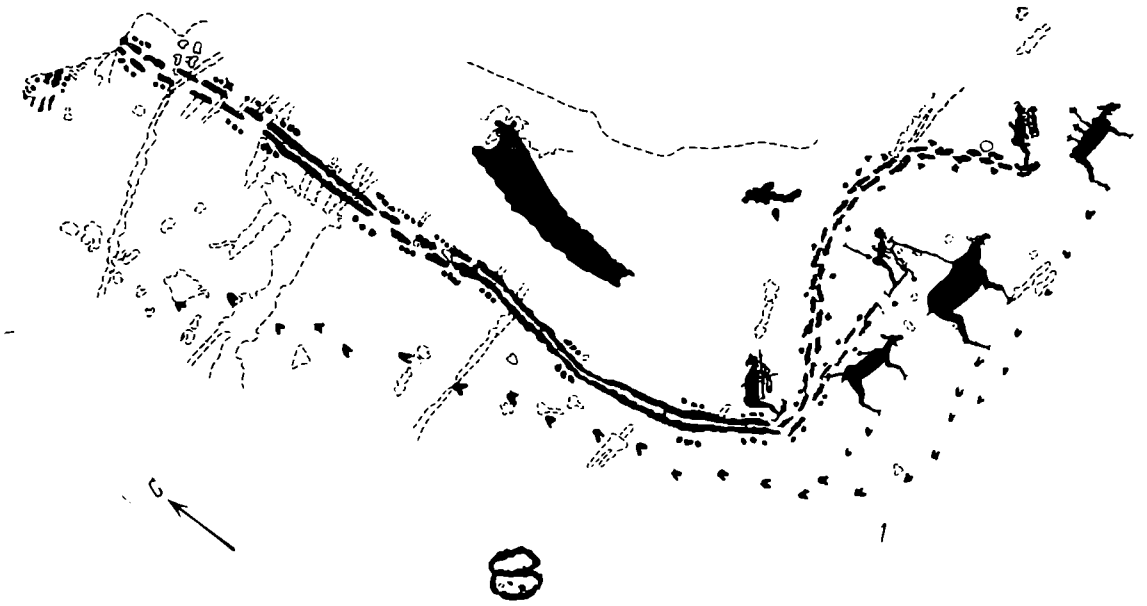


Рис. 4. Западная часть петроглифов IV группы

Рис. 5. Восточная часть петроглифов IV группы

137 изображений, большая часть которых входит в композиции (их не менее 10).

Рисунки IV группы располагаются на одном из уступов почти в центре карьера, примерно в 10 *м* северо-восточнее II группы. Уступ, протянувшийся на 25 *м*, имел гладкую глянцевую поверхность синевато-черного цвета. Однако после расчистки она сильно выцвела и приобрела светло-серый цвет. Выбитые на ней рисунки хорошо заметны, а по сохранности относятся к числу лучших среди карельских петроглифов. Хотя рисунки расположены довольно кучно, они нигде не перекрывают друг друга; ими занята лишь центральная часть уступа (6,3 *м* в длину и 3 *м* в ширину).

Самой крупной композицией всей группы является сцена охоты на лосей, в которой принимают участие три человека, идущие на лыжах (рис. 4, *1*; 6). Они преследуют трех лосей, настигают их и бьют. У кромки уступа берет начало лыжня, идущая к югу. Первоначально на ней прослеживается след ступающих лыж, прерываемый небольшим отрезком сплошной лыжни. На смену ему приходит длинный (более метра) скользящий след. Похоже, что здесь лыжники спустились со склона. После окончания скользящего следа лыжня делает резкий поворот на северо-восток, и охотники вновь переходят на ступающий шаг. Вскоре после того, как с общей лыжни сошел первый охотник, она раздваивается. От самого начала лыжни по обеим ее сторонам тянутся округлые углубления — точки, диаметром до 2 *см*: до поворота лыжни на восток — по три, затем по две, а как только каждый охотник пошел по своей лыжне — по одной. Такие кружочки можно принять за следы лыжных палок, но не исключено, что это знаки счета.

Ниже лыжни — цепочка лосиных следов, имеющих подтреугольную форму с выемкой по основанию. Примерно на середине лыжни ниже ее изображен след лося почти натуральной величины. Выше, над лыжней имеется изображение лодки без гребцов. Она выбита рядом с лыжней, но «движется» в противоположном направлении. За кормой лодки, тоже рядом с лыжней, имеется непонятное изображение и два углубления округлой формы. Лыжня тянется под углом к лосиному следу, как бы наперерез ему.

Главное действие композиции начинается после того, как лыжня и след лосей максимально сблизились, а на сцене появились основные действующие лица — охотники. Настигаемые ими животные разбегаются, вслед за ними спешат и охотники, идущие на лыжах. У крутого поворота лыжни один из них останавливается и стреляет из лука в отставшего лося. Охотник изображен присевшим, на лице выделены лоб, нос и подбородок; вся фигура сильно утолщена книзу. Он вооружен луком и, как нам кажется, копьем, из-за спины выступает колчан. У лося, пораженного двумя стрелами, выделены такие детали, как шейная серьга, торчащее ухо, небольшой хвостик, на загривке намечен горб; задняя нога несколько длиннее передней.

В профиль изображен и второй лыжник. Он всем корпусом наклонился вперед и почти в упор поражает копьем расположенного ниже лося. Нога длинная, слегка согнута в колене. В вытянутой и согнутой в локте руке — длинное копье, вонзившееся в спину лося. Чуть ниже руки от туловища свободно спускается какая-то извилистая линия. На уровне живота человека пересекает узкая полоска, выступающая как со стороны живота, так и за спиной.

Выразительна и жертва охотника — фигура лося, пораженного копьем. Он напоминает предыдущего, но больше по величине и выбит тщательнее. Выделены наиболее характерные признаки животного: горбоносая морда, загривок, покатый круп, длинные ноги, серьга на шее. Интересно изображение ног, слегка удлиненных и согнутых дважды. Задняя нога длиннее передней.

Самый длинный путь проделал третий охотник. Он показан более статично, нога его лишь чуть-чуть согнута в колене. Тело слегка расширяется книзу. На голове имеется выступ. Лыжник вооружен луком, который держит в вытянутой руке. Его туловище пересекает какая-то принадлежность охотничьего снаряжения, аналогичная тому, которое имеет второй лыжник. Охотник поразил тремя стрелами переднего лося.

По тщательности и мастерству исполнения данную сцену с полным правом можно относить к числу шедевров первобытного изобразительного искусства. Эта композиция посвящена зимней или весенней охоте на лосей, быть может, в период наста. По затвердевшему снегу гораздо легче можно было догнать громадных и сильных животных, которых не мог выдержать даже прочный наст. В годовом цикле охотничье-рыболовческого хозяйства охоте на лосей отводилось, видимо, весьма важное место, что подтверждается и материалами раскопок, и этнографическими наблюдениями [8].

К юго-востоку от данной композиции, сразу же за фигурой переднего лося начинается новая серия рисунков, посвященных разным темам. Она открывается многофигурной сценой коллективного морского промысла с участием нескольких лодок (рис. 5, *3*).

Рядом с большой центральной лодкой данной композиции имеется ряд изолированных изображений, внешне не связанных с нею, но, быть может, тоже входящих в описанную сцену: лодки, два непонятных пока изображения, птица (гусь) и др.

С востока к отмеченной сцене примыкает другая композиция, тоже посвященная коллективному морскому промыслу и состоящая из нескольких взаимно связанных изображений. Центром ее является лодка значительных размеров. Над нею показана вторая лодка, обращенная к ней днищем и плывущая в противоположном направлении. Гребец, стоящий в носовой части, загарпунил морского зверя, тупоносая и широкая морда которого соединена с изображением пешего человека. Между носовой частью нижней и кормовой верхней лодок имеются еще минимум два соединенных с ними и между собой изображения (вероятно, сильно схематизированные человеческие фигуры).

Эти две композиции полукругом обрамляет группа одиночных рисунков и ряд небольших композиций (рис. 5, *2*): сцена враждебного столкновения двух человек, длинная извилистая линия (отрезок береговой линии или участок реки?) с плывущей вдоль нее лодкой, непонятные фигуры и др. Далее, продолжая полукруг, тянется несколько непонятных фигур: выбитое только наполовину изображение оленя, еще один олень, несколько округлых пятен и удлиненных выбоин, фигура человека с луком в вытянутой руке, продолговатая фигура с участком нетронутой поверхности скалы внутри и след зверя.

Южнее упомянутых рисунков с запада на восток расположен ряд новых композиций (рис. 5, *5*): крупная фигура мужчины на двух ногах и с двумя руками, выгнутой спиной и выпуклым животом. В спину и в голову ему впились две стрелы. В руках у него лук со стрелой. Перед человеком, на уровне ступни — небольшое серповидное изображение, а позади — два крупных, по-видимому медвежьих, следа. Медведь выбит впереди человеческой фигуры, вверх ногами по отношению к ней. В шею ему попала стрела, а в спину вонзилось копье, которое держит в руках человек, изображенный под спиной медведя. За его спиной и за медведем проходит цепочка следов зверя.

---

[8] А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, стр. 50, 51; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.—Л., 1959, стр. 93, 94; Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956, стр. 169—177; ее же. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. МИА, 87, 1961, стр. 124—126.

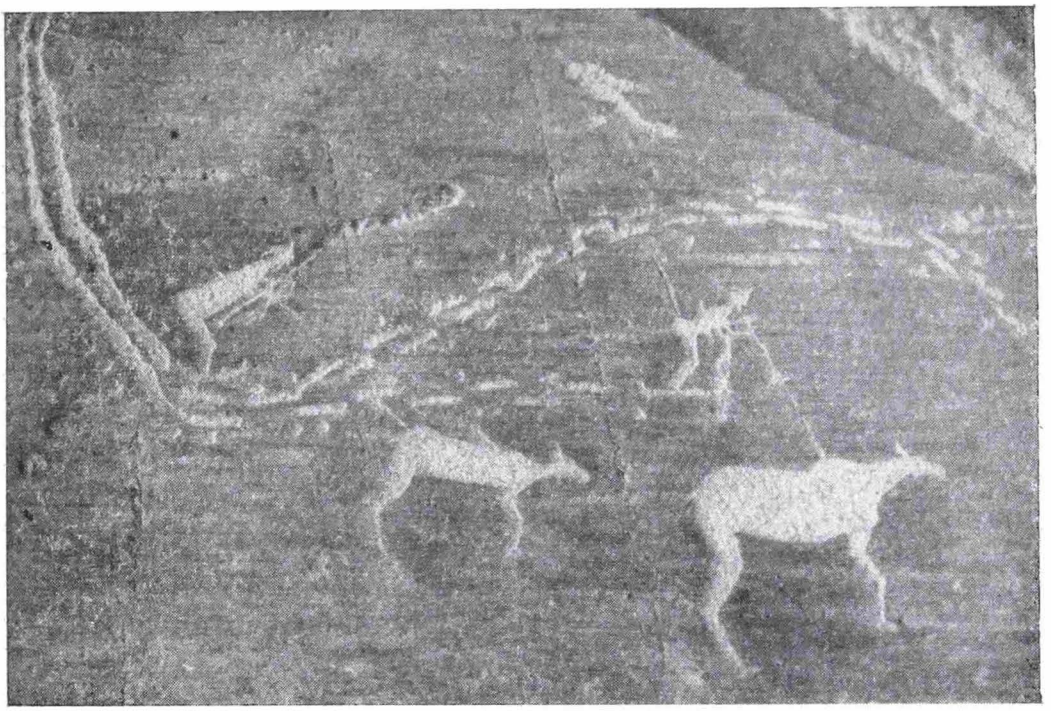


Рис. 6. Петроглифы IV группы. Сцена зимней охоты на лосей. Фрагмент

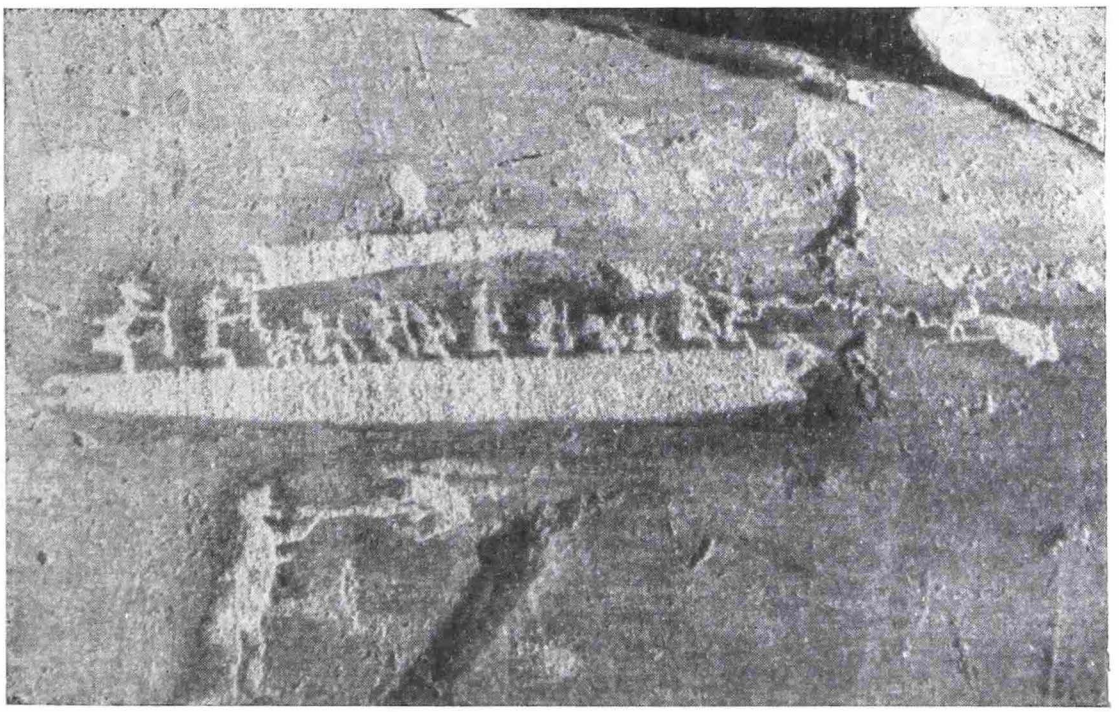


Рис. 7. Петроглифы IV группы. Сцена морского промысла

Выше рассмотренной композиции — новая группа рисунков: два обращенных лицом друг к другу лучника с «мишенью» между ними; ниже — спиной к ним охотник, поразивший лебедя, и др.

Справа от них протянулась длинная цепочка из 24 небольших кружков-следов, оканчивающаяся фигурой человека, показанного вверх ногами по отношению к объекту охоты — оленю. Охотник вооружен небольшим луком, из которого торчит длинная стрела, почти касающаяся уха оленя. К востоку от цепочки следов разместилась еще одна сцена охоты на зверька, сидящего на дереве (рис. 5, *б*). Очертания зверька, возможно рыси, очень нечеткие. Зверь сидит на вершине дерева и уж весь изранен стрелами стоящего под деревом охотника-лыжника. Охотник показан с большим мастерством. Он шел на лыжах, на что указывают не только сами лыжи, но и оставшийся позади их ступающий след с кружочками по бокам. Интересно изображение дерева, редко встречающееся в первобытном искусстве. Художник не смог сохранить естественные пропорции в масштабах фигуры человека и дерева: человек получился ростом почти с дерево.

Над деревом изображены две лодки, обращенные друг к другу бортами и плывущие в разных направлениях. Корма одной и нос другой лодки почти соприкасаются. На нижней лодке имеется выступ в виде длинного слегка изогнутого на конце столбика, свисающего почти от середины днища.

Южнее упомянутых сцен и рисунков расположены редкие одиночные фигуры и маленькие композиции: лосенок с массивной мордой и торчащими ушами, одиночное изображение лыжника с палкой или копьем в руке, который движется к зверю, а к северо-востоку от него — пеший человек вверх ногами. Самая южная композиция изображает сцену морского промысла: на лодке два человека, стоящая на носу фигура человека метнула гарпун с веревкой в белуху; на корме сидит другой человек, по-видимому, с кормовым веслом (рулем).

С востока IV группа заканчивается выразительной сценой морского промысла (рис. 5, 7). В центре ее большая лодка длиною в 98 *см*. Корпус ее слегка расширяется к носовой части, но у самого носа он вновь немного сужается. Нос лодки украшает небольшая голова животного с двумя загнутыми книзу рогами. В лодке 11 человек. Они стоят, один (третий слева) сидит. Стоящий на носу лодки охотник бросает гарпун в морского зверя (белуху). Рука его вытянута вперед и согнута в локте, в ней — ремень, еще полностью не натянувшийся и показанный волнистой линией.

Над лодкой, почти параллельно ей, изображена другая лодка, обращенная к ней бортами. По конструкции эта лодка напоминает предыдущую, но она меньше и у нее отсутствуют выступы с отверстиями на носу и корме, а также под днищем.

Ниже большой сцены морского промысла изображена охота на медведя. Охотник показан пешим. Он колет копьем медведя, уже пораженного стрелами (рис. 5, 7).

V группу составляют наиболее удаленные от берега рисунки, расположенные на полукруглом скалистом уступе, в 10 *м* юго-восточнее IV группы. 12 фигур свободно разместились на гладкой поверхности уступа. В ней выделяются две небольшие сцены: одна из них — сцена охоты с лодки на какое-то странное животное (бобра?), а другая, расположенная 10 *м* восточнее, состоит из одиночных фигур, где преобладают лодки (5 фигур), из них одна без экипажа. О значении двух изображений морских животных и трех небольших округлых пятен судить трудно.

* * *

По характеру исполнения открытые в 1963 г. рисунки мало чем отличаются от уже известных наскальных изображений Карелии. Все они выбиты грубыми кварцевыми отбойниками на горизонтальных или слегка покатых гранитных скалах. Отметим, кстати, что создание их не было

столь трудоемким делом, как это принято думать. В порядке эксперимента нами было выбито изображение белухи, сходное с наскальными рисунками. На всю работу человек, не имеющий никаких навыков в рисовании, затратил 30 минут. Работа производилась кварцевыми отбойниками, добытыми при раскопках в сухой протоке р. Выг под скалой с петроглифами Бесовы Следки.

Древние изображения выбиты по всей площади силуэта на глубину 2—3 *мм*. Первое время после создания они, видимо, отчетливо выделялись на фоне темных скал (серых или даже синевато-черных с глянцевой поверхностью). Изредка встречаются среди них и контурные изображения.

Таблица 2

Перечень новых петроглифов Залавруги

Перечень рисунков	Группы рисунков					
	I	II	III	IV	V	Всего
Лодки	21	8	7	17	5	58
(Число людей в лодках)	31	17	13	38	16	115
Изображения людей	3 (?)	2	—	20	—	25
Лыжни	—	1	—	5	—	6
Следы людей	—	1	—	5	—	6
Морские звери (белухи)	1	2	—	5	3	11
Лоси	1	—	2	5	—	8
Олени	1	—	—	2	—	3
Медведи	—	1	—	2	—	3
Мелкие лесные звери	—	1	—	1	—	2
Птицы (гуси и лебеди)	—	1	2	3	—	6
Следы зверей	—	1	—	7	—	8
Непонятные изображения	9	10	1	17	1	38
Небольшие кружочки и другие геометрические фигуры	5	4	2	47	3	61
Дерево	—	—	—	1	—	1
Итого	41	32	14	137	12	236

Петроглифы по манере исполнения ближе всего стоят к графическому искусству. Они плоскостные, обычно статичны. Большинство фигур изображено в профиль. При этом звери всегда двуногие, у людей, как правило, мы видим одну ногу и одну руку. На скале запечатлены как бы силуэты живых образцов. Имеются также изображения в плане (в проекции сверху) и даже в фас.

Творческие возможности первобытных художников были, конечно, ограничены характером исполнения (выбивание рисунков), материалом, с которыми они имели дело (скала), грубостью каменных орудий, которыми пользовались (кварцевые отбойники). Сказалось и то, что создателями петроглифов были люди с разными навыками и способностями в области художественного творчества. Схематичность и стилизованность изображений всего скорее зависели от неумения части первобытных художников, а не намеренного упрощения рисунка, выражающегося в стилизации и геометризации образа.

Вновь найденные петроглифы продолжают реалистическую линию в развитии первобытного искусства, которая восходит еще к палеолиту. Об особенностях содержания новых петроглифов, их тематике можно судить по приводимым ниже статистическим данным (табл. 2).

Рассматривая все группы рисунков в целом, следует отметить, что в них наиболее распространенными являются изображения лодки. Они близки лодкам Бесовых Следков и старой Залавруги: тот же приподнятый

нос, украшенный головой лося, те же высокие борта. Несколько тщательнее исполнена корма, верхний край которой, как правило, нависает над водой. Размеры лодок колеблются в пределах от нескольких до 98 *см.* Лодки, за исключением семи, имеют экипажи. Стремление к реалистической трактовке людей, размещенных в лодках, составляет одну из характерных особенностей новых петроглифов. Как правило, находящиеся в них люди изображены стоя, во весь рост. У большинства отчетливо переданы основные части тела: голова, руки, туловище, ноги. Часто люди как бы стоят на кромке борта. Число людей в каждой из лодок варьирует от одного до 12. Отмечены и схематичные, условные изображения гребцов в виде столбиков, что характерно для ранее известных петроглифов.

Фигуры людей чаще всего встречаются в сценах охоты и морского промысла, две небольшие композиции состоят только из людей, и, наконец, имеются одиночные человеческие фигуры. Стремление первобытных художников рассказать прежде всего о деятельности людей в данных петроглифах выражено довольно отчетливо. Многие из человеческих изображений на петроглифах показаны с луками, несколько — с гарпунами и, возможно, с лыжными палками. Как правило, фигуры мужские.

Составной частью рассматриваемых сюжетных повествований является неоднократное изображение лыжни. Лыжи, вероятно, были ступающими — короткими, приблизительно в половину и даже треть человеческого роста. В одном случае мы имеем человеческий след в виде цепочки округлых углублений, два раза выбит рисунок человеческой ступни.

По сравнению с ранее известными группами петроглифов, объекты охоты и морского промысла показаны реже. Несколько раз встречались следы животных, обычно лося и медведя.

Многочисленную группу рисунков составляют непонятные пока изображения. Это разной величины и формы углубления, линии, точки, а также рисунки неопределенной формы. Некоторые из них, может быть, обозначают следы животных, метательные снаряды, другие являются соединительными знаками и т. д.

Новые петроглифы еще раз подчеркивают, что наскальное искусство Карелии, однажды возникнув, все время развивалось. На смену изолированным изображениям пришли композиции, расширяется тематика рисунков, растет мастерство их исполнения. Вместе с тем они начинают наполняться новым содержанием, все более приближаясь к повествованию, своеобразному рассказу в картинках. Этот повествовательный момент нашел очень яркое отражение в новых петроглифах. Здесь мы видим значительное количество композиций, зачастую многофигурных, посвященных охоте, морскому промыслу, враждебным столкновениям. Непременным участником этих картин выступает уже человек, преимущественно охотник. В новых рисунках имеется много интересных деталей, ранее почти не встречавшихся: неоднократное изображение лыжни, луков, многочисленные следы животных, изображение дерева. Сцены охоты, ранее передаваемые двумя-тремя изображениями (человек убил зверя), теперь обрастают многими натуралистическими деталями и превращаются в настоящие картины-повествования. Характерной особенностью их является реализм, правда, все еще наивный, первобытный.

Сложнейшим вопросом является датировка беломорских петроглифов. До сих пор их возраст определялся на основании изучения техники нанесения рисунков, стиля и тематики, а также очень небольших и неполностью опубликованных материалов из раскопок окружающих их поселений. С этой же целью предпринимались попытки отыскать параллели с аналогичными памятниками других территорий.

Понятно, что тщательное изучение самих рисунков весьма важно для установления их хронологии, особенно для выделения в них разновременных напластований. Однако оно не может дать основы для абсолютной датировки. Аналогии с наскальным искусством других районов, как и со-

поставления с другими отдаленными археологическими памятниками, также не решают вопроса.

Основные источники для определения возраста петроглифов следует искать все же на месте. В Беломорье ими будут, по-видимому, материалы окружающих поселений. Здесь на очень небольшой территории сосредоточены 32 группы наскальных изображений и более 50 разновременных поселений. Часть из них непосредственно примыкает к петроглифам, а хронологическое соотношение с береговыми стоянками можно установить по высотным отметкам. Таким образом, здесь легче, чем в других районах, установить взаимосвязь петроглифов и окружающих поселений. Для датировки же стоянок имеются весьма благоприятные условия: обилие, концентрация и разнообразие материала, особенно керамического, наличие привозных (или изготовленных по их образцу) датирующих предметов, заметное различие высотных отметок у разновременных памятников и т. д. Могут быть использованы и методы естественных наук: радиоуглеродный (C^{14}), спорово-пыльцевой, диатомовый анализы и др. Чрезвычайный интерес для определения возраста новых петроглифов имеет то обстоятельство, что значительная часть их найдена под культурным слоем стоянки Залаврута I, на краткой характеристике которой мы и остановимся.

Стоянка Залаврута I начинается в 40 *м* к юго-востоку от известных уже петроглифов и тянется вдоль берега протоки на 80—90 *м*, от берега — максимум на 40—50 *м*. Она относится к типу аллювиальных памятников. Стоянка занимает центральную часть ровной, почти горизонтальной песчаной площадки, под которой залегает скала. Со всех сторон она ограничена естественными колебаниями рельефа (берег старицы, выходы скал, понижение местности, переходящее в заболоченные участки). На стоянке раскопано 610 $м^2$ (рис. 2).

Стратиграфия стоянки следующая. Рыхлый дерн толщиной в 3—5 *см* настолько тонкий, что местами культурный слой почти обнажается. Сразу же под дерновым слоем распространяется слой мелкозернистого оподзоленного песка белого, а чаще розоватого цвета. Это верхняя прослойка культурного слоя. Нижняя граница ее очень неровная: языками и большими пятнами она опускается в нижележащую прослойку ярко выраженной малиновой окраски. Границу между двумя прослойками провести почти невозможно, ибо одна из них незаметно переходит в другую. И верхний оподзоленный, и нижний яркоокрашенный пласты песка составляют единый культурный слой общей мощностью в 40—50 *см*. На окраинах стоянки он постепенно переходит в желтый слабо гумусированный песок небольшой толщины. Подстилающим слоем служит светло-желтый песок, лежащий на скале, или же скальная поверхность.

При раскопках стоянки удалось выявить несколько небольших углублений, некоторое количество валунов средней величины, лежащих в культурном слое, какую-то не совсем понятую еще кладку из камней, два очага и несколько кострищ, а также собрать значительное число разнообразных находок. В их числе 490 орудий и обломков (рис. 8): несколько сланцевых шлифованных топоров, близких русско-карельскому типу, около двух десятков обломков и заготовок крупных рубящих орудий, 60 обломков шлифовальных плит и точильных брусков из песчаника, сланца и кварцита, 12 обломков каменных пил. Найдено около 40 крупных кварцевых ударных орудий (отбойников). Тремя десятками экземпляров представлены разнообразные по форме наконечники стрел из кремня (листовидные, черешковые, с выемкой в основании — беломорского типа), встречались и их заготовки.

Самой многочисленной категорией орудий (более 100 экземпляров) на стоянке являются скребки, большей частью кремневые. Гораздо реже встречаются скребла и скобели. Среди скребущих орудий имеются и комбинированные скребки-скобели, скребла-скобели и др. Сравнительно не-

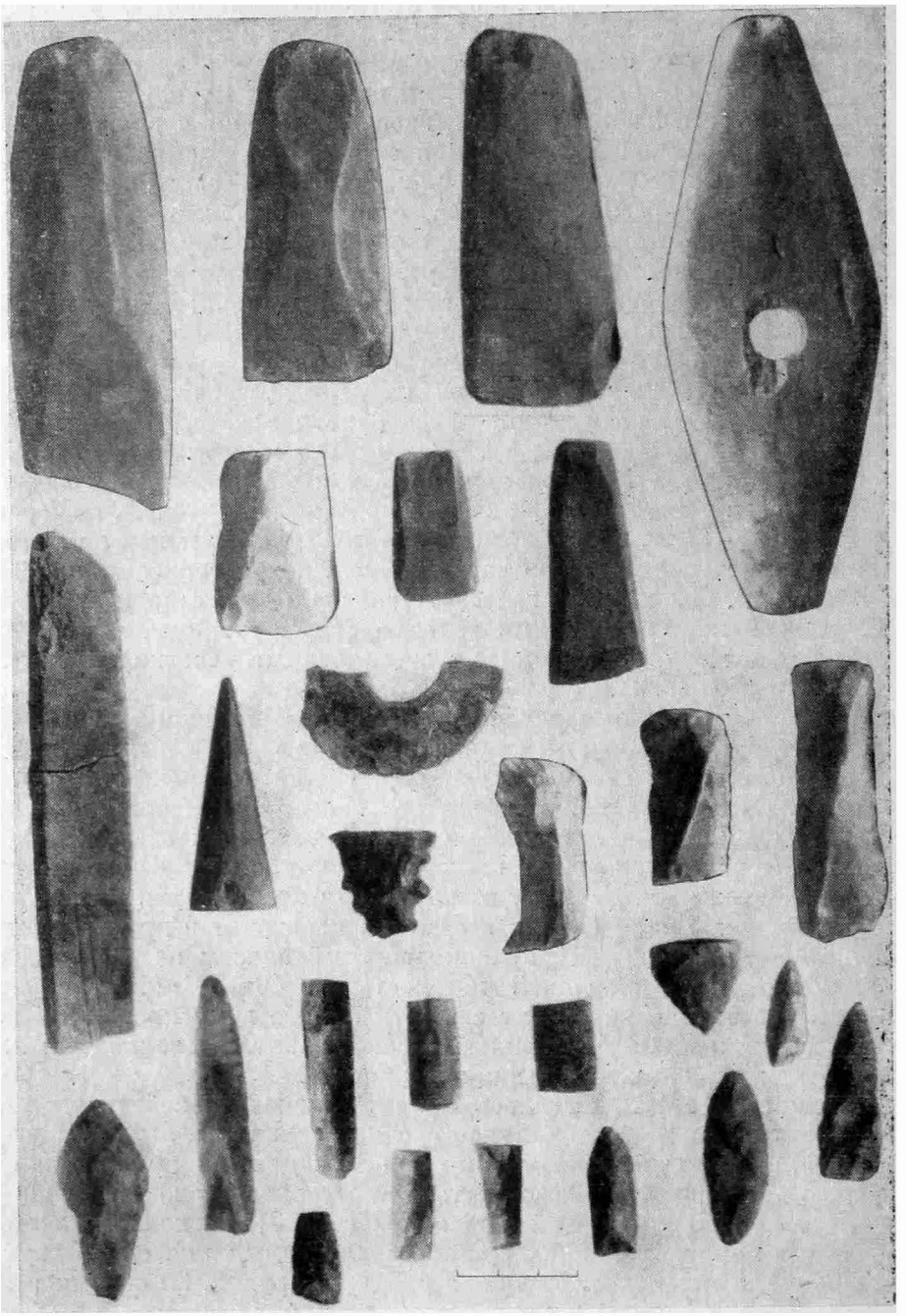


Рис. 8. Орудия труда из стоянки Залавруга I

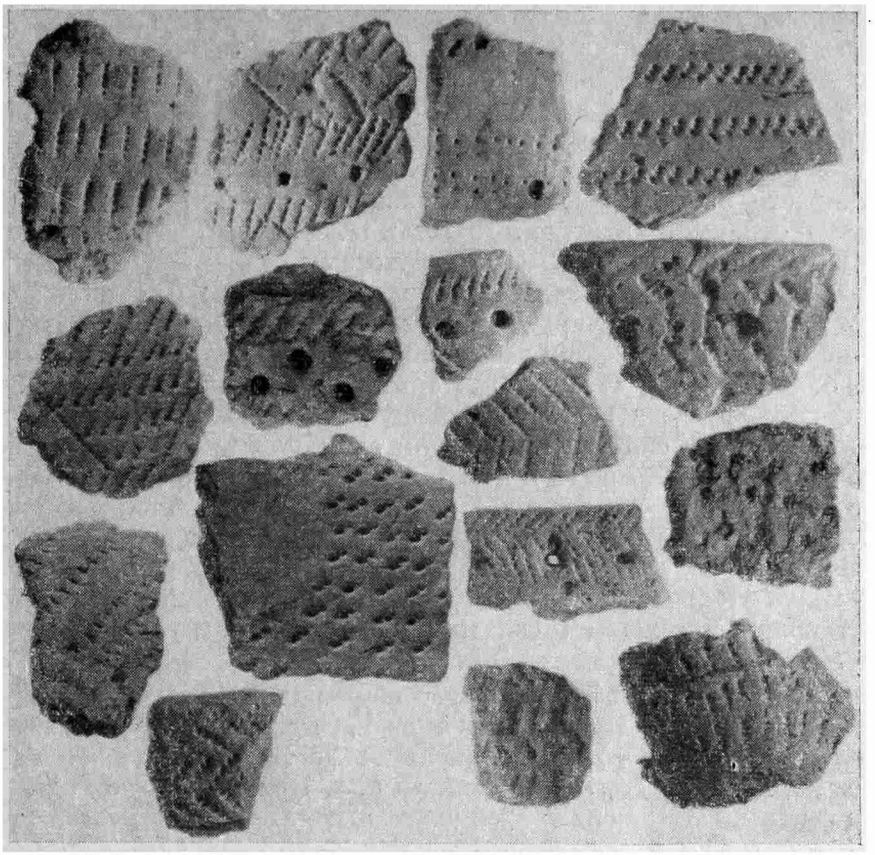


Рис. 9. Обломки посуды из стоянки Залавруга I

много резцов, ножей и ножевидных пластин. К числу распространенных находок на стоянке относятся осколки кремня и кварца с ретушью.

Кремневые орудия здесь встречаются в большом количестве, но среди них отсутствуют крупные экземпляры. Кремень вблизи стоянки не добывался и высоко ценился. Частично кремневые орудия поступали сюда в готовом виде. Об ограниченных источниках кремня свидетельствует небольшое количество кремневых отщепов и осколков, в то время как отходы кварцевого производства распространены здесь чрезвычайно широко. Так, если осколков и отщепов кварца найдено 5175, то кремня — всего 856, а осколков сланца — всего 8.

Особо следует отметить обломок кольцеобразного украшения из кварцитовой пластинки с насечками по внешнему краю, несколько обломков изделий из янтаря и стержень составного рыболовного крючка.

На стоянке найдено 82 кальцинированные косточки животных, 42 пластинки слюды и четыре кусочка роговообманкового асбеста.

Обломков посуды на поселении немного, что отчасти объясняется плохой сохранностью глиняных сосудов (рис. 9). Всего найдено 964 крупных и 1524 мелких фрагментов.

Представлена она тремя типами: асбестовой (197 фрагментов), с растительной примесью к глиняному тесту (257 фрагментов) и, наконец, ямочно-зубчатой керамикой, но тоже с растительной примесью к глиняному тесту (496 фрагментов).

Эти три типа керамики сосуществовали на данном поселении, оказав определенное влияние друг на друга. Так, в ямочно-зубчатой и асбестовой посуде часто встречается растительная примесь к глиняному тесту. При обжиге эта примесь выгорала и тесто становилось пористым. И, нао-

борот, посуда, которая в силу значительной пористости и особенностей орнамента относилась нами к типу с растительной примесью, порой имеет в глине небольшую добавку асбеста. Особо следует упомянуть обломки плоскодонных асбестовых сосудов и фрагментов необычного плоскодонного миниатюрного сосудика из белой глины.

Сосуды различны и по орнаменту. Асбестовые (желтоватого или светло-коричневого цвета с толщиной стенок 0,4—0,9 *см*) орнаментированы в основном отпечатками зубчатого штампа. Внутренняя сторона некоторых сосудов заштрихована. Ямочно-зубчатая и керамика с растительной примесью (того же цвета, толщина стенок до 0,9 *см*) имеет орнамент из крупных глубоких ямок, чередующихся с горизонтальными рядами отпечатков наклонно поставленного разнообразного зубчатого штампа.

При анализе керамического материала стоянки обращает внимание преобладание сосудов с растительной примесью. По-видимому, появление их в данном районе связано с приходом сюда нового населения с востока или юго-востока, проникшего в низовье Выга незадолго до возникновения стоянки Залавруга I. Это пришлое население оказало значительное влияние на культуру местного населения. Так, керамика с растительной примесью распространяется здесь сравнительно широко и продолжает существовать длительное время наряду с местной. Можно думать, что с приходом нового населения и связан, видимо, упадок наскального искусства Беломорья.

Определить время существования рассматриваемого поселения помогает типологический анализ посуды и отчасти каменного инвентаря (наконечников стрел и т. д.), позволяющий отнести его ко второй половине и, возможно, к концу II тысячелетия до н. э. При датировке нами учитывалось и высотное положение стоянки.

Открытые петроглифы созданы до существования данного поселения, по-видимому, во второй-третьей четверти II тысячелетия до н. э., в эпоху позднего неолита и ранней бронзы. Тогда по краю о. Малинин тянулась широкая полоса обнаженных гранитных скал, на которых и были высечены рисунки. Через некоторое время в связи с поднятием уровня воды в реке они были затоплены и погребены под слоем речных осадков. После отступления воды старые берега острова вновь обнажились, но теперь они были покрыты слоем наносного речного песка, а спустя некоторое время заросли лесом. Место петроглифов оказалось удобным для поселения, которое вскоре здесь и возникло.

Для датировки петроглифов существенное значение приобретает вторая стоянка — Залавруга II, расположенная на 200 *м* юго-восточнее стоянки Залавруга I и на 3 *м* выше ее уровня. Судя по результатам разведочных раскопок, она имеет сезонный характер и относится к первой половине II тысячелетия до н. э. Стоянка Залавруга II помогает определить нижнюю хронологическую границу новой группы петроглифов, так как раньше ее появления петроглифы возникнуть не могли. Тогда уровень воды был значительно выше современного и заливал примыкающие к ней скалы.

В связи с датировкой новых петроглифов невольно напрашивается и другой вопрос: в каком отношении к ним и к поселению Залавруга I находится старая группа петроглифов Залавруги, расположенная совсем рядом, но на открытой прибрежной скале. Первоначально казалось, что стоянка и петроглифы одновременны. Однако в ходе дальнейших работ стало очевидным, что и эта группа — всего лишь часть (причем самая поздняя) открытых рисунков Залавруги. Она тоже была покрыта слоем песка, но много позднее, когда стоянка Залавруга I уже прекратила существование, была размыта протекшей по ней стремительной протокой.

Одним из главных достоинств новых рисунков является то, что для них исключена возможность позднейших дополнений и напластований,

так как вскоре после возникновения они были покрыты речными наносами. Таким образом, это памятник однослойный, существовавший относительно короткое время.

В изучении новых наскальных изображений наиболее сложным является вопрос об их смысловом содержании. Большинство исследователей считает ранее известные петроглифы Беломорья памятниками промысловой магии. Лишь одна сцена из старой Залавруги трактуется иногда как мемориальная, запечатлевшая враждебное столкновение лыжников с мореходами. Однако вряд ли такое толкование можно безоговорочно переносить на новые петроглифы. При их расшифровке необходимо принять во внимание наличие большого количества многофигурных композиций, высокое мастерство исполнения многих из них (в котором ярко выступает эстетическое начало), разнообразие рисунков, где образ зверя не является господствующим, а также то обстоятельство, что выбивались и использовались они в основном летом. Обращает внимание своеобразный способ построения композиций и в подаче одиночных изображений. Одной из ярких особенностей творческой манеры первобытных художников является соседство разнохарактерных рисунков: сцены морского промысла рядом с сухопутной охотой, лодка встречается рядом с лосем и т. д. Нередко в композиции входят условные символические фигуры, еще более подчеркивающие повествовательный характер «каменных картин». По-видимому, за рисунками скрываются какие-то мифы, предания, легенды, а сама Залавруга с многочисленными группами петроглифов служила племенным (или даже межплеменным) святилищем. Вполне вероятно, что последнее было теснейшим образом связано с поло-возрастными посвятительными обрядами (инициациями). Установлено, что эти обряды играли исключительно важную роль в жизни первобытных племен и составляют одну из наиболее ярких черт его общественного быта.

Если такое предположение верно, то появляется еще больше оснований видеть в рисунках Залавруги графическое воспроизведение отдельных «страниц» истории племени, подвигов его героев, обычаев, наиболее ярких событий из реального быта. Тем самым мы не отрицаем вовсе магической окраски в назначении памятника. Здесь, по-видимому, имели место разнообразные церемонии, призванные обеспечить изобилие промысловых зверей и птиц, удачу в реальной охоте и морском промысле, поклонения духам-хозяевам и т. д. Но вряд ли рисунки новой Залавруги созданы только ради этого.

Для того чтобы до конца выяснить содержание отдельных фигур и композиций, понять назначение святилища, частью которого они были, необходимо произвести их расшифровку. Благодаря реалистической манере передачи образов людей, животных и других объектов мы можем догадываться о содержании некоторых сцен (морской промысел, охота, враждебные столкновения). Однако не всегда с уверенностью можно сказать, идет ли речь о действительной охоте или о вымышленной, фантастической, где основные действующие лица не рядовые охотники, а герои и божества, а за земными лодками, зверями и т. д. скрываются необычные, сверхъестественные образы.

Нельзя не отметить, однако, что образов, наделенных сверхъестественными фантастическими чертами, аналогичных Онежским антропоморфным изображениям, здесь очень мало. Вряд ли это случайно и, по-видимому, доказывает, что за рисунками скрываются образы, тесно связанные с земной жизнью, с реальными жизненными впечатлениями. По-видимому, в новых петроглифах не отражается космогоническая тема (культ солнца, луны и т. д.).

Для раскрытия смысла рисунков нужно продолжить изучение этой эпохи по раскопкам древних поселений, глубже изучить быт и верования живых отсталых народов, с тем, чтобы в этнографическом материале найти действительные параллели петроглифам. Предметом тщательного изу-

чения должно стать богатое устное народное творчество северных народов, в котором сохранились отголоски древности. Но для выявления их должен быть проделан более тонкий анализ, чем это делалось ранее.

Изучением духовной жизни населения и его верований не ограничивается значение петроглифов. В них мы находим яркий источник для познания повседневной жизни древних людей: их материальной культуры, хозяйства, способов охоты и морского промысла, общественных отношений. На наш взгляд, петроглифы новой Залавруги довольно определенно намекают на зарождение патриархальных отношений. Не возникает сомнений в том, что большинство изображений воспроизводит бытовавшие в то время предметы — лодки, лыжи, луки и т. д., судить о которых мы можем только по изображениям на скалах. Петроглифы Беломорья являются единственным источником, который ярко подчеркивает большую роль морского промысла в жизни прибрежного населения. Неслучайно преобладают в новой Залавруге лодки преимущественно с экипажами. Эти изображения указывают на высокую технику судостроения, которая позволяла уже в конце каменного века приступить к освоению богатств Белого моря.

Новые рисунки отражают рост мастерства древних художников, что отчетливо видно при сравнении их с более ранней группой Бесовы Следки. Они стали более выразительны и несомненно доставляли определенное эстетическое наслаждение удивительной верностью натуре, хорошим знанием изображаемого предмета, способностью оттенить в нем наиболее характерные черты. Главным образом это относится к многофигурным композициям, в которых особенно ярко проявился художественный талант безвестных мастеров.

Новые петроглифы входят в общий круг памятников первобытного наскального искусства, получивших в древности широкое распространение. Они позволяют судить и о связях древнего населения на весьма обширных территориях, от Скандинавии до Сибири.

Эти рисунки помогают в воссоздании достоверной истории первобытного прошлого и в значительной мере оживляют ее, дают великолепный иллюстративный материал для изучения давно прошедшей эпохи, не знавшей еще письменности.

Работы по выявлению и полевому изучению новых групп петрогрифов еще не закончены. Для их завершения требуется до конца расчистить скалы на Залавруге, организовать дальнейшие поиски петроглифов в низовье р. Выг и на ближайших островах Белого моря (как на открытых скалах, так и на покрытых слоем почвы). Особенно перспективным для поисков рисунков представляется нам участок р. Выг между группой Бесовы Следки и Залавруга. Хотя расстояние это небольшое — не многим более километра, все оно заполнено большими и малыми гранитными островами, разделенными протоками. Прибрежные части их обрамляют широкие полосы обнаженных скал. На одном из таких островов — Ерпином Пудасе — еще экспедицией В. И. Равдоникаса были открыты две небольшие группы рисунков. Обследуя местность вокруг них, мы обнаружили на соседнем острове новую группу, в которой насчитывалось всего два рисунка (лодки с людьми). Такие находки свидетельствуют о широком распространении наскальных изображений в низовьях Выга.

Опыт, накопленный в полевой работе на Залавруге, с учетом опыта предыдущих исследователей позволяет организовать более широкие и целенаправленные поиски петроглифов в Карелии. Уже сейчас можно выделить некоторые наиболее перспективные для таких поисков районы. Непременным условием успешных разведок петроглифов является знание древней природной обстановки исследуемого района. Их нужно искать не на современных, а на древних береговых линиях. Так, в низовье р. Выг и на ближайших островах Белого моря их следует искать на высоте от 12 до 22 *м* над уровнем моря, т. е. значительно выше современной береговой

линии. Это связано с тем, что в эпоху создания беломорских петроглифов уровень Белого моря был на несколько метров выше современного.

Вслед за берегами и островами Белого моря следует обследовать берега Онежского и особенно Ладожского озер. Эти поиски потребуют много сил и времени, тем более, что никаких достоверных сведений о наличии рисунков в этих районах мы не имеем. Но теперь с большим основанием можно надеяться, что в Карелии будут найдены не только новые группы рисунков, но и новые районы их распространения. Открытие новых групп во многом облегчает и расшифровку петроглифов, ибо пока мы располагаем; по-видимому, лишь фрагментами этого рода искусства.

Значительно больше внимания должно быть обращено и на охрану наскальных изображений Карелии. Несмотря на существующие решения и некоторые практические меры, охрана их поставлена неудовлетворительно. Расположенные под открытым небом петроглифы постепенно стираются под воздействием воды, льда, ветра. Местами разрушается скальная поверхность. Непоправимый ущерб нанесли памятникам различные надписи и изображения, оставленные современными нам случайными, невежественными посетителями.

Для каждой группы Карельских петроглифов с учетом их особенностей должны быть предусмотрены и особые способы охраны. Так, петроглифы Бесовы Следки надежно защитит домик-павильон, строительство которого заканчивается. Для остальных групп петроглифов Карелии, в том числе и для найденных нами, необходимо использовать химические методы консервации скал с изображениями. Охрана наскальных изображений Карелии должна стать делом государственной важности.

Б. Я. СТАВИСКИЙ

О ДАТИРОВКЕ РАННИХ СЛОЕВ ТАЛИ-БАРЗУ

Небольшой холм Тали-Барзу, расположенный в 6 *км* к югу от Самарканда, в археологии Средней Азии занимает одно из наиболее важных мест. Он конкурирует даже с прославленным Афрасиабом, огромным городищем древнего Самарканда. Столь заметная роль Тали-Барзу объясняется тем, что в результате работ, произведенных в 1936—1940 гг. Г. В. Григорьевым, здесь были выявлены шесть культурных слоев, позволивших установить относительную хронологию «различных комплексов вещей, которые становятся руководящими при исследовании всех остальных городищ Согда» [1]. Иными словами, культурные слои позволили создать первую археологическую периодизацию согдийской культуры [2].

Относительная хронология археологических комплексов, установленная Г. В. Григорьевым на Тали-Барзу, действительно стала основой археологической периодизации Согда. Не вызвав возражений со стороны исследователей согдийской культуры, она прочно вошла в науку. Более того, на нее опираются в своих работах специалисты, изучающие историю, культуру и искусство не только соседних с Согдом древних среднеазиатских областей (Хорезм, Бактрия, Парфия, Чач, Фергана и др.), но и ряда сопредельных стран. Понятно, что от той или иной датировки материалов Тали-Барзу зависят многие важные историко-культурные заключения. Достаточно напомнить, что ошибочное определение дат четырех ранних слоев Тали-Барзу (ТБI — ТБIV) привело Г. В. Григорьева к искажению картины развития культуры и искусства Согда в течение почти целого тысячелетия (с первой половины или второй четверти I тысячелетия до н. э. по II в. н. э.), а принятие предложенной Г. В. Григорьевым датировки ранних материалов Тали-Барзу повело по неверному пути исследователей религии Согда (и иранских народов вообще) [3], согдийской палеографии [4] и даже хронологии Кушанского царства [5].

Ошибочность хронологических выкладок Г. В. Григорьева выяснилась довольно скоро. Уже в 1939 г., оценивая первые сообщения о работах на Тали-Барзу, А. И. Тереножкин высказал сомнения в правильности датировки талибарзинских материалов [6]. О том же в 1946 г. писал С. П. Толстов [7]. К 1948 г. в необходимости ревизии датировок ранних слоев Тали-

[1] Г. В. Григорьев. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 153.

[2] Г. В. Григорьев. Тали-Барзу. Археологическая разведка 1936 г. «СОНАТ», 1938, 2, 3; его же. Городище Тали-Барзу. Тр. ОВЭ, II, Л., 1940; его же. Поселения древнего Согда. КСИИМК, VI, 1940; его же. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КСИИМК, XII, 1946.

[3] К. В. Тревер. Гопат-шах — пастух-царь. Тр. ОВЭ, II, стр. 71—85.

[4] А. А. Фрейман. Древнейшая согдийская надпись. ВДИ, 1939, 3, стр. 135, 136.

[5] R. Ghirshman. Le problème de la chronologie des Kouchans. «Cahiers d'histoire mondiale», 1957, III, 3, стр. 692.

[6] А. И. Тереножкин. Литература по археологии в Узбекистане. ВДИ, 1939, 1, стр. 189.

[7] С. П. Толстов. К вопросу о датировке культуры Каунчи. ВДИ, 1946, 1, стр. 174.

Барзу никто уже, кажется, не сомневался[8]. Не ясны, однако, были размеры допущенных Г. В. Григорьевым ошибок. С. П. Толстов, например, относил ТБI — ТБIV не к первой половине I тысячелетия до н. э.— II в., как это делал Г. В. Григорьев, а к концу I тысячелетия до н. э.— первым векам нашей эры. Первыми веками до нашей эры склонны были датировать «самые ранние слои» Тали-Барзу Н. Н. Забелина и Л. И. Ремпель, а Т. Н. Книпович, специально исследовавшая материалы ТБII — ТБIV в фондах Самаркандского музея, определяла время их бытования как III в. до н. э.— первые века нашей эры. Все эти исследователи при ревизии датировок ранних слоев Тали-Барзу опирались в основном на аналогии в материалах Чача и Хорезма.

Более действенным был пересмотр периодизации согдийских материалов, предпринятый А. И. Тереножкиным, который осенью 1945 г. продолжил полевые исследования в самом Согде. Исследуя в течение нескольких лет обнажения культурных слоев и производя зачистки и шурфовки в разных местах Афрасиаба, А. И. Тереножкин предложил новую периодизацию согдийской культуры, обобщенную в его диссертационном сочинении[9]. А. И. Тереножкин датирует ТБI примерно на 500 лет позднее, чем Г. В. Григорьев, и заметно позднее, чем С. П. Толстов и Т. Н. Книпович. Основания для такой датировки следующие.

А. И. Тереножкин во время раскопок на Афрасиабе заметил, что слой с материалами типа ТБI стратиграфически следует за четвертым слоем Афрасиаба (АфрIV), который по аналогии с датированными монетами материалами из могильника Туп-Хона (в северной Бактрии) относится к рубежу «от II к I в. до н. э.». Это наблюдение по стратиграфии Афрасиаба, а равно и связи ТБI с «культурой Каунчи II в Чаче» позволили А. И. Тереножкину датировать самую раннюю «стадию» Тали-Барзу временем около рубежа нашей эры, а возможно, также и началом «кушанского периода» (этот период, по его периодизации, относится в Согде к I—IV вв.)[10].

А. И. Тереножкин отметил при этом предварительный характер предлагаемой датировки ТБI. Иными словами, категорически опровергнув отнесение ТБI ко времени ранее I в. до н. э., он из-за недостаточности данных отнюдь не настаивал на отнесении ТБI именно к рубежу н. э. По той же причине А. И. Тереножкин, датируя ТБIV временем после IV в., колебался в отнесении этого слоя к V — началу VI вв. («эфталитский период») или же к VI в. (начало «тюркского периода»). ТБII и ТБIII А. И. Тереножкин соответственно относил к I—IV вв.[11]

Новая археологическая периодизация согдийских материалов была принята практически всеми советскими исследователями Средней Азии, которые пользуются ею уже более 15 лет как при характеристике культуры и искусства древнего Согда, так и для определения датировки того или иного вновь открываемого археологического комплекса, а равно и для изучения культурных связей между Согдом и другими областями древней Средней Азии.

Между тем, предложенная А. И. Тереножкиным датировка четырех ранних слоев Тали-Барзу не претендовала на канонизацию. Напротив, А. И. Тереножкин, как мы уже знаем, сам указывал на предварительный ее характер, что и понятно, если учесть ограниченность известных в 1948 г. археологических материалов и некоторые бросавшиеся в глаза неувязки

---

[8] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, 4, стр. 128 сл.; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 86; Н. Н. Забелина, Л. И. Ремпель. Согдийский всадник. Ташкент, 1948, стр. 5; Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, XXVIII, 1949.

[9] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 153 сл.

[10] Там же, стр. 157, рис. 69.

[11] Там же, стр. 160.

новой периодизации. Основной из таких неувязок был слишком большой хронологический диапазон (более 600 лет) в датировке материалов ТБI — ТБIV, которые, по справедливому заключению ряда ученых, столь близки между собой, что период их существования нельзя растягивать на продолжительное время [12]. Действительно, достаточно сравнить такие характерные формы ТБI и ТБII, как вазы на ножке, или характерные для ТБII и ТБIII расписные сосуды, или, наконец, характерные для ТБIII и ТБIV чашевидные кубки и широкогорлые сосуды со сливом-рожком, чтобы увидеть, что все четыре ранних комплекса Тали-Барзу тесно связаны между собой. К тому же ни А. И. Тереножкину, ни кому-либо из последующих исследователей не удалось проследить непосредственную преемственную связь слоя ТБI с предшествующим ему, по периодизации А. И. Тереножкина, комплексом АфрIV.

Накопление новых, ставших известными за последнее десятилетие данных позволяет, как мне кажется, несколько уточнить периодизацию А. И. Тереножкина. Археологические работы в Согде подтвердили отнесение слоя ТБIV к V—VI вв. Этот слой, как справедливо отметил Б. И. Маршак, на всех известных ныне многослойных памятниках в долинах Зеравшана и Кашка-Дарьи — Тали-Барзу, Пенджикент, Кулдор-Тепе, Каджар-Тепе — подстилает слои VII—VIII вв. [13] К тому же в слоях с материалом типа ТБIV на городищах долины Кашка-Дарьи найдены монеты V—VI вв.: серебряная драхма — подражание чекану сасанидского царя Варахрана I (420—438 гг.) и медные монеты нахшебского чекана [14]. Верхняя граница датировки всей совокупности слоев ТБI — ТБIV, предложенная А. И. Тереножкиным, получила, таким образом, новое подтверждение. Сокращение широты хронологического диапазона для ТБI — ТБIV возможно, следовательно, лишь за счет омоложения дат ТБI — ТБIII.

В том, что такое омоложение не только вероятно, но и необходимо, можно убедиться, рассмотрев материалы из слоя ТБII в свете тех данных, которыми располагает ныне наша наука. Дело в том, что наряду с элементами, говорящими о несомненной тесной связи ТБI с ТБII (например, уже упоминаемые выше вазы на ножках), в керамике ТБII четко выделяются новые и к тому же чужеродные для Согда черты. Я имею в виду неожиданное появление здесь сосудов с расписными переплетающимися кругами или лентами. Все то, что известно ныне о керамике и традициях ее производства в Согде вплоть до времени ТБI, говорит об отсутствии здесь обычая расписывать какие-либо глиняные сосуды, и тот путь, который привел к возникновению росписи, засвидетельствованной в комплексе ТБII, прослеживается не в Согде, а на северо-западе Средней Азии — в Хорезме.

Обычай украшать глиняные сосуды расписным орнаментом существовал в Хорезме в течение многих столетий. Начало его видно уже в материалах V в. до н. э. в расписных хумах и хумчах из верхнего культурного слоя Кюзели-Гыр и из поселения близ Дингильдже. Роспись этих сосудов наносилась на стенки и плечики и имела характер кривых линий и поясков [15]. В последующий, так называемый кангюйский период (IV в. до н. э.— I в. н. э.) на смену кривым линиям приходят спиралевидные знаки, украшавшие уже не только хумы и хумчи, но и кувшины [16].

---

[12] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 75; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 86.

[13] Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. МИА, 124, 1964, стр. 241.

[14] К. Кабанов. Нахшебские монеты V—VI вв. ВДИ, 1961, 1. Датировка местных монет, даваемая С. К. Кабановым с 480 по 563—567 гг., остается, правда, спорной.

[15] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. Тр. ХЭ, IV, М., 1959, стр. 74, 76, 77, 180.

[16] Там же, стр. 92—95, 99—102, 125—128, 131, 180, 189—191.

И, наконец, в кушанский период (С. П. Толстов и его сотрудники в применении к Хорезму датируют его I — началом IV вв.) гончары Хорезма полностью переносят обычай расписывать глиняные сосуды с хозяйственных видов посуды на столовую: вместо хумов и хумчей теперь роспись украшает кувшины и кувшиновидные сосуды, горшки и кружки [17]. К концу этого периода получает распространение генетически связанная со спиралевидным орнаментом ленточная роспись в виде соединяющихся между собой трех или четырех кругов, сочетающаяся с закрашиванием наружной стороны ручки, т. е. как раз та разновидность ленточной росписи, с которой мы столкнулись в слое ТБII.

Среди хорезмийских сосудов такого рода для нас особенно интересна найденная в Куня-Уазе кружка с вертикальной ручкой, аналогичная, как это отметила М. Г. Воробьева, кружке с росписью в виде переплетающихся лент и расписной полосой по наружной стороне ручки из второго слоя Тали-Барзу [18]. Эта кружка, равно как и другие сосуды с ленточной росписью из слоя ТБII, могла появиться лишь в результате воздействия на керамику Согда хорезмийской гончарной традиции и, следовательно, датируется тем же или, что вернее, несколько более поздним временем, чем аналогичные ей хорезмийские сосуды. Верхняя граница бытования в Хорезме сосудов такого рода определяется находками в одном с ними культурном слое монет сасанидского царя Шапура I (241—272 гг.) [19]. Нижняя граница комплекса пока не ясна, так как хорезмийские памятники III в. изучены еще слабо. Но в любом случае помещать ее во II в. не представляется возможным, так как в памятниках этого времени подобная керамика не встречается [20]. Согдийские сосуды с переплетающимся ленточным узором мы вправе, таким образом, датировать временем не ранее III в., причем скорее с середины и второй половины, чем с начала этого столетия.

Чем объясняется хорезмийское воздействие на керамику Согда именно в это время, сказать пока что трудно. Во всяком случае, показательно, что во время, близкое к существованию комплекса ТБII, в культуре Согда прослеживается довольно ясно воздействие традиций среднеазиатского севера вообще. Так, еще Г. В. Григорьев отмечал находку в слое ТБI продолговатой очажной глиняной подставки, украшенной головами баранов, связывая ее с аналогичными подставками из культуры Каунчи в Чаче [21]. С северными веяниями следует связывать и найденные А. И. Тереножкиным в 1948 г. на Афрасиабе, в слое с материалом типа ТБI, две зооморфные ручки от небольших глиняных сосудов [22]. Широкое распространение таких зооморфных ручек, как известно, характерно для той же культуры Каунчи.

Интересно, что глиняная кринка с ручкой в виде барана была найдена в 1939 г. и на Тали-Барзу в самом низу раскопа 2-г на материке под слоем ТБIII. Эта кринка относится, вероятно, к начальному этапу ТБIII, так как она украшена росписью, характерной именно для этого слоя: узором в виде отдельных кругов, сменившим орнаментальные переплетающиеся ленты сосудов типа ТБII [23].

---

[17] Там же, стр. 151, 158, 162, 164, 169.

[18] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, стр. 93, рис. 3, *а*; М. Г. Воробьева. Ук. соч., стр. 166.

[19] Там же, стр. 157; Е. Е. Неразик. Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г. Тр. ХЭ, II, М., 1958, стр. 388.

[20] Характеристику керамики II в. см.: М. Г. Воробьева. Ук. соч., стр. 145 сл.

[21] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, стр. 88, рис. 3. Г. В. Григорьев исходил из ошибочной датировки культуры Каунчи.

[22] А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиабе. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 140.

[23] А. Ю. Якубовский. Краткий полевой отчет о работах Зеравшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. Тр. ОВЭ, II, стр. 68. Он относил его к слою ТБII. Первое воспроизведение этого сосуда см. Ю. А. Заднепровский,

В связи с рассматриваемым вопросом отметим также совместную находку глиняной очажной подставки каунчинского типа и сосуда с зооморфной ручкой в слое III—IV вв. Джангаль-Тепе (Южный Согд, долина Кашка-Дарьи) [24].

Находки зооморфных ручек в слоях с материалами ТБI и ТБIII в сочетании с находками в Джангаль-Тепе являются еще одним подтверждением известной хронологической компактности слоев ТБI — ТБIII.

Установив, что археологический комплекс ТБII относится не к I—II вв., а ко времени не ранее III в., и скорее всего его середины, мы тем самым сдвигаем к этому времени и верхнюю границу существования комплекса ТБI. Слой же ТБIII зажимается между верхней границей ТБII и началом ТБIV, т. е. между концом III и V вв., а весь период существования комплексов ТБI — ТБIII сокращается примерно до двух столетий (таблица).

В связи с омоложением дат ранних слоев Тали-Барзу невольно встает вопрос об археологических комплексах Согда кушанского периода.

Если принять предлагаемую в данной статье хронологию ранних слоев Тали-Барзу, то в периодизации согдийских археологических материалов А. И. Тереножкина образуется пробел, приходящийся как раз на значительную часть кушанского периода. Объясняется это, как мне кажется, тем, что ограниченные по своим размерам исследования А. И. Тереножкина на Афрасиабе, равно как и раскопки Г. В. Григорьева на Тали-Барзу, отнюдь не охватили, да и не могли, конечно, охватить все периоды и этапы развития материальной культуры Согда или же осветить все такие периоды и этапы с одинаковой полнотой. Поэтому вполне закономерно, что среди материала, добытого в Согде за последние 15 лет, есть немало форм, не отраженных в таблице А. И. Тереножкина. В ней отсутствуют многие сосуды, найденные на присамаркандских памятниках и относящиеся к рассматриваемому периоду (не говоря уже о таких более отдаленных от Самарканда районах Согда, как Бухарский оазис или долина Кашка-Дарьи). Таковы, например, найденные в могильнике у сел. Суджина (к востоку от Пенджикента, примерно в 75 *км* от Самарканда) [25] разновидности бокалов на ножке, в частности удлиненные бокалы с утонченной нижней частью корпуса и плавным переходом к ножке, аналогичные найденным в Балхе и в Южном Согде, в долине Кашка-Дарьи [26]. Не засвидетельствованы в материалах Г. В. Григорьева и А. И. Тереножкина и такие изделия, как найденные при раскопках городища Кулдор-Тепе (в 35 *км* к юго-востоку от Самарканда) красноангобированные сосуды с характерным сетчатым лощением, известные и на севере (Хорезм), и на юге (Бактрия); сосуды с кольцевым поддоном; отдельные разновидности бокалов на ножке; плоскодонный горшок с широким устьем, аналогичный найденному С. К. Кабановым на Дагай-Тепе (долина Кашка-Дарьи) [27].

Более того, насколько позволяет судить сообщение С. К. Кабанова, в результате раскопок последних лет на Афрасиабе [28] его исследователям

Б. Я. Ставиский. Кушанское царство. В кн. «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР». М., 1956, стр. 544, рис. 4.

[24] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории южного Согда в III—VI вв. СА, 1963, 1, стр. 222, рис. 3, *1*, *2*.

[25] Материалы из раскопок могильника в 1961 г. готовятся к печати. Краткую информацию о нем см.: Е. В. Зеймаль. Кубок из погребения в Суджине. Тр. ИИ АН ТаджССР, XXVII, 1961; Б. Я. Ставиский. Работы Магианской группы в 1961 г., Тр. ИИ АН ТаджССР, XLII, 1964.

[26] С. К. Кабанов. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе. ИМКУ, 3, Ташкент, 1962, стр. 48, рис. 4.

[27] Б. Я. Ставиский. Раскопки городища Кулдор-Тепе в 1956—1957 гг. СА, 1960, 4, стр. 119, рис. 6.

[28] Работы на Афрасиабе возобновила с 1958 г. экспедиция Института истории и археологии АН УзССР во главе с В. А. Шишкиным. Материалы раскопок еще не изданы. Краткую информацию см.: В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая

Датировка ранних слоев Тали-Барзу

Слои	По Г. В. Григорьеву	По С. П. Толстову	По Т. Н. Книпович	По Н. Н. Забелиной и Л. И. Ремпелю	По А. И. Тереножкину	По Б. Я. Ставискому
ТБ IV	I в. до н. э. — II в. н. э.	III в. до н. э. — II в. н. э.	Первые века н. э.	—	V—VI вв.	V—VI вв.
ТБ III	III—II вв. до н. э.	III в. до н. э. — II в. н. э.	I в. до н. э.	—	I—IV вв.	Конец III—IV в.
ТБ II	V—IV вв. до н. э.	III в. до н. э. — II в. н. э.	III—II вв. до н. э.	Первые века до нашей эры	I—IV вв.	Вторая половина III в.
ТБ-I	VI—V вв. до н. э.	III в. до н. э. — II в. н. э.	—	Первые века до н. э.	Рубеж нашей эры	Конец II (?) — первая половина III в.

удается выделить из состава комплекса АфрIV, датированного А. И. Тереножкиным II—I вв. до н. э., ряд форм сосудов, относящихся к более позднему времени (по мнению С. К. Кабанова, к I—III вв.) [29].

Таким образом, пробел, который образуется в периодизации согдийской культуры в результате передатировки слоев ТБI — ТБIII, в ближайшее время, по-видимому, можно уже будет заполнить. Весьма показательно, что даже те отрывочные сведения, которыми мы сейчас располагаем, свидетельствуют о большей, чем это казалось ранее, связи Согда кушанского периода с другими областями Средней Азии и, в частности, с первоначальным центром и основным ядром Кушанского государства — древней Бактрией.

экспедиция АН УзССР (Полевые работы 1956—1959 гг.). ИМКУ, 2, Ташкент, 1961. стр. 36—43; его же. Полевые работы Узбекистанской археологической экспедиции в 1960 г. Там же, 3, 1962, стр. 9—12; его же. Узбекистанская археологическая экспедиция 1961 г. Там же, 4, 1963, стр. 11—18.

[29] С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, 3, стр. 86.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

ДЖУНСКИЙ МОГИЛЬНИК И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАНГЮЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Научные раскопки среднеазиатских могильников проводятся более 30 лет. Накоплен огромный материал, но его анализ и систематизация еще недостаточны. Детальная хронологическая классификация по-существу еще отсутствует.

Одним из «эталонов» при определении хронологии среднеазиатских курганов часто служит Джунский могильник, находящийся западнее г. Янги-Юль, где вдоль правого берега арыка Джун насчитывается около тысячи курганов. Г. В. Григорьев, при участии М. Э. Воронца и Т. Г. Оболдуевой, раскопал здесь в 1937—1939 гг. 13 курганов [1].

Г. В. Григорьев первоначально рассматривал катакомбные погребения Джунского могильника, как «курганы кочевников-тюрков», а затем, он же датировал их значительно более ранним временем — I—III вв. [2] М. Э. Воронец и специально изучавшая этот памятник Т. Г. Оболдуева датировали катакомбы Джуна III—IV вв. [3], а А. И. Тереножкин — II—IV вв. [4] Недавно О. В. Обельченко датировал железный меч из кургана № 7 Джунского могильника рубежом н. э., а зеркало из того же кургана — I—II вв. [5]

Материал из Джунского могильника частично сохранился в Ташкентском и Самаркандском музеях, некоторые предметы из их коллекций могут помочь в уточнении даты катакомбных захоронений этого могильника.

Для Джунского могильника характерны двулезвийные мечи без металлического перекрестия со штангообразной рукоятью и «пуговицевидным» навершием. Такие мечи найдены в Средней Азии в Карабулакском, Акджартепинском и других могильниках [6]. Мечи этого типа, как известно, появляются в сарматских комплексах IV в. до н. э., встречаются в среднесарматское время и становятся господствующими в позднесарматскую эпоху [7]. Меч и кинжал описанного типа найдены, в частности, в кургане № 3 Бис-Оба (Южное Приуралье), который твердо датируется кон-

---

[1] М. Э. Воронец. Археологические исследования 1937—1938 гг. в УзССР. ВДИ, 1940, 3—4, стр. 335—337, рис. 13—15; Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении (к истории культуры древних саков). ИАН КазССР, 46, сер. археолог., 1, Алма-Ата, 1948, стр. 59, 60.

[2] Г. В. Григорьев. Самаркандская экспедиция. КСИИМК, I, 1939, стр. 34; Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 59.

[3] М. Э. Воронец. Ук. соч., стр. 337; Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культуры в Ташкентской области. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 102.

[4] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 159.

[5] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник. ИМКУ, 2, Ташкент, 1961, стр. 135; его же. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника. КСИА АН СССР, 91, 1962, стр. 48.

[6] Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. ИАН КиргССР, сер. обществ. наук, III, Фрунзе, 1961, стр. 63, рис. 13; О. В. Обельченко. Могильник Акджар-Тепе. ИМКУ, 3, Ташкент, 1962, стр. 65—66.

[7] М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1959, 1, стр. 61.

цом III — началом IV в.[8] В среднеазиатских комплексах такие мечи пока известны в I—IV вв. Изучение кушанских монет показывает, что кинжалы или короткие мечи, изображенные на монетах Вимы Кадфиза и Канишки, заменяются на части монет Хувишки (III в.) длинными мечами размером больше половины стоящей человеческой фигуры[9].

В кургане № 7 Джунского могильника найдено бронзовое зеркало с выпуклиной в центре и с ручкой (боковым шипом). Зеркало это хранится в Ташкентском музее, очень сильно коррозировано, и валик, о котором писал Г. В. Григорьев, не прослеживается; по-видимому, его не было[10].

Сарматские и более западные зеркала вышеуказанного типа (т. е. с короткой боковой ручкой, бортиком и выпуклиной-шишечкой в центре), который мы предлагаем именовать «бактрийским», Н. Рау датировал концом I в. до н. э.— II в. н. э. Такой же датировки придерживается Т. Н. Книпович. В. П. Шилов считает возможным датировать их I в., а М. П. Абрамова — I—II вв.[11] Последнюю дату признает и А. М. Хазанов[12]. Однако отдельные экземпляры таких зеркал, как показывает 3-й Шиповский курган[13], могли существовать в быту вплоть до IV в. В Индии этот тип зеркал, часто с волнистым бортиком, датируется по находкам на Сиркапе I в. до н. э.— I в. н. э.[14] Наиболее ранние экземпляры таких зеркал найдены М. М. Дьяконовым и нами в Туп-хоне[15]. Кажется вероятным, что зеркала этого типа возникли в Бактрии во II в. до н. э.[16], а затем, продолжая существовать в Средней Азии, распространились на юг — в Индию, и на запад — в Поволжье. В Средней Азии они продолжали существовать до II—III вв., но на последнем этапе иногда утрачивали один из своих характерных признаков — рельефный бортик.

В одном из курганов Джунского могильника были найдены железные вытянутые трехперые наконечники стрел треугольной формы; у двух стрел шипы на концах; у третьей (несколько более удлиненной) нижний край лопасти перпендикулярен стержню[17]. Среди наконечников стрел из Джунского могильника имеется трехперый черешковый наконечник переходной формы от наконечников с прямоугольным к наконечникам с тупоугольным основанием.

Наконечники с опущенными шипами могут датироваться в пределах I в. до н. э.— III в. н. э.; наконечник с основанием, переходным к тупоугольному,— скорее всего II—III вв.[18]

Особое значение для датировки Джунского могильника имеет бронзовая фибула из кургана 7. Г. В. Григорьев называл ее арбалетообразной

---

[8] К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 86, рис. 30, *1, 2*.

[9] R. Göbl. Die Münzprägung der Kušān von Vima Kadphises bis Bahram IV. В кн.: F. Altheim und R. Shihl. Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt am Main, 1957. табл. 8, *176*; 9, *199* и др. Однако на известной скульптуре (Матхура) Канишка изображен уже с длинным мечом.

[10] Г. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 60, рис. 124.

[11] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, стр. 92; Т. Н. Книпович. Танаис. М.— Л., 1949, стр. 57; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 466; М. П. Абрамова. Ук. соч., стр. 65.

[12] А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 64.

[13] T. M. Minajewa. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo. ESA, IV, 1929, рис. 18.

[14] J. Marshall. Taxila. I, Cambridge, 1951, стр. 169, 170, 188, 189, 214—216; II, стр. 584, 585.

[15] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, 15, 1950, стр. 170, табл. 84, *1*.

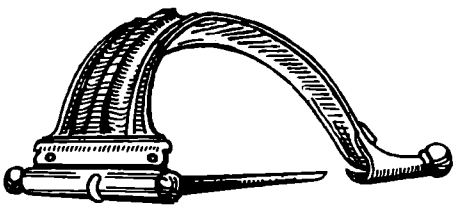
[16] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 17.

[17] Т. Г. Оболдуева. Отчет о раскопках курганов близ города Янги-Юля. 1937 (Рукопись в Комитете охраны памятников при Совете Министров УзССР, л. 7).

[18] В Афганистане наконечники с тупоугольным основанием появляются в период Беграм III (III — середина IV в.). R. Ghirshman. Begram. MDAFA, XII, 1946, табл. XLVIII, B. G. 559 *в*; Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, 2, стр. 80, 84.

фибулой и считал импортированной с Северного Кавказа или Керченского полуострова [19]. Описания предмета он не привел, а рисунок был крайне схематическим и неясным. Поэтому мы считаем нужным издать ее в новой зарисовке (рис. 1).

Это несомненно фибула типа Aucissa вариант без надписи. Много фибул этого типа встречено на территории древней Паннонии, значительно меньше в Югославии, Италии и в Северной Европе. Судя по венгерским комплексам, фибулы типа Aucissa были наиболее распространены во второй половине I в.[20] По мнению Г. Беренса, время изготовления фибул типа Aucissa, наиболее раннего варианта шарнирных фибул в Западной Европе, первая половина I в.[21]



Бронзовая фибула из кургана 7 Джунского могильника

Значительное количество фибул типа Aucissa найдено в Восточной Европе: в Причерноморье, на Кавказе и даже в Московской области[22].

Полная сводка находок этих фибул на территории СССР опубликована в капитальной работе А. К. Амброз (рассматриваемая нами фибула не учтена). А. К. Амброз на основании исследования комплексов считает, что на юге европейской территории СССР эти фибулы бытовали в I в.[23] Мы ранее полагали, что наиболее позднюю дату для них дает находка фибул из раскопок Ю. А. Кулаковского в Керчи в 1894 г. Публикуя материал из погребений, Ю. А. Кулаковский указал на находки четырех фибул и воспроизвел одну фибулу типа Aucissa. Дата некрополя — вторая половина III в.[24] По-видимому, именно об этой фибуле А. К. Амброз пишет, что она найдена «вне могил» и ошибочно отнесена Ю. А. Кулаковским к инвентарю погребений[25]. Это, разумеется, меняет дело.

На востоке эти фибулы доходили и до Западной Сибири[26]. Наконец, фибулы типа Aucissa встречены в Малой Азии[27] и на территории Западной Парфии. Для Дура-Европос Н. Толль описывает 13 таких фибул; по его мнению, они туда были занесены римскими солдатами, хотя Н. Толль допускает мысль, что изданные им фибулы — местная имитация II в. Из-

---

[19] Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 60, рис. 121.

[20] J. Kovrig. Die Haupttypen der kaiserzeitilichen Fibeln in Pannonien. Budapest, 1957, стр. 115, 116, табл. IV, *28—39*; XX, *1, 2, 5—12*; XXIII, *1*; M. Párducz. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. I, Budapest, 1941, стр. 68, табл. X, *1a, b, c*; XIV, *6a*; E. V. Patek. Verbreitung und Herkunft der römischen Fibeltypen in Pannonien. Budapest, 1942, стр. 105—109, табл. V, *1—13*.

[21] G. Behrens. Römische Fibeln mit Jnschrift. Reinecke Festschrift Mainz, 1950, стр. 7, 8; его же. Zur Typologie und Technik der provinzialrömischen Fibeln. Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. I, Mainz, 1954, стр. 228, табл. 7, *1—3*.

[22] М. Ростовцев. Бронзовые фибулы с надписями из Донской области. ИАК, 65, 1918, стр. 22—24; С. М. Казиев, Г. М. Асланов. О двух кувшинных погребениях. «Материальная культура Азербайджана», II, Баку, 1951, табл. 1, *4*; А. И. Фурманьска. Фібули з раскопок Ольвії. «Археология», VIII, Київ, 1953, стр. 81, табл. VII, *10—12*; Э. А. Сымонович. Фибула с Нижнего Днепра с надписью. КСИА, АН СССР, 89, 1962, стр. 101, 102.

[23] А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 26, 27.

[24] ОАК за 1894 г., стр. 90, рис. 154.

[25] А. К. Амброз. Фибулы..., стр. 26.

[26] ОАК за 1895 г., стр. 42, рис. 85; O. Almgren. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte..., Leipzig, 1923, стр. 109, прим. 4; Материал из курганного комплекса, в который входила фибула, был переиздан Бела Поста, который датировал его I—III вв. Béla Posta. Archaeologische Studien auf russischen Boden. II, Budapest — Leipzig, 1905, стр. 405, 408, 412, рис. 435.

[27] W. Dörpfeld. Troja und Jlion. I, Athen, 1902, стр. 415, рис. 436, 437; G. Behrens. Römische Fibeln mit Jnschrift, стр. 7.

готовление таких фибул, но без надписи, могло в этом городе продолжаться, как он считает, и в III в.[28]

Вышеуказанные материалы показывают, что джунская фибула типа Aucissa могла проникнуть в Среднюю Азию из Восточной Европы или даже из Венгрии через сарматские степи. Возможен путь и через Восточную Парфию и через Индию[29]. В джунский могильный комплекс эта фибула могла попасть в конце I — начале III в. Именно этим временем, скорее всего II—III вв., на наш взгляд, следует датировать Джунский могильник и представленную им культуру, так как весь комплекс находок, включая керамику, относится к этим столетиям.

М. Э. Воронец изучил другой могильник в Ташкентской области у ст. Вревской и датировал катакомбы его I—II вв.[30] Анализ материала показывает, что наряду с погребениями первых веков нашей эры в этом могильнике есть погребения, относящиеся к середине I тысячелетия (например, курган № 4). Они представляют более поздний этап развития культуры в Ташкентской области.

По-видимому, ареал племен этой культуры, которую, учитывая сохранение и доминирование каунчинских традиций, следует называть «каунчинско-джунской», выходил за пределы Ташкентской области[31]. Об этом свидетельствуют материалы из могильника Шашукум-тобе (Южно-Казахстанская область), раскопанного А. Г. Максимовой. Материалы одной из групп курганов этого могильника обнаруживают большую близость к Джунскому могильнику[32]. То же самое можно сказать и о могильнике Акджар-Тепе (Самаркандская область, близ Чилека), катакомбы которого О. В. Обельченко[33] правильно относит ко II—III вв., но в связи со своими взглядами на датировку Джунского могильника не сопоставляет с джунскими, хотя аналогии, а порой и совпадения в ритуале и инвентаре — бесспорны. Можно говорить о том, что племена этой культуры занимали не только среднее течение Сыр-Дарьи, но, по-видимому, и часть долины Зеравшана.

Итак, «каунчинско-джунская» культура отнюдь не является узколокальным явлением, связанным лишь с Ташкентским оазисом. Ареал ее пока не может быть установлен с полной определенностью, но он включает прежде всего все среднее течение Сыр-Дарьи[34]. Наряду с памятниками Ташкентского оазиса сюда безусловно должны быть включены памятники Чордары и ряд других. Как показывает изучение керамики и других материалов из западной группы курумов[35], в западной оконечности север-

---

[28] N. P. Toll. Fibulae. The Excavations at Dura-Europos. IV, 4. New Haven, 1949, стр. 45, 47—49.

[29] M. Wheeler. Rome beyond the Imperial Frontiers, 1955, стр. 158, сл.

[30] М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г. Тр. МИ, 1, Ташкент, 1951, стр. 54.

[31] Вопроса о датировке культуры, названной Г. В. Григорьевым «Каунчи II», мы здесь не касаемся. Отметим лишь, что, по нашему мнению, она существовала до V — начала VI в.

[32] А. Г. Максимова любезно ознакомила нас с этими еще не опубликованными материалами, за что приносим ей глубокую благодарность. Информация об этих раскопках: К. А. Акишев. Археологическая наука в Казахстане. Сб.: «Наука советского Казахстана 1920—1960». Алма-Ата, 1960, стр. 385; его же. Некоторые научные итоги полевых работ 1960 г. ИАН КазССР, сер. истор., археолог. и этногр., 2 (16), Алма-Ата, 1961, стр. 80.

[33] О. В. Обельченко. Могильник Акджар-Тепе. ИМКУ, 3, Ташкент, 1962.

[34] Ценную археологическую карту памятников этого района, не совсем точно названную картой «основного ареала культуры Каунчи», см.: М. С. Мерщиев. К вопросу о генезисе оседлых поселений (на материалах городища Ак-Тобе I). ИАН КазССР, сер. обществ. наук, 1965, 3, стр. 67, рис. 1.

[35] Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах. Тр. АН ТаджССР, 63, 1956; его же. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области. Тр. АН ТаджССР, 102, 1959.

ной Ферганы также располагались памятники этой культуры. В Согде, во всяком случае в самаркандской его части, мы встречаемся с памятниками, аналогичными джунским, но это результат расширения основного ареала. Говоря о памятниках, мы имеем в виду как могильники, так и оседлые поселения и, в частности, замки. Для материалов из могильников характерны очень четкие связи с сарматским кругом памятников. На позднем этапе получают значительное распространение наземные камеры с коллективными захоронениями. В целом могильники «каунчинско-джунской» культуры четко отличаются от синхронных ферганских и позднеусуньских на Тянь-Шане.

Здесь следует обратить особое внимание на наличие в каунчинско-джунской и сарматской культурах одинаковых зооморфных ручек в виде барана. Существующие объяснения значения этих ручек, по нашему мнению, неудовлетворительны. Я считаю, что эти ручки надо связывать с верованиями, генетически восходящими к древнеиранскому представлению о hvarnah [36]. Этот hvarnah, судя по разновременным текстам и иконографическим материалам, олицетворялся в виде хищной птицы, барана или антропоморфной фигуры. По-видимому, распространение образа хищной птицы (или ее частей) в скифском и сакском искусстве связано с этим кругом верований. У носителей каунчинско-джунской культуры (-кангюйцев) и у культурно связанных с ними сарматов hvarnah выступал в облике барана и был популярным домашним божеством. Исходя из имеющихся сообщений письменных источников об ипостасях hvarnah, эти ручки воспринимались как: 1) обеспечивающие изобилие (одно из основных значений hvarnah); 2) гарантирующие здоровье; 3) защита от всяких устремлений злых сил. К тому же в текстах прослеживается и несомненная связь hvarnah с водой, что вполне согласуется с основным назначением большинства сосудов с зооморфными ручками. Более того, привлекая и данные сарматской ономастики, можно говорить о наличии у кангюйцев и сарматов божества родственного, но не тождественного согдийскому Фарну, бактрийскому Фарро и т. д.

В области распространения каунчинско-джунской культуры исследован и ряд оседлых поселений. Строительное дело стояло на уровне лучших достижений своего времени и развивалось, по-видимому, под сильным влиянием согдийской и хорезмской архитектурных школ. К позднему этапу (III—VII вв.) относится ряд сильно укрепленных замков — очевидно политических центров соответствующих районов. Характерно, что материал из этих поселений, в частности, керамический, аналогичен материалу из могильников [37]. По-видимому, можно говорить о культурном а, может быть, и этническом единстве населения, оставившего эти две категории памятников. Чем объяснить появление единства культуры на такой большой территории? По-видимому, истоки этой близости кроются в очень древних этногенетических (и политических) связях племен, населявших область среднего течения Сырь-Дарьи. Эти связи четко прослеживаются для эпохи бронзы, когда Западная Фергана, Ташкентский оазис и соседние районы входили в область распространения кайрак-кумской культуры [38]. Позже на этой территории жили «саки, которые за Согдом» [39]. Наконец, в эпоху являющуюся предметом нашего исследования, это были земли Кангюя.

[36] H. W. Bailey. Zoroastrian Problems in the Ninth Century Books. Oxfrod, 1943.

[37] Это отмечено Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевич для районов Южного Казахстана. Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, V, Алма-Ата, 1958, стр. 177; М. С. Мерщиев. Ук. соч. Это бесспорно и для собственного Ташкентского оазиса и для Аштского района.

[38] Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, стр. 288.

[39] Б. А. Литвинский. Саки, которые за Согдом. Тр. АН ТаджССР, СХХ, Душанбе, 1960.

Существует много попыток локализации территории Кангюя[40]. Имеются превосходные исследования истории Кангюя[41], но по большинству основных вопросов существуют несовпадающие, а иногда взаимно исключающие точки зрения. В данной связи нет смысла анализировать кангюйскую проблему в целом. Ниже мы остановимся лишь на тех ее сторонах, которые представляют интерес для нашей темы.

Для II в. до н. э. имеется важное сообщение о Кангюе: «это государство является соседом Давань»[42]. Характерно, что в фергано-китайской войне 101 г. до н. э. кангюйцы пришли на помощь ферганцам[43], что косвенно подтверждает упомянутое сообщение. Сведения о соседстве Давани с Кангюем были повторены и в «Истории династии Цзинь» (265—420 гг.)[44]. Для более позднего времени мы такими сведениями не располагаем. Известно лишь, что еще около середины V в. Кангюй (?) отправлял посланника в Китай[45], но во второй половине этого столетия или начале следующего вошел в состав эфталитского государства[46].

Мак-Говерн считает, что последнее посольство правителем Кангюя было отправлено в 270 г. и указывает, что в китайских источниках есть данные, что позже начался период распада, на большое количество отдельных и самостоятельных владений, каждое из которых имело самостоятельного правителя, но все считали себя происходящими от юэчжийской знати[47]. Приведенные выше данные о более позднем посольстве, быть может, свидетельствуют о каких-то попытках объединения в первой половине V в., вскоре, однако, прерванных включением в состав эфталитской державы.

Во всяком случае, из письменных источников вытекает факт существования Кангюя — то в виде могущественного государственного образования, то в виде группы мелких владений, со II в. до н. э. до V в. н. э. Бесспорно также, что как бы не решался вопрос о северо-западных пределах Кангюя, центральное ядро его составляли племена средней Сыр-Дарьи, а на юго-востоке Кангюй граничил с Ферганой. Из письменных источников также следует, что Согд около рубежа нашей эры входил в состав Кангюя или подчинялся ему[48], причем, как считают некоторые исследователи, Кангюй распространил свою власть на Согд, «двигаясь в кильватере» за юэчжами[49]. В. Тарн полагает, что Кангюй занял «Западную Согдиану»[50].

Данных об этническом происхождении кангюйцев[51] очень мало. Во II в. до н. э. источники отмечают, что кангюй «в обыкновениях совершен-

[40] R. N. Frye. Tarxūn-türxūn and Gentral Asian History. HJAS, 14, 1951, 1—2, стр. 125—127; Г. А. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. II, Л., 1926, стр. 7—9.

[41] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 20—26; А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. ИАН КазССР, 67, сер. археолог., 2, Алма-Ата, 1949, стр. 90—98; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 161—179; История таджикского народа. I, М., 1963, стр. 347—349.

[42] Н. В. Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 105; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. II, М.— Л., 1950, стр. 150: «Кангюй смежен с Даванию»; J. J. M. de Groot. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. II, Berlin und Leipzig, 1920, стр. 15.

[43] Н. Я. Бичурин. Ук. соч., II, стр. 165; Н. В. Кюнер. Ук. соч., стр. 127.

[44] Н. В. Кюнер, стр. 131.

[45] Н. В. Кюнер, стр. 179.

[46] Н. Я. Бичурин. Ук. соч., II, стр. 269; С. Г. Кляшторный. Ук. соч., стр. 174.

[47] W. M. Mc Govern. The Early Empiries of Gentral Asia. New York, 1939, стр. 400.

[48] Н. Я. Бичурин. Ук. соч., II, стр. 186.

[49] W. M. Mc Govern. The Early Empiries..., стр. 134; J. Marquart. Erānšahr, nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. AGWG, III, 2. Berlin, 1901, стр. 205.

[50] W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and Jndia. Cambridge, 1951, стр. 307.

[51] Следует иметь в виду, что древнекитайское звучание термина «кангюй» было *k'ân-kio: G. Haloun. Zur üe-tsi-Frage. ZDMG. Нов. сер., 16, 1937, стр. 249, примеч.

но сходствуют с юечжысцами», причем на юге они одно время подчинились юэчжам [52].

Позже в хрониках появляется сообщение о том, что «обыкновения и одеяния» кангюйцев «совершенно сходствуют» с Яньцай, который был в зависимости от Кангюя [53]. Как известно, в оригинальных китайских источниках сведения о Яньцай встречаются со II в. до н. э. до III в. н. э. (позже идут простые повторения) [54]. Высказано много догадок и гипотез об этом этническом имени [55] (оно в древности звучало, по Мэнчен-Хэльфену, i̯äm-tsât) [56], по К. Ширатори — iʒp-ts'at или i̯äp-śat) [57], но в свете новейших исследований ясно, что это — сармато-аланские племена Приаралья. Характерно также, что китайские источники, рассматривающие кангюйцев как кочевой народ, вместе с тем упоминают о наличии в их стране городов. Кроме того, говоря об Яньцай, китайская история эпохи младших Хань Хоу-хань-шу, сообщает, что «народ живет внутри глиняных стен» [58], т. е. имеют глиняные постройки (эта фраза была пропущена в переводе Н. Я. Бичурина). Это является косвенным указанием на то, что и на территории Кангюя, образ жизни жителей которого был похож на Яньцай, также имелись оседлые поселения.

Таким образом, данные источников очень скудны. Тем не менее нет недостатка в различных теориях относительно этнической принадлежности кангюйцев. Рациональное зерно содержится в старом уравнении А. Гутшмида: сакарауки — кангюй [59], ибо сакарауки [60], безусловно, явились одним из компонентов кангюйского союза. Вообще основу его должны были представлять сакские племена среднего течения Сыр-Дарьи и прилегающих казахстанских степей. Это мнение было высказано И. Марквартом, который считал, что Кангюй II в. до н. э.— китайское наименование «государства саков Чача (Ташкент)». Ему же принадлежит заслуга выявления эквивалента «кангюя» в греко-римских источниках — это καχαγαι Птолемея, которых этот источник рассматривает как живущих вдоль Яксарта [61]. Эта локализация находит подтверждение и в результатах новейших лингвистических исследований. В Ханшу летняя территория правителей Кангюя, где располагалась их столица, обозначается ʒauk (или lak) ĥi̯wat-niək (или thək). Восстанавливая первоначальное звучание этого топонима и сопоставляя его с вариантами названия Яксарт в источниках, Е. Пуллейблэнк пришел к выводу, что здесь китайская передача названия «Яксарт», может быть его формы типа *Vrxa(r)ta. Что же касается кангюйской резиденции, то она называлась pye-den, что этот исследователь сопоставляет с Бинкатом — Ташкентом, предполагая, что это название восходит к форме *Bidn-kath [62].

В русской научной литературе наряду с термином «кангюй» применяется и термин «канцзюй»; Ю. А. Зуев. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй во второй половине I века до н. э. ИАН КазССР, сер. ист., филос., экон. и права, 2 (5), Алма-Ата, 1957.

[52] Н. Я. Бичурин. Ук. соч., II, стр. 150; Н. В. Кюнер. Ук. соч., стр. 105, 106; J. J. M. de Groot. Ук. соч., стр. 15.

[53] Н. Я. Бичурин. Ук. соч., II, стр. 186, 229.

[54] K. Enoki. Sogdiana and the Hsiung-nu. «Central Asiatic Journal», I, 1, 1956, стр. 47.

[55] Сводка мнений,— K. Enoki. Ук. соч., прим. 25.

[56] O. Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu. «Bizantion», XVII, 1944—1945, стр. 230.

[57] K. Shiratori. A. New Attempt at the Solution of the Fulin Problem. MTB, 15, Токио, 1956, стр. 232.

[58] Там же, стр. 226.

[59] A. Gutschmid. Geschichte Irans and seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888, стр. 71, 72.

[60] Об их местоположении: Б. А. Литвинский. Саки, которые за Согдом, стр. 92.

[61] J. Markwart. Wehrot und Arang. Leiden, 1938, стр. 188; Geography of Claudius Ptolemy. New York, 1932, стр. 144.

[62] E. G. Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese. «Asia Major», нов. сер., IX, 1, London, 1962, стр. 94. В составе кангюя упоминается владение, а за-

Как известно, все исследователи единодушны в возведении термина «Кангюй» к авестийской «Кангха» — резиденции вождей «туров», которые безусловно являются сако-массагетскими племенами, а также в сопоставлениях с «Канг'ом» и «Канг-дез'ом», зороастрийской литературы, «Шах-намэ» и других раннесредневековых сочинений. Все это безусловно подтверждает, говоря словами С. Г. Кляшторного, принадлежность племен Кангхи-Кангюя к «кругу северо-иранских скотоводческих племен». Как справедливо отмечает тот же исследователь, лишь под влиянием все усиливавшейся инфильтрации тюркоязычных этнических групп с востока, не ранее середины I тысячелетия, раздробленные и разделенные к тому времени племена, входившие в кангюйскую конфедерацию, начали менять свой этнический облик [63].

Противоположная точка зрения, наиболее полно аргументированная А. Н. Бернштамом, а именно, что кангюйцы уже на рубеже н. э. были тюркоязычными [64], не может быть признана убедительной.

Особую позицию занимает Е. Пулейблэнк. Он пытается вывести слово «кангюй» из тохарского kāṅk — «камень» и, исходя из этой этимологии, даже говорит о «кангюйской разновидности тохарского языка» [65].

Мы не можем входить в рассмотрение корректности лингвистической аргументации этого исследователя — одного из крупнейших современных специалистов-синологов по исторической фонологии. Отметим лишь, что он сам указывает, что в рассматриваемых им источниках для титула знати усуней, юэчжей и кангюйцев фигурирует термин, который в ханьское время должен был звучать как **ŋheap-goh*. Он принимает уже высказывавшееся отождествление этого термина с термином yavuga на кушанских монетах, и полагает, что позже этот титул был воспринят тюрками в форме ябгу [66]. Однако имеется очень убедительная этимология термина yavuga на почве иранских языков. Как указал Бэйли, этот термин происходит от *yam* — с *v* из *m* и обычным суффиксом *-uka-* и означает «ведущий», «вождь» [67]. Разумеется, этот вопрос нельзя считать решенным, но мнение об ираноязычности Кангюя является более убедительным [68].

Нам представляется, что ранний Кангюй — это позднесакское государство, занимавшее территорию средней Сыр-Дарьи и в эпоху максимальной экспансии подчинившее себе обширные области в Приаралье и в среднеазиатском междуречье.

Преемником кангюйского объединения, как установлено исследованием С. Г. Кляшторного, явилось другое племя, расположенное на этой территории: «в начале VIII в. оазисы средней Сыр-Дарьи, именовавшейся тогда «рекой Канга», входили в единую политическую конфедерацию, объединенную общим сюзеренитетом полукочевых печенежских племен с оседлым населением оазисов средней Сыр-Дарьи» [69].

Тюркизация населения, оставившего курумы, оставила след и в археологическом материале. В Аштском могильнике нами был найден перстень с рунической надписью [70]. В VI — VII вв. возникшая в очень древ-

---

тем столица Sou-ĥaəi. Первоначальное звучание * sah-gleats, т. е. Согд. E. G. Pulleyblank. Ук. соч., стр. 219, 220.

[63] С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники, стр. 174.

[64] А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза..., стр. 94, 95; его же. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 107; K. Shiratori, A Study of Su'tê, or Sogdiana. MTB, II, 1928; его же, A New Attempt..., стр. 233.

[65] E. G. Pulleyblank. II, стр. 247, 248, 264.

[66] Там же, I, стр. 95; II, стр. 256.

[67] H. W. Bailey. Languages of the Saka. «Handbuch der Orientalistik». IV, 1, Leiden-Köln, 1958, стр. 136.

[68] Мы предлагаем иранскую хотано-сакскую этимологию этнонима Кангюй, а именно «(люди в) кожаных (одеждах)» — kaṅga.

[69] С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники..., стр. 178.

[70] С. Г. Кляшторный. Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы. Тр. АН ТаджССР, СIII, Душанбе, 1959, стр. 167, 168.

нее время культурная общность прежней территории Кангюя не теряется, хотя отличия в культуре отдельных районов становятся более яркими.

Итак, при изучении кангюйской проблемы нельзя ограничиваться лишь исследованием письменных источников и языковых данных, а необходимо их рассматривать в теснейшей связи с археологическими материалами, причем эта увязка должна учитывать реальную историко-географическую обстановку в древней Средней Азии. Выше мы рассмотрели вопрос об уточненной дате Джунского могильника, выдвинули положение о каунчинско-джунской культуре, попытались определить ее ареал и некоторые специфические черты религиозных воззрений. Данные, содержащиеся в письменных источниках, факты языкового порядка, суммированные выше, на наш взгляд, показывают с полной бесспорностью, что каунчинско-джунская культура (генетически связанная с сакской) — это культура Кангюя — одного из крупных государственных объединений древней Средней Азии[71].

---

[71] О могуществе и международной активности Кангюя свидетельствует тот факт, что еще до путешествия Чжан-Цяня Кангюй направил посольство в Ханьское государство (E. G. Pulleyblank. Chinese and Indo-Europeans, стр. 28, прил. 9). Существенно также, что в первые века нашей эры в области Кангюя существовали буддийские сооружения (A. Foucher. L'art gréco-bouddhique du Gandhāra, II, 2, Paris, 1922, стр. 644), а выходцы из Кангюя проповедывали буддизм в Восточном Туркестане. Один из них упоминается среди первых проповедников в этой стране (E. Zürcher. The buddhist conquest of China. Leiden, 1956, стр. 32 сл.).

И. С. НИКОЛАЕВ

АНТИЧНАЯ ТЕХНИКА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ГАРДСКОГО МОСТА

Гардский мост — наиболее выдающееся античное инженерное сооружение, дошедшее до нашего времени, составляет часть акведука римского времени на юге Франции, приносившего в город Ним (Немаус) огромное количество прекрасной воды. Его сохранность в течение двух тысячелетий, несмотря на разрушающее действие протекавшей по нему и под ним воды, несмотря на землетрясения и разрушения человеком, восхищает всех, тем более, что здесь сочетается красота сооружения, замечательная архитектурная форма и высокое качество кладки.

Как ни странно, несмотря на большое внимание к нему во Франции, несмотря на происходившие неоднажды его ремонты и реконструкции, все обстоятельства его сооружения и сама его дата остаются невыясненными. Нет также обстоятельных исследований о примененной в Гардском мосте строительной технике и приемах механизации, которые были использованы при постройке, нет и работ по архитектурному анализу.

Автор данного исследования направил свое внимание не только на изучение литературы, посвященной этому памятнику, но лично осуществил некоторые обмеры в натуре. Данная статья является продолжением прежних работ, выполненных автором еще в довоенное время [1].

Нимский водопровод, частью которого является Гардский мост (рис. 1), был незаурядным сооружением древности как по технике исполнения, так и по размерам. Хотя по длине трассы нимский водопровод и уступал некоторым из римских, но он был одним из самых длинных провинциальных акведуков. Что касается самого Гардского моста, то подобного сооружения античность не знала среди мостов ни провинции, ни Италии. Несмотря на уникальность этого изумительного памятника римской архитектуры и строительной техники, Гардский мост оставляет много неясного в истории своего возникновения. Большинство ученых относят акведук к кругу сооружений времени императора Августа, другие — Тиберия, третьи — Клавдия, четвертые — ко времени Флавия, наконец, пятые — Антонинов. Из этого одного можно видеть, насколько не разработаны научные вопросы, связанные с этим памятником. В настоящей статье делается попытка разобраться в некоторых строительно-технических вопросах, позволяющих осветить обстоятельства постройки Гардского моста на основе анализа его конструкций.

Гардский мост является главнейшим инженерным сооружением водопровода Юзес-Ним, общая длина которого составляет 49,750 *км*. Выбор источника в столь большом отдалении от города говорит скорее о требованиях, предъявлявшихся обычно к питьевым водопроводам. Предназна-

[1] И. С. Николаев. Аркады античных акведуков. III, Гардский мост. Дис. на степень доктора архитектуры, Московский архитектурный институт, 1945; его же. Архитектура императорского Рима. Всеобщая история архитектуры. II, 2, М., 1948; его же. О методе проектирования античных акведуков. Исследования по истории архитектуры и градостроительства. М., 1964.

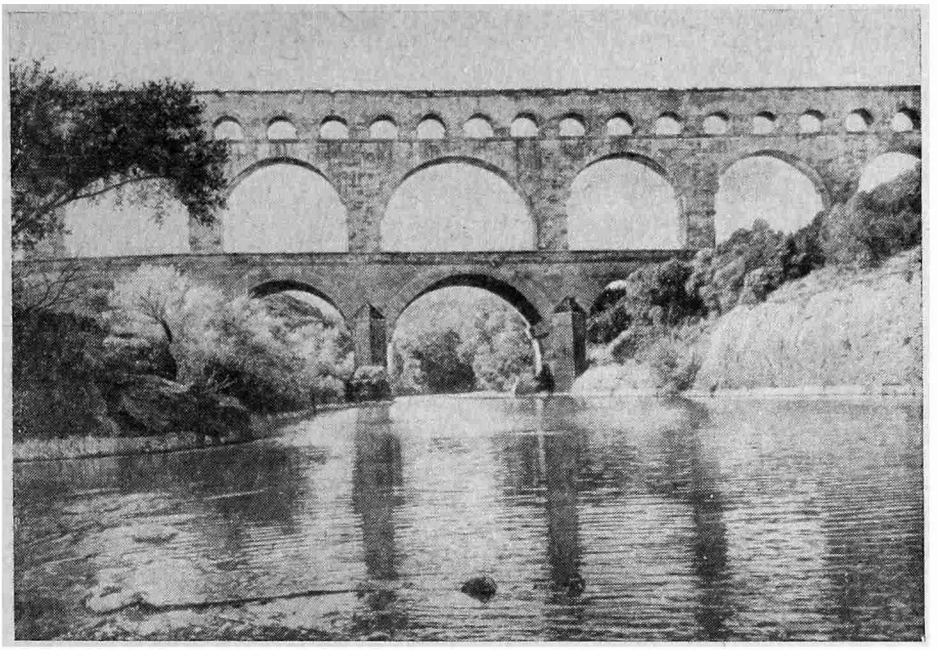


Рис. 1. Общий вид Гардского моста с западной стороны

чался ли также нимский акведук для снабжения водой бань, неизвестно, но это возможно, так как дебит его смог с избытком покрывать все виды потребностей в воде. Уже это одно говорит в пользу более поздней даты, не раньше конца I в., когда город Ним утратил вид неблагоустроенного маленького городка, каким его описывает Страбон.

В определении мощности нимского акведука авторы расходятся. Судя по современной мощности источника, можно принять его суточный дебит равным 30—40 тыс. $м^3$ воды, что ставит его на уровень акведуков столицы. Непропорционально большие размеры сечения канала нимского акведука по сравнению с каналами самых крупных акведуков в Риме, Марция и Клавдия, в пять раз превышавших по своей мощности водопровод в Ниме, пока не находят объяснения.

Место, откуда была каптирована вода, лежит в 20 *км* к северу от Нима, по ту сторону р. Гар, между современными населенными пунктами Сен-Кентен и Юзес, где бьют ключи замечательного по своим качествам источники Эр (рис. 2). При наличии общего склона всего плато, на котором стоит город Ним, к югу, естественно, для получения необходимого напора искали воду севернее города. Однако хороших источников в радиусе, ограниченном течением р. Гар, по-видимому, не оказалось, и пришлось переходить за реку, что и вызвало постройку большого моста. Идя на сооружение такого моста, вызвавшего огромное удорожание всего водопровода, строители тем не менее подошли к выбору места постройки очень продуманно, подчинив всю трассу наивыгоднейшему решению этой задачи. Место пересечения реки было найдено не на прямой линии, соединяющей Юзес с Нимом, но на 12 *км* восточнее, близ современных населенных пунктов Ремулен на левом берегу и Сен-Бонэ на правом, что придало всей трассе сильный излом.

Удлинение трассы было вызвано, вероятно, необходимостью хорошего каменного основания для устоев моста и наличием скалистых ворот реки, где можно было соорудить мост кратчайшей длины. На северо-востоке от города, где река заворачивает почти под прямым углом на юг, идя на соединение с Роной, был обнаружен прекрасный известняк, годный для постройки моста, что и решило вопрос с выбором места. Решив эту

задачу, надо было снизить насколько возможно высоту моста, играя на разности уклонов трассы акведука выше и ниже моста. Это и было выполнено за счет доведения уклона ниже моста до минимума и соответственного увеличения его в вышележащей части трассы. Отметка источника Эр — 76,05 *м* над уровнем моря, отметка распределительного бассейна в Ниме — 59,04 *м*, что дает перепад в 17 *м*. Длину трассы мост делит на отрезки 16 и 34 *км*. При однообразном уклоне всей трассы мы получили бы уклон 0,342 *м* на километр длины, в действительности же уклоны выше и ниже моста сильно различаются: трасса Юзес-Гардский мост

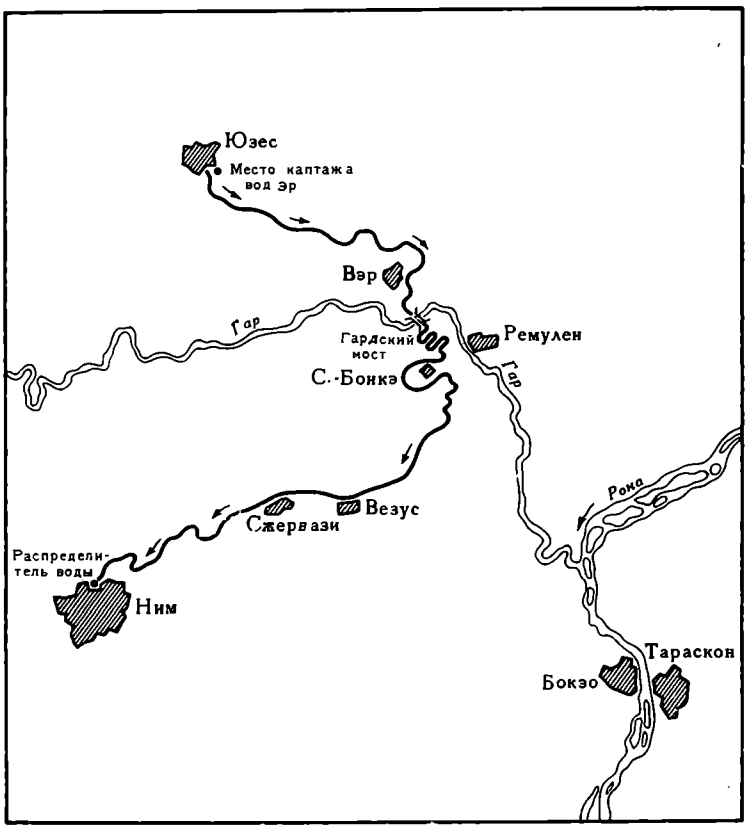


Рис. 2. Трасса акведука города Нима и местоположение Гардского моста

круче в четыре раза по сравнению с трассой Гардский мост — Ним. Различие в уклонах позволило снизить мост на 5,3 *м* против той высоты, которая бы получилась при сохранении среднего уклона. Интересно, что уклон этот в среднем в шесть раз меньше, чем в крупных столичных акведуках. Если в Аква Клавдиа перепад на 1 *км* длины составляет около 2 *м*, то в Нимском акведуке этот перепад почти в семь раз меньше. Возможно, здесь и кроется ответ, почему так велико сечение канала Гардского моста. Если допустить в грубом приближении, что соответственно тангенсу угла уклона снижается скорость течения воды в канале, то тогда для более слабой мощности источника потребуется пропорционально увеличенный спекус (канал). Тот факт, что длина трассы в 2,5 раза больше расстояния по прямой линии, тогда как в акведуках города Рима это отношение не превышает 1,5—2,0, говорит о вполне сознательном стремлении получить определенные уклоны, находящиеся в полной увязке с размерами канала.

Акведук, таким образом, в целом обнаруживает высокую технику изысканий, а также смелость строителей, не останавливавшихся перед необходимостью искусственных сооружений, в связи с чем возникло значительное число мостов, субструкций, аркад и туннелей, среди которых, впрочем, Гардский мост безусловно является уникальным.

Большая часть длины трассы ниже моста до самого города проходит под землей. Способ работ — траншейный, хотя и имеется несколько сравнительно коротких туннелей, пробитых в скале, где это вызывалось необходимостью. На участке, непосредственно лежащем ниже моста, трасса делает многочисленные изгибы, следуя горизонталям небольших долин, для того чтобы избежать постройку мостов. Выше Гардского моста на сравнительно большом протяжении канал лежит на низкой аркаде в долине Вер, после чего он уходит под землю до самого источника.

Аркада имела высоту от 2 до 16 *м* и общую длину около 2 *км*. Пролет арок повсюду 2,5 *м*, столбы достигают ширины 3,7 *м*, с пилястрами по 0,6 *м* с каждой стороны. В разных местах, вероятно от землетрясения, арки упали иногда целыми группами. Известно, что из землетрясений особенно разрушителен был толчок в районе Нима в 1448 г. Характерно, что сам Гардский мост не пострадал от землетрясения.

Описанные сооружения, как это очевидно, не обладают общностью технических приемов с Гардским мостом. Возможно, что одной из причин этой технической пестроты была разновременность сооружения различных частей акведука из-за ограниченности муниципальных средств, не позволявших идти быстрыми темпами и широким фронтом работ, как это было в Риме, где резервы рабочей силы, использованной на постройке акведука, легко могли быть переброшены на какие-либо другие крупные общественные работы.

По предположению ранних исследователей трассы, акведук мог давать до 46 500 $м^3$ воды в сутки. Проведенное впоследствии обследование источника говорит о том, что эта цифра преувеличена. По-видимому, каптаж всех источников в районе Эр не мог дать больше 350 *л* в секунду, т. е. 30 000 $м^3$ в сутки. Следует учесть, что не вся вода доходила до Нима, теряясь в пути по разным причинам. При суточном дебите в 20 000 $м^3$ в городе с 50 000 жителями получалось на одного человека 400 *л* — норма даже и для современных городов чрезвычайно высокая.

I

Гардский мост по своему уникальному значению на трассе всего акведука можно сравнить с драгоценным камнем в оправе кольца. Едва ли можно сомневаться, что его сооружение заняло главное внимание строителей водопровода. «Этот памятник, которому все путешественники платят заслуженную дань восхищения, удивляет их своей величиной и захватывает их своей смелостью и легкостью»,— писал Легран еще в начале XIX в.[2]

Поэтому было бы естественно, если бы к постройке Гардского моста был привлечен лучший архитектор города, несмотря на то, что мост расположен в пустынном и отдаленном месте. Античного архитектора всегда особенно привлекала задача сочетать свое сооружение с природой. Архитекторы понимали в таких случаях значение своей задачи, о чем можно судить не только по самим постройкам, но и по эпиграфическим данным, например читая стихотворное посвящение строителя моста Траяна в Алькантара (Испания).

Когда местные власти Лангедока утверждали в 1743 г. проект нового моста, примыкающего к аркаде акведука, то руководствовались не только одним утилитарным стремлением обеспечить населению переправу через реку, но, по словам современника, стремились также «удовлет-

[2] J. Legran. Antiquité de la France. Paris, 1814, стр. 127—134.

ворить свою любознательность и иметь возможность на досуге наблюдать красоты и величие этого выдающегося памятника». И действительно, не будь этой дороги, возможно, ни Ж. Ж. Руссо, ни П. Мериме, ни А. Дюма не оставили бы нам своих воспоминаний о памятнике. Пустынное место благодаря сохранившейся классической постройке древности стало местом паломничества любителей античной древности.

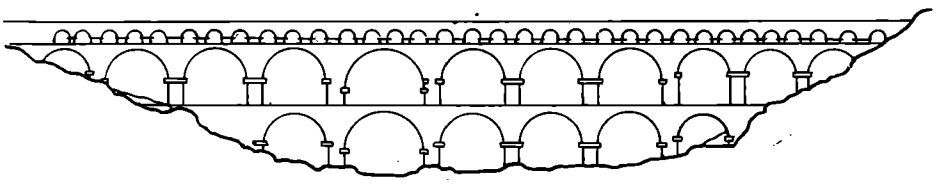


Рис. 3. Схема западного фасада Гардского моста

Представим себе поперечный профиль р. Гар в месте пересечения ее мостом с севера на юг. Течение реки здесь с запада на восток. Как всегда считалось в древности, фасад моста, принимающий на себя удар течения, в данном случае западный, является главным. В первую половину дня освещается восточный фасад, во вторую — западный. Архитектура моста более выразительна после полудня, когда главный фасад освещен солнцем, о чем говорят фотографии.

Левый, северный берег, имеющий уклон около 30°, несколько ниже и круче, чем южный. Ложе потока расположено не посредине, а ближе к северу. Правый, южный берег более пологий, поднимается выше левого берега, вследствие чего канал скрывается здесь в туннеле по направлению к городу. Вода в канале моста течет приблизительно с севера на юг, т. е. по западному фасаду слева направо. Мост имеет три яруса аркад. Венчающий ярус высотой 7,4 *м* состоит из 35 мелких арок, несущих канал. Второй ярус, высотой 19,5 *м* и толщиной в поперечном сечении 4,56 *м*, имеет 11 арок, и, наконец, нижний ярус имеет шесть крупных арок, равных по пролету аркам второго яруса. Общая высота сооружения над водой 48,75 *м* (рис. 3).

Эта уступчатая, уширяющаяся книзу форма сечения столбов способствует устойчивости и вместе с тем рождает образ легкости, обязанный постепенному облегчению кверху.

Однако проведенный последовательно принцип облегчения кверху с нарастанием глубинных размеров в нижних зонах сооружения несколько нарушается тем, что два нижних яруса в фасадных измерениях полностью равны друг другу и только верхний ярус значительно меньше. Единственная разница между первым и вторым ярусом заключается в приросте на одну треть глубинного измерения и появления в нижнем ярусе волнорезов треугольной формы.

Расположение арок по длине моста не простое, в нем доминирует главная арка пролетом 24,52 *м*, под которой проходит р. Гар. Она заметно смещена к северу относительно геометрической средины моста. Пролеты арок прогрессивно уменьшаются в направлении от средней большой арки к краям, варьируя от 19,2 до 15,5 *м*. Это изменение пролетов можно назвать групповым, так как скачок в размерах приходится после трех одинаковых пролетов, что соответственно отмечено по высоте скачком импостов на сторонах столба, разделяющего арки различных пролетов. В верхнем ярусе пролет арок 4,8 *м*, толщина их столбов несколько меняется с тем, чтобы всякий раз группировка по три арки над нижними пролетами точно соблюдалась в соответствии с осями столбов. Над пролетом типовых арок всегда есть три верхних арочки. Над самой большой аркой размещено четыре верхних арочки, из чего видно, что архитектор хотел

таким образом соблюсти определенную связь между венчающей аркой и нижними арками. Маленькие арочки моста являются продолжением двухкилометровой аркады на северном берегу реки.

Обратимся теперь к самой каменной кладке (рис. 4). Столбы, своды и тимпаны двух нижних ярусов выполнены в технике крупной блочной кладки с чередованием тычков и ложков, причем в столбах этот принцип

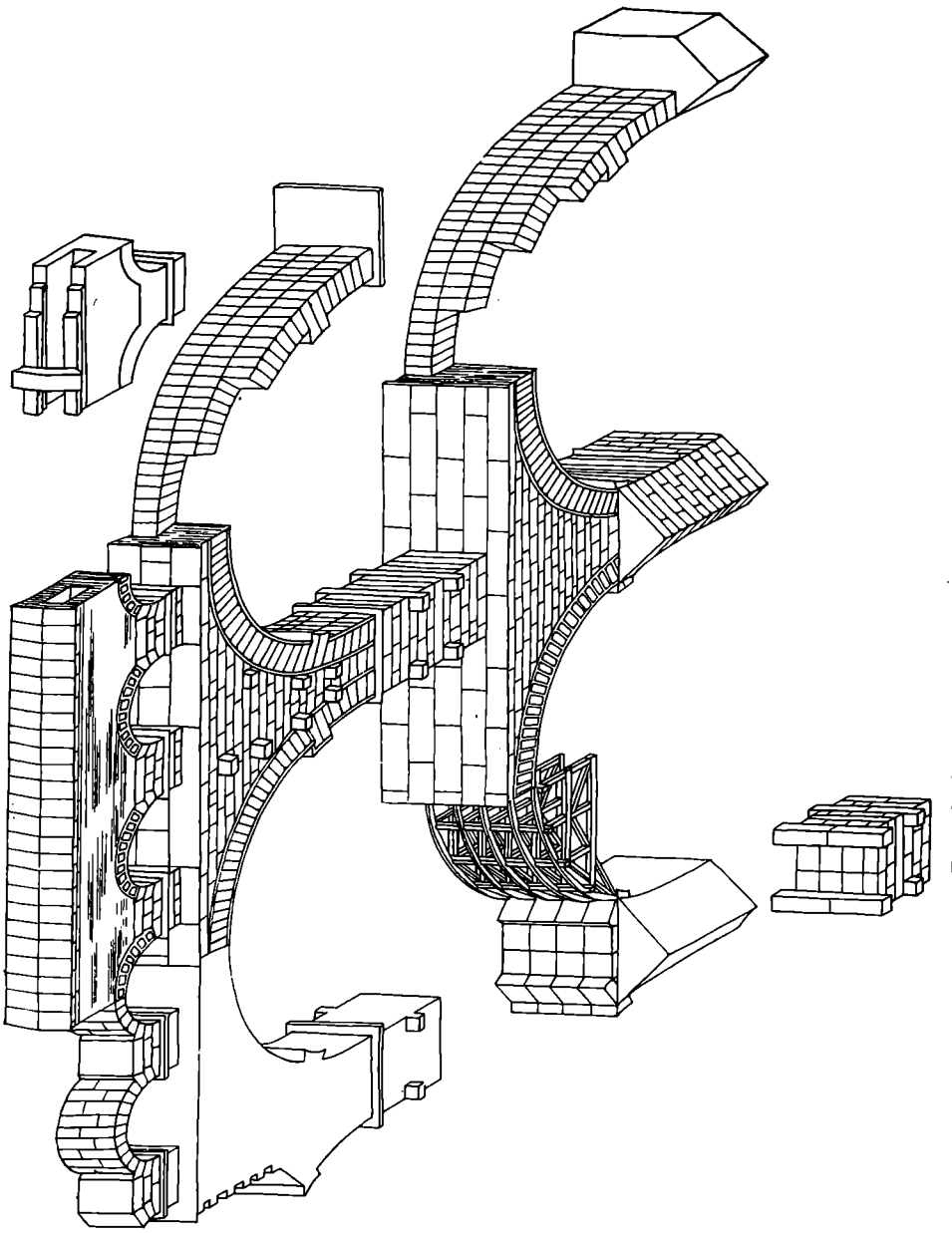


Рис. 4. Анализ конструкций Гардского моста

соблюден со строгой последовательностью. Некоторые ряды камней состоят только из двух блоков, к тому же еще сильно выступая за плоскость кладки. Объем таких блоков достигает 2 *м*, а по весу — 5 *т*. Высота рядов на фасадах сооружения в среднем 0,57 *м*.

Крупная кладка велась без раствора, камни обработаны вдоль по швам каймой и слегка рустованы. Столбы первого яруса арок основаны на скале, в которую кладка несколько заглублена.

Горизонтальные размеры столбов по фасаду уменьшаются соответственно размерам пролетов арок: 4,80; 4,56; 4,36 *м*. В среднем ширина столбов 4,6 *м*.

Кольца арок имеют толщину 1,6 *м* для наибольшего пролета (24,52 *м*) и 1,55 *м* для всех остальных пролетов (19,5 и 15,5 *м*). Для верхних арок третьего яруса высота клина принята всего в 0,6 *м* при пролете в 4,8 *м*. Кстати, для верхнего яруса принято иное заполнение щековых стен, облицовка которых сделана из битой щебенки с применением для ядра стены бетонного раствора. Тяги, своды, импосты выложены целиком из тесанного камня.

Особенностью Гардского моста является кладка самих арок в среднем и нижнем ярусах. Своды этих двух ярусов, начиная от своих выпускных пят, составлены из отдельных арок, лучше сказать, арочных колец. В нижнем этаже их четыре, глубиной каждое 1,6 *м*, в среднем ярусе — три, глубиной каждое 1,52 *м*.

Каждая арка двух нижних ярусов имеет выпускные клинья под углом около 20°, служившие для поддержки кружал, до уровня которых кладка арок велась напуском. В верхнем ярусе клинья арок состоят из двух блоков в глубину свода со швами вперевязку. Канал акведука имеет сечение 1,2 × 1,85 *м*. Боковые стенки канала в 0,85 *м* толщиной несут покрытие, образованное плоскими плитами толщиной 0,35, шириной — 1,0 и длиной 3,65 *м*. Эти плиты сверху отесаны на два ската для отвода воды.

В направлении против течения линия моста в плане имеет легкую выпуклость, которая не получила до сих пор убедительного объяснения.

II

Русский инженер М. М. Черепашинский в конце XIX в. дал научное объяснение тому, что составляет сущность конструкции Гардского моста: «Арки выстроены из тесаного камня без раствора; начиная со шва излома, своды образованы параллельными арками, независимыми между собой, для того, чтобы давление на камни распределялось по возможности равномерно» [3]. Речь идет о замечательном приеме, который нигде в другом римском памятнике не выражен столь ясно и совершенно, как здесь, где цилиндрический свод разделен на самостоятельные кольца: в нижнем ярусе — на четыре, в среднем — на три.

Как и всякая аркада, Гардский мост состоит в каждом ярусе из обычных частей: столба, несущего арку, тела самой арки, опирающегося своей пятой на столб, и пазух сводов, заполняющих промежуток между раменами арок.

Самым ответственным элементом, равноценным в архитектурной системе балке, в аркаде является тело арки. По приему и качеству осуществления его можно судить об искусстве строителя.

В позднереспубликанских и августовских римских мостах Мильвия и Эмилия, а также в мостах Асколи-Пичено можно видеть перенесение в конструкцию арки приема стеновой перевязки камней, что привело к стычному клину, т. е. к арочному элементу, составленному из нескольких камней. Арка при этом является как бы изогнутым столбом, в котором отдельные ряды кладки уложены не горизонтально, но с наклонными швами, направленными всякий раз к центру дуги.

Представим себе, что мы отсекли и приподняли вверх одну часть вертикального столба. Оказавшийся без нагрузки свободный камень столба продолжал бы лежать на своем месте. Если же представить себе в таком же положении арку, т. е. изогнутый столб, то разъединение кладки вызовет скольжение того же камня, но находящегося в наклонном положе-

[3] М. М. Черепашинский. Очерк истории мостов. СПб., 1898.

нии вдоль шва под действием силы тяжести. Если камень приобретает форму клина и подпирается соседним клином, то он становится закрепленным в своем положении. Правда, одинаково как в вертикальном, так и в изогнутом столбе силы продольного изгиба могут вызвать отслоение отдельных звеньев, составляющих сечение, если эти звенья не имеют взаимной перевязки. Но в арке, составляющей часть стены, бывает достаточно связи клиньев между собой и связи с лежащими вверху рядами кладки, чтобы клинья арки не разъединились. Поэтому нет необходимости в самом теле арки создавать еще дополнительные связи путем перевязки швов. Больше того, перевязка клиньев арки не только не приносит пользы, но способна нанести вред при дефектах тески камней и из-за неравномерности сжатия в зоне стыка. Свод же, состоящий из отдельных арок, дает возможность самостоятельной деформации в каждой арке без ущерба для общей прочности свода, тогда как перевязанный свод вынуждает располагать стык камней одного клина против тела другого, чем создается опасность скалывания. В своде с самостоятельными арками-кольцами эти последние представляют собою своего рода рессоры с возможностью самостоятельной деформации. Стоит лишь расставить эти кольца на некоторых расстояниях, и мы получим гуртовую систему свода, которую римляне уже нащупали в родственном Гардскому мосту памятнике, так называемом «Нимфее» в том же Ниме. Таковы следствия, вытекающие из объяснения М. М. Черепашинского.

Если догадка О. Шуази о том, что причиной аварии римского моста в Нарни была попытка сделать перевязку в своде пролетом 34,8 *м* правильна, то этот факт говорил бы о желании римлян добиваться больших пролетов в мостах с помощью именно данного, гардского приема.

В южной Галлии этот принцип осуществлен, кроме Гардского моста, еще в ряде древних памятников менее значительных. Средневековый мост Св. Духа в Авиньоне, где употреблен тот же технический прием, может служить доказательством римского влияния на принципы клюнийской школы французского зодчества.

Другие мосты Рима тем не менее дают стеновую перевязку клиньев свода, которая хотя и не уменьшила прочность благодаря точности самой каменной тески, но, во всяком случае, создала в работе дополнительные трудности. Вскоре, впрочем, после первых опытов крестообразной перевязки клиньев в начале императорского времени римляне уже поняли ее ненужность и освободились от стычного клина с горизонтальным швом, остановившись на перевязке только с помощью одних вертикальных швов. Их разбежка образуется за счет разной длины и разного числа камней вдоль образующей линии свода.

Метод тесаной кладки требовал во всех приемах устройства каменной арки шестикратной обработки каждого блока (по числу его граней) и поэтому был невероятно трудоемок, так как необходимо было производить чистую теску на столь больших поверхностях, соприкасающихся в арках. Почти абсолютная стандартизация арочного клина заставляет предполагать, что строители Гардского моста не ограничились кустарной выработкой блока, но применили механизированные средства для его распила и тески. В противном случае стоимость работ была бы несоразмерно велика.

Дельбрюк, по-видимому, не допускает возможности применения пилы ни в республиканское и раннеимператорское время при строительстве мостов Мильвия и Эмилия, ни в Марциевом акведуке. Ван-Диман полагает, что применение пилы для клиньев сетчатой облицовки возникло только при Траяне. В каменоломнях Трира остались от работы в III в. следы применения пилы для блоков длиной около 5 *м* из твердых каменных пород.

Транспорт крупных блоков не менее, чем обработка граней, создавал необходимость его механизации. Так как вес блоков Гардского моста

даже для современных нам условий крупной механизации достаточно велик, то очевидно, что работу по подъему и укладке на место выполняли специальные подъемные механизмы. Техника подъемных машин развилась в ходе развития корабельного строительного искусства, где родились мачты, блоки и полиспасты, осуществляемые в деревянных конструкциях. Интересно, что нигде в другом месте на трассе нимского водопровода эта крупноблочная техника, требующая мощной механизации, не применялась.

Если идея крупного блока и могла перенестись в Ним из Сирии и Египта, с которыми греческие колонисты Галлии всегда поддерживали связи, то все же чисто римским в Гардском мосте остается применение массового количества стандартных элементов — около 3000 крупных клиньев для арок и около 5000 каменных блоков для столбов и стен. Средний вес арочных блоков в Гардском мосте (около 3 *т*) близок к среднему весу современных крупных бетонных блоков. В конструкции Гардского моста была найдена как раз правильная мера максимально большого блока, поддающегося перемещению с помощью имевшихся машин и удобного для заготовки и распила в каменном карьере.

Для понимания конструкции представляет интерес картина напряжений в материале разных частей моста. Основное, ради чего следует это выяснить,— разрешение вопроса о так называемом принципе равнопрочности сооружения. Современные инженеры всюду следуют этому принципу, поскольку главнейшие размеры отдельных частей постройки определяются по норме предельно допускаемого напряжения. Если бы нам теперь пришлось проектировать мост в древней технике кладки, то мы прежде всего установили бы норму допускаемого напряжения в зависимости от прочности камня. Ни мы, ни римляне, естественно, не допустили бы растяжения в сухой блочной кладке, так как за отсутствием металлических связей у камней, уложенных насухо, в этой конструкции нет структуры, способной воспринимать растяжение. Следовательно, речь идет о конструкции, все элементы которой подвержены только сжатию.

Применяя для храмов архитравы, древние допускали в известных границах растяжение камня не только в пролете, но даже на опоре, превращая металлическими связями между концами архитравов всю систему в многопролетную балку. В этом смысле вся система Гардского моста принципиально иная. Эта система совершенно однородна по напряжению, она на 100% сжатая система. Остается выяснить вопрос, каковы же условия сжатия в разных уровнях в различных частях, одинаковы ли они для всех элементов? Сделанные нами расчеты показывают, что эти условия неодинаковы, а потому принцип равнопрочности не соблюден.

Никакой полезной нагрузки, кроме собственного веса, мост не имеет, если пренебречь ничтожной нагрузкой воды в канале, не играющей никакой роли в статических условиях сооружения. Подойдем к определению напряжений с расчетом.

Столбы верхней аркады. Как и следует ожидать, в ней имеется чрезмерный запас прочности, так как ее сечения определяются не прочностью столбов, а габаритами канала. Пролет арки, принятый в других акведуках (Марция, Вирго, Клавдия) — от 3,5 до 5,5 *м*, в нашем случае (4,8 *м*) является обычным. Подсчет напряжения на сжатие в таких столбах верхней аркады дает приблизительно 4 *кг/см*^{2}. Сжатие это небольшое, но увеличивать его по конструктивным соображениям невозможно. Решение конструктивно правильное.

Столбы средней аркады (рис. 5). При нахождении сечений столбов здесь уже играют роль не вынужденные необходимостью габариты как в верхней аркаде, а до известных границ дается свобода выбора сечений в зависимости от расчета на прочность. Надо учесть, что имеются три вида повторяющихся пролетов: 24,52; 19,5 и 15,5 *м*. Надлежало найти сечение столба и пролет арки, причем сохранить, как и наверху,

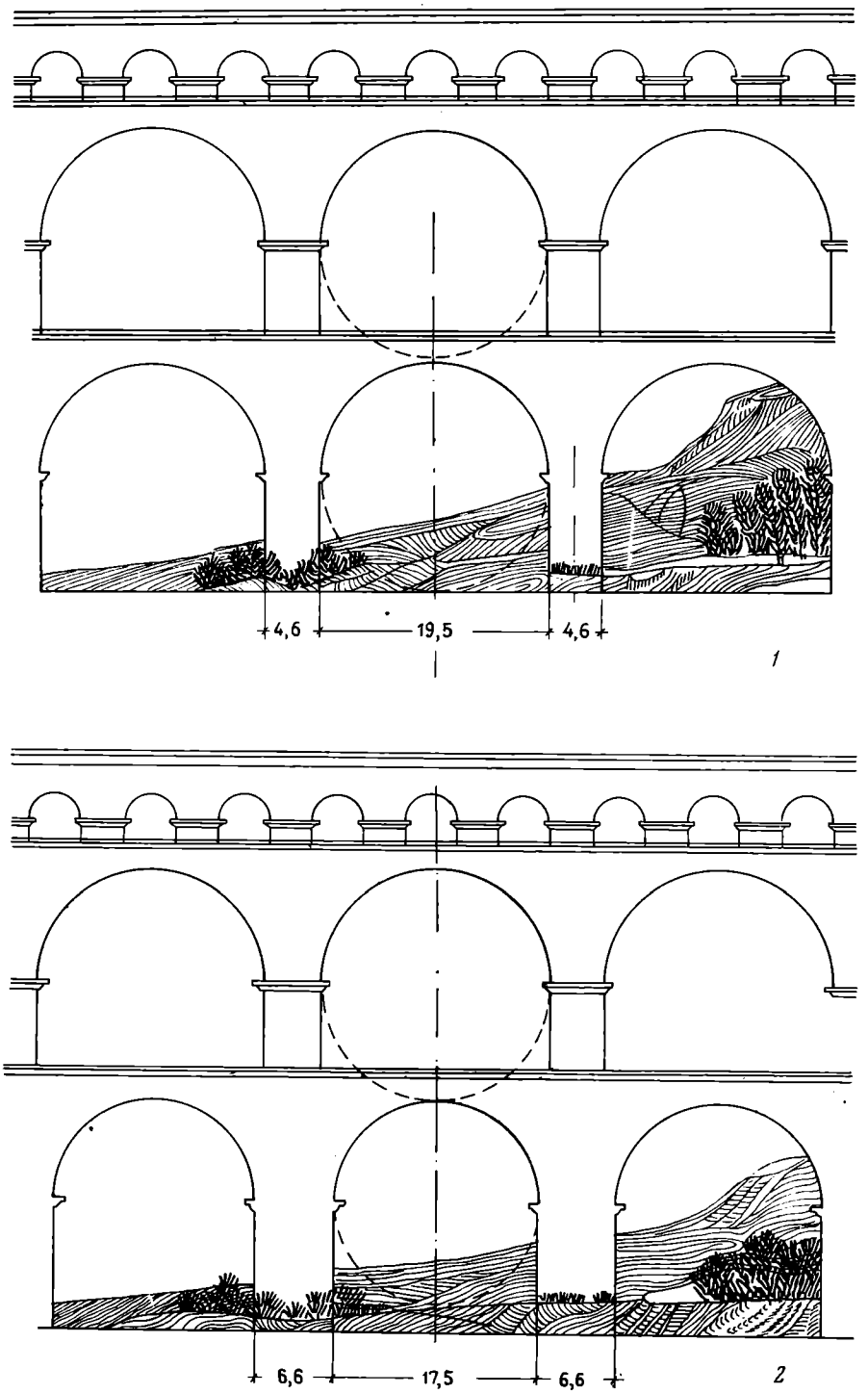


Рис. 5. Схемы аркады Гардского моста: 1 — существующая; 2 — возможная, отвечающая принципу равнопрочности

квадратное сечение столба. Мы не знаем метода расчета, каким решал задачу автор, но сечение столба в среднем 4,6 × 4,6 *м* дает напряжение, которое в зависимости от размера пролетов колеблется в пределах 10—12 *кг/см*^{2}. Конструктивно задача разрешена здесь также правильно, отвечая и современным нормам нагрузки на камень.

Столбы нижней аркады. Идя тем же путем предельного использования материала и сохраняя, как наверху, напряжение 10—12 *кг/см*^{2} при квадратном же сечении столба, автор должен был дать ему размер 6,5 × 6,5 *м*. Но здесь произошло непонятное явление с конструкторской точки зрения. Принимая в нижнем ярусе арок четыре таких же кольца, каких имеется три в среднем ярусе, получим глубину столба 6,38 *м*. По расчету при этом фасадный размер столба будет 6,7 *м*, тогда как в действительности его размер всего 4,7 *м*, т. е. на 2 *м* короче расчетного.

Мы видим, что строитель конструировал столб нижнего яруса иначе, чем столб среднего яруса. Он оставил фасадную ширину старую, как в среднем ярусе, тогда как глубинную увеличил, получив не квадратное, а прямоугольное сечение столба.

В результате в столбах нижнего яруса напряжение на сжатие выросло вдвое более против нормы для среднего яруса, т. е. оно равно 23—27 *кг/см*^{2}. Автор отказался, таким образом, здесь от принципа равнопрочности, тем самым нарушив основной закон конструирования. При этом оказывалось одно из двух: или нельзя было так сужать нижние столбы без риска прочности, или, считая норму в 25 *кг/см*^{2} допустимой, было возможно уменьшить сечение столбов средней аркады. Автор ограничился увеличением нижнего столба только в одном, именно глубинном, измерении, т. е. всего на 33%, тогда как условия расчета по принципу равнопрочности диктовали ему увеличение сечения на 80%.

Объяснением этому может служить только желание иметь совершенно одинаковый пролет арок для обоих ярусов, что обычно диктуется выгодой стандартизации. По-видимому, имела значение и задуманная система пропорций, которая требовала от автора равенства пролетов средней и нижней арок. Следовательно, принцип равнопрочности был не единственным у древних конструкторов, и, как видно, они отказывались от него, когда в этом возникала необходимость.

III

В сентябре 1924 г. Генеральный Совет провинции Гар принял постановление, запрещающее в целях охраны памятника эксплуатацию древних каменоломен, находящихся в 600 *м* от Гардского моста, на левом берегу реки. Сам по себе этот факт достаточен, чтобы оценить качество камня, выбранного для постройки моста, из которого римляне строили все крупнейшие сооружения Нима, камня, бывшего приманкой строителей в течение многих столетий после ухода римлян.

Ж. Ж. Руссо, подавленный величием Гардского моста, спрашивает: «какие силы перенесли эти огромные камни так далеко от каменоломни и объединили руки строивших тысяч людей?...» [4].

Однако римляне в данном случае совсем не далеко переносили эти огромные камни. Расстояние в 600 *м* до памятника означает, что карьер и постройка составляли единый «строительный двор», и на самый выбор места строительства повлияла именно эта соблазнительная близость прекрасного материала, объясняющая изгиб на восток всей трассы акведука в направлении к этой каменоломне.

Камень, из которого построен мост,— известняк, залегающий мощным пластом, имеет теплый золотисто-розовый оттенок, с течением времени

[4] Ж. Ж. Руссо. Исповедь. Избр. соч., 3, М., 1961.

еще более краснеющий под действием солнечных лучей. Сама природа соединила в этом материале прочность, удобство обработки и красоту, иными словами, тот античный синтез архитектурных качеств, которым проникнуто все сооружение.

Римляне, по-видимому, разрабатывали скалу обычным способом, отделяя забивкой замачиваемых впоследствии деревянных клиньев призматические глыбы большой длины, приблизительно 6 × 6 футов в сечении, так же как вблизи Рейна в каменоломнях Трира, и потом распиливали на блоки, толщиной в 2 фута.

Вероятно, для того чтобы получить нужную точность в припасовке клиньев, римские строители располагали самый распил наискось под тем углом, который требовался для клина, т. е. 3° с каждой стороны. Это давало разницу между верхней и нижней толщиной клина приблизительно в 8 *см*.

У римлян, по-видимому, существовало эмпирическое правило определения числа клиньев арки приблизительно по числу футов пролета, которое применялось в большом числе мостов. Здесь на наиболее повторяющийся 66-футовый пролет (19,5 *м*) приняты 57—59 клиньев, размерами по высоте 1,55—1,60, по длине 1,52—1,59 при толщине 0,63—0,55 *м*. Один только вид такого куска камня заставляет задуматься о способах перемещения, укладки и припасовки таких клиньев-гигантов.

Совершенно исключается перенос вручную таких блоков, для чего потребовалась бы одновременная работа 50—60 человек только для операций с одним камнем.

Римляне располагали высоко механизированной военной техникой, где необходимость быстрого передвижения тяжелых машин рано заставила их иметь дело с лебедкой (кабестаном) и кранами. В X книге Витрувия получила отражение уже высокая, давно сложившаяся техника кранов и полиспастов. Можно себе представить следующий порядок транспортных и строительных работ по сборке арок моста.

1. После отделения и распила блоков в каменоломне и после обработки их вчерне они по уклону берега на катках спускались к реке и складывались на баржу, поднимавшую при высокой воде 5—10 блоков.

2. После переправы к месту постройки блоки из баржи разгружались на тот или другой берег с помощью кабестана, для вращения которого достаточно было 2—8 человек. Камень при этом укладывали, вероятно, на салазки или на тележку в виде рамы на двух-четырех катках и подтягивали к зоне действия подъемного крана.

3. После того, как камни были окончательно обработаны, уложены и занумерованы в порядке их укладки, на каждый камень накладывали особую раму или канатную петлю и поднимали краном до места укладки.

Из всех строительных механизмов наиболее сложным был кран, о конструкции которого может существовать ряд догадок.

В современной нам рядовой технике механизации подъем тяжестей осуществляется простейшим приспособлением, так называемым краном-укосиной, представляющим собой укрепленную на двух подшипниках подвижную в плане консоль. Грузоподъемность современных кранов-укосин при небольших жилых постройках 1,5—2,0 *т*. При постройке по принципу сборки из блоков или более тяжелых готовых элементов пользуются уже более крупными механизмами, например кранами-стрелами с большим выносом или подвижными кранами.

Судя по известному скульптурному рельефу II в. из гробницы Гатериев в Риме, изображающему кран-стрелу, оборудованный полиспастами и колесом-лебедкой, римляне пользовались сложными подъемными механизмами.

Не исключена возможность, что и на постройке Гардского моста были применены сложные подъемники, которые потребовали бы просторного основания. Такое основание могло быть получено на площадке первого яруса

в начале работ на каждом из берегов. Не дожидаясь готовности первого яруса, можно было начать второй и третий, так как их начальные точки не находятся друг над другом, а смещены по уклону берега. Это позволило бы работать одновременно с двух берегов, причем краны в каждом ярусе попарно шли бы друг другу навстречу. Однако если судить по тому, что на Гардском мосту имеется точное попарное равенство арок друг над другом на двух нижних ярусах, означавшее использование тех же самых кружал, порядок работы, видимо, был другим. Следовательно, возникает предположение об иной организации работ, когда имеются более легкие краны,

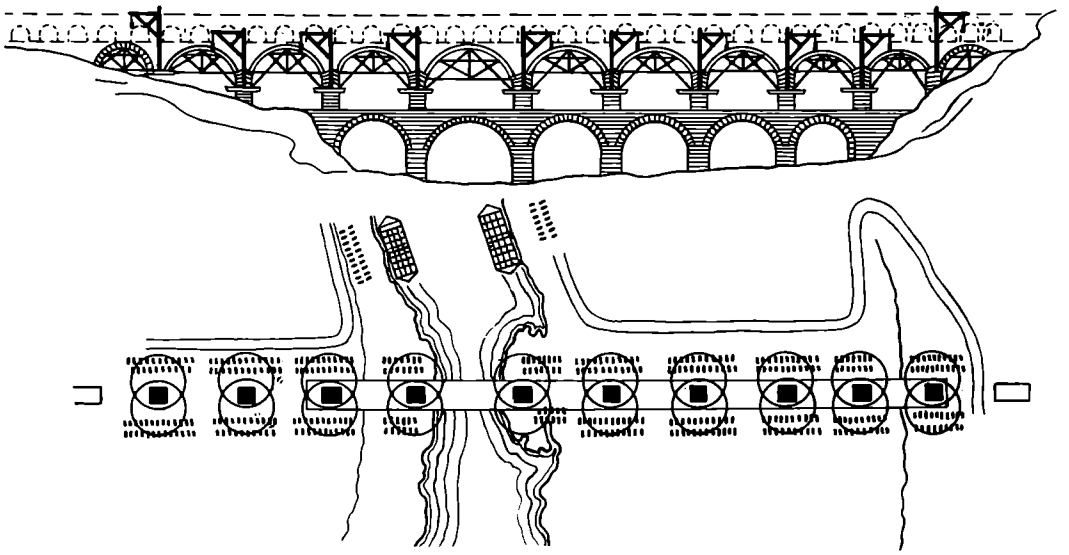


Рис. 6. Вариант организации работ по вертикали

монтированные на каждом столбе моста, удобные для переноса в верхние ярусы. По числу столбов количество таких кранов было 15—20.

Возникает вопрос о том, где и как на столбе монтировать кран, если учесть, что само возведение столба также нуждается в кране. Если предположить, что кран намертво ставился для работы на всю высоту яруса, то надо допустить его установку на высоту 48 *м*, что при большом весе сборных элементов (3 *т* и более) трудно осуществимо. Более вероятно, что был применен не стационарный, а переносный кран, монтируемый и демонтируемый вновь по мере роста постройки. Если так, то кран нуждался в некоторых переменных точках опоры, вынесенных за габариты столба. Такими опорами могли служить выступы камней на столбах, на которые опирались ноги станины. Выступающие на столбах Гардского моста концы камней имеют следующие интересные признаки.

1. Выносы таких выступов за плоскость столба повсюду приблизительно одинаковы, около двух футов, что создает хорошую опору для укладки солидного деревянного бруса. Камни, концы которых образуют выступы, заделаны в кладке глубже других камней как бы для большей прочности, в расчете на большую нагрузку.

2. Камни выступают только лишь с лицевых сторон столба, причем, что очень важно, попарно, на одном уровне, симметрично к вертикальной оси столба, что было удобно для поддержки станины крана.

3. Расстояния по высоте между выступами приблизительно одинаковы, что указывает на операции, повторяющиеся через равные промежутки времени.

Было сделано немало предположений относительно назначения этих выступов: предполагали, что они случайно не срублены, как доказательство незаконченности постройки или предумышленной грубости. Большинство писателей, не знакомых с техникой постройки, считает, что они

служили для поддержания опалубки, хотя это опровергается элементарными строительно-техническими соображениями. М. М. Черепашинский считает, что они служили для ремонтных работ. Меркель полагает то же самое, но высказывает мнение о применении передвижных лесов. Лишь Шуази делает правильную догадку о назначении их поддерживать подъемные приспособления.

Мы сделали попытку реконструкции такого крана, который отвечал бы устройству этих выступов. При расстоянии почти 25 *м* между осями опор и, следовательно, осями кранов невозможно предположить, что весь пролет арки был собран только при помощи этих кранов. Вынос блока, определяемый длиной плеча укосины, не мог быть больше 5 *м*, что создавало мертвую зону между кранами 15 *м*. Поэтому краны, надо думать, служили для сборки столба вместе с выносными пятами арок. Среднее же тело свода, именно арочные кольца, собирались дополнительными приспособлениями.

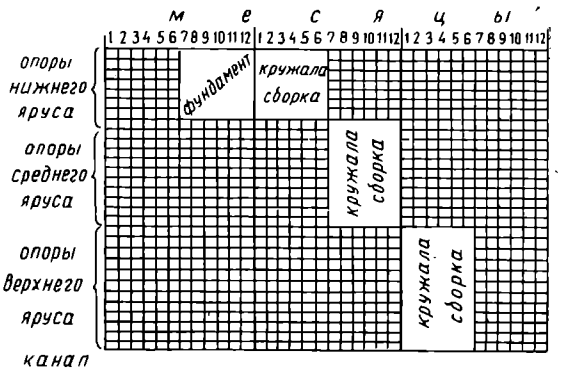


Рис. 7. График организации работ по вертикали

Возможно допустить прием, состоящий в использовании крана-укосины, который можно перемещать не только по высоте, но и по горизонтали. Это, впрочем, требует такого порядка работ, при котором до укладки всех клиньев поверх начальных уже производилась кладка стены и пазух. Обычно при кладке на растворе такого порядка работ избегают, ожидая окончания раскружаливания арки, во избежание осадки, могущей испортить кладку щековых стен и забутки.

Высказанные предположения дали нам повод составить два варианта организации строительства, для «мелкой» и «крупной» механизации сборочных работ.

Первый вариант — кран-укосина, порядок работ — по вертикали (рис. 6). Работы одного яруса начинаются после окончания нижнего. Сначала возводят столбы нижнего яруса при помощи крана-укосины, затем ставят кружала и укладывают арки и заканчивают работы по стеновой кладке первого яруса. Точно так же повторяются работы на втором ярусе, причем кружала и опалубка переносятся наверх и ставятся с соответствующими дополнениями (по глубине свода) на новых местах, отвечающих по вертикали нижележащим.

Особенностью этого «вертикального» метода работ является вынужденная одновременная приостановка каменных работ на срок переноса кружал.

При работе на строительном дворе двух цехов — каменотесного и монтажного — все квалифицированные работы сосредоточены были бы вне самой постройки, которая велась только с помощью машин и такелажников. Можно поражаться качеству всех работ, бережности укладки и ловкости такелажа, обеспечившего сохранность граней и кромок камней, чего не всегда удается достигнуть и в современном строительстве.

Приблизительный расчет по средней производительности труда всех операций дает следующее число занятых рабочих:

в карьере	100 человек
на стройдворе	500 »
на транспорте	100 »
такелажников	150 »
вспомогательных . . .	150 »
Всего	1000 человек

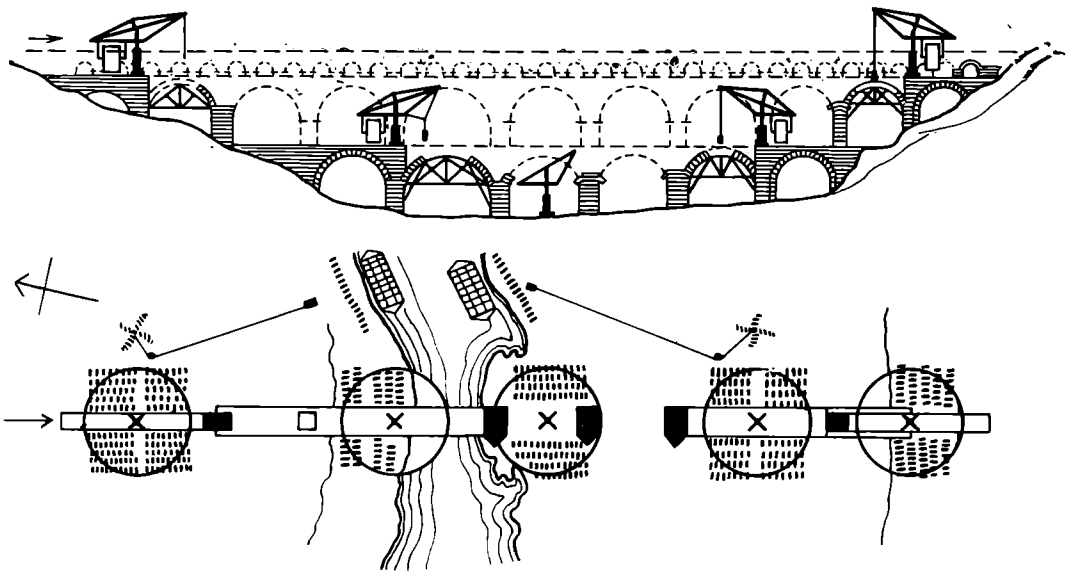


Рис. 8. Вариант организации работ по горизонтали

Из них квалифицированных не более 200 человек, остальные 800 — чернорабочие, которыми могли быть как солдаты, так и рабы. Срок основных работ, надо предполагать, как и в Риме,— 2 года, а вместе с подготовительными и водопроводными (бетонировка канала) — 3 года (рис. 7).

Второй вариант — «кран Гатериев». Принцип работ — по горизонтали (рис. 8). Начинается работа с начальных точек на каждом берегу всех трех ярусов, с помощью пяти-шести больших кранов. По мере окончания работ на одной опоре приступают к следующей, соответственно чему краны движутся к середине, пока не сойдутся. При таком движении на каждый день постройки приходится известная часть плотничных и каменных работ одновременно, например, пока собирается арка на одном ярусе, ставятся кружала на другом. Число рабочих при этом может быть сокращено на 25—30%; срок остается тот же — 2—3 года (рис. 9). Этот порядок допускает широкое разделение труда на самой постройке и предполагает более широкое применение свободного труда.

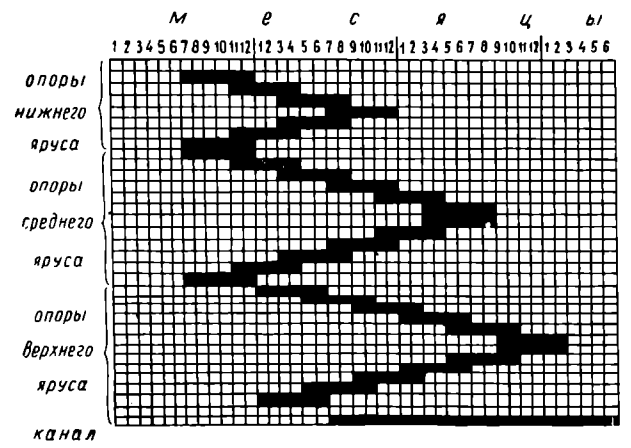


Рис. 9. График организации работ по горизонтали

Участие солдат в постройке Гардского моста, несмотря на более вероятный первый вариант производства работ, не может быть доказано, так как район Нима никогда не был военноопасным и потому не был местом военной стоянки, за исключением, возможно, лишь самых первых лет правления Августа, когда в период основания колонии здесь могла быть расквартирована армия, готовившаяся к британскому походу. Но в это время не было причин для постройки столь мощного акведука. Временем

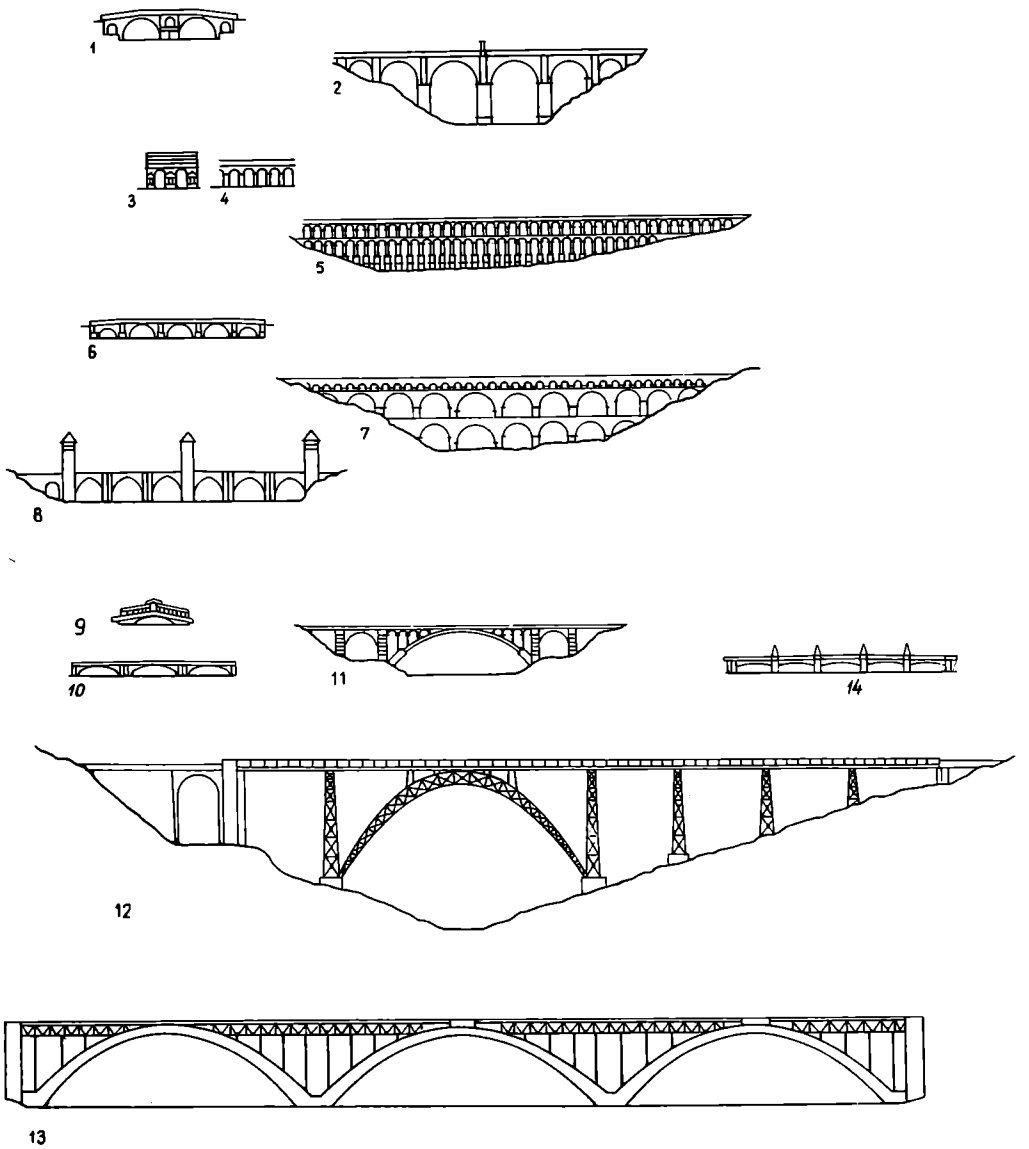


Рис. 10. Сравнительный анализ структуры Гардского моста в одном масштабе с другими мостами:

1 — мост Фабриция, 65 г. до н. э., Рим; *2* — мост Траяна в Алькантара, 98 г.; *3* — Порта Маджора, акведук Клавдия в Риме, 44 г.; *4, 5* — акведук Траяна в Сеговии, 106 г.; *6* — мост Адриана, 126 г.; *7* — Гардский мост; *8* — мост в Кагоре, Франция, XII в.; *9* — мост Риальто в Венеции, архитектор А. Дапонте, 1592 г.; *10* — мост Санта Тринита во Флоренции, архитектор Амманати, 1570 г.; *11* — мост Адольфа в Люксенбурге, архитектор Сежурне, конец XIX в.; *12* — виадук в Гарабит, Франция, инженер Эйфель, 1894 г.; *13* — мост в Плугастеле, Франция, инженер Фрейсине, 1930 г.; *14* — мост Согласия в Париже, архитектор Перронэ, 1794 г.

расцвета военной механизации был век Траяна с его строительным событием — постройкой огромного моста через Дунай для переправы машин в Дакию, но в то время трудно допустить крупную стоянку легионов на западе в районе Нима.

Сопоставляя эти противоречивые данные, все же следует отказаться от гипотезы ранней даты сооружения акведука. Высокая техника каменной кладки говорит в пользу более позднего характера строительных работ, с использованием военного опыта и машин эпохи походов Траяна. Изложенные здесь соображения иллюстрированы нашими схемами.

Заканчивая технической анализ Гардского моста, этого выдающегося памятника античного инженерного искусства и архитектуры, можно прийти к следующим обобщающим выводам.

1. По техническим качествам сооружение всего комплекса Нимского водопровода следует отнести к наиболее прогрессивным инженерным решениям римской древности (рис. 10). Оно могло возникнуть только в период наивысшего экономического и культурного расцвета галльских провинций, т. е. ко II в. Поэтому автор данной работы присоединяется к мнению ученых, относящих сооружение водопровода и Гардского моста к периоду правления Антонинов, когда в честь императора Антонина Пия (и, возможно, за его средства), уроженца Нима, сооружались крупные постройки на его родине. Господствующее мнение в литературе, основанное на исследованиях, в основном относящихся к XVIII в. (Менар) и приписывающих авторство сооружения Агриппе, можно теперь считать безусловно лишенным оснований, потому что появились достоверные данные, касающиеся биографии Агриппы и свидетельствующие о совершенно ином характере его строительных мероприятий.

2. В структуре Гардского моста и в его архитектурной композиции наглядно проявились греческие приемы и традиции, сохранявшиеся на юге Галлии с доримской эпохи оживленные во II в. в правлении Адриана и расцветавшие во всей Римской империи в последующее время вплоть до правления Северов. Характерным признаком этих приемов и традиций было применение закона золотого сечения, принятое и развитое в пропорциях аркады Гардского моста.

3. В пользу более поздней датировки Гардского моста говорит важное обстоятельство, выявленное исследованиями техники римских акведуков английским археологом Эшби и американской ученой Ван-Диман в 20-х годах нашего столетия. Можно после этих работ установить, что многоярусные аркады применялись в Риме только в кирпично-бетонной технике, а не в квадровой, т. е. не раньше конца I в. Кроме того, изучение многоярусных каменных аркад акведуков на территории Испании (Сеговия, Мерида, Таррагона) показало, что все они относятся ко времени не ранее начала II в. Более поздняя датировка подтверждается и художественными приемами композиции, роднящими Гардский мост с «Ареной» (амфитеатром) и «Нимфеем» в Ниме.

Наконец, бесспорным в методе строительства Гардского моста было применение высоко технических механизмов, появившихся в правление Траяна.

А. А. ИЕРУСАЛИМСКАЯ

О СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ «ШЕЛКОВОМ ПУТИ» В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЕССЕНА

Проблема связей племен Северного Кавказа с населением других стран в VI—IX вв. не находит достаточно полного разрешения на основе одних лишь скудных сообщений письменных источников. Естественно поэтому, что важное место в исследовании этих вопросов принадлежит археологии [1].

Однако круг привлекавшихся в этой связи археологических источников был до сих пор весьма ограниченным: монеты, геммы, бусы [2], стекло, иногда отдельные уникальные находки — такие, как сасанидский кубок, найденный в Урздонском ущелье. При этом по крайней мере три первые категории весьма мобильны и отнюдь не всегда могут служить показателем прямых контактов. Пути же проникновения отдельных импортных вещей в эпоху бурных исторических событий и перемещений целых этнических массивов могли быть самыми различными и многократно опосредствованными. Поэтому в каждом случае вопрос должен решаться особо, исходя из количества аналогичных находок и из реальных исторических обстоятельств, которые позволили бы подтвердить неслучайный их характер. Все перечисленные материалы позволяли наметить два основных направления связей Северного Кавказа: Византийская империя (включая Египет, Сирию, Финикию) и Иран. А. А. Иессену удалось показать определенную закономерность в географическом распределении нумизматических находок: преобладание в западных районах византийских монет, в восточных — иранских — (оттуда же происходит и большая часть найденных на Северном Кавказе гемм) [3]. Впоследствии тяготение западноаланских племен к Византии, а восточноаланских — к Ирану отмечалось и другими исследователями [4].

Между тем, для этого периода имеется еще один вид источников, прежде не использовавшийся: шелковые ткани из северокавказских могильников. Наиболее существенной для данной темы особенностью их является массовый характер этих находок; в моем распоряжении было свыше 200 шелковых фрагментов. Большое значение, но уже в связи не только

[1] Е. И. Крупнов. О культурных связях Северного Кавказа по археологическим данным. Уч. зап. Кабард. НИИ, II, Нальчик, 1947, стр. 221.

[2] В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. СА, 1959, 3; В. Б. Ковалевская (Деопик) кроме весьма важного в данной связи исследования северокавказских бус разрабатывает проблему связей Северного Кавказа в этот период и на материале некоторых других видов инвентаря (В. Б. Ковалевская. Производство и торговля народов Северного Кавказа в IV—IX вв. н. э. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку, 1965, стр. 153, 154.

[3] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, стр. 127.

[4] В. Б. Деопик. Адыги. Аланы. «История культуры народов СССР», III, М., 1961.

с историей северокавказских племен, но и с проблемами всемирной истории шелкоткачества, имеют и другие особенности этого материала: высокая стоимость, которой обладал шелк в эти первые века его освоения на Ближнем Востоке и которая создавала ему известную «обращаемость» как некоего мерила ценности; относительно короткий срок его жизни, еще более сокращаемый в данном случае способом его использования — в одежде.

* * *

Раннесредневековые шелковые ткани были найдены на Северном Кавказе в двух могильниках, в западной и центральной части предгорий — в урочище Мощевая Балка (на р. Б. Лаба, Псебайский район) — и у с. Хасаут (в ущелье Сулахор, близ г. Кисловодска).

Коллекция из Мощевой Балки, включающая 143 фрагмента шелковых тканей различных узоров, хранится в Государственном Эрмитаже [5]. Часть предметов погребального инвентаря происходит из пещеры, раскрытой в начале века Н. И. Веселовским [6], после которого памятник не исследовался до 1951 г., когда его осмотрел А. А. Иессен. Неопубликованный отчет А. А. Иессена, предоставленный им в свое время автору этих строк, служит в настоящее время единственным документом, позволяющим судить о характере захоронений в Мощевой Балке.

Коллекция из Хасаута, привезенная в 1885 и 1886 гг. М. М. Ковалевским, хранится частью в ГИМ, частью в Эрмитаже. Несколько ограбленных пещер было обследовано А. В. Руничем. Собранный им небольшой материал поступил в ГИМ. Всего из Хасаутского могильника происходит 65 шелковых фрагментов [7].

Оба могильника весьма сходны как по сделанным в них находкам, так и по устройству погребальных сооружений. Последние представляют собой пещерные склепы — естественные (образовавшиеся в результате выветривания выходов юрского песчаника) и специально высеченные, имеющие в плане прямоугольную с закругленными углами форму, сводчатый потолок и замурованный вход. Они расположены на значительной высоте в труднодоступных местах и использовались местными племенами на протяжении длительного периода. Каждый из могильников может получить достаточно точную датировку не только исходя из найденного в них текстиля (который во многих случаях сам нуждался в хронологизации), но и по характеру другого инвентаря, имеющего самые близкие соответствия в алано-салтовских памятниках VIII—IX вв.

---

[5] Материалы Мощевой Балки не опубликованы. Было издано лишь несколько тканей: Н. Митина. Фрагмент шелковой ткани из Мощевой Балки. СГЭ, X, Л, 1956, стр. 41 сл.; А. Иерусалимская. Шелковая ткань с Бахрамом Гуром из могильника Мощевая Балка. Тр. ГЭ, V, Л., 1961, стр. 40—50; ее же. К вопросу о торговых связях Северного Кавказа в раннем средневековье (несколько шелковых тканей из Мощевой Балки). СГЭ, XXIV, Л., 1963, стр. 35—39. Ряд фрагментов упомянут в «Каталоге международной выставки памятников иранского искусства и археологии» (Л., 1935, стр. 232—236, 239, 251, 252, 259).

[6] Отчет разыскать не удалось. Сведения о коллекции происходят из Архива Этнографического отделения Русского музея. Остальная часть собрания Эрмитажа не имеет паспорта и была получена в 1935 г. И. А. Орбели из МАЭ АН СССР; об антропологическом материале из Мощевой Балки: В. П. Алексеев. Краниологические типы средневекового населения Северного Кавказа. «Труды Московского общества испытателей природы», XIV, М., 1964 («Современная антропология», том к 70-летию В. В. Бунака), стр. 208—217; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, М.— Л., 1948.

[7] Материалы Хасаутского могильника точно так же не публиковались, за исключением нескольких страниц, посвященных им в популярном очерке: М. М. Ковалевский, И. Иванюков. У подошвы Эльбруса. «Вестник Европы», 1886, I, стр. 83—112, II, стр. 553—580; Протоколы МАО. Древности МАО, XII, М., 1888, стр. 41. Н. П. Кондаков. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929, стр. 341—343; «Указатель памятников Российского Исторического музея», М., 1893, стр. 392 сл.

Некоторые наиболее типичные категории этих предметов представлены на рис. 1. Подробный их анализ увел бы слишком далеко от темы настоящей статьи. Отмечу поэтому, что особенно характерны в этом отношении бронзовые «салтовские» подвески в форме парных перевернутых миниатюрных котлов (рис. 1, *2*), ситечко (рис. 1, *4*), пряжка (рис. 1, *3*), фибулы (рис. 1, *1*, *10*), а также сосуды (рис. 1, *11—13*). Многочисленные аналогии связывают их с такими могильниками, как Верхне-Салтовский, Камунта, Лац, Чми и др. Несколько более широк срок бытования перст-

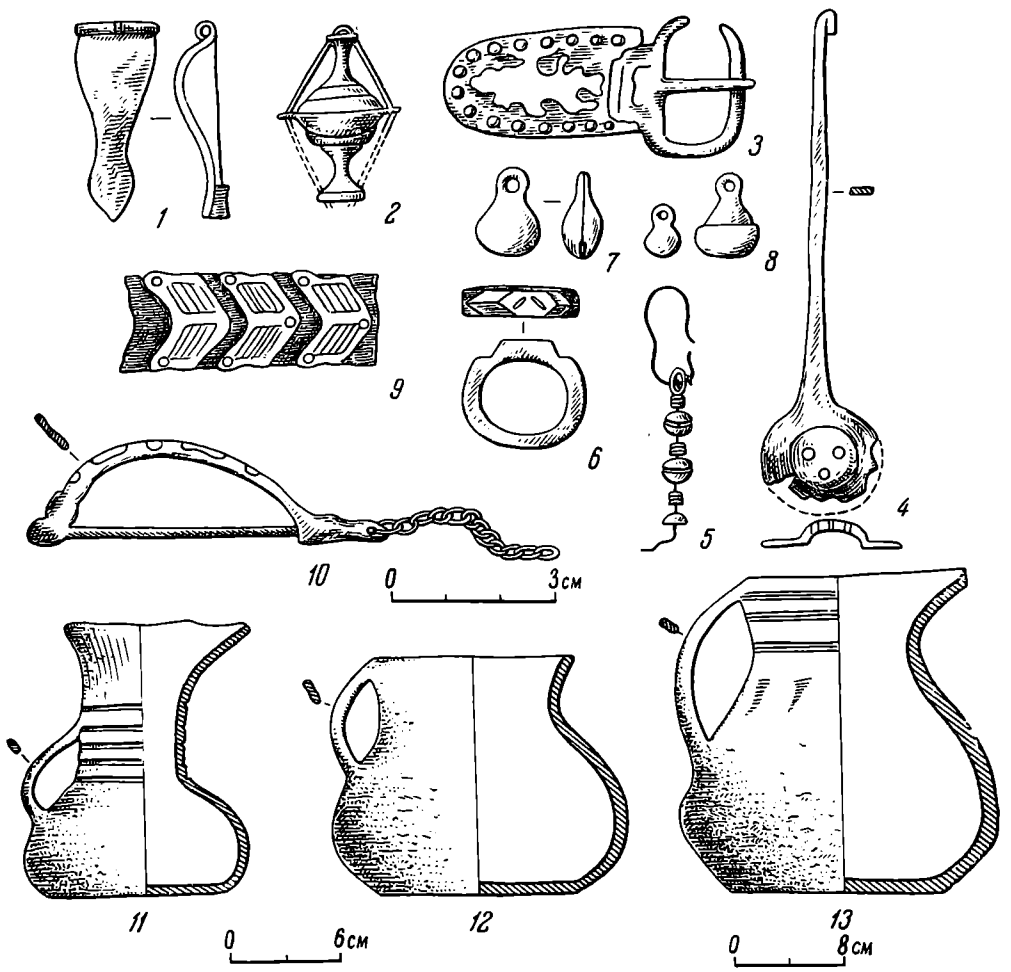


Рис. 1. Погребальный инвентарь Мощевой Балки (*1*, *2*, *5—7*, *9*, *11—13*) и Хасаут (*3*, *4*, *8*, *10*)

ней и серег из Мощевой Балки (рис. 1, *5*, *6*), который можно, видимо, довести до X—XI вв. К этому времени относится и один ритуальный шелковый мешочек из этого могильника. Таких предметов в коллекции из Мощевой Балки насчитывается, однако, единицы, в целом же весь комплекс очень однороден хронологически.

В Хасаутском могильнике тоже выделяется небольшая, но все же ощутимая группа более поздних шелковых фрагментов и предметов погребального инвентаря (стеклянные браслеты, бронзовые гарды сабель и треугольные подвески «змейского» типа и пр.), которые могут быть датированы XII—XIII вв.

Если суммировать все сказанное выше с теми датами, которые дает изучение текстильного материала (некоторые из найденных здесь тканей, безусловно, относятся к VII и даже к VI в.), то начало функционирования

обоих могильников, по-видимому, следует отодвинуть в VII в., хотя основной пласт погребений датируется VIII—IX вв.; эпизодически они использовались и в последующее время: Мощевая Балка — в X—XI, Хасаут — до XIII в.

В сухих песчаниковых склепах хорошо сохранились предметы, редкие для археологических комплексов нашего климатического пояса: дерево, кожа и, наконец, ткани. Одежда шилась из простой полотняной материи, несомненно местного изготовления, о чем свидетельствуют, между прочим, и находки в обоих могильниках остатков ткацких станков.

Хорошо восстанавливаются различные типы одежды, характеристики которых я не буду здесь касаться. Одежда декорировалась кусками шелковых тканей (как выяснилось, большей частью привозных), сшивавшихся одна с другой в виде каймы, которую нашивали по обшлагам, подолу, у ворота и вдоль центрального разреза длиннополых кафтанов, иногда по всему рукаву. Шелком отделывали также головные уборы, обувь, «чулки», подголовные валики и подушки, футляры гребней, шили мешочки для реликвий, ладанки и т. п. Именно эти обрывки шелка (узоры которых нередко приходилось реконструировать по маленьким кусочкам, чтобы иметь возможность судить о месте и времени их производства) и помогают выяснить некоторые новые факты о направлениях торговых путей этой эпохи [8].

* * *

Переходя к изложению фактов, следует, однако, заметить, что атрибуция ранних шелковых тканей крайне затруднительна вследствие малочисленности доживших до наших дней древних тканей, неопределенности условий находки большинства из них и, наконец, специфики текстильного производства с его консерватизмом в выборе орнаментов и сюжетов, с его бесконечным копированием в разных центрах одних и тех же образцов и т. д. Лишь в последние годы, когда началось систематическое изучение техники шелкоткачества [9] и сделаны некоторые важные открытия в истории древнего текстиля, возникли более надежные основания для определения места и времени изготовления отдельных групп тканей.

К числу последних относится, в частности, группа шелков, недавно атрибутированных как согдийские ткани, выделывавшиеся в местечке Зандана близ Бухары. Д. Шеперд [10] обнаружила на обороте одного из фрагментов этого рода согдийскую надпись с названием ткани «занданечи», сделавшую несомненным место производства подобных шелков [11], что неожиданно оказалось очень важным не только для историков текстиля, не только для историков Средней Азии [12], но и, как будет видно из дальнейшего, для историков Северного Кавказа. Не касаясь подробно других групп импортных тканей, найденных в северокавказских могильниках, я остановлюсь главным образом на занданечи, которые являются основными для темы настоящей статьи.

---

[8] Все эти вопросы подробно изложены в подготовленном мною к печати «Каталоге шелковых тканей раннесредневековых могильников Северного Кавказа в собраниях Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея».

[9] Координируемому в настоящее время Лионским Международным центром по изучению древних тканей (CIETA).

[10] D. G. Shepherd, W. B. Henning. Zandaniji Identified? Sonderdruck. «Aus der Welt der Islamischen Kunst». Festschrift für E. Kühnel. Berlin, 1959.

[11] Согдийская атрибуция этих тканей принята сейчас всеми специалистами. A. Geijer. Some Throughts on the Problems of Early Oriental Carpets. «Ars Orientalis», V, 1963, стр. 86 сл.; ее же. A Silk from Antinoë and the Sasanian Textile Art. «Orientalia Suecana», XII, 1963. Uppsala, 1964, стр. 28; R. Grönwoldt. Webereien und Stickereien des Mittelalters. Bildkataloge des Kestner-Museums (Hannover), VII, «Textilien», I. Hannover, 1964, стр. 16 сл.

[12] А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович. Из истории среднеазиатского шелкоткачества. СА, 1961, 2, стр. 66 сл.

* * *

Что представляют собой ткани занданечи, каковы их характерные особенности с точки зрения композиции, стиля, сюжетов их узора и техники изготовления? Необходимо хотя бы кратко сформулировать это, для того чтобы стали ясными те основания, на которых зиждется мое определение ряда найденных на Северном Кавказе тканей как согдийских.

Д. Шеперд посвятила свое исследование лишь одной из групп этих шелков (занданечи I) и отметила некоторые технические их особенности.

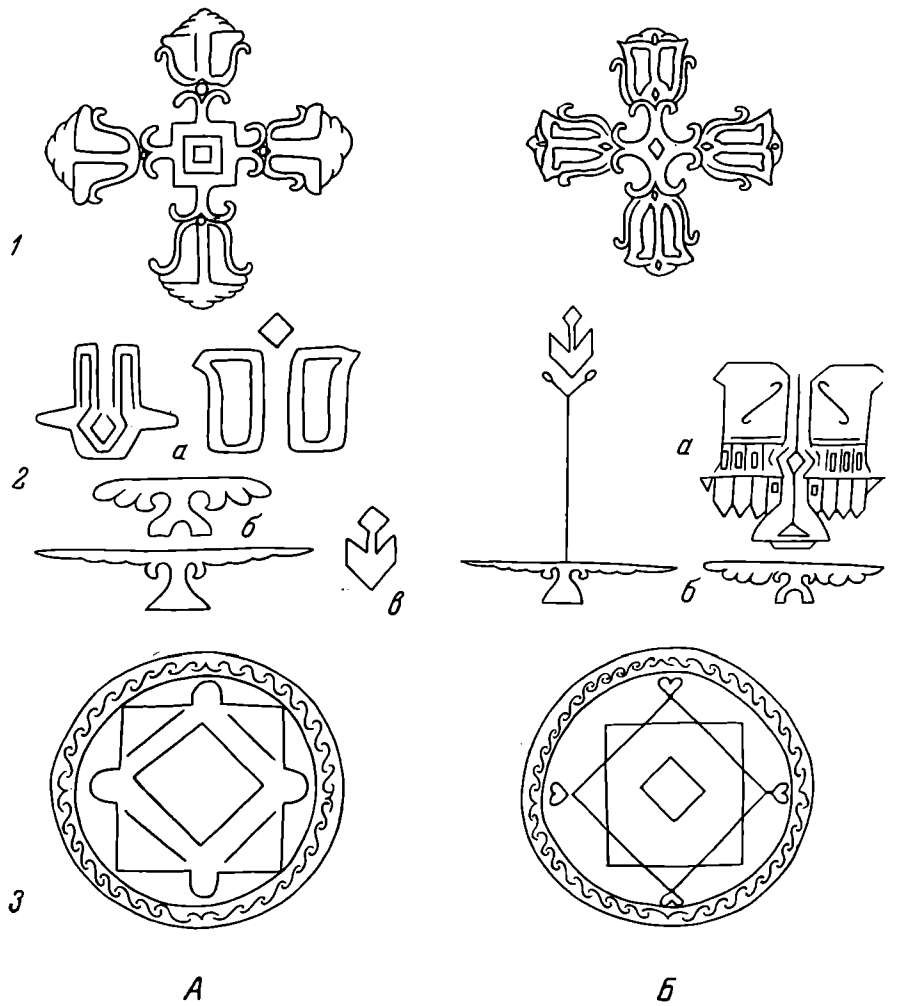


Рис. 2. Элементы орнамента, характерные для согдийских тканей типа занданечи: *А* — Северный Кавказ, *Б* — Западная Европа

В различных музеях Европы и Америки (Берлин, Ганновер, Брюссель, Льеж, Лион, Париж, Лондон, Рим, Флоренция, Вашингтон, Нью-Йорк, Лос-Анжелос и др.) находится, как мне удалось выяснить по публикациям, еще около 20 разновидностей подобных шелков [13], которые могут соста-

[13] Большая часть этих фрагментов опубликована — с самыми разными антрибуциями: I. Errera. Catalogue d'étoffes anciennes et modernes. Bruxelles, 1927. № 4; J. Lessing. Die Gewebe-Sammlung d. Kng. Kunstgewerbe-Museums. Berlin, 1913; A. C. Weibel. Two Thousand Years of Textils. N. Y., 1952. рис. 91—100; N. Reath, E. Sachs. Persian Textils and their Technique from the 6-th to the 18-th Centuries. New Haven, 1937, рис. 49, стр. 99, 100; A. F. Kendrick. Cataloque of Early Mediaval Woven Fabrics, Victoria and Albert Museum. London, 1925, табл. III, IV; R. Grönwoldt. Ук. соч., стр 131; O. Falke. Kunstgeschichtend. Seidenweberei. Berlin, 1921, рис. 103—115; M. S. Dimand. A Handbook of Muhammadan Art. N. Y., 1958, стр. 261—262; H. J. Schmidt. Alte Seidenstoffe. Braunschweig, 1958; его же Persian Silks of the

вить еще две группы (обозначаемые мною как занданечи II и занданечи III). Вместе с восемью видами занданечи I они дают уже достаточный материал для суждения об особенностях согдийских шелков в целом. Эти особенности, как мне представляется, сводятся к следующему:

1. Композиция в виде медальонов, в которых заключено основное изображение. Медальоны сближены в горизонтальные ряды; промежутки между ними, как правило, заполнены растительными мотивами, парными животными либо птицами или, чаще всего, сложными четырехконечными фигурами из переплетающихся геометризованных цветов (рис. 2, *1*). Рисунок внутри медальонов дан в симметричном зеркальном удвоении, ось которого на ранних шелках подчеркнута «древом жизни», от которого впоследствии остается лишь нижняя часть — полупальметка в виде так называемого мотива «развернутых крыльев», сделавшаяся особенно характерной (рис. 2, *2*, *б*). Из других типичных композиций и мотивов можно отметить различные комбинации вписанных один в другой квадратов, кругов, ромбов (рис. 2, *3*); все тот же геометризованный цветок (рис. 2, *2*, *а*) но более крупный, и некоторые другие мотивы (рис. 2, *2*, *в*).

2. Стиль отличается значительным эклектизмом. Заимствования делаются как из византийского, так и из сасанидского стилистических приемов и мотивов. Сам по себе рисунок угловат, не всегда пропорционален — более «провинциален», чем большинство дошедших до нас сасанидских, константинопольских или александрийских образцов. При всем эклектизме стиля, формы трансформации того или иного мотива очень устойчивы, а «местный» элемент проявляется порой в самых малозаметных деталях (приемы изображения шерсти животных, геометризации растительных мотивов и т. п.).

3. Набор сюжетов разнообразен: львы, кони (особенно часто — крылатые), всадники, собаки, слоны, орлы, павлины, утки, козероги, олени, композиции из растительных и геометрических мотивов. Этот набор сюжетов опять-таки связан как с византийским шелкоткачеством, так и с сасанидским (птицы с ожерельем или побегом в клюве, крылатые кони) [14]. При заимствовании сюжетов, как и при копировании определенных мотивов, несомненно, производился определенный отбор, благодаря которому те или иные из них становились популярными и воплощались уже в особых, отличных от своего прототипа, формах. К числу сюжетов, наиболее распространенных в согдийском текстиле, относятся, например, козероги, кони, олени. Совершенно своеобразны по своему характеру и, пожалуй, встречаются чаще всего чисто орнаментальные, «бессюжетные» узоры (рис. 8).

4. Техника изготовления в принципе характерна для всех ближневосточных и византийских центров этого периода (рис. 6 — типичная схема переплетения сложной двухосновной уточной саржи). Имеются, однако, и некоторые особенности, отличающие согдийские шелка от всех других. К тем из них, которые были отмечены Д. Шеперд (сравнительная грубость утков; характерная гамма: золотистый, бежевый, белый, темно-синий, красный, зеленый цвета — при плохом качестве красителей; особая кромка), следует добавить еще одну весьма важную особенность: почти полное отсутствие крутки нитей. Это обстоятельство существенно отличает ткани занданечи от продукции западных центров, для которых (в особен-

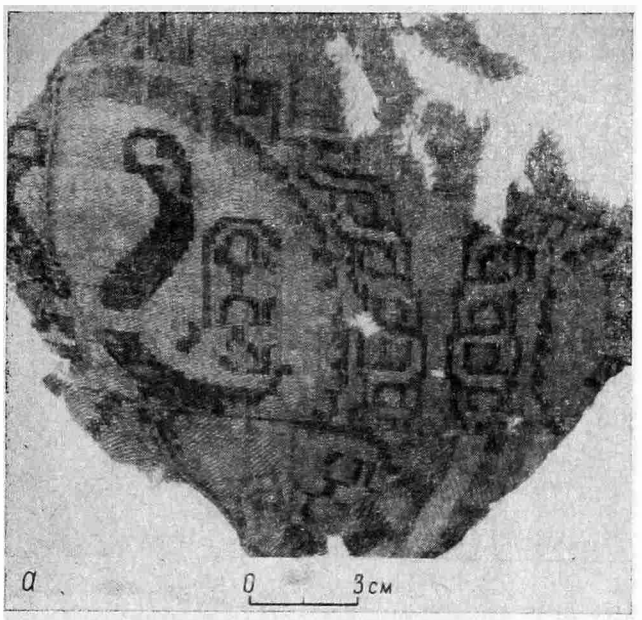
---

Early Middle Ages. «Burlington Marazine», LVII, 1930, стр. 284—294; M. A. Stein. Serindia, II, Oxford, 19, 1921, стр. 907—909, 939, 1049—1050; IV, табл. CVI, CXI, CXV CXVI; Л. А. Евтюхова. О племенах центральной Монголии в IX в. СА, 1957, 2 стр. 205—227; М. П. Винокурова. Ткани из замка на горе Муг. Изв. ООН АН ТаджССР, 14, 1957, стр. 28 сл.

[14] Особенно яркие примеры в этом отношении дают ткани из Хасаутского могильника (рис. 3, *б*, 4, *а*), копирующие в упрощенном виде (и в симметричном удвоении) известные сасанидские ткани с этими сюжетами из поздних погребений Антинои.

ности для Александрийского гинекея) преобладающей тенденцией являлась сильная крутка нитей, вероятно, идущая от традиции обработки шерсти.

Среди шелковых фрагментов, найденных в Мощевой Балке и Хасауте, имеется несколько таких, которые полностью соответствуют приведенной



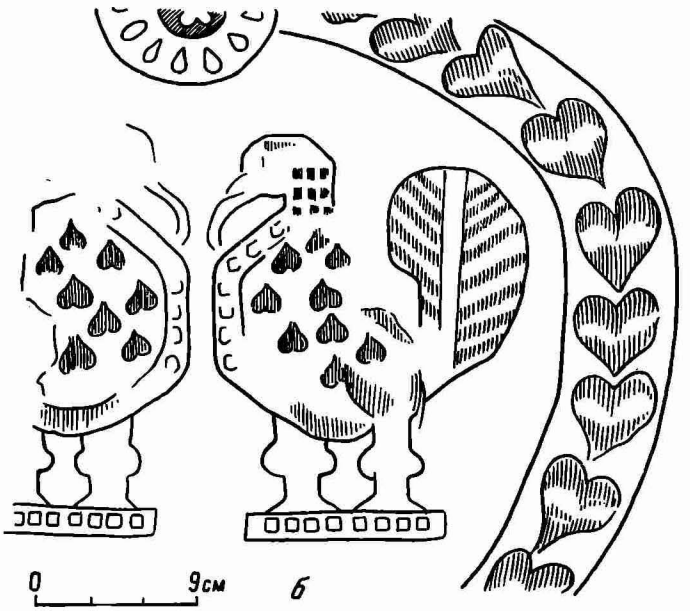
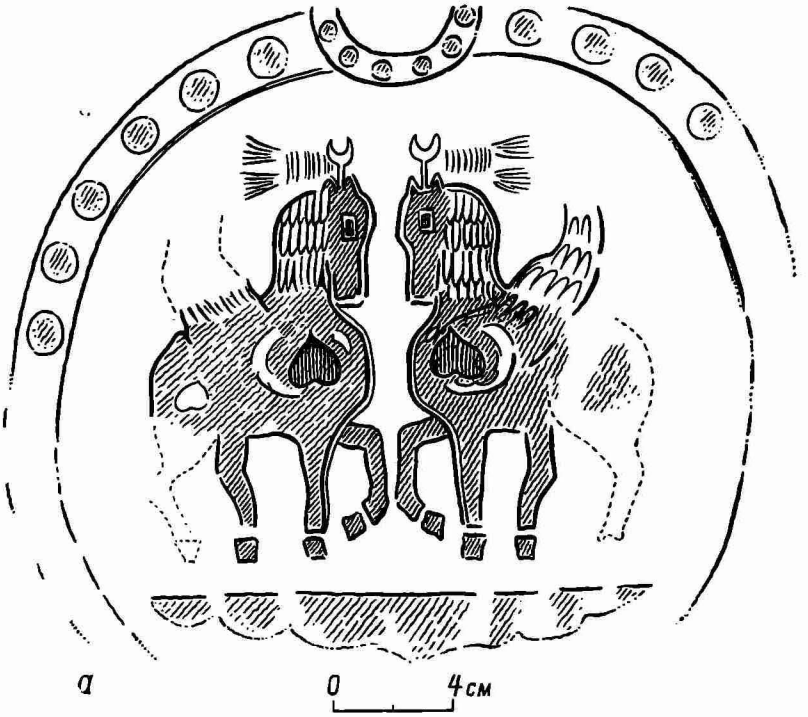


Рис. 3.

а — фрагмент ткани с «павлинами». Мощевая Балка; *б* — ткань с птицами, держащими в клювах веточку или ожерелье (прорисовка). Хасаут

здесь характеристике согдийских тканей. Некоторые из них оказались имеющими прямые аналогии или даже повторения среди образцов, хранящихся в зарубежных музеях (рис. 3; 4, *б*; 7, *б*; 8), другие дают новые сюжеты и варианты орнаментов (человеческие изображения, кувшины, «двойные секиры» и др. (5; 7, *а*; 9). Некоторые представлены рядом ва-



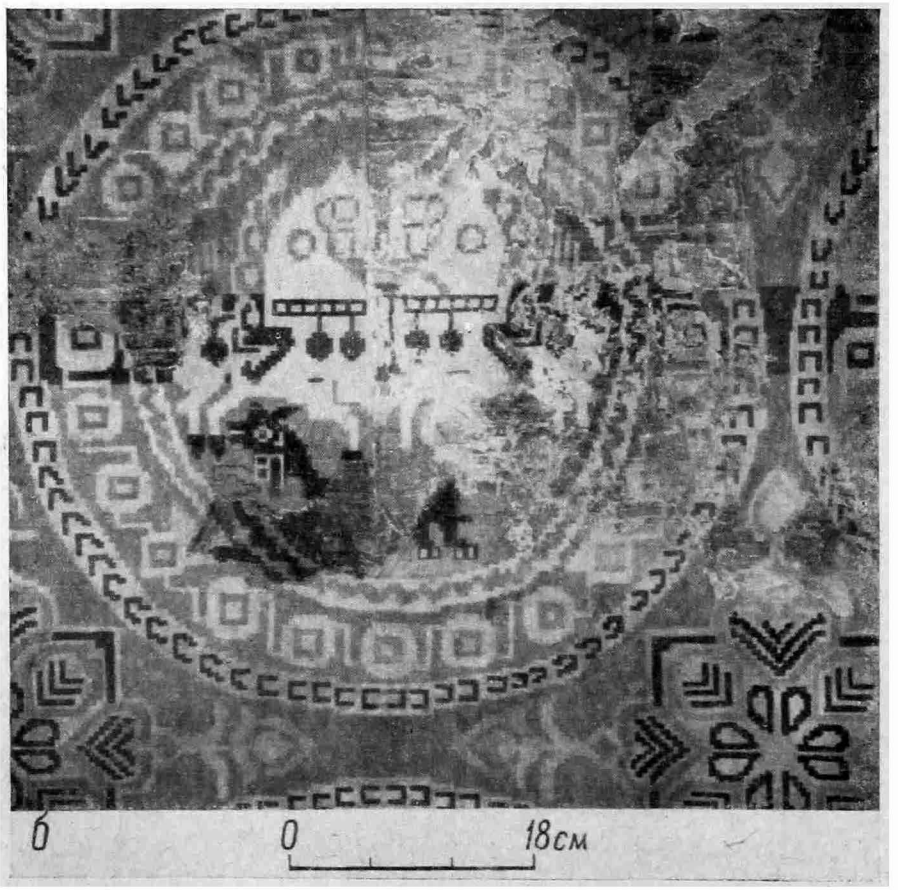


Рис. 4.

а — ткань с крылатыми конями (пегасами). Хасаут; *б* — ткань с пегасами (после закрепления и реконструкции). Мощевая Балка

риантов одного и того же узора (см. Приложение). Общее количество видов рисунков тканей занданечи, найденных на Северном Кавказе, равняется 27, что почти равно количеству ранее известных.

С помощью образцов согдийских тканей из северокавказских могильников удается, во-первых, получить типологические ряды развития орнамента шелков занданечи в целом (которые и позволили мне разделить их на упоминавшиеся выше три группы) и, во-вторых, уточнить их хронологию. В вопросах датировки особенно важными являются случаи, когда найденные в Мощевой Балке и Хасауте фрагменты этих тканей оказывались сшитыми в древности с лоскутками других шелков, имеющих твердые основания для датировки, что позволило уточнить и дату первых. Так, ранняя дата ткани с «павлинами» из Мощевой Балки (рис. 3, *а*) подтверждается тем, что ее маленький лоскуток был пришит в шве обшлага, сделанного из кусочков известной византийской ткани начала VII в. (с изображением Бахрама Гура). Более же поздний возраст отнесенных мною к следующей типологической группе тканей с геометрическим узором и с крылатыми конями (рис. 4, *б*; 8) проверяется тем обстоятельством, что они были сшиты с фрагментом послесасанидской иранской ткани конца VIII — начала IX в.[15].

Рис. 5. Головной убор из ткани с «кувшинами». Мощевая Балка

Не останавливаясь на обосновании атрибуций отдельных тканей и на детальной характеристике каждой из трех групп шелков занданечи (которым будет посвящена специальная работа), привожу — в дополнение к рис. 3—9 — перечень в хронологической последовательности всех образцов согдийских шелковых тканей, найденных на Северном Кавказе (см. Приложение).

Согдийские шелка не только преобладали в северокавказском импорте, но их рисунки, по-видимому, повлияли на развитие местного текстильного ремесла. Большая часть самых распространенных на Северном Кавказе (и в то же время самых низкокачественных) шелковых тканей (двуцветных желто-коричневых, первоначально красно-белых, с рядами небольших соприкасающихся медальонов, окруженных перлами,— рис. 9, *б*) воспроизводит в упрощенном виде узор согдийских шелков с «двойными секирами» (рис. 9, *а*). Сам по себе этот сюжет на согдийских тканях, возможно, не осмыслялся именно таким образом (во всяком случае, он явно восходит к растительным мотивам, о чем свидетельствует и обычная согдийская полупальметка в виде «развернутых крыльев», из которой он выра-

[15] А. Иерусалимская. К вопросу о торговых связях..., стр. 37—39.

стает). На Северном Кавказе этот мотив получает вполне определенное осмысление и воплощение в виде серии несомненных двойных секир, что, по всей вероятности, связано с особенностями местных религиозных верований: это подтверждается находками бронзовых секир и особенно амулетов такой формы в аланских памятниках [16]. Таким образом, эти ткани, узор которых дает множество вариантов [17], по-видимому, действительно следует считать местными (разумеется, изготовленными на привозном сырье, быть может даже уже заранее окрашенном). В случае если бы в дальнейшем какие-либо новые факты заставили бы отказаться от этого предположения, единственным иным объяснением относительно места изготовления этих грубых шелков Мощевой Балки и Хасаута могла бы быть только опять-таки согдийская их атрибуция. И тогда количество согдийских тканей на Северном Кавказе возросло бы почти вдвое.

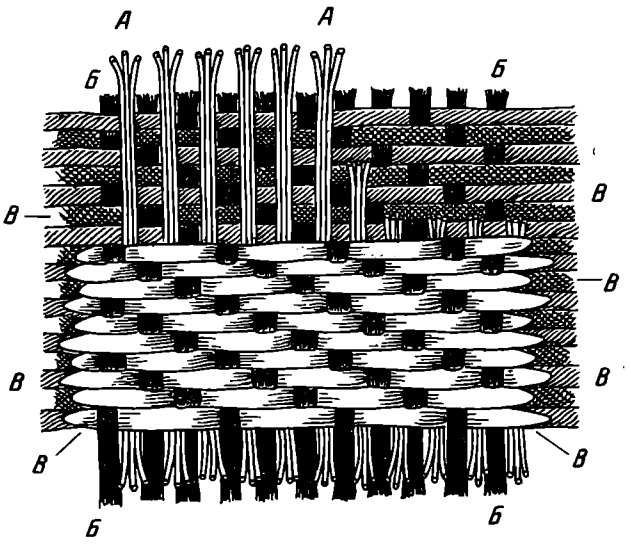


Рис. 6. Схема переплетения тканей занданечи:
а — внутренняя основа; *б* — связующая основа;
в — утки (верхний и нижний)

* * *

Кроме согдийских шелков и только что упоминавшихся шелков местного изготовления в северокавказских могильниках были найдены также византийские, китайские и другие ткани.

Таблицы 1 и 2 показывают соотношение между группами шелковых тканей разного происхождения.

Как видно из табл. 1, удалось выявить шесть таких групп, из которых одна (шестая) не имеет прямого отношения к нашей теме, поскольку она выходит за ее хронологические пределы и включает ткани X—XIII вв. Седьмую группу составляют шелка, которые, в силу тех или иных причин (чаще всего — плохого состояния и малых размеров сохранившихся кусочков), не могли получить твердую атрибуцию.

Количественные данные для каждой группы учитывались с разных сторон. При этом необходимо оговорить, что «фрагментом» я называю то состояние, в котором сохранилась та или иная ткань в настоящее время; «разновидностью» — первоначально изготовленную целую ткань (таким образом, ткани разных видов отличаются одна от другой узором, размером раппорта, характером нитей и их переплетения и т. д.). Количественное выражение этих двух понятий часто не совпадает: так, фрагмент может состоять из нескольких сшитых между собой разных тканей (разновидностей), а одна разновидность может быть представлена рядом фрагментов. Каждая из выделенных мною групп включает ряд разновидностей и определенное количество фрагментов разного размера. Для большей достоверности удельный вес каждой группы охарактеризован тремя показателями.

1. Число разновидностей тканей — наиболее важный показатель, поскольку он характеризует количество «обращавшихся» в этом районе раз-

[16] A. Kuznecova. Altertümer aus dem Tal der mittleren Inja. ESA, V, Helsinki, 1930, стр. 87.

[17] На более сложных из них можно еще увидеть полную композицию их прототипов (вплоть до упрощенного мотива развернутых крыльев), наиболее простые не сохраняют даже рисунка секиры и представляют собой ряды медальонов с перлами, пересеченные горизонтальной полосой.

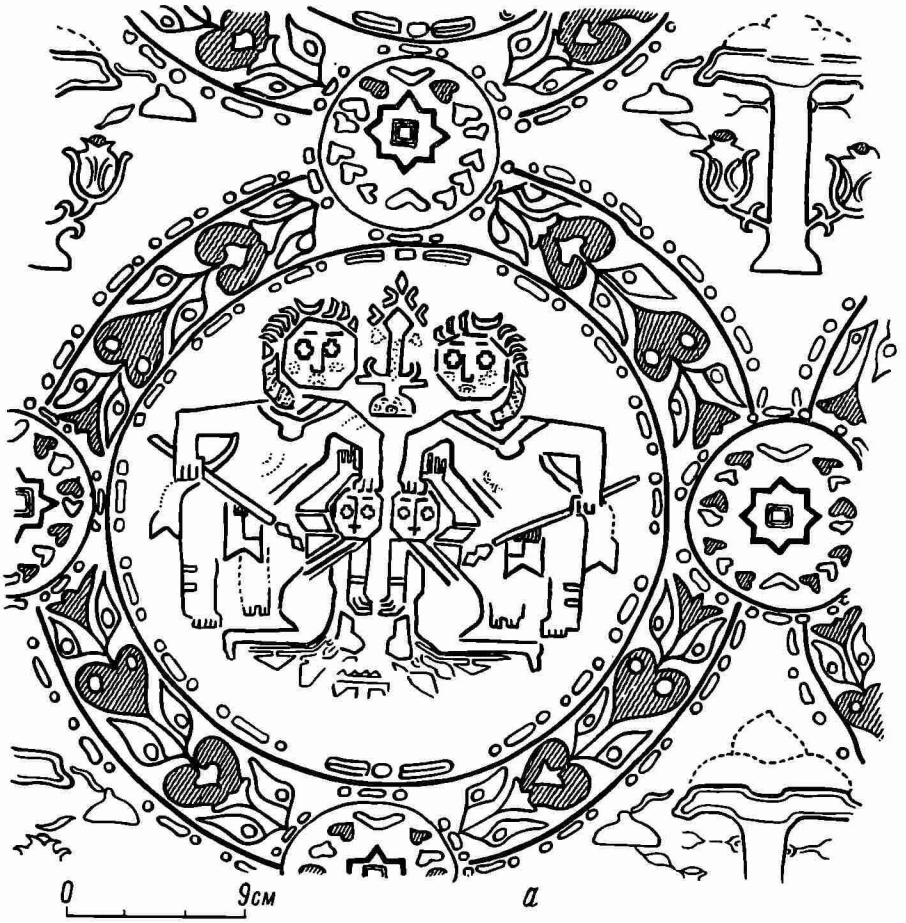


Рис. 7.

а — ткань со сценой «жертвоприношения Авраама» (копия с египетских образцов. Реконструкция). Мощевая Балка; *б* — ткань с козерогами (с изнанки). Хасаут

Рис. 8. Ткань с геометрическим орнаментом (после закрепления и реконструкции). Мощевая Балка

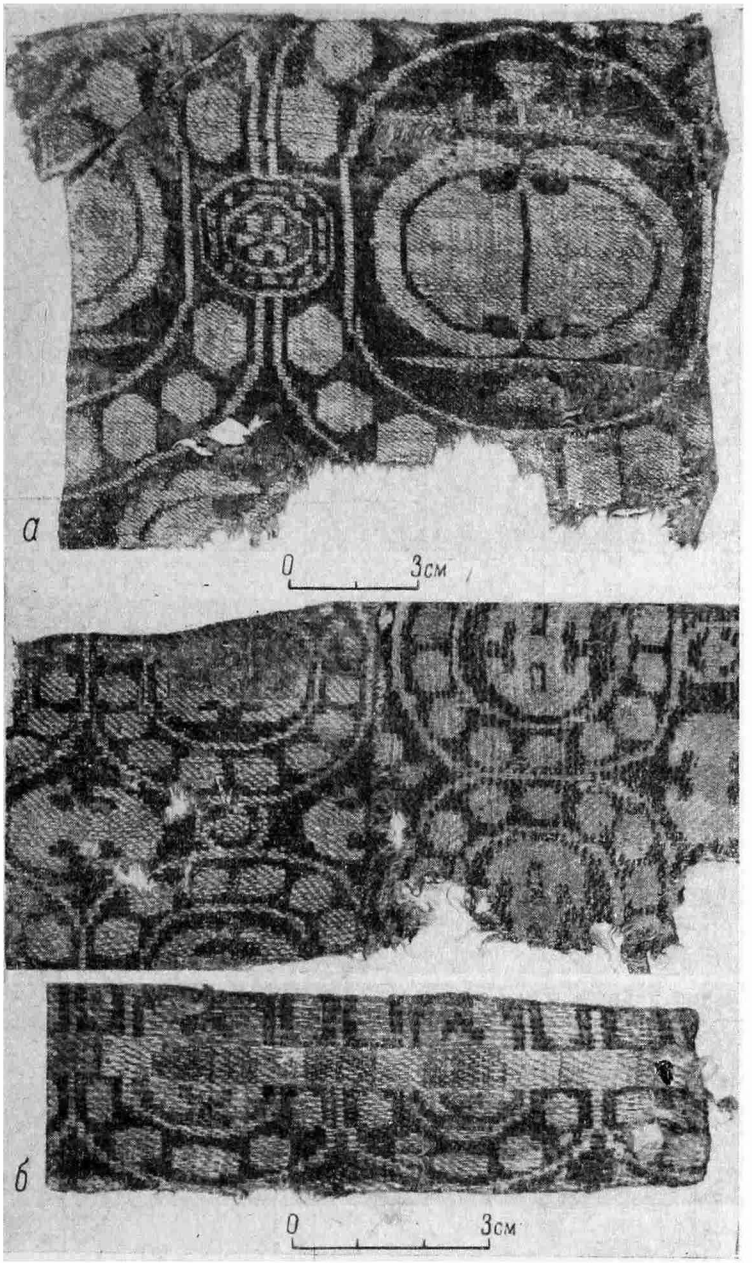


Рис. 9.

а — фрагмент согдийской ткани с «двойными секирами»; *б* — местные подражания согдийским тканям

ных тканей, дает как бы тот «осадок», который выпал тут из общего состава. Обычно бóльшему числу разновидностей соответствует и бóльшее число фрагментов и бóльшая площадь. Исключение составляют, очевидно, лишь уникальные, дорогие ткани: в таких случаях не обязательна прямая зависимость между этим показателем и абсолютными размерами фрагментов (см., например, византийскую группу).

2. Площадь (в *см*^{2}), которой измеряется сумма размеров кусочков тканей каждой группы. На этот показатель оказывает влияние ряд факторов. Первый из них — стоимость ткани, связанная обратно пропорциональной зависимостью с размерами находимых фрагментов. Второй — качество

шелка, обусловившее бо́льшую или меньшую его сохранность (следовательно, размеры найденных фрагментов находятся в прямой пропорциональной зависимости от этого фактора). Наконец, третий фактор, который может оказать влияние на величину этого показателя,— обычный способ использования того или иного вида ткани: так, узорные шелка, употреб-

Таблица 1

Сводка данных по находкам шелковых тканей в могильниках Мощевая Балка и Хасаут, %

№ п/п	Группа тканей	Мощевая Балка			Хасаут		
		количество разновидностей	суммарная площадь тканей	количество фрагментов	количество разновидностей	суммарная площадь тканей	количество фрагментов
		61 разн. =100%	32500 *см*² =100%	143 фр. = 100%	39 разн. =100%	11650 *см*² =100%	65 фр. =100%
1	Согдийская	31,0	44,8	38,1	20,5	52,3	23,0
2	Византийская	9,8	3,1	4,5	15,4	9,9	16,2
3	Китайская	11,5	28,5	23,9	5,1	12,9	9,4
4	Иранская	1,6	1,1	0,7	—	—	–
5	Местная	31,2	15,2	26,1	12,8	11,2	12,2
6	Поздняя	1,6	0,6	0,7	26,0	9,2	20,3
7	Не атрибутированные ткани	13,2	6,7	6,0	20,2	4,5	18,9

лявшиеся обычно лишь для отделки, несомненно, должны иметь меньшую площадь, чем гладкие, из которых делались подкладки или целые одежды.

3. Количество фрагментов, в которых ныне существуют все эти ткани. Несмотря на сравнительно случайный характер этого показателя, в неко-

Таблица 2

Сводка данных по шелковому импорту на Северном Кавказе, %

№ п/п	Группа тканей	Количество разновидностей	Суммарная площадь тканей	Количество фрагментов
		49 разн. =100%	33970 *см*² =100%	127 фрагм. =100%
1	Согдийская	55,4	60,7	53,6
2	Византийская	24,5	6,4	15,0
3	Китайская	18,0	31,8	30,7
4	Иранская	2,1	1,1	0,7

торых случаях он не только дополняет второй, но и уточняет реальное положение вещей (так, в византийской группе высокому проценту разновидностей тканей соответствует и большой процент числа фрагментов, поскольку ни один из фрагментов этих драгоценных шелков не повторяется; между тем, площадь их по той же причине сравнительно невелика).

Таблица 1 показывает распределение материала по группам в каждом могильнике. Общие тенденции, как это можно видеть, весьма сходны в обоих памятниках [18]. Ввиду этого очень существенного обстоятельства ока-

[18] Небольшое отличие имеется лишь в несколько более высоком проценте поздних шелков в Хасаутском могильнике и в соотношении между византийскими и китайскими тканями: в Хасаутском могильнике первые преобладают над вторыми, в Мощевой Балке — вторые над первыми.

залось возможным получить сводные данные по шелковому импорту для этого района Северного Кавказа (табл. 2).

Анализ таблиц приводит, как уже отмечалось, прежде всего к совершенно ясному выводу об абсолютном преобладании согдийских шелков (по всем показателям). В особенности заметно оно, если обратиться к импорту (табл. 2), где на их долю приходится примерно 54—60%, т. е. больше, чем на все остальные привозные ткани, вместе взятые. Разумеется, это не может считаться случайностью и находит вполне достоверное объяснение в конкретной исторической действительности.

Второй важный вывод из наших таблиц, косвенно подтверждающий первый,— отсутствие в этих районах иранских, сасанидских тканей, что вполне соответствует тем прогнозам, которые делались А. А. Иессеном по нумизматическим находкам. Единственный найденный здесь образец иранского шелка [19] относится уже к послесасанидскому времени, к концу VIII — началу IX в. По-видимому, эта находка может быть связана с уже изменившейся исторической обстановкой (в частности, с караванной дорогой из Багдада в Булгары, проходившей через Кавказ и Хазарию).

Далее, в значительном количестве найдены византийские и китайские ткани. Оба эти факта стоят, с моей точки зрения, в несомненной связи с первым выводом — с обилием здесь согдийской шелковой продукции, о чем будет речь ниже.

Что касается византийских тканей, то в большинстве они относятся к продукции императорской мастерской Константинополя и имеют самые близкие аналогии и повторения в некоторых зарубежных музеях (два интересных образца на рис. 10) [20]. Как уже указывалось, почти все они относятся к числу роскошных, очень редких шелков и в нашем собрании не дают повторений (в отличие, например, от многократно повторяющихся вариантов узора более дешевых и, видимо, гораздо более распространенных согдийских тканей). Проникновение этих византийских тканей на Северный Кавказ могло быть связано, помимо всего прочего, с деятельностью миссионеров, с подношениями местной знати и т. д.

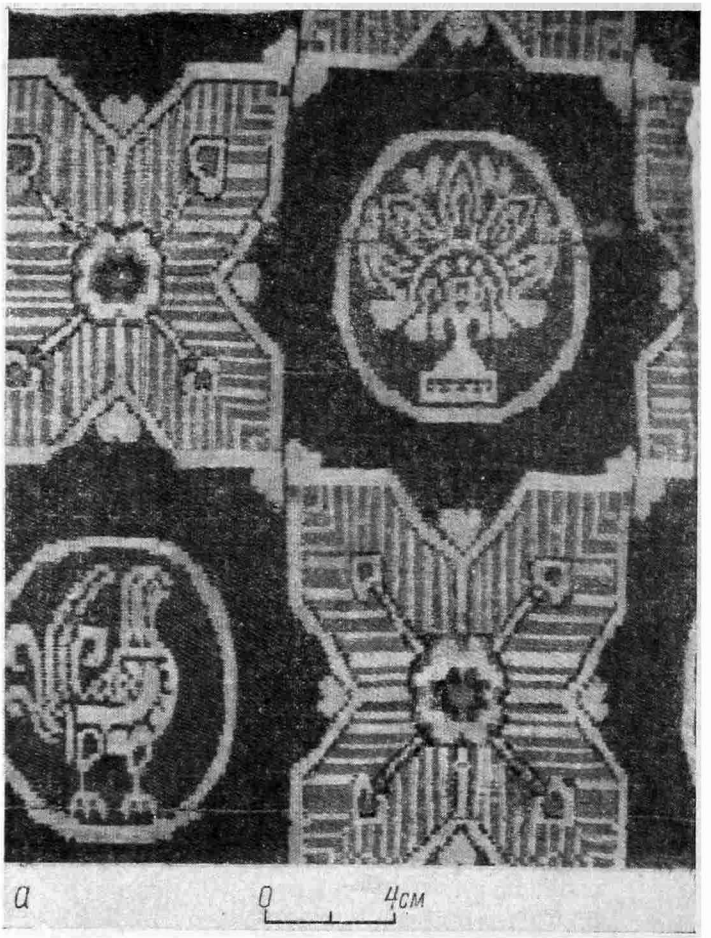
Китайские шелка представлены главным образом гладкой тафтой, а также небольшим количеством камки, газа и тафты с набивным узором (рис. 11). Преобладание гладких тканей (использовавшихся, как уже указывалось, для подкладок и для шитья целых одежд) [21], так же как и высокое качество этих шелков, обеспечившее их сохранность, обусловили в северокавказских могильниках большую площадь фрагментов таких тканей, в то же время значительно уступающих по числу разновидностей византийским. Полной противоположностью им в этом отношении являются местные ткани (табл. 1, группа 5), плохо сохранившиеся и давшие значительно меньшую площадь образцов, чем это можно было бы ожидать, исходя из большого числа их разновидностей [22].

[19] А. А. Иерусалимская. К вопросу о торговых связях..., стр. 36; ее же. О «постсасанидских» шелковых тканях. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии Гос. Эрмитажа (секционные заседания). Л., 1964, стр. 50 сл.

[20] А. А. Иерусалимская. Шелковая ткань с Бахрамом Гуром из могильника Мощевая Балка, стр. 40—41, 50; Н. П. Кондаков. Очерки и заметки..., стр. 399; рис. 100, 10*б*; F. Volbach. Frühchristliche Kunst, табл. 258, стр. 94; A. C. Weibel. Ук. соч., табл. 61, 59; H. Schlunk. Kunst des Spätantike. Berlin, 1939 (каталог № 240); K. Erdmann. Kunst der Sasaniden. Berlin, 1943, рис. 100; O. Falke. Ук. соч., рис. 48, 165, 167, 168.

[21] Рубаха из китайского шелка была, например, надета под кафтаном вождя в богатом погребении (приблизительно того же времени, что и наши северокавказские памятники), раскопанном близ Челябинска. В. С. Стоколос. Курган на озере Синеглазово. «Археология и этнография Башкирии», I, Уфа, 1962, стр. 163—168. Достаточно было даже одной такой рубахи в составе находок той же Мощевой Балки, чтобы резко поднять площадь образцов шелка китайской группы.

[22] Реальная площадь местных образцов, по-видимому, должна быть сильно увеличена за счет разрушившихся тканей и тех обрывков, плохое состояние которых заставило включить их в седьмую группу — «неопределенных» тканей.



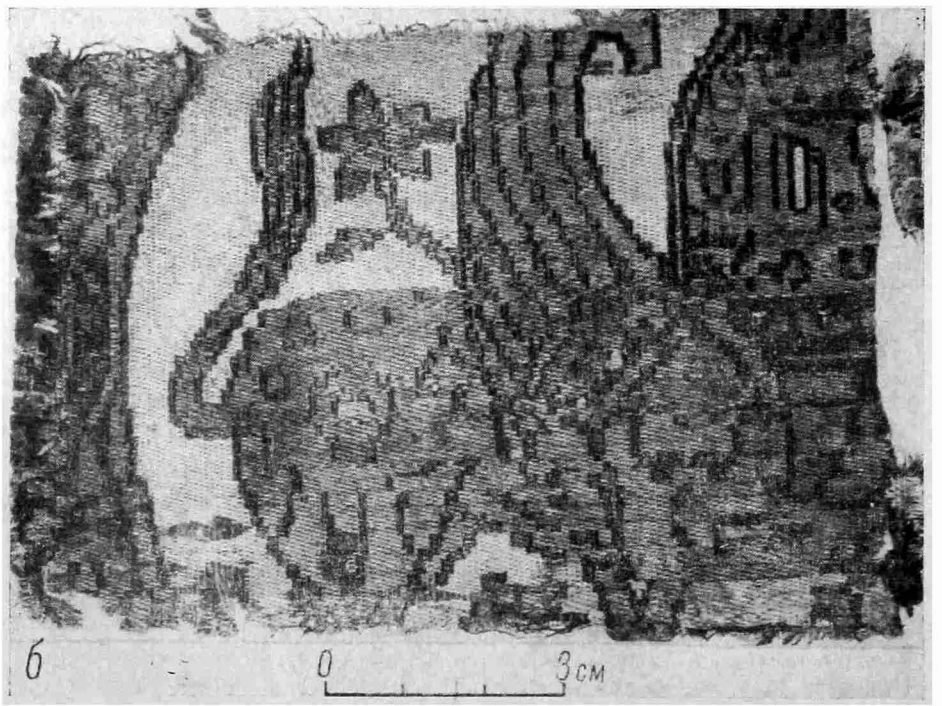


Рис. 10. Византийские ткани. Хасаут

Рис. 11. Китайская тафта с набивным узором. Мощевая Балка

Особенно искаженную картину в отношении высокого процента площади образцов китайских тканей дает Мощевая Балка (табл. 1). Помимо изложенных выше обстоятельств в данном случае повлиять на эту цифру могло и еще одно: есть основания предполагать, что в этом могильнике был захоронен китайский купец [23]. Таким образом, более показательными следует, по-видимому, считать данные Хасаутского могильника, а также тот процент, который приходится на долю китайских шелков по первому показателю (количество разновидностей). Китайские ткани могли проникать на Кавказ не только вместе с согдийскими шелками, будучи перекуплены в Согде местными купцами [24], но и, например, через Хазарию [25].

Трудно сказать, посредством ли контактов с Византией или с сасанидским Ираном появился в Хасаутском могильнике фрагмент шелка VI в. с чередующимися головками лунного и солнечного божеств, который является несомненной продукцией Антинои (рис. 12) [26].

Итак, какова же была конкретная историческая ситуация в целом, которая предопределила такой состав шелкового импорта на Северном Кавказе? Чем объяснить, что здесь, в глухих предгорных районах, сосредоточилось такое количество шелковых тканей, что ими могли широко пользоваться даже рядовые члены общества? И это в эпоху, когда «шелк являлся главным товаром, представлял первый и наиболее существенный интерес в экономических, а тем самым и дипломатических сношениях» [27]. Когда

---

[23] В коллекции из Мощевой Балки выделяется помимо значительного числа фрагментов китайского шелка (причем часто явно от одного и того же одеяния) небольшая группа находок китайского происхождения: обрывки картины на шелке, переплета и, наконец, несколько фрагментов двух рукописей, из которых одна представляет собой личные приходо-расходные записи.

[24] В этом отношении очень показательно близкое соответствие состава китайского импорта на Северном Кавказе и в Согде — судя по находкам на горе Му́г.

[25] J. Needham. Science and Civilisation in China, II, III, Cambridge, 1959.

[26] Наиболее близкая аналогия — в музее г. Крефельда; P. Schulze. Alte Stoffe. Berlin, 1920, стр. 26, рис. 18—3.

[27] Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М., 1951, стр. 207.

шелком платили подати[28], когда он был самой принятой формой подношений[29] и т. д.

Объяснение такому изобилию шелковых тканей на Северном Кавказе и такому их составу может быть только одно: здесь проходил постоянно действующий торговый путь из Средней Азии в Византию[30].

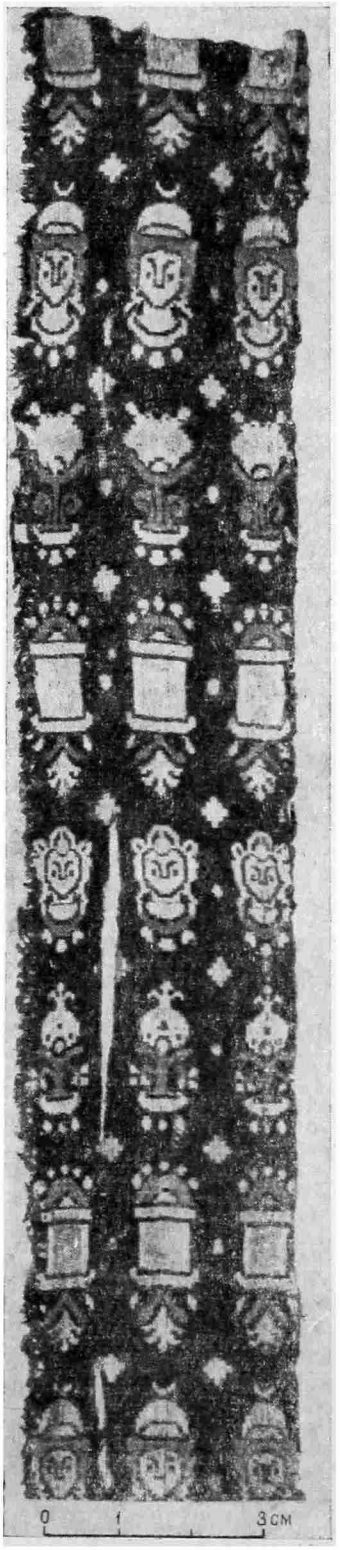


Рис. 12. Фрагмент шелка, вытканного в Антиное (Египет). Хасаут

Возможность эпизодического пользования этим путем уже высказывалась в литературе[31] на основании анализа сообщений письменных источников. Последние рассказывают о том, что в VI в. Согд, находившийся на «великом шелковом пути» из Китая на Запад, освоил собственное шелководство и шелкоткачество и искал с конца VI в. рынков сбыта. Не найдя их в Иране, Согд обратил свои взоры к Византии. Византия, находясь в тяжкой зависимости от произвола иранских купцов (которые были монополистами получаемого из Китая шелка-сырца — метаксы), в свою очередь стремились обойти Иран и также установить контакты со Средней Азией, прежде всего с целью получать оттуда сырье. Тогда-то обе державы и попытались найти выход в торговом пути через Северный Кавказ.

В источнике[32] приводятся маршруты нескольких посольств — согдийских и византийских. Все они идут через Кавказ, в обход Ирана и, видимо, соответствуют трассе проложенного здесь торгового пути. Этот путь шел по берегу Аральского моря, северному берегу Каспия, с переправой через Волгу, затем по Северному Кавказу «до Алании», откуда по Даринской дороге переплавлялись в Закавказье, в Апсилию и следовали затем к Черному морю до Риона (Фазис) и Трапезунда, а оттуда уже на почтовых лошадях добирались до Константинополя. Необходимость в этом долгом пути не исчезла, по-

[28] Еще в IX в. Бухара выплачивала подать арабам шелком.

[29] Шапур III послал шелк в подарок Феодосию; Хосров подарил одному из храмов «шелковую завесу гуннской работы»: Ф. Симокатта. История. М., 1957, стр. 135. Византийские императоры постоянно одаривали варварских князьков пурпурными поясами как инсигниями власти: Н. П. Кондаков. Очерки и заметки...; Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. I (XXVI), М., 1947.

[30] До сих пор единственным слабым намеком в археологическом материале на возможность связей в этом направлении была одна бусина из Чми, определенная как среднеазиатская В. Б. Деопик. (В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа). Возможность северокавказского торгового пути (главным образом для несколько более позднего периода) предполагал, исходя из местоположения средневековых городищ А. Н. Дьячков-Тарасов. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ. «Новый Восток», 28, 1930.

[31] Н. П. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 203—207.

[32] Menander, II, 454. Цитировано по Н. В. Пигулевской. Ук. соч. стр. 270.

видимому, и в VII в., а также и позднее — когда движению согдийских караванов противостояли на юго-западе уже арабы. Количество находок согдийских шелков на Северном Кавказе говорит о том, что путь этот был хорошо освоен и функционировал регулярно, а не являлся чем-то эпизодическим, как можно было предполагать прежде.

Разумеется, нам остаются неясными многие детали этой общей картины: мы не можем судить ни о точном маршруте (который, впрочем, мог меняться в зависимости от ситуации), ни о тех формах, в которых осуществлялись в разное время взаимоотношения, например, с Хазарской державой, лежавшей на этом пути (и, видимо, также извлекавшей из этого обстоятельства немалые выгоды) [33], ни, наконец, о роли в этой транзитной торговле самих северокавказских племен.

Возможно, что местные племена, владея подступами к перевалам, не принимали непосредственного участия в торговле двух этих стран, довольствуясь лишь своего рода пошлинами, выплачивавшимися им обеими сторонами шелком, который делился затем между членами родов и семей, за право воспользоваться перевалом (а может быть и лошадьми) [34] и пройти по их территории [35].

Но представляется также вполне возможным, что транзитная торговля между Византией и Средней Азией втягивала в свою орбиту и местные северокавказские племена, которые в виде обмена на ткани и сырье могли предложить продукты своего сельского хозяйства, изделия из кожи, разнообразные металлические и деревянные поделки и т. д. Так или иначе, каковы бы ни были другие возможности проникновения шелковых тканей на Северный Кавказ, с нашей точки зрения, несомненно, что основную роль в этом играл именно проходивший здесь торговый путь с Востока на Запад.

Интересно отметить, что и в восточной части Северного Кавказа были также найдены шелковые ткани (в Верхне-Чирюртовском могильнике VI—VIII вв.), количество их сравнительно невелико [36].

Это обстоятельство наряду с составом импорта (совершенно иным, чем в Мощевой Балке и Хасауте, без единого образца согдийской продукции, при абсолютном преобладании китайского шелка), по-видимому, подтверждает реальность реконструированного здесь торгового пути, который проходил по иной трассе, минуя эти районы. Косвенным доказательством служит, быть может, и полное отсутствие находок интересующих нас шелков в раннесредневековых памятниках Закавказья, прежде всего Мингечаура.

С другой стороны, важно подчеркнуть, что в каких бы формах не происходило «оседание» шелка в определенных районах северокавказских предгорий, объективно оно свидетельствует о накоплении богатств у значительного слоя местного населения.

Выгод своего географического положения эти районы не лишились и в дальнейшем, о чем говорят нам в первую очередь Белореченские курганы с их смесью западного и восточного импорта.

---

[33] По сообщению ал-Истахри, «сами хазары одежд не выделывают, но они исключительно ввозятся к ним из стран Джурджана, Табаристана, Армении, Азербайджана и Рума». Н. П. Караулов. Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. Тифлис, 1901, стр. 51.

[34] Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, I, СПб., 1876, стр. 111: «Но когда они обращаются к другим проходам (не к Дарьяльскому.— *А. И.*)... уже не могут употреблять тех же лошадей, ибо им приходится проезжать многими крутыми местами».

[35] Этнографические параллели этому явлению мы находим в записях путешественников по Кавказу вплоть до XVIII в. Н. З. Митина. Фрагмент шелковой ткани из Мощевой Балки. СГЭ, X, 1956, стр. 42, 43. Вероятно, следует, кроме того, учитывать возможность грабежа на горных дорогах.

[36] Н. Д. Путинцева. Верхне-Чирюртовский катакомбный могильник. МАД, 2. Махачкала, 1964. Ткани находятся в фондах ИИЯЛ Даг. Ф. АН СССР. См. также рукописный фонд названного института (д. № 34, ф. 4, оп. 1; 65, ф. 3, оп. 3). Несколько фрагментов шелка было обнаружено и в Бавтугайском могильнике того же времени.

Опись согдийских шелков, найденных на Северном Кавказе

Место находки и хранения	Описание узора	Техника	Примечания
1	2	3	4
	Занданечи I (середина и вторая половина VII вв.)		
1. Мощ. Балка (фрагмент мешочка и маленький фрагмент в шве обшлага, Эрмитаж. Кз-5077, Кз-5068), рис, 3, *а*	Парные павлины в медальонах (д. = 14 *см*) с бордюром из плетенки. Полный раппорт не сохранился	Основ — 2; утков — 4: золотистый, зеленый, бежевый, коричневый (красный). Нити некрученые. Фон золотистый.	Анал.: Falke, рис. 110; Weibel, табл. 99 *
2. Мощ. Балка (фрагмент мешочка. Эрмитаж, Кз-5075)	Парные павлины со сложенными хвостами в медальонах (д. = 13 *см*) с бордюром из перлов. Сохранилась небольшая часть раппорта	То же	Сходна с № 1
3. Мощ. Балка (рукав, Эрмитаж, Кз-5086), рис 7, *а*	Мужская фигура в плаще с занесенным оружием держит за волосы коленопреклоненную фигурку с перевязью на груди. Сцена зеркально удвоена, в связанных «дисками» медальонах (д. = 18 *см*) с бордюром из цветков лотоса. Между медальонами растительный мотив. Сохранилась часть кромки	Основ — 2; утков — 4: золотистый, коричневатый (красный), синий, белый. Нити некрученые, тонкие. Фон золотистый. Краски сильно полиняли.	Сшита с местной тканью. Изд. СГЭ, X, 1956, стр. 42. Анал.: Lessing. № 781 385; Falke, 112, 36. Матье, табл. XXV, 1—6; Weibel, табл. 22 Коптские ткани с изображением «убийства пленного» и «жертвоприношения Авраама».
4. Хасаут (1 фрагмент, ГИМ, оп. 1840, № 48)	Неясная сцена с человеческими фигурами в медальонах (д. = = 14 *см*) с плетенкой.	То же. Краски почти исчезли	Сходна с № 3
5. Хасаут (5 фрагментов обшлагов и рукавов: 2 — Эрмитаж, Кз-6337, Кз-6338; 3 — ГИМ, оп. 1840), рис. 7.	Парные длиннорогие козлы (козероги?) в медальонах (д. = 14 *см*) с бордюром из перлов. Между медальонами фигура из четырех полупальметок в форме «развернутых крыльев», обращенных к центру	Основ — 2; утков — 4: золотистый, зеленый, темно-красный, белый. Нити некрученые. Фон золотистый.	Изд.: Кондаков, стр. 343, рис. 101. Анал.: Shepherd, рис. 13, 14 Reath, табл. 45.

Приложение (продолжение)

1	2	3	4
6. Хасаут (2 фрагмента. ГИМ, № 78607, 97704) рис. 4, *А*	Парные крылатые кони в короне в виде полумесяца с лентами, внизу — «развернутые крылья». Медальоны (д. =14 *см*) с бордюром из перлов связаны дисками. Полный раппорт не сохранился	Основ — 2; утков — 4: золотистый, зеленовато-синий, белый, темно-коричневый (красный). Нити некрученые. Фон золотистый. Краски полиняли	Сасанидские прототипы сюжета на тканях из Антиноэ: Falke, рис. 23,24 Анал.:Lessing. № 781385
Занданечи II (конец VII — VIII вв.)			
7. Мощ. Балка (фрагмент мешочка. Эрмитаж, Кз-5081)	Растительный мотив («древо») в медальонах (д. =9 *см*) с бордюром из сердечек. Медальоны угловатые, соприкасаются, давая горизонтальные ряды. Между ними 8-лепестковая розетка	Основ — 2, слабокручены: утков —3: зеленовато-синий, золотистый, белый. Фон синий	Прототипы центрального мотива: Falke, рис. 35,124
8. Мощ. Балка (6 фрагментов рукава и пол. Эрмитаж, Кз-4582, Кз-4775), рис. 8	Геометрический узор из двух пересекающихся вписанных орнаментированных квадратов в медальонах (д. = 20 *см*) с бордюром из плетенки. Между ними сложная фигура из стилизованных цветков	Основ — 2; утков — 3: золотистый, зеленовато-синий, коричневый (красный). Нити некрученые. Фон темно-синий	Изд.: СГЭ, XXIV, стр, 37. Анал.: Falke, рис. 114; Chartraire, стр. 23. № 46. Фигура между медальонами: Falke, рис. 104,106
9. Мощ. Балка (большой фрагмент. Эрмитаж, Кз-5079)	Крупная 8-лепестковая (лепестки попарно сближены) розетка в медальонах (д. = 11 *см*). Между ними — крестовидная фигура	Основ —2; утков —3: зеленовато-синий. светло-золотистый (белый?), желтый. Нити некрученые. Фон синий	Анал.: Shepherd, рис. 16, Falke, рис. 87
10. Хасаут (2 крупных фрагмента. Эрмитаж, Кз-6331, Кз-6332). Мощ. Балка (7 маленьких фрагментов. Эрмитаж. Кз-4604, Кз-4608, Кз-4636, Кз-4654, Кз-4660, Кз-4747, Кз-4748)	Ряды медальонов (д. =11,5—12,5 *см*) с бордюром из четырех лепестковых розеток. В медальонах: вписанный ромб с перлами в окружении пояса мелких крестовидных розеток. Между медальонами кружки с 8-лепестковыми розетками. Все три пояса медальона на фонах разного цвета	Основ —2; утков —3: синий, зеленый и золотистый. Нити некрученые. Фон синий	Анал.: Shepherd, рис. 15

Приложение (продолжение)

1	2	3	4
11. Мощ. Балка (6 фрагментов обшлагов. Эрмитаж, Кз-4657, Кз-4659, Кз-4743, Кз-4774). Хасаут (1 фрагмент обшлага. ГИМ, оп. 1840, К 30/1)	Соприкасающиеся угловатые медальоны (д. = 11 *см*) с бордюром из перлов; внутри крупная розетка, четыре лепестка которой украшены «ласточкиным хвостом». Между медальонами крестовидная фигура	Основ — 2, слабо кручены; утков — 3, некрученых: золотистый, коричневый (красный) и зеленовато-синий. В коричневый уток впущена металлическая нить. Фон коричневый	Анал.; Shepherd, табл. 1, 16; ср. № 10
12. Мощ. Балка (рукав тулупа, крытый шелком; 2 крупных фрагмента второго рукава. Эрмитаж, Кз-4775, Кз-6535), рис. 9-*а*	Угловатые медальоны (д. = 10—11 *см*) с бордюром из перлов, связанные (на рукаве во всех направлениях, на фрагментах только по горизонтали) маленькими «дисками» с перлами и розеткой. Внутри — «двойная секира», ниже и выше которой мотив «развернутых крыльев». Между медальонами — такая же секира	То же	Прототипы: Grönwoldt, стр. 131, рис. 1; Lessing, табл. 53, *b*.
13. Мощ. Балка (2 фрагмента обшлага и каймы от подола. Эрмитаж, Кз-4643, Кз-4841)	Тот же узор. Медальоны (д. = = 10,5 — 12 *см*) связаны по горизонтали; внутри «дисков» — растительный мотив в форме трилистника	То же (без металлической нити)	Аналогия к «дискам»: Lessing, № 781385
14. Мощ. Балка (фрагмент широкого обшлага. Эрмитаж, Кз-4879)	Тот же узор. Медальоны меньшего размера (д. = 6 — 8 *см*), секиры с завитками у основания, «диски» прямоугольные. Между медальонами растительная пальметка	То же (с металлической нитью)	
15. Мощ. Балка (2 фрагмента узкой каймы от обшлагов. Эрмитаж, Кз-4310)	Тот же узор. Медальоны небольшие (д. = 7 *см*). Между ними двойные секиры, такие же, как в медальонах. Полный раппорт не сохранился	То же (без металлической нити)	

Приложение (продолжение)

	2	3	4
16. Мощ. Балка (квадратик, нашивавшийся на «салфетку». Эрмитаж, Кз-4675)	Тот же узор. Медальоны (д. = 10 11 *см*) связаны «дисками» во всех направлениях; рисунок секиры искажен (асимметричный завиток внизу) . Полный раппорт не сохранился	То же	
17. Мощ. Балка (2 маленьких фрагмента — на рукаве и в виде узкой тесьмы. Эрмитаж, Кз-4754, Кз-4639)	Тот же узор. Диаметр медальонов 6—7 *см*. Полный раппорт не сохранился	То же (с металлической нитью). В отличие от других кусков, все нити некрученые	
18. Мощ. Балка (часть каймы от подола. Эрмитаж, Кз-4753)	Тот же узор. Диаметр медальонов 7—8 *см*. Небольшая секира с утолщением в центре ствола, реалистично трактованная	То же (без металлической нити)	
19. Мощ. Балка (крупный фрагмен и часть обшлага. Эрмитаж, Кз-4673, Кз-4744)	Тот же узор. Медальоны (д. = 11—12 *см*) соприкасаются, их заполнение (реалистично трактованная двойная секира с прямым стволом и «развернутые крылья») сплюснуто сверху и снизу	То же	
20. Мощ. Балка (обрывки рукавов и пол. Эрмитаж, Кз-5061, Кз-4775), рис. 4, *б*	Крылатые кони в больших медальонах (д. = 56 *см*) с бордюром из растительных мотивов. Под ними две собаки у древа жизни. Между медальонами сложная фигура из геометризированных растительных мотивов	Основ — 2; утков —3: золотистый, красный, темно-синий. Нити некрученые, тонкие. Фон темно-синий и красный (чередуется горизонтальными полосами)	Изд.; СГЭ, XXIV, стр. 38 Анал. Falke, рис. 109, 115
Занданечи III (конец VIII—IX вв.)			
21. Мощ. Балка (головной убор с деревянным шишаком. Эрмитаж, Кз-4576) рис. 5	Орнаментированные парные кувшины и мотив «развернутых крыльев» в медальонах с бордюром из перлов. Между медальонами — фигура из стилизованных переплетающихся цветков	Основ — 2; утков — 3: зеленовато-синий, золотистый, белый. Нити некрученые, толстые. Фон золотистый	Фигура между двумя медальонами — упрощенный вариант фигуры на ткани № 8. См. также.: Falke, рис. 114, 10

Приложение (продолжение)

1	2	3	4
22. Хасаут (1 фрагмент, Эрмитаж, Кз-6339)	Крупные медальоны (д. = 9,5—10,5 *см*); внутри геометризированная четырехконечная фигура, украшенная в центре «розеткой» из четырех цветков. Между медальонами вытянутая крестовидная фигура	Основ —2; утков —3: темно-синий, зеленый, светло-золотистый. Нити некрученые, толстые. Фон темно-синий	Изд.: Кондаков, стр. 341, рис. 99. Анал.: Shepherd, рис. 16
23. Хасаут (4 фрагмента от трех разных тканей одного узора: 2— Эрмитаж, Кз-6333, Кз-6334; 2—ГИМ, оп. 1840. К 30/1)	Узор тот же, но в упрощенном варианте, иной расцветки и худшего качества	Основы — 2, слабо крученные; утков — 3, некрученые; зеленовато-синий, коричневый, светло-золотистый. Нити толстые. Фон коричневатый	Аналогична № 22
24. Хасаут (1 фрагмент. ГИМ, оп. 1840 К 30/1)	Горизонтальные ряды повторяющихся «розеток» из четыре стилизованных цветков (как в 22 и 23) чередуются с рядами характерных согдийских пальметок	То же	Анал: Grönwoldt, стр. 181, рис. 1; Shepherd, рис. 16
25. Хасаут (крупный фрагмент и узкая кайма. ГИМ, оп. 1840, № 48, 15), рис. 3, *б*	Утки (или павлины) с побегом или ожерельем в клюве, в крупных медальонах (д. = 29 *см*), орнаментированных сердечками и связанных «дисками»	Основ — 2; утков — 3: зеленовато-синий, золотистый и белый. Нити некрученые толстые. Фон золотистый	Анал.: Falke, рис. 66; Reath, табл. 45

А. С. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

ПОЛИХРОМНЫЕ МАЙОЛИКИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Археологические работы в городах золотоордынского Поволжья дали значительный материал, характеризующий декоративное оформление архитектурных сооружений. Одним из широко распространенных видов архитектурного декора являются полихромные майолики. Полихромные архитектурные майолики золотоордынского Поволжья имеют аналогии в бытовой посуде. Казалось бы, это обстоятельство должно облегчить изучение архитектурной майолики, но, к сожалению, классификация поливной средневековой посуды, данная в работах ряда исследователей, имеет все еще слишком широкие хронологические рамки. Еще в 1923 г. И. А. Орбели писал, что при датировке поливной бытовой керамики очень важна связь ее «по технике и другим особенностям с архитектурной керамикой, так как мы имеем очень много случаев, когда изразцы принадлежат точно датированным зданиям, а возможности точной датировки поливной посуды намного сложнее» [1].

Однако исследователи до сих пор пренебрегают этой возможностью и обычно рассматривают керамику в отрыве от архитектуры. Между тем такая параллель напрашивается уже из того факта, что именно две наиболее распространенные группы бытовой керамики золотоордынского времени [2] соответствуют двум основным группам архитектурной майолики, известной нам по архитектурным памятникам рассматриваемого периода.

В первую группу бытовой поливной керамики А. Ю. Якубовский выделяет посуду, покрытую прозрачной бесцветной поливой, с рельефным орнаментом, обведенным по контуру зеленой краской, и промежутками между рельефным орнаментом (фон), покрытыми мелкими штрихами той же зеленой краски; для оживления узора введены синие и бирюзовые пятна (отдел I, группа I, тип 8) [3]. Этот тип поливной посуды находит полную аналогию в архитектурной керамике.

На майоликах подобного типа мы видим узор из белых кустов, листьев, бутонов, основные контуры которых выделены при формовке легким рельефом, что придавало особый блеск покрывающей их глазури; рисунок очень четок и вместе с тем необычайно легок и изящен. Весь узор обведен по контуру зеленой краской, а отдельные его элементы и фон заполнены легкой штриховкой, нанесенной также зеленой краской и напоминающей мелкие арабские надписи. Этой же краской и в том же стиле на полях отдельных плиток поставлены условные знаки, главным образом числительные, которые облегчали мастерам сборку всего панно из отдельных плиток (рис. 1, *1—8*).

---

[1] И. А. Орбели. Мусульманские изразцы. Пг., 1923, стр. 10.

[2] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. ИГАИМК, VIII, 2, 3, 1931; О. Л. Дорохова, Ю. Л. Щапова, Г. А. Федоров-Давыдов. Классификация поливной керамики Нового Сарая. Архив ИА АН СССР, Р1 № 2540.

[3] О. Л. Дорохова, Ю. Л. Щапова, Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч.

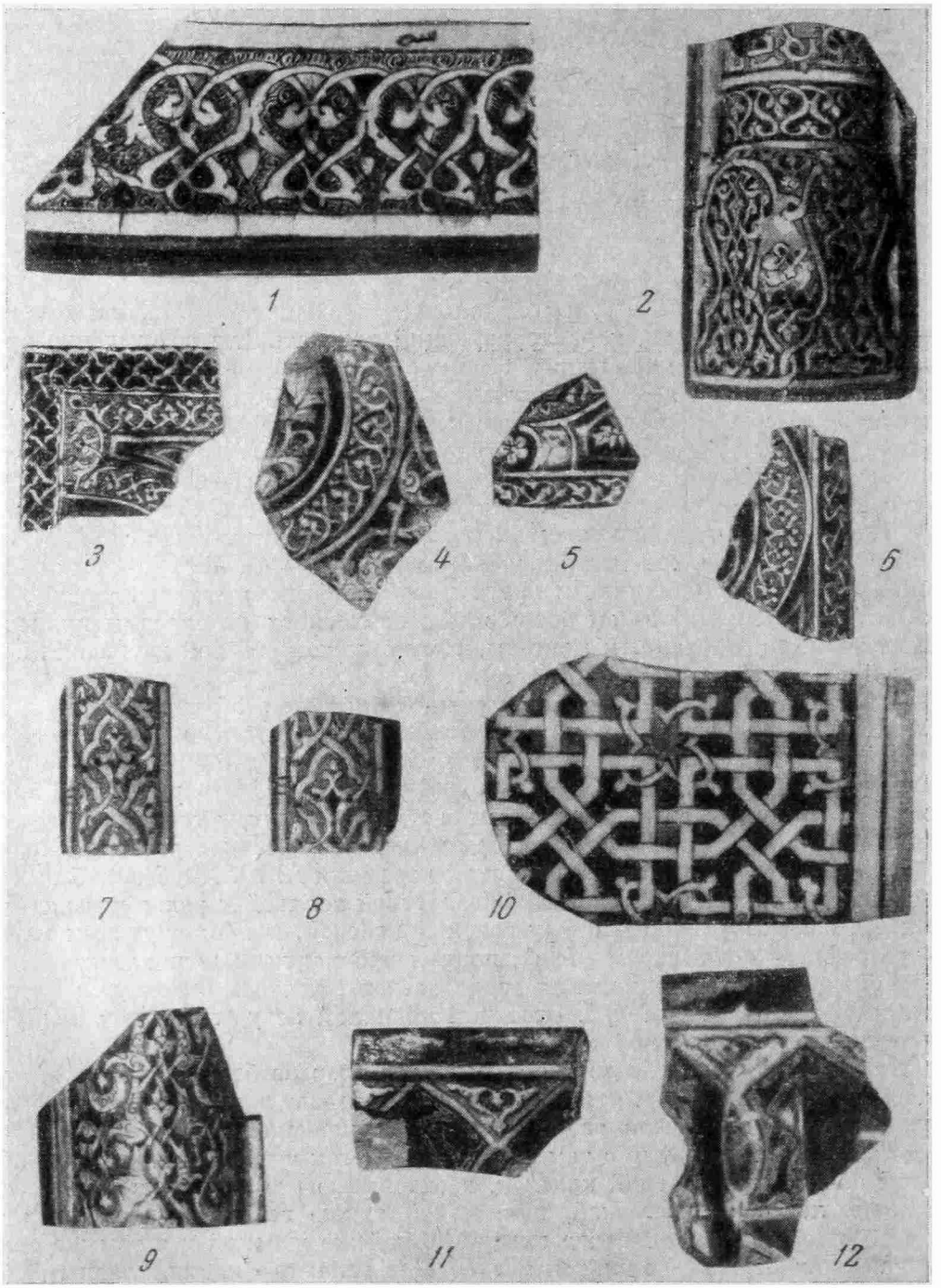


Рис. 1. Майолики с подглазурной росписью из Болгар

1—10 — прозрачная бесцветная полива; *11, 12* — прозрачная бирюзовая полива

Рис. 2. Майолики с подглазурной росписью под прозрачной бесцветной поливой

1—6 — Болгары, *7* — Сарай-Берке

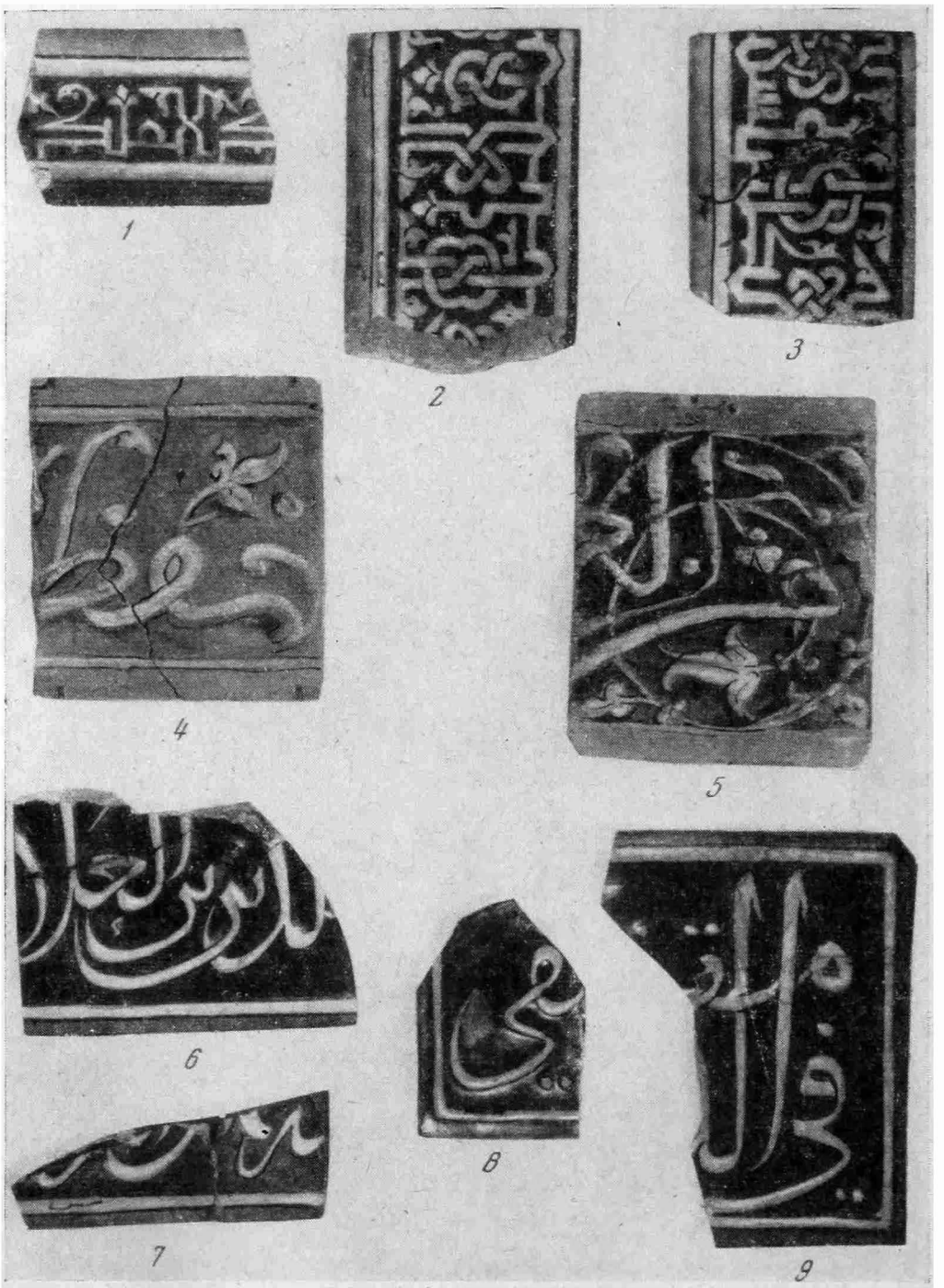


Рис. 3. Майолики с подглазурной росписью под прозрачной бесцветной поливой
1—3, 6—9 — Болгары; *4, 5* — Сарай-Берке

Архитектурная керамика этого типа известна нам из Болгар и Сарая-Бату. На некоторых фрагментах из Болгар эта манера росписи сочетается на одних и тех же образцах с другой, при которой рисунок также дается легким рельефом и обведен зеленой краской («мертвый край»), а фон заполнен не мелкими штрихами, а сплошной синей закраской (рис. 1, *2, 9*; рис. 2, *1—5*; рис. 3). Как и на предыдущих образцах, кое-где рисунок оживлен бирюзовыми пятнами. В другом варианте встречается заполнение фона отчасти синей, отчасти бирюзовой краской (рис. 1, *10*; рис. 2, *6, 7*). Два последних варианта архитектурной керамики этого типа не находят полной аналогии в бытовой поливной посуде, но, на наш взгляд, они очень близки по цветовому решению к бытовой керамике третьего типа по классификации А. Ю. Якубовского.

Второй и третий варианты архитектурной керамики первого типа представлены в основном находками из Болгар, но в небольшом количестве встречаются и на других памятниках. Так, четыре плитки и несколько фрагментов известны из Сарая-Берке, но по качеству исполнения они стоят гораздо ниже болгарских — нечеткие контуры рисунков, смешение красок и другие дефекты сразу отличают их от высокохудожественных и прекрасно исполненных болгарских образцов.

Гораздо ближе к болгарским стоят несколько фрагментов из Сарая-Бату. Здесь тождество с болгарскими полное, и отличить болгарские экземпляры от сарайских внешне не представляется возможным.

По орнаменту первый тип архитектурной керамики делится на три основные группы: майолики с геометрическим узором, растительным и эпиграфическим, причем очень часто встречается сочетание этих узоров.

Геометрический орнамент на майоликах отличается красотой простого узора, построенного по закону гириха: бесконечно переплетающиеся линии, исходящие из какого-то центра, образуют сложное плетение, причем в центрах переплетений в узор включаются стилизованные растительные розетки, оживляющие композицию. Такого вида узоры употреблялись для заполнения отдельных небольших панно и бордюров (рис. 1, *10*).

Следует отметить разнообразие различных узких плетенок, обрамляющих как целые панно, так и его отдельные композиционные части. Эти узкие жгуты образованы обычно переплетающимися волнистыми линиями или, реже, изломанными прямыми, причем и те и другие часто сочетаются с элементами стилизованного растительного узора (главным образом трилистник).

Наиболее излюбленным у мастеров был, несомненно, растительный орнамент, отличающийся необычайной живостью свободного естественного узора и красотой изящных стилизованных композиций.

Стилизованные растительные узоры, заполнявшие более или менее значительные композиционные площади, в одних случаях образованы из бесконечно переплетающихся побегов с изящными узорчатыми листьями, в других — тот же узор с узорчатыми листьями и традиционным трилистником заполняет композицию, основу которой составляют красиво очерченные арки и т. п. (рис. 2, *6, 7*). На узких бордюрах варьируется мотив трилистника и бесконечно переплетающегося побега, причем эти обрамляющие бордюры окантовывают не только край панно, но и отдельные композиционные его элементы, как правило заполненные более крупным стилизованным узором, и часто выделяются еще рельефным возвышением над плоскостью панно.

Свободный растительный узор отличается необычайно живым изящным рисунком. На изогнутых стеблях большие хризантемы, астры и гвоздики с узорчатыми листьями очерчены легко и свободно. Живость узора заставляет забывать о том, что мастер компоновал его из нескольких традиционных элементов и по существу двумя цветами: белый узор на синем фоне, дополненный несколькими штрихами той же серо-зеленой краски,

которой дан и контур рисунка («мертвый край»), и в некоторых случаях кое-где расцвеченный бирюзовыми пятнами (рис. 1, *9*; рис. 2, *1—5*).

Эпиграфический орнамент на майоликах употребляется в двух вариантах. Первый — это обрамляющие пояса, на которых эпиграфические мотивы так сильно стилизованы, что их не только нельзя расшифровать, но они и воспринимаются скорее как геометризированный узор из переплетающихся прямолинейных фигур, подражающих в первооснове почерку куфи, оживленных растительными заставками (рис. 3, *1—3*).

Второй вид эпиграфического узора — это надписи в полном смысле слова, выполненные обычно округлым почерком насх. Поскольку значение и этих надписей в своем большинстве орнаментальное, постольку содержание их несложно и однообразно. Чаще всего это благожелательные коранические изречения, реже — надписи, заключающие в себе имена заказчика или мастера. Располагались они и в виде обрамляющих бордюров и в виде отдельных небольших панно (рис. 3, *4—9*).

А. Ю. Якубовский при исследовании бытовой и архитектурной расписной майолики золотоордынских городов Поволжья отмечает поразительное сходство между ними и соответствующими категориями керамики Хорезма.

Действительно, сходство это граничит с тождеством, и поскольку архитектурная керамика с подглазурной росписью под прозрачной бесцветной поливой сохранилась на некоторых памятниках Средней Азии in situ, это облегчает возможность датировать и майолики Поволжья.

В окрестностях Ургенча находится мавзолей Наджметдина-Кубра, в декоративной обработке портала которого, как и в украшении находящихся в нем надгробий, сохранилась майолика с подглазурной росписью, очень близкая к рассматриваемой нами группе.

В обработке портала мавзолея сохранились два пояса с арабской надписью, выполненной белыми буквами по синему фону под прозрачной бесцветной поливой, из которых ясно, что мавзолей построен над могилой шейха Наджметдина-Кубра при Кутлуг Тимуре. Так как мавзолей уже существовал при посещении Ургенча Ибн-Батутой, то его довольно точно можно датировать между 1321—1333 гг.[4] В обработку портала введены также плиты с подглазурной росписью под прозрачной поливой с богатыми растительными композициями из цветов и листьев. Шедевром восточной майолики являются надгробие и столб над могилой шейха. Техника исполнения майолик абсолютно тождественна майоликам в обработке портала, но так как здесь майолики употреблены для декора надгробия, находящегося на близком расстоянии от зрителя, то рисунок узора отработан более тщательно, детали рисунка мельче и изящнее.

Чрезвычайно близки к майоликам мавзолея Наджметдина-Кубра майолики надгробия Сейид-Алауддина в Хиве первой половины XIV в [5], которые также можно отнести к лучшим образцам майолик с подглазурной росписью. Здесь мы видим тот же белый рельефный узор из изящных цветов, листьев и бутонов на ярко-синем фоне, ту же легкую штриховку фона и отдельных элементов узора.

Большое количество майолик подобного типа обнаружено в культурном слое Ургенча при работах на Таш-Кале [6]. Б. П. Денике к этому же типу майолик относит надгробия мавзолея Музлум-сулу в Миздахкане [7]. Близость майолик надгробий мавзолея Музлум-сулу к надгробиям Наджметдина-Кубра отмечает Н. С. Гражданкина [8]. Вслед за Б. П. Денике,

[4] А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. ИГАИМК, VI, 2, Л., 1930.

[5] Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, стр. 261.

[6] Н. Н. Вактурская. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. Тр. ХАЭЭ, II, М., 1958.

[7] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.— Л., 1939, стр. 140.

[8] Н. С. Гражданкина. Строительные материалы мавзолеев Миздахкана. Сб.: «Архитектурное наследие Узбекистана». Ташкент, 1960, стр. 54.

анализируя архитектурную керамику Болгар, Л. П. Матвеева отмечает близость болгарских образцов к миздахканским [9].

А. Ю. Якубовский отмечал поразительное сходство, «более того, тождество как в технике, так и в орнаменте майолик Наджметдина-Кубра и расписных изразцов из Булгар» [10].

Интересен тот факт, что бóльшая часть поливной архитектурной керамики из Болгар отличается тщательностью отделки мелкомасштабных деталей, с очень мелким узором, рассчитанным на непосредственное восприятие только с близкого расстояния. Некоторые образцы позволяют нам сделать вывод, что они служили не для украшения вертикальной плоскости стены, а, как и в мавзолеях Наджметдина-Кубра, Музлум-сулу и Сейид-Алауддина, для облицовки надгробий.

Характер деталей — мелкие со сложным профилированием колонки, маленькие узкие карнизы и сложный профиль некоторых других деталей, образующих уступы,— все это хорошо увязывается с формой ступенчатого надгробия — сагани́, характерного для мусульманских памятников Средней Азии.

Таким образом, на территории Хорезма мы имеем датированные археологические памятники, в которых применены майолики с подглазурной росписью под прозрачной бесцветной поливой, аналогичные майоликам из Болгар, Сарая-Бату и в меньшей степени Сарая-Берке.

У нас нет никаких оснований возражать против точки зрения, высказанной А. Ю. Якубовским, о том, что майолики этого типа появились в Поволжье под влиянием мастерских Ургенча, памятники которого, датированные первой половиной XIV в., дают наилучшие их образцы.

Интересно отметить, что наибольшее количество майолик рассматриваемого типа и наилучшие ее образцы дают как раз те города Поволжья, расцвет которых относится к первой половине XIV в.,— это главным образом Болгары Великие и Сарай-Бату. Сарай-Берке, расцвет которого падает на 50—60-е годы XIV в., дает немногочисленные образцы майолик, а главное, выполнены они несравненно грубее.

Такое же огрубение майолик с подглазурной росписью можно наблюдать и в Средней Азии на примере мавзолеев Шах-и-Зинды второй половины XIV в. (мавзолей Туркан-Ака — Шади-Мульк — 1372 г.).

Ко второй группе золотоордынской поливной бытовой посуды А. Ю. Якубовский относит керамику с черной подглазурной росписью под прозрачной бирюзовой поливой (отдел I, группа I, тип 7) [11]. Рисунок из мелких фигурных листьев и цветов нанесен черной краской кисточкой, без рельефа. Промежутки между листьями заполнены точечными узорами той же черной краской. Помимо рисунка, исполненного черной краской, на тех же образцах отдельные элементы узора даны легким белым рельефом, обведенным черной краской, т. е. в той технике, которая характерна для майолик первого типа (под прозрачной бесцветной поливой). Благодаря тому, что на рельефных элементах узора полива ложится более тонким слоем, они имеют более светлую окраску. Этот факт, а также и то, что майолики первого и второго типа известны из одного комплекса у Ханской усыпальницы в Болгарах, свидетельствует о сосуществовании архитектурных майолик обоих типов в первой половине XIV в.

Необходимо отметить, что майолики с прозрачной бирюзовой поливой гораздо однообразнее по узорам, чем майолики первого типа. Они не знают ни геометрических, ни эпиграфических мотивов, для них характерен только растительный узор, обычно сильно стилизованный (рис. 1, *11, 12*).

В Средней Азии архитектурная керамика подобного типа нам известна на мавзолее Ходжа Ахмада в комплексе Шах-и-Зинда в Самарканде,

[9] Л. П. Матвеева. Поливные изразцы из Болгар. СА, 1959, 2, стр. 225.
[10] А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча.
[11] О. Л. Дорохова, Ю. Л. Щапова, Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч.

датированном большинством исследователей первой половиной XIV в. [12], и на памятниках в Ургенче. Б. П. Денике вслед за Кон-Винером склонен видеть в керамике этого типа связь с керамикой Месопотамии и Сирии [13]. Этот тип росписи широко известен в Иране и чрезвычайно широкое распространение получил в Хорезме XIII—XIV вв. Л. И. Ремпель связывает появление в Средней Азии как архитектурной, так и бытовой керамики этого типа с творчеством местных мастеров, подражавших люстровой керамике XI—XIV в., широко распространенной в Иране, Азербайджане и Армении [14].

В Поволжье керамика этого типа, как бытовая, так и архитектурная, появляется, очевидно, под влиянием ургенчских мастерских. Верхнюю дату керамики этого типа, как и керамики с подглазурной росписью под прозрачной бесцветной поливой, следует, очевидно, ограничить серединой XIV в. [15]. Этот факт косвенно подтверждается тем, что архитектурная керамика этого типа находит применение лишь в Болгарах и Сарае-Бату, т. е. в тех городах Золотой Орды, где широкое строительство ведется в первой половине XIV в., и почти полностью отсутствует в Сарае-Берке, расцвет которого связан с именем Джанибека.

Следует остановиться еще на одном образце майолик с подглазурной росписью из раскопок А. В. Терещенко в Сарае-Берке.

Это квадратная плитка, размером 24 × 24 *см* с подглазурной росписью кобальтом по белой основе, покрытая прозрачной бесцветной поливой. В центре плитки стилизованный растительный узор, на полях стихи Саади. Э. К. Кверфельд считает данный образец произведением сарайских мастеров [16]. Архитектурная майолика этого типа теснейшим образом связана с бытовой керамикой «типа кобальт», которая в Сарае-Берке почти не встречается. Появившись в конце XIV в., широкую популярность она получает только в XV в., и в Сарае-Берке ее производство, очевидно, не было налажено. Из нескольких тысяч фрагментов поливной посуды из раскопок на Царевском городище обнаружено лишь два фрагмента керамики «типа кобальт» (отдел II, группа I, тип 1) [17]. Поэтому этот тип керамики нельзя считать типичным для Сарая-Берке и следует отнести, вероятно, к привозным изделиям из Средней Азии или Ирана в последний период жизни города.

Небольшую группу находок, известных по памятникам золотоордынского Поволжья, составляют изделия с надглазурной росписью белой и красной красками и золочением по синей (ультрамариновой) поливе (рис. 4, *1, 2*). Основной цветовой эффект на керамике этого типа создавало золото, ярко контрастирующее с глубоким синим тоном поливы.

Золочение производилось тонким золотым листом, причем золото крепилось только по контуру рисунка, нанесенному красной краской. Изделия подобного типа встречены в небольшом количестве в Болгарах, Сарае-Бату и Сарае-Берке. Керамика подобного типа встречается при археологических работах в Ургенче.

Архитектурная керамика этого типа имеет аналогии в бытовой посуде (отдел I, группа II, тип 5) [18]. Четыре фрагмента из коллекций А. В. Терещенко в Государственном Эрмитаже имеют геометрический орнамент, выполненный красной и белой красками по синей поливе. Аналогична данным образцам иранская керамика с синим фоном и росписью поверх

[12] Б. П. Денике. Ук. соч.; Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948; А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и тимуридах. Л., 1933; Л. И. Ремпель. Ук. соч.

[13] Б. П. Денике. Ук. соч.

[14] Л. И. Ремпель. Ук. соч., стр. 270.

[15] Л. И. Ремпель отмечает, что после 60-х годов XIV в. подобная роспись в Самарканде не встречается. Л. И. Ремпель. Ук. соч., стр. 272.

[16] Э. К. Кверфельд. Керамика ближнего Востока. Л., 1947, стр. 90.

[17] О. Л. Дорохова, Ю. Л. Щапова, Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч.

[18] Там же.

Рис. 4. Майолики с надглазурной росписью эмалями

1, 7, 8 — Сарай-Бату; *2, 3—6, 9* — Сарай-Берке

глазури красной и белой красками [19]. Близкой аналогией майоликам этого типа являются майолики саганы Кусама-ибн-Аббаса в ансамбле Шах-и Зинда в Самарканде.

Г. А. Пугаченкова датирует сохранившееся надгробие Кусама-ибн-Аббаса второй половиной XIV в. [20] Действительно, Ибн-Батута, посетивший Самарканд в 30-х годах XIV в., видел надгробие из черного дерева, инкрустированного серебром и драгоценными камнями [21]. Следовательно, дошедшее до нас пятиступенчатое надгробие, декорированное майоликовыми плитками с надглазурной росписью и золотом, сооружено позднее. Так как наиболее близкой аналогией майоликам этого надгробия является керамика Ирана, Б. П. Денике считает это надгробие работой иранских мастеров. О работе иранских мастеров в Самарканде мы знаем по надписям, начиная с 1371 г.

Этим же временем датируется мавзолей Шах-и-Зинды, известный под именем Улуг-Султан-Бегим, от которого сохранился только портал, украшенный майоликой, где по синей поливе нанесена тонкая надглазурная роспись белой и красной красками и золотом. А. Ю. Якубовский связывает этот мавзолей с работой иранских мастеров [22]. Б. П. Денике считает мавзолей сделанным хорезмийскими мастерами, но, с другой стороны, соглашается, что эта майолика может быть и иранской, так как хорошо известен иранский тип подобной керамики [23]. О датировке мавзолея также нет единого мнения. Кон-Винер, Г. А. Пугаченкова и Л. И. Рempель датируют мавзолей 80-ми годами XIV в. Б. П. Денике связывает его декоративное убранство с памятниками Хорезма и датирует первой половиной XIV в. В Хорезме этот памятник в силу разной техники (надглазурная роспись в Улуг-Султан-Бегим и подглазурная в Наджметдин-Кубра) не может быть связан с мавзолеем Кубра. Но, как указывалось выше, надгробие Кусама-ибн-Аббаса следует связывать с работой иранских мастеров при Тимуре, и поэтому, на наш взгляд, более верно датировать мавзолей 80-ми годами XIV в., в крайнем случае, после 1370 г.

Появление керамики подобного типа в архитектурном декоре городов Поволжья, очевидно, можно отнести к этому же времени и связывать с иранским элементом в материальной культуре Золотой Орды. Не исключена возможность, что влияние это шло не непосредственно из Ирана, а через Хорезм; решение этого вопроса пока затруднительно из-за недостатка в материале. Датировать архитектурную керамику этого типа в Поволжье, исходя из датировки архитектурных памятников Средней Азии, где этот вид архитектурного декора сохранился in situ, следует, очевидно, последней третью XIV — началом XV в.

Из раскопок А. В. Терещенко в Сарае-Берке называют интерес три однотипных плитки с надглазурной росписью по бирюзовой поливе красной, черной и белой красками с позолотой [24] (рис. 4, *3, 4*). Художественное решение всех трех плиток, вышедших, по-видимому, из одной и той же мастерской, напоминает нам рассмотренную выше керамику с надглазурной росписью и позолотой по синему фону. Но сходство это чисто внешнее, и никакие другие виды керамики с каких бы то ни было памятников не дают прямой аналогии этим плиткам. Вероятнее всего, керамику этого типа следует связывать с самостоятельным творчеством мастеров Сарая-Берке, хорошо знакомых с творчеством иранских мастеров [25].

[19] Б. П. Денике. Ук. соч., стр. 152.

[20] Г. А. Пугаченкова. Самарканд. Бухара. М., 1961, стр. 30.

[21] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965, стр. 254.

[22] А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и тимуридах. (по Якубовскому, это мавзолей № 4).

[23] Б. П. Денике. Ук. соч., стр. 162.

[24] Два фрагмента керамики подобного типа имеются в коллекциях ПАЭ 1962 г.

[25] При работах ПАЭ на Царевском городище в 1964 г. впервые встречена бытовая керамика этого типа.

С этим же творческим кругом, по-видимому, следует связать еще два вида облицовочных плиток: два фрагмента с рельефным узором под белой поливой, контур которого обведен поверх поливы красной краской, являвшейся основой для позолоты, и восьмиконечную звезду с надглазурной росписью по белой поливе синей, зеленой и белой глазурями с позолотой по последней (рис. 4, *5, 6*). В техническом отношении они не дают ничего нового и являются творческим вариантом сарайских мастеров иранских надглазурных росписей с позолотой по синему фону.

Сходство наблюдается не только в технике, но и в наборе красок. Как и на образцах с бирюзовой поливой, белая надглазурная роспись в данном случае заменяется черной.

На другом образце в виде восьмиугольной плитки с надглазурной росписью по белой поливе подслоя два переплетающихся четырехугольника образуют восьмиконечную звезду. В центре изображена шестиконечная звезда. В росписи применены синяя, зеленая и белая глазури с позолотой по последней. Эти образцы, не встречаемые в других областях, как и предыдущая группа майолик, являются, очевидно, произведениями мастеров Поволжья в результате творческой переработки майолик с надглазурной росписью по синей поливе. Архитектурная керамика этого типа также имеет аналогию в бытовой посуде Сарая-Берке (отдел I, группа II, тип 6) [26]. Как архитектурная, так и бытовая керамика этого типа являются, очевидно, результатом влияния иранской керамики типа «минаи».

Э. К. Кверфельд отмечает, что в Иране позолота применялась исключительно по синей глазури, применение ее по бирюзовому и белому фону характерно только для Сарая. Он отмечает, что форма многих изразцов (например, восьмиконечные звезды) и принцип декоративного оформления заимствованы из Ирана, но «сочетание белого, черного и позолоты, весьма удачное и своеобразное, составляло специальность исключительно сарайской архитектурной керамики» [27], как и «применение ее (позолоты) на бирюзовом фоне характерно для Сарая и дает светлую радостную гамму красок» [28].

Датировать майолики с надглазурной росписью по бирюзовой и белой поливе следует, очевидно, временем не раньше появления майолик с надглазурной росписью по синей поливе, т. е. последней третью XIV в.

Некоторый интерес представляют два фрагмента майолик с надглазурной живописью из Сарая-Бату, хранящиеся в саратовском областном краеведческом музее (рис. 4, *7, 8*). На обоих фрагментах, к сожалению очень маленьких, мы видим пышный растительный узор, выполненный по белому фону красной, зеленой и голубой красками. Узор и цвет на этих фрагментах позволяет сопоставить их с турецкими изразцами типа «дамаск» и датировать XVI в. Характерно, что оба фрагмента найдены в Сарае-Бату, где, очевидно, и в XVI в. еще продолжалась жизнь.

Последней группой полихромных майолик в архитектурном декоре Поволжья являются майолики с росписью окрашенными эмалями с применением техники «мертвого края» или гравировкой контуров рисунка. Майолики этого типа являются самыми древними в архитектурном декоре Востока, и древнейшие образцы этой техники известны в Древнем Египте и Двуречье. От этого времени сохранилось не только большое количество образцов, исполненных в подобной технике, но и плитки с клинописью, содержащие указания о составе сырья и способе приготовления стекольных сплавов. Однако со временем эта техника была забыта, и ее возрождение относится только к золотоордынскому времени.

Расцвет мозаичного искусства в Средней Азии относится к концу XIV—XV в. Декоративное оформление зданий резными майоликовыми мозаиками давало, безусловно, огромный эффект, но производство мозаик

[26] О. Л. Дорохова, Ю. Л. Щапова, Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч.
[27] Э. К. Кверфельд. Ук. соч., стр. 89.
[28] Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. М.— Пг., 1923, табл. XXX.

было делом сложным, трудоемким и, следовательно, дорогостоящим. По мнению И. А. Орбели [29], сразу же с появлением мозаик начинаются поиски новых декоративных приемов, которые давали бы тот же эффект, но требовали меньшей затраты труда. Таким декоративным приемом явились майолики с росписью цветными глазурями с применением техники «мертвого края» или гравировкой контуров рисунка. Производство майолик этого типа было несомненно менее трудоемкой работой, чем выпиливание отдельных элементов мозаики, но той глубины красок и чистоты тонов, которую дают мозаики, майолики этого типа дать не могут. Секрет в том, что каждая краска требует своей строго определенной температуры для обжига, что вполне возможно при производстве плит для мозаичных выпиловок, и совершенно невозможно при производстве майолики, когда по заранее нанесенному рисунку накладываются сразу все глазури и одновременно поступают в обжиг. Очевидно, что одни краски при этом перегорали, другие недожигались — цвета получались мутные и неглубокие.

Такое объяснение появления майолик этого типа было бы, казалось, очень логичным, но дело в том, что майолики с росписью эмалями и гравировкой контура известны нам еще до появления мозаик. Так, из мастерской Увека, датированной первой четвертью XIV в., известен бракованный фрагмент, на котором неглубокой резьбой нанесен несложный геометрический орнамент и видны следы эмалей, в то время как Поволжье этого времени еще не знает мозаики. Кроме того, из раскопок Терещенко в Сарае-Берке известен сталактит с росписью белой, бирюзовой и черной красками с орнаментом «в елочку» (рис. 4, *9*), полной аналогией которому по цветам, характеру рисунка и технике исполнения является полуколонка из мавзолея 1361 г., а также ряд других фрагментов облицовки дотимуровских памятников Шах-и-Зинды, относящихся ко времени, когда Самарканд еще не знает мозаик (мавзолеи Усто-Али, Улуг-Султан-Бегим и др.).

В период расцвета мозаичного искусства в Самарканде (Гур-Эмир, Биби-Ханым) и Шахрисябзе наряду с мозаикой широко употребляются и майолики с росписью эмалями с применением техники «мертвого края», причем роспись эмалями производится как по ангобному покрытию, так и по белой поливе. Но, по-видимому, мастера сами хорошо чувствовали недостатки этой техники, и в наиболее ответственных местах здания употребляли только мозаики.

Трудно сказать, почему в городах Поволжья роспись эмалями с применением техники «мертвого края» почти не употребляется. Исходя из того, что в Самарканде техника мозаик и техника росписи эмалями сосуществуют и техника росписи эмалями появляется, очевидно, даже раньше мозаик, нельзя объяснить отсутствие в Поволжье майолик этого типа хронологическим фактором.

Кроме того, при анализе майолик с надглазурной росписью по белой и бирюзовой глазури мы могли убедиться, что отдельные элементы узора залиты синей или зеленой эмалью, где «мертвым краем» служит красная краска, положенная по глазури, как основа для позолоты. Следовательно, техника эта была хорошо знакома мастерам Поволжья, но они избегали пользоваться ею.

Таким образом, сопоставление бытовой архитектурной керамики Поволжья и Средней Азии плодотворно не только для изучения путей развития одного из видов декоративного искусства золотоордынского Поволжья, но и для более определенной датировки широко известной бытовой керамики. Можно с уверенностью говорить, что дальнейшая работа в этом направлении даст еще более точные результаты.

---

[29] И. А. Орбели. Ук. соч., стр. 24.

Б. А. РЫБАКОВ

РУСАЛИИ И БОГ СИМАРГЛ-ПЕРЕПЛУТ

Авторы древнерусских поучений против язычества оставили нам много загадок. Они часто говорили недомолвками и намеками, не считая нужным описывать своим читателям или слушателям ту языческую обрядность, которая окружала их в повседневном быту и всем была хорошо известна.

В этом отношении повествования их западных современников, католических миссионеров, оказались более подробным историческим источником. Здесь мы находим описание верований западных славян-язычников, внешнего вида храмов и идолов, детальные отчеты о религиозных церемониях, календарные сроки праздников и молений. Миссионеры рассчитывали на далеких читателей из старых епархиальных центров, которых они стремились поразить как описанием славянского язычества, так и рассказами о торжестве христианства над ним, т. е. о своих собственных успехах. Естественно, что чем подробнее описано язычество, тем значительнее выглядели победы миссионеров.

Совершенно иным был замысел русских средневековых поучений: они были обращены не к церковному начальству и не к самим русским полуязычникам XI—XIII вв., а к той основной части русского духовенства, которая плохо боролась с пережитками язычества, приноравливалась к народным праздникам, позволяла себе принимать участие в языческих пирах и братчинах, организуемых их прихожанами: «Того бо ради пьете и ясте и дары емлете у них», говорится в одном из поучений [1]. Поэтому русские поучения лишь упоминают о существовании языческих обрядов и верований, но почти не описывают их и не раскрывают их сущности, оставляя многое недосказанным и неясным. Неясность породила сомнения у исследователей, и из немногочисленного славянского пантеона начали вычеркивать одного бога за другим. Первым вызвал сомнения Симаргл, которого еще старые переписчики превратили в двух богов — Сима и Регла, затем Макошь была перенесена в разряд финских божеств, Хорс — иранских, а Сварог — индийских, бог Род был низведен до уровня незначительного домового, мелкого семейного божка. Русалки-вилы стали считаться заимствованием у болгар, а бог Переплут, в честь которого древнерусские люди устраивали пляски и пили из священных рогов, был объявлен сомнительным.

Кроме того, отрыв изучения древнерусского язычества по памятникам XI—XIII вв. от изучения русского фольклора XIX в., в частности годового цикла народных праздников, привел к утрате исследователями чувства функционального значения тех или иных славянских божеств. Создалась очень пустая, бессодержательная формула: «славяне обожествляли природу и в е р и л и в леших, русалок, водяных и домовых...». Магически-заклинательный характер обрядов, молений и жертвоприношений, доживших до рубежа нашего столетия (например, Ильин день), не был раскрыт полностью; русалки воспринимались только как поэтический образ. Пло-

[1] Е. А. А н и ч к о в. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914, стр. 135.

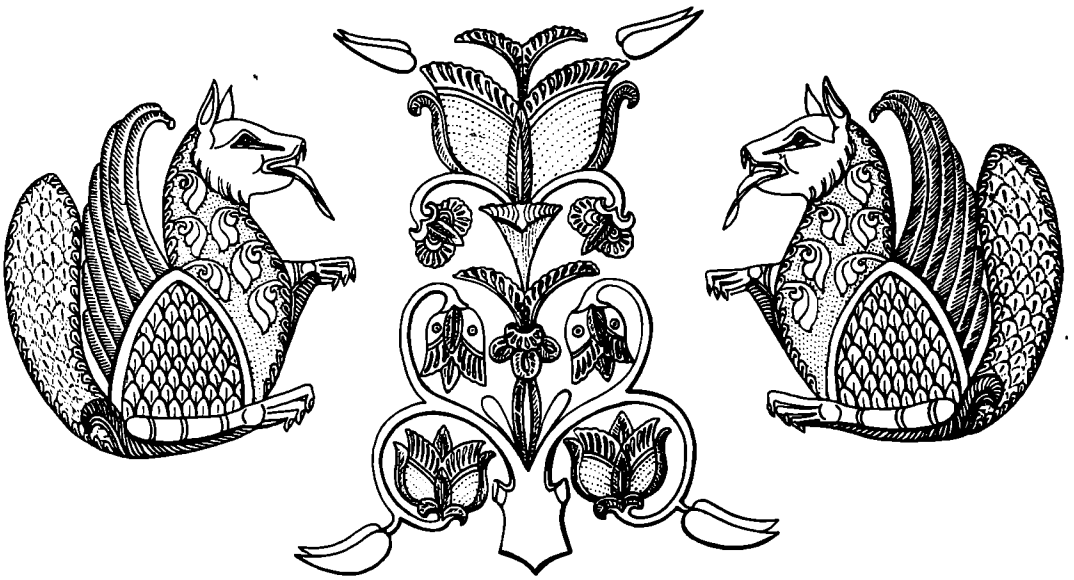


Рис. 1. Сэнмурв — крылатый пес, охранитель древа жизни (иранский средневековый кувшин)

дотворная работа этнографов мало смыкалась с изучением первых сведений о славянском язычестве.

Новая неизведанная область сведений о язычестве открылась после того, как был привлечен материал средневекового и современного народного искусства. В 1923 г. В. А. Городцов открыл в севернорусской крестьянской вышивке устойчивый и архаичный образ Великой Богини, очевидно, древнерусской Макоши [2].

В 1933 г. К. В. Тревер решила загадку Симаргла, доказав его сходство с иранским Сэнмурвом (Симургом), священным крылатым псом, охранителем растений [3].

Благодаря открытию К. В. Тревер получили интересное объяснение многочисленные изображения священной собаки-птицы в средневековом искусстве Ирана и Закавказья (рис. 1). Выяснилось, что прикладное искусство средневековья (серебряная утварь, архитектурные рельефы, ткани и др.) способно хранить и возрождать древние образы Авесты, проникавшие как в мусульманскую, так и в христианскую среду. Тем самым в руках исследователей оказался обильный и разнообразный материал, отражавший архаичные народные воззрения и неподвластный законам искусственных литературных композиций.

Русский материал, далекий от круга интересов К. В. Тревер, не был привлечен ею в указанной интересной статье, за исключением импортного блюда из Гнездова. Он, однако, получил здесь первое научное осмысление, позволяющее опираться на летописные свидетельства и производить поиски изобразительных источников. «Исследование вопроса о Симургле летописей должно быть вновь поставлено на очередь» [4].

К сожалению, сюжеты русского средневекового прикладного искусства (рис. 2) почти не были предметом исследования. А. С. Гущин и

---

[2] В. А. Городцов. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, 1, М., 1926. Интересным продолжением работ В. А. Городцова являются статьи А. К. Амброза, посвященные анализу устойчивого символа плодородия в виде ромба. А. К. Амброз. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»). СА, 1965, 3; его же. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. СА, 1966, 1.

[3] К. В. Тревер. Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж. Сб.: «Из истории докапиталистических формаций». М.— Л., 1933, стр. 324, 325.

[4] Там же, стр. 325.

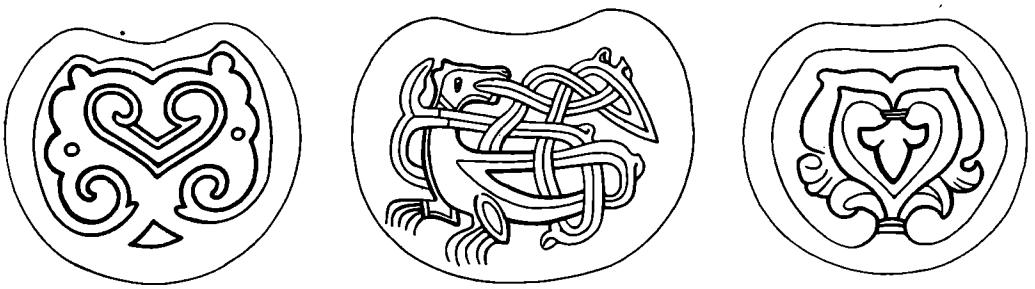


Рис. 2. Изображения древа жизни и Сэнмурва-Симаргла на русских колтах XII в.

Г. Ф. Корзухина в своих работах, посвященных вещам из русских кладов X—XIII вв., не рассматривали сюжеты изображений [5].

В написанных автором этих строк общих обзорах художественного ремесла Древней Руси также нет подробного рассмотрения и полного семантического анализа всех образов этого богатого и яркого искусства [6]. Только расшифровка древнеславянского календаря позволила мне перейти к более углубленному анализу семантики орнамента и изображений средневекового искусства [7].

Архаичная языческая символика широко представлена как в деревенском, так и в городском археологическом материале. Наибольший интерес для нас представляют золотые и серебряные вещи из княжеско-боярских кладов XII — начало XIII в., синхронные «Слову о полку Игореве», многим поучениям против язычества и белокаменной архитектурной резьбе Владимира и Юрьева-Польского, содержащей много сходных мотивов.

Можно насчитать свыше пяти десятков сюжетов изображений на колтах, браслетах, монистах и диадемах XII в.: древо жизни, птицы, львы, сирины, крины, кентавры, собаки-птицы (Симарглы), плетенка, растительный орнамент, грифоны, воины, танцующие женщины, христианские святые, деисусный чин, Александр Македонский, взлетающий на небо на грифонах, и др. В разных сочетаниях они составляют сложные композиции, которые лишь к началу XIII в. утрачивают свою стройность и осмысленность.

Как видно из перечня, почти все сюжеты не являются только русскими, а подобно «бродячим сюжетам» словесного фольклора и апокрифов широко представлены в искусстве Византии, Западной Европы и Ближнего Востока. Византийские «злато и паволоки», иранские ткани и серебряная утварь с чеканными украшениями несколько веков разносили по европейским землям древние сюжеты, приживавшиеся в новой обстановке и сливавшиеся в феодальном искусстве с местными архаичными, ве-

[5] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси. Л., 1936; Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954.

[6] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. ИКДР, II, М.— Л., 1951, стр. 396—464; его же. Искусство древних славян. Сб.: «История русского искусства». I, М., 1953, стр. 39—94; его же. Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI веков и южнорусских княжеств XII—XIII веков. Там же, стр. 233—297. Почти ничего не вносит нового в этот вопрос и статья В. А. Богусевича. Зображення Сімаргла в древньоруському мистецтві: «Археологія», XII, Київ, 1961. Здесь трактуется как изображение Симаргла рельеф черниговской капители XII в. (рис. 4), а далее известные изображения драконов объясняются тоже как образ Симаргла (рис. 5—8), что никак не может быть принято. Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964, стр. 120—123.

[7] Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян. СА, 1962, 4, стр. 66—89; его же. Славянский весенний праздник. Сб.: «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 254—257; его же. Языческая символика русских украшений XII в. Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965, стр. 64—73; его же. О чем поведала литейная форма. «Наука и жизнь», 1966, 1, стр. 29, 30; его же. Христиане или язычники? «Наука и религия», 1966, 2, стр. 46—49; его же. Язычество и христианство в Древней Руси. Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР в 1956 г.

роятно, сходными представлениями о магической, заклинательной силе зрительных образов древа, солнца, воды, молодого ростка или фантастического доброго чудища, которое для защиты добра наделено когтями льва, зубами собаки и крыльями орла.

На русском материале, обладающем все же своей спецификой, очень хорошо прослеживается ответ на важнейший вопрос, неизбежно возникающий при первоначальном подходе к сложному и богатому миру образов средневекового прикладного искусства: вкладывался ли их мастерами какой-либо смысл в эти образы, рассматривались ли они современниками как символическое выражение каких-то идей или же они являлись результатом механического копирования?

Замещение Симарглов и сиринов христианскими святыми, происшедшее в самом конце домонгольского периода, является точным и убедительным ответом на поставленный вопрос: да, изображениям на колтах, монистах и «венцах городчатых» безусловно придавался магический, апотропеический смысл. Это и естественно, так как все эти драгоценнейшие вещи, спрятанные в клады во время опасности, входили, по всей вероятности, в состав свадебного, наиболее ценимого, убора, всегда перенасыщенного охранительной символикой.

Семантика свадебных обрядов и украшений всегда связана с двумя понятиями — охраной от зла и идеей плодородия. Рождающая жизненная сила невесты символизировалась в виде молодого ростка-крина, древа жизни, двух птиц по сторонам древа (символ брачной пары) и в виде двух птице-дев сиринов, которых следует сопоставлять с вилами, крылатыми девами-русалками славянского фольклора, обеспечивающими плодородие полей. С глубочайшей древности переплелись в сознании земледельцев образ прорастающего в земле зерна с образом женщины, ожидающей рождения ребенка: на золотых колтах нередко можно встретить кроме растительной символики также и изображение молодой женщины в богатом головном уборе. Со свадебной обрядностью связаны и изображения плетей спелого хмеля и турьих рогов, встречаемые на тех же колтах.

Древний дуализм, разделявший мир таинственных сил на духов добра и духов зла, на «упырей» и «берегинь», сказался и в орнаментике средневековых украшений. Если добрая сторона мира здесь представлена магией плодородия в ее обобщенном виде (растение-женщина), то для магической защиты от зла здесь использован ряд благожелательных к человеку и хорошо вооруженных чудовищ: грифоны с орлиной головой, крыльями и львиным туловищем (известные в Приднепровье со скифских времен), крылатые двулапые псы и четвероногие крылатые барсы с разинутой пастью и занесенной на врага когтистой лапой, в которых, как и во псах, следует, очевидно, усматривать одну из ипостасей Симаргла, охранителя священного древа всех семян.

Следует сделать одно важное примечание: на самых дорогих з о л о т ы х уборах из кладов, которые можно считать именно с в а д е б н ы м и или парадными уборами русских княгинь (в отличие от имеющихся в таких же кладах серебряных), никогда не изображался ни в каком облике языческий Симаргл, что, по всей вероятности, связано с необходимостью для княжны-невесты появиться в этом торжественном уборе в церкви во время венчания. Круг образов этих уборов почти не выходит за рамки христианского апокрифического фольклора, узаконенного христианством набора привычных изображений: древо жизни, крины, сирины с нимбами, процветшие кресты. Именно здесь, на золотых колтах и диадемах, появляются впервые финифтяные изображения христианских святых, вытесняющие собой полуязыческие символы.

Иное мы видим на с е р е б р я н ы х изделиях, служивших этим же феодальным верхам для повседневного употребления или принадлежавших более демократическим посадским слоям. Здесь главным мотивом являет-

ся дуалистическое заклинание добра и зла: птицы, древо жизни и его охранитель грозный Симаргл с распростертыми крыльями и поднятой лапой. На таких серебряных колтах никогда не бывает изображений христианских святых.

Из русских серебряных изделий XII — начала XIII в. наибольший интерес для изучения язычества и языческой символики представляют хорошо известные широкие двустворчатые браслеты, служившие для стягивания рукавов у запястья. На них точно так же никогда не бывает христианских изображений, хотя многие из браслетов найдены в составе богатых княжеских кладов. Языческая же символика здесь представлена в изобилии, что, вероятно, связано с особой функциональной ролью браслетов — «обручий» (рис. 3) [8].

Первое знакомство с обручами в летописях сразу сближает их с языческим ритуалом — в договоре князя Игоря с Византией 944 г. описывается присяга русских язычников, равноценная крестоцелованию в церкви: «...а некрещеная Русь полагают (на Перуновом холме) щиты своя и мече свое наги, о б р у ч е с в о е и прочаа оружья...» [9].

Известные нам браслеты-обручи XII — XIII вв. относятся к женскому убору и, очевидно, связаны с тем особым типом русской женской одежды, которая вплоть до начала XX в. надевалась на игрища для плясок,— длинная рубаха с очень длинными рукавами, почти до самой земли (рис. 4). До участия в пляске девушка должна была прихватывать длинные рукава у запястья двустворчатыми шарнирными обручами, приспособленными именно для такой цели. Перед танцем для того, чтобы распустить длинные рукава, плясунья должна была расстегнуть и снять свои обручи. Этим объясняется парность, комплектность обручей в составе кладов. Пляска на игрище «спустя рукава» документирована известной миниатюрой Радзивилловской летописи с подписью «Игрища» (рис. 5). Такая пляска с распущенными рукавами хорошо показана в известной сказке о Царевне-Лягушке: молодая невестка царя, собиравшая на пиру в рукава кости и куски пищи, когда пошла плясать, то, распустив рукава и взмахнув ими, разбросала собранное, из чего волшебным образом появились деревья, вода и птицы.

Самым интересным является то, что такая пляска с распущенными рукавами много раз изображена на самих браслетах. Здесь мы видим и женщин с собранными рукавами (тогда мастер изображал браслеты, сдерживающие рукава у запястьев), и женщин, танцующих с распущенными рукавами, превращавшими плясунью как бы в крылатую вилу, птице-деву, размахивающую белыми крыльями.

Если бы на серебряных обручах не было никаких других языческих изображений, кроме плясуний, то и тогда было бы понятно, почему отсутствуют на них христианские святые: обручи предназначались не для хождения в церковь, а для совершенно противоположных целей. Недаром русские проповедники XI и XII вв. с горечью говорили, что их современники живут, «не слушая божественных словес, но аще плясци или гудци (скрипачи), или ин хто игрець позоветь на игрище или на какое зборище идольское — то вси тамо текуть радуяся» [10]. И не было другого более бичуемого христианскими проповедниками объекта, чем женщина, участвующая в плясках: «Плящущая бо жена и невеста сотонина нарицаеться

[8] Нам пора восстановить древнерусское слово для обозначения браслетов — «обруч», которое иногда почему-то воспринимается как обозначение шейной гривны. В источниках XII—XIV вв. обручи четко отделены от гривен: «...обручи, гривны, перстни, усерязи», «Възложи обручи на руце твои», «...на руках обручи да перстни златы», «гривна на выи носеща и обручи на руку...». И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. II, СПб., 1903, стлб. 550. Этимологически слово «обруч» связано с рукой, так что другие значения его являются позднейшими.

[9] ПВЛ, М.— Л., 1950, стр. 38.

[10] Н. Г а л ь к о в с к и й. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Зап. МАИ, XVIII, М., 1913, стр. 82. «Слово о твари».

1

Рис. 3. Браслет XII в. Киев, усадьба Трубецкого (*1*, *2*)

и любовница диавола, супруга бесова...». Бесы соблазняют людей на различные грехи, «потычют плясанию, еже всех злее и горьше есть», так как именно пляска наиболее угодная дьяволу, который отвращает людей от бога и ведет их «во дно адово» [11].

Пляски под аккомпанемент гуслей считаются самым ярким проявлением язычества, самым тяжелым преступлением христиан: «Где писано то есть — христианом поганых обычаи деяти? Аще и всего мира собери книгы, будет ли велено верным им играти гусли и плесати — се бо поганых суть дела, их же вечные мукы и юзы огнения» [12].

Чем же объясняется такое исступленное преследование обычных народных развлечений? Мы вправе предполагать, что пляски под гусли были не так уж невинны с точки зрения христианства. Многое разъяснится для нас, когда мы рассмотрим подробнее древнерусские русалии, всегда сопоставляемые с «идольскими игрищами».

Русалии в древней Руси были кульминационной точкой народных языческих празднеств. Все виды искусства проявлялись в них полной мерой: музыка, пение, танцы, военные игры, театрализованные действа, проводившиеся иногда в масках. Участники русалий, как можно думать, делились на простых зрителей и на специальных людей, выполнявших главные разделы игры-обряда, подобно тому, как в современной болгарской деревне торжественное празднование нового года еще недавно выполнялось двенадцатью «старцами» в огромных масках и специальных одеждах.

Нехристианская, языческая сущность русалий проявляется уже в первом упоминании их в летописи. Такое огромное общерусское несчастье, как нашествие половцев во главе с Шаруканом в 1068 г., расценивалось летописцем как проявление божьего гнева, вызванного тем, что русские люди отвернулись (во время засухи) от нового христианского бога и обратились к старым богам своих дедов: «Удержах от вас дождь... и поразих вы зноем,— говорит христианский бог людям.— Обратитеся ко мне и обращаюся к вам глаголеть господь, и аз отверзу вам хляби небесные». «Дьявол льстить,— говорит далее автор поучения, использованного летописцем,— превабляя ны от бога трубами и скоморохы, гусльми и русальи». «Видим обо игрища утолочена и людий много множьство на них... а церкви стоять; егда же бывает год молитвы — мало их обретается в церкви. Да сего ради казни приемлем от бога всяческыя и нахоженье ратных... грех ради наших» [13].

Сто лет спустя Кирилл Туровский в числе «злых и скверных дел, их же ны велить Христос отступити», называет «плясанье, бубны, сопелп,

[11] «Поучение Иоанна Златоуста о играх и плясании». Там же, стр. 188.

[12] Там же, стр. 195.

[13] ПВЛ, стр. 112—114. Летописец Никон Великий использовал здесь особое сочинение «Слово о вёдре (засухе) и казнях божиих».

2

гусли, пискове, игранья неподобные, русалья». Другой современный автор пишет, что адскими муками будут наказаны «Игры, глаголемые куклы и скоморохи и русалиею пляшущая и вся игрища бесовскаа». А Изборник XIII в. предостерегает: «Егда играют русалия ли скомороси, ли пьянице кличють... или како сборище идольских игр — ты же в тъ час пребуди дома!». Все это писалось в те века, когда церковные художники смело изображали на миниатюрах богослужебных книг и бубны, и сопели (флейты), и трубы свиты царя Давида. Очевидно, дело было не в музыке как таковой, а в ее религиозной направленности: «И собрав (сатана) беси, преобрази в человеки и идяше в сборе велице, упестрено, в град. Ови бьяху в бубны, друзии же в сопели сопяху, инии же возложиша на лица скураты (кожаные маски) и деяху на глумленье человеком. И мнозии, оставивше церковь, на позор (на зрелище) течаху. И нарекоша игры те — русалья»[14]. Иногда осуждение русалий выражалось очень лаконично: «Грех его плясати в русалиех»[15].

Для установления сущности русалий и причин конкуренции с церковным богослужением следует рассмотреть календарные сроки этих языческих празднеств. Интересные данные сообщает Стоглав: «Русалии: о Иоаннове дни и навечерии рожьства Христова и богоявления: сходят ся мужие и жены и девицы на ночное плещевание и на бесчинный говор и на бесовские песни и на плясание и на скакание и на богомерские дела»[16].

В этом перечне пропущены русалии в «семицкую неделю», что произошло, очевидно, оттого, что понятие «семика» (седьмого четверга после четверга страстной недели) к этому времени уже утвердилось и заслонило собой более древнее название русалии. Киевская летопись второй половины XII в. ведет счет времени по русалиям, связанным именно с «семиком» (1174, 1177, 1195 гг.). Летопись называет «русальной неделей» седьмую неделю после христианской пасхи, завершаемую праздниками троицы (седьмое воскресенье) и сошествия святого духа (духов день, пятидесятница).

Термин «русалии» настолько прочно вошел в быт Руси XII в., что даже в чисто церковных сочинениях о посте время определялось этим языческим праздником: «... и по съшьствии святого духа, рекше по русалиих...» «...масла же до русалии приемлють...»[17].

Итак, мы можем установить четыре календарных срока русалий, разделяющихся на две сезонные группы. Первая группа — святки: рождественский сочельник, ночь под рождество (под 25 декабря) и знаменитый своими гаданьями «крещенский вечерок» (ночь под 6 января).

---

[14] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. III, СПб., 1903, стлб. 197; Н. Гальковский. Ук. соч.

[15] И. И. Срезневский. Ук. соч.

[16] Царские вопросы и соборные ответы в многоразличных церковных чинах (Стоглав). М., 1890, вопрос 24.

[17] И. И. Срезневский. Ук. соч.

Рис. 4. Праздничная рубаха с длинными рукавами XIX в. (Пензенская обл., коллекция Н. А. Деминой)

Вторая группа — летние праздники, так называемые «зеленые святки», семик и Иван-Купала (ночь под 24 июня). Вынесем пока за скобки древнюю «русальную неделю» XII в., так как ее языческие сроки несомненно были сдвинуты со своего исконного места передвижным пасхальным календарем (что, очевидно, и привело в конце концов к забвению троицких русалий ко времени Стоглавого собора). Три остальных срока совпадают с тремя крупнейшими церковными праздниками (рождество, богоявление, Иванов день), а два из них, кроме того, и с солнечными фазами — зимним и летним солнцестоянием.

Независимо друг от друга христианство и славянское язычество включили в свой религиозный календарь такие солнечные фазы, как зимний поворот солнца на лето «корочун», связываемый с идеей умирающего и воскресающего бога, и летний рубеж солнцеворота, совпадающий с самым длинным днем в году. Праздник богоявления (6 января) связан с периодом «разгарания» солнца 6 января, и число его определилось, очевидно, путем прибавления 12 дней (по числу месяцев года к празднику рождества — «коляды»), когда производилось заклинание природы и судьбы на все 12 месяцев предстоящего года. На славянской почве последний день зимних двенадцатидневных святок прочно связан с заклинаниями воды («водокрещи»).

Зимние русалии «в навечерие рождества и богоявления» начинали и завершали святочный новогодний цикл заклинательных обрядов, в центре которых были «слава хлебу», заклинание воды из 12 колодцев, гадание об урожае по 12 снопам и девичьи гадания о замужестве [18].

Судя по летописям, главным сроком русалий был летний, приноровленный уже в XII в. к христианской троице и завершавшийся строго фиксированным днем летнего солнцестояния — днем Купалы (рождества Иоанна Крестителя). Неудивительно, что средневековые церковники так

[18] В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957.

Рис. 5. «Игрища». Миниатюра Радзивилловской летописи

резко и упорно протестовали против древних игрищ и русалий, проводимых в дни важнейших христианских праздников.

Характер русалий, как их рисуют сочинения церковных писателей, не оставляет сомнений в их ритуальной языческой сущности, хорошо прослеживаемой по этнографическим данным XIX в. Русалии — это «сбор великий» большого количества людей, одетых в яркие праздничные одежды, «упестренных». Сбор происходит «в граде», «на стогнах» (т. е. непосредственно рядом с христианскими храмами) ночью. Явно ощущается наличие специальных людей, организующих главную часть празднества. Это музыканты, играющие на духовых, струнных и ударных инструментах, гусляры и скоморохи, одетые в «скураты» — маски и «деющие на глумленье человеком». Затем выделяются плясуньи, которые не принадлежали к скоморохам и выбирались, очевидно, из числа красивейших девушек города или села, как это было во всей средневековой Европе во время майских или троицких празднеств, когда выбирали королеву и короля праздника. На долю зрителей оставались «пение бесовское», «говор бесчинный», «плещевание» и «позорование» всего, что происходило.

Кроме плясок, «плясания русалией», «скакания», содержание русалий составляли какие-то языческие обряды, к сожалению не описанные церковными авторами, а лишь обобщенно называемые «игрищами бесовскими», «играми идольскими», «игрищами неподобными». Лишь однажды упомянуты игры «куклы», что заставляет вспомнить этнографически известные похороны чучел Костромы, Кострубонька или фаллической «куклы» Ярила. Иногда русалии сопровождались чем-то вроде первобытных турниров, когда люди, державшиеся бесовских обычаев треклятых эллинов, начинали «в божественныя праздникы позоры некакы бесовьскыя творити с свистанием и с кличем и воплем съзывающие некы скаредныя пьяница и бьющеся дрекольем до самыя смерти» [19].

Большой интерес в этой связи представляют болгарские этнографические сведения о русалках, русалиях и специальных служителях культа русалок — русальцах, собранные Д. Мариновым. «Русалки суть женские

---

[19] Lubor Niederle. Slovanské Starožitnosti. II, 1, Прага, 1924, стр. 261. Напомним, что турнир в Древней Руси также назывался «игрою». Осей, воспитатель Дмитрия Донского, «поколот бысть в игрушке». Троицкая лет., 1390 г.

существа — очень красивые девушки с длинными косами и крыльями». Они живут на краю света, а к нам приходят лишь однажды в году весною и в нужное время орошают дождем хлебородные нивы. Они выливают росу из рога, и хлеб начинает колоситься. От русалок зависит плодородие нив [20]. Функции русалок двойственны: с одной стороны, они заботятся о дожде и орошении полей, а с другой — об опылении цветущих хлебных колосьев, когда нивы сияют, так как это их брачное торжество [21]. Все это происходит в июне, который и называется «русальским месяцем».

Русальная неделя (у болгар начинается с троицына дня) соблюдается строжайшим образом. Малейшее нарушение приводит к тому, что провинившийся заболевает русальской болезнью. Нельзя работать, нельзя посещать особые самовильские кладенцы (русалочьи колодцы), нельзя спать под священным самовильским деревом; все люди должны быть на игрищах-русалиях.

Болгарская этнография сохранила ценнейшие сведения о своеобразном деревенском языческом жречестве, о волхвах XIX в. — о «русальцах», проводивших игрища русальной недели. В их магических действиях мы видим два основных элемента, связанных с двойственными функциями русалок,— воду и травы, чародейные зелья [22].

Дружины русальцев (от 3 до 13 человек) формировались из местных крестьян, но принятие в русальцы было обставлено почти такими же сложными обрядами, как и в масонскую ложу. Всеми делами руководит главарь («ватафин»), которому повинуются беспрекословно. В обычной жизни — это один из жителей деревни, но его отличает наследственное звание главаря русальцев, полученное им от дедов и прадедов. Право наследования звания строго ограничено. Главарь-ватафин является основной фигурой русалий; без него русальские празднества не могут производиться, как не может состояться церковное богослужение без священника. Только главарь-колдун может собирать волшебные русальские травы, только он знает все заклинания, он освящает знамя, он руководит играми, только ему повинуются самовилы и русалки. Только главарь выбирает новых русальцев и посвящает их. Русальцем может быть только честный, уважаемый человек, непьющий, хороший семьянин, здоровый, хорошо сложенный, умеющий танцевать и прыгать. Он должен поддаваться гипнотической силе главаря, обязан строжайше хранить русальские тайны. На сбор сведений о кандидате уходили недели. Неофиту давали наставника, заставляли поститься 3—7 дней, после чего в кругу старых русальцев его обрызгивали заговоренной водой со священными травами, и он давал страшную клятву исполнять весь русальский ряд и хранить тайну. Клятва начиналась торжественным проклятием за нарушение заветов: «Да погаснет очаг в моем доме, пусть змеи и ящеры совьют свои гнезда в нем...», а завершалось не менее суровой карой: «Да не примет земля мои кости...».

Перед русалиями главарь-волхв созывает русальцев, готовит на глазах у них новое знамя из нового полотна с зашитыми в углы священными травами (в том числе «перуника»), поливает знамя чародейной водой и раздает русальцам хранившиеся у него «тояги» — священные жезлы в 1—1,5 *м* (которые тоже снабжены священными травами), нередко переходящие по наследству от отца к сыну. Обязательной принадлежностью русалий являются глиняный сосуд со священными травами, разбиваемый ударом жезла в конце обряда, и чара с чесночным настоем, который пьют русальцы во время ритуального танца. Этот же настой дают пить больным для исцеления. Почитание чеснока засвидетельствовано древнерусскими поучениями, а разбитые в черепки священные сосуды найдены М. А. Тихановой в святилище IV в. Русальцы надевают венки, увитые

[20] Д. Маринов. Народна вера и религиозни обичаи. София, 1914, стр. 191.
[21] Там же, стр. 476.
[22] Д. Маринов. Ук. соч., стр. 476—486.

самовильскими цветами, и подвешивают к поясу и к обуви звоночки, звенящие при ходьбе и танце.

Непременным участником русалий является флейтист («свирец», «свирач»), знающий особые самовильские, русальские мелодии. Дружины русальцев переходят из села в село по кругу, так, чтобы к концу русальной недели вернуться в то село, где проживает главарь. «Там, где они прошли, нивы цветут и обещают хороший урожай» [23]. Во всю русальную неделю русальцы не крестятся и не молятся по христиански ни при каких обстоятельствах. Русальские «игры» состоят в хороводах («хоро») и разнообразных танцах и прыжках (в Стоглаве — «плясание и скакание»). Танцы ведутся в быстром, бешенном темпе, когда кажется, что русальцы не касаются земли. Главным мотивом являются «разнообразнейшие формы извивания» [24], что заставляет вспомнить бичуемое русскими церковниками XI—XII вв. «многовертимое плясание». Пляска сопровождается восклицаниями, вскриками. Игра завершается тем, что «русальцы доходят до исступления и падают без чувств». Самая темпераментная заключительная самовильская мелодия носит характерное название «флоричика», подчеркивающее аграрно-магический облик русальских игр.

Болгарские русалии помогают нам представить себе облик древнерусских волхвов XI в. Недаром еще в XVII в. на Руси вера в русалок называлась «волхованием и очарованием» [25].

Отзвуки древних русалий сохранились и в русских землях. С. В. Максимов сообщает, что после троицына дня пензенские крестьяне устраивали встречи и проводы русалок: парни рядились козлами, свиньями и обязательно конем, надевали маски и под музыку и звон сковородок и печных заслонок плясали и скакали, переходя из села в село. Во главе процессии «русальщиков» часто носили чучело коня с настоящим конским черепом на шесте; толпа идет за околицу в поле, где «в честь русалок выделяется бойкая девушка, которая с палками в руках скачет взад и вперед». Иногда весь обряд встречи русалок проходил на ржаном поле [26].

Идольский характер семицких игрищ удержался даже вплоть до начала XIX в.: в Воронежской губернии на берегу озера Горохова посреди дубовой рощи («в рощении») в эти дни строили нечто вроде языческого храма, «украшали его венками из цветов и душистой зелени, внутри ставили на возвышенном месте болван из дерева или соломы, одетый в праздничное мужское и женское платье. Около шалаша сбирались тамошние жители, принося с собою отборную пищу и питье. В хороводе пели и плясали вокруг етого шалаша, который представлял род капища» [27].

Русалии являются общеславянским (а может быть, и общеиндоевропейским) аграрным праздником, связанным с плодородием полей, молениями о дожде и рождении новых колосьев. Исследователями давно отмечена близость всех обрядов и праздников русального месяца июня — семика, троицы и Купалы. Народная поэзия тоже объединяет их:

«Как у нас в году три праздника:
Первой праздник — Семик честной,
Другой праздник — Троицын день,
А третий праздник — Купальница» [28].

---

[23] Там же, стр. 477.

[24] Там же, стр. 482.

[25] И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. IV. М., 1839, стр. 5.

[26] С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, стр. 101. 102, 460—462. В русальную неделю «мужики принимаются «русальничать», т. е. гулять на все лады и пить целую всесвятскую неделю».

[27] И. Снегирев. Ук. соч., III, стр. 106, 107 со ссылкой на «Украинский журнал» за 1834 г., 11, Харьков.

[28] И. Снегирев. Ук. соч., III, М., 1838, стр. 125.

Во всех этих праздниках явно выступает культ воды, растительности, плодородия и плодовитости. Пляски девушек, хороводы вокруг березки, плетение и бросание в воду венков, песни о яровой пшенице и о будущем урожае, о яр-хмеле, о девице и о молодце, имитация coitus'a, обращения к русалкам, Ладу, Лелю, Туру и Яриле, жертвы воде в виде женских кукол, похороны мужских кукол (Кострома, Коструб онька, Ярила) — все это обычно происходит в июне, колеблясь между 4 и 30 числом этого русального месяца. Путаницу в сроках обрядов вносит, во-первых, география (чем севернее, тем позже происходит обряд), а во-вторых, церковный календарь с его подвижной пасхой, подвижным троицыным днем, передвигающим языческий семик и русальную неделю. Несколько устойчивей купальские обряды, связанные с определенным числом — 24 июня. Они во всем повторяют русальскую обрядность, но сохраняют свои специфические черты праздника летнего солнцеворота: костры на берегах рек, костры на вершинах гор, своеобразная солнечная колесница с двумя колесами (в масленичных обрядах всегда участвует только одно колесо): девушки, «взяв передние колеса от телеги... садятся на ось, а прочие, схватившись за оглобли, возят по селению, а потом по полям с песнями до утренней зари и для здоровья умываются росой» [29].

Но и купальскую, и семицкую, и русальную обрядность объединяет образ Ярилы, празднование в честь которого по разным местам тоже растягивается на весь июнь месяц, от 4 до 30 числа.

Воронежский праздник Ярилы по описанию 1763 г. очень близок к разобранным выше болгарским русалиям: на городскую площадь «стекались горожане и окрестные сельские жители и составляли род ярмарки. К этим дням в домах по городу делалось приготовление, как бы к великому празднеству. На месте позорища избирался миром человек, которого обвязывали всякими цветами, лентами и обвешивали колокольчиками. На голову надевали ему высокий колпак... в руки давали позвонки. В таком наряде под именем Ярилы ходил он, пляшучи, по площади в сопутствовании народа обоего пола. Это празднество сопровождалось играми, плясками, лакомством и пьянством, особенно кулачным боем... Праздник сей называют игрищем.... люди ожидают его как годового торжества... и убираются празднующие в лучшее платье» [30].

Эти строки возвращают нас еще на шесть веков назад, ко времени древнерусских обличений русалий, когда упестренно одетый народ на стогнах града предавался игрищам неподобным.

Ярилин день, праздновавшийся в XIX в. в России 4 июня, находит соответствие в большом языческом празднестве поморских славян, происходившем в XII в. в тот же день 4 июня. В 1121 г. Сефрид сообщает, что близ города Пирица был разгульный ночной праздник: «приблизившись мы увидели около 4.000 человек, собравшихся со всей страны. Был какой-то языческий праздник, и мы испугались, увидев как безумный народ справлял его играми, сладострастными телодвижениями, песнями и громким криком» [31].

Языческий, ритуальный характер русалий достаточно подтвержден приведенными этнографическими примерами. Для того чтобы рассмотреть изображения на серебряных обручах, предположительно связываемые с русальскими игрищами, нам осталось только попытаться определить количество и сроки июньских игрищ в дохристианскую эпоху, т. е. до того, как на эти сроки воздействовал подвижной комплекс пасхальных празд-

---

[29] И. Снегирев. Ук. соч., III, М., 1838, стр. 125.

[30] Там же, стр. 59. В ряде случаев образ Ярилы наделен фаллическими чертами. Это особенно сказывалось при обряде похорон Ярилы, которые, очевидно, отражали окончательное отмирание посеянного в землю зерна в период формирования новых колосьев.

[31] А. С. Фаминцын. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 51.

пиков, колеблющихся в диапазоне целого месяца. Особенно важно выяснить первоначальный срок семика, который на Украине называли «русалчиным великоднем», т. е. русалочьей пасхой.

По христианскому календарю семик мог в том или ином году прийтись на время от середины мая до середины июня. Единственным источником для такого выяснения является драгоценный кувшин-календарь IV в. из с. Ромашки на Киевщине [32]. Здесь точно фиксированы четыре срока дождей, необходимых яровым посевам. Они совпадают с оптимальными сроками дождей по агротехническим данным XIX в. В промежутках между дождями поставлены знаки трех важнейших праздников: 1) деревцо — 4 июня, 2) два креста — 24 июня, 3) громовый знак — 20 июля, накануне жатвы.

Дню Купалы, помеченному двумя крестами, предшествует шестидневный период, выделенный особыми знаками. Наложение этнографических данных на календарную сетку антского времени позволяет распределить языческие празднества так: 4 июня после первых дождей праздновался день Ярилы, первые русалии, связанные позднее с семиком и троицыным днем. Вторые русалии начинались 19 июня и завершались, как и во времена Стоглава, 24 июня. Праздник бога-громовика к русалиям отношения не имел. Судя по четкому выделению знаков дней от 19 до 24 июня, главными в то отдаленное время были вторые русалии, связанные с Купалой, с летним солнцеворотом. О важности этого праздника мы можем судить по тому, что на другом сосуде-календаре той же эпохи месяц июнь обозначен купальскими символами — два косых креста и волнистая линия воды. Кресты в данном случае выражали идею Солнца-Сварожича и зажигаемого в его честь огня-сварожича. Роль воды в купальской обрядности общеизвестна.

Приведенных данных достаточно для того, чтобы мы могли вновь обратиться к интересующим нас браслетам. Широкие двустворчатые серебряные обручи-браслеты имеются почти во всех богатых русских кладах 1170—1240 гг., зарытых во время Батыева нашествия. Чаще всего каждая створка подразделялась на три или четыре арочки, внутри которых гравировали птиц, сиренов, древо жизни, кентавров, музыкантов, пляшущих или пьющих мужчин и женщин, львов, грифонов. Иногда арочки занимали все пространство, в большинстве же случаев орнамент располагался в два яруса: арочки с фигурами в верхнем ярусе, а в нижнем — ряд прямоугольных клейм, представляющих как бы подножие каждой арочки. Характер изображений верхнего и нижнего ярусов резко различен, но очень часто между изображением в арочке и на ее подножии можно установить определенную семантическую связь. В нижнем ярусе художники XII в. помещали плетенку и растительный узор (рис. 6). Плетенка применялась двух видов: одна из них — равномерная плетенка косичкой «в три ручья», другая плетенка более своеобразная, она включает в свое плетение круг с косым крестом внутри или два таких круга рядом. Растительный узор нижнего яруса, как правило, изображает попарно связанные §-видные завитки, напоминающие корни с побегами. Иногда в центральной расщелине побегов мастер помещал овальное пятнышко, возможно обозначавшее семя, из которого пошли в обе стороны побеги и корни. Листья на побегах изображались в начальной фазе роста, полураскрывшиеся.

Плетенка изображается в тех звеньях нижнего яруса, над которыми в верхнем ярусе помещены изображения людей, пьющих из сосудов, или пляшущих женщин. Это позволяет рассматривать плетенку как декоративное усложнение древней идеограммы воды — волнистой линии. Кстати, иногда одна из трех лент плетенки выделяется нанесением на нее точечного орнамента (капель?) и образует простую волнистую линию.

[32] Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян.

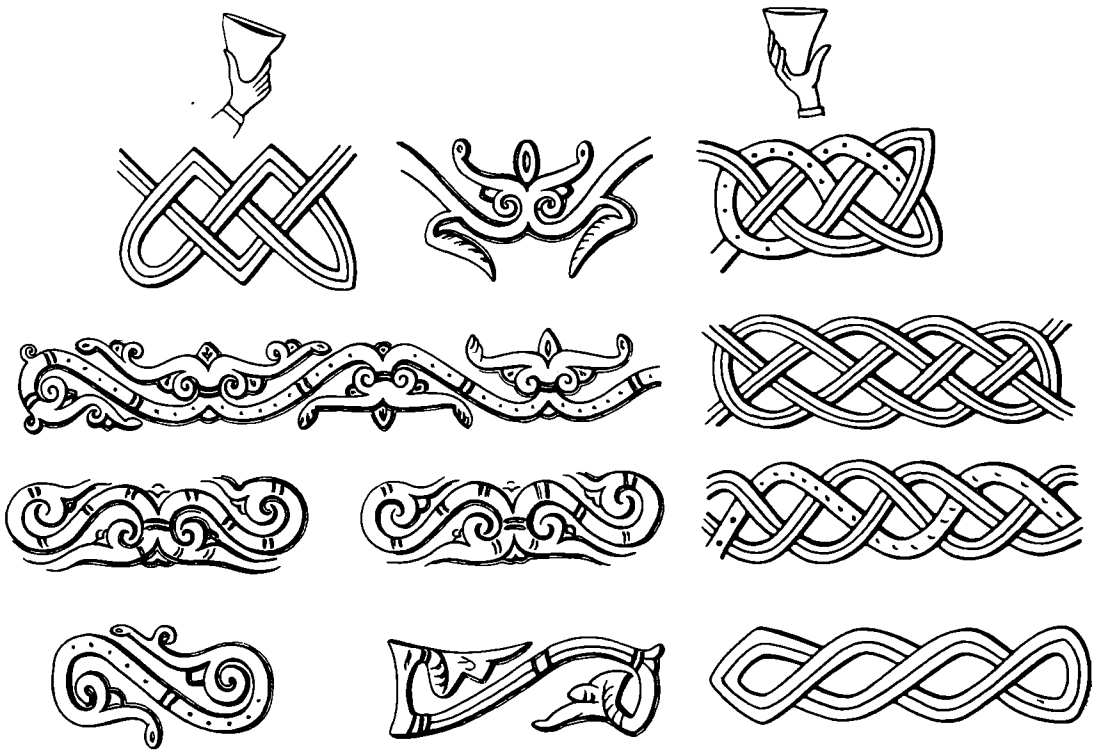


Рис. 6. Изображения в нижнем ярусе браслетов-обручий XII в. (слева — корни и побеги, справа — вода)

Точечно-капельный узор прослеживается и на стеблях растений, и на самих арочках. В целом основные сюжеты изображений нижнего яруса выражают, по-видимому, одну идею: корни растений должны быть напоены водой.

Большой интерес представляет наличие на браслетах (как в нижнем, так и в верхнем ярусе) косых крестов, называемых поляками «погански-ми крыжами». Четко выделяясь среди ременного плетения, эти кресты в кругах никак не оправданы художественной логикой орнамента. Наоборот, иногда они слишком назойливо выпирают на первый план, нарушая ритм плетения и растительных завитков. По всей вероятности, косые кресты в кругах (особенно парные) надо рассматривать в связи с календарным знаком июня месяца на сосуде-календаре из святилища в Лепесовке (рис. 7). Полную аналогию представляет браслет из клада 1903 г. в Михайловском монастыре в Киеве: в верхнем ярусе там изображен лев и рядом с ним два косых креста в кругах; в нижнем же ярусе, как и на лепесовской чаре, под двумя косыми крестами дан символ воды — волнистая плетенка. В целом это должно указывать на июнь, русальный месяц, и даже точнее — на купальские русалии, приходящиеся на время летнего солнцеворота.

На одном из киевских браслетов тот же самый символ праздника Купалы выражен в двух клеймах нижнего яруса: два косых креста (без кругов) и рядом плетенка-вода. В верхнем ярусе изображено древо жизни и две русалки-вилы в облике сиринов.

Косвенно с русальнокупальской символикой связана и форма растительного орнамента верхнего яруса: там часто изображался стилизованный папоротник в виде сердцеобразной фигуры острием вверх.

Роль папоротника в купальской обрядности общеизвестна.

Вторым опознаваемым растением является, на мой взгляд, хмель. Его попарно связанные корни (а хмель размножают именно так, черенками)

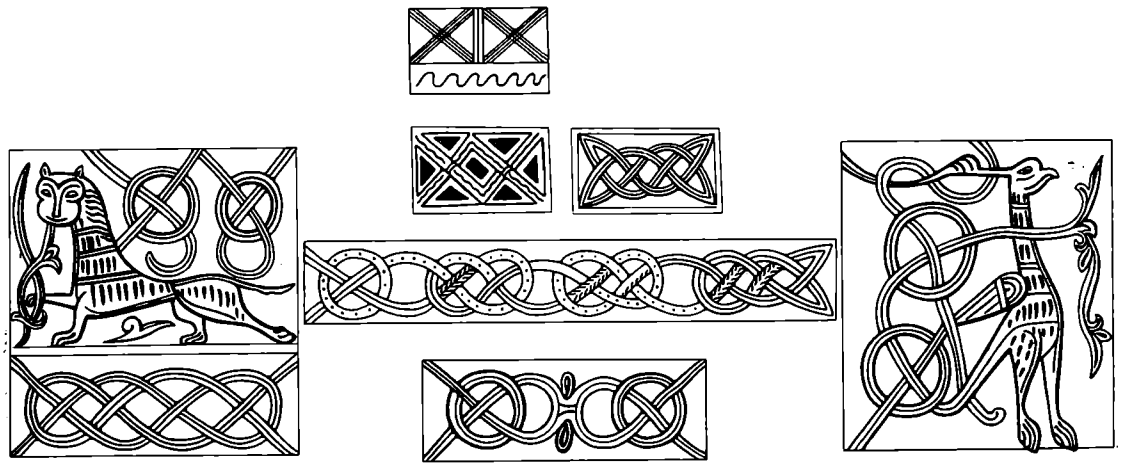


Рис. 7. Символы солнца и воды на браслетах. Верхний рисунок — знак месяца июня («русального» месяца) на сосуде-календаре IV в. из Лепесовки

изображались в клеймах нижнего яруса. В арочках верхнего яруса изображались боковые побеги и плети в момент цветения (в июне, около купальских празднеств), а в некоторых арочках в «древе жизни» можно узнать спелые плети хмеля с шишками, оттягивающие ветви вниз, к земле. Календарно эта фаза роста хмеля может относиться к концу июня — началу июля [33].

Обилие и разнообразие рисунков хмеля в разных фазах его развития не должно нас удивлять, так как и в песенном фольклоре русалий хмелю отводится важное место:

«Как за Волгой яр-хмель
Под кусточком вьется...
Нащиплю я хмелю, хмелю ярового,
Наварю я пива, пива молодого»

(*песня в семик*) [34].

Судя по свадебной, новогодней и русальной обрядности, хмель играл в русском быту столь же важную роль, сколь у более южных народов виноградная лоза, а у индо-иранцев — священное растение «хома» (или сома), в котором, вероятно, следует видеть тот же хмель (древнерус. хъмель, лат. humulus).

Итак, рассмотрение в общих чертах всех второстепенных элементов, изображенных на браслетах, предназначенных для игрищ, дает нам очень ясный комплекс символов: идея плодородия выражена растениями и их корнями, орошаемыми водой в критическое для земледельца время летнего солнцеворота, когда особенно важно обеспечить все растущее небесной влагой — дождем. Растительный мир, жаждущий влаги, выражен через посредство папоротника и хмеля, священного растения, без которого не мог обойтись ни один праздник с пивом и хмельным медом. Нижний ярус браслетов, находящийся под ногами людей, животных и птиц, ярус, переплетенный корнями и насыщенный идеограммами воды и растительной силы, можно сказать, графически выражал ту идею, которая вложена в слова «мать-с ы р а-земля».

---

[33] И. Д. Нечипорук. Агробиологические основы возделывания хмеля. Львов. 1955, стр. 46—50. Пользуюсь случаем поблагодарить за любезную консультацию и указание литературы А. В. Кирьянова.

[34] И. Снегирев. Ук. соч., III, стр. 123, 124.

Рис. 8. Вилы-русалки у древа жизни (браслет XII в. Киев, усадьба Раковского)

Наибольший интерес представляют те восемь композиций на браслетах, в состав которых включены люди или существа с человеческим ликом.

1. Браслет из Киева (усадьба Раковского, 1889 г., рис. 8) [35]. Композиция двухъярусная. На левой створке в средней арочке стилизованное папоротникообразное древо жизни; в двух соседних створках сирины, повернувшие головы к растению. На другой створке два сирина стоят друг против друга, а в крайней правой арочке изображен спелый хмель. Головы сиринов девичьи, простоволосые, без нимбов. Около каждой птице-девы побеги вьющегося растения. Нижний ярус каждой створки разделен на два клейма: левые клейма дают корни с глазками и побегами в сложно переплетенном виде. Справа — уже упоминавшиеся два косых креста, сделанных очень четко, и плетенка-вода. Если два креста и вода являются, как уже говорилось, обозначением купальских солнцеворотных русалий, то и персонажи верхнего яруса, как оказывается, тоже связаны с русалиями, так как известно, что птицы с девичьими ликами приравнивались в Древней Руси к русалкам: «сирины, рекше вилы», а тождество крылатых вил с русалками мы видели выше («русалки — красивые девушки с длинными косами и крыльями»). Вилам-русалкам на Руси приносили в жертву птиц («несчастных кур»), очевидно, в связи с полуптичьей природой самих вил.

То обстоятельство, что образ сирина широчайше распространен в средневековом искусстве всего Старого Света, никак не может поколебать древней символики птице-дев, их связи с небом, водой и растительностью. Корни этого образа уходят, вероятно, еще в неолит и бронзовый век [36].

Весь комплекс изображений на браслете из клада 1889 г. очень строен и всеми своими частями, от папоротника до двух «поганских» крестов, прочно связан с праздником русалий «в навечерие Иоанна Предтечи».

2. Литейная форма для двухстворчатого браслета (Киев, рис. 9) принадлежит к тому типу киевских обручий, у которых вся плоскость створки занята одной композицией. На одной створке вырезаны два птице-человека, а между ними в плетенке — круг с крестом. Головы у существ мужские, в колпаках. На второй створке (обломанной) композиция, вероятно, точно такая же, с кругом в центре, но птицы здесь не с человеческими, а с песьими головами, т. е. типичные Симарглы. Симаргл-Сэнмурв как охранитель семян и корней священного древа вполне уместен на украшениях, предназначенных для плясок. В иранском сред-

[35] М. К. Каргер. Древний Киев. I, М.— Л., 1958, табл. LXI.

[36] Урны в виде птице-дев с вертикальными струйчатыми линиями дождя на корпусе. Nándor Kalicz. Die Peceler (Badener) Kultur. Budapest, 1963, табл. I—III.

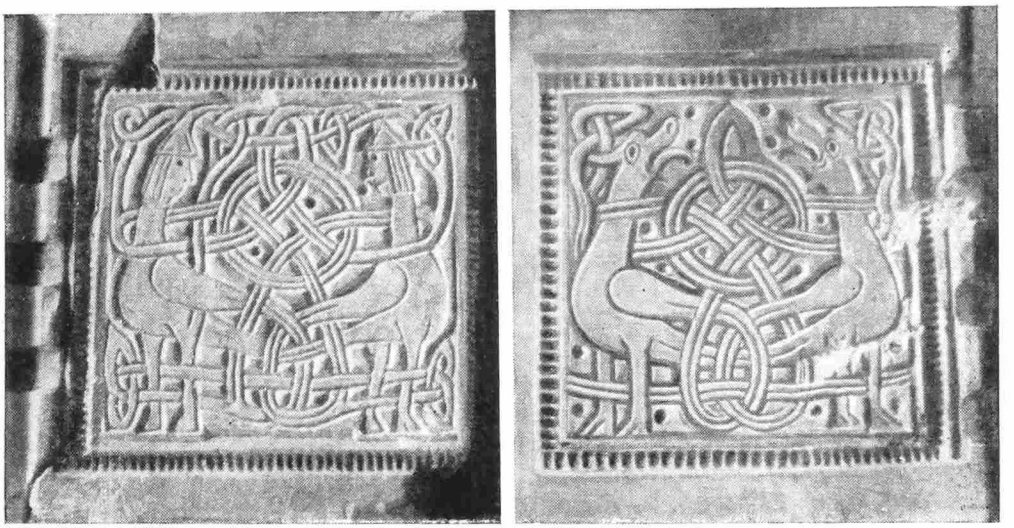


Рис. 9. Литейная форма для браслета. Киев (композиция правой половины восстановлена по обломку)

певековом искусстве, при помощи которого расшифрован русский Симаргл, наряду с Сэнмурвами очень часто изображались жрицы-танцовщицы, пляшущие в одеждах с длинными рукавами, как и русские женщины на игрищах (Радзивилловская миниатюра «Игрища»). К «сиринам» мужского пола мы еще вернемся в конце статьи.

3, 4. Два парных одинаковых браслета неизвестного происхождения (коллекции ГИМ, рис. 10). Их отличает отсутствие черни и позолота всех элементов орнамента. Композиция двухъярусная. Левая створка: внизу парные корни (черенки хмеля?), а над ними в четырех арочках две птицы с какими-то листочками в клювах и два зайца. Около зайцев, близ их мордочек, изображены чаши с поддоном, наклоненные так, как если бы зайцев поили из этих чаш. Зайцы в древней Руси вплоть до XVII в. были табу и не употреблялись в пищу; с зайцами связан ряд поверий: заяц перебежит дорогу — несчастье, поминать зайца, плывя по воде,— тоже нехорошо, так как водяной поднимает бурю [37]. У литовцев существовал «заячий бог» Диверикз, охранявший лесную растительность. Если заяц выбегал из лесу, то охотники не въезжали в лес «и не смеяше ни розгы уломити» [38].

«Заячий бог» верхнего яруса нашего браслета вполне корреспондируется с корнями и побегами нижнего яруса. До сих пор не разгадано символическое значение кентавра с зайцем в руке на западной стене Георгиевского собора в Юрьеве-Польском [39]. Быть может, следует учесть, что кентавры, нередко рассматривавшиеся как божества плодородия, расположены в той зоне скульптурной орнаментации собора, которая символизирует растительную силу земли, плодородие земли. Рельеф с кентавром снабжен изображением дерева с распускающимися листьями. Кентавр-китоврас выгравирован и на известном браслете из Тверского клада 1906 г. (см. ниже), причем в нижнем ярусе ему соответствует изображение корней с побегами.

Культовая роль зайца отражена также и в древнерусских амулетах, находимых в курганах XI—XII вв., где они по всей вероятности являются

[37] А. А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. III. М., 1869, стр. 255. Автор указывает, что заяц у германских народов был, как и аист, «приносителем душ», т. е. связан с комплексом идей плодородия, начала новой жизни.

[38] ПСРЛ, II, стр. 188.

[39] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, табл. XXVIII, стр. 111—113.

Рис. 10. Один из двух парных браслетов XII в. (местонахождение неизвестно, хранится в ГИМ)

остатками свадебных уборов, обычно сильно насыщенных магическими элементами. Среди оберегов мы встречаем миниатюрные топорики, гребни, ключи и ложки; часты литые изображения зубов и челюстей хищников. Есть изображения птиц, бычков и коней (?). Наиболее частым видом амулета являются литые фигурки собаковидных животных с отростками на спине у лопаток, стыкающимися с загнутым хвостом. Если принять эти дополнения к собачьему облику за стилизованные крылья, то может быть фигурки следует считать портативным изображением Симарглов, охранявших от зла (как Симарглы на городских колтах). Топорики и собаки обычно покрыты циркульным солярным орнаментом. Во Псковской земле (Гдовские курганы X—XI вв.), кроме собак, в числе амулетов неоднократно встречены четкие и явственные изображения зайцев, возможно тоже воспринимавшиеся в связи с культом божества растительности.

На второй створке браслета в нижнем ярусе — плетенка, а в четырех арочках верхнего — музыкант и плясунья. Правая пара арочек: в левой — девушка с распущенными волосами до плеч в рубахе с подобранными рукавами, застегнутыми у запястья браслетами. На правом предплечье — вышивка. Поверх рубахи надета юбка или панева. Девушка сидит на легком складном стульце лицом к музыканту. Музыкант сидит на более солидном стуле с фигурной спинкой; под левой рукой у него нечто вроде меха волынки, но он не играет. Левая половина створки посвящена тем же персонажам: справа музыкант с волынкой, а слева — девушка, пляшущая с распущенными длинными рукавами, доходящими до самой земли. На обоих браслетах мастер подчеркнул груди девушки и показал ее длинные распущенные волосы и босые ноги.

Плясунья показана в том классическом виде участницы игрищ, который документирован миниатюрой и многочисленными русскими и болгарскими этнографическими примерами. В Болгарии «еньова буля», «девушка Иванова дня», обходя поля вокруг села и распевая песни о солнце и о рождении трав, танцует «размахивая длинными рукавами своей одежды, совсем как птица крыльями». Процессия останавливалась у каждого колодца, где повторялись пляски девы-птицы [40]. Девушка-плясунья исполняла роль вилы, крылатой русалки, орошающей поля дождем и росой. Вероятно, таков же смысл и плясуньи на браслете, сопровожденной в нижнем ярусе идеограммой воды.

5. Обломок литейной формы из Серенска (раскопки Т. Н. Никольской, 1965) (рис. 11). Описание следует вести, учитывая зеркальное отражение отлитого в этой форме браслета. Створка состояла из четырех арочек, но левая отломана. Вторая арочка — сидящая женская

[40] Д. Маринов. Ук. соч., стр. 494.

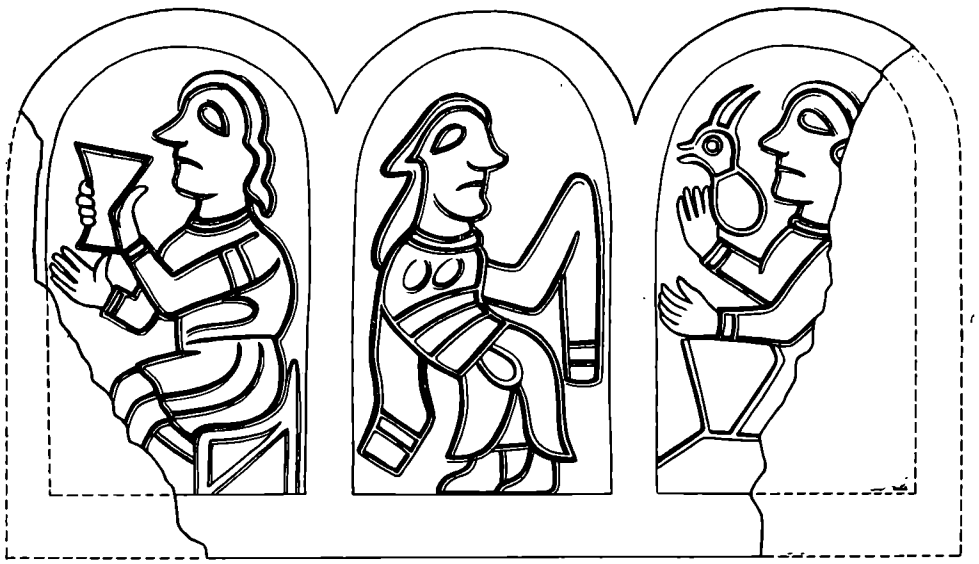


Рис. 11. Реконструкция рисунка на браслете по литейной форме из Серенска XII в. Раскопки Т. Н. Никольской (зеркальное изображение)

фигура с кубком в левой руке. В третьей арочке — девушка-плясунья, размахивающая длинными рукавами и сильно изогнувшаяся в танце. Груди ее тоже старательно подчеркнуты мастером. В правой четвертой створке изображен, по догадке В. П. Даркевича (см. статью в этом номере), музыкант с «козой» или «козицей», т. е. волынкой, украшенной головой козы.

6. Браслет из Киева — одноярусный, створки разделены на три арки (рис. 12). В левой арке — девушка-плясунья в вышитой на груди рубахе, в паневе или юбке: рукава длинные, струйчатые. Правый рукав (как и у всех других плясуний на браслетах) спускается до земли, левым она машет. В третьей створке — гусляр в длинном колпаке и длинной вышитой одежде; лицом гусляр обращен к девушке. В крайней правой арке изображен в прыжке или в танце мужчина в короткой одежде с мечем в правой руке и миндалевидным щитом в левой, он обращен лицом к гусляру.

Рис. 12. Три человеческих фигуры с браслета XII в. из Киева

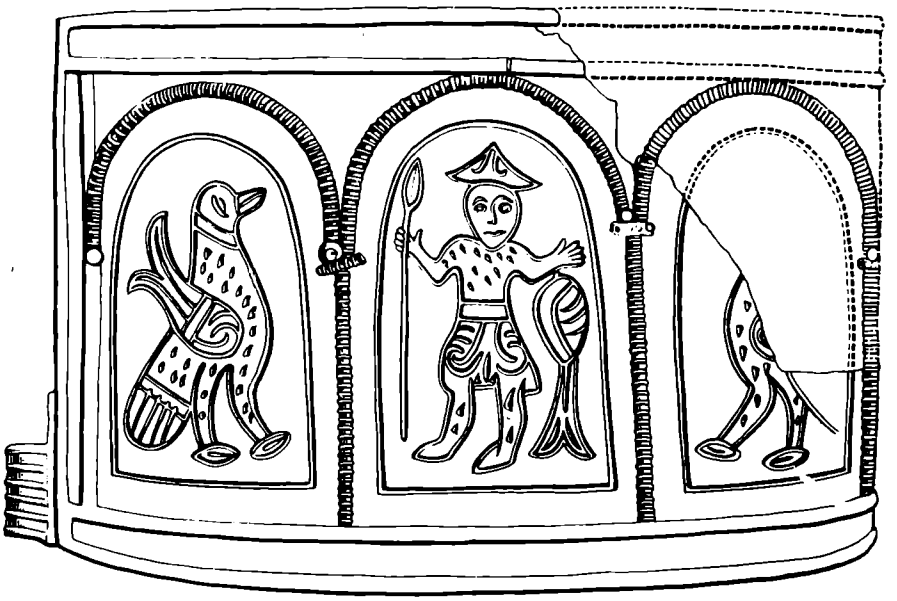


Рис. 13. Браслет XII в. из с. Демидова

В арке между плясуньей и гусляром и в арке соседней с пляшущим воином изображены Симарглы — птицы с явно песьими головами и хвостами в виде растительных завитков. Симарглы даны геральдически распластанными [41]. За спиной гусляра в четвертой слева арке помещена птица, прячущая голову под крыло. Вокруг всех человеческих фигур размещены растительные завитки.

7. Великолепный браслет из Старой Рязани (раскопки А. Л. Монгайта, 1966 г.). Ему посвящена специальная статья в этом номере, что избавляет от подробного описания. Он очень хорошо вписывается в общую систему русальских украшений: девушка-плясунья с длинными со струйчатыми рукавами (как на рис. 3 и 5) левый рукав опустила до земли, а правой рукой пьет из чаши, очень похожей на заячью чашу (см. рис. 3 и 5): у ног ее лежит принадлежность игрищ — маска. Мужчина в колпаке сидит на каком-то проросшем пне и тоже пьет из такой же чаши; в руке у него палка (может быть, жезл вроде «тояги»?). Под фигурами пьющих из чаш — плетенка — эмблема воды. В центре — гусляр, окруженный растительными завитками.

На второй створке — грифон и две птицеподобных мужских фигуры в колпаках, под которыми дан растительный орнамент; к этим фигурам, напоминающим киевские, мы еще вернемся.

Второй браслет помимо льва и грифона содержит два прекрасных изображения Симаргла, вырастающего из корней растения.

8. Браслет из юго-западной окраины Киевской Руси (с. Демидово близ г. Николаева) (рис. 13). На левой створке в трех арочках — древо жизни и по сторонам его две птицы. На правой створке между двух птиц изображена мужская фигура в короткой одежде и коническом головном уборе. В правой руке мужчина держит копье или жезл, а левую простирает над нераспустившимся растением. Фигура напоминает болгарского «русальца» с их жезлами и колпаками.

9. Ключом к содержанию всех изображений на браслетах является браслет из Тверского клада 1906 г. (рис. 14). Створки обруча четко разделены тремя арками, доходящими донизу, в силу чего нижний

[41] В. П. Петров, М. Л. Маркевич. Об изображении на древнерусском браслете. КСИА, 12, 1962.

Рис. 14. Браслет XII в. из Тверского клада 1906 г.

ярус здесь строго соотнесен самой конструкцией браслета с верхним ярусом.

В верхних частях арочек левой створки мы видим следующее: в центре — пляшущий мужчина в вышитой рубахе, заправленной в штаны. Широкий шаг, резкие движения рук говорят о пляске, близкой к быстрой пляске и «извиваниям» болгарских русальцев. Русалец пляшет среди побегов растений, окружающих его с трех сторон. Внизу, в соответственном клейме нижнего яруса,— двойной корень с семенем и побегами. По сторонам плясуна две женские фигуры. Правая сидит на пророслем пне (как на старорязанском браслете) лицом к плясуну и высоко поднимает правой рукой треугольный кубок. Перед женщиной двойная плеть вьющегося растения. Левая женщина стоит; кубок у нее в левой руке, а правой рукой она держит за крыло изогнутого Симаргла. Симаргл, как стебель растения, вырастает из земли и на уровне пояса женщины изгибается снова к земле. Хорошо показаны крылья, передние лапы и собачья морда, обращенная к земле. В нижнем ярусе, как и на старорязанском браслете, изображена плетенка, вторично сопутствующая людям, пьющим из сосудов.

Правая створка содержит изображения древа жизни в виде хмеля, отягощенного спелыми шишками, кентаврообразного существа в центре (внизу в обоих случаях корни) и зверя с процветшим хвостом. У «кентавра» нет конских признаков: лапы у него мягкие, без копыт, с когтями, хвост ближе к львиному, чем к конскому. Человеческая ипостась существа не позволяет решить, мужчина ли здесь изображен или женщина. Композиционно оно соответствует плясуну, и внизу изображены точно такие же корни.

Все, что изображено на всех девяти браслетах и формах для них, полностью соответствует нашим историческим и этнографическим представлениям о летних русальских игрищах.

Общей чертой многих браслетов является наличие на них арочек, обрамляющих людей, зверей, птиц и растения (рис. 15). Принять их за изображение архитектурной аркады нельзя, так как в тех случаях, когда арочки даны не схематично, а с разделкой деталей, они не похожи на аркаду. Их «колонны» почти всегда заметно расширены книзу и часто покрыты поперечными черточками, как стволы берез. Дуги тоже покрыты точками, а «капители» представляют собой как бы кольца, надетые на стволы. В развилках арок почти всегда изображались листья, а обрамлены они зачастую рядами отдельных веток. Все это заставляет вспомнить не княжеский дворец с белокаменной аркадой (где совершенно неуместны были бы зайцы, папоротник и птицы), а широчайше распространенный обычай «завивать березку» в русальную неделю под троицын день.

Обряд завивания берез заключался в том, что в роще близ засеянного поля связывали вершины молодых березок, завивали венки на березах и

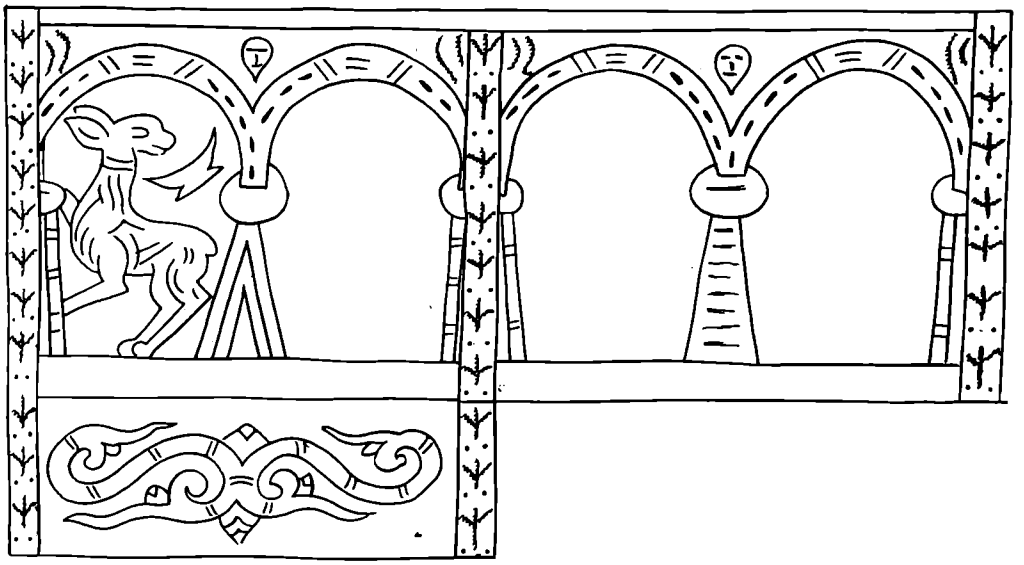


Рис. 15. Детали браслетов

рвали березовые ветви. Под березами, которые образовывали таким образом «кущи», пировали и плясали [42].

Конечно, византийские и восточные изделия с изображением реальных аркад могли воздействовать на русских мастеров, но все же древесный, березовый характер русских «арочек» на браслетах выступает вполне явственно и, очевидно, должен был дополнять русальные сюжеты полуритуальных обручий.

Последний сюжет, который предстоит разобрать нам, это изображения, связанные с Симарглом, покровителем семян, растений и корней (рис. 16) Древний образ крылатой небесной собаки, охраняющей священное «дерево всех семян», образ, восходящий к небесным собакам (еще бескрылым) трипольской культуры, претерпел ряд изменений и контаминаций.

В средневековом искусстве Ирана, Византии и Руси с теми же функциями охранителя растительности выступает и грифон, и, может быть, кентавр. Из письменных источников исчезает загадочный Симаргл, имевшийся в текстах XI в., и появляется в XII—XIII вв. бог с неизвестными функциями — Переплут. В «Слове некоего христолюбца» еще упомянут Симаргл, а уже в «Слове о том, како погани суще кланялиси идолом», Симаргла уже нет, а есть Переплут [43].

М. Соколову принадлежит интересная догадка, что Переплут — это бог растительной силы — Ярило [44].

Г. А. Ильинский считает, что Переплут этимологически должен быть истолкован как «бог изобилия и богатства» и может быть сопоставлен с древнепрусским божеством Пильвитусом, тоже богом изобилия, в честь которого «подымалась заздравная чаша с пивом и воглашалось моление, чтобы этот бог послал стране хороший урожай» [45]. А. В. Соловьев предложил рассматривать Переплута как бога оплодотворения (от «сплетение» complexus), что вполне согласуется с обоими указанными выше мнениями [46].

---

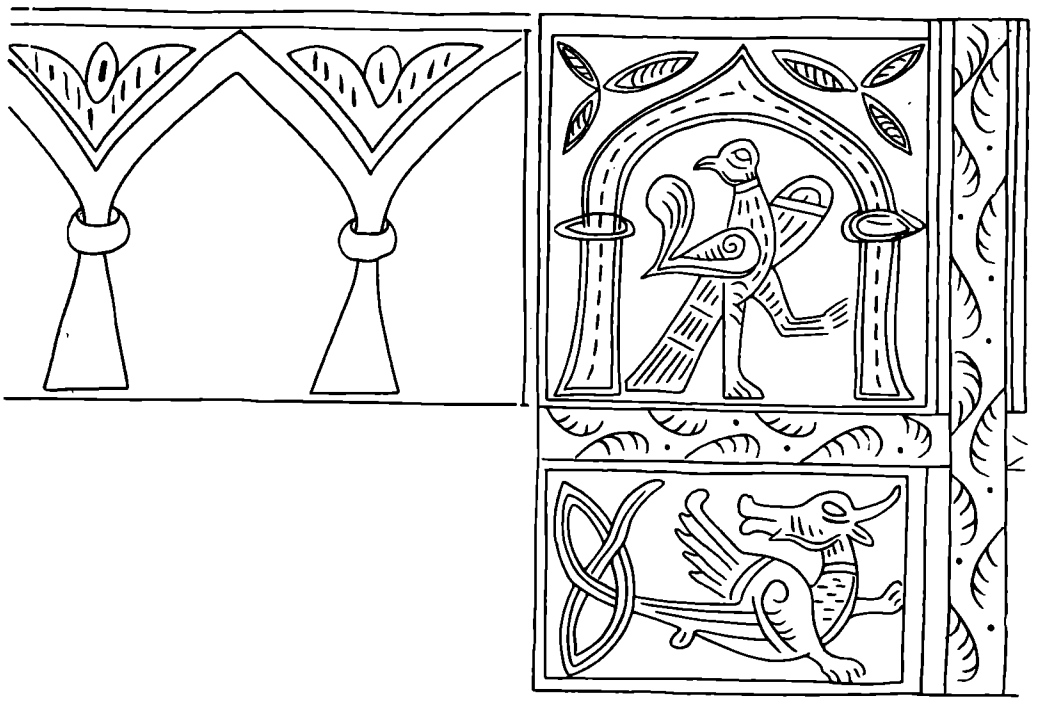
[42] И. Снегирев. Ук. соч., III, стр. 102. В Москве до 1771 г. березку завивали в Марьиной Роще.

[43] Е. В. Аничков. Язычество и Древняя Русь, стр. 47, 75.

[44] М. Соколов. Старорусские солнечные боги и богини. Симбирск, 1887, стр. 38.

[45] Г. А. Ильинский. Одно неизвестное древнеславянское божество. ИАН СССР, 1927, стр. 372.

[46] Догадка А. В. Соловьева высказана им при обсуждении моего доклада «Языческая символика русских украшений XII в.» на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве в 1965 г.



Если мы обратимся к нашему «серебряному фольклору», к русальным браслетам XII в., то увидим, что классический образ двулапого крылатого пса Сэнмурва-Симаргла все более видоизменяется и варьирует. На браслетах есть Симаргл-охранитель растений в том его виде, в каком он известен иранской мифологии; на киевских и владимирских браслетах мы видим птицу с явно собачьей мордой около растений (рис. 16). Таков Симаргл на киевской литейной форме, таковы два Симаргла на браслете из Терихова, расположенные в нижнем ярусе, как бы под корнями завитых берез верхнего яруса [47].

Большой интерес представляет композиция на втором браслете Тверского клада 1906 г.: древо жизни (?) изображено в виде вертикальной плетенки; на ветвях наверху сидят две птицы, а у самых корней, как бы вплетенные в них,— два собакоголовых существа, в которых, очевидно, тоже надо признать Симарглов. Но может быть, их уже следует называть более поздним именем Переплута, переплетенного с корнями древа жизни?

Симаргл-Переплут, хвост и крылья которого превращаются в растительную плетенку, изображен на киевском браслете из клада Михайловского монастыря 1903 г. (рис. 16). Рядом с ним — знак солнца. На другом киевском браслете (№ 1 в описании выше) в нижнем, так сказать, подземном ярусе под крылатыми вилами и папоротником изображены корни, изогнутые художником так своеобразно, что они образуют подобие какого-то существа. Эти корни должны быть сопоставлены с прекрасным Симарглом на втором старорязанском браслете: хвост крылатого пса в своей нижней части превращается в такие же корни.

Большой интерес представляют два существа на описанной выше киевской литейной форме. Если на одной створке даны обычные Симарглы, то на второй — «сирены мужского рода», птицы с мужской (а не девичьей) головой в колпаке. Не есть ли это начало антропоморфизации Симаргла-Переплута?

Самыми яркими в этом ряду являются два таких же существа на прекрасном старорязанском браслете с плясуньей и гусляром: мужские го-

[47] А. С. Г у щ и н. Памятники художественного ремесла Древней Руси. Л., 1936, табл. X.

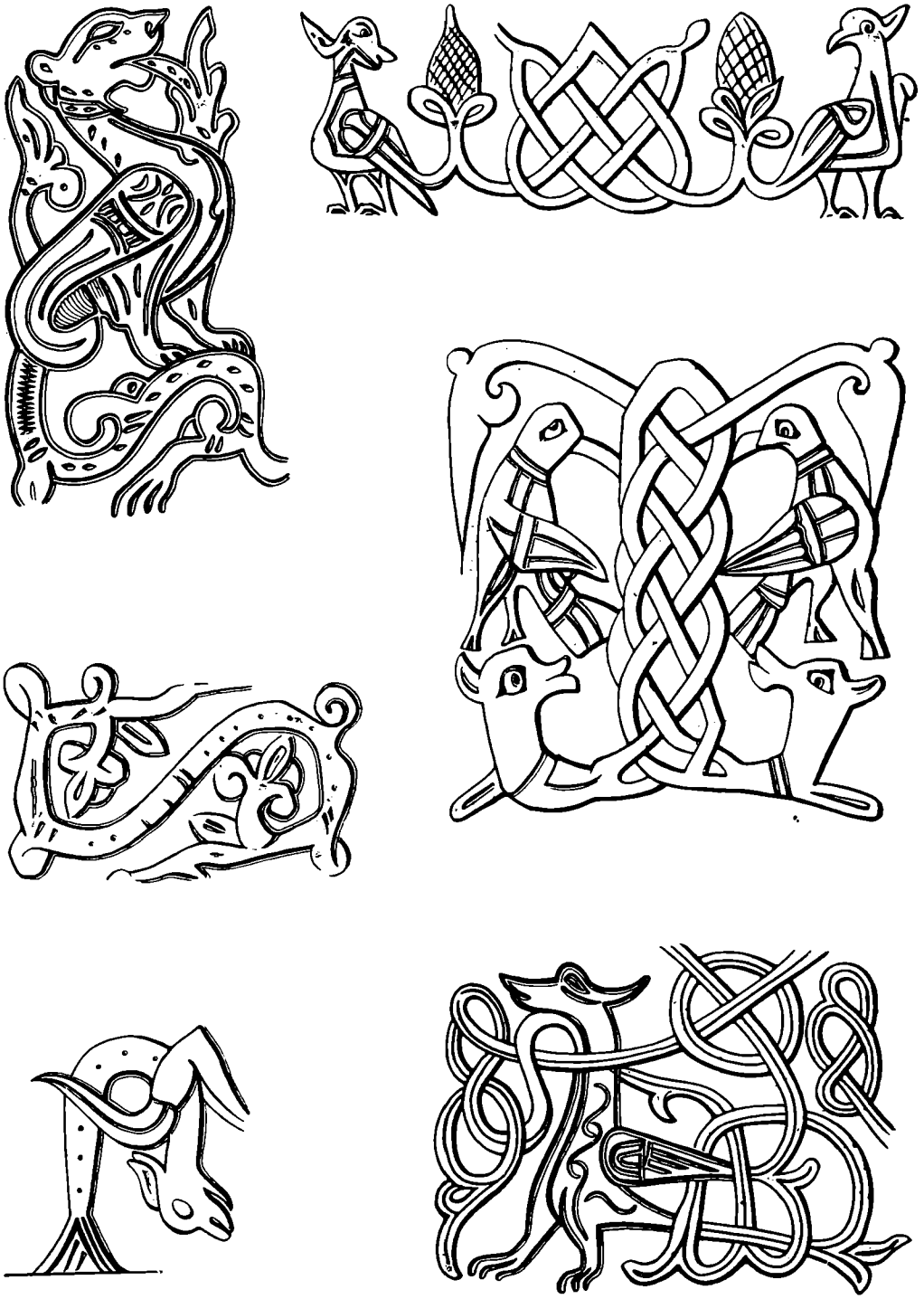


Рис. 16. Симарглы и корни с побегами

ловы в колпаках, свадебный знак на вороте (восходящий к трипольской идеограмме засеянного поля), крылья с волнистой линией воды, две собачьи лапы и хвост, превращенный в корень с побегами (рис. 17). Возможно, что один из отростков хвоста-корня воспроизводит фаллос этого Переплута, что вполне согласовалось бы с пониманием его как Ярилы. В нижнем ярусе изображены корни с побегами.

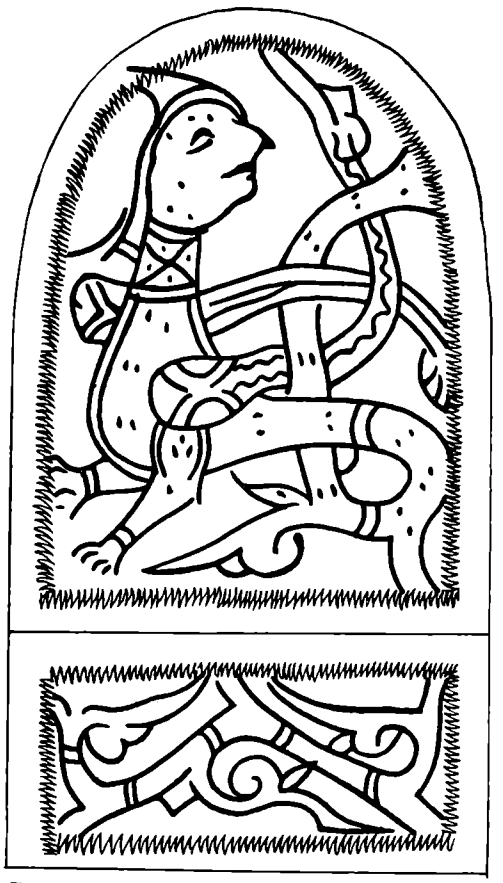


Рис. 17. Деталь старорязанского браслета (раскопки А. Л. Монгайта). Возможно, антропоморфизированное изображение Переплута — бога растительности

Культ Переплута прочно засвидетельствован русскими средневековыми источниками. В «Слове о том, како погани суще кланялися идолом», основа которого восходит к XI в., а интересующая нас вставка — к XII—XIII вв., говориться, что славяне приносят жертвы таким богам: «вилам (русалкам), и Мокошьи, Диве, Перуну, Хорсу, Роду и рожаници, упиремь и берегыням и Переплутуи вертячесяпьютему в розех...». В другом поучении («Слово о томъ, како первое погании веровали в идолы») повторяются слова о Переплуте и о том, что в честь его пляшут и пьют из рогов: «А друзии веруют в Стрибога и Дажьбога и Переплута, иже вертяче ся ему пиють в розех забывше бога, створившего небо и землю, моря и реки и источникы» (рис. 18) [48]. В этнографическом материале мы видели исступленную пляску с «извиваниями» болгарских русальцев в русальную неделю, когда они в процессе пляски пили ритуальное питье из чаши.

Магия плодородия была самой неистребимой формой обрядности, и не удивительно, что церковники так ополчались на пляски вообще, а на «верчение» в честь Переплута в особенности: «всех же играний проклятие есть многовертимое плясание — то бо отлучает человека от бога и во дно адово ведет!» [49].

Семантически близким к русскому Переплуту является литовский Пергрубий, бог растительности и плодоносящей силы.

Жертвоприношение Пергрубию по данным М. Стротковского (XI в.) производилось так: жрец-вуршкайт держит в правой руке чашу, наполненную пивом и поет хвалу ему: «О, всемогущий боже наш Пергрубий! Ты прогоняешь неприятную зиму и размножаешь растения, цветы и травы. Мы просим тебя, умножай хлеб наш засеянный и который мы еще будем сеять, чтобы он рос колосисто...» [50]. Жрецы с чашами в руках, хороводы и пляски в честь бога плодородия и растительности — все это очень хорошо представлено как в древнерусских поучениях, так и в гравировке тех русальных браслетов, против владелиц которых эти поучения были направлены.

---

[48] Н. Гальковский. Ук. соч., стр. 23, 60.
[49] Там же, стр. 189, прим. 11.
[50] А. С. Фаминцын. Божества древних славян. СПБ, 1884, стр. 115, 116.

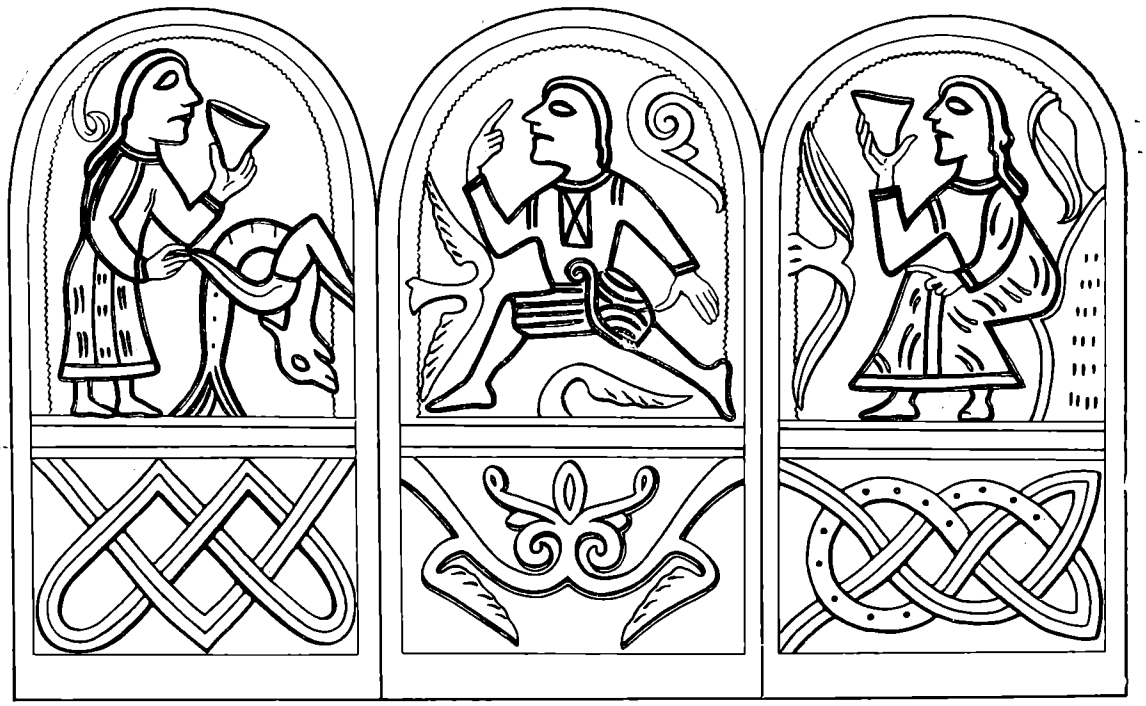
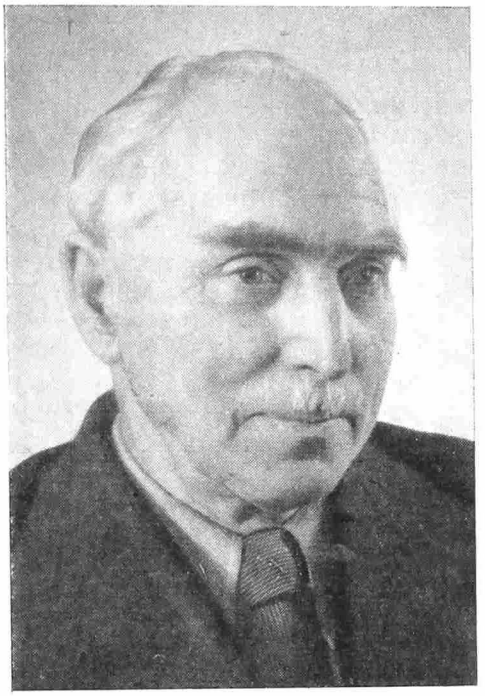


Рис. 18. Жертвоприношение Симаргл-Переплуту. «Вертячеся пьют ему в розех» (деталь браслета Тверского клада 1906 г.)

На серебряных браслетах конца XII в. наше внимание должна остановить в этой связи композиция на левой створке тверского браслета: пляшущий русалец в центре и две пьющие из конических кубков или рогов женщины по сторонам. Одна из женщин (именно та, к которой обращен лицом русалец), поднимая свой рог, касается рукой крыльев вырастающего из-под земли Симаргла. Едва ли эту интереснейшую сцену можно объяснить иначе, чем жертвоприношение Симаргл-Переплуту: здесь есть и вертящийся в пляске русалец в «упестренной» одежде, и ростки хмеля, и женщины, пьющие из рогов или кубков, и сам герой торжества, бог растительной силы, крылатый пес Симаргл, покровитель корней, получающий живительную влагу от русалки.

Придворные дамы русских княжеских дворов, современницы «Слова о полку Игореве» носили в русальные дни полузапретные браслеты с языческими символами и сценами и бережно прятали их в клады во время опасности. Пусть же не удивляет историков обилие языческих сюжетов в самом «Слове» — автор был сыном своего века.



ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БРЮСОВА

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату. 1-го декабря 1966 г. на 82 году жизни, после продолжительной и тяжелой болезни скончался доктор исторических наук, профессор Александр Яковлевич Брюсов — замечательный ученый и общественный деятель, один из крупнейших специалистов по истории племен Европейской части СССР в эпоху неолита и бронзы.

Имя Александра Яковлевича Брюсова известно не только археологам нашей страны, но и значительному числу зарубежных археологов.

Свою работу в области археологии А. Я. Брюсов начал сравнительно поздно. В молодости много лет Александр Яковлевич посвятил литературной работе. Будучи членом различных литературных кружков, он писал стихи и печатал их под различными псевдонимами. Блестяще владея многими европейскими языками, он перевел на русский язык ряд произведений классической английской, испанской и португальской литератур.

Только после окончания Московского университета в 1924 г. А. Я. Брюсов полностью посвятил себя археологии. По примеру своего учителя, выдающегося русского, советского ученого археолога, проф. В. А. Городцова всю свою дальнейшую работу он в основном связал с двумя крупнейшими археологическими учреждениями страны — Государственным Историческим музеем и Институтом археологии АН СССР.

А. Я. Брюсов, передовой советский ученый, всю жизнь разрабатывал актуальные проблемы исторической науки. Круг его научных интересов был весьма широк и многогранен. Перу Александра Яковлевича принадлежит около 300 научных и литературных работ. С первых лет научной деятельности интересы А. Я. Брюсова были связаны с изучением истории племен севера нашей страны.

В 1928 г. А. Я. Брюсов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Северо-Запад СССР с конца III до начала I тысячелетия до н. э.». Во всех научных работах А. Я. Брюсова основное место занимали широкие

теоретические положения, которые основывались на глубоком изучении вещественных памятников. Для его работ характерен широкий размах исторических обобщений, исходящих из глубокого знания истории народов СССР и стран Западной Европы, а также умения анализировать все процессы и явления с позиций марксистско-ленинской методологии. Большое место в его трудах занимали исследования, посвященные вопросам происхождения, взаимоотношениям и основам экономики племен эпохи неолита и бронзы. Результатом многолетнего изучения и полевого исследования памятников Карелии явилась его докторская диссертация «История древней Карелии».

А. Я. Брюсов первый из советских археологов стал пользоваться методами естественных наук для датировок археологических памятников. Ему же принадлежит открытие (впервые в СССР) свайного поселения в Вологодской области на р. Модлоне. Наиболее крупным исследованием Александра Яковлевича явилась его монография «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху». Именно в этом труде им были поставлены весьма важные для археологической науки вопросы: что следует понимать под термином «неолит», «археологическая культура», теория «сегментации племен» и т. д. Несмотря на то, что эта книга вышла в свет около 15 лет назад, она и сейчас является основополагающей для всех изучающих эпоху неолита. Именно эта книга вызвала большой интерс за рубежом и была переиздана на немецком языке в ГДР.

Большое место в научной работе Александра Яковлевича занял вопрос о происхождении индоевропейцев. Его статья «К вопросу об индоевропейской проблеме» вызвала большой интерес не только среди археологов, но и среди представителей смежных дисциплин.

Александр Яковлевич всегда пристально следил за развитием буржуазной археологии, и его отношение к буржуазной науке было всегда весьма критическим. С одной стороны, он призывал советских ученых к более тесному сотрудничеству с прогрессивными учеными других стран, с другой стороны, выступал с критикой тех положений буржуазных ученых, которые противоречат марксистскому мировоззрению. Особенно ярко это проявилось в его работе «Кризис буржуазной археологии и поиски новых путей вслепую», где он подверг резкой критике шовинистические статьи Коссины. Работа «К вопросу о заселении Севера европейской части СССР в неолитическую эпоху» посвящена опровержению концепции Р. Индреко — ярого проповедника «цивилизирующего влияния германцев на дикие племена».

Последние годы А. Я. Брюсов много работал над весьма сложной темой, связанной с изучением «культур с боевыми топорами». Для разработки этой темы ему пришлось собрать огромный фактический материал с памятников не только нашей страны, но и колоссальное количество сведений по памятникам Западной Европы. Это дало ему возможность в одной из последних своих работ — «Восточная Европа в III тысячелетии до н. э.» — поставить ряд интересных и важных вопросов, связанных с происхождением культур с боевыми топорами, области их экспансии, причинами, которые вызвали их движение, и т. д. Уже будучи тяжело больным, он продолжал работать, а за последний год им написан еще ряд статей, которые в ближайшее время увидят свет.

Александр Яковлевич Брюсов был не только выдающимся ученым-археологом, но и исключительно опытным музейным работником. Более 40 лет своей творческой жизни он отдал крупнейшему в нашей стране Государственному Историческому музею. Созданные им экспозиции по истории первобытнообщинного строя явились образцом для других музеев. При создании экспозиции Александр Яковлевич всегда стремился показать во всех аспектах историю племен, населявших нашу страну в древности, и всегда был противником чистого вещеведения. И сейчас основными материалами по эпохе неолита и бронзы в собраниях Государст-

венного Исторического музея являются многочисленные коллекции памятников, раскопанных и исследованных А. Я. Брюсовым.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны именно Александру Яковлевичу было доверено большое дело по эвакуации сокровищ Государственного Исторического музея. Но не только Государственный Исторический музей многим обязан Александру Яковлевичу. Вологодский, Петрозаводский, Череповецкий, Кирилловский, Талдомский и многие другие музеи нашей страны постоянно пользовались его советами при создании экспозиций.

Помимо научно-исследовательской, А. Я. Брюсов занимался и педагогической деятельностью. Начиная с 1927 г., он читал различные курсы лекций в высших учебных заведениях. В 60-х годах он читал курс «Каменный век в СССР» в Московском государственном университете. Его лекции отличались глубиной и широтой охвата материала, а его эрудиция постоянно вызывала удивление слушателей. А. Я. Брюсов воспитал ряд учеников, с которыми он всегда щедро делился своими знаниями и опытом.

Суждения Александра Яковлевича по различным научным вопросам всегда отличались принципиальностью, его критические замечания в адрес того или иного исследователя казались порою излишне резкими, однако всегда приносили большую пользу для начинающих научных работников.

С 1932—1939 гг. А. Я. Брюсов был старшим научным сотрудником ГАИМК и ИИМК. С 1944 г. по март 1966 г. Александр Яковлевич был старшим научным сотрудником Института археологии АН СССР.

Последние годы и вплоть до его ухода на пенсию он возглавлял Отдел полевых исследований Института археологии и сделал очень много для совершенствования методики археологических исследований в СССР.

А. Я. Брюсов не ограничивался только научной и педагогической деятельностью, много внимания он уделял и общественной. Его неоднократно избирали в руководящие органы различных общественных организаций. Ряд лет он был членом правления общества дружбы «СССР — Дания», выезжал в составе советских делегаций в зарубежные страны.

Советское правительство высоко оценило научную деятельность Александра Яковлевича, присвоив ему звание заслуженного деятеля науки РСФСР, заслуженного деятеля науки Карельской АССР, наградило его рядом почетных грамот и медалей и в 1953 г.— орденом Ленина. Имя Александра Яковлевича Брюсова внесено в Республиканскую книгу Почета Народного Комиссариата просвещения РСФСР в 1943 г. Заслуги А. Я. Брюсова отмечены и его зарубежными коллегами. Он является почетным членом «Доисторического Общества» в Англии, членом Научного общества при Парижском университете, почетным членом Международного общества доисторических и раннеисторических знаний системы ЮНЕСКО. Ряд работ А. Я. Брюсова опубликован в Англии, Франции, ГДР, ФРГ, Финляндии и Мексике.

Светлая память об Александре Яковлевиче Брюсове — выдающемся и передовом ученом, заботливом учителе и прекрасном человеке — навсегда сохранится в сердцах его учеников и товарищей.

В. М. Раушенбах

Публикации

С. С. БЕРЕЗАНСКАЯ

ТШИНЕЦКО-КОМАРОВСКАЯ КУЛЬТУРА НА СЕВЕРНОЙ УКРАИНЕ

Бронзовый век степных и лесостепных районов Украины изучен далеко неравномерно. Для южной степной Украины еще со времени раскопок В. А. Городцова и созданной им классификации памятников существует проверенная и дополненная позднейшими исследованиями достаточно ясная картина смены культур, характеризующих различные периоды бронзового века.

Для лесостепной и полесской частей Украины создание такой схемы — дело далекого будущего, так как памятники этих районов по-прежнему очень слабо исследованы. В последнее десятилетие наметился некоторый сдвиг: появились работы по предскифскому периоду Среднего Поднепровья и отдельным культурам эпохи бронзы — высоцкой, белогрудовской, бондарихинской, сосницкой, многоваликовой, среднеднепровской и другим, которые ясно показали сложность происходившего здесь исторического процесса.

Одним из наименее освещенных периодов является средний период бронзового века в Северной Украине. Ему посвящено лишь немного работ, носящих к тому же в основном публикационный характер. Между тем интерес к этому времени и к этой территории необычайно велик. Он определяется прежде всего тем, что данные сравнительного языкознания, топонимики и археологии приводят большинство исследователей к выводу о том, что область между Одером и Днепром является наиболее вероятной прародиной славян. К тому же, по мнению многих лингвистов, образование этой общности относится именно ко II тысячелетию до н. э. В связи с этим археологические памятники указанной территории, естественно, приобретают большое значение. Однако если в исследовании тшинецкой культуры, локализованной в восточных районах Польши, достигнуты уже значительные результаты, то памятники Северной Украины изучены значительно слабее и в литературе почти неизвестны.

В последнее десятилетие Институт археологии АН УССР, Львовский филиал института, а также славянская экспедиция ИА АН СССР произвели большие разведки по Припяти, Днепру, Случи, Горыни, Ирпеню и другим рекам Днепровского и Припятского бассейнов. В результате этих работ было обнаружено большое количество памятников различного времени, в том числе и среднего периода бронзового века. На некоторых из них были произведены раскопки.

Изучение новых материалов, а также коллекций, хранящихся в музеях Северной Украины, позволяет дать первую, во многом еще обобщенную, характеристику культуры среднего бронзового века Северной Украины.

Изучение и картографирование памятников дает основание говорить, что территория от западных границ Украины до Десны, от Припяти на севере до линии Львов — Житомир — Киев на юге в средний период бронзового века была довольно густо заселена. Здесь жили племена с чертами культуры смешанного облика, которую можно назвать тшинецко-комаровской. В ней переплелись черты двух близких и родственных культур: тшинецкой культуры, распространенной в восточной Польше, и комаровской культуры, в основном локализованной на среднем Днестре (рис. 1).

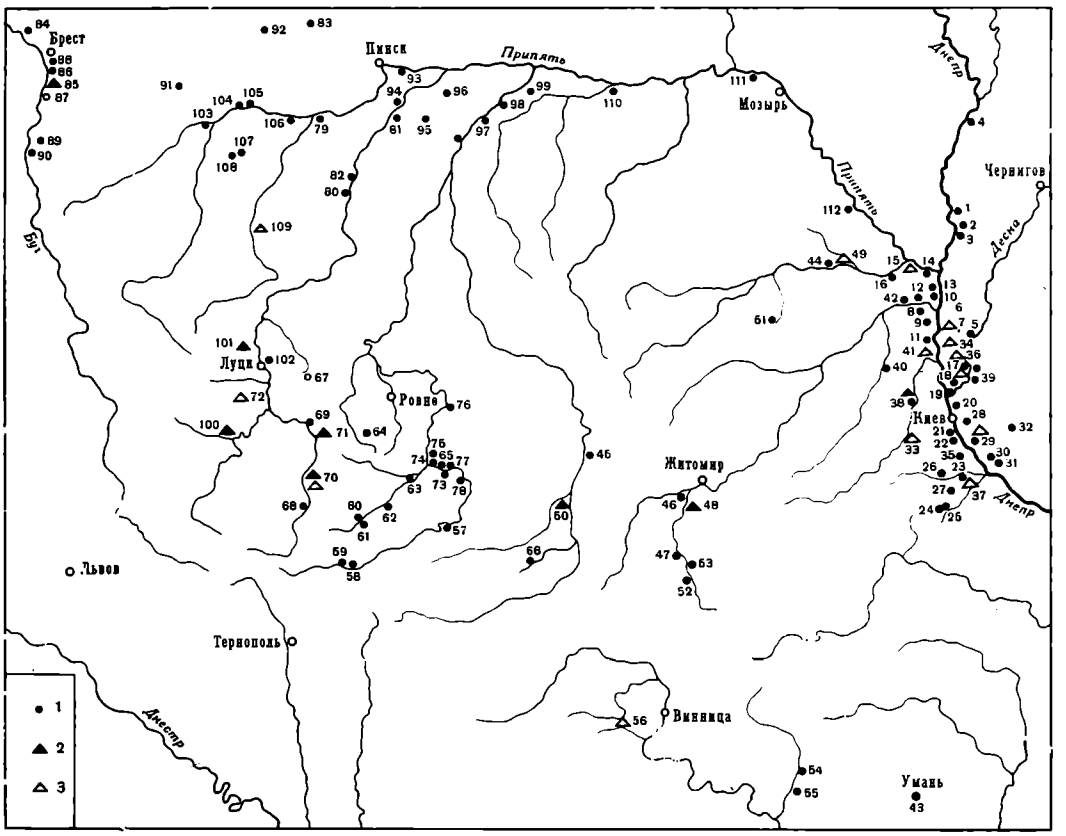


Рис. 1. Карта распространения памятников тшинецко-комаровской культуры

1 — поселение, *2* — могильник с трупоположением, *3* — могильник с трупосожжением

Приведем краткую характеристику памятников. Известны поселения и могильники. В количественном отношении первое место занимают поселения, которых в настоящее время насчитывается более 120. К сожалению, большинство из них сильно разрушено. Хорошо выяснена топография. Поселения всегда расположены вблизи от воды: на больших реках — в пойме, на песчаных дюнных возвышенностях или останцах; на маленьких речках, не имеющих широких пойм,— на пониженных участках берега.

На шести поселениях производились раскопки: в 1) Костянце, Ровенской области[1], 2) Соловье, Тернопольской области[2], 3) Народичах, Житомирской области[3], 4) Мошнах, Кировоградской области[4], 5) Здвижевке,

[1] І. К. Свешніков. Розкопки в с. Костянці на полі Лиственщина. АП, IV, Київ, 1952.

[2] В. И. Канивец. Отчет о работе разведочной экспедиции на Волыни, 1953 г. С. С. Березанская. Отчет о разведке по Волыни 1953—1954 гг. Архив Института археологии АН УССР.

[3] І. Ф. Левицький. Стація в урочищі Піщаному біля Народич. «Антропологія», IV, Київ, 1931, стр. 191 сл.

[4] В. А. Ильинская. Поселение комаровской культуры у с. Мошны. КСИА, 10, 1960.

Киевской области[5], 6) Пустынке, Черниговской области. Эти раскопки в какой-то степени дают представление о планировке поселений и устройстве жилищ.

Особенно интересными оказались раскопки у с. Пустынка, где поселение было исследовано почти полностью. В среднем, на поселениях находилось 15—20 жилищ, вытянутых в один или два ряда вдоль водоема. Жилища сооружались близко одно от другого, обычно перпендикулярно

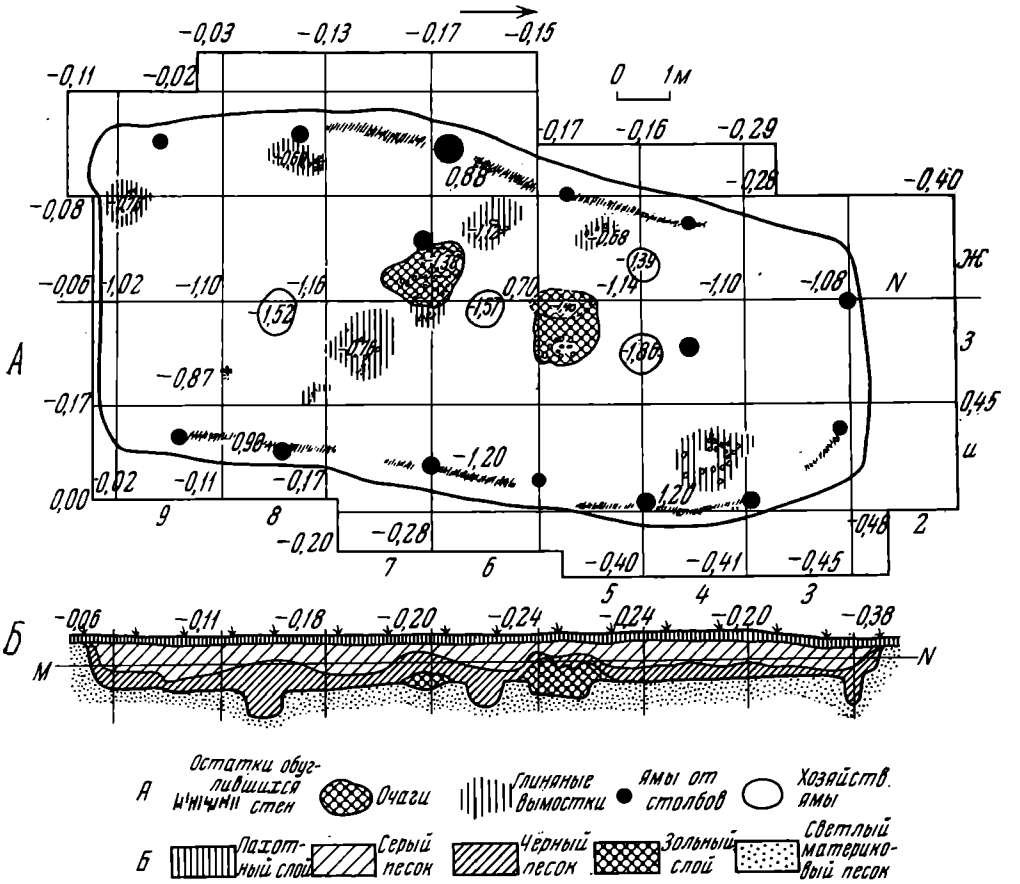


Рис. 2. План и разрез жилища № 1 на поселении у с. Пустынка

к берегу. На Пустынковском поселении почти возле каждого из жилищ обнаружена хозяйственная пристройка.

Основным типом жилищ являлись неглубокие землянки (рис. 2), хотя, по-видимому, существовали и наземные постройки. Кроме того, в Пустынке установлено наличие свайных построек, предназначенных в основном для хозяйственных целей, прежде всего для хранения зерна.

Раскопки пустынковского поселения, а также наблюдения, полученные при исследовании других поселений, позволяют предложить опыт реконструкции жилищ. Это были землянки глубиной 1—1,5 *м*, больших размеров (10 × 5 *м*), (12 × 6 *м*), со столбовой основой. Изнутри стены обшивались деревянными плахами или плетнем, снаружи они присыпались землей, выброшенной из котлована. На основании длины подпорных столбов можно предполагать, что высота жилищ достигала 1,6—1,7 *м*. Крыши были двускатными и крылись, вероятнее всего, камышом. Земляные полы на отдельных участках выкладывались глиняными вальками, которые сверху обмазывались глиной. В нескольких жилищах обнаруже-

[5] С. С. Березанская. Отчет о раскопках у с. Здвижевка. Архив Института археологии АН УССР.

ны земляные нары. Следует отметить, что описанный тип жилищ характерен главным образом для Поднепровья. В западных областях Северной Украины жилища почти неисследованы, но не исключено, что домостроительство этих районов будет иметь свои особенности.

Раскопки поселения у с. Пустынка позволили произвести некоторые расчеты относительно общего количества жителей на поселении. Так, если средняя площадь жилищ равна 50—60 $м^2$, а в каждом жилище обитало 10—15 человек, то в поселке, насчитывающем 15—20 домов, одновременно могли жить 200—250 человек.

Так выглядел, очевидно, родовой поселок эпохи средней бронзы в лесостепных районах Восточной Европы.

Погребальные памятники на территории Северной Украины представлены большим количеством курганов с трупоположением и несколькими могильниками с обрядом трупосожжения.

Курганные могильники изучались в Войцеховке[6], Кустовцах[7], Теклино[8], Дитиничах и в ряде других пунктов.

Курганы расположены на водоразделах рек или на высоких береговых участках. Они имеют небольшие размеры (средний диаметр 12—15, высота до 1 *м*).

Погребения совершались либо на уровне горизонта, либо в очень неглубоких ямах. Часты коллективные погребения, очевидно семейного характера. Костяки всегда скорчены, преобладает положение на боку. Ориентировка погребенных головой на восток или запад. В курганной насыпи или под ней всегда бывают следы тризны в виде кострищ, разбросанных углей, костей животных и скоплений керамики. Погребальный инвентарь сравнительно небогат, однообразен и состоит из нескольких сосудов, каменных и кремневых изделий, сравнительно редких металлических украшений.

По инвентарю прослеживаются различия между мужскими и женскими погребениями, а также между бедными и относительно богатыми. Примером, где прослеживаются все названные особенности, может быть Войцеховский могильник, раскопанный в 1924 г.

В последние годы было обнаружено довольно большое количество разрушенных бескурганных могильников с остатками трупосожжений. В шести пунктах — у с. с. Вишенки Бориспольского района Киевской обл., Воропаево Вышедубечанского района Киевской обл., Белогородка Киево-Святошинского района, Таценки и Новоукраинка Кагарлыкского района, Плитовище Чернобыльского района Киевской обл.— проводились небольшие раскопки.

Во всех случаях могильники обнаружены в поймах рек, на песчаных дюнах, близко у воды на приподнятых участках первых надпойменных террас.

Суммируя полученные наблюдения, можно сказать следующее: сожжение, по-видимому, производилось на стороне. Пережженные кости, иногда с пеплом, чаще без него, складывались в урны и закапывались на небольшую глубину. Нередко пережженные кости ссыпались просто в конические или овальные ямки глубиной 25—30 *см*. Остатки костей, не вмещавшиеся в сосуд или ямку, высыпались рядом. Вместе с кальцинированными костями обычно встречаются обломки сосудов. В погребения клались не только целые сосуды, но и фрагменты. На это указывают захоронения из могильника у с. Плитовище, где при нескольких неразрушенных погре-

[6] О. Ф. Лагодовська та Ю. М. Захарук. Нові дослідження Войцехівського могильника. АП, VI, Київ, 1956.

[7] J. Kostrzewski. Przyczynki do epoki bronzowej na Wolyniu. PA, III, 2, Poznań, 1927, стр. 113—115.

[8] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. II, СПб., 1894, стр. 4—9; III, СПб., 1901, стр. 18.

бениях были найдены обломки различных сосудов. По всей вероятности, посуда разбивалась во время сожжения, при совершении тризны.

Территориальное и хронологическое соотношения могильников с трупосожжением и курганов с трупоположением еще неясно. Все же создается впечатление, что могильники с трупосожжениями более характерны для северо-восточных, приднепровских районов.

Рис. 3. Четыре сосуда из Войцеховского могильника

Основную часть находок и на поселениях, и в могильниках составляет керамика, являющаяся, по существу, пока наиболее ярким и характерным признаком памятников тшинецко-комаровской культуры в Северной Украине (рис. 3, 4).

Между керамикой, обнаруженной в погребениях и найденной на поселениях, значительной разницы не наблюдается. Она одинакова по технологическим признакам, формам и орнаментации. Среди наиболее существенных признаков, не считая форм, следует назвать: а) примеси в глине крупных зерен толченого, а иногда пережженного гранита, б) паутинчатую трещиноватость поверхности, главным образом вокруг крупных вкраплений кварца, в) светлый цвет керамики (розовый или желтоватый), г) своеобразно блестящую поверхность, возникающую в результате ангобирования сосудов более жидким раствором подкрашенной глины, д) утолщенный венчик с горизонтально или наискось срезанным краем, е) орнаментацию, покрывающую обычно верхнюю треть сосудов и состоящую из прочерченных геометрических узоров.

Сильная фрагментарность посуды, особенно той, которая обнаружена на поселениях, не дает уверенности в том, что восстановлены все бытовавшие формы. Однако основные и наиболее распространенные типы керамики, по-видимому, все же уловлены.

Чаще других встречаются тюльпановидные сосуды (рис. 4, *4*, *6*). Их средняя высота 30—40 *см*. Сосуды имеют высокое стройное тулово, чуть

расширенное в средней части, маленькое дно и слабо отогнутый венчик. Встречается несколько вариантов этих сосудов. В большинстве случаев тюльпановидные сосуды орнаментированы только под венчиком. Чаще всего орнамент состоит из нескольких прочерченных круговых линий, иногда прерываемых вертикальными черточками, треугольников с опущенными вниз вершинами, или овалов. Реже тюльпановидные сосуды орнаментированы наколами, жемчужинами или налепными валиками. Особо

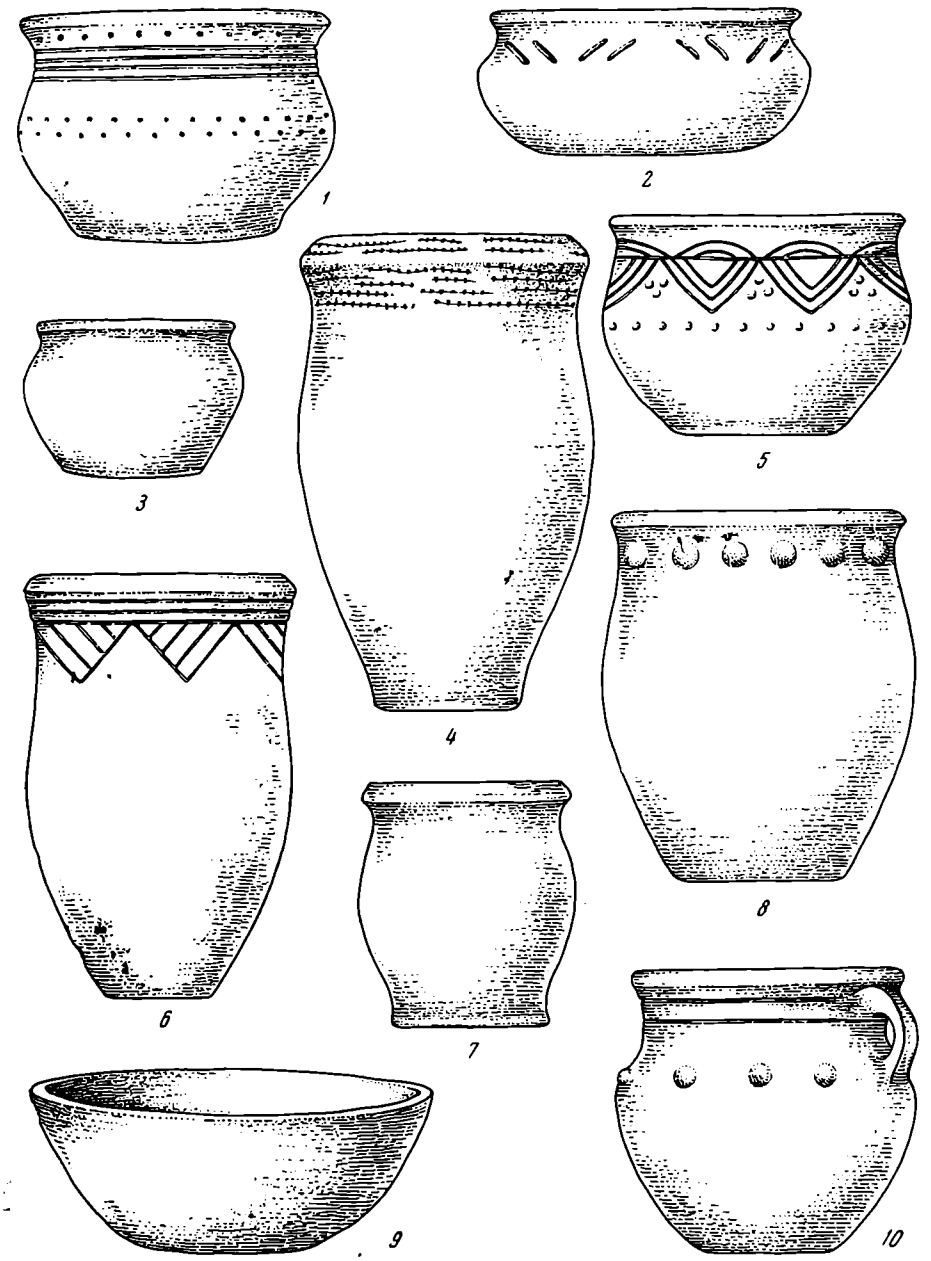


Рис. 4. Основные типы керамики

1, 5 — Могиляны, *2, 10* — Войцеховка, *3* — Ново-Украинка, *4* — Волынская обл., *6* — Вишеньки, *7* — Белая Церковь, *8* — Мошны, *9* — Прилуки

следует отметить орнамент из отпечатков веревочки, намотанной на гибкую основу, так называемую «колючую проволоку». Такой орнамент, так же как и орнамент жемчужинами, особенно характерен для северо-восточной части Правобережной Украины (рис. 4, *4*).

Второй широко распространенной формой являются горшки. Обычно они имеют более шероховатую поверхность. Чаще всего горшки имеют слабо суженную шейку с низким, отогнутым наружу венчиком (рис. 4, *7*). Стенки постепенно сужаются к плоскому, обычно довольно широкому днищу. Среди орнаментированных преобладают горшки, украшенные под венчиком изнутри или снаружи наколами (рис. 4, *8*).

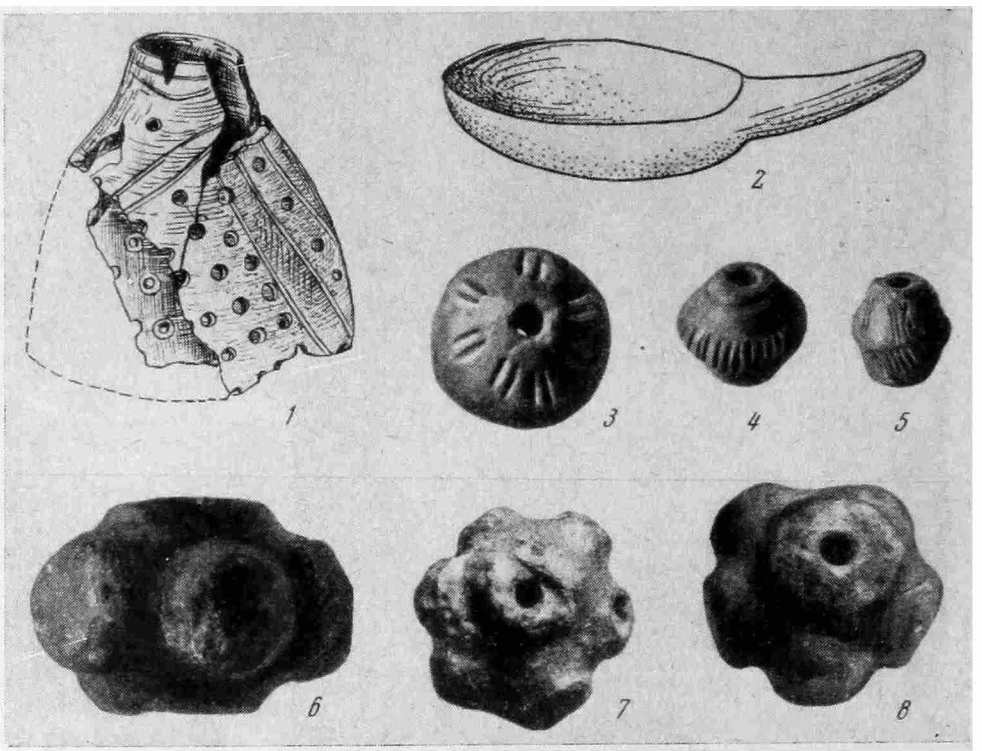


Рис. 5. Различные изделия из глины

1 — Бортничи, *2* — Соловье, *3*, *4* — Быстрик, *5* — Забора, *6—8* — Могиляны

Большую группу посуды составляют миски (рис. 4, *2*, *9*). Обычно они тщательно изготовлены и хорошо заглажены. По форме миски делятся на три группы: полусферические, конические, шлемовидные. Миски, особенно конические, орнаментированы редко.

Под названием «кубки» или «чаши» можно объединить керамические формы, довольно существенно различающиеся между собой. Они отличаются от других сосудов меньшими размерами, тщательностью выделки и богатством орнаментации (рис. 4, *1—3*, *5*, *10*). Орнамент состоит из прочерченных линий, овалов, треугольников, точек, реже налепных шишечек.

Почти на каждом поселении найдены фрагменты сосудов, стенки которых покрыты частыми сквозными отверстиями. Можно предполагать, что среди них наиболее распространенными были сосуды бутылкообразной формы. Кроме того, среди «дырчатых» сосудов известны глубокие конические миски и чаши. Многие дырчатые сосуды орнаментированы прочерченным узором (рис. 5, *1*).

Небольшую, но четко выраженную группу керамики составляют крышки. Они имеют коническую форму и иногда рельефный бортик по краю. Некоторые крышки орнаментированы прочерченными линиями. На многих поселениях найдены глиняные ложки (рис. 5, *2*). Их длина 10—12 *см*. В ручке ложек иногда имеется углубление для вставки в него костяной или деревянной рукоятки. Принято считать такие ложки льячками и связывать их с металлургией. Однако ни одно из таких изделий не имеет

здесь следов обожженности или ошлакованности, которые обычно бывают на льячках. Поэтому вероятней, что в данном случае ложки предназначались для еды.

Кроме керамики, из глиняных изделий часто встречаются пряслица. В большинстве случаев они изготовлены из такой же глины, как и посуда, с примесью крупных зерен толченого гранита. Прясла очень разнообразны по форме и величине. Наиболее распространенные имеют небольшие размеры: диаметр — 3—4, высота — 2,5—3 *см*. По форме их можно разделить на несколько групп: 1 — конические, 2 — биконические, 3 — шаровидные, 4 — плоские, 5 — трапециевидные (рис. 5, *3—5*). Своеобразную группу составляют так называемые «рогатые» прясла (рис. 5, *6—8*), являющиеся характерным признаком рассматриваемых памятников, а также памятников тшинецкой и комаровской культур. На территории Северной Украины таких прясел известно более десятка. Они найдены в Теклинском кургане, на поселениях в Народичах, Мошнах, Соловье, Бортничах, Здвижевке, в бескурганном могильнике у с. Новая Украинка и в других местах. На некоторых из таких прясел встречен орнамент в виде насечек и наколов. На пряслице из Теклинского кургана имеется какая-то пиктограмма из шести знаков. Рогатые прясла отдаленно напоминают прясловидные изделия милоградской и юхновской культур. Назначение этих изделий не ясно. По форме рогатые прясла напоминают булавы, поэтому не исключено, что они служили какими-то опознавательными значками рода или племени.

На поселениях часто встречаются каменные и кремневые изделия. Однако лишь немногие из них встречены в комплексах при раскопках и могут быть прочно увязаны с остальным материалом. Достоверны находки кремневых наконечников стрел сердцевидной и треугольной формы со стерженьками. Такие наконечники найдены в Народичах, Пустынке, Войцеховском могильнике и в других местах (рис. 6). В с. Вельбовно, в урочище Козерог и в с. Могиляны найдены два крупных кремневых наконечника копий (рис. 7, *5, 7*). Один из них имеет треугольную, другой листовидную форму. Оба снабжены длинными прямоугольными стерженьками для насада.

Наиболее распространенными изделиями из кремня являются серпы. Они встречаются почти на всех поселениях и во многих могильниках. Выделяется несколько типов кремневых серпов, по-видимому, распространенных в различных районах. В частности, для западных районов Правобережной Украины наиболее характерны серпы так называемого волынского типа, изготовленные из прекрасного светлого волынского кремня. Они бывают двух форм — клювовидной и серповидной. Обычно это серпы крупных размеров с тщательно обработанной поверхностью длиной 18—20 при ширине 4—6 *см*. Рабочее лезвие нередко дополнительно обрабатывалось мелкой двухсторонней ретушью (рис. 7, *1, 2*).

Единичные экземпляры таких серпов обнаружены и в Поднепровье. В целом же для Поднепровья характерен несколько отличный тип серпов; эти серпы изготовлены из местного сероватого, малопрозрачного кремня. Они меньших размеров, по форме приближаются к вытянутому треугольнику и имеют менее изогнутое лезвие. Таков, например, серп, найденный на поселении Мошны (рис. 7, *3*).

Своеобразны серпы северных районов, в частности найденные на поселениях в Припятском бассейне. Это узкие длинные орудия с сильно изогнутым тонким лезвием (рис. 7, *8*).

Кроме названных кремневых орудий, на поселениях часто встречаются разнообразные скребки и изредка кремневые и сланцевые долотовидные топорики (рис. 7, *9, 11, 12*).

В Поднепровье чаще встречаются каменные просверленные топоры. Однако их найдено пока немного, и о форме говорить трудно. Создается впечатление, что наиболее распространены были плоские топоры с широ-

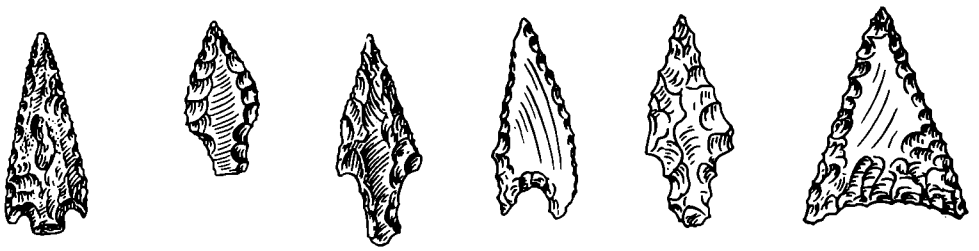


Рис. 6. Типы кремневых стрел

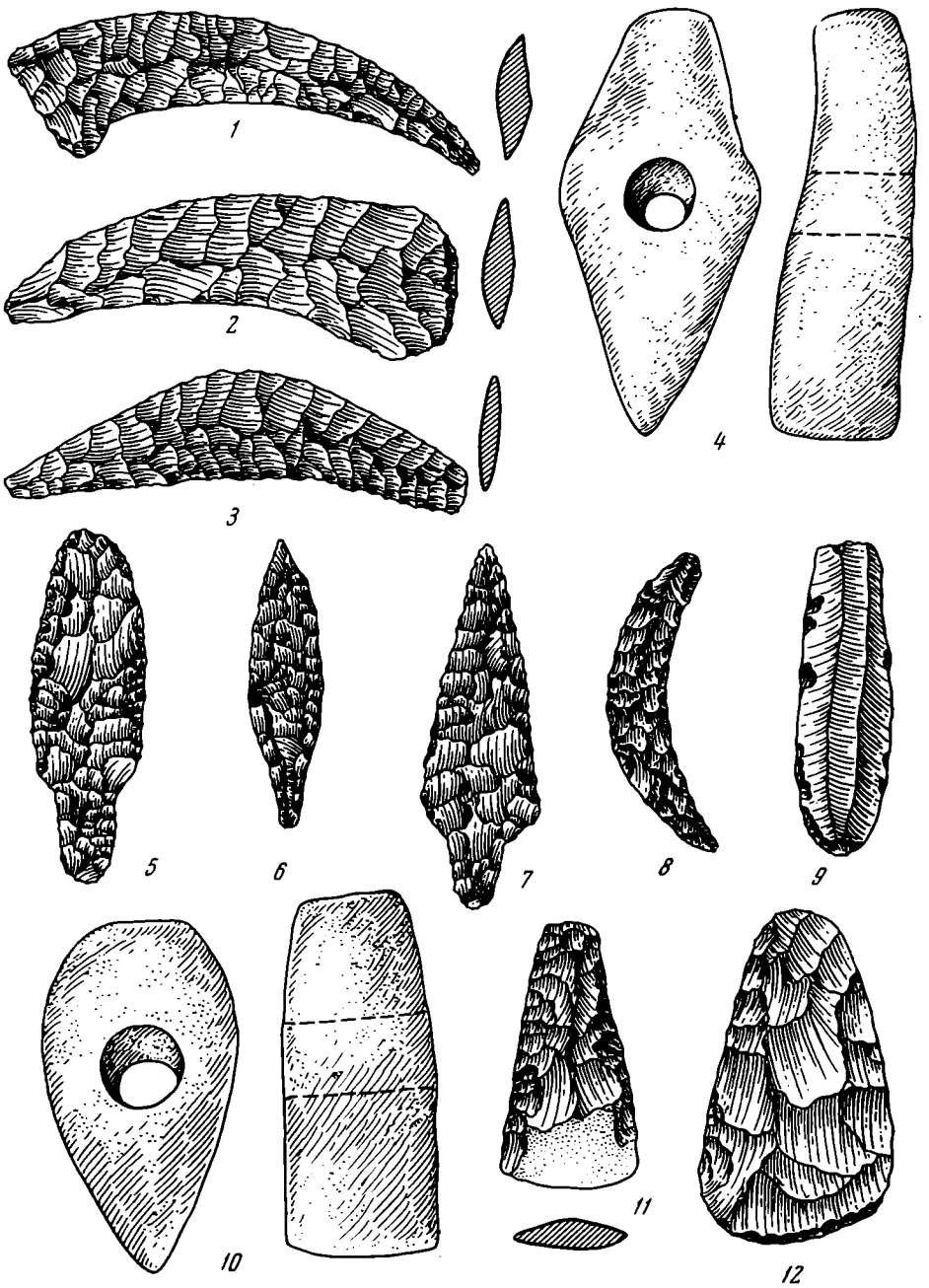


Рис. 7. Основные типы кремневых и каменных изделий

1 — Селец, *2* — Вишеньки, *3* — Мошны, *4, 10* — Луцкий музей, *5* — Могиляны, *6* — Торчин, *7* — Вельбовно, *8* — Вельмичи, *9* — Ново-Украинка, *11* — Нетешин, *12* — Могиляны

кой сверлиной посредине, клиновидным рабочим краем и невыделенным уплощенным обушком (рис. 7, *4*, *10*). В 1948 г. Дубно-Кременецкой археологической экспедицией был обследован ряд кремневых мастерских, часть из них, по-видимому, относится к эпохе средней бронзы.

Особенно большое количество мастерских для изготовления кремневых орудий — серпов, наконечников копий, тесел — обнаружено в районе Кре-

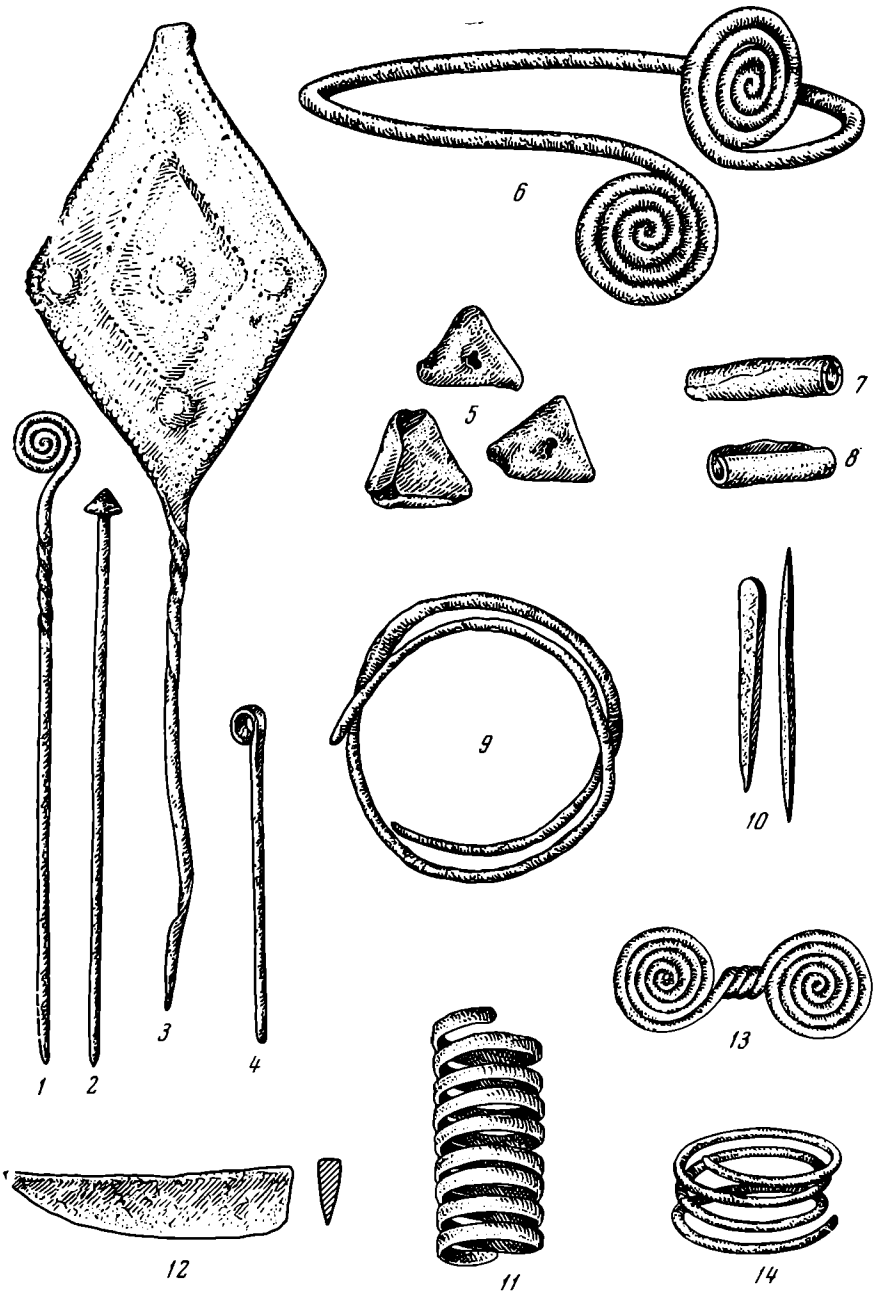


Рис. 8. Типы металлических изделий

1 — Дитиничи; *2* — Народичи; *3*, *5*, *7*, *8* — Гуляй-Город; *4*, *6*, *9*, *13* — Войцеховка; *10*, *12* — Мошны; *11* — Кустовцы; *14* — Грищенцы

менца (с. Сапанов ур. Пески и Ставки, сел. Шумбар и Шепетин) [9].

Раскопки поселений и особенно могильников дали небольшое количество бронзовых изделий, причем это почти исключительно украшения. Мож-

[9] М. Я. Рудинський. Дубно-Кременецька палеолітична експедиція. АП, IV, стр. 143.

но предполагать, что основная часть найденных бронзовых изделий привезена уже в готовом виде. Вместе с тем, нельзя сомневаться, что местные мастера знали уже не только холодную ковку металла, но и весь процесс литья. Об этом свидетельствует, например, находка четырехсторонней литейной формочки для отливки кельта и долот на поселении у с. Зазимье Киевской обл., (обнаруженного Б. Н. Барбоном).

Среди украшений встречено четыре основных типа: *1* — булавки, *2* — браслеты, *3* — фибулы, *4* — кольца. Булавки, которых известно около 20, различаются в основном по форме головки — ромбической, спиральной, круглой или конической. Некоторые из них орнаментированы насечками (рис. 8, *1—4*).

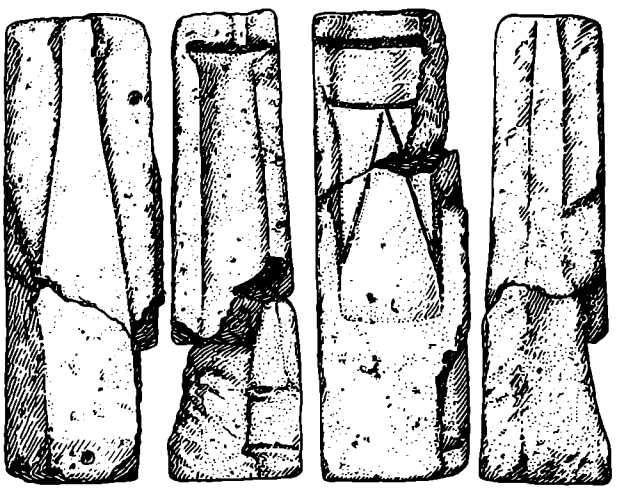


Рис. 9. Литейная форма с поселения у с. Зазимье

Наиболее часты среди украшений браслеты, изготовленные либо из круглой в сечении проволоки, либо из плоской узкой металлической ленты. У некоторых браслетов концы сомкнуты, у других оформлены в виде круглых спиральных щитков, близко подходящих друг к другу (рис. 8, *6*, *9*, *11*, *14*).

На многих поселениях и в нескольких погребениях встречены одиночные или спаренные спиральные щитки и их обломки. Большая часть из них является фрагментами фибул так называемого очковидного типа. Полностью, вместе с булавкой, такая фибула была обнаружена при одном из погребений у с. Дитиничи (рис. 8, *13*). Кроме того, бронзовые спиральные щитки служили, очевидно, подвесками к многим украшениям.

Довольно большую группу составляют кольца. Чаще всего они изготовлены из тонкой проволоки, скрученной в два-три оборота. Встречаются также колечки из относительно толстой проволоки с близко сходящимися концами, а также обычные сомкнутые, круглые в сечении кольца.

Кроме того, в могильниках и на поселениях изредка находят бронзовые пронизи, изготовленные из тонкой металлической пластины, свернутой в узкую трубочку (рис. 8, *7*, *8*), а также бронзовые треугольные бляшки, один конец которых свернут в петельку (рис. 8, *5*).

Бронзовых орудий труда почти не найдено. Исключение составляют шилья, встреченные на поселениях в Мошнах (рис. 8, *10*), Бортничах, Староселье и ряде других поселений. Кроме того, на поселении у с. Мошны обнаружен маленький бронзовый нож, треугольный в сечении (рис. 8, *12*). О том, что в употреблении были и другие орудия труда, изготовленные из бронзы, свидетельствует четырехсторонняя литейная формочка для отливки кельта и трех долот, обнаруженная на поселении у с. Зазимье Киевской обл. (рис. 9).

Существуют два мнения относительно культурной принадлежности памятников. Согласно первому из них, памятники принадлежат к комаровской культуре. Наиболее убежденным сторонником этого мнения является И. К. Свешников [10].

Согласно второму мнению, которого в настоящее время придерживает-

[10] И. К. Свешников. К вопросу о сходстве и различии тшинецкой и комаровской культур. Сб: «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 86.

ся большинство польских и ряд советских археологов, их следует относить к тшинецкой культуре [11].

Представляется, что существующие разногласия не очень значительные и, главное, мало принципиальны. Суть в том, что сама комаровская культура очень близка тшинецкой и может рассматриваться, вероятно, как один из ее вариантов. Во всяком случае, при сравнении основных элементов обеих культур (поселений, жилищ, погребального обряда, керамики, металлических и кремневых изделий) становится очевидным, что они относятся к одной и той же культурной области. Не исключено, что комаровская культура возникла в результате отпочкования от основного массива племен тшинецкой культуры какой-то группы населения, которая продвинулась к югу и осела на Днестре. Оказавшись в сфере влияния балкано-дунайских культур, она, естественно, приобрела ряд отличительных и своеобразных черт, чуждых племенам тшинецкой культуры. Таким образом, основные различия сводятся к тому, что в тшинецкой культуре отсутствуют черты, появившиеся в комаровской под влиянием южных карпатских культур типа Пояна, Монтеору, Ноа и др.

В целом памятники Северной Украины проявляют все же бо́льшую близость с тшинецкой культурой, чем с комаровской. У них совпадают все основные компоненты: 1) топография поселений (всегда непосредственно у воды, чаще всего в поймах на дюнных возвышенностях), 2) характер погребального обряда (курганы с трупоположением и могильники с трупосожжением), 3) расположение в курганах погребений на уровне древнего горизонта, 4) частые случаи коллективных захоронений, 5) остатки тризны. Особенно близка керамика. Как в тшинецкой культуре, так и в памятниках Северной Украины основной керамический комплекс состоит из: а) тюльпановидного сосуда, б) более приземистого горшка, в) миски конической или полусферической формы, г) дырчатого сосуда-дуршлага. Сходны орнаментальные мотивы — валики, бороздки, зигзаги, полукруглые фестоны. Одинаковы цвет сосудов, характер обработки поверхности, примеси в керамическом тесте.

Аналогичны также металлические предметы, как здесь, так и там представленные главным образом украшениями. И население тшинецкой культуры Польши, и население Северной Украины в большом количестве еще употребляло кремневые и каменные изделия — серпы, ножи, топоры и т. д. Сам факт широкого распространения каменных орудий и сравнительная малочисленность металлических изделий также больше сближает памятники Северной Украины с тшинецкой культурой, чем с комаровской.

Однако черты комаровской культуры все же очень явственно прослеживаются в Северной Украине. Существует ряд памятников, и не только на пограничной территории, но и на Днепре, которые очень трудно отнести к тшинецкой или к комаровской культуре, настолько тесно смешались и переплелись в них черты обеих культур. Примером может служить тот же Войцеховский могильник. Основные черты погребального обряда очень близки к погребальному обряду тшинецкой культуры. В целом сходен и инвентарь. Вместе с тем среди керамики Войцеховского могильника обнаружено несколько сосудов, характерных только для комаровской культуры и неизвестных в тшинецкой. Речь идет о ковшах с сосковидными выпуклостями на максимальном диаметре тулова и сосуде с низким выпуклым туловом и высокой цилиндрической шейкой [12]. О проникновении черт, характерных для комаровской культуры, далеко к востоку, вплоть до Под-

---

[11] A. Gardawski. Plemiona kultury trzcinieckiej w Polsce. «Materiały Starożytne», V, Warzawa, 1959, табл. II; W. Chmielewski, K. Iazdzewski, J. Kostrzewski Pradzieje Polski. Warszawa — Krakow, 1965, стр. 139; Ю. В. Кухаренко. Первобытные памятники на территории Полесья. САИ, Б — 1 — 18, М., 1962, рис. 4.

[12] О. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. «Археологія» II, Київ, 1948, рис. 1, *5, 6*.

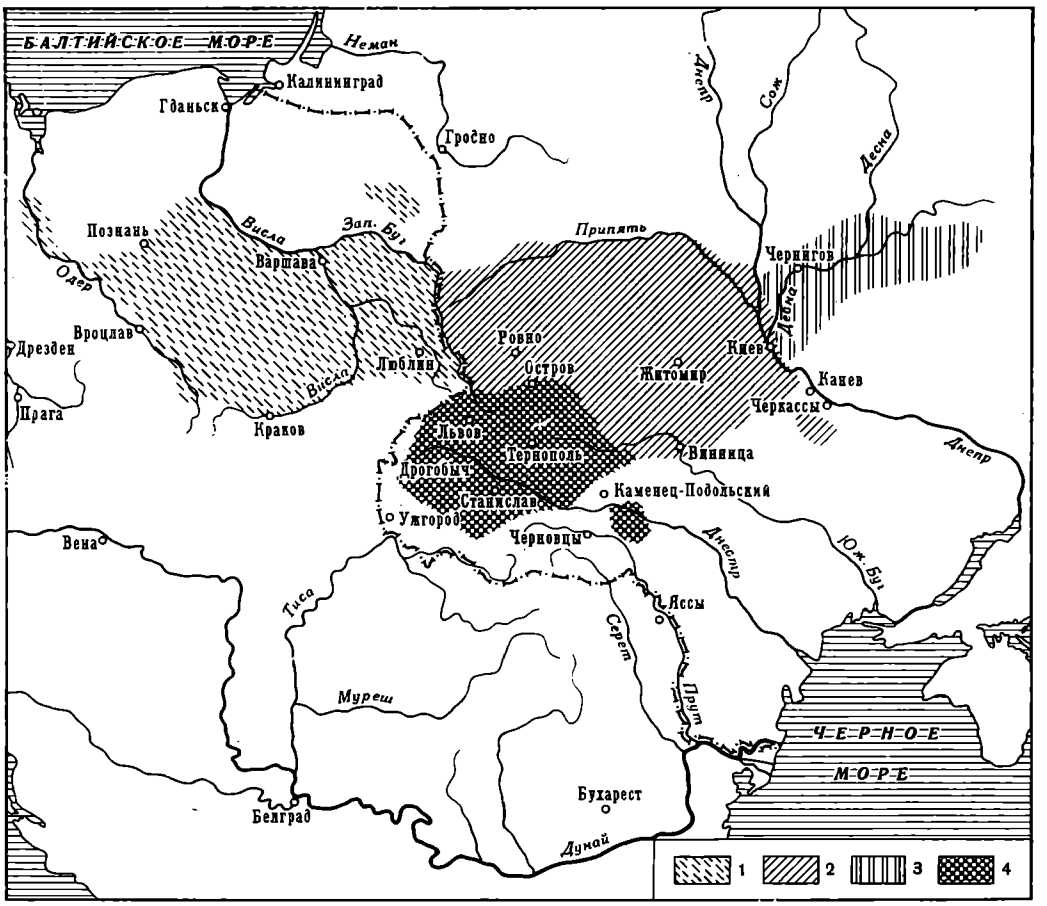


Рис. 10. Карта распространения тшинецко-комаровской культурной общности
1 — тшинецкая культура, *2* — тшинецко-комаровская культура, *3* — сосницкий вариант, *4* — комаровская культура

непровья, говорят и другие памятники. Так, инвентарь теклинских курганов (булавки с головками в виде ромбического щитка, украшенные орнаментом и кубки с канилированным узором) имеет аналогии именно в комаровской культуре.

Приведенные факты говорят о том, что культура северной части Украины имела смешанный облик, сочетающий в себе черты близких между собой культур — тшинецкой и комаровской. При этом вполне естественно, что памятники, расположенные в более северных и северо-западных районах Украины, ближе к памятникам тшинецкой культуры, а в более южных — к комаровской. Таким образом, выясняется, что Северная Украина в эпоху средней бронзы составляла часть большой культурной области, простирающейся от Одера на западе до Десны на востоке и от Припяти на севере до Днестра на юге (рис. 10).

При всем поразительном сходстве памятников, распространенных на обширной территории Северной Украины, в археологическом материале, главным образом в керамике, различных районов все же имеется некоторое своеобразие. Пока лишь в предварительном плане здесь можно выделить четыре локальные группы памятников или четыре варианта: 1 — Ровенский, 2 — Припятский, 3 — Киевский, 4 — Сосницкий (рис. 11). Своеобразие сосницкой группы по сравнению с другими выражено нап-

более отчетливо [13]. При этом все же нет оснований видеть в ней, как это предлагает И. И. Артеменко, особую самостоятельную культуру [14].

Кроме общего сходства всех основных элементов, характеризующих культуру, это находит свое подтверждение и в том, что в предшествующее время на территории, занятой сосницкими памятниками, так же как и на остальной территории, занятой другими тремя вариантами, обитали близкие по культуре племена шнуровой керамики.

Датировка тшинецко-комаровской культуры в Северной Украине определяется на основании стратиграфических данных, путем сравнения с более ранними и более поздними культурами, а также при помощи некоторых датируемых металлических изделий.

В 1955 г. в с. Ставок Теремнеевского района Волынской обл. Ю. Н. Захаруком была исследована землянка стрижевского варианта культуры шнуровой керамики. Ее перерезало жилище тшинецко-комаровской культуры [15]. Стрижевский вариант культуры в Польше сейчас датируется 1800—1500 гг. до н. э. [16].

О том, что стратиграфия в Ставке не является случайностью, говорит подобная ситуация, наблюдаемая в Польше. В с. Росиев повята Пинчов открыто несколько маленьких курганных насыпей, относящихся к межановицкой группе шнуровой керамики (в основном синхронной стрижевской группе) [17], которые перекрывались курганом тшинецкой культуры.

С другой стороны, на двухслойных поселениях у с. Ворошиловка Трояновского района и у с. Старая Гута Новгород-Волынского района Житомирской обл. нижний слой с интересующей нас керамикой перекрывался слоем белогрудовско-чернолесского типа [18].

Таким образом, стратиграфические данные позволяют тшинецко-комаровские памятники помещать между культурами поздней шнуровой керамики, датируемыми 1900—1600 гг. до н. э., и белогрудовской культурой, относящейся к 1100—900 гг. до н. э.

Хронологический диапазон бытования большинства металлических изделий в целом шире рамок, устанавливаемых стратиграфическими данными. Более узкую датировку имеют только два типа украшений: браслеты со спиралевидными концами и булавки с головками в виде ромбического щитка. Хронологии браслетов, получивших в Польше название тшинецкие, посвящена большая литература. Но основные выводы сводятся к тому, что браслеты со спиральными концами появляются во II периоде бронзы и живут до конца IV периода, т. е. примерно от 1450 до 1000 гг. до н. э. и что наиболее широкое их распространение падает на III период бронзы (1400—1200 гг. до н. э.) и связано с тшинецкой культурой [19].

В небольшом количестве близкие по типу браслеты, хотя несколько и отличные от тшинецких, встречены в абашевской [20], андроновской [21] и

---

[13] С. С. Березанська. Пам'ятки періоду середньої бронзи на Десні та Сеймі. «Археологія», XI, Київ, 1957.

[14] И. И. Артеменко. Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 16, 17.

[15] Ю. Н. Захарук. Вопросы хронологии культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни. КСИА, 12, 1962.

[16] I. Machnik. Studia nad Kulturej ceramiki sznuromej w Malopolsce. Krakow, 1966, стр. 171.

[17] T. Reuman. Dokumentaryczne wartoścti odkryć w kopcu Wschodnim w «Rosiejwie. Slawia Antiqua», I, 1948, стр. 47—62.

[18] Е. В. Махно. Дві памятки бронзової доби в бассені р. Тетерева. АП, II, стр. 209, 210; С. С. Березанська. Поселення раннього залізного віку в Житомирській області. АП, VI.

[19] O. Gardawski i K. Wesolowsci. Zagadniaenie metalurgii kultury trzciniec-kiej..., «Materialy starożytne», 1, 1956, стр. 59—102.

[20] П. П. Ефименко, П. П. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97, 1961, рис. 12, *12*.

[21] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, Тр. ГИМ, XVII, М., 1948, рис. 37, *1, 2*.

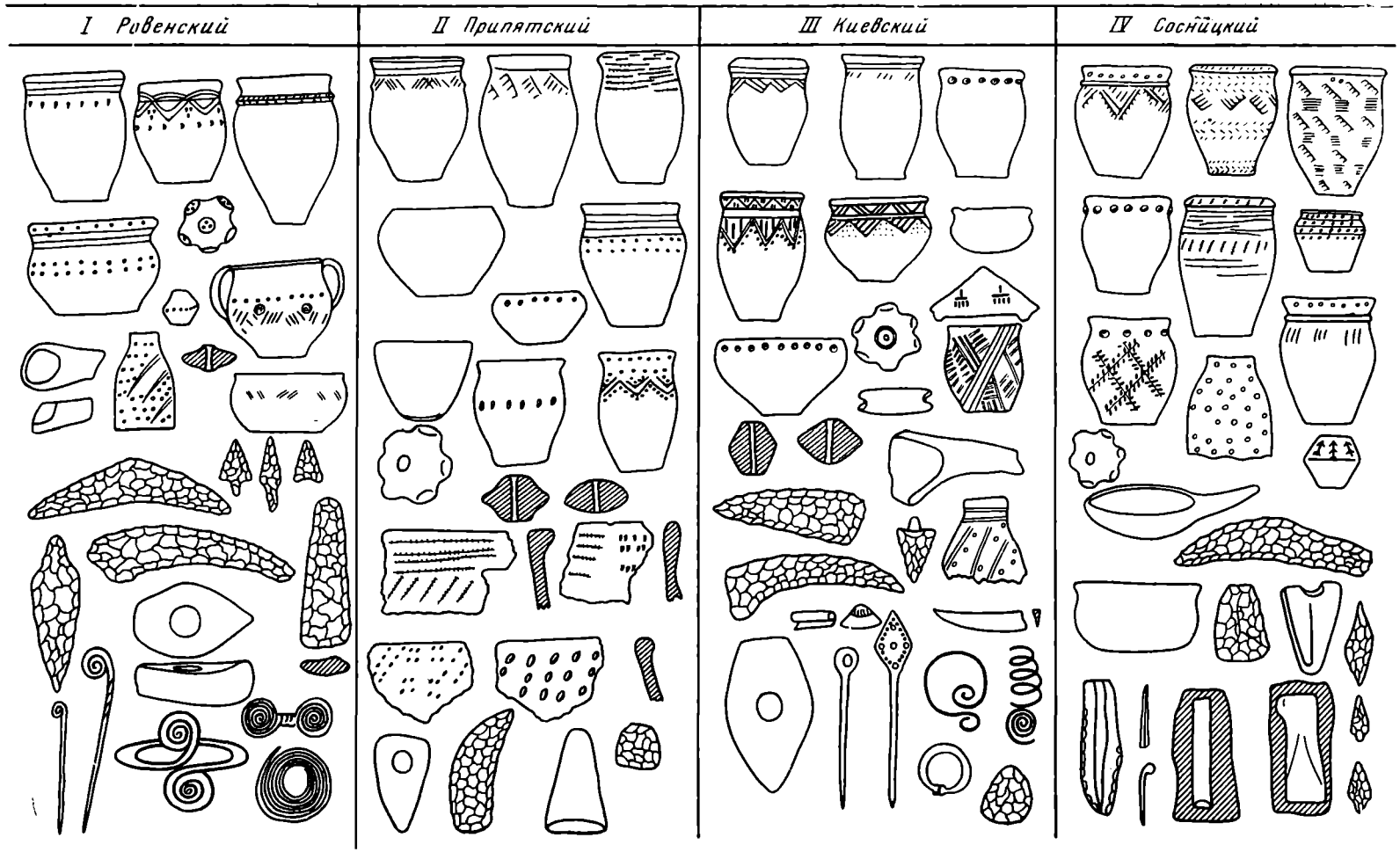


Рис. 11. Варианты тшинецко-комаровской культуры Северной Украины

даже поздняковской [22] культурах. Они датируются там третьей четвертью II тысячелетия до н. э., т. е. так же, как в Польше.

Интересна находка браслета тшинецкого типа вместе с булавкой со спиралевидной головкой в Сабанчеевском кладе, который Н. Я. Мерперт справедливо связывает с кругом западно-европейских украшений [23]. Пожалуй, все же наиболее прочную датировку памятников тшинецко-комаровской культуры дают две булавки с головками в виде ромбовидных щитков из Гуляй-Городского кургана. В настоящее время известно четыре почти аналогичные булавки, три из которых найдены в хорошо датируемых комплексах. Одна из них входит в состав знаменитого Бородинского клада. Хотя по вопросу датировки этого клада все еще ведутся дискуссии, большинство археологов склонно относить его ко времени XIV—XII вв. до н. э. Вторая булавка найдена в погребении № 6 Комаровского могильника. Хронологии этого погребения Т. Сулимирский посвятил специальную работу, в которой пришел к убедительному выводу, что погребение должно быть датировано XIII в. до н. э. [24]. Наконец, третья булавка найдена в Северной Румынии на поселении в Себеше. По-видимому, она может быть отнесена к виттенбергской культуре [25]. Любопытно, что в виттенбергской культуре найдено также рогатое пряслице, один из наиболее характерных предметов тшинецкой и комаровской культур.

К. Хоредт датирует виттенбергскую культуру на основании прямых связей с Микенами временем, близким к шахтовым гробницам. С другой стороны, виттенбергская культура синхронизируется с третьим слоем культуры оттамань, с шнекенбергской культурой, а также с культурами Глина III и Монтеору. Все эти культуры датируются в пределах Тосег С или, по Рейнеке,— A_2B эпохи бронзы, т. е. 1600—1300 гг. до н. э.

Существенна для датировки памятников тшинецко-комаровской культуры в Северной Украине четырехсторонняя литейная формочка из Зазимья (рис. 9).

Каждая из ее отливок имеет близкие аналогии, позволяющие определить время изготовления матрицы. Ближайшими аналогами кельту являются кельты из Коблевского клада на Тилигульском лимане из сел. Маячки и Кривой Кут Днепропетровской обл. [26] В меньшей степени на кельт из Зазимья похожи два кельта из Красномаяцкого клада [27]. Втульчатое долото из Зазимья ближе всего к долоту из Красномаяцкого клада [28]. Литейные формы для таких долот найдены также на поселении сабатиновской культуры у с. Капуловки на Нижнем Днепре [29] и в составе Волошского клада [30]. Литейная формочка для отливки трех плоских долот различной ширины найдена на Островецком поселении культуры Ноа [31]. Формочка для отливки плоского долота с расширяющимся рабочим кон-

---

[22] Т. Б. Попова. Погребение поздняковской культуры в Борисоглебском могильнике. Сб.: «Новое в советской археологии», рис. 1.

[23] Н. Я. Мерперт. Сабанчеевский клад. Сб.: «Новое в советской археологии», стр. 149.

[24] T. Sulimirski. Borzow-Crave 6 a Komarow. «Bulletin of the Institute of Archeology», 4, 1964, стр. 76.

[25] K. Horedt. Die Wietenbergkultur, «Dacia», IV, нов. сер., 1960, стр. 15.

[26] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, рис. 32, *6, 11, 12, 33.*

[27] И. Г. Черняков. Красномаяцкий клад литейщика. КСОГАМ, 1963, рис. 7, *1, 3*; 8, *1, 5.*

[28] Там же, рис. 14, *9.*

[29] И. Н. Шарафутдинова. Литейные матрицы на поселениях эпохи поздней бронзы в Нижнем Поднепровье. КСИА, 10, рис. 1, *2.*

[30] О. В. Бодянський. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—1948 рр. АП, IV, табл. IV, *1.*

[31] Е. А. Балагурі. Ливарні формочки з поселення пізньої бронзової доби біля с. Острівець... «Доповідь повідомлення Ужгородського держ. універс.», сер. ист., 5, Ужгород, 1961, рис. 7—8.

цом входит в состав Коблевского клада[32]. Существенно, что в составе Коблевского и Красномаяцкого кладов, а также клада из с. Маячки встречены аналогии сразу для двух предметов, изображенных на матрице из Зазимья. То же следует сказать об Островецком поселении. В какой-то степени это убеждает в одновременности вещей, входящих в названные клады, и указывает на одновременность кладов и литейной формочки из Зазимья.

Большинство авторов сходится на том, что названные клады следует датировать в пределах XIII—XI вв. до н. э.[33] Так же, очевидно, следует датировать и матрицу из Зазимья.

Наконец, для хронологии тшинецко-комаровской культуры имеет большое значение установление и датировка синхронных культур. Среди ближайшего окружения в качестве таковых следует назвать тшинецкую культуру в Польше (1450—1100 гг. до н. э.)[34], комаровскую на Днестре (XIII—XII вв. до н. э.)[35], а также абашевскую (XV—XII вв. до н. э.)[36] и срубную (XIV—X вв. до н. э.)[37]. Таким образом, по совокупности данных тшинецко-комаровскую культуру в Северной Украине можно помещать в рамках конца XV — начала XI вв. до н. э.

За четыре века существования в культуре, естественно, происходили изменения. Уже сейчас намечаются группы памятников, различных по времени. Дальнейшие исследования, безусловно, дадут возможность выделить более ранний и более поздний хронологические этапы.

В настоящий момент трудно сколько-нибудь убедительно и ясно раскрыть процесс сложения тшинецко-комаровской культуры. Пока приходится ограничиться лишь тем, что поскольку нет предпосылок, указывающих на переселение племен тшинецко-комаровской культуры с других территорий, можно говорить об их местном происхождении, тем более, что и отмечаются некоторые генетические связи с предшествующими культурами позднего Триполья и шнуровой керамики.

---

[32] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., рис. 32, 7.

[33] А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965. 1; И. Г. Черняков. Ук. соч.; Э. А. Сымановичч. Ингульский клад. СА, 1966, 1, стр. 127, сл.; Е. А. Балагури. Ук. соч.

[34] A. Gardawski. Plemiona kulturu trzcinieckiej..., стр. 147.

[35] И. К. Свешников. Ук. соч., стр. 91.

[36] О. Н. Евтюхова. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья. Сб.: «Новое в советской археологии», стр. 142.

[37] А. И. Тереножкин. Ук. соч.

М. Н. ПОГРЕБОВА

УРАРТСКИЕ МЕЧИ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ

В первую половину I тысячелетия до н. э. в Закавказье появляются длинные железные мечи, по-видимому, урартского происхождения [1].

Сейчас представляется возможным уточнить хронологические рамки бытования этого оружия, ареал и особенности типологического развития. Этому и посвящена настоящая статья.

Отличительной чертой урартских мечей является особое строение рукояти, имеющей пластинчатую железную, фигурных очертаний основу, охваченную бронзовой обоймой, которая удерживала инкрустацию. (Для укрепления инкрустации применялись и гвозди.) Обоймы представляют собой или узкие ободки, охватывающие края рукоятки и опоясывающие верхнюю часть клинка, или сделаны более массивно и заключают узкую часть ствола рукоятки в плотное бронзовое кольцо.

Навершие маленькое, бронзовое, конусовидной или полусферической формы. Клинки с прямыми сторонами, сужающимися книзу, длиной около 70 *см*, нередко имели срединное ребро.

Менее распространенной разновидностью этого типа являются мечи с железной тонкой стержневой рукоятью, на которой при помощи гвоздиков крепилась деревянная или костяная часть рукояти. Сверху имеется небольшое круглое полусферическое или уплощенное навершие (рис. 1, *1*). По мнению Жака де Моргана, впервые обнаружившего подобный экземпляр в Мусиери и реставрировавшего его [2], это навершие венчает шаровидное окончание рукоятки, так же как и в мечах первого типа (рис. 1, *1*, *2*).

Часто мечи обоих типов находят заключенными в прямоугольные бронзовые ножны, украшенные продольными бороздами. Очевидно, бронзовая листовая обкладка ножен накладывалась на более прочное основание. Так, в ножнах меча (или меча-кинжала) из погребения 5 Ворнакского могильника можно проследить сохранившиеся в верхней части железные основные ножны, обернутые бронзовым листом, имеющим на тыльной стороне линию спайки и два отверстия, а на лицевой — орнаментальные продольные борозды. Толщина бронзового листа — 0,8—1 *мм*[3].

Подобная форма ножен для Закавказья совершенно нехарактерна и с другими закавказскими мечами и кинжалами не встречается. Железные мечи рассматриваемого типа хорошо известны из Тейшебаини [4]. Самый прием оформления рукояти находит аналогии в урартском искусстве [5]. Как уже отмечалось исследователями [6], меч очевидно того же типа и заклю-

---

[1] Б. А. Куфтин. Урартский Колумбарий у подошвы Арарата и Куроаракский энеолит. ВГМГ, XIII-B, Тбилиси, 1943, стр. 54, 55; Б. Б. Пиотровский. Город бога Тейшебы. СА, 1959, 2, стр. 177.

[2] J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase. Paris, 1931, стр. 37.

[3] ГЭ, № 16732.

[4] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур III. Ереван, 1955, стр. 32, 42; его же. Город бога Тейшебы, стр. 177, рис. 6.

[5] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 54, 55.

[6] Б. Б. Пиотровский. Город бога Тейшебы, стр. 177; Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 54, 55.

ченный в аналогичные ножны, изображен на известной статуе, найденной на Ванской скале[7]. Все эти факты заставляют согласиться с мнением об урартском происхождении мечей с фигурными рукоятями.

Следует также отметить, что подобные мечи были известны в северной Сирии у поздних хеттов. Ими вооружены так называемые «молодые воины», изображенные на рельефах Кархемыша[8], которые Потье датирует примерно IX в. до н. э.[9]. Как известно, именно в это время урартское

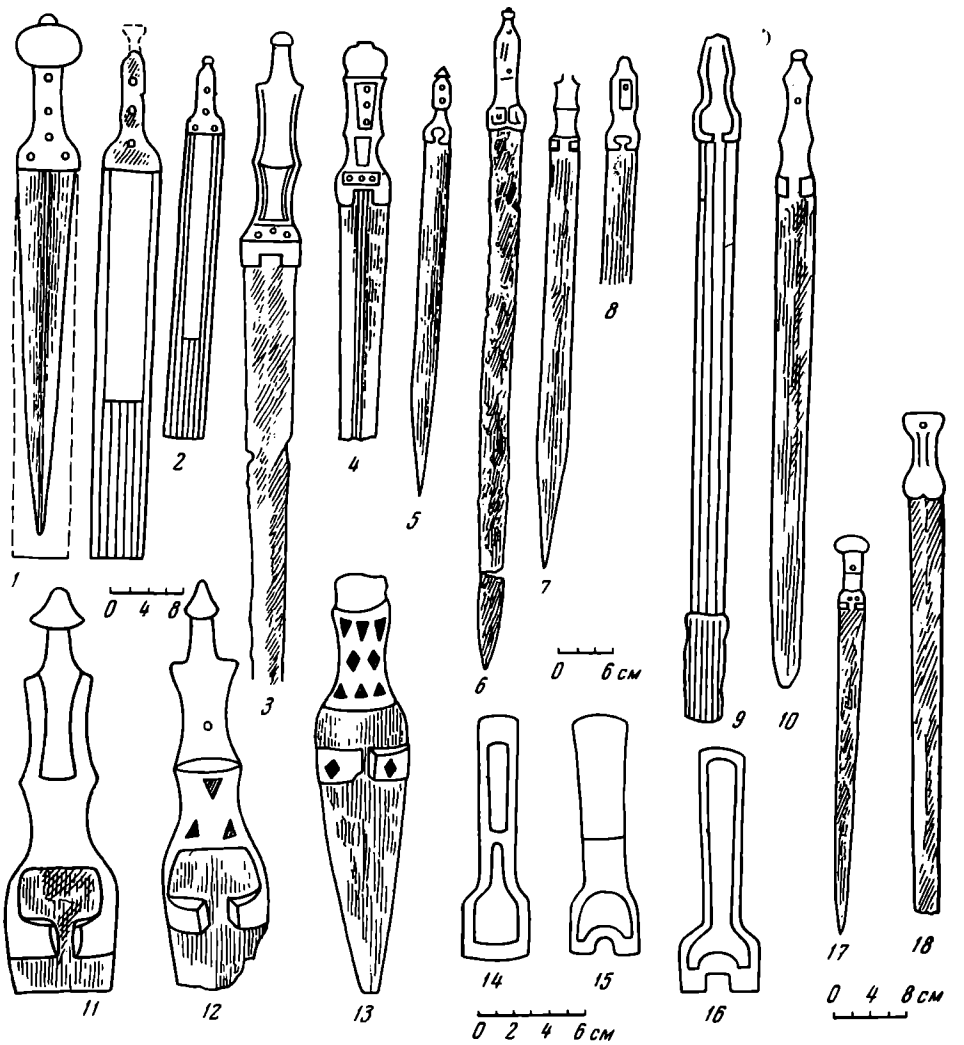


Рис. 1.

1, 3, 4 — Мусиери; *5, 6, 9, 17, 18* — Кармир-Блур; *2, 7, 11, 12, 15, 16* — Самтавро; *8* — Александрополь; *10* — Мингечаур; *13* — Садовле; *14* — могильник у Стеклянного завода

вооружение было чрезвычайно близко к хеттскому[10]. Концом IX — началом VIII в. до н. э. датирует Ванскую статую Г. Б. Церетели[11] и серединой IV в.— Б. Б. Пиотровский[12].

[7] Г. В. Церетели. Урартские памятники музея Грузии. Тбилиси, 1939, стр. 62, сл., табл. XXX, XXXI.

[8] L. Wolley. Carchemish. London, 1921; E. Pottier. L'art hittite. Paris, 1926, рис. 12—17.

[9] Там же, рис. 18, 19; D. G. Hogarth. Hittite Problems and the Excavations of Carchemish. London, 1921, стр. 371.

[10] С. М. Бациева. Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию. ВДИ, 1953, 2, стр. 27.

[11] Г. В. Церетели. Ук. соч., стр. 62 сл.

[12] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 34, 35.

Можно предполагать, что уже в это время подобные мечи появляются в урартском вооружении, хотя они, очевидно, не были широко распространены.

В последнее время на территории Закавказья было найдено много подобных мечей. Так, по публикациям и музейным материалам я в настоящее время располагаю сведениями более чем о 30 урартских мечах, обнаруженных в Закавказье. 3 меча происходят из Тейшебаини (кроме того,

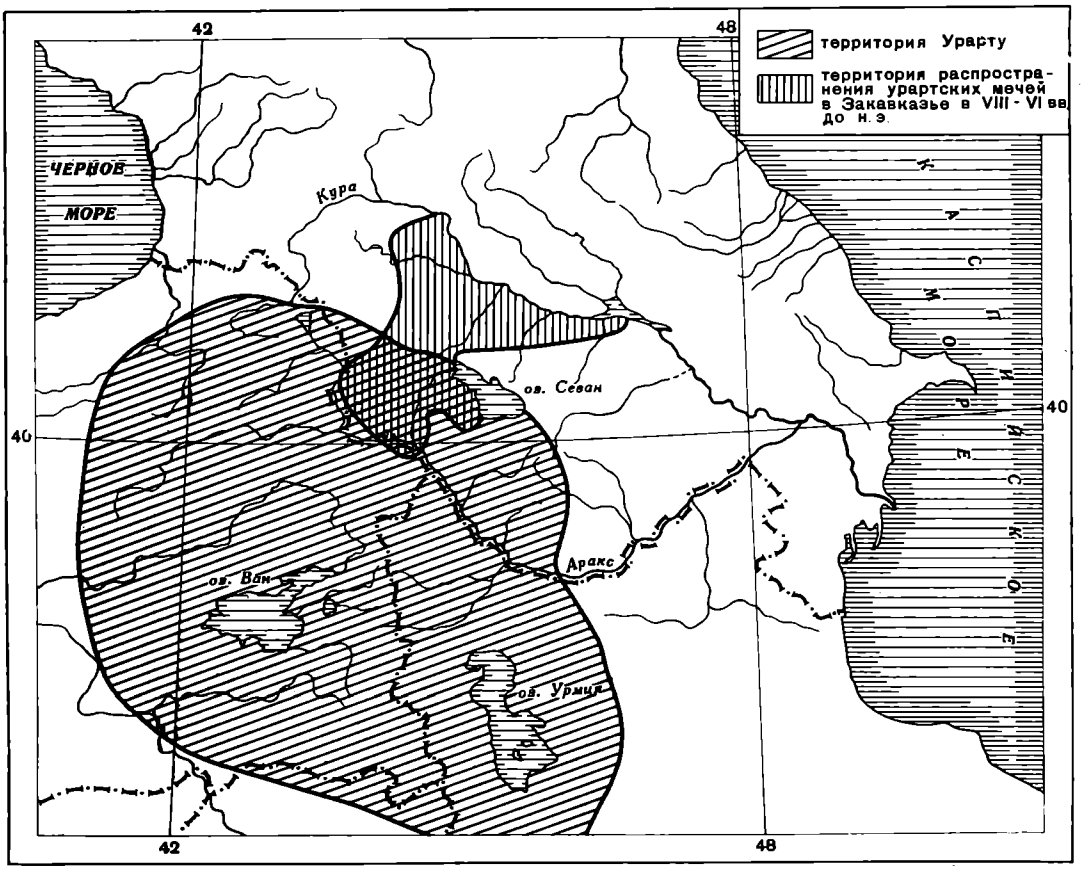


Рис. 2. Карта распространения урартских мечей в Закавказье

там есть еще два, близких форм); 1 меч из погребения 5 Ворнакского могильника; 1 меч из грунтовых погребений с вытянутыми костяками в Мингечаури; 5 мечей, по-видимому,— из могильника Мусиери; 20 — из Самтавро; 1 меч (или вернее кинжал) — из разрушенной могилы в Садовле; 1 — из Нареквави; 1 меч — из раскопок Н. Я. Марра в 1893 г. в Александропольском уезде. В той же коллекции есть обломок рифленых ножен, может быть принадлежавших другому мечу. Один меч, по сообщению Б. Б. Пиотровского, был найден в Казахе и один — среди Астхадзорского комплекса.

Все эти мечи обнаружены на довольно ограниченной территории Центрального Закавказья: окрестности Еревана (Кармир Блур), район Ленинакана, самая северная часть Армении (Лелвар, Акпер) и Присеванский район (Астхадзор), центральная часть Грузии (Самтавро, Садовле, Нареквави) и Северный Азербайджан (Мингечаур и Казах) (рис. 2). В данном случае имеются в виду только классические типы рассматриваемых мечей и не учитываются многочисленные смешанные формы, о которых будет сказано ниже.

Большинство урартских мечей обнаружено в хорошо датированных комплексах, и это дает возможность довольно точно определить время

бытования данной формы в Закавказье. Таковы, прежде всего, мечи, происходящие из основного урартского центра в Закавказье — Тейшебаини. Как известно, Б. Б. Пиотровский определяет конечную дату существования Тейшебаини началом VI в. до н. э.[13], что, несмотря на возражения Т. Сулимирского[14], представляется достаточно убедительным.

В Тейшебаини было обнаружено, судя по публикациям, пять подобных мечей, из них три относятся к классическому типу. Это длинные мечи (72, 73 и 70 *см* длиной). Один из них имеет бронзовую обкладку по краю рукояти, нижней своей частью не полностью охватывающую верхнюю часть клинка, и был вложен в ножны, от которых сохранился только бронзовый наконечник из нижней части. Меч этот был найден в 1948 г. в помещении № 13[15] (рис. 1, *9*). Рукоять другого меча имеет не только бронзовые обкладки по краю, но и замкнутое бронзовое кольцо в ее средней части и плотно охватывающую верхнюю часть лезвия несомкнутую бронзовую обойму. Этот меч был найден в 1952 г. в помещении № 34[16]. Около меча лежал бронзовый наконечник ножен того же типа, что и у меча из помещения № 13 (рис. 1, *6*). Такое же строение рукояти, но при полном охвате ею верхней части лезвия, имеет меч, опубликованный Б. Б. Пиотровским в 1959 г.[17] (рис. 1, *5*). Очевидно, с этой формой можно сближать и короткие мечи, имеющие только небольшую бронзовую обойму по краю рукояти[18], и мечи, представляющие собой комбинацию вышеописанных деталей рукояти с классической рукоятью скифского акинака[19] (рис. 1, *8*).

Так как описываемые мечи являлись скорее всего боевым оружием защитников крепости, датой кармир-блурских экземпляров должны считаться начало VII—VI в. до н. э., несмотря на то, что некоторые из них были обнаружены вместе с такими хорошо датированными ранними вещами, как бронзовый колчан с надписью середины VIII в. до н. э. (в помещении № 13)[20] или щит Аргишти I VIII в. до н. э. (в помещении № 34)[21].

Еще более бесспорным свидетельством поздней даты кармир-блурских мечей является их сходство в ряде деталей со скифскими акинаками VI в., обнаруженными там же[22]. Так, вся нижняя часть рукояти одного из таких мечей соответствует форме рукояти урартских мечей, а верхняя часть повторяет форму акинака с валиковым навершием. Кроме того, обнаруженный в Тейшебаини акинак имеет под навершием рукояти выступ. Подобные выступы известны на акинаках конца VII — начала VI в. до н. э.[23].

Все отмеченное позволяет уверенно датировать урартские мечи из Кармир-Блура VI в. до н. э. Бесспорно также одновременное бытование рукоятей с тонкой обоймой и рукоятей с более массивной бронзовой обоймой с широким кольцом.

Несколько более ранним временем, чем кармир-блурские, можно датировать комплексы Мусиери, но большой разрыв во времени между ними невозможен. Нам известно по крайней мере четыре меча урартского типа

---

[13] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур IV. Ереван, 1955.

[14] T. Sulimirski. Skythian Antiquities in Western Asia. «Artibus Asiae», XVII, 3—4, 1954.

[15] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур I. Ереван, 1950, стр. 39, рис. 19, *2*, стр. 54.

[16] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур III, стр. 32, 42.

[17] Б. Б. Пиотровский. Город бога Тейшебы, рис. 6.

[18] Его же. Кармир-Блур I, стр. 39, рис. 19, *2*.

[19] Его же. Город бога Тейшебы, рис. 6, *3*.

[20] Его же. Кармир-Блур I, стр. 54.

[21] Его же. Кармир-Блур III, стр. 41.

[22] Его же. Город бога Тейшебы, рис. 6, *3*.

[23] А. И. Шкурко. Скифский кинжал из Днепропетровского музея. Историко-археологический сборник МГУ. М., 1962, стр. 100.

в могилах Мусиери [24] (рис. 1, *1*, *3*, *4*). Один из них относится ко второму типу и имеет стержневую рукоять. У двух мечей кольцевая рукоять сочетается с массивной нижней обоймой, замкнутой, но имеющей прямоугольную выемку в центре. Форму четвертого определить трудно. К сожалению, сам материал изучению не доступен, а изложение де Моргана не дает возможности разделить по могилам весь описанный им инвентарь, тем не менее, некоторые выводы сделать можно. Описанные мечи (де Морган называет их большими кинжалами) были обнаружены в могилах двух типов, отнесенных де Морганом к типам А и В, а хронологически принадлежащим к третьей и четвертой, т. е. к поздним группам Лелвара, где они встречаются вместе с пластинчатыми бронзовыми поясами, бронзовыми булавками выделенного де Морганом позднего типа, железными изогнутыми ножами, железными инкрустированными кинжалами, железными топориками и керамикой, имеющей аналогии в памятниках конца VIII—VI в. до н. э. [25]. К этим же поздним группам следует относить и стрелы скифского типа, обнаруженные в Мусиери. Один из наконечников двухлопастной, ромбический с укороченными вверху сторонами ромба и длинной втулкой без шипа ближе всего напоминает по форме келермесские [26], но имеет более ромбическую форму, что позволяет отнести его к несколько более раннему времени, чем келермесские курганы. Поскольку остальной инвентарь в основном не противоречит этой дате, урартские мечи из Мусиери можно отнести к началу VI, в крайнем случае к самому концу VII в. до н. э.

Меч-кинжал из могилы № 5 Ворнакского могильника № 1 сохранился очень плохо. От его рукояти остался только обломок железного стержня с двумя гвоздиками. Форму рукояти установить невозможно, но наличие инкрустации на ней бесспорно. Б. Б. Пиотровский на основании сохранившегося в делах археологической комиссии рисунка сопоставляет его с подобным мечом из помещения № 13 Кармир-Блура. Длина сохранившейся части меча 70 *см*.

Могила № 5 Ворнакского могильника [27] относится к VII—VI вв. до н. э. Этим временем следует, очевидно, датировать и ворнакский меч.

Хронологически несколько выделяется меч из вытянутых погребений Мингечаура, имеющий бронзовую часть рукояти в виде узкой обоймы без кольца и несомкнутый пояс, охватывающий верхнюю часть клинка. Исходя из погребального инвентаря мингечаурских вытянутых погребений, этот меч можно датировать несколько более поздним временем — VI—V вв. до н. э. [28] (рис. 1, *10*). Особенно широко мечи рассматриваемого типа представлены в Самтаврском могильнике, где они известны по крайней мере в 20 погребениях [29]. Анализ инвентаря этих погребений позволяет утверждать, что урартские мечи появляются в этой области в основном раньше распространения скифского оружия, хотя впоследствии и сосуществуют с ним (погр. 71, 293).

В погребениях с урартскими мечами встречаются бронзовые копья, главным образом литые, хотя есть и кованые, и биметаллические кинжалы, которые в погребениях, содержавших скифское оружие, как правило, отсутствуют. Но в основном инвентарь погребений с урартскими мечами и скифским оружием очень близок друг к другу, для тех и для других ха-

---

[24] 25, 28, 23, 27 — в планах могил 74, 134, 215, 218, а отдельные изображения мечей на рис. 42, 37, Р. III, I без указания могил.

[25] J. de Morgan. Ук. соч., рис. 53.

[26] Там же.

[27] ОАК за 1893 г. стр. 36. ОАК за 1894 г.; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 118; ГЭ, 16730, 16725, 16723, 18724, 16728, 16727, 16726, 16731, 16732.

[28] М. Н. Погребова. Некоторые формы закавказского оружия раннескифского времени. КСИА АН СССР, 89, 1962, стр. 25, примеч. 16.

[29] № погребений: 168, 38, 225, 301, 313, 262, 195, 202, 55, 121, 243, 79, 147, 119, 123, 112, 174, 310, 71, 293).

рактерны тонкие браслеты с рельефными насечками, как правило не встречающиеся в других погребениях могильника. То же прослеживается и в форме железных копий. Бронзовые пояса, найденные в погребениях вместе с урартскими мечами, отличаются или спиральными узорами, или изображениями идущих друг за другом животных (мотив, характерный для закавказских поясов VIII—VII вв. до н. э.). Все это дает основание датировать урартские мечи Самтаврского могильника, начиная с VIII в. до н. э., скорее со второй его половины, и до VII—VI вв. до н. э.

Следует отметить, что именно для инвентаря погребений, содержавших урартские мечи, отмечено наличие колхидо-кобанского влияния (погр. 28, 112, 121 [30], 168).

Не ранее VIII в. до н. э. должен датироваться и меч из Астхадзорского комплекса [31].

Меч из раскопок Н. Я. Марра в Александропольской губернии, хранившийся в ГИМ и совершенно разрушившийся при эвакуации во время войны, судя по описи и отдельным сохранившимся от коллекции предметам, также не может быть датирован раньше конца VIII—VI в. до н. э. [32] (рис. 1, *8*).

Меч, обнаруженный при земляных работах в селении Садовле [33], с бронзовыми накладками, украшенными прорезными треугольниками и ромбами, был найден среди разнородных вещей, вряд ли принадлежавших к одному могильному комплексу, в целом относящихся к VIII—VI вв.

Итак, удается определить, что бытование урартских мечей на территории Закавказья начинается со второй половины VIII в. до н. э. Основное время их распространения — VII—VI вв. до н. э., в некоторых случаях они доживали, очевидно до V в. до н. э.

Менее разрешимым представляется вопрос о том, есть ли хронологическая разница внутри рассматриваемого типа [34].

Выше уже отмечалась основная разница в строении рукояти с бронзовой обоймой — это или тонкий бронзовый ободок, или ободок, переходящий в бронзовую трубку с массивной закраиной внизу. Поскольку обе разновидности встречаются в таких памятниках, как Кармир-Блур и одновременные погребения Самтавро, нет оснований видеть в них хронологический признак.

Однако судя по некоторым косвенным данным, например отсутствию меча с трубчатой рукоятью в таких, безусловно более поздних памятниках, как вытянутые погребения Мингечаура и в Ворнакском могильнике, и наличию на трубчатых рукоятях кинжала из Садовле и некоторых кинжалах из Самтавро [35] узора в виде прорезных треугольников, характерного в Закавказье для конца II тысячелетия — начала I тысячелетия до н. э., можно предполагать, что трубчатые рукояти были больше распространены в начале существования этой формы и в Закавказье, но в то же время они продолжали бытовать параллельно с рукоятями с бронзовой обоймой.

К сожалению, далеко не во всех случаях можно выявить комплекс вооружения, встречавшийся вместе с мечами урартского типа, и положение в могиле этих мечей.

Можно отметить, как общее правило, что железные наконечники копий разных типов встречаются с мечами всегда. В некоторых случаях меч

---

[30] О. Джапаридзе. Колхидский топор. ВГМГ XVI-В, 1950, стр. 85.

[31] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 225.

[32] ГИМ, 35241. Дар и отношение ИАК от 6/X, 7 I 1893, опись II отдела XIX/615.

[33] М. М. Бадриашвили. Археологические памятники из селения Садовле (на груз. языке с русским резюме). ВГМГ, XVII-В, 1953, стр. 235.

[34] Следует учесть мнение Р. М. Абрамишвили, что рукоятки с обоймами предшествовали рукояткам стержневым, но последних известно очень мало, поэтому бесспорным этот вывод считать нельзя.

[35] М. М. Бадриашвили. Ук. соч., табл. I, стр. 238, рис. 1, *2*.

встречается вместе с одним, а иногда и несколькими кинжалами. Это или железные инкрустированные кинжалы (Ворнак, Цопи), или очень оригинальная разновидность кинжалов, встречаемая главным образом в Самтавро. Рукояти этих кинжалов по форме повторяют урартские (мог. 123 и др.). Наконечники стрел встречаются значительно реже, преимущественно скифских форм, хотя известно и такое богатое стрелами местных типов погребение, как погребение 174 Самтавро.

Чрезвычайно интересен вопрос о распространении и развитии урартских мечей в среде закавказских племен (рис. 2).

Территория, на которой найдены урартские мечи, выходит за пределы государства Урарту. Характерно также, что эти находки сосредоточены главным образом к северу от границ Урарту — в областях, по своей материальной культуре ближе связанных с Урарту, чем, например, районы восточного или западного Закавказья.

Несомненно также и то, что эта привнесенная извне форма оружия, получившая распространение в Закавказье, изготовлялась и местными мастерами, которые добавляли к ней некоторые характерные для местного производства детали. В соединении с чисто местными формами образовались новые виды рукоятей мечей и кинжалов, на первый взгляд сильно отличающихся и от классических урартских, и от местных.

Очень интересны в этой связи упоминавшиеся уже выше фрагмент меча из селения Садовле и аналогичные ему мечи из 26-й могилы и сходной формы кинжалы целого ряда других могил Самтавро[36] (рис. 1, *12*, *13*).

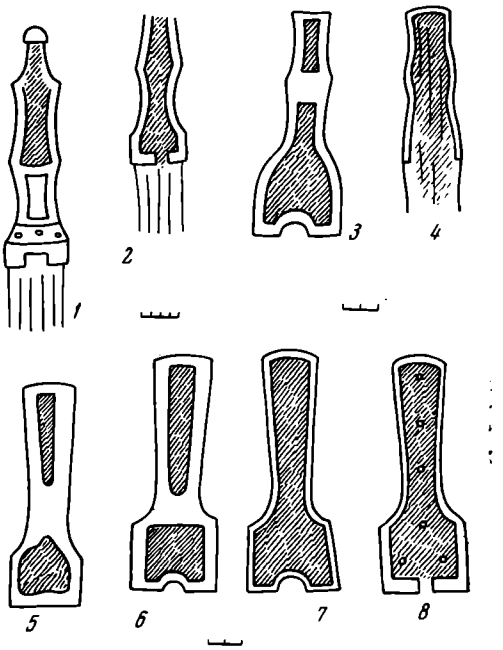


Рис. 3.

1, *2* — рукоятки урартских мечей из Мусиери и Кармир-Блура; *3*—*8* — закавказские варианты урартских рукоятей; *3*, *5*, *8* — Самтавро; *4* — могильник у Стеклянного завода

Меч из Садовле и один из самтаврских мечей имеют ту же бронзовую оправу рукояти, что и урартские мечи с обоймой. Но бронзовые части рукоятей покрыты врезными, предназначенными, очевидно, для заполнения инкрустацией треугольниками — орнамент, чрезвычайно распространенный в Закавказье в эпоху бронзы. Местное происхождение этих мечей не вызывает сомнения, но очевидно и то, что мастер копировал урартскую форму. С урартскими мечами непосредственно связана формой особая группа закавказских железных кинжалов с бронзовой обоймовой рукоятью. Кинжалы вообще более характерны для вооружения закавказского воина, чем мечи, которые встречаются значительно реже.

Еще Б. А. Куфтин отмечал связь бронзовой прорезной рукояти из могильника у Стеклянного завода (рис. 1, *14*) с рукоятью меча из Мусиери[37]. Основное различие между ними заключается в форме ствола рукояти, полностью утратившего у кинжала фигурные очертания и ставшего прямым. За последнее время в Самтаврском могильнике обнаружена целая серия подобных кинжалов и некоторые мечи, на которых эта постепенная эволюция формы прослеживается очень четко (рис. 3). Так, из Самтавр-

[36] М. М. Бадриашвили. Ук. соч., стр. 237, 238.
[37] Б. А. Куфтин. Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 49.

ского могильника известны меч, у которого ствол рукояти несет следы «фигурности», но уже сильно сглаженной, и рукоять кинжала, почти полностью копирующая форму рукояти меча. Типологически более удаленными являются рукояти кинжалов с прямым стволом, у некоторых экземпляров расширяющимся кверху (мечей таких неизвестно). Чрезвычайно характерна нижняя часть обоймы или несомкнутая, как у некоторых из них, или сплошная и совершенно спрямленная. Небольшая выемка в основании рукояти встречается и у сплошных бронзовых рукояток железных кинжалов. Постепенное упрощение урартских форм в местном производстве легко объяснимо, так как прямой ствол более соответствует закавказским формам.

Самтаврские кинжалы переходных форм встречаются вместе с урартскими мечами и датируются тем же временем. Некоторые разногласия вызвала датировка могильника у Стеклянного завода, но в настоящее время дата VII—VI вв. до н. э., предложенная Б. А. Куфтиным и А. А. Мартиросяном[38], не может вызвать сомнений. За пределами Центральной Грузии кинжалов подобного типа пока не найдено.

Итак, несомненно, что во второй половине VIII—VI в. до н. э., в небольшом районе, расположенном к северу от установленных по данным клинописных урартских текстов северных границ Урарту, не только широко использовалось урартское оружие, но и изготовлялось подобное ему. Территория эта, во всяком случае согласно тем данным, которыми мы сейчас располагаем, простирается от Мингечаура на восток до района Тбилиси на западе. Связь этой области с Урарту в последний период его существования очевидна. Политическая история Урарту именно этого периода известна значительно хуже предшествующей, но несомненно, что связи Урарту с племенами Закавказья были в это время особенно сильными. И, по-видимому, очертанная выше область была особенно интенсивно вовлечена в эти связи. К сожалению, сейчас трудно установить характер этих связей: было ли это временное включение данной области в состав Урарту или только постоянный и, очевидно, не враждебный контакт. То, что такой контакт существовал, подтверждают и другие материалы. Так, Борнакский и Лелварский могильники содержали ряд предметов, имеющих аналогии в урартском материале. Это фибулы, браслеты со змеевидными головками, некоторые керамические формы Лелвара[39]. Меньше заметен урартский материал в Самтавро, но и там он встречается.

В Восточном Азербайджане зафиксированы урартские браслеты со змеевидными головками[40], что же касается Мингечаура, то специфические черты этого памятника и возможность его принадлежности скифскому населению[41] легко объясняет присутствие там урартского меча.

По своему политическому положению рассматриваемый район также отличался от соседних как западных, так и восточных. Неоднократно упоминавшаяся в урартских анналах страна Игани, простиравшаяся к северо-западу от Урарту, хотя и оказывалась в определенные периоды подчиненной Урарту, в материальной культуре сохраняла свою самобытность и почти не имеет следов урартского влияния. Те, очевидно, враждебные отношения, в которых находилось с урартами население Восточного Азербайджана, также препятствовали культурному сближению. Территория же, располагающаяся к северу от Урарту, видимо, значительно больше испытала на себе влияние урартской культуры.

---

[38] Г. К. Ниорадзе. Могильник «Стеклянного завода». ПИДО, 3, 1934, стр. 99; Б. А. Куфтин. Триалети стр. 49, 61; А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван, 1954, стр. 51, 52.

[39] Там же, стр. 88.

[40] И. Г. Нариманов. Некоторые данные о древнем поселении в окрестностях г. Казаха. КСИА АН СССР, 70, 1957.

[41] Г. И. Ионе. Некоторые данные к вопросу о датировке грунтовых погребений. ДАН АзербССР, II, 9, 1946.

Включение определенной части урартских племен в состав грузинского народа в настоящее время не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют как данные лингвистики [42], так и антропологический материал Самтаврского могильника [43].

Г. А. Меликишвили объясняет это возникновением крупного объединения во главе с «саспейрами» античных авторов (отождествляемыми им с названием области «спери» в верховьях Чороха), объединения, создавшегося после киммерийских походов, приведших к падению царства Кулха. Судя по свидетельству Геродота, сасперы распространили свое влияние и на районы среднего течения Аракса, т. е. районы Урарту, а может быть, и среднего течения Куры. По мнению Г. А. Меликишвили, это и способствовало слиянию части хурри-урартского населения с восточногрузинским.

Мне представляется возможным, что такое слияние могло начаться и несколько раньше распространения влияния сасперов на северные области Урарту, еще в период его могущества.

---

[42] Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 116, 117.

[43] В VIII—IV вв. здесь появляется новый антропологический тип, находящий аналогии в Южном Закавказье. Там же, стр. 117.

И. Д. МАРЧЕНКО

МЕСТНАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ПАНТИКАПЕЯ VI—V вв. до н. э.

В 1962 г. при раскопках, проводимых Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, на четвертой террасе Ново-Эспланадного раскопа, в слое архаического времени обнаружены остатки керамической мастерской, относящейся к концу VI — началу V в. до н. э. В ней изготовляли, расписывали и обжигали различные керамические изделия — посуду разнообразных типов, характерных для архаической эпохи, пирамидальные грузила и терракотовые статуэтки. Изделия расписывали матовой красной краской, вероятно, сделанной из местного сырья. В орнаментации сосудов применялись элементы, обычные для ионийской архаической керамики — полосы, зигзаги или волны и точки. Открытие этого производственного комплекса с остатками обжигательной печи и образцами как целой, так и бракованной продукции представляет большой интерес, поскольку дополняет наши сведения об экономике и роли ремесла [1] в начальный период жизни Пантикапея.

Развалины мастерской занимают площадь около 20 *м*. Вся территория этого участка была сильно разрушена в эллинистическое время, когда был срезан северный край четвертой террасы с находившимися на нем сооружениями архаического времени. Тогда же была разрушена северная часть гончарной печи с топкой и с подпорным столбом, поддерживающим верхнюю обжигательную камеру. Таким образом, от мастерской сохранилась только юго-восточная часть печи в виде скругленной стенки и примыкающая к ней с востока кладка. Судя по сохранившейся стенке, имеющей длину 1,2 *м*, высоту 0,6 *м*, ширину 0,18 *м*,— печь была эллипсоидной формы размером около 1,5 *м*. Стенки ее сложены из 8—9 рядов небольших плоских камней на глине, в верхней части уцелело несколько сырцовых кирпичей размером 0,27 × 0,12 × 0,07 *м*. Внутри печи залегал слой до 0,15 *м* толщины, состоящий из перегоревшей глины, сырца, мелких углей и золы. Перегоревшая глина представляла собой упавшую внутреннюю обмазку печи, а куски сырца, вероятно,— остатки упавшего свода и разрушенного подпорного столба.

Своим внешним видом и устройством гончарная печь, видимо, не отличалась от подобных печей конца VI в. до н. э., открытых в Олимпии, Афинах, вблизи Коринфа или изображенных на коринфских плитках [2]. Наиболее близкое устройство имели также печи Нимфея [3].

Гончарная мастерская перекрыла остатки дома № 13 конца VI в. до н. э., от которого уцелели камни очага и два уровня земляных полов. При их раскопках найдены стенки хиосских амфор, ионийских амфор с уз-

[1] Большую роль ремесленников в экономике раннего Пантикапея подчеркивает В. Д. Блаватский. В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 33.

[2] G. Richter. A Handbook of Greek Art. London, 1960, стр. 309, рис. 427.

[3] М. М. Худяк. Из истории Нимфея VI—III веков до н. э. Л., 1962, стр. 41, табл. 34, 35.

кими полосками лака, обломки переносной жаровни гермонасского типа[4], на стенке которой было процарапано изображение мужской бородатой головы; керамическая подставка[5], несколько бронзовых трехгранных втульчатых стрел и обломки чернофигурных сосудов конца VI в. до н. э. Находки, обнаруженные в слое, перекрывающем остатки гончарной мастерской, относятся к более позднему времени: вместе с многочисленными обломками целых и бракованных сосудов, являвшихся продукцией данной мастерской, найдены фрагменты от амфор начала V в. до н. э., которые сле-

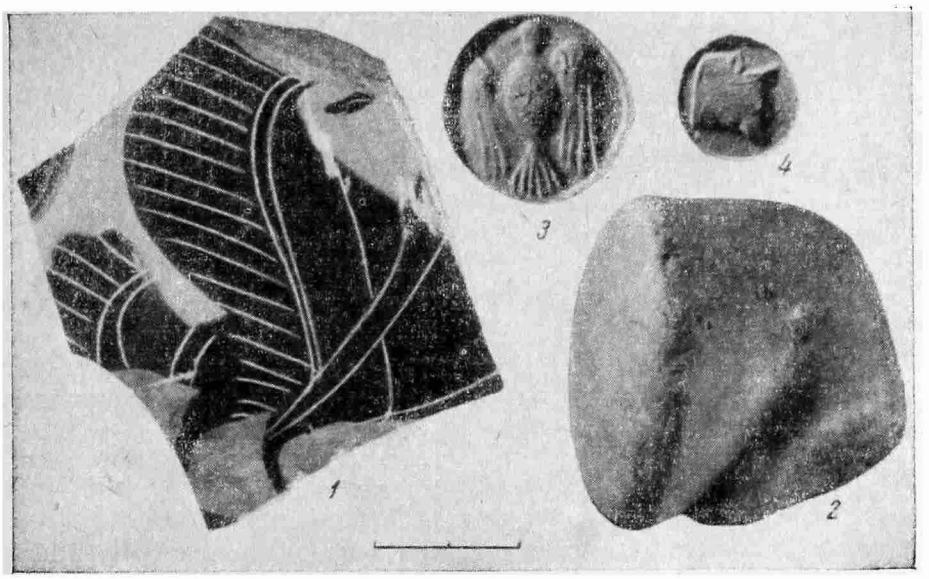


Рис. 1. Находки в слое, перекрывающем мастерскую

1 — обломок чернофигурного килика; *2* — растиралка красок или гладилка из мрамора; *3* — печати на ручках фазосских амфор

дует считать фазосскими — на их ручках оттиснуто изображение орла с поднятыми крыльями и головы быка. Здесь же обнаружены обломки сероглиняных лесбосских амфор, лощеных мисок, открытых светильников и чернолаковых киликов начала V в. до н. э. (рис. 1, *1*). Таким образом, гончарная мастерская датируется концом VI — началом V в. до н. э. Эту дату подтверждают совместные находки. Так, при раскопках могилы № 93 в Пантикапейском некрополе[6] были обнаружены два сосуда: ойнохоя, внешний вид которой совпадает с формой и раскраской сосудов из нашей мастерской[7], что позволяет считать ее происходящей оттуда же, и привозной кольцеобразный аск, относящийся к концу VI — началу V в. до н. э.[8] (рис. 2).

Следует отметить широкое распространение местных расписных сосудов в ранних домах Пантикапея. При раскопках дома начала V в. до н. э. на Верхне-Митридатском раскопе был обнаружен фрагментированный

---

[4] И. Б. Зеест. Архаические слои Гермонассы. КСИА АН СССР, 83, 1961, рис. 17, 18.

[5] И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 161, рис. 14.

[6] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. ИАК, 25, СПб., 1097, стр. 22.

[7] Приношу глубокую благодарность А. А. Передольской за разрешение опубликовать этот сосуд, хранящийся в Гос. Эрмитаже.

[8] В. М. Скуднова. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии. Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира Гос. Эрмитажа, I, Л., 1945, стр. 132.

кувшин и ряд обломков других сосудов, являвшихся изделиями нашей мастерской. В архаических домах Ново-Эспланадного раскопа, а также в ранних слоях других участков Пантикапея открыто значительное количество фрагментов расписных сосудов, у которых глина, форма, раскраска и фактура целиком совпадают с признаками сосудов из данной мастерской.

В культурном слое, покрывающем развалины мастерской, найдено большое количество обломков сосудов, являвшихся производственным боем и браком (рис. 3). Как можно заключить, эти сосуды по своим формам и по отделке поверхности находят полную параллель среди керамических изделий материковой и островной Греции архаической поры. Особенно близки они местным расписным сосудам Нимфея [9]. Подсчет найденных здесь фрагментов показал, что они принадлежат многим сосудам одного типа, а имено: 31 амфоре, 16 небольшим ойнохоям и кувшинам, 9 маленьким кувшинчикам, 4 кольцеобразным аскам, кратерискам и сосудам типа самосских лекифов, есть обломки псиктров и двуручных чаш. Особого внимания заслуживают обломки четырех больших сосудов типа диноса или келебы с низким бортиком, округлыми плечами и на высокой ножке. Они принадлежат той разновидности местных расписных сосудов, на которую впервые обратила внимание Р. В. Шмидт [10].

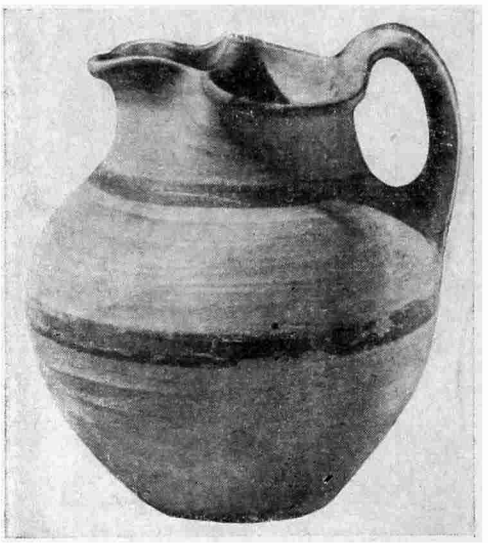


Рис. 2. Ойнохоя местной работы (высотой 13 *см*) из раскопок В. В. Шкорпила в 1904 г.

Вновь найденные сосуды расписаны довольно однообразно, комбинация изобразительных средств очень устойчива, даже в росписи одного из трех больших сосудов типа диноса, отличающихся от амфор или ойнохой несколько усложненным характером, встречается та же комбинация волнистой линии, помещенной между рядами крупных точек (рис. 3, *4*).

По отделке поверхности и по характеру росписи вся найденная керамика делится на две группы. К первой относятся сосуды, покрытые белой матовой, довольно густой обмазкой, на которой в некоторых случаях дополнительно нанесено лощение. Поверх белой обмазки сосуды расписаны узкими полосами или волнистыми линиями, сделанными красной краской. У закрытых сосудов полоса краски проведена на венчике и в основании горла; кроме того, одна или несколько полос нанесены на раздутой части тулова и на ручке; у открытых сосудов роспись наносили концентрическими кругами с внешней и с внутренней стороны. В центре дна сосуда помещали большое круглое пятно. Очень близкую схему росписи имеют миски, обнаруженные при раскопах в Киммерике [11] (рис. 4, *2*).

В системе росписи сосудов первой группы применялись два элемента: горизонтальные полосы и зигзаг. Обычно оба эти мотива одновременно использовались при росписи амфор и ойнохой: полоса зигзагов наносилась на горле или на плечах сосуда, а горизонтальными полосами украшались поверхность тулова, венчик и горло.

[9] М. М. Худяк. Ук. соч., табл. 39; В. М. Скуднова. Местная расписная керамика Нимфея VI в. до н. э. КСИА, 7, 1957,. стр. 73.

[10] Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, 25, 1952, стр. 227—229, рис. 1, *4—8*.

[11] И. Т. Кругликова. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. МИА, 85, 1958, стр. 240, рис. 15, *2*.

Как видим, эта система росписи совпадает с росписью ионийской керамики [12], изготовлявшейся во многих центрах Восточного Средиземноморья и проникавшей на берега Северного Причерноморья.

Ко второй группе относятся сосуды, сплошь окрашенные матовой красной краской несколько буроватого, а в отдельных случаях кирпичного

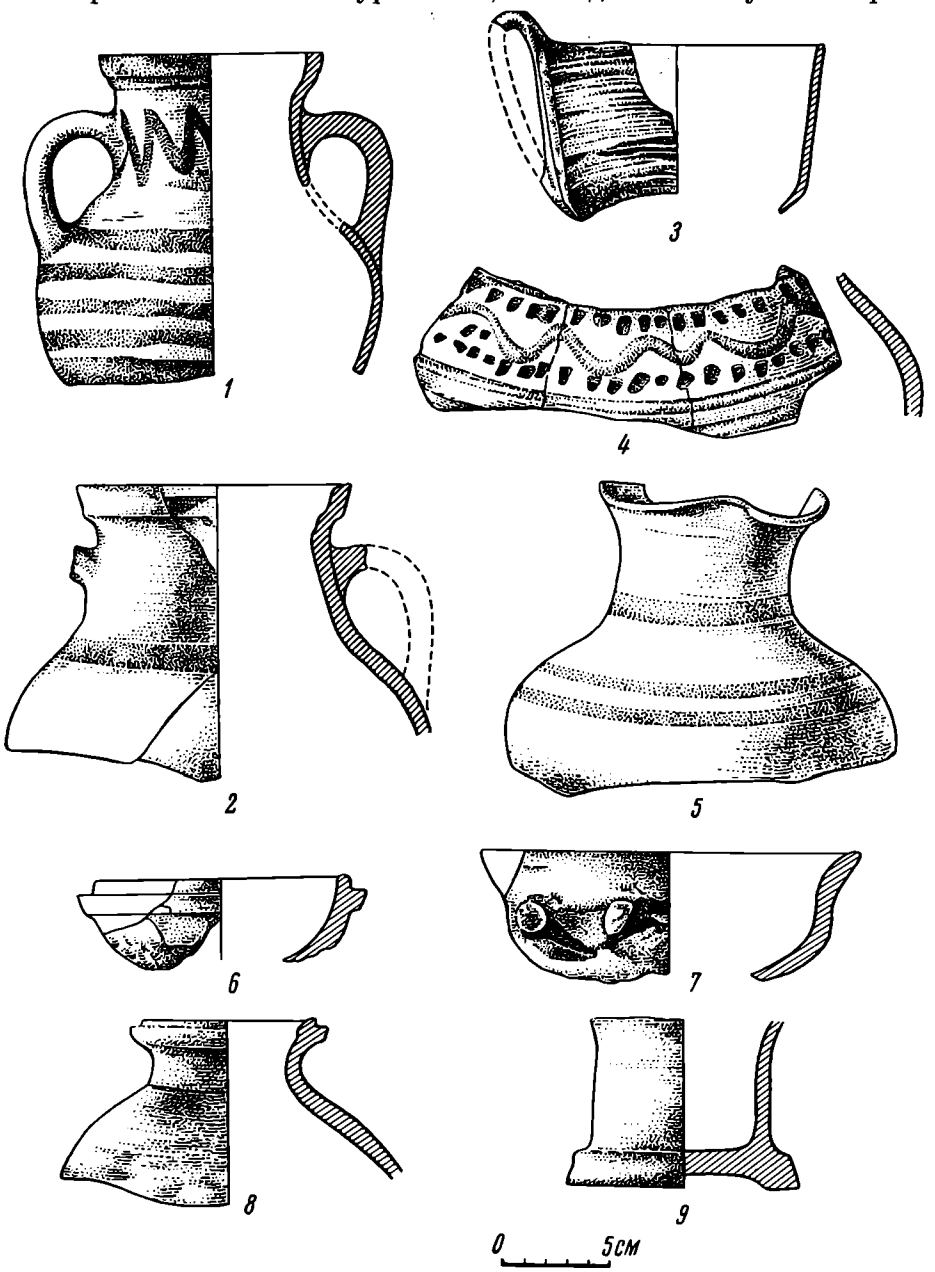


Рис. 3. Сосуды первой группы:
1—2 — амфоры; *3* — верхняя часть канфара; *4* — плечо расписного диноса; *5* — ойнохоя.
Сосуды второй группы:
6 — верх пиксиды; *7* — двуручная чаша; *8—9* — верхняя и нижняя часть псиктра

цвета. В эту группу входят небольшие амфоры с низким цилиндрическим горлом, округлым туловом и небольшими ручками, блюда низкие с прямым краем, двуручные миски, кувшины и сосуды типа псиктра, у которых над нижней стаканоподобной частью имеется округлое тулово, заканчи-

[12] Н. А. Сидорова. Архаическая керамика из Пантикапея. МИА, 103, стр. 142—144.

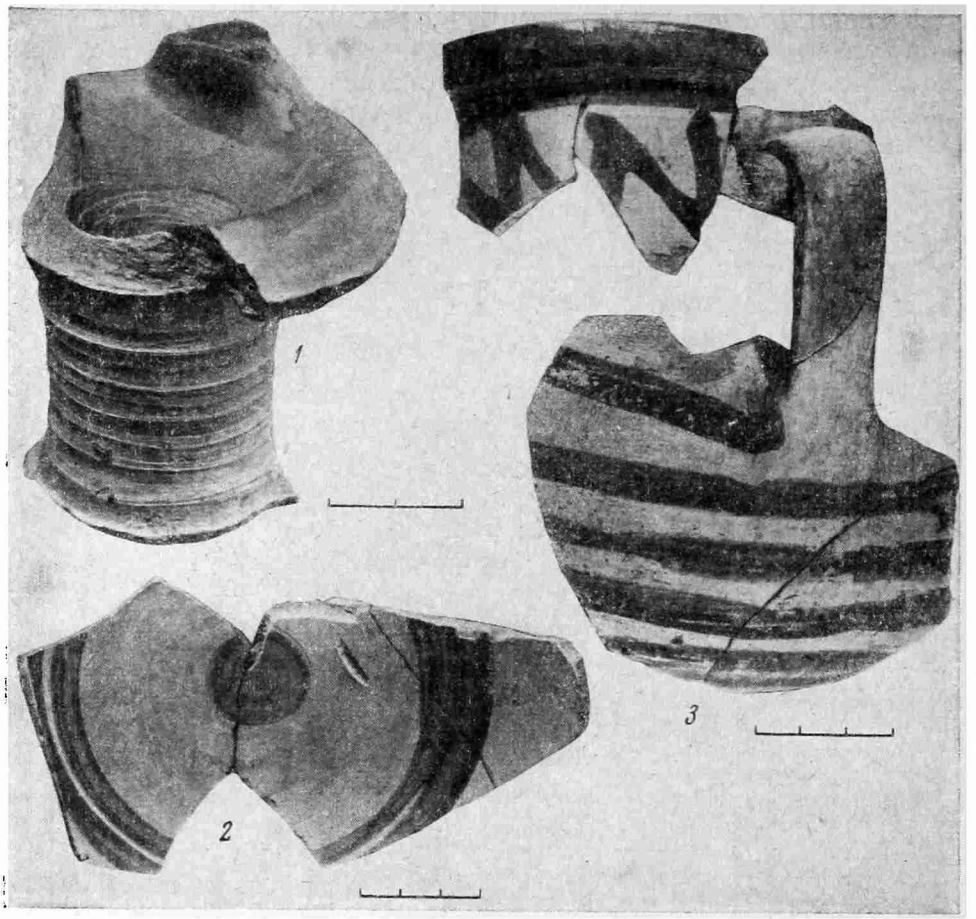


Рис. 4. Фрагменты сосудов из мастерской

1 — кольцевидного аска; *2* — чаши с росписью на внутренней стороне; *3* — расписной амфоры

вающееся низким отогнутым венчиком. Характер красной краски, применявшейся для росписи сосудов этой группы, в отдельных случаях напоминает красный лак плохого качества: он довольно жидок, накладывается полосами, лежит неровно; в тех местах, где он положен густым слоем, поверхность его блестит, как бы покрытая лаком или облицовкой. В большинстве случаев эта краска образует матовую поверхность непрочного качества. В Центральной научно-исследовательской лаборатории Министерства культуры СССР по реставрации и консервации музейных ценностей был проведен спектральный анализ красок, взятых с поверхности различных изделий из архаической гончарной мастерской [13]. Анализ показал почти полную однородность состава красок, применявшихся для покрытия сосудов обеих групп и найденных здесь же терракот.

Следует отметить, что пантикапейская расписная керамика первой группы была несколько грубоватым подражанием ионийской керамике, с орнаментом в виде полос. Об этом говорят многочисленные небрежности в росписи, случаи, когда полоса наносилась неровно, заходила на основание ручек или не соединялась в виде линии, опоясывающей сосуд (рис. 4, *3*).

Сосуды второй группы, окрашенные матовой красной краской, тоже не являлись оригинальным видом архаической керамики, поскольку

[13] Приношу благодарность ст. научному сотруднику лаборатории Т. И. Берлин, выполнившей эту работу.

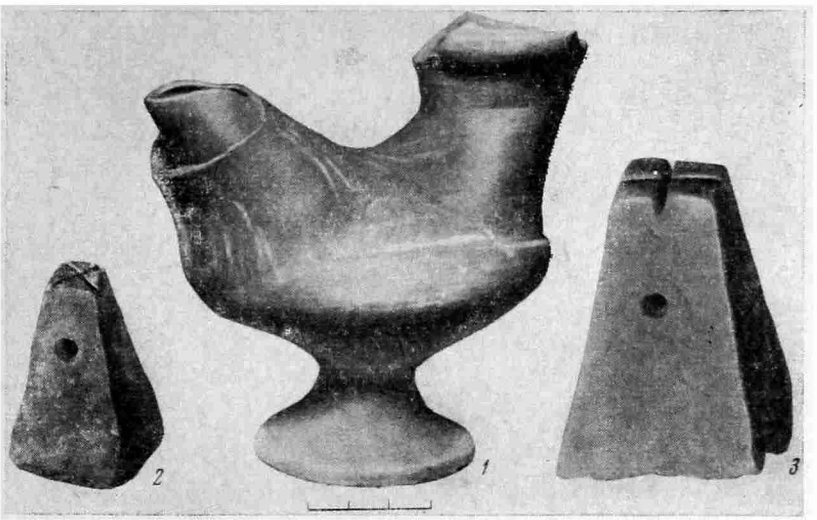


Рис. 5.

1 — фигурный сосуд в виде петушка с росписью; *2—3* — пирамидальные грузила

в Нимфее обнаружены сосуды, покрытые такой же красноватой краской. Мы полагаем, что в данной мастерской делали фигурные сосуды. Об этом позволяет судить фигурный сосудик в виде петушка высотой 12 *см*, найденный в 1958 г. в архаическом доме. Он сделан из местной глины, такой же как сосуды из нашей мастерской, покрыт густой матовой красной краской, поверх которой беловато-кремовой краской на шее, на спине, хвосте и крыльях нанесены линии, изображающие перья (рис. 5, *1*). В связи с открытием данной мастерской, где в орнаментации сосудов обеих групп использовалась такая же краска, вопрос о самосском происхождении этого сосуда должен быть пересмотрен [14].

Вместе с керамикой при раскопках мастерской обнаружены 12 четырехгранных пирамидальных грузил, сильно растрескавшихся при обжиге. Они встречаются двух размеров, на больших грузилах сверху нарезан прямой крест, а на меньших — косой. Глина грузил — светлая желтоватого цвета, хорошо отмученная и напоминает глину коринфских сосудов. По-видимому, ее тесто было приготовлено по иному рецепту, чем тесто для сосудов. При обжиге массивные грузила полопались на куски.

Остановимся на характеристике глины сосудов. Бросается в глаза общее сходство ее с глиной рядовых пантикапейских сосудов, простых кувшинов и мисок. В ней же примеси известковых включений, образующих белые точки в изломе черепка, песчанистость теста, плотность и, как правило, красновато-оранжевый цвет. Вместе с тем улавливается разнообразие оттенков цвета и состава примесей глины у различных групп изделий. Подобная неоднородность глины известна и у нимфейской расписной керамики. У сосудов первой группы — амфор, кувшинов и кольцевидных асков — глина имеет красновато-оранжевый и розовый цвет и обладает всеми примесями, характерными для боспорских глин. У других изделий — мисок, киликов и лекан — цвет глины несколько более светлый, имеет больше блесток и она лучше отмучена. С первого взгляда ее можно отнести к глине ионийских центров. Характерно, что у открытых сосудов часто встречается применение лощения поверх полос красной краски и белой обмазки. Несколько более темные оттенки коричневатого цвета имеет глина сосудов, покрытых матовой красной краской. Но и среди них отдельные экземпляры не отличаются по глине от сосудов первой группы. Обломки бракованных изделий имеют зеленовато-серый цвет, в изломе

[14] Н. А. Сидорова. Ук. соч., стр. 147.

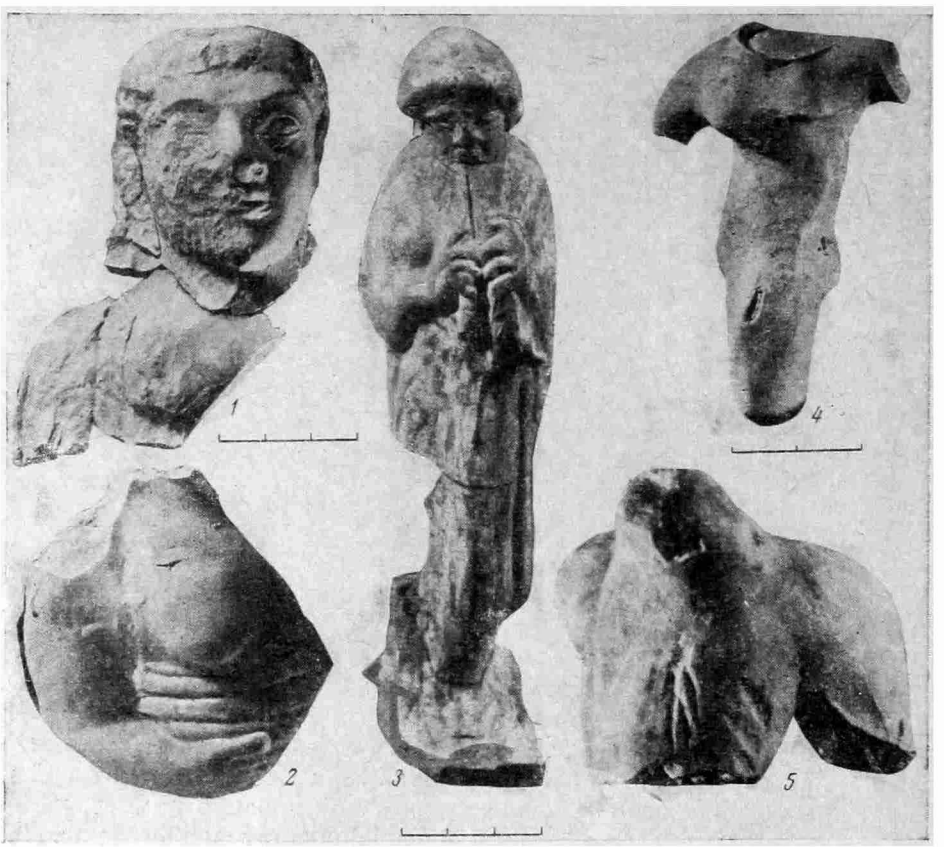


Рис. 6. Терракоты

1—2 — обломки статуэток демона плодородия; *3* — флейтистка; *4* — сидящая богиня; *5* — голубок

черепка довольно редко встречается прослойка сероватого цвета — признак недостаточного обжига. Куски брака имеют неправильные сгибы и вмятины, трещины проходят по перегибу, пятна и потеки краски имеются на стенках бракованных сосудов.

Вместе с этими обломками брака найден небольшой предмет из мрамора, напоминающий согнутый палец (рис. 1, *2*). По-видимому, это была растиралка или гладилка для подправки поверхности сосудов. Такие орудия неоднократно были обнаружены возле остатков гончарных печей [15].

Одновременно с керамикой в этом и на соседнем участке обнаружены несколько фрагментов терракотовых статуэток. Среди них два обломка статуэтки демона плодородия, фигурки флейтистки, сидящей богини и головка от статуэтки лошади. Мы полагаем, что эти терракоты были также изготовлены в данной мастерской. Об этом в первую очередь говорит их глина, серая в изломе и красновато-розовая на поверхности, очень близкая глине расписных сосудов (рис. 6, *1—5*).

Наибольший интерес вызывают обломки двух статуэток демонов, сделанные в одной и той же форме. От одной сохранилась голова и верхняя часть торса, от другой — только верхняя часть торса с правой рукой. Они передают тип так называемого толстого демона, своеобразного божества плодородия, изображения которого встречаются в могилах Самоса [16], Ро-

---

[15] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, 80, М.— Л., 1934, стр. 47, рис. 16.

[16] J. Böhlau. Aus ionischen und italischen Nekropolen. Leipzig, 1898, табл. XII, *4*.

доса [17], Беотии и Березани [18]. Черты лица демона исполнены в стиле архаических терракот Самоса: косо поставленные глаза, с поднятым наружным углом и рельефным ободком век, с хорошо моделированным широким лбом, переходящим в короткий, несколько тупой нос. Волосы обрамляют низкий лоб нерасчлененной массой и спускаются на плечи. В этой терракоте поверхность не подправлена стекой, что, по словам исследователей [19], позволяет отнести ее к местным изделиям.

Второй обломок подобной статуэтки отличается признаками, характерными для самосских изделий: это видно в передаче несколько оплывшей груди, в изображении короткой полной руки с крупными пальцами. Под грудью проведена полоса красной краской, ею как бы отмечен пояс или жгут одежды, в который переосмыслили позже ставшие непонятными складки кожи демона. Анализ этой краски показал совпадение ее с составом краски, покрывающей сосуды.

Статуэтка флейтистки сделана довольно обобщенно, формы как бы слиты в одну массу с покрывающей их одеждой (рис. 6, *3*). Руки не выделены и скрыты под длиннорукавным ионийским хитоном, волосы на голове изображены единой массой, как бы шапочкой, нависающей над лицом. Черты лица крупные, неправильные, не подправлены стекой; такими же крупными сделаны пальцы, сжимающие двуствольную флейту. Статуэтка покрыта белой обмазкой, поверх которой внизу нанесена роспись красной краской в виде полосы и точек, очень близкая по тону и по фактуре к краске на керамике. В пропорциях фигурки и в ряде ее особенностей также улавливаются черты, свойственные самосскому искусству [20]. Признаки архаического самосского стиля видим мы у головки от статуэтки лошади, у которой грива трактована в виде невысокого валика. Таким приемом изображена грива на небольшой бронзовой статуэтке лошади, хранящейся в Нью-Йоркском музее искусств [21], относящейся к концу VI — началу V в. до н. э.

Вероятно, к изделиям этой же мастерской относятся другие статуэтки, найденные в прошлые годы на этом участке. Они близки по стилю к самосским произведениям. Это мужская головка, опубликованная М. М. Кобылиной [22], и маленькая фигурка голубя с раскрытыми крыльями, у которого на крыльях и вокруг шеи сохранились следы матовой красной краски.

К этой же группе местных терракот мы относим найденную здесь в 1961 г. фрагментированную статуэтку сидящей женщины, по-видимому, богини, изображенной с нерасчлененными ногами. Низ фигурки заканчивается выступом, как и у статуэтки сидящей богини, обнаруженной недавно в некрополе Каллитеи [23] (рис. 6, *5*).

Глина терракотовых статуэток в изломе почти не отличается от глины сосудов, по цвету она несколько более серого оттенка и менее плотная. В тесте и особенно на поверхности много блесток, есть незначительные известковые включения. Отсутствие форм, в которых были изготовлены найденные в Пантикапее архаические терракоты, не является основанием, чтобы поколебать наше предположение о местном происхождении статуэток. Нам представляется, что формы были привезены ремесленниками,

---

[17] H. Walters. Catalogue of the Terracotas in the Department of Greek and Roman Antiquities British Museum. London, 1903, табл. XVIII, стр. 119.

[18] И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, 1, 1951, табл. 1, *19*.

[19] М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 35, 41.

[20] E. Buschor. Altsamische Standbilder, III, Berlin, 1934, рис. 147—149.

[21] Brunn-Brunkmann. Denkmäler griechischer und römischer Sculptur. München, 1932, табл. 726.

[22] М. М. Кобылина. Ук. соч., табл. V.

[23] D. Callipolitis-Feytmans. Tombs de Callithea en Attique. BCH, 1963, LXXXVII, табл. XII, стр. 414, рис. 8.

выходцами из Малой Азии, или из других центров. Они использовали в новых местах свои старые технические приемы и навыки и применяли формы, в которых изготавливали привычные им терракотовые статуэтки. Подобный пример дает нам Нимфей, где найдено несколько самосских форм.

Стилистические особенности статуэток, принадлежащих к кругу самосских памятников конца VI — начала V в. до н. э., позволяют определить значение этого художественного направления в духовной жизни населения и подчеркивают значительную роль выходцев из Самоса в экономической жизни Пантикапея.

Значение открытой гончарной мастерской бесспорно, она расширяет наши представления о деятельности ремесленников Пантикапея, показывает техническую сторону производства и знакомит со стилистическими направлениями прикладного искусства и ремесла Пантикапея.

Н. А. ОНАЙКО

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ЗДАНИЕ РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА И ЕГО МЕСТО В АРХИТЕКТУРЕ БОСПОРА

Раевское городище, расположенное у станицы Раевской Анапского района Краснодарского края, было открыто еще в конце XIX столетия русским археологом В. И. Сизовым во время его археологической экскурсии по восточному побережью Черного моря [1]. Тогда В. И. Сизову посчастливилось увидеть остатки оборонительной стены городища, находящегося на довольно высоком плато, северная и восточная границы которого имеют крутые обрывы к речке Маскаге. Со временем эта стена была хищнически разобрана, в настоящее время над ее руинами, вокруг городища, растут деревья. Возвышаясь над валообразной насыпью, образовавшейся в результате выборки стены и сооружения по ее периметру траншей во время Отечественной войны, деревья образуют защитную полосу старой крепости, названной черкесами «Ногай-Кале».

После первых небольших раскопок, произведенных В. И. Сизовым, городище долгое время не привлекало внимания исследователей. В 1954 г. ИИМК АН СССР совместно с Новороссийским историко-краеведческим музеем начал систематические раскопки этого городища, которые дали общее представление о времени существования и характере поселения, возникшего на территории древней Синдики [2]. Начало интенсивной жизни на Раевском поселении следует относить к рубежу IV—III вв. до н. э. С тех пор оно существовало много веков. Самые поздние находки, обнаруженные здесь, датируются XIII—XIV вв.

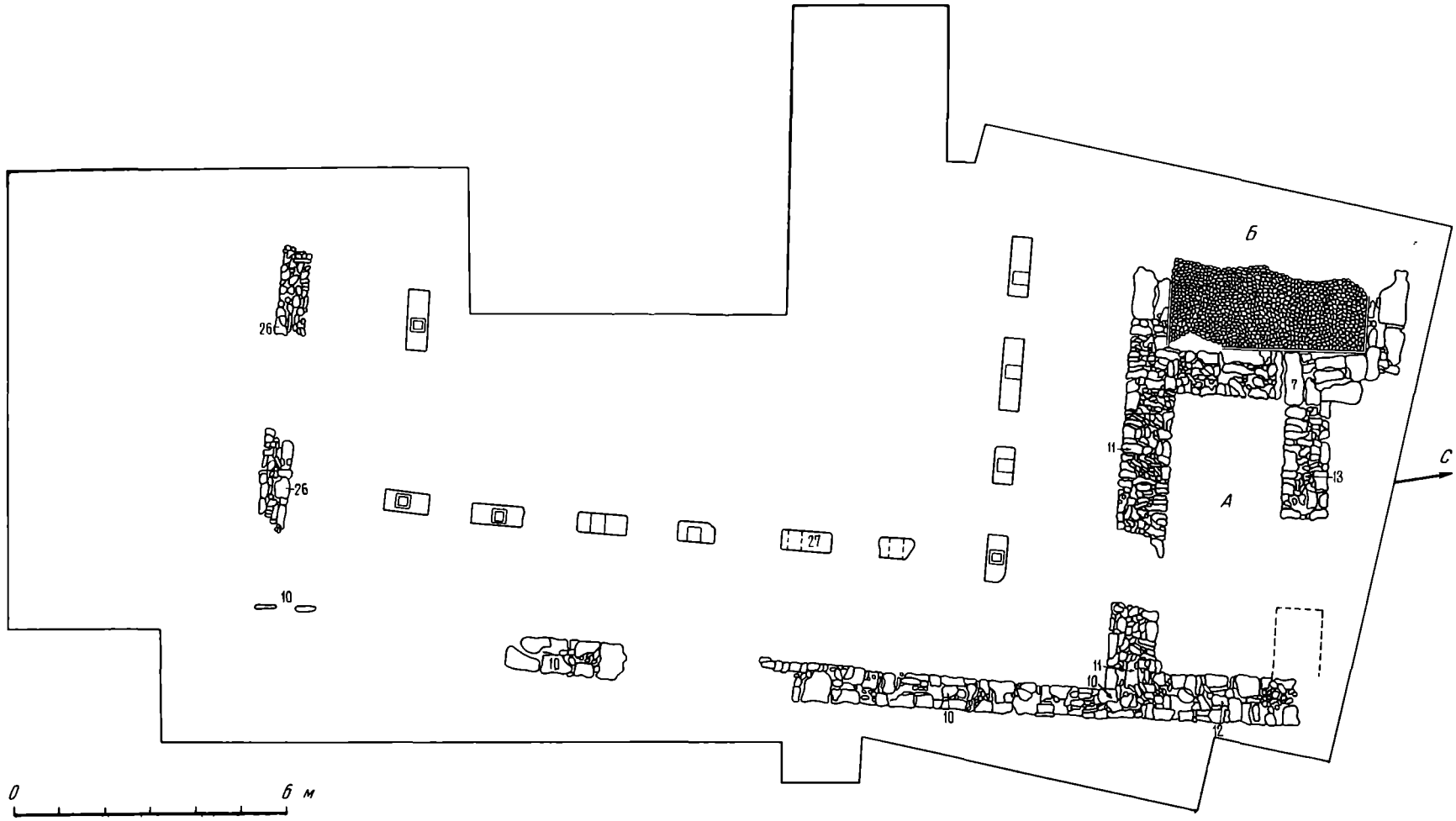
Одним из значительных периодов жизни на Раевском поселении был эллинистический. К этому времени относятся остатки монументального каменного здания, а также сравнительно многочисленный синхронный ему вещественный материал. Здание обнаружено в раскопе, заложенном по северному краю западной стороны валообразной насыпи, в которой, в отличие от внутренней постоянно распахиваемой территории городища, сравнительно хорошо сохранились строительные остатки различных периодов существования поселения.

Эллинистическое здание относится к ранней архитектуре, открытой на данном участке городища. Над ним залегали остатки кладок оборонительной стены, сооруженной, по-видимому, на рубеже нашей эры. Здание представлено двумя помещениями А и Б и перистильным двориком, занимающими площадь свыше 400 $м^2$ (рис. 1). Сохранность дворика неодинаковая. В удовлетворительном состоянии дошла до нас северная часть здания; его стены достигают здесь 1,6 *м* высоты. Значительно хуже, и к тому же

---

[1] В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК, II, М., 1889, стр. 111 сл.

[2] В. Д. Блаватский. Исследования Раевского городища в 1954 году. КСИИМК, 77, 1959, стр. 42; Н. А. Онайко. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 годах. Там же, стр. 51; е е ж е. Средневековые сосуды из Раевского городища. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 190; е е ж е. О раскопках Раевского городища. КСИА. АН СССР, 103, 1965, стр. 125.



Б
А
С
26
26
27
10
10
10
10
11
11
7
13
12
0
6 м

неполностью, представлена южная часть открытой архитектуры — перистильный дворик, его каменные стены сохранились в высоту лишь на один — три ряда кладок. Выборка камней из стен, а также уничтожение архитектурных деталей здания осуществлялись как в древности, так и в новое время. Западный край здания вообще был срезан, как мы предполагаем, земляными работами во время постройки оборонительной стены. Средняя часть южной стены перистильного дворика, как и второй, от юго-восточного его угла, блок, пострадали во время выборки крепостной стены [3].

Здание довольно точно ориентировано по сторонам света. Северная его часть поставлена непосредственно на материковую скалу, южная — в основном на материковую глину. При закладке стен скала подтесывалась, а иногда и вырубалась. В последнем случае первый ряд камней впускался в материк приблизительно на 0,1—0,25 *м*. Стены из средних и малых камней (песчаник, мергель, иногда известняк) сложены на глинистом растворе. Толщина раствора нередко достигает 0,1 *м*. Можно отметить также неодинаковую высоту отдельных рядов кладок, в них часто встречался мелкий камень, использованный главным образом для забутовки внутренней части стен. Нижние ряды кладок, особенно по углам помещений А и Б, составлены из крупных блоков, достигавших в длину до 1,8 *м*. Размеры некоторых блоков настолько значительны, что занимают всю толщину стены. Для кладок применялся рваный и грубо отесанный камень. В восточной стене помещения А обнаружен небольшой рустованный квадр из известняка.

Помещение А дошло до нас почти полностью; совершенно разрушенной оказалась восточная половина северной его стены, где зафиксирован мощный завал крупных блоков; это помещение прямоугольной формы имеет площадь в 21 $м^2$ [4].

В юго-восточном углу помещения обнаружен завал черепицы (обломки соленов и калиптеров). Многие солены имеют клейма — ΕΥΜΗΛΟΥ. Встречались четырехгранные гвозди (длиною 0,18 *м*), согнутые посередине под прямым углом, а также единичные обломки белой штукатурки и около 40 галек. У южной стены помещения отмечены следы разрушенного очага (обломки обмазки, мелкие камни, кусочки угля). В нем обнаружены венчики простой миски и кастрюли, а также витая горизонтальная ручка с красной обмазкой, которые могут быть датированы позднеэллинистическим временем. Кусочки древесного угля встречались и в других частях помещения А. На внешней стороне его южной стены обнаружены остатки белой однослойной штукатурки с шероховатой поверхностью, нанесенной на глинистый раствор; она содержит большое количество мелкого гравия и детрита ракушек [5]. Штукатурка начиналась на высоте первого ряда кладки (рис. 2). В этом помещении было, очевидно, четыре входа. В северной и южной стенах проемы сравнительно широкие (около 2 *м*); они расположены друг против друга (рис. 2, *1*, *2*). Блок, выступавший из первого ряда южной стены в сторону прохода, представляет собой, по-видимому, остатки порога высотою до 0,3 *м*. Проход в восточной стене у юго-восточного угла помещения имел ширину около 1 *м*, в нем сохранился порог высотой до 0,4 *м*. Четвертый проход прежде находился в западной стене и был расположен симметрично проему в восточной стене, соединяя помещение А с комнатой Б, но впоследствии он был заложен.

Помещение Б, примыкавшее к помещению А с запада, сохранилось неполностью. На трех его стенах, сложенных вперелет со стенами помещения А, обнаружена полихромная фресковая роспись (рис. 2, *3*) [6]. Высота штукатурки в некоторых местах больше, чем высота дошедших до нас

---

[3] Н. А. Онайко. О раскопках Раевского городища, стр. 129.

[4] Его стены (7, 11, 12, 13) сохранились в высоту от 0,2 до 1,6 *м*. Толщина стен — 1,2 *м*.

[5] Толщина штукатурки — до 0,008 *м*.

[6] Высота стен от 0,3 до 0,8 *м*, ширина — 0,9 *м*.

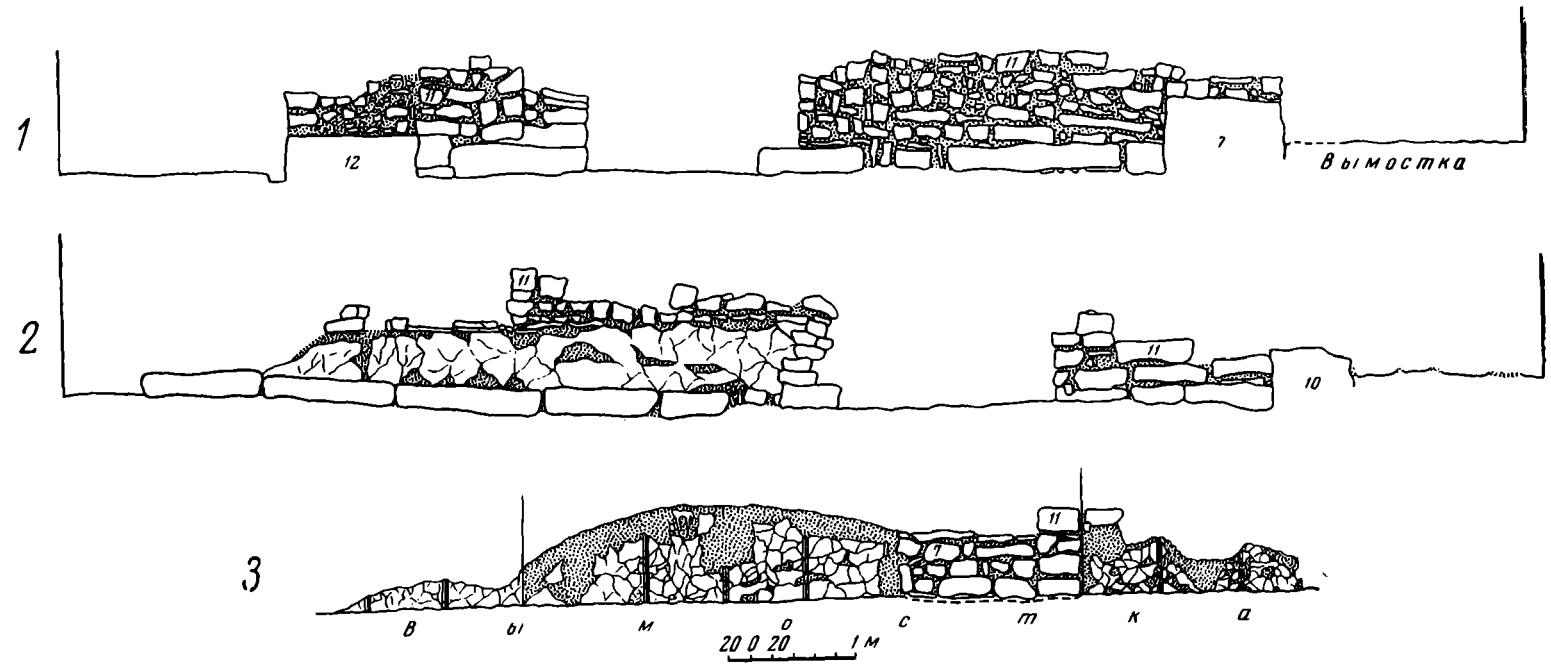


Рис. 2.

1 — северный фас стены 11; *2* — южный фас стены 11; *3* — внутренние стены помещения Б (разворот)

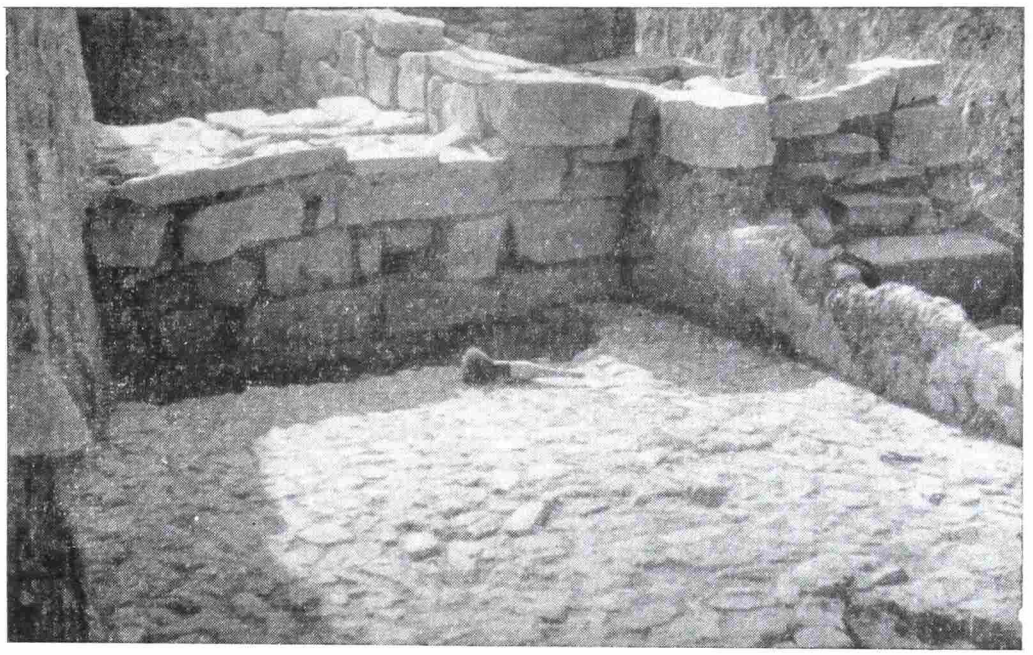


Рис. 3. Юго-восточный угол помещения Б

стен. Она сохранилась в грунте после того, как был выбран камень из стен. На восточной стене штукатурка выступала почти на 0,6 *м* выше уцелевшей кладки. Роспись стен состоит из вертикальных чередующихся полос, причем каждая включает три узкие линии, нанесенные красной краской с помощью веревочки по белому фону штукатурки. Тройные линии[7] расположены друг от друга на расстоянии около 0,7 *м*. Штукатурка двуслойная[8]. Первый слой довольно грубый[9], он содержит большое количество мелкого гравия и детрита ракушек. Второй, рабочий, слой наполовину тоньше первого. Это твердая однообразная масса с гладко заглаженной поверхностью. Штукатурка нанесена поверх глинистой обмазки, служившей связующим раствором между нею и каменными кладками стен. Среди обломков штукатурки, поднятых на половину помещения Б, имеются фрагменты с такими же красными линиями, как и на сохранившейся здесь in situ штукатурке, но расположенными по-иному. Их можно разделить на два вида: а) обломки, расписанные двумя параллельными линиями на расстоянии 0,016—0,020 *м* друг от друга, б) обломки, расписанные сдвоенной и одинарной параллельными линиями, расположенными на 0,014—0,018 *м* друг от друга. Здесь же встречались единичные фрагменты штукатурки, покрытые сплошной красной краской, и фрагменты со следами красной краски, напоминающими брызги. Найдена часть гипсового рельефа — пальметы, а также большое количество обломков черепицы. Встречались кусочки древесного угля.

Пол этого помещения был вымощен мелким ракушечником[10]. В юго-восточном углу помещения вымостка повреждена (рис. 3); она расположена выше подошвы стен на 0,25 *м*, т. е. на высоту одного ряда кладки. Если учесть, что первый ряд камней в стенах помещения А тоже служил фундаментом, то полы обоих помещений могли находиться на одном уровне.

---

[7] Шириною около 0,05 *м*.
[8] Толщина — до 0,014 *м*.
[9] Толщина — 0,005—0,007 *м*.
[10] Сохранился на площади 5,2 × 2,2 *м*.

От перистильного дворика частично сохранились северная, восточная и южная стены (10, 11, 26), а также блоки стилобата портика [11]. Северной стеною дворика служили южные стены помещений А и Б. Восточная его стена дошла до нас в двух разрозненных кладках (рис. 1). Первая является непосредственным продолжением восточной стены помещения А. Вторая часть этой стены выявлена на расстоянии 3,40 *м* к югу от первой, от нее сохранились только первые ряды камней кладки, составленные из крупных блоков [12]. К югу от этой кладки, на том месте, где восточная стена составляла с южной стеною дворика угол, лежали только отдельные камни. Южная стена дворика тоже сохранилась в двух кладках. Первая расположена к западу на расстоянии 2 *м* от упомянутых остатков камней; вторая кладка находится в 2,5 *м* к западу от первой [13].

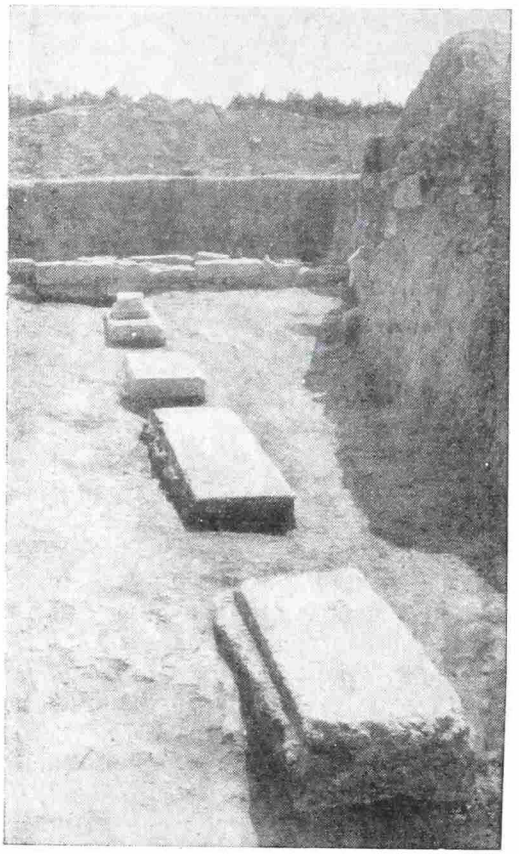


Рис. 4. Блоки северного стилобата и стена 10

Стилобат портика составлен из отдельных каменных блоков, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Северная сторона стилобата сохранилась неполностью; здесь обнаружено четыре блока, лежавших в одном направлении (рис. 4). На блоке северо-восточного угла стилобата in situ стояла база столба. От восточной стороны стилобата сохранились полностью шесть блоков (рис. 5), на двух из них тоже остались базы столбов. От южной стороны стилобата до нас дошел только один блок с базой, второй от юго-восточного угла портика (рис. 6).

Сохранность всех блоков стилобата и баз довольно хорошая, хотя у многих из них имеются небольшие сколы по углам и на верхней поверхности камней [14]. Три блока имеют по одному срезанному углу. На некоторых блоках, с западной и восточной их сторон, сохранилась рустовка, а со стороны, обращенной к портику, имеется подрубка. Особенно хорошо это прослеживается на блоках северного стилобата. Подрубка здесь доведена до глубины 0,06 *м* от верхнего горизонта камней. Она может указывать на уровень подошвы несохранившегося пола портика. В таком случае последний мог соответствовать уровню полов в помещениях А и Б.

[11] Полностью сохранившийся восточный портик дворика дает следующие размеры: длина галереи — 21,5 *м*, ширина галереи — 2,8 *м*, длина стилобата — 16,25 *м*. Длина восточной стороны дворика равна 14,75 *м*. Галерея северного портика сохранилась в длину на 11,5 *м*; длина его стилобата — на 9 *м*. Ширина галереи этого портика — 2,6 *м*. Галерея южного портика известна в длину лишь на 8,5 *м*, стилобата — на 5,9 *м*. Ширина галереи этого портика — 2,5 *м*.

[12] Высота первой кладки — до 0,8 *м*, ширина — 0,8—1 *м*; высота второй кладки — 0,2 *м*, ширина — 0,8—0,95 *м*.

[13] Высота первой кладки — 0,75 *м*, ширина — 0,7 *м*; высота второй кладки — 1,2 *м*, ширина — 0,7 *м*.

[14] Форма блоков 27 — вытянутый прямоугольник; их размеры — от 1 × 0,5 × 0,25 до 1,9 × 0,55 × 0,25 *м*.

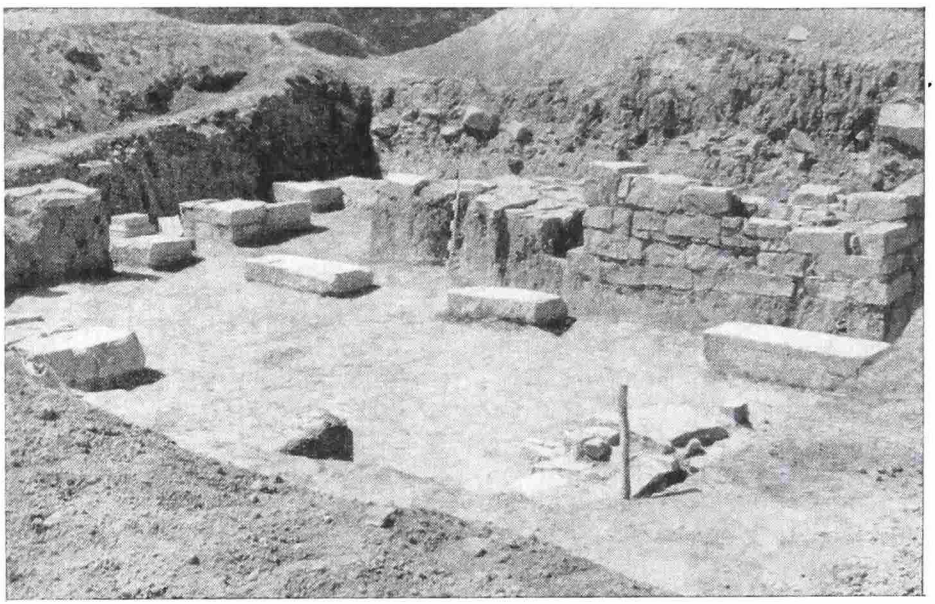


Рис. 5. На переднем плане — кладки стены 10, в центре — часть блоков восточного стилобата, за ними — строительные остатки более позднего периода

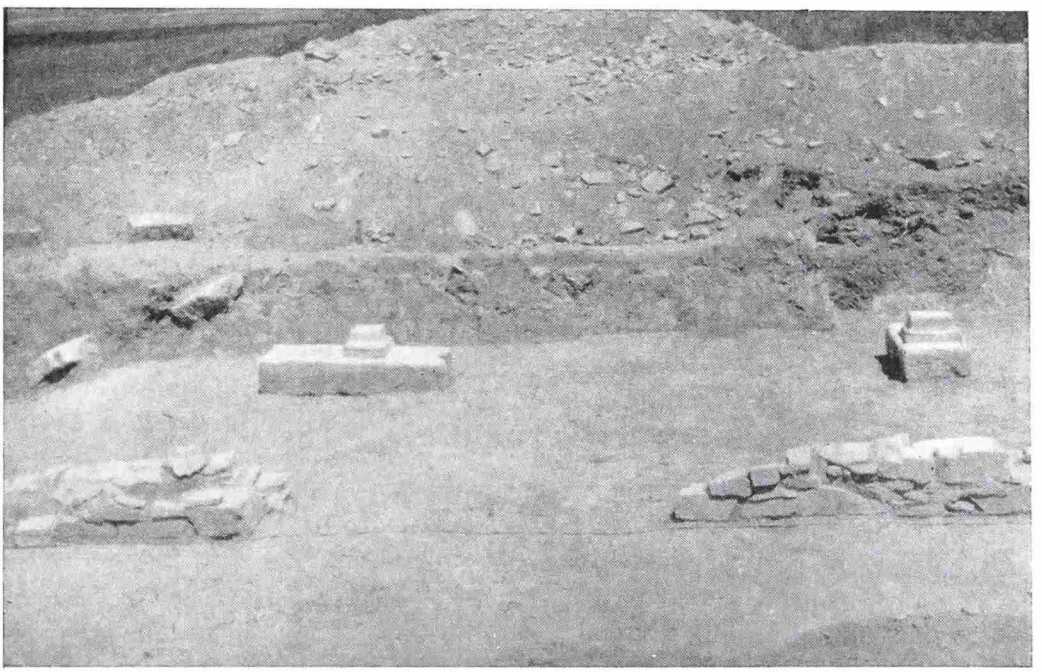


Рис. 6. Кладки стены 26 и блоки юго-восточного угла стилобата

Все блоки обработаны широколезвийными теслами — простой и крупной скарпелью. Следы инструментов особенно хорошо прослеживаются на верхней плоскости блоков там, где стояли базы столбов. Такие четко очерченные площадки (0,50 × 0,37 *м*) имеются почти на всех блоках. Наиболее аккуратно они оформлены на блоках северного стилобата, судя по ним, можно сказать, что базы столбов ставились на расстоянии 0,05 *м* от краев стилобата, обращенных в сторону дворика. Верхние и нижние основания баз имеют прямоугольную форму [15], профиль их несложен.

Промежутки между базами столбов в пределах различных сторон стилобата примерно одинаковые. Так, на северной стороне стилобата базы стояли на расстоянии 2 *м* друг от друга, на восточной — 2,1 *м*. Если учесть утраченный первый блок в южной стороне стилобата, то расстояние между поставленными на них базами столбов будет равно 1,9 *м*. В соответствии с этими данными и ширина просветов между столбами всех портиков была различной. Наиболее узкими они были в южном портике. Пол дворика и пол портика находились, по-видимому, на разных уровнях. Первый мог соответствовать толщине блоков стилобата или, во всяком случае, судя по имеющимся со стороны дворика заметкам на камнях, был на 0,06 *м* глубже пола портика.

Культурный слой на месте перистильного дворика неоднороден. В нем зафиксированы слои, образовавшиеся от засыпки канав различного происхождения. В результате в слой эллинистического времени попали предметы, относящиеся к более позднему периоду. Они встречались главным образом на квадратах, расположенных по линии оборонительной стены и за ее пределами, т. е. там, где проводились земляные работы при сооружении последней. Остальной материал не выходит за рамки II в. до н. э. Здесь найдено много строительного камня, обломков архитектурных деталей, черепицы (в том числе с клеймом ΕΥΜΗΛΟΥ) и штукатурки. Встречались гвозди. Среди архитектурных деталей наиболее выразительны часть невысокой (0,125 *м*) капители от прямоугольного столба, обломок карниза, а также небольшие облицовочные плиты из песчаника [16]. Обломок профилированного карниза имеет округлую форму, один конец которой сходит на нет [17].

На площади раскопа, где был вскрыт перистильный дворик, обнаружено значительное количество мелких обломков расписной штукатурки, больше всего их найдено в северной части дворика. Штукатурка двуслойная [18]. В отличие от штукатурки из помещения А и Б, первый слой этой штукатурки содержит почти один гравий, к тому же здесь он более крупных размеров. Штукатурка перистильного дворика имеет следующие расцветки: сплошная белая и сплошная красная, белая с красным пятном неопределенной формы, серовато-красная, серовато-голубая, темно-синяя со следами желтых или красных разводов по ней. Встречались обломки красной и темно-синей штукатурки с профилированными краями. Края такой штукатурки красного цвета обведены серовато-голубой краской. В северном и восточном портиках, на уровне предполагаемых их полов, встречалась галька. В перистильном дворике (как и в помещениях А и Б) найдены куски древесного угля, а также обгоревшие кости животных.

Вещественный материал, обнаруженный во всех помещениях здания, не очень обилен, но довольно разнообразен. Самыми ранними находками, кроме уже упомянутой черепицы с клеймами, являются единичные и очень мелкие фрагменты аттических краснофигурных и простых чернолаковых ваз IV—III вв. до н. э. (рис. 7, *1, 2*). Среди них преобладают обломки каннелированных канфаров. Следует отметить также единичные фрагменты

---

[15] Их размеры: 0,415 × 345, 0,31 × 0,245 *м*; высота баз — 0,2 *м*.

[16] Размер — 0,20 × 0,12 × 0,025 *м*.

[17] Ширина верхнего его основания от 0,03 до 0,065 *м*. Нижний край карниза отбит; сохранившаяся его часть имеет ширину от 0,02 до 0,003 *м*.

[18] Толщина — до 0,011 *м*.

Рис. 7.

1, 2 — фрагменты краснофигурных сосудов; *3* — фрагмент чернолакового килика; *4* — фрагмент мегарской чаши; *5, 6* — клейменые ручки синопской и родосской амфор; *7* — сероглиняный канфар; *8* — фрагмент закрытого сосуда, покрытого бурой обмазкой и белой росписью; *9* — клеймо на горгиппийской черепице

посуды позднего черного лака (рис. 7, *3*), посуды, покрытой коричневым лаком (мисочки) и «мегарских» чаш, украшенных растительным орнаментом (рис. 7, *4*). Керамическая тара представлена амфорами, происходящими из различных центров эллинистического времени, среди которых заметно выделяются Синопа и Кос (рис. 7, *5*, *6*). Сравнительно многочисленную группу находок составляет тонкостенная керамика. В нее входят простая

красноглиняная и сероглиняная посуда разных форм. В первой преобладают кастрюли и миски, во второй — миски с различными вариантами профилей и канфары [19]. Последние отличаются вытянутым конусовидным туловом, посаженным на низкую ножку с несложным профилем. Полукруглые в сечении ручки, направленные от венчика сосуда вниз, имеют дугообразную форму. Поверхность таких канфаров, как и других форм сероглиняной посуды, тщательно сглажена (рис. 7, *7*). Миски нередко имеют настолько хорошее лощение, что его блестящие полосы напоминают черный лак. Почти вся простая керамика изготовлена из горгиппийской глины, содержащей большое количество мелких блесток и белых включений.

В керамической таре тоже имеются образцы амфор, которые можно отнести к горгиппийским. Аналогичную глину имеет столовая посуда (миски, кувшины), покрытая бурой обмазкой. Кувшины с такой обмазкой украшены росписью белой краской в виде горизонтальных полос и точек под ними, а иногда короткими вертикальными черточками (рис. 7, *8*). Миски с бурой обмазкой имеют массивные горизонтальные ручки (круглые, витые или овальные гладкие). Найдены также глиняные пирамидальные грузила и мелкие изделия из металла и кости.

За южной стеной дворика мы не обнаружили никаких архитектурных остатков, которые могли бы свидетельствовать о наличии помещений в этой части здания. Однако они здесь, по-видимому, были. Для доказательства нашего предположения можно отметить, что на расстоянии 4 *м* от южной стены дворика к югу имелись следы кладки, выбранной в древности. Кроме того, судя по ширине кладок южной стены дворика, последняя вряд ли могла быть внешней стеной здания; она у́же восточной стены и особенно стен северных помещений. Вещественный материал так же, как и характер всего культурного слоя, на месте предполагаемых помещений аналогичен материалам, полученным при вскрытии сохранившихся частей архитектуры.

Описанные строительные остатки принадлежали монументальному зданию, имевшему, по-видимому, симметричную планировку. Это предположение, помимо того, что уже говорилось относительно наличия в этом здании помещений к югу от дворика, подкрепляется и особенностями конструкции комнаты Б, северная стена которой длиннее на 1,75 *м* по сравнению с северной стеной помещения А. Подобное решение планировки северо-западного угла требовало, как нам кажется, симметрично выступающего угла и на противоположной стороне здания. Широкие стены и усиленные фундаменты помещений А и Б позволяют предположить, что зданпе в его северной части имело два этажа [20]. Южная сторона могла быть ниже северной. Это диктовалось системой регулирования температуры и освещения в помещениях. Стремление разумно использовать естественное тепло и свет отражено в размещении столбов перистиля. В северном, восточном и западном портиках, т. е. портиках, обращенных открытой стороной к восходу и заходу солнца, а также к югу, промежутки между столбами имеют большую ширину, чем промежутки между столбами в южном портике, открытая сторона которого выходит на север.

Несмотря на большую площадь (в общем около 700 $м^2$), которую могло занимать здание, оно производит впечатление четко спланированной парадной архитектуры. В нем нет подвалов, цистерн, колодцев и других хозяйственных и подсобных сооружений. Вещественный материал, сопровождавший строительные остатки, также не содержит предметов быта, указывающих на хранение в этом здании больших запасов продуктов [21] или сви-

---

[19] В. И. Сизов. Ук. соч., стр. 122, рис. 32; В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 45, рис. 17, *2*.

[20] Е. И. Леви и А. Н. Карасев. Дома античных городов Северного Причерноморья. АГСО, I, М.— Л., 1955, стр. 228.

[21] Подобно тому складу амфор, который был обнаружен В. И. Сизовым в каменных подвалах жилого комплекса Раевского городища. В. Сизов. Ук. соч., стр. 115.

детельствующих о производственной деятельности его обитателей. Судя по находкам, здесь держали главным образом столовую посуду (кувшины, миски, сосуды для питья), а также амфоры с вином.

Для постройки Раевского здания использованы различные сорта камня местного происхождения. В окрестностях этого городища имеются мощные выходы горных пород, пригодных для строительства. В кладках стен, а также среди блоков стилобата найдены камни и вторичного использования. Об этом свидетельствуют такие неоправданные детали на камнях, как рустовка, срезы и пр. Наиболее важные конструктивные и декоративные части архитектуры (стилобат, базы, капители и карнизы) изготовлены из местного крупнозернистого (желтоватого цвета) ракушечника, легко поддающегося обработке. Этим же камнем был вымощен и пол в помещении Б. Есть основания предполагать, что каменные полы имели также помещение А и портик перистиля, где были зафиксированы находки гальки.

Обнаруженные в здании железные гвозди и древесный уголь свидетельствуют об использовании дерева для балочных перекрытий, отделки дверных проемов и других деталей. Богато представленный на Северном Кавказе лес несомненно широко использовался в строительстве, что, по-видимому, и нашло отражение в письменных источниках[22]. Здание было покрыто клейменой черепицей (рис. 7, *9*). Солены с клеймом ЕΥΜΗΛΟΥ встречались при раскопках Горгиппии и ее некрополя (могила начала III в. до н. э.)[23], а также на территории Керчи[24]. Раевское городище дало наиболее богатую коллекцию подобной черепицы. Локализация района распространения этой черепицы[25], а также характер глины (крупнозернистая, песчаная с примесью очень мелких частиц слюды и известняка) подтверждают высказанное ранее предположение о горгиппийском ее производстве. По сравнению с уже известными соленами горгиппийской черепицы, на Раевском городище обнаружены солены больших размеров — 0,62 × 0,47 *м*. По шрифту клейм, найденных на этом городище, можно выделить два различных штемпеля. Однако палеография букв и тех и других указывает на одновременность их изготовления.

Хорошее качество каменных кладок, высокая техника исполнения архитектурных деталей, а также добротная крыша и каменные полы хорошо сочетались с полихромной росписью стен. К сожалению, она дошла до нас в плохом состоянии. Несмотря на частично сохранившуюся in situ штукатурку в помещении Б, здесь, и особенно для остальных помещений, очень трудно более или менее точно определить систему декора стен здания. Исходя из имеющихся у нас данных и принимая во внимание общие закономерности развития стенной живописи в античное время, можно только предположительно представить себе, какой она могла быть в этом здании. Начнем с помещения Б. Сохранившаяся нижняя часть штукатурки на трех стенах этого помещения представляет собой, по-видимому, цоколь, разделенный красными тройными линиями на равные прямоугольники — орфостаты. Найденные здесь фрагменты штукатурки сплошного красного цвета, возможно, покрывали, как это было принято, центральную плоскость стен. Декор верхних, как и нижних, частей стен также представлял собой линеарный рисунок. Судя по обломкам штукатурки, поднятым на полу этого помещения, рисунок его стен над цоколем был исполнен в подражание

[22] В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 гг. и 1952—1953 гг. МИА, 56, 1957, стр. 35. Анализ древесного угля, произведенный в лаборатории ИА Г. Н. Лисицыной, показал, что для этих целей использовались сосна и дуб.

[23] В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе. КСИА, XXXVII, 1951, стр. 246.

[24] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК. М.— Л., 104, 1935, стр. 272, рис. 75.

[25] В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе, стр. 246, рис. 79, *б*.

псевдоисодомной кладке [26]. Единичные фрагменты штукатурки с красными пятнами в виде брызг и неопределенной формы позволяют допустить, что одним из элементов росписи стен помещения Б была роспись, подражающая расцветке пестрого мрамора, но в то же время это могло быть и результатом неаккуратной накладки окрашенной веревочки на рабочий слой штукатурки. Средняя часть росписи стен обычно завершалась карнизом. К остаткам такого карниза, возможно, принадлежит найденный в этом помещении обломок гипсовой пальметты. Плиний говорит о том, что «Гипс находит применение в лепных работах; наиболее приятен он в статуях на зданиях и в карнизах» [27]. При отсутствии обломков штукатурки с орнаментальными мотивами, наиболее характерными для верхнего фриза стены, можно допустить, что в этом помещении фриз был оформлен очень скромно, в виде гладкой полосы, возможно, красного цвета.

Единичные обломки белой штукатурки из помещения А не позволяют нам судить о росписи его стен.

Правильное расположение и соотношение найденных в перистильном дворике обломков штукатурки также нелегко представить себе, хотя здесь их было довольно много. Среди этих обломков выделяются богатые расцветки штукатурки, которые предположительно можно распределить в следующем порядке. Обломки штукатурки белого цвета могли принадлежать цокольной части стен. К росписям центральной и верхней плоскостей стен относятся, по-видимому, обломки штукатурки сплошного красного и серовато-голубого цветов, а также с расцветками, имитирующими мрамор: темно-синего с едва заметными желтыми или красными прожилками. Встреченная в перистиле профилированная штукатурка (красная, голубая, синяя) свидетельствует о наличии квадровой системы в украшении стен просторного интерьера дворика. Квадры голубых и синих тонов располагались, по-видимому, в верхних частях стен, что создавало иллюзию открытого неба и в портиках дворика.

Планировка, техника и характер внутреннего убранства здания Раевского городища находят много общего в строительных приемах как городов Северного Причерноморья, так и городов Средиземноморья эллинистической эпохи. Перистильный дворик в архитектуре этого времени является составным элементом общественных и жилых домов [28]. Для этой эпохи характерно также симметричное решение перистилей, что, нужно думать, было присуще и зданию Раевского городища.

Кладки на скалистых грунтах, предусматривающие нивелировку скалы, хорошо известны в строительной технике Делоса, Приен, а также Херсонеса и Пантикапея [29]. Для многих из этих же центров характерны дома с каменными стенами на глинистом растворе [30]. Эллинистическая манера кладки стен Раевского здания проявилась в различной высоте ее рядов. Одним из широко распространенных в античном зодчестве видов строительного материала как для конструктивных, так и отделочных деталей зданий было дерево, скреплявшееся гвоздями [31].

---

[26] АДЖ, стр. 83.

[27] Плиний, XXXVI, 29, 59.

[28] Delos, Exploration archéologique de Délos fait par l'Ecole française d'Athenes..., II, Paris, 1909; Th. Wiegand und H. Schrader. Priene. Berlin, 1904; Е. И. Леви и А. Н. Карасев. Дома античных городов Северного Причерноморья.

[29] Сб.: «Эллинистическая техника». М.— Л., 1948, стр. 165; В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея..., стр. 39; Г. Д. Белов. Эллинистический квартал в Херсонесе. ВДИ, 1956, 3, стр. 142.

[30] «Эллинистическая техника», стр. 43.

[31] «Эллинистическая техника», стр. 34; Е. И. Леви и А. Н. Карасев. Дома античных городов Северного Причерноморья, стр. 238; В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея..., стр. 35 и 39; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57, 1956, стр. 34; Г. Д. Белов. Эллинистический дом в Херсонесе. Тр. ГЭ, VII (Культура и искусство античного мира, т. 3), Л., 1962, стр. 176, рис. 40; В. Ф. Гайдукевич. Илурат. Сб.: «Боспорские города», II., М.— Л., 1958, стр. 41, рис. 25.

Применение галечных настилов для полов, иногда покрытых известковой обмазкой, хорошо было известно еще в классическое время (Олинф) [32]. Полы из морской гальки настилались и позднее. В Северном Причерноморье они обнаружены в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее и Фанагории [33]. Прямоугольные в сечении столбы-колонны для обрамления портиков и украшения других частей зданий часто встречаются в архитектуре эллинистического времени [34].

Наконец, высокая техника облицовок стен здания Раевского городища штукатуркой с последующей раскраской и росписью ставит их в один ряд с многочисленными примерами внутреннего убранства архитектуры различных центров эпохи эллинизма. В Северном Причерноморье стенная декоративная живопись получила особенно широкое распространение на Боспоре и известна там главным образом по росписям склепов. Росписи здания Раевского городища имели, по-видимому, обычное для эллинистического времени горизонтальное членение, подчиненное структуре каменных кладок стен. Способ деления поверхности стены на горизонтальные и вертикальные плоскости с помощью веревочки по свежей штукатурке был хорошо известен мастерам стенной живописи Боспора (Васюринский и Анапский склепы, дома Пантикапея) [35]. Много общего, особенно с приемами росписи Васюринского и Анапского склепов, наблюдается: в принципе деления отдельных частей стен (орфостаты, квадры), в использовании известных элементов декора (узких вдавленных линий для границ орфостатов и других фигур, цветных полос для обрамления рельефно выделенных однотонных квадров, имитации пестрого мрамора), в применении аналогичных цветов красок (главным образом красного и синего) [36]. Находясь в тесной связи с общим развитием греческой архитектуры и ее декоративных принципов, росписи здания Раевского городища напоминают наиболее простые способы имитации стен, широко распространенные на Делосе [37].

Вместе с тем можно отметить и некоторые особенности в строительных приемах и принципах стенных росписей здания Раевского городища. Так, для кладок этого здания характерно применение крупноблочного цоколя, несущего каменные стены. Этот прием подражает кладкам сырцовых стен и является новым вариантом в строительной технике азиатского Боспора. В сохранившихся росписях помещения Б не выделена панель, в то время как эта деталь почти всегда имеется в росписях нижних частей стен боспорских склепов и домов. В делосских домах она — обязательный элемент росписи. Оформление цоколя в этом помещении является своеобразным вариантом росписи нижних частей стен, применявшейся в боспорской де-

---

[32] D. M. Robinson. Excavations at Olynthus. II. Architecture und Sculpture Hauses und other Buildings. Baltimore, London, Oxford, 1930; D. M. Robinson. Там же, ч. V. Mosaics. Vases und Lamps of Olynthus Fond in 1929—1931. Baltimore, London, Oxford, 1933.

[33] Е. И. Леви и А. Н. Карасев. Ук. соч., стр. 226; Г. Д. Белов. Эллинистический квартал в Херсонесе, стр. 142; его же. Эллинистическая мозаика. МИА, 34, 1953, стр. 279; М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 36; И. Д. Марченко. Раскопки архитектурных сооружений Пантикапея в 1963—1964 гг. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965.

[34] Délos. La Terrasse des Lions le Léteen et le Monument de Pranit à Délos. II, рис. 8, 12; XXIV, табл. XVII, LXV, Paris, 1959; Е. И. Леви и А. Н. Карасев. Ук. соч., стр. 232, рис. 22; Н. В. Анфимов. Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратнее городище). СА, VII, 1941, стр. 258; П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.). ИАДК, Киев, 1957, стр. 70; Н. И. Сокольский. Святилище Афродиты в Кепах. СА, 1964, 4, стр. 111, рис. 8, *1*.

[35] АДЖ, стр. 83.

[36] АДЖ, стр. 199 сл., табл. XIII, XIV, XXXI, XXXVIII — LI; В. Д. Блаватский. Фанагорийская стенная роспись. МИА, 57, 1956, стр. 168; его же. Строительное дело Пантикапея..., стр. 58; М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 32.

[37] M. Bulard. Peintures murales et mosaiques de Délos. XIV, Paris, 1908, стр. 95, рис. 32 и др.

кративной живописи. Ее значение подчеркивается еще и тем, что по сравнению с известными в настоящее время росписями стен жилых и общественных домов Боспора она сохранилась in situ. Обращает на себя внимание весьма ограниченная цветовая гамма росписей. В ней отсутствуют такие широко распространенные в рассматриваемый период краски, как черная и желтая.

Итак, здание Раевского городища представляет собой ценный памятник для изучения эллинистической архитектуры, еще раз свидетельствующей о высоком уровне строительного дела на Боспоре в это время. По технике кладок каменных стен, отдельным элементам архитектуры и росписям оно не уступает зданиям больших городов Северного Причерноморья, хотя и отличается от них известной скромностью. Но это и понятно. В зданиях больших городов Северного Причерноморья широкое применение получили богатая ордерная система и пышные орнаменты декорировки стен. Для Раевского поселения описанное здание также было пределом роскоши. Это обстоятельство, как и особенности планировки архитектуры, ее монументальность и местоположение,— все свидетельствует об общественном назначении здания[38]. Оно поставлено на видном и удобном для этих целей месте городища. Фасадной стороной здание было обращено к западу, в сторону примыкавшего к городищу плато. Отсюда открывался вид на дорогу, ведущую на север к землям Боспора, расположенным на Таманском полуострове, и на юг — к одному из крупных центров этого государства, тесно связанных с обитателями Раевского поселения — Горгиппии. Вопрос о назначении здания пока остается открытым, для его решения требуется дальнейшее исследование Раевского поселения, основание которого может быть связано с правлением Евмела[39]. Большое значение при этом имеет выяснение статуса подобных, греческих по своему характеру, городков, основанных боспорскими царями.

Как показывает вещественный материал, здание было построено в начале III в. до н. э., а погибло (возможно, в результате какой-то катастрофы) примерно в конце II в. до н. э. Обнаруженные в нем остатки росписи стен относятся, по-видимому, не к начальному, а к последнему периоду существования здания. На это указывает применение гипсовых фигурных прилепов в помещении Б, которые появляются в декоре стен только в позднеэллинистическое время. Вместе с тем не следует увлекаться и слишком поздней датой росписей здания, так как в них нет еще характерного для более позднего периода стремления к созданию богатой полихромии за счет имитации структуры стены.

После гибели здания, в котором особенно сильно были разрушены перистильный дворик и примыкавшие к нему южные помещения, некоторое время еще продолжало функционировать помещение А. Оно могло быть включено в систему оборонительных сооружений, воздвигнутых после гибели здания, и выполнять роль караульного и складского помещения, расположенного на самом углу городища, с одной стороны которого имеется крутой обрыв к реке, с другой — въезд. Это предположение подтверждается тем, что строительство оборонительной стены, заложенной над руинами здания, не затронуло помещения А. Поэтому фундаменты оборонительной стены лежали ниже сохранившегося верхнего горизонта стен этого помещения. Об этом же свидетельствует заложенный проход из помещения А в помещение Б, остатки которого были частично срезаны земляными работами при возведении оборонительной стены[40]. Наконец, на сравнительно длительное существование помещения А в качестве какого-то подсобного сооружения может указывать почти полное уничтожение штукатурки на его стенах.

[38] На это указывает также наличие большого числа проемов в помещении А, причем два из них имеют большую ширину.

[39] В. Д. Блаватский. Исследования Раевского городища, стр. 49.

[40] Н. А. Онайко. О раскопках Раевского городища, стр. 130.

А. М. ХАЗАНОВ

САРМАТСКИЕ МЕЧИ С КОЛЬЦЕВЫМ НАВЕРШИЕМ

Из всех типов сарматских мечей мечи и кинжалы с кольцевым навершием [1] являются наиболее однообразными как по форме, так и по технике изготовления и даже по размерам. Можно говорить лишь об отдельных вариантах внутри единого типа.

Хотя подавляющее большинство таких мечей происходит из мужских погребений, известно несколько достоверных случаев нахождения мечей и кинжалов с кольцевым навершием в женских погребениях [2].

Долгое время длинные мечи с кольцевым навершием совершенно не были известны. Теперь обнаружено несколько таких экземпляров (рис. 1), но все же их очень мало [3]. По отношению к остальным мечам и кинжалам с кольцевым навершием длинные мечи (свыше 70 *см*) составляют всего около 5%, причем почти половина их относится еще к прохоровскому времени.

Мною учтены размеры 130 мечей и кинжалов с кольцевым навершием. По своей длине они распределяются следующим образом:

Длина, *см*	Количество	Процент	Длина, *см*	Количество	Процент
20—30	11	Ок. 8	50—60	24	Ок. 19
30—40	33	Ок. 26	60—70	3	Ок. 2
40—50	52	40	Св. 70	7	Ок. 5

Имеющийся материал (а он достаточно велик, чтобы в значительной мере исключить случайность) заставляет предположить, что в период господства у сарматов меча с кольцевым навершием наиболее распространены были кинжалы и короткие мечи, едва достигавшие в длину 50—60 *см* и соответствовавшие по своим размерам скифским акинакам. Это тем более странно, что в предшествующую эпоху длинные мечи кажутся более распространенными. Нельзя также думать, что в среднесарматский период сколько-нибудь широкое распространение имели более длинные мечи иных типов. Поэтому остается предположить, что временное господство корот-

[1] Список мечей и кинжалов с кольцевым навершием дается в приложении.

[2] Политотдельское, кург. № 6/1 — К. Ф. Смирнов. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское. МИА, 60, 1959, стр. 253; Бережновка I, кург. № 2 — И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, стр. 58; Бережновка II, кург. № 67 — И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 74; Калиновка, кург. № 34/1 — В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, стр. 390.

[3] Верхне-Погромное, кург. № 7/6, длина 133 *см* — раскопки В. П. Шилова, 1957 г.; Калиновка, кург. № 19/17, длина 104 *см* — В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 376, рис. 40, *1*; Политотдельское, кург. № 19/26 и 20/10, длина, соответственно, 102,5 и 103,5 *см* — К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 283, 293, рис. 31, *3*; дер. Бугульчан, случайная находка, длина около 100 *см* — М. Х. Садыкова. Сарматские памятники Башкирии. МИА, 115, 1962, стр. 259, рис. 10, *10*; Бережновка I, кург. № 1, длина 75 *см* — И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 58; Аккермень II, зап. группа, кург. № 5, длина 80 *см* — М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Є. Ф. Покровська, О. І. Тереножкін, Г. Т. Ковпаненко. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень». АП, VIII, Київ, 1960, стр. 71, рис. 57, *4*.

кого меча у сарматов связано с определенными изменениями в способе ведения военных действий.

У всех мечей с кольцевым навершием рукоять и клинок выкованы из одного куска железа. Сам клинок изготовлялся из одной или двух-трех полос железа, сваренных и раскованных. Поэтому мечи в погребениях обычно находят сильно расслоившимися, так как они неравномерно окисляются из-за послойной неоднородности металла. Клинок отковывался из стальных заготовок, которые получали путем цементации (науглероживания) кричного железа. Этим достигалась необходимая твердость и прочность.

Ширина клинка у перекрестия в общем варьирует довольно мало. Обычно она равна 3,5—5 *см*. Сам клинок обоюдоострый, постепенно суживающийся к концу, который бывает заострен или, что реже, закруглен. У большинства мечей лезвия идут сначала почти параллельно друг другу, а сужение бывает заметным лишь в последней трети длины (рис. 2, *1, 5*). В подавляющем большинстве случаев клинок в сечении бывает линзовидным. Реже клинок имеет вид вытянутого в длину равнобедренного треугольника, у которого лезвия начинают заметно сужаться с самого начала (рис. 2, *2, 4*).

Следует отметить еще группу узких мечей, у которых ширина клинка у перекрестия не превышает 2,5—3,5 *см*, а лезвия заметно сужаются лишь в нижней трети длины (рис. 2, *6*). Некоторые экземпляры таких мечей были приспособлены не столько для колющего, сколько для рубящего удара и, вероятно, служили оружием конных воинов.

Наконец, выделяется группа мечей, у которых посередине клинка имеется продольное ребро. В сечении они имеют ромбическую форму. Их совсем немного. Ромбические в сечении клинки с продольным ребром встречаются гораздо чаще у савроматских и прохоровских мечей, особенно тех из них, которые распространены в Приуралье. Продольное ребро посередине клинка характерно также для минусинских кинжалов. На мечах и кинжалах с кольцевым навершием его можно рассматривать как архаический признак.

Рукояти мечей, прямые или слегка расширяющиеся книзу, обкладывались деревом; на некоторых экземплярах было прослежено, что они окрашивались в красный цвет[4]. Иногда рукояти обматывались кожаными ремешками[5]. Длина рукояти с кольцом навершия в среднем равна 10—13 *см*, независимо от общей длины меча. Она варьирует сравнительно мало и соответствует размерам сжатой кисти.

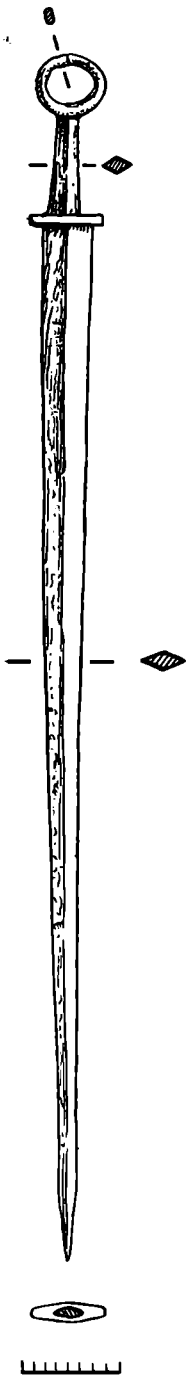


Рис. 1. Меч из дер. Бугульчан, случайная находка

Перекрестие прямое, сравнительно короткое. В плане оно обычно дает ромб или овал. Только в одном случае — у кинжала из погребения № 2 Моздокского могильника — перекрестие и кольцо

[4] Хут. Шульц, кург. № Е25/19 — И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 81; Суслы, кург. № 1 — П. С. Рыков. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925, стр. 27.

[5] Мариенталь, погреб. Д22 — P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 54.

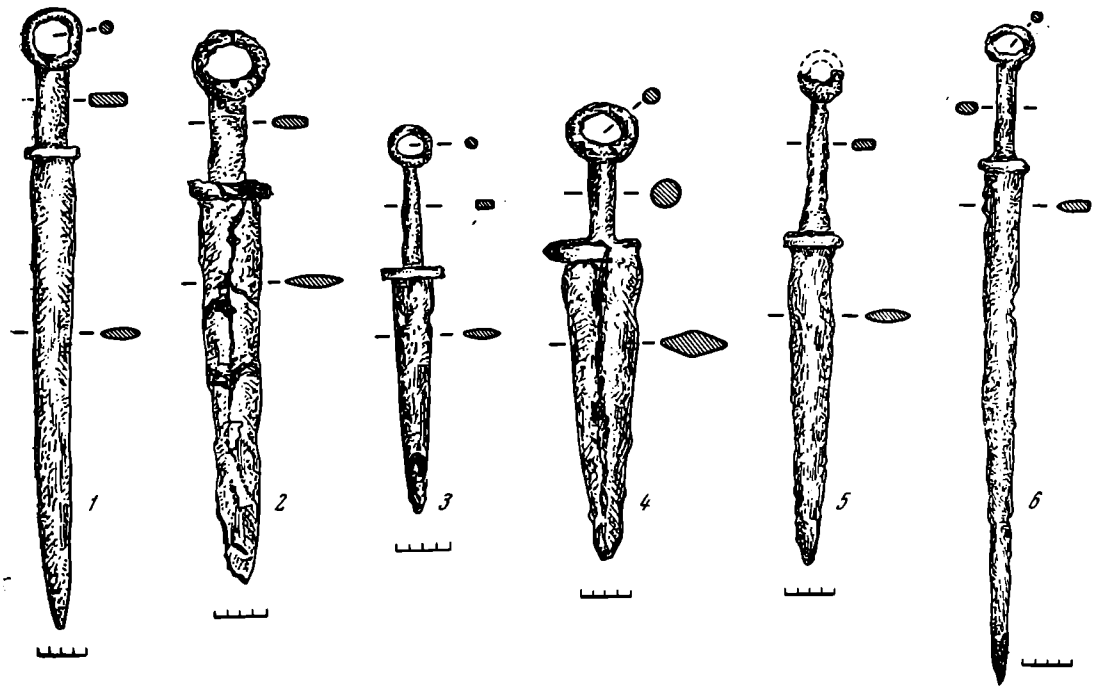


Рис. 2. Мечи и кинжалы с кольцевым навершием

1 — Калиновка, курган № 14/1; *2* — Черебаево, курган № 2/1; *3* — Моздок, курган № 2; *4* — Ново-Никольское, курган № 5/16; *5* — Славянск, курган № CCLIII/5; *6* — Ново-Никольское, курган № 9/12

навершия не железные, а из бронзы (рис. 2, *3*) [6]. Мечи и кинжалы с кольцевым навершием, как и мечи других типов, обычно носили в деревянных ножнах. Остатки их довольно часто встречаются в погребениях. Ножны могли окрашиваться в красный цвет, обтягиваться изнутри тканью, а снаружи кожей. Их форма в целом определялась формой клинка.

Иногда в погребениях рядом с мечами находят бусы и ворворки (последние значительно реже). Вероятно, они помещались на кистях, которыми украшались рукояти мечей или их ножны, наподобие темляка у средневековых сабель и шпаг. В сарматских погребениях бусы и ворворки встречаются вместе с мечами, начиная с савроматского времени. Бусы были найдены вместе с мечами с кольцевым навершием в язигском погребении в Сцентес-Киштоке и на Бахрейнских островах, что свидетельствует об общесарматском, а быть может, даже общеиранском характере этого обычая.

В подавляющем большинстве случаев (около 90%) мечи и кинжалы с кольцевым навершием в погребениях найдены лежащими справа от покойника. Вероятно, их носили на правом бедре, привязывая к ноге ремешками. Этот способ был удобен для всадников, так как ножны не болтались и не били по ноге. Так прикреплены кинжалы с кольцевым навершием у всадников на пантикапейских рельефах. В ряде сарматских погребений мы встречаем мечи и кинжалы, носившиеся именно таким способом, что подтверждается их положением при покойном — конец их уходил под бедро [7].

---

[6] Гос. Эрмитаж, инв. № 1468/6. Кольцевое навершие и прямое перекрестие, сделанные из бронзы, имеет также кинжал, найденный датской экспедицией в 1954 г. на Бахрейнских островах.

[7] См., например, Черебаево, кург. № 3/1 — И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 45—46, рис. 5, *1*; Кара-Оба, кург. № 3/1 —

Подобный способ ношения мечей и кинжалов практиковался у скифов, в ахеменидском и парфянском Иране. Можно предполагать наличие его у савроматов и у племен — носителей прохоровской культуры. Последнее подтверждается изображением мечей и кинжалов с серповидным навершием, плотно прикрепленных на бедрах у медных литых фигурок, найденных около дер. Сапожково [8].

При ношении короткого меча привязанным к правому бедру пряжки не были нужны. И действительно, их редко находят вместе с мечами с кольцевым навершием в сарматских погребениях. Изредка пряжки находят около рукояти меча. Тогда они, вероятно, служили для прикрепления меча к поясу в вертикальном положении. Этот способ ношения также издревле известен у иранских народов.

Более чем в 50% случаев пряжки, найденные вместе с мечами с кольцевым навершием, находились у левого бока, в то время как меч лежал вдоль правого бедра. Это заставляет предполагать наличие еще одного способа ношения мечей при помощи портупейного ремня. В таком случае меч мог висеть на портупейном ремне скорее всего в свободном состоянии, позволяющем передвигать его вдоль ремня, обходящего вокруг бедер воина и прикрепленного к поясу у левого бока. Возможен и другой вариант: меч крепился вертикально у пояса, а портупейный ремень позволял менять положение меча.

Ношение длинного меча при помощи портупейного ремня было широко распространено у сарматов во II—IV вв. и в сасанидском Иране. Возможно, начало применения портупеи для ношения мечей следует относить к более древнему времени. Так подвешен меч у всадника на золотой бляхе со сценой охоты на кабана из сибирской коллекции Петра I [9]; относительно ранняя дата бляхи не вызывает сомнений. Следует, однако, отметить, что в более позднее время меч всегда носился слева, а портупея прикреплялась к поясу у правого бедра.

В настоящее время старое предположение В. Гинтерса [10] о происхождении меча с кольцевым навершием от одной из форм скифского (точнее — савроматского) акинака, поддержанное и развитое К. Ф. Смирновым [11], представляется очень вероятным. В пользу этого говорит их типологическая и функциональная близость, территория распространения, наличие отдельных переходных форм.

Из всех типов савроматских мечей исходную форму для происхождения мечей с кольцевым навершием скорее других могли дать мечи с антенным и производным от него зооморфным навершием. Эти мечи во второй половине VI—IV в. до н. э. довольно широко распространяются в Поволжье и Южном Приуралье, а помимо этих областей встречаются на Украине, в Северном Причерноморье, в Крыму, на Северном Кавказе и в бассейне р. Камы, доходя на западе до Центральной Европы, а на востоке — до Сибири [12]. Среди таких мечей имеются экземпляры с короткими, сильно загнутыми, близко подходящими друг к другу и даже почти смы-

---

его же. Археологические исследования в Западном Казахстане. Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР I, 1956, стр. 134, табл. VIII.

[8] ОАК за 1911 г., стр. 87, рис. 125; «Зап. Уральского об-ва любителей естествознания», XXXII, 2, табл. I, *11*.

[9] С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ, ДЗ-9, М.— Л., 1962, табл. I, *5*; IV, *5*.

[10] W. Ginters. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Sudrussland. Berlin. 1928, стр. 56.

[11] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА. М., 1954, стр. 202; его же. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское, стр. 320.

[12] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1-4, М.— Л., 1964, стр. 54; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 17.

кающимися волютами (рис. 3). Иногда концы волют примыкают друг к другу, почти образуя кольцо. Для примера можно сослаться на мечи из с. Осьмушкино [13] (рис. 3, *1*) и из кургана № 3 группы Алебастрова гора [14] (рис. 3, *2*). Вероятно, зооморфное навершие с волютообразными изогнутыми концами, почти вплотную подходившими друг к другу, первоначально имел меч, давно уже привлекающий к себе внимание исследователей. Он был обнаружен А. А. Миллером в кург. № 1 у ст. Елизаветовской [15]. Теперь волюты его навершия из-за ржавчины слились в замкнутое кольцо.

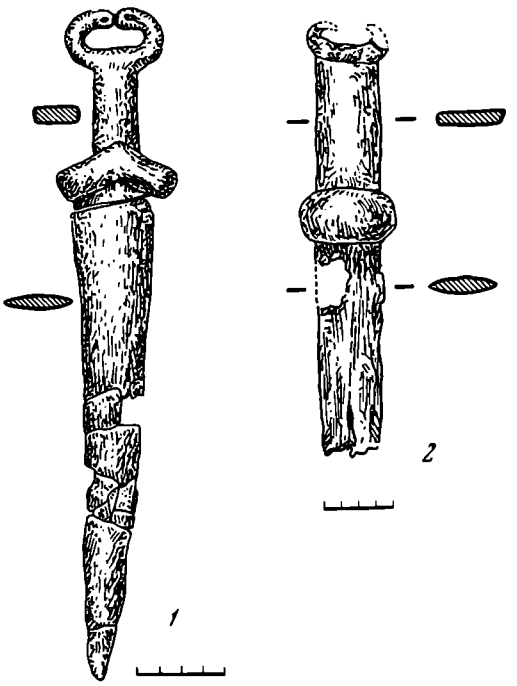


Рис. 3. Савроматские мечи со смыкающимися волютами

1 — с. Осьмушкино, Ф. Д. Нефедов, 1888 г.; *2* — Алебастрова гора, курган № 3

Хотя такие мечи распространены на довольно широкой территории, не вызывает сомнения, что ни Украина, ни Крым, ни Северное Причерноморье вообще не являются родиной мечей с кольцевым навершием. Они появляются там гораздо позднее, в связи с продвижением сарматов. Существует предположением о том, что одним из возможных мест происхождения мечей с кольцевым навершием была область Нижнего Дона. Однако это предположение по меньшей мере преждевременно, так как, за исключением елизаветовского, мы не знаем оттуда ни одного другого меча, который мог бы рассматриваться в качестве исходного [16], да и настоящие мечи с кольцевым навершием более раннего времени с этой территории не известны.

Иначе обстоит дело с Нижним Поволжьем и Южным Приуральем, т. е. с областями распространения собственно сарматской культуры. Тут мы имеем не только исходные мечи с навершием в виде сомкнутых волют, но и наиболее ранние мечи с кольцевым навершием, а также их отдельные переходные формы. Последние важны как для уяснения самого процесса образования мечей нового типа, так и для их хронологии.

М. И. Ростовцевым опубликован меч, найденный в кургане около с. Чумляк [17]. У него ромбический в сечении клинок с ребром посередине, а почти кольцевое навершие еще имеет следы своего происхождения от антенных. Это навершие составляют две почти слившиеся волюты с утолщением на концах. Не менее интересно и перекрестие меча. Оно не прямое, а сломанное под тупым углом. Другой подобный меч хранится в Государственном Историческом музее в Москве и происходит из раскопок

---

[13] Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. МАВГР, III, М., 1889, табл. 8, *а*.

[14] ГИМ, инв. № 66441. Сужу по рисунку, любезно предоставленному мне Б. Н. Граковым, так как в настоящее время часть навершия не сохранилась.

[15] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 145, рис. 210; А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. ИГАИМК, IV, 1925, стр. 105, рис. 4.

[16] Меч из кургана, раскопанного И. Ушаковым, на который иногда ссылаются исследователи (см., например, Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, 33, 1954, стр. 138), найден в слишком фрагментарном состоянии, чтобы о форме его навершия сейчас можно было сказать что-нибудь определенное.

[17] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, 37, Пгр., 1918, табл. VII, *13*.

А. А. Миллера у железнодорожной станции Марычевка бывшего Бузулукского уезда. Кольцо навершия меча еще не сомкнуто, перекрестие слегка изломано под тупым углом. Третий кинжал подобного типа происходит из погребений на Крестовой горе в Кисловодске [18], разрушенных при земляных работах. Он имеет кольцевое навершие и сердцевидное перекрестие. Четвертый кинжал найден в кургане № 10/10 Быковского могильника. У него кольцевое навершие и слегка изломанное под тупым углом перекрестие [19]. Он хранится в Археолого-этнографическом музее истфака МГУ.

Все эти мечи свидетельствуют о том, что кольцевое навершие формируется параллельно с процессом формирования прямого перекрестия.

Процесс этот происходил преимущественно в среде приуральских савроматов и подробно прослежен К. Ф. Смирновым [20]. В IV в. до н. э. там широко распространяются мечи с перекрестием в виде бруска, изломанного под тупым углом, реже — дуговидным. К III в. до н. э. перекрестия распрямляются; начиная с этого времени, они у всех сарматских мечей бывают только одного вида — прямые. Поэтому перечисленные выше мечи следует датировать не позднее, чем III в. до н. э.

Это заставляет пересмотреть вопрос об отношении мечей с кольцевым навершием к мечам с навершием серповидным. Оба типа мечей уже нельзя считать предшествующими один другому, так как процесс их формирования завершается приблизительно в одно время — в III в. до н. э.; таким образом, их можно считать почти синхронными.

К III в. до н. э. в областях расселения сарматов сформировались все основные элементы, определяющие особенности мечей описываемого типа: кольцевое навершие и прямое перекрестие. Раннюю дату появления мечей с кольцевым навершием подтверждает их наличие в погребениях прохоровской культуры, часто вместе с мечами и кинжалами с серповидным навершием. Мне известно 13 таких мечей и кинжалов с кольцевым навершием, они хорошо датируются III—II или II в. до н. э. [21].

Судя по географии распространения мечей исходных типов, а также переходных форм, процесс развития мечей с кольцевым навершием начался на всей территории расселения сарматов. Однако подавляющее большинство мечей с кольцевым навершием прохоровского времени найдено в Поволжье (рис. 4). Если дальнейшие раскопки не выявят ранние экземпляры таких мечей и в Приуралье (а такую возможность нельзя исключать, потому что там пока известно сравнительно мало погребений времени развитой прохоровской культуры), остается признать решающую роль Поволжья в утверждении этого типа мечей.

Формирование мечей с кольцевым навершием, отдельные этапы которого теперь удается проследить, несомненно протекало самостоятельно,

---

[18] С. Н. Замятнин. Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске ИГАИМК, 109, М.— Л., стр. 216, рис. 200, *3*.

[19] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, 78, стр. 200, рис. 11, *6*.

[20] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 24 сл.

[21] Бережновка, Южная группа, кург. № 2/11 (рис. 4, *1*) — И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 115, рис. 37, *2*; Верхне-Погромное, кург. № 1/13 — раскопки В. П. Шилова, 1954 г.; Верхне-Погромное, кург. № 7/6 — раскопки В. П. Шилова, 1957 г.; Кара-Оба, кург. № 11/2 (рис. 4, *2*) — И. В. Синицын. Археологические исследования в Западном Казахстане, стр. 134, рис. 38; Калиновка, кург. № 19/17 — В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 376 (первоначально опубликован как меч с серповидным навершием, но после реставрации, произведенной в Эрмитаже, стало ясно, что навершие меча кольцевое); Политотдельское, кург. № 19/26 — К. Ф. Смирнов. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское, стр. 283; Политотдельское, кург. № 4/20 — там же, стр. 244; хут. Шульц, погреб. В-1 — P. Rau. Die Hügelgraber romischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, стр. 29, рис. 33*A*; Старые Киишки, кург. № 14/1 — М. Х. Садыкова. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки. Сб.: «Археология и этнография Башкирии», I, 1962, стр. 107, табл. IX, *3*; Калмыково, кург. № 1/1, 2 — И. В. Синицын.— Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 149—150, рис. 50, *1*; Калмыково, кург. № 4/4 — там же, стр. 155; Соленое Займище II, кург. № 3 — раскопки В. П. Шилова. 1963 г.

внутри сарматского мира. Это не означает, что мы должны полностью исключить возможность внешних влияний. Но даже если они и имели место, роль их не могла быть значительной.

Еще М. И. Ростовцев сопоставлял кольцевое навершие на сарматских мечах с аналогичным на минусинских кинжалах [22]. Однако источники происхождения кольцевого навершия у сибирских кинжалов не ясны, а хронология их разработана очень плохо. Мы по существу не знаем верхнего рубежа их бытования и, следовательно, не можем утверждать, изготовлялись ли они одновременно с сарматскими [23]. Так что сам вопрос о возможности минусинского влияния остается пока открытым, хотя при всех обстоятельствах оно не могло быть особенно существенным.

Очень интересен кинжал с кольцевым навершием, обнаруженный О. В. Обельченко в кургане № 1 Лявандакского могильника [24]. Перекрестие его не прямое, а дуговидное. Поэтому надо полагать, что погребение, в котором он был найден, относится к более раннему времени, чем предложенная О. В. Обельченко дата II—I вв. до н. э. К сожалению, этот кинжал является единственной находкой на территории Средней Азии, и ее роль в создании или распространении мечей с кольцевым навершием пока не ясна. Однако это сигнал, мимо которого мы не вправе проходить. Во всяком случае, кинжал из Лявандакского могильника еще раз подтверждает, что кольцевое навершие сформировалось никак не позднее, чем прямое перекрестие.

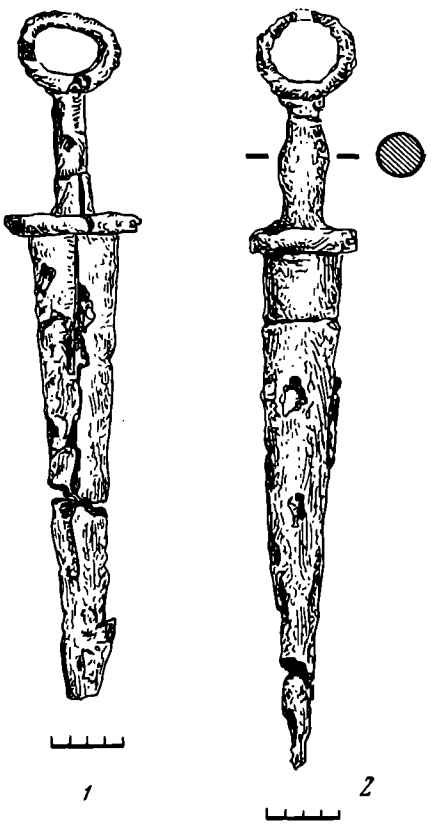


Рис. 4. Мечи с кольцевым навершием прохоровского времени

1 — Бережновка, южная группа, курган № 2/11; *2* — Кара-Оба, курган № 11/2

Таким образом, можно полагать, что формирование мечей и кинжалов с кольцевым навершием происходит главным образом внутри сарматского мира. Начало этого процесса следует относить еще к савроматскому времени. В III в. до н. э. процесс сложения этого типа мечей в основном завершился. Но начиная с прохоровского времени, в Приуралье становится господствующим иной тип меча — с серповидным навершием, формировавшийся примерно в одно время с мечом с кольцевым навершием. Очень скоро этот меч распространяется и в Поволжье, но там сохраняется традиция изготовления у мечей кольцевого навершия, и такие мечи становятся господствующими у сарматов в сусловскую эпоху. Неясным остается, имело ли место восточное влияние. Оно могло определить отдельные детали внешнего облика этих мечей или содействовать их утвержде-

---

[22] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 57.

[23] Кинжал с кольцевым навершием из могильника Катон-Карагай (Южный Алтай) имеет явные следы своего происхождения от минусинских, но является более поздним (С. С. Сорокин датирует погребение, в котором он был найден, II—I вв. до н. э.— С. С. Сорокин. Раскопки могильника ранних кочевников на Южном Алтае. Доклад на сессии Отдел. историч. наук, посвящ. итогам полевых исследований в 1963 г.). Это показывает, что на Алтае и в Сибири такие кинжалы могут доживать до среднесарматского времени.

[24] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник. ИМКУ, 2, Ташкент, 1961, стр. 105 сл., рис. 10, 15.

нию в сарматском мире. В целом же процесс сложения сарматских мечей с кольцевым навершием представляется вполне самобытным.

Время господства мечей и кинжалов с кольцевым навершием наступает с началом сусловской культуры, причем они являются одним из важных определяющих ее элементов. В это время сарматские племена, во главе с роксоланами и аорсами, расселяются далеко за пределы своей первоначальной территории, и вместе с ними мечи с кольцевым навершием широко распространяются по всей степной полосе Восточной Европы и на Северном Кавказе, а отдельные экземпляры проникают далеко на север и на юг.

Из учтенных мною 176 мечей и кинжалов с кольцевым навершием свыше половины обнаружено в Поволжье, где известна основная масса погребений сусловского времени. Часто они встречаются в погребениях вместе со стрелами, являясь основным оружием рядовых воинов — легковооруженных всадников.

В Приуралье таких мечей совсем немного, как, впрочем, там мало и погребений среднесарматского времени. В междуречье Волги и Урала подобные мечи найдены в погребениях у с. Калмыково, Кара-Оба, Курпе-Бай и Сайхин. В группе манычских погребений, которую большинство исследователей отождествляет с сираками, мечи с кольцевым навершием появляются не ранее I в. до н. э. [25].

Сложнее обстоит вопрос о времени распространения мечей с кольцевым навершием на Кавказе. Северокавказские мечи IV—II вв. до н. э. нам известны сравнительно не плохо, и мечей с кольцевым навершием среди них нет. Вероятно, это объясняется тем, что в III—II вв. до н. э. население Северного Кавказа, особенно Прикубанья, было теснее всего связано с сиракским племенным союзом, в среде которого мечи с кольцевым навершием еще не были известны. Поэтому кинжал из Кисловодска стоит особняком (к тому же не исключена возможность, что он происходит из разрушенного сарматского погребения).

Мечи с кольцевым навершием появляются на Кавказе в I в. до н. э. в связи с продвижением на юг аорсов и сираков. Началом I в. до н. э. следует датировать кинжал из кургана у ст. Воздвиженской [26]. Подавляющее большинство кавказских мечей и кинжалов с кольцевым навершием найдено на Кубани, где они встречены как в курганах, так и в грунтовых могильниках, оставленных местным меотским населением (Краснодар, могильник на Почтовой улице, Усть-Лабинский могильник № 2, могильник около ст. Тбилисской, могильник близ хут. Санькова). На восток от Кубани пока известны находки лишь единичных экземпляров.

Временем бытования основной массы мечей с кольцевым навершием на Северном Кавказе следует признать I в. до н. э.— I в. н. э.; впрочем, отдельные мечи, особенно происходящие из грунтовых могильников, могут заходить и во II в. н. э. В это же время ножи, кинжалы и мечи с кольцевым навершием проникают и в Закавказье [27]; быть может, это было следствием сарматских походов, о которых упоминают античные авторы [28].

---

[25] Такой меч найден в погребении близ хут. Тузлукова — Б. В. Лунин. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938 и 1939 гг. «Памятники древности на Дону». Ростов, 1940, стр. 20, рис. 4. Во II в. до н. э. здесь еще бытуют мечи с серповидным навершием, если судить по мечу, найденному близ хут. Веселого — М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА XI, 1949, стр. 315, 335, рис. 18.

[26] ОАК за 1889 г., стр. 45, рис. 72; Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Тр. XII АС, 1, Харьков, 1905, стр. 354.

[27] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 216, рис. 247, *19*; С. М. Казиев. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г. Изв. АН АзССР, 9, стр. 92 сл. рис. 3, *11*; его же. О некоторых типах оружия из Мингечаура. (На азерб. яз.). «Материальная культура Азербайджана», II, Баку, 1951.

[28] Иосиф Флавий. О войне иудейской. VII, 7, *4*; Амвросий. О разрушении города Иерусалима. V, *1*; см. также Страбон. География, XI, *4*, *5*.

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием были известны и на территории Ирана, однако судить об этом мы можем лишь по косвенным данным, и поэтому степень их распространенности там остается неясной. Единственный известный мне кинжал найден на Бахрейнских островах[29], которые можно считать лишь далекой иранской периферией. Подобные кинжалы и короткие мечи изображены также на рельефах гробницы Антиоха I в Нимруд Даге[30] и на пальмирских фресках[31]. Интересно, что и в Иране известны только короткие мечи и кинжалы с кольцевым навершием наряду с существовавшими в это время длинными мечами иных типов.

В I в. до н. э.— I в. н. э. мечи и кинжалы с кольцевым навершием распространяются вместе с сарматскими племенами далеко на запад. На Дону они встречаются от самых его низовий до северных районов Воронежской области. На Украине довольно большое количество мечей с кольцевым навершием обнаружено в группе среднесарматских погребений на р. Молочной (Ново-Филипповка, с/х Аккермень). Встречены они и во второй группе сарматских погребений — на Северском Донце (у дер. Переездной и в окрестностях г. Славянска). В Днепровском Левобережье они были найдены в сарматских погребениях, раскопанных на территории Днепростроя у Запорожья.

Где-то на рубеже эр сарматы перешли на правый берег Днепра. В Днепровском Правобережье найдено несколько мечей и кинжалов с кольцевым навершием, происходящих из старых, плохо документированных раскопок (Смела, Залевки, Каневская группа курганов). Вероятно, эти мечи следует датировать первыми веками нашей эры, т. е. они появились несколько позднее основной массы поволжских и кубанских мечей того же типа. Некоторое запаздывание в смене мечей различных типов в западной части Сарматии вполне понятно.

Еще к более позднему времени относятся немногочисленные мечи с кольцевым навершием, найденные на территории Молдавии[32]. Изредка встречаются они и в язигских погребениях Венгрии[33].

На Боспоре широкое распространение мечей и кинжалов с кольцевым навершием засвидетельствовано пантикапейскими надгробными рельефами[34]. Однако мечей и кинжалов, происходящих из раскопок, известно очень мало. Судя по погребальным стелам, этот тип оружия был распространен на Боспоре в I—II вв., к концу II в. он исчезает. На тех же стелах он всегда представлен короткими экземплярами, носившимися привязанными к правому бедру. Несколько таких мечей, отражающих начав-

[29] J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, München, 1956, стр. 28—29, табл. 49, *10*.

[30] W. Ginters. Ук. соч., табл. XXV, *b*; R. Ghirshman. Iran. Parthes et Sassanides. Paris, 1962, рис. 79, 80.

[31] H. Seyrig. Armes et costumes iraniens de Palmyre. «Syria», XVIII, 1. Paris. 1937, стр. 29, рис. 19.

[32] В кургане у с. Олонешты — А. И. Мелюкова. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР). СА, 1962, 1, стр. 205—207 и в погребении у с. Михайловское — Каталог выставки XI АС в Киеве, 1899, стр. 152; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, 89, 1960, стр. 114, 277.

[33] Один найден в погребении № 143 могильника Сентес-Киштоке — M. Párducz. Denkmäler der sarmatenzeit Ungarns II. AH, XXVIII, 1944, стр. 52, табл. XXV, *5*; второй происходит из случайной находки — N. Fettich. Bestand der scythischen Altertümer Ungarns. В кн.: M. Rostowzew. Scythien und der Bosporus, I, Berlin, 1931, стр. 523—524; третий из погребения у Гавы — J. Hampel. Alterthumer des frühen Mittelalters in Ungarn, I, Braunsweig, 1905, стр. 191, рис. 463. С датировкой этого меча связана ошибка, неоднократно переходившая из одной работы в другую. Обычно он датируется IV в. по медной монете императора Константина, якобы найденной в одном погребении с мечом. На самом деле монета найдена около погребения и ее принадлежность к последнему очень сомнительна (см. M. Párducz. Ук. соч., стр. 79).

[34] G. Kieseritzky, C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, № 599, 600, 606, 619, 627 и др.

шееся сарматское влияние, было найдено в степном Крыму (мавзолей Неаполя скифского, могильник у с. Заветного около Бахчисарая).

Изредка эти мечи проникали и на север, в лесные культуры (Кошибеевский могильник, могильник у с. Андреевка Мордовской ССР, раскопки П. Д. Степанова, 1962 г.). Довольно часто можно встретить мнение, что в поволжских районах, в отличие от более западных, мечи с кольцевым навершием полностью исчезают с концом сусловской культуры. Это верно в том отношении, что, начиная со II в., господствуют уже мечи без металлического навершия. Однако отдельные экземпляры мечей старого типа встречаются и в позднесарматское время в Поволжье так же, как и в более западных областях [35].

Перечисленные нами находки доказывают, что мечи и кинжалы с кольцевым навершием изредка встречаются и в позднесарматское время и в определенный период сосуществуют с мечами без металлического навершия. У нас пока нет хорошо документированных случаев находок предметов обоих типов в одном погребении. Однако думается, что это только вопрос времени, и они, несомненно, будут обнаружены так же, как недавно были найдены мечи с кольцевым навершием в одних погребениях с прохоровскими мечами с серповидным навершием.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список мечей и кинжалов с кольцевым навершием на территории СССР

Алтай и Средняя Азия. 1) могильник Катон-Карагай, раскопки С. С. Сорокина, 1963 г.; 2) Лявандакский могильник, кург. № 1 — О. В. Обельченко. Лявандакский могильник. ИМКУ, 2, Ташкент, стр. 105, рис. 10, 15;

Приуралье. 3) курган около с. Чумляк — М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, 37. Прг., 1918, стр. 55, табл. VII, *13*; 4) дер. Бугулчан, Куюргазинский р-н Башк. АССР, случайная находка; М. Х. Садыкова. Сарматские памятники Башкирии. МИА, 115, 1962, стр. 259, рис. 10, *10*; 5) Старые Киишки, кург. № XIV/1; ее же. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки. Сб.: «Археология и этнография Башкирии», I, 1962, стр. 107, табл. IX, *3*. 6) II Мало-Кизылский могильник, кург. № 3; К. В. Сальников. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. КСИИМК, XXXVII, 1961, стр. 94;

Поволжье. 7) ж.-д. станция Марычевка — ГИМ, инв. № 44657; 8—11) Калмыково, кург. № 1/1, 1/2,2, 4/4; И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 149—150, 155, рис. 50, *1*; 51, *4*; 12) кург. у с. Ан-

[35] К позднесарматскому времени относятся: 1) кинжал из кург. № 8 у Альт-Веймара, найденный вместе с покойником, ориентированным головой на север в подбойном погребении со следами горения. Это погребение датируется переходным временем, I—II вв. (И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 110, рис. 74); 2) меч из женского погребения в кург. № 34/1 Калиновского могильника (В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 390, рис. 49, *9*). Учитывая то, что череп покойницы деформирован, погребение надо датировать II в.; 3) «железный кинжал с прямой крестовиной (тип современного кинжала)», найденный в кург. № 25 II группы могильника «Три брата» в диагональном погребении с юго-западной ориентировкой покойника, погребенного с мечом без металлического навершия (П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата», произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, 1, 1936, стр. 154—155). В Саратовском музее сохранились обломки кольцевого навершия, происходящие из того же погребения (СОМК, инв. № 1469). Поэтому можно думать, что упомянутый кинжал был обычным кинжалом с кольцевым навершием, но только плохой сохранности. Само погребение следует датировать II, может быть — началом III в., так как на территории Калмыкии южная ориентировка покойников удерживается довольно долго; 4) меч, обнаруженный в подбойном погребении с северной ориентировкой покойника в кург. № 84 II Бережновского могильника (И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 85). Дата его II — начало III в.; 5) хорошо датирующийся по комплексу вещей и погребальному обряду этим же временем нож-кинжал из кург. № 67 II Бережновского могильника (там же, стр. 74); 6) кинжал из кург. № 1 второй группы у хут. Авиловского (И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях р. Иловли. Уч. зап. СГУ, XXXIX, Саратов, 1954, стр. 237, рис. 10). Деформированный череп покойника, ориентированного головой на север, наряду с погребальным инвентарем, позволяют его датировать II—III вв.

древка Мордов. АССР, раскопки П. Д. Степанова, 1963 г.; 13) Мариенталь, погреб. Д-22; P. Rau. Prähisterische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926, Pokrowsk, 1927, стр. 54, рис. 47; 14—20) Суслы, кург. № 1, 16, 23/1, 27, 43/1, 44, 49/2; П. С. Рыков. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925, стр. 27, 32, 35, 36, 42, 45; 21—24) Черебаево, кург. № 1/1, 2/1, 3/1, 5/1; И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 40, 45—46, 47, рис. 1, *2—3*, 9; 6, *3*; 25) Харьковка, погреб. III—I — раскопки Б. Н. Гракова и П. С. Рыкова, 1926; 26) Альт-Веймар, кург. № D. 6 — И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 110, рис. 74; 27) хут. Шульц, погреб. В-1; P. Rau. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, стр. 29, рис. 33 *A*; 28) хут. Шульц. кург. № Е25/19; И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 91; рис. 24; 29) Новая Молчановка, кург. № 1/5 — И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 132; 30—38) Березовка I, кург. № 1, 2, 4/5, 14/3, 15/2, 18, 27, 29, 35/15 — И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 58, 64, 78, 79—81, 90—91, 98, рис. 1, *4*; 6, *8*; 19, *6*; 23, *5*; 23, *10*; 30*а*; 39—42) Березовка, Южн. группа, кург. № 2/3, 2/11, 3/4, 4/1 — там же, стр. 114—117, рис. 37, *1, 2*; 35, *4*; 43—54) Березовка II, кург. № 14/15, 17/1, 19/2, 21/1, 21/2, 29/2, 66, 67, 81, 84, 95/1, 102 — И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 24, 32, 34, 37, 43, 73, 74, 84—85, 96, 103, рис. 9, *5, 6*; 27, *8*; 55—61) Политотдельское, кург. № 4/17, 4/20, 4/32, 6/1, 19/26, 20/10 — К. Ф. Смирнов. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское. МИА, 60, стр. 243, 244, 248, 253, 283, 293, рис. 16, *18*; 18, *7*; 31, *3*; 32, *9*; 62—65) Быково I, кург. № 4/9, 5/1, 7/4, 10/10; К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, 78, стр. 183, 184, 191, 200, рис. 6, *5*; 7, *1*; 11, *6*; 66) Быково II, кург. № 1/14 — там же, стр. 225; 67—69) Ново-Никольское, кург. № 5/16, 9/2 — раскопки В. П. Шилова, 1954 г.; 69—78) Калиновка, кург. № 1/2, 4/2, 6/5, 12/23, 14, 19/17, 19/20, 22/3, 34/1; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, стр. 326, 340, 342, 366, 368, 376, 377, 381, 390, рис. 49, *5*; 50, *16*; 49, 7, *8*; 50, *2*; 49, *1*; 40, *1*; 49, *6*; 50, *6*; 49, *9*; 79) Верхне-Погромное, кург. № 1/13 — раскопки В. П. Шилова, 1954 г.; 80—85) Верхне-Погромное, кург. № 1/13, 7/2, 7/6, 10/5, 11/4, 14/8 — раскопки В. П. Шилова, 1957 г.; 86) 15-й поселок, кург. № 5/2 — раскопки В. П. Шилова, 1958; г.; 87—88) Заплавное, кург. № 4/2, 7/4 — раскопки В. П. Шилова, 1958 г.; 89—90) Кара-Оба, кург. № 3/1, 11/2 — И. В. Синицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. Тр. ИИАЭ АН КазССР, I, 1956, стр. 125, 134, табл. IX, *1*, рис. 38; 91) Курпе-Бай, кург. № 4/2 — там же, стр. 107; 92) Курпе-Бай, кург. № 8; Т. Н. Сенигова. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. Тр. ИИАЭ АН КазССР, I, стр. 149, табл. VII, *1*; 93) Сайхин, северо-вост. группа, кург. № 1/2; И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 144—145; 94) Ленинск, кург. № 2/2— И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 140, рис. 48, *1*; 95) Дмитриевка, кург. № 1/1; П. Рыков. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г. Изв. НВИК, III, Саратов, 1929, стр. 139, рис. 7; 96) Болхуны, дюны — там же, стр. 148; 97) с. Куликовка, б. Вольского у. случайная находка — Саратовский областной музей краеведения, инв. № 362; 98) Верхний Колышлей, кург. № 2/2 — И. В. Синицын. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья. Сб. НВКМ. Саратов, 1932, стр. 62, табл. II, *1*; 99—101) хут. Авиловский, II группа, кург. № 1, 3/2, 7/7 — И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях р. Иловки. Уч. зап. СГУ, XXXIX, Саратов, 1954, стр. 237, 240, 252, рис. 10, 13, 27; 102—103) Старица, кург. № 42/4, 76/2 — раскопки В. П. Шилова, 1961 г.; 104) Кузин хутор, кург. № 2/1 — раскопки В. П. Шилова, 1962 г.; 105—106) Соленое Займище II, кург. № 3, 5 — раскопки В. П. Шилова, 1963 г.; 107) кург. около хурула Дедломинского — П. С. Рыков. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. Изв. НВИК, IV, Саратов, 1931, стр. 74; 108) «Три брата», II группа, кург. № 25 — П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, 1, 1936, стр. 154—155;

Предкавказье и Кавказ. 109) хут. Тузлукова — Б. В. Лунин. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938 и 1939 гг. «Памятники древности на Дону». Ростов н/Д, 1940, стр. 20, рис. 4; 110) Тамань, близ Голубицких хуторов — В. Сысоев. Габукойский курган. СМОМПК, XXII, Тифлис, 1897, стр. 45; 111) ст. Крымская — Краснодарский музей; 112) Краснодар, могильник на почтовой ул.— Краснодарский музей; 113) ст. Воронежская, курган — раскопки Н. В. Анфимова, 1949 г.; 114—115) Усть-Лабинский могильник, № 1, погреб. № 5, 10 — СГАИМК, I, 1926, стр. 92—93; 116—121) Усть-Лабинский могильник № 2, погреб. № 9 (1931 г.), 22 (1932 г.), 7 (1936), 55, 71, 88 (1938 г.) — Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 197, рис. 18, *2, 3*; 122) ст. Тбилисская, южн. окраина — Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 152; 123) между ст. Казанской и Тифлисской, кург. № 32 — ОАК за 1902 г. ГИМ; 124) ст. Казанская — ГИМ, инв. № 42381; 125) аул Габукой, курган — В. Сысоев. Ук. соч., стр. 37, табл. 2, *10;* 126) ст. Воздвиженская — ОАК за 1899 г., стр. 45, рис. 72; 127) Лысая гора, кург. № 1 — ГЭ, инв. № 2248/15; 128) дольмен около ст. Баговской — В. Сысоев.

Ук. соч., стр. 44; 129—130) могильник близ хут. Санькова — Н. Ф. Анфимов. Могильники сарматского времени в долине реки Урупа. КСИИМК, 65, 1956, 89, рис. 27, *2;* 131) с. Бамут, кург. № 1/13 — Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии СА, 1965, 2 стр. 177, рис. 4; 132) Кобань — В. Сысоев. Ук. соч., стр. 43; 133) Кубань, раскопки Е. Д. Фелицына — ГИМ инв. № 44752; 134) Карабудахкентский могильник, кв. IX, штык 7 — К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент. МАД, II, 1961, стр. 218; 135) Моздокский могильник, погр. № 2 — ГЭ, инв. № 1468/6; 136—137) Мингечаур, кувшинные погреб.— С. М. Казиев. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г. Изв. АН АзССР, 9, 1949, стр. 92, рис. 3, *11*;

Подонье. 139) Аненский р-н Воронежской обл., случайная находка — Г. И. Корнюшин. Сарматский меч из Воронежской области. СА, 2, 1961, стр. 246—247, рис. 1; 139—140) хут. Ляпичев, кург. № 7/4, 7/9 — «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936». М.— Л., 1941, стр. 185; 141—142) Кобяково городище, некрополь, погреб. № 7 (1957 г.), 14 (1950 г.) — раскопки С. И. Капошиной; 143—144) могильник около пос. Донского, кург. № 1/7 (1961 г.), 5/2 (1962 г.) — раскопки Кобяковской экспедиции;

Украина. 145) дер. Переездная, кург. № 3/2 — В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ., 1903 г. Тр. XIII АС, I, М., 1907, стр. 265, рис. 68; 146—148) окрестности Славянска, кург. № CCLIII/2, CCLIII/5, CCLIII/6 — «Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902». СПб., 1908, стр. 162—163; 149) курганы около с. Ново-Филипповка — Т. Г. Ободуева. Сарматські кургани біля м. Мелітополя. АП, IV, 1952, стр. 45—46, рис. 3, 7; 150—151) курганы около с. Ново-Филипповка — М. І. Вязьмітіна, В. А. Ільїнська, Є. Ф. Покровська, О. І. Тереножкін, Г. Т. Ковпаненко. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень». АП, VIII, Київ, 1960, стр. 39, 45—46, рис. 20, *1*; 29, *5*; 153—154) Аккермень, кург. № 3/8, 5, IV — там же, стр. 71, 86, 103, рис. 57, *4*; 67, *14*; 155) с. Долина, кург. № 1/1 — А. І. Фурманська. Курган біля с. Долини. АП, VIII, стр. 136, рис. 100, *4;* 156—157) Днепрострой, кург. № 26/6, 29 — раскопки М. А. Миллера, 1930 г.; 158) Смела, кург. № XIV — А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, I, СПб., 1887, стр. 40—41; 159—160) с. Залевки, случайная находка — там же, стр. 153; 161) Каневская кург. группа — ДП, III, Киев, 1900, табл. LV;

Боспор и Крым. 162—163) Пантикапей — Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, 33, 1954, стр. 149, рис. 5, *1, 2;* 164—165) Неаполь Скифский, мавзолей, каменная гробница, погреб. XXIV — Н. Н. Погребова. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского. МИА, 96, 1961, стр. 114, рис. 4, *1а;* 30, *1;* 166—169) с. Заветное — Н. О. Богданова. Могильник I ст. до н. е.— III ст. н. е. біля с. Завітне Бахчисарайського району. «Археология», XV, Київ, 1963, рис. 6, *2* (а также раскопки 1962—1963 гг.); 170) Ольвия, некрополь к западу от Заячьей балки — ОАК за 1908 г., стр. 84, рис. 75;

Молдавия. 171) кург. около с. Олонешты — А. И. Мелюкова. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты,. СА, 1962, 1, стр. 205; 172) могильник у с. Михайловское — «Каталог выставки XI АС». Киев, 1889, стр. 152.

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

ПОГРЕБЕНИЕ САРМАТСКОГО ТИПА ПОД САМАРКАНДОМ

К югу от Самарканда, за арыком Даргом находится степная полоса, которую ограничивает вытянутая в широтном направлении горная гряда — отроги Зарафшанского хребта. С тех гор, изобилующих ущельями, в период весеннего половодья в долину Зарафшана стекают саи, получившие свои названия по селениям, расположенным в ущельях. Самым крупным селением является Агалык, а Агалык-Сай — самым большим саем.

Неподалеку от западного берега русла Агалык-Сая, в 12 *км* юго-западнее Самарканда, находится цепочка из восьми курганов с интервалами в 40—50 *м*, вытянутая с юга на север. Высота курганов от 1 до 2,5 *м*, диаметр насыпей 20—30 *м*.

Осенью 1965 г. в цепочке около Агалык-Сая было раскопано два кургана. Наиболее интересным оказался курган № 5 в южной части цепочки высотой 1,5 *м* при диаметре 20 *м*. В насыпи были обнаружены обломки костей человека и фрагмент боковой стенки сосуда, покрытый красным ангобом. Курган был в древности ограблен.

Под насыпью кургана, в центре, находился дромос, ориентированный длинной осью с юга на север (рис. 1). При выемке земли из дромоса на глубине 1,5 *м* от древней дневной поверхности был найден обломок толстой ручки от крупного сосуда, покрытого серым ангобом. Южный конец дромоса закруглен, северный — прямоугольный. В южном конце дромоса был найден фрагмент толстой плиты из мраморовидной породы. Длина дромоса с юга на север 4 *м*, ширина в южном конце 1,8 *м*, в северном 2 *м*. В южном конце дромоса на глубине 2 *м* от дневной поверхности была сделана ступенька длиной 1,5 *м*, боковые стенки дромоса отвесные. Вдоль западной стенки дромоса, на уровне ступеньки в южном конце, был оставлен уступ шириной 20 *см*. Северная стенка дромоса отвесная, и глубина дромоса около нее от древней дневной поверхности 3,7 *м*. Пол дромоса ровный; вдоль его восточной стенки, по всей длине, был сделан подбой, свод которого осел. Дромос был вырыт в слое плотного слежавшегося крупнозернистого песка красноватого цвета, а подбой — в слое светло-желтого суглинка.

Пол подбоя находился на одном уровне с полом дромоса, длина подбоя 2,5, ширина 1,5, высота 0,6 *м*. На полу подбоя, на подстилке из войлока, обнаружены части скелета человека, лежавшего в вытянутом положении на спине, головой на юг, т. е. по длинной оси подбоя (рис. 2). Кости скелета плохой сохранности. Отсутствовали кости таза, почти не было ребер и костей рук. От позвоночного столба сохранилось несколько позвонков, на которых лежала теменная часть черепной коробки. Прочие кости черепа отсутствовали. Кости ног сохранились только от колен до ступней, они лежали не потревоженными. Около голени левой ноги рукоятью к поясу, находился железный двулезвийный меч с коротким прямым перекрестием в виде железной обоймы, надетой на лезвие и навершием в виде круглой пластины (рис. 3, *1*). Обломанный конец меча лежал слева от голени правой ноги, острием к ступне. Меч (чечевицевидный в разрезе) вместе с рукоятью имел длину 1,05 *м* и был плохой сохранности, на остатках его деревянных ножен, покрытых киноварью, местами сохранилась краска.

Справа от голений правой ноги, остриями к ступне, лежали восемь железных трехлопастных черешковых наконечников стрел с опущенными жальцами. Наконечники стрел средних размеров двух типов, у одних лопасти широко расставлены, а у других сужены (рис. 3, *2*). Правее скелета, в земле, заполнявшей подбой, найдены две железные пряжки в виде плоских колец (рис. 3, *4*). Диаметр одного кольца 6,5, а другого 7,5 *см*. У большего кольца имеется кнопка для застегивания ремня. Куски сыромятных ремней налипли местами на пряжку. Там же в засыпке лежал железный крючок длиной 9 *см* (рис. 3, *3*) и железная проколка с обломанным черешком (рис. 3, *5*). Ближе к обломку черепа лежал язычок от фигурной пряжки, лопаточкообразный конец которого был покрыт бронзой (рис. 3, *6*). Рядом была найдена костяная пуговица полусферической формы с прочерченными концентрическими окружностями на плоской стороне (рис. 3, *7*). Неподалеку от головы лежал железный нож серповидной формы с коротким черешком (рис. 3, *8*); нож был в деревянных ножнах, остатки которых сохранились на лезвии.

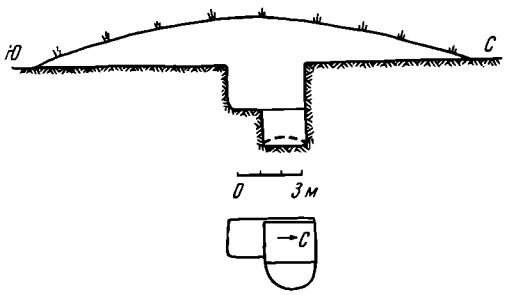


Рис. 1. Разрез кургана № 5 и план могилы

За головой погребенного, ближе к южной стенке подбоя, на боку, лежал кувшин с округлым туловом (рис. 4). Кувшин светло-коричневый изготовлен на гончарном круге и покрыт снаружи серым ангобом. Ручка, плоская в сечении со слегка выраженным желобком снаружи, прикреплена к венчику после изготовления кувшина на круге; корень ручки опущен на кольцевой валик, вылепленный на месте перехода горловины кувшина в тулово. Высота кувшина 22 *см*, диаметр венчика 7,5 *см*.

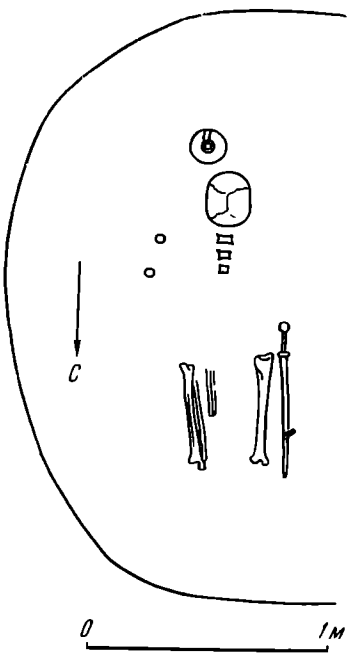


Рис. 2. План подбоя кургана № 5

Устройство насыпи кургана № 5 несколько отличается от всех ранее раскопанных курганов в степи за арыком Даргом. На сыпи курганов около селений Аксай, Миранкуль, Сазаган возведены из земли с камнями или же одних камней [1]. В насыпи же кургана № 5 по Агалык-Саю почти совершенно не было камней. Отличается этот курган от ранее раскопанных не только в Придаргомской степи, но и к северу от Самарканда [2] тем, что под его насыпью оказалась подбойная могила, а во всех выше указанных могильниках были обнаружены или грунтовые могилы или катакомбы.

Подбойные могилы в Средней Азии известны по раскопкам еще с прошлого столетия [3], в последние годы они открыты во многих районах Сред-

[1] О. В. Обельченко. Сазаганские курганы. ИМКУ, 7, Ташкент, 1966, стр. 66, 67.

[2] О. В. Обельченко. Могильник Акджар-Тепе. ИМКУ, 3, Ташкент, 1960, стр. 57—70.

[3] ОАК за 1891 г. СПб., 1893, стр. 112.

ней Азии. В Казахстане [4] и на Тянь-Шане [5] подбои устраивались в северной, длинной, стене дромоса, в курганах Боркорбазского могильника — в восточной стене дромоса [6].

На территории Бухарской области, в Кую-Мазарском [7] и Лявандакском [8] могильниках, подбои делались в западной стене входной ямы, а в

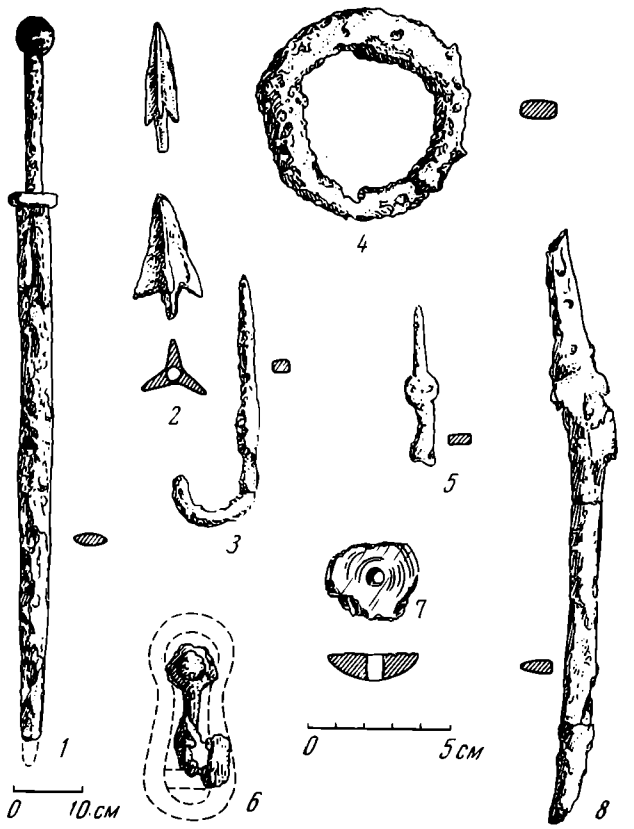


Рис. 3. Инвентарь из погребения кургана № 5

1 — меч, *2* — наконечники стрел, *3* — крючок, *4* — пряжка с кнопкой для застегивания, *5* — проколка, *6* — язычок пряжки с фигурной рамкой, *7* — костяная пуговица, *8* — нож

курганах около городища Шахри-Вайрон в степи Малик, подбои устраивались не только в западной стене могильной ямы, но и в восточной [9]. Подбои от входной ямы в могильниках Бухарской области отгораживались камышовыми фашинами и кусками гипса или же сырцовым кирпичом [10], в других курганных могильниках очень часто подбой закладывался валунами или каменными плитами [11]. Вопрос о закладке входа в подбой кургана № 5 по Агалык-Саю не совсем ясен из-за того, что курган был ограблен и сле-

---

[4] Е. И. Агеева. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 12, Алма-Ата, 1961, стр. 37, 38; К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 188.

[5] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 70, 71.

[6] С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник. Тр. ГЭ, V, 6, Л., 1961, стр. 140.

[7] О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. Тр. ИИА, АН УзССР, VIII, Ташкент, 1956, стр. 218.

[8] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник. ИМКУ, 2, Ташкент, 1961, стр. 119.

[9] Материалы раскопок готовятся к публикации.

[10] Его же. Курганы около селения Хазара. ИМКУ, 4, Ташкент, 1963, стр. 60, 61.

[11] А. М. Мандельштам. Могильник Арук-Тау в Бишкендской долине (Южный Таджикистан). КСИИМК, 76, 1959, стр. 75.

дов закладки не сохранилось. Возможно, что подбой в этом кургане отгораживался от дромоса каменными плитами. Фрагмент такой плиты был найден в засыпке дромоса кургана.

Подбойные могилы широко распространены на территории Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Крыма, причем устраивались они или в восточной, или в западной стене входной ямы. Различаются также подбойные могилы и по наличию или отсутствию ступеньки у стены, противоположной стене с подбоем.

Обычай трупоположения на подстилку из хвороста, камыша или войлока известен по курганным погребениям в Средней Азии [12], Нижнем Поволжье [13] и Южном Приуралье [14]. Южная ориентировка скелета в описанном погребении имеет много аналогий в захоронениях первых веков до нашей эры в Средней Азии. Она отмечена в Тамдинском могильнике (Южный Казахстан [15], в кургане «до усуньского времени» на левом берегу реки Аламедин [16], в Кувинском могильнике на трассе Южного Ферганского канала [17], в кургане около Катта-Курганского водохранилища [18].

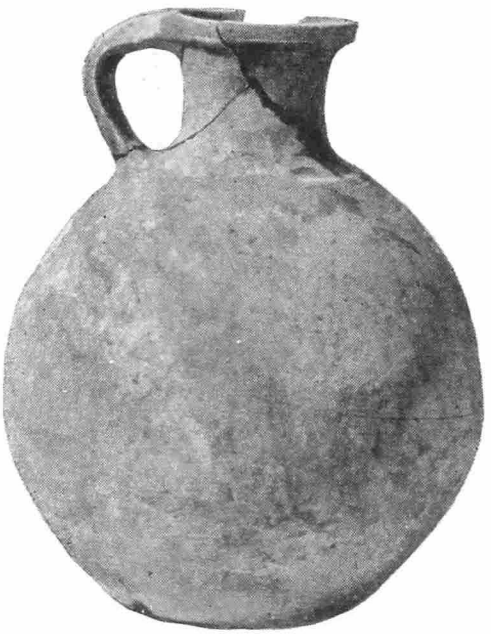


Рис. 4. Кувшин из кургана № 5

В погребениях II в. до н. э.—I в. н. э. в могильниках Бухарской области — Шахри-Вайронском, Кызыл-Тепинском, Лявандакском [19] и Кую-Мазарском [20] скелеты лежали головой на юг. Ориентировка скелетов головой на юг характерна для погребений III—I вв. до н. э. в подбойных могилах, исследованных в Нижнем Поволжье [21], в Западном Казахстане для погребений IV—II в. до н. э. [22] и в Южном Приуралье [23]. Ориентировка скелетов в погребениях является одним из элементов, определяющих датировку сарматских курганов, для которых положение скелета головой на юг характерно в захоронениях первых веков

---

[12] М. Э. Воронец. Отчет Археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вревская в 1947 г. Тр. Музея истории народов Узбекистана. I, Ташкент, 1951, стр. 43.

[13] П. С. Рыков. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925, стр. 3.

[14] К. В. Сальников. Сарматские курганы близ г. Орска. МИА, 1, 1940, стр. 125.

[15] А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, ИАН КазССР, 67, сер. археолог., 2, Алма-Ата, 1950, стр. 70—72.

[16] А. И. Тереножкин. Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. ПИДО, 1935, 5—6, стр. 142.

[17] В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. ИУзФАН СССР, 10, Ташкент, 1940, стр. 26.

[18] В. А. Шишкин. Археологические наблюдения на строительстве Катта-Курганского водохранилища. ИУзФАН СССР, 10, Ташкент, 1940, стр. 17.

[19] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник..., стр. 125—130.

[20] О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник..., стр. 220.

[21] И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 73.

[22] И. В. Синицын. Археологические памятники по реке Малый Узень. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 104, 105.

[23] К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 95.

до нашей эры[24]. Оружие, найденное в подбойной могиле кургана № 5, состоит из меча и наконечников стрел. Железный меч относится к уже известному типу мечей, найденных в курганах долины Зарафшана. Семь мечей такого типа было найдено в Кую-Мазарском могильнике, столько же в Кызыл-Тепинском могильнике, два меча в Шахри-Вайронском и три в Лявандакском могильнике. В последнем, в кургане около тригонометрического пункта[25] был найден меч, подобный агалыксайскому. Таким образом, количество мечей этого типа уже достигло двух десятков, из них восемнадцать совершенно одинаковых — с перекрестием и без навершия, а два меча имеют навершие в виде круглой пластинки (меч из кургана по Агалык-Саю и из Лявандакского могильника). Мечи с коротким прямым перекрестием без навершия были найдены на р. Исеть на Урале[26] и под Тюменью[27], они входят в число сарматских мечей Поволжско-Приуральского района[28] и относятся к памятникам челябинской группы сарматов IV—II вв. до н. э.[29].

Очень близок мечам из курганов Агалык-Сая и Лявандакского могильника кинжал из Ольвии, который имеет такое же навершие в виде круглой пластинки, но более длинное прямое перекрестие[30]. Мечи с коротким прямым перекрестием, но без навершия получили точную дату — вторая половина II в. до н. э. по монете последнего греко-бактрийского царя Гелиокла (155—140 гг. до н. э.), обнаруженной в подбойной могиле кургана № 14 Кызыл-Тепинского могильника в Бухарской области. В этой же могиле с монетой и мечом находился железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы с опущенными жальцами, аналогичный наконечникам стрел из кургана по Агалык-Саю. Восемь наконечников стрел, найденных в этом погребении, не совсем одинаковы по форме лопастей, у одних они несколько шире, а у других уже. Наконечники стрел первого типа аналогичны наконечникам из погребений III—I вв. до н. э. из Тамдинского могильника в Южном Казахстане[31]. Наконечники стрел второго типа были найдены в Каракольском усуньском могильнике III—I вв. до н. э.[32] Наконечники стрел таких же типов были найдены и в других могильниках Зарафшанской долины — Шахри-Вайронском, Кызыл-Тепинском, Кую-Мазарском и Лявандакском[33]. Железные трехлопастные, черешковые наконечники стрел с опущенными жальцами известны по погребениям в Южном Приуралье[34] и на Кубани[35].

Положение наконечников стрел при погребении в кургане № 5, где они лежали справа от голени правой ноги, обращенные остриями к ступне, характерно почти для всех погребений в подбойных могилах первых веков до нашей эры, обнаруженных в могильниках долины Зарафшана. Аналогичное положение наконечников стрел прослежено в погребениях некро-

[24] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3, стр. 120.

[25] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник..., стр. 131, рис. 8.

[26] А. Н. Зырянов. Курганы и городища в Шадринском уезде Пермской губернии и находки в них. Зап. УОЛЕ, VII, 3, Екатеринбург, 1888, стр. 74.

[27] A. Heikel. Antiquités de la Sibérie Occidentale, conservées dans les musées de Tomsk, de Tobolsk, de Tumene, d'Ekaterinebourg, de Moscou et d'Helsingfors. 1894, стр. 69, табл. XV.

[28] Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 156, 158, рис. 7.

[29] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 100.

[30] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 78, рис. 34.

[31] Л. Я. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э. ИАН КазССР, 67, сер. археолог., 2, стр. 120.

[32] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, 3, стр. 173.

[33] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник..., стр. 136 сл.

[34] К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 83, рис. 27.

[35] Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. ТСА РАНИОН, V, М., 1930, стр. 74, 86.

поля Танаиса[36] и в некоторых сарматских погребениях Нижнего Поволжья[37]. Наконечники стрел от долгого пребывания в могиле слежались в пучки, очевидно, они находились в колчане, который не сохранился. Железный крючок, лежавший справа от костяка, очень похож на крючки, употреблявшиеся для подвешивания колчанов[38].

Две железных пряжки в виде плоских колец совершенно одинаковы с пряжкой, найденной в кургане № 3 у бугра Соинова Кую-Мазарского могильника[39]. Подобная пряжка была обнаружена около станицы Магнитной (Южное Приуралье) в 1888 г.[40].

Пряжки в виде плоских колец с кнопкой для застегивания были найдены в погребении XIV могилы 24 некрополя Дура-Европос в Месопотамии[41]. Такого же типа бронзовые кольца с кнопкой и крючком для подвешивания известны из мавзолея Неаполя Скифского[42], а гладкие кольца с зажимами были найдены в погребении II этого же мавзолея[43]. Различные пряжки в виде колец с кнопкой для застегивания были широко распространены в скифо-сарматскую эпоху. Наиболее распространенной формой такой пряжки было кольцо с кнопкой-пуговкой и выступающим неподвижным крючком-язычком[44]. На пряжке из Агалык-Сая этот крючок уже отсутствует[45]. Однако принадлежность пряжки к поясному набору не вызывает сомнений.

От пряжки другого типа в кургане № 5 найден язычок с частью фигурной рамки (рис. 3, *6*). Идентичный язычок имеется у пряжки из кургана № 7 Кызыл-Тепинского могильника. Сохранившаяся верхняя часть рамки этой пряжки представляет собой прямоугольник, круглый в сечении. Пряжки с язычком и фигурной рамкой известны по находкам в кургане № 2 Лявандакского могильника[46]. Однотипная с этими пряжка известна из находок в сарматских курганах Нижнего Поволжья[47]. Формой рамки пряжка из кургана по р. Еруслану совершенно одинакова с пряжкой из кургана № 16 Кызыл-Тепинского могильника. У пряжки из сарматского кургана в Нижнем Поволжье нижняя часть утрачена, а у кызылтепинской пряжки рамка в сохранности. Следует отметить, что подобного рода пряжки пока неизвестны в курганных погребениях других районов Средней Азии. Судя по местоположению этих пряжек в кургане № 2 Лявандакского могильника, они были прикреплены к портупее, на которую подвешивался меч, и играли роль своеобразных антабок для регулировки длины ремня.

Железный нож из рассматриваемого погребения является весьма характерным и непременным атрибутом курганных погребений первых веков до нашей эры в низовьях р. Зарафшан. Ножи серповидной формы небольшой величины — постоянный инвентарь сарматских погребений Нижнего

---

[36] Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, 98, 1961, стр. 70.

[37] К. Ф. Смирнов. Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, 60, 1959, стр. 258.

[38] Его же. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 109, рис. 10.

[39] О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника. Тр. САГУ «Археология Средней Азии», IV, Ташкент, 1957, стр. 120.

[40] Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. МАВГР, III, М., 1889, табл. 6, *3*.

[41] N. P. Toll. The Necropolis. The Excavation at Dura-Evropos. II, London, 1946, стр. 135, табл. XVI.

[42] П. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, стр. 75, табл. IV, *1, 2*.

[43] Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. МИА, 96, 1961, стр. 126, 125, рис. 9, *1, 3*.

[44] М. Г. Мошкова. Раннесарматские бронзовые пряжки. МИА, 78, 1960, стр. 297 сл.

[45] Пряжка с кнопками без крючка найдена на Дону. А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, 53, 1954, стр. 74, 75, рис. 34, *3*.

[46] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник..., стр. 49, 50.

[47] И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья..., стр. 92, рис. 25.

Поволжья, Южного Приуралья и степей юга России. Как правило, эти ножи лежат при погребениях вместе с костями жертвенного животного, части которого клались в могилу.

Описанный выше кувшин из подбойной могилы Агалык-Сайского кургана № 5 прямых аналогий, судя по опубликованному материалу, среди памятников Средней Азии не имеет, что объясняется недостаточной степенью изученности керамики эпохи рабовладельческого общества в долине Зарафшана и на юге Узбекистана. Наиболее близким (по общему облику) можно считать кувшин из кургана № 14 Кызыл-Тепинского могильника, в подбойной могиле которого были найдены вместе с кувшином меч, наконечник стрелы и монета Гелиокла. Принадлежность кувшина к первым векам до нашей эры не вызывает сомнений.

По найденному в подбое кургана № 5 фрагменту черепа можно считать, что он принадлежал долихоцефалу. Заканчивая обзор и анализ находок из подбоя кургана № 5 Агалык-Сая, сделаем заключение о датировке вскрытого погребения. Погребальный обряд — захоронение в подбое на юг головой — широко известен. Он характерен для времени, предшествующего нашей эре, когда преобладала южная ориентировка погребенных. Наиболее четкие даты дает погребальный инвентарь. Железный меч несомненно относится к III—I вв. до н. э. Железные наконечники стрел с опущенными жальцами также бытовали в период, предшествующий нашей эре. Их появление в сарматских погребениях относится к IV в. до н. э., а во II в. до я. э. они преобладают. К этому же времени относятся и железные пряжки-кольца. Следовательно, по всем приведенным данным, захоронение в подбойной могиле по Агалык-Саю можно датировать II—I вв. до н. э.

При рассмотрении материалов этого погребения обращает на себя внимание большая близость погребения Агалык-Сая с сарматскими погребениями Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и юга России. Агалык-Сайский курган дал точно такой же материал, как и курганы бухарских степей времени, предшествующего нашей эре, а сарматообразный облик этих курганов нашел объяснение при критическом рассмотрении сведений древних авторов о политических событиях в Средней Азии во второй половине II в. до н. э.[48]. Накопление археологических материалов и тщательное изучение источников давно уже поставили вопрос о большой близости культуры саков Средней Азии со скифо-сарматской культурой степей Приуралья, Поволжья и юга России[49].

Полевые исследования последних лет, особенно в долине Зарафшана, позволили конкретизировать высказывавшиеся гипотезы[50].

Раскопки курганных могильников в Бухарской области показали, что во второй половине II в. до н. э. в Зарафшанскую долину проникли племена скифо-сарматского происхождения.

Открытие погребения сарматского типа под Самаркандом — еще одно доказательство самого широкого участия скифо-сарматских племен в культурной и политической истории Средней Азии.

---

[48] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник..., стр. 173—176.

[49] С. П. Толстов. Из предыстории Руси. СЭ, VI—VII, 1947, стр. 39 сл.

[50] С. П. Толстов. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. ВДИ, 1963, 2, стр. 42, 43.

Н. В. ХОЛОСТЕНКО

ИССЛЕДОВАНИЯ БОРИСОГЛЕБСКОГО СОБОРА В ЧЕРНИГОВЕ

Интереснейший памятник древнего зодчества — Борисоглебский собор в Чернигове до последнего времени оставался малоизученным. Историк Г. А. Милорадович [1] называл его одним из древнейших (в Чернигове). Другие дореволюционные авторы — М. Марков, А. Ярыгин, Е. Голубинский, Р. Васютинский [2] — несколько осторожнее писали о его дате. А. Шафонский [3] даже относил его сооружение к XVII в. Эти противоречия объяснялись большим искажением первоначального вида памятника и разрозненностью исторических сведений о нем. Д. В. Айналов справедливо отметил, что «...редко искажение приводило столь изящную, совершенно зрелую по своим строительным формам наружность... к столь уродливому и неузнаваемому виду...» [4]. Это суждение подтвердил Ф. Ф. Горностаев [5], который утверждал, что памятник сохранил древние хоры, часть апсид и что «...снаружи открыты части древнего карниза...». Обмеры, изданные при докладе П. Лашкарева [6] о черниговском зодчестве, показывали храм после реконструкции и были весьма приблизительны.

Прямых исторических сведений о времени сооружения храма нет, но «Слово о князьях» (XII в.) сообщает, что умерший в 1123 г. князь Давид Святославович был погребен в построенном им Борисоглебском соборе. Следовательно, храм был построен до 1123 г. Можно ограничить и раннюю дату строительства. Отец Давида Святослав Ярославич был инициатором постройки огромного каменного храма Бориса и Глеба в Вышграде, а сам Давид в 1115 г. участвовал в перенесении мощей Бориса и Глеба в новый собор. Можно думать, что после этого Давид и решил построить на своем дворе храм-усыпальницу, посвященный также Борису и Глебу. Таким образом, храм был сооружен между 1115 и 1123 гг. [7]

После разгрома монголами Чернигова и разрушения Борисоглебского собора в 1239 г. он был возобновлен во второй половине XIII в. митрополитом Максимом [8]. В XV в. о нем упоминается как о монастырском хра-

[1] Г. А. Милорадович. Черниговский Борисоглебский храм. Чернигов, 1889; его же. Описание черниговских соборов Спасопреображенского и Борисоглебского. Чернигов, 1890.

[2] М. Марков. О достопримечательностях Чернигова. Чернигов, 1816; А. Ярыгин. Путеводитель по Чернигову. Чернигов, 1900; Е. Голубинский. История русской церкви. I, М., 1901, Приложение; В. Васютинский. Чернигов, его святые храмы, чудотворные иконы и местночтимые святыни. Чернигов, 1911.

[3] А. Шафонский. Описание Черниговского наместничества. 1786.

[4] Из речи, произнесенной на заседании Комитета по устройству XIV Археологического съезда 10 августа 1906 г. «Труды предварительного Комитета по устройству XIV археологического съезда в г. Чернигове». Чернигов, 1906.

[5] Ф. Горностаев. Об архитектуре древних храмов Чернигова домонгольского периода. Тр. XIV АС, III, М., 1911.

[6] П. Лашкарев. Церкви Чернигова и Новгород-Северска. Тр. XI АС, II, М., 1902.

[7] «Слово о князьях». Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М., 1957, стр. 239; Сборник XII века Московского Успенского собора. 39, 1, М., 1899, стр. 35.

[8] Амвросий. История российской иерархии, III, М., 1811, стр. 426.

ме. Во время захвата Чернигова польской шляхтой в 1611 г. он сгорел, а в 1627—1628 гг., будучи переданным доминиканцам, превращен ими в костел. После освобождения от оккупации он был передан православным и в 1659 г. восстановлен и реконструирован Л. Барановичем. В 1702—1703 гг. [9] при храме была построена колокольня, при копке котлована для которой был найден «серебряный идол» [10]. В 1857 г. восточная часть собора была разобрана и заменена новой с увеличением ее длины на восток, а в 1889 г. храм был заново расписан, причем были стесаны ребра крестовых сводов под хорами.

Собранные нами графические материалы [11] показывают план здания уже после реконструкции 1659 г. Особенно интересен обмер, сделанный перед реконструкцией 1857 г. (рис. 1). Из него видно, что тогда была снесена не древняя восточная часть, а относящаяся к XVIII в. Внешний вид храма также показан с большими изменениями первоначального облика. Обмеры П. Лашкарева фиксировали собор после всех перестроек XIX в., в каком виде он и дошел до пожара и разрушений 1941—1945 гг.

Исследования И. В. Моргилевского остались неопубликованными. Поэтому, когда в 1946 г. встал вопрос о восстановлении собора, то в первую очередь потребовалось его обмерить и изучить. Первый этап исследований был проведен мною в 1947—1948 гг. [12] Но тогда многое еще осталось невыясненным, а по ряду вопросов нами высказывались лишь предварительные соображения. В 1961 г. В. А. Богусевич, пользуясь публикацией моих материалов М. А. Остапенко и своими наблюдениями, выступил с утверждением, что дошедший до нас Борисоглебский собор был «...заново построен во второй половине XII века (после 1175 г.)». Это свое утверждение он обосновывал ошибочными аргументами [13]. После 1948 г. в течение ряда лет нами проводились как специальные раскопки, так и исследования в процессе восстановительных работ и разборки поздних кладок. В эти же годы раскопки на территории между Спасским и Борисоглебским соборами открыли однокамерный терем XI в. и башню с проездом, второй половины XII в., а внутри Борисоглебского собора — двухкамерный терем начала XI в.[14] Сам собор исследован нами от низа фундамента до верха купола.

Исследования показали, что основное ядро памятника сохранилось в первоначальном виде и никогда не перекладывалось заново. Остались все наружные стены до верха арочного карниза под закомарами, а местами и нижние части закомар с основаниями окон, вся центральная часть храма с барабаном и куполом. Западные пилоны дошли до нашего времени вме-

---

[9] Во время реставрации колокольни, проводимой нами в 1955 г., архитектор М. Александрова нашла заложенную кладкой керамическую доску с прекрасной лепкой с указанием времени ее сооружения — 1702—1705 гг.

[10] М. Марков. Ук. соч. Из «серебряного идола» были отлиты царские врата собора.

[11] 1) Выкопировки из планов Черниговской крепости (Московский Военно-исторический архив) с изображением центральной части кремля 1751, 1771, 1776 и 1788 гг.; 2) планы Чернигова XVIII и начала XIX в., приложенные к статье А. Шугаевского. Чернигів XVIII стор.— кілька подробиць його топографії. «Науковий збірник за 1927 р.», Київ; 3) план центральной части Чернигова со Спасским и Борисоглебским соборами (кабинет Дома архитектора в Киеве) — из материалов И. В. Моргилевского; 4) обмер храма до реконструкции 1857 г.

[12] Материалы моего отчета использованы в публикации М. А. Остапенко. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові. «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 64.

[13] В. А. Богусевич. Зображення Сімаргла в древньоруському мистецтві. «Археологія», XII, Київ, 1961, стр. 82. Автор, очевидно, принял ремонтные кладки и кладки переложенных сводов за основные кладки собора.

[14] В. А. Богусевич. Раскопки в Чернигове. КСИА, 4, 1955, стр. 9 (раскопки здания с проездом); В. А. Богусевич, Н. В. Холостенко. Черниговские каменные дворцы XI—XII вв. КСИА, 1, 1952, стр. 32; Н. В. Холостенко. Черниговские каменные княжеские терема XI в. «Архитектурное наследство», 15, М., 1963, стр. 3—17.

Рис. 1. Собор до реконструкции 1857 г.

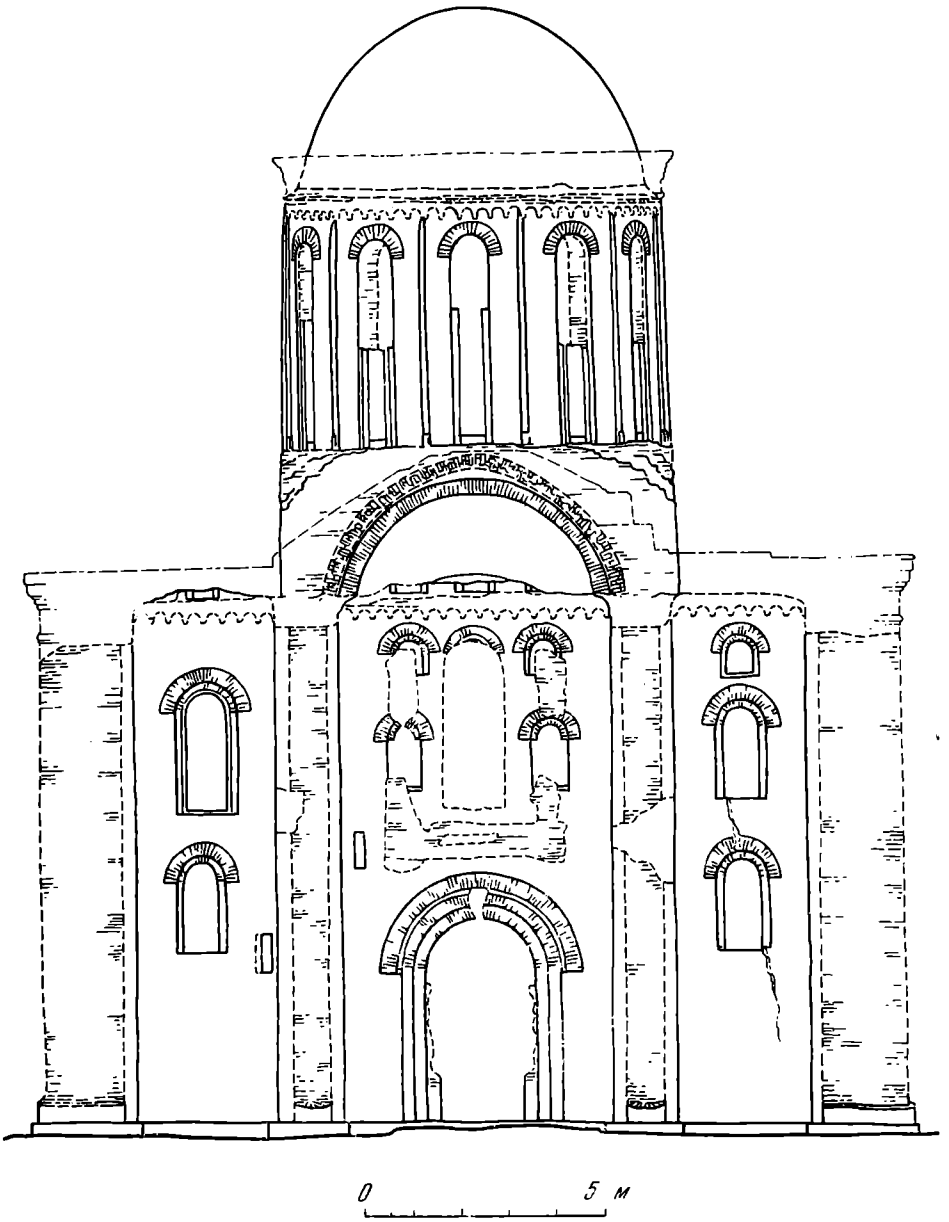


Рис. 2. Западный фасад. Древние части

сте с пятами подпружных арок, а местами и их нижними частями. Уцелели хоры и поддерживающие их своды. От древней алтарной части сохранились стены на высоту 60—80 *см* и обрубленные их части, примыкающие к торцам наружных и междуапсидных стен на всю их высоту. На рис. 2 показаны древние части западного фасада.

Все древние части памятника выложены из кирпича одного сортамента (рис. 3), формованного из глины каолинового типа (в обжиге светло-желтоватого тона) и характеризующегося высоким качеством [15]. Приводим данные химического анализа кирпичей Борисоглебского собора: Водопоглощение (среднее) — 14,5%; временное сопротивление на сжатие — 52—54 *кг/см*^{2} (кирпич из наружных частей кладки).

[15] Исследования кирпичей и растворов производились лабораторией силикатов киевского Политехнического института.

Лабораторный номер	Наименование	Потеря при прокаливании	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	TiO_2	CaO	MgO	SO_3	Сумма
975	Кирпич (плинфа) Борисоглебского собора	0,30	80,26	14,51	2,51	1,60	0,82	Следы	Следы	100,10

Основные размеры кирпича 32 × 28 × 4,0—4,5; 31 × 27 × 4,5; 29 × × 26 × 4,0—4,5. Кирпичная кладка очень характерна для определенной группы памятников [16]: это порядовая кладка с односторонней верхней

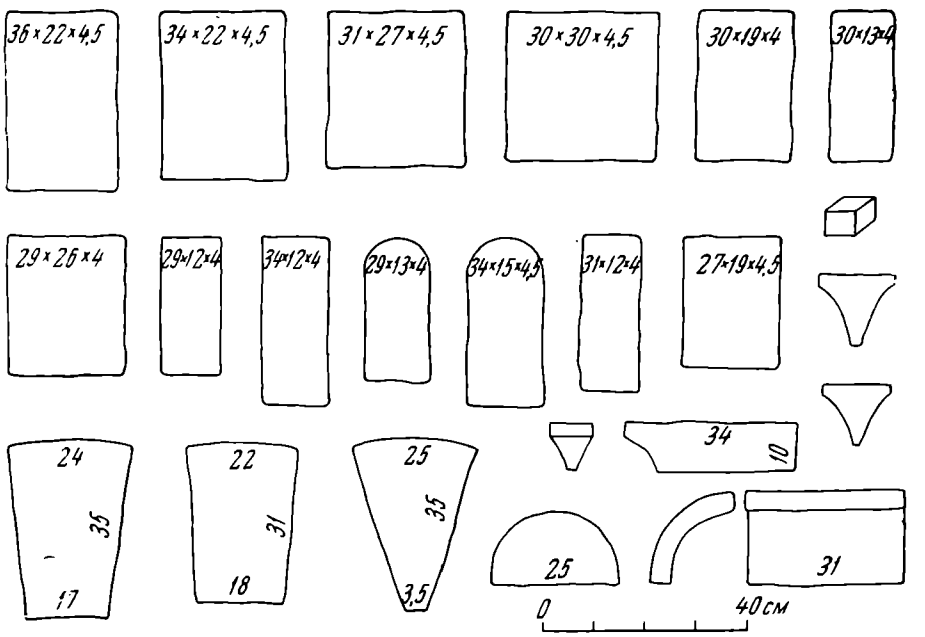


Рис. 3. Таблица сортамента плинфы

подрезкой шва и затертой до блеска его поверхностью. Этот тип кладки не имеет прямой связи с техникой кладки киевского круга памятников. Связующий раствор однороден, хорошего качества, с цемянкой, изготовленной из того же кирпича. Приводим химический анализ раствора [17]:

Наименование	Потеря при прокаливании	SiO_2	Fe_2O_3	Al_2O_3	TiO_2	CaO	MgO	SO_3	Нерастворимый остаток	Сумма
Раствор кладки	17,36	0,23	0,33	2,37	Следы	23,80	0,25	0,37	55,36	100,07
Нерастворимый остаток раствора	—	83,65	2,80	11,74	1,21	0,23	Следы	0,75	—	100,38

Состав раствора, определенный при изучении шлифа образца под микроскопом (в %): 1) цементирующее вещество — 77, 2) кварц — 5, 3) обломки кирпича — 15, 4) черное непрозрачное вещество — 3. Обломки кирпича от 3 *мм* и меньше, распространены равномерно. Прочность на раздавливание — 25,75 *кг/см*^{2}.

[16] Таблица памятников и их плинф — см. Н. В. Холостенко. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. «Памятники культуры», 3, М., 1961, стр. 65.

[17] Анализ выполнен лабораторией киевского Политехнического института.

Весь кирпич меченый. Немеченый встречается лишь в единичных экземплярах. Метки на кирпичах двух типов — писанные пальцем на постелистой стороне по сырой глине и рельефные знаки на боковых сторонах кирпича [18].

Среди меток интересна группа, воспроизводящая знаки Кирилловского алфавита (рис. 4). Характерна также группа меток типа княжеского знака («знака Рюриковичей»; в общем одного типа, лишь с индивидуальной манерой написания) (рис. 4). Наиболее многочисленны знаки типа «черт и резов» (рис. 5). Интересно, что прямые аналогии им есть среди знаков на кирпичах и черепице памятников средневекового Причерноморья, на стенах зданий древнеболгарской столицы Плиски, на кирпичах саркельской крепости и на среднеазиатских, в частности хорезмийских, кирпичах (рис. 5). Возможно, что здесь сказались южные связи Чернигова, имевшего прямые контакты с Северным Причерноморьем, Византией, Хозарией, Кавказом и Средней Азией [19].

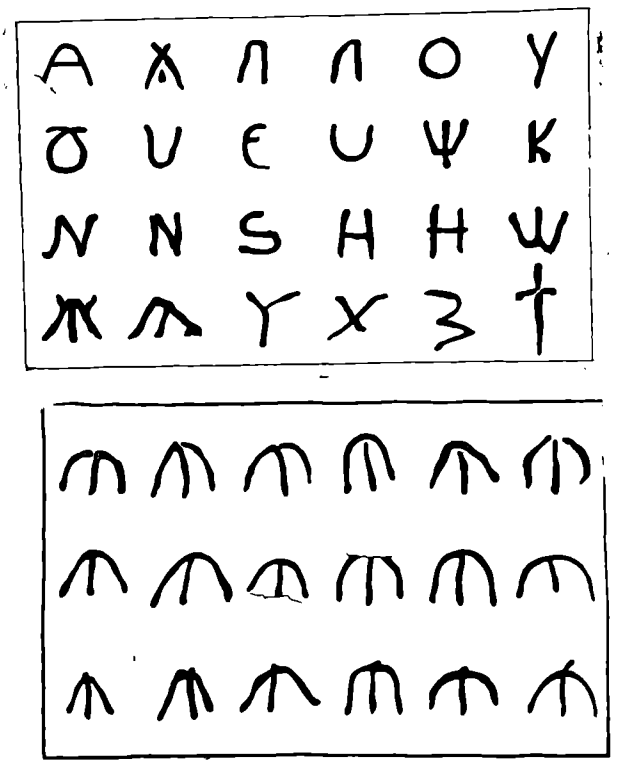


Рис. 4. Верхние четыре ряда — метки типа букв Кирилловского алфавита, нижние три ряда — метки «трезубцы»

Обследование расположения меченой плинфы в кладке показало, что некоторые части здания, например, полуколонны, пилоны, уступы порталов, простенки барабана и др., выполнены из кирпича с определенными типами меток, а другие части, особенно стены, имеют разнообразные метки. Распределение меток по частям сооружения показано на рис. 6 [20]. Возможно, что такое распределение знаков объясняется тем, что наиболее ответственные части сооружения и фасонные детали выполнялись основными мастерами, а более простая работа (например, кладка стен) — рядовыми работниками.

Отметим еще некоторые конструктивные особенности памятника. Боковые части хор основаны на крестовых сводах. В их пяты положены амфоры-корчаги «киевского» типа горловиной наружу. Аркосолии под хорами устроены в утолщенных стенах. Амфоры-голосники расположены в определенной системе (рис. 7). Сами хоры открыты в храм большими проемами. Паруса центрального купола сложены нависающими рядами, в их пяты также заложены корчаги и еще по две корчаги как голосники заложены на одной трети высоты парусов. Перекрытие лестницы на хоры и

[18] Сопоставление собранных рельефных и писаных на постелях меток показало, что по типу начертаний они идентичны.

[19] Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., 1964, стр. 196. Вспомним, что в 1117 г. на Черниговщину в устье Остра переселялись жители Саркела — Белой Вежи. Не они ли участвовали в строительстве Борисоглебского собора и не им ли обязано сходство знаков на его плинфе с восточными?

[20] На рис. 6, *а* метки, вынесенные на южном, западном и северном фасадах, расположены в гнездах от пальцев лесов (ур. ±0); метки у апсид находятся в первом верхнем ряду остатков стен апсид XII в. на ур. —2,52 *м*; кирпичи с метками на торцах прослежены по всей высоте подкупольных столбов; метки у полуколонн от —2,52 *м* до +8 *м*; у южного портала с уровня порога (—3,12 *м*).

все прокладные пояса-карнизы сделаны из шиферных плит. Барабан, возведенный на прямоугольном основании, имеет бочкообразную форму, слегка суживаясь вверх и в плане постепенно приближаясь к кругу. Купол сложен в один кирпич и в разрезе близок по очертанию к форме перевернутой цепной линии, что является следствием правильного выбора кривой образующей и хорошей пластичности раствора.

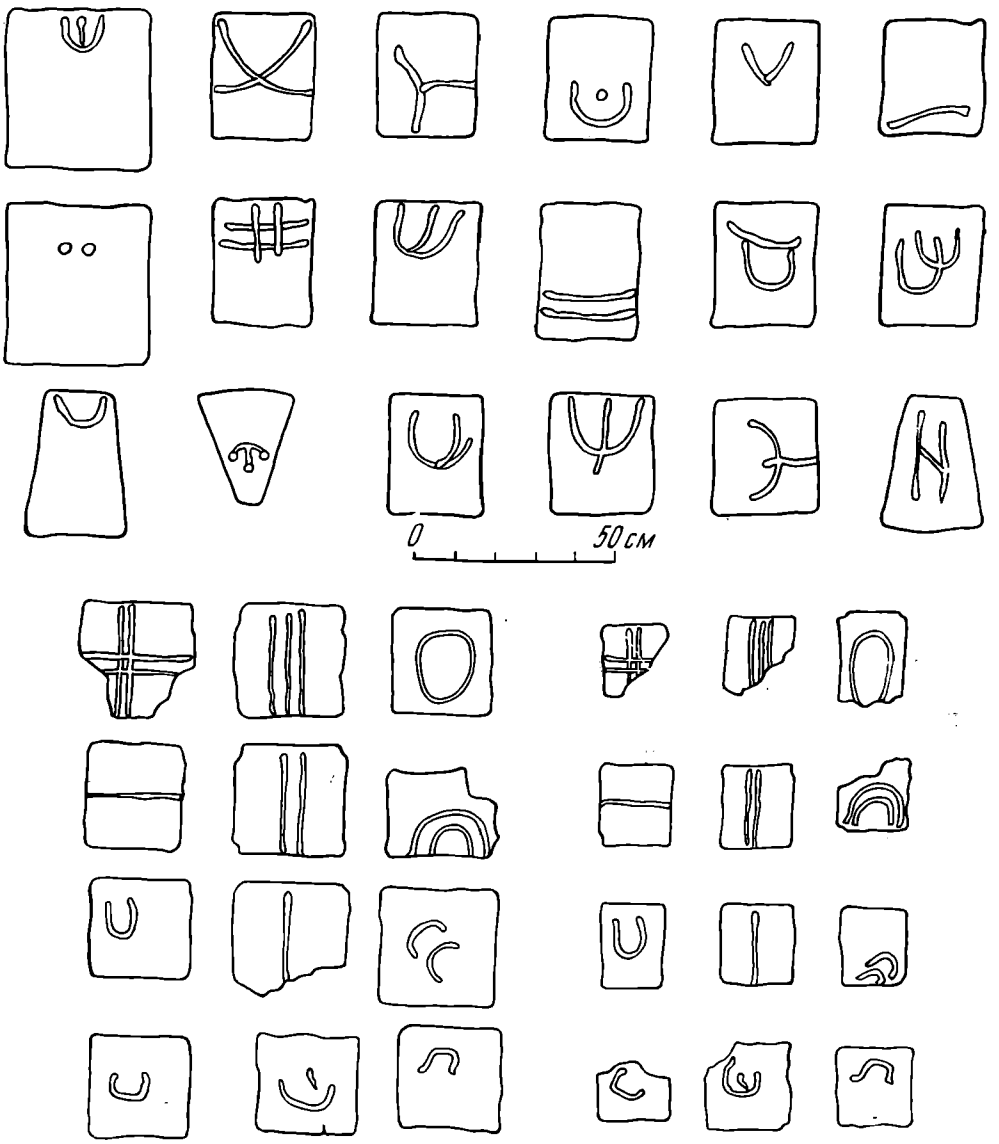


Рис. 5. Верхние три ряда — метки на постелистой стороне кирпичей; нижние четыре ряда — сопоставление борисоглебских и хорезмийских (слева) знаков на кирпичах

Наружные поверхности стен сразу после их возведения покрывались тонкой штукатуркой-затиркой с разбивкой белым известково-алебастровым раствором на квадры, имитирующие кладку из тесанного камня с правильной перевязкой швов, а в местах арок — с разрезкой их на клинчатые камни [21].

[21] Аналогичное покрытие фасадов имели Успенский собор Елецкого монастыря и Ильинская церковь в Чернигове. Обследование поверхности стен и изучение образцов штукатурок по всем трем памятникам показали, что раствор наносился сразу вслед за возведением кладки и состоял из тех же компонентов, что и кладочные растворы.

Приводим химический анализ штукатурки [22]:

Наименование образца	Потеря при прокаливании	SiO_2	Fe_2O_3	Al_2O_3	TiO_2	CaO	MgO	SO_3	Нерастворимый остаток	Сумма
Штукатурка-затирка Борисоглебского собора	38,37	0,49	0,23	0,84	Следы	41,85	0,66	0,64	16,02	99,05
Нерастворимый остаток штукатурки	—	83,20	3	10,43	1,72	0,34	0,42	0,72	—	100,03

Изучение под микроскопом в шлифе образца показало, что он состоит из зерен кальцита и каолинита, в которых есть отдельные кусочки известняка. Состав образца в %: 1) цементирующее вещество — 90, 2) кварц — 2, 3) обломки кирпича — 8, 4) черные непрозрачные зерна — незначительное количество.

Уступы порталов и декоративные ниши были расписаны, фрагменты росписи найдены при исследованиях. Внутри храм был оштукатурен и также покрыт фресковой росписью, которая исполнялась по дополнительно нанесенному слою штукатурки и прописывалась корпусной техникой. Фрагменты росписи уцелели на притолоках окон и двери с хор на «гульбище» [23], небольшие фрагменты наблюдались на стенах и простенках барабана. Основные цвета росписи — коричневый, красный, желтый, для фонов — синий и голубой. Много фрагментов фресок найдено при внутренних раскопках, некоторые из них с граффити.

Внутри храма обнаружены остатки нескольких сменявших друг друга полов: остатки сгоревшего пола 1941 г., полов XIX в., XVIII в. (первой и второй его половины), середины XVII в., XVI—XV вв., пола XIII в.; под ним лежал первоначальный пол из шиферных плит. Плиты положены на слое песка, под которым была подготовка из мелкого битого кирпича и раствора. Ниже — планировочный слой из земли, строительных остатков, лежащих на культурной прослойке, покрывающей слой сгоревшего поселения VIII—X вв. Отдельные части полуземлянок, попавшие в раскоп, врезаны в материковый лёсс. Ниже лёсса — уплотненный суглинок; под ним — прослойка серого песка, на которой и заложены фундаменты собора.

Пол из шиферных плит в самом храме лучше всего сохранился в центральном нефе (рис. 8). Плиты толщиной 6—8 см; размеры их разные, но выдержанные по длине в древнерусских мерах (152, 176, 183, 216 *см*). В центральном подкупольном пространстве сохранились остатки омфалия из резных шиферных плит с мозаичным набором. Бордюр его состоял из четырех последовательно примыкавших друг к другу плит размером 262 × 105 *см*, а центр — из двух плит по 152 × 76 *см*. Среди фрагментов плит найдены в россыпи смальты желтого, зеленого, красного, кремового и черного цветов. На обломке бордюрной плиты уцелел фрагмент мозаичного набора. Общий вид омфалия реконструируется по найденным фрагментам (рис. 9).

В алтарной части храма осталась лишь небольшая часть подготовки под пол и часть основания синтрона [24]. На подготовке под пол сохранились отпечатки и фрагменты керамических поливных плиток размерами

[22] Анализы проведены лабораторией силикатов киевского Политехнического института.

[23] М. А. Остапенко. Ук. соч., стр. 67, рис. 68.

[24] Пол здесь поврежден склепом XVII в., в котором была захоронена целая семья польского шляхтича в период, когда собор был костелом.

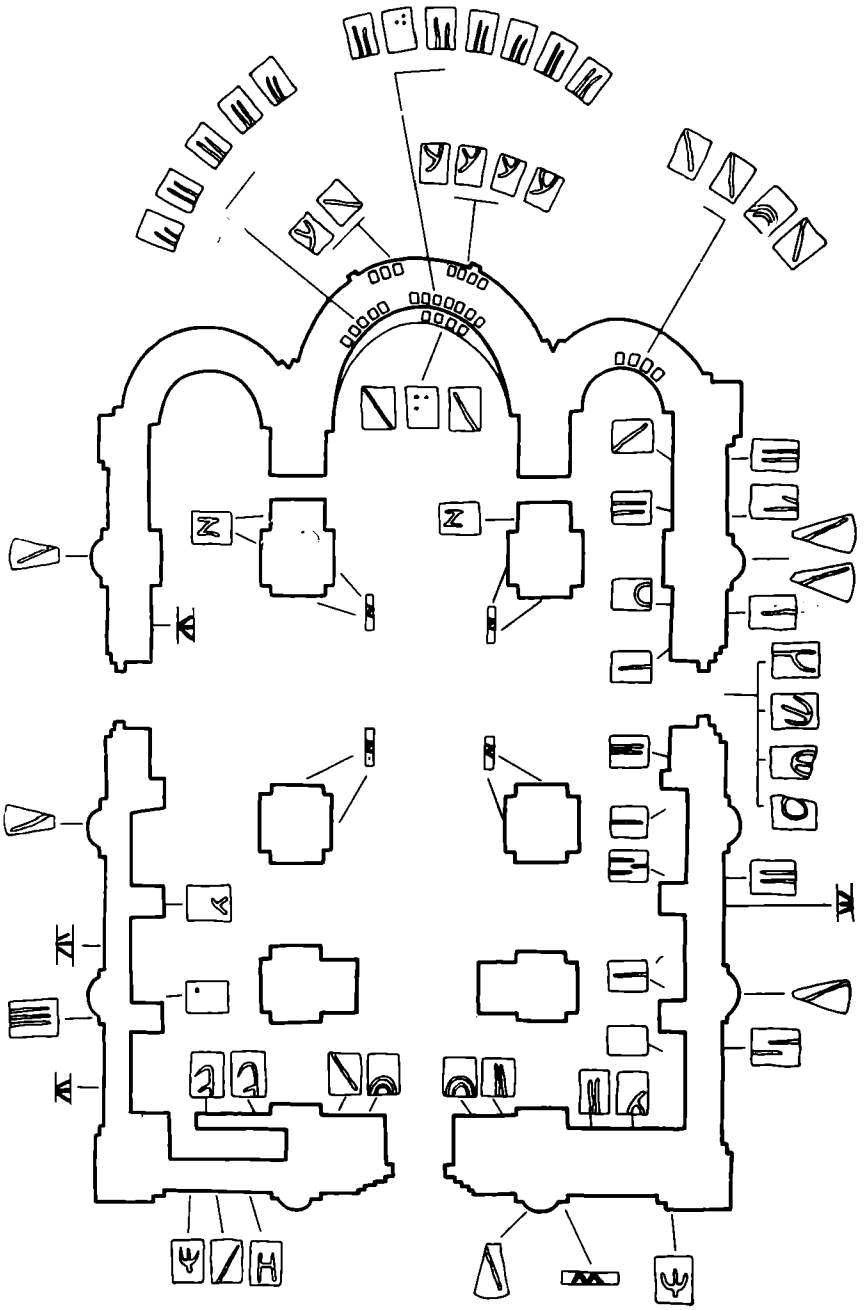


Рис. 6а. Расположение меток в нижнем ярусе

19 × 19,5 × 1,8 и 20 × 19,5 × 1,8—2,0 *см* зеленого и желтого цветов. В центральной апсиде найдены шиферные плиты от престола, положенные как подкладки под пол 1627—1628 гг.; под закладкой (из кирпича этого же времени) проема между апсидами обнаружена часть верхней плиты престола с резным орнаментом под мозаику. Престол было сделан из четырех боковых плит и верхней плиты, соединенных между собой в паз.

Исследования по линии алтарной преграды показали, что она была деревянная. На месте сохранились части брусьев основания. Уровень пола в алтаре был на 20—22 *см* выше пола собора, т. е. храм имел солею.

Раскопы в северном нефе выявили здесь епископские гробницы

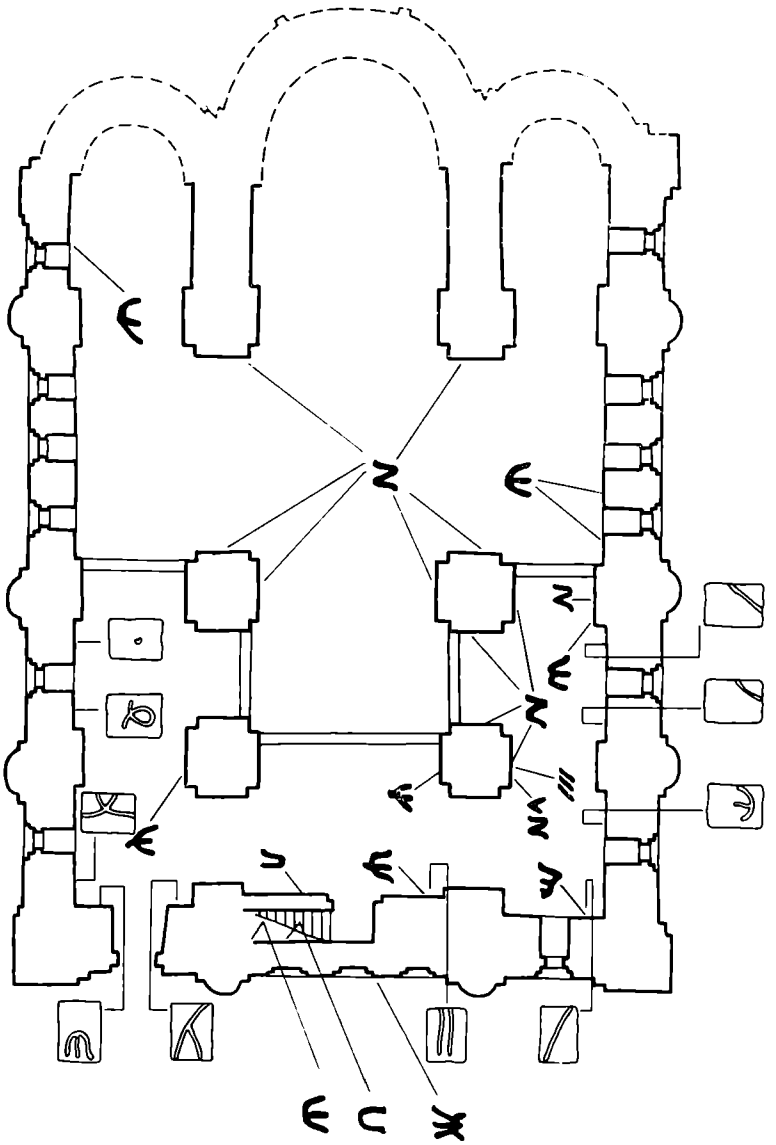


Рис. 6б. Расположение меток в верхнем ярусе собора

XVII—XVIII вв., лежавшие на различных высотах по отношению к уровню пола времени захоронения [25].

Под остатками же древнего пола лежали части сооружения, предшествовавшего строительству собора. Это был двухкамерный княжеский терем начала XI в. От его северной половины сохранился фундамент и стены на высоту от 50 до 70 *см*, а от южной — нижние части фундаментов в местах, где они не попали под пилоны собора (рис. 10). Кладка с западающим рядом opus mixtum. В основание фундаментов положен ростверк, деревянная же связь положена в основание стен. Очевидно, терем был двухэтажным с лестницей в средней стене [26]. Опыт его реконструкции дан на рис. 11.

Одновременно с понижением уровня пола производились работы по разборке закладок северного и южного порталов и понижение закладки

[25] Здесь была гробница Л. Барановича (№ 2), Ф. Иннокентиевича (1708) (№ 1) и одна неопределенная (№ 3), относящаяся к началу XVII в. Гробницы № 1 и № 2 перенесены в северную апсиду, а гробница № 3 повернута параллельно западной стене. Это дало возможность открыть остатки двухкамерного терема.

[26] Н. В. Холостенко. Черниговские каменные княжеские терема..., стр. 3—114.

порога западного портала. Из закладки южного портала были вынуты в 1950 г. две капители[27], при последующих работах в 1956 г.— два фрагмента одной из капителей, найденной в 1950 г. (с пальметтой), и фрагмент третьей капители, выполненной в манере ранее найденных. При понижении порога западного портала, кроме ранее обнаруженной здесь же капители с растительным орнаментом и фрагмента резной колонки, был найден угловой камень портала[28]. Восточнее, в засыпке срубной гробницы XVII в. была найдена половина капители со львом (рис. 12). Эта капитель по манере резьбы близка капители, обнаруженной в 1860 г. Этот фрагмент позволяет по аналогии с ранее найденными двумя реконструировать общую схему третьей капители (рис. 13). Схемы изображений на этих капителях, в общем очень широко распространенные, в частности, весьма близки по композиции к шитым медальонам ризы Антония Римлянина начала XII в.[29] При расчистке слоя пола XVII в. в южной части трансепта были найдены использованные как подкладки под лаги этого пола три куска резного камня. Составленные они образовали угловой камень от плинтовой капители, очевидно, угловых пилястр собора. Таким образом, от возможных восьми фасадных капителей найдено целыми и во фрагментах пять, один камень плинтовой капители пилястры, а также угловой камень и фрагмент полуколонны от портала. Все эти находки связаны с полом и закладками 1627—1628 гг., когда были разобраны закомары, сделан горизонтальный карниз на уровне капителей полуколонн, а сами полуколонны сбиты до уровня земли того времени.

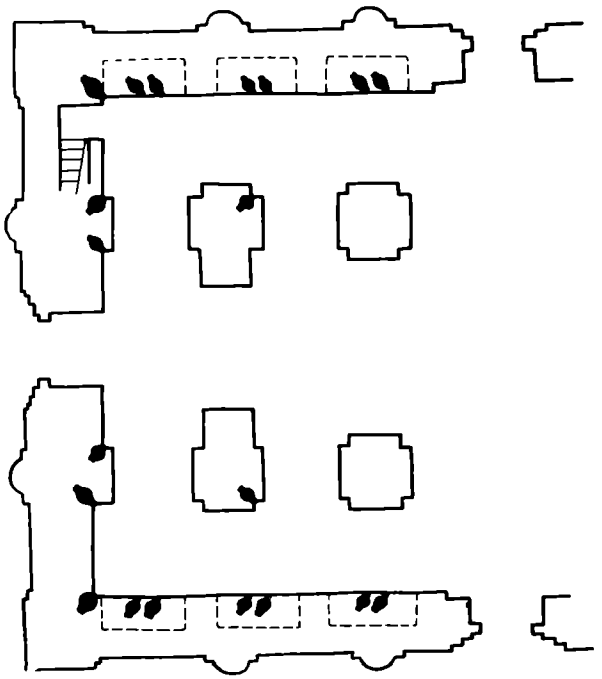


Рис. 7. Схема размещения голосников над аркосолиями

Раскопками вокруг Борисоглебского собора была вскрыта площадь около 1300 *м*^{2} (не считая раскопок между ними и Спасским собором), выявлен весь комплекс его обстроек. Раскопы были доведены до уровня их пола и отмосток и лишь выборочно опущены до материка у северной и южной каплиц и северного портала галереи.

Галереи шли вдоль северного и западного фасадов собора (рис. 14). Северная галерея заканчивалась одноапсидной каплицей, западная доходила лишь до юго-западного угла собора. На южной стороне у южного портала обнаружены остатки паперти, к которой с востока примыкала продолговатая каплица, оканчивающаяся апсидой[30].

Северная и западная галереи почти одинаковой ширины (внутри 3,9—4,1 *м*) и имеют сходное конструктивное решение. У стен собора пу-

[27] Н. В. Холостенко. Неизвестные памятники скульптуры древней Руси. «Искусство», 3, 1951, стр. 84—91.

[28] Там же, рис. на стр. 84 и 86.

[29] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.— Л., 1947, табл. 132, *б*.

[30] Западный угол южного фасада остался незастроенным, что, может быть, не случайно, а связано с окружавшей храм застройкой. При понижении грунта к югу

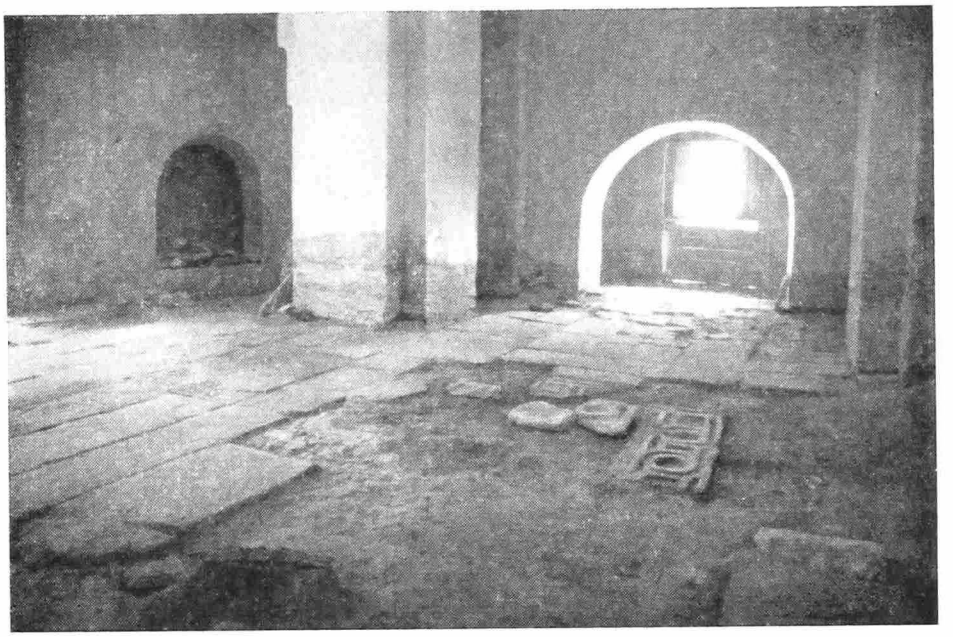


Рис. 8. Общий вид древнего пола

тем обкладки полуколонн по ширине пилястр создавался пилон, на который упиралась пята арки, переброшенной с него на пилястру наружной стены. Каждый такой отсек перекрывался крестовым сводом, образующим сверху плоское покрытие. Остатки этих конструкций лежали на полу и у стен. Здесь же найдены фрагменты арочного карниза галереи. Снаружи и внутри стены расчленены пилястрами, совпадающими по разбивке с пилястрами собора. Между пилястрами, внутри стен, размещены ниши-аркосолии такого же размера, как и внутри храма (186 × 60—65 *см*). Сохранились лишь их нижние части, а около северного портала — и нижние части их арочных завершений. Захоронений не сохранилось; найдены лишь мелкие кости, фрагменты гробов и отдельные предметы. В изголовьях подкладывались плинфы, частью современные их постройке, частью второй половины XII и XIII вв.: аркосолии заполнялись захоронениями постепенно. Своды и стены были покрыты фресками; найдено много их фрагментов и часть росписи на северной стене галереи в виде панели (завеса).

В остатках стен галереи сохранились низы порталов: в северной стене — одноуступчатого шириной 138 *см* и западного из полуколонок (рис. 15). Найден угловой камень и фрагмент полуколонки, видимо происходящие от западного портала галереи. Двери порталов ставились на подпятники: северная — на каменный, западная — на мраморный.

Полы галереи — из поливных керамических плиток (размерами 20 × ×20 × 2,0—2,2 и 19 × 19 × 2,3—2,5 *см*), которые постилались на цемянночном растворе по слою мелкого боя. В тех местах, где они перекладывались при устройстве под ними захоронений[31], они положены на глине. Плитки лежали рядами, параллельными стенам. Их расцветка: красно-коричневые, желтые, зеленые (в западной галерее попадались черные). Изучение сохранившихся остатков пола показало, что при наборе он делился на участки. В каждом участке ряды одного цвета укладывались по диагонали, но менялись направлением. Два диагональных ряда

от юго-западного угла собора начали попадаться строительные остатки, но дальше раскопы не расширялись, и выяснение этого — дело дальнейших исследований.

[31] При расчистке пола выявлено, что под полом северной галереи захоронения лежат рядами поперек галереи, разделенные стеночками в полкирпича. Захоронения не раскапывались в связи с ограниченными возможностями экспедиции.

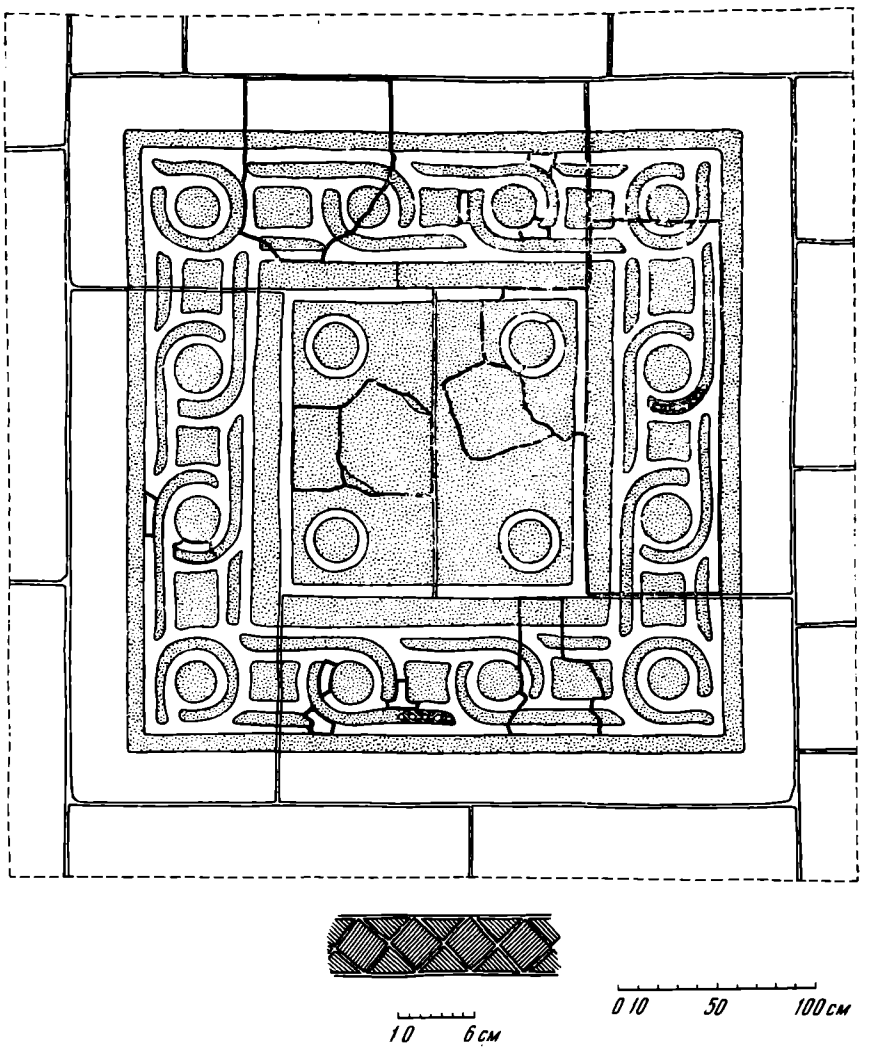


Рис. 9. Омфалий (реконструкция)

одного цвета разделялись рядом другого. Очень интересно, что такое разнообразие раскладки перекликается с мотивом раскладки цветов в украинских плахтах.

На уровне пола сделано много находок: фрагменты подсвечников, части хороса, кресала, обломки стеклянных браслетов и посуды, а также бронзовые подвески и пр.[32]

Каплица северной галереи отделялась от стены галереи двухуступчатой пилястрой. Каплица квадратная, 5,3 × 5,3 *м*. С востока полуциркульная маленькая апсидка, расчлененная по оси тонкой тягой. Внутри апсиды сохранилось основание престола из кирпича. С галереей каплица была связана нешироким проемом, а с собором — еще более узким, однако заложенным при строительстве собора. В наружной стене каплицы сделан аркосолий (185 × 85 *см*). Общая структура каплицы перекликается с решением Ильинской церкви[33]. Пол в каплице не сохранился, но на его

[32] После окончания раскопок были взяты образцы плиток, а пол прикрыт слоем песка, грунта и кирпичной выстилки.

[33] Северная каплица по общей композиции и размеру также близка к Боянской церкви (5,6 × 5,6 *м*). К. Миятев. Роспись Боянской церкви. София, 1961, табл. в конце текста.

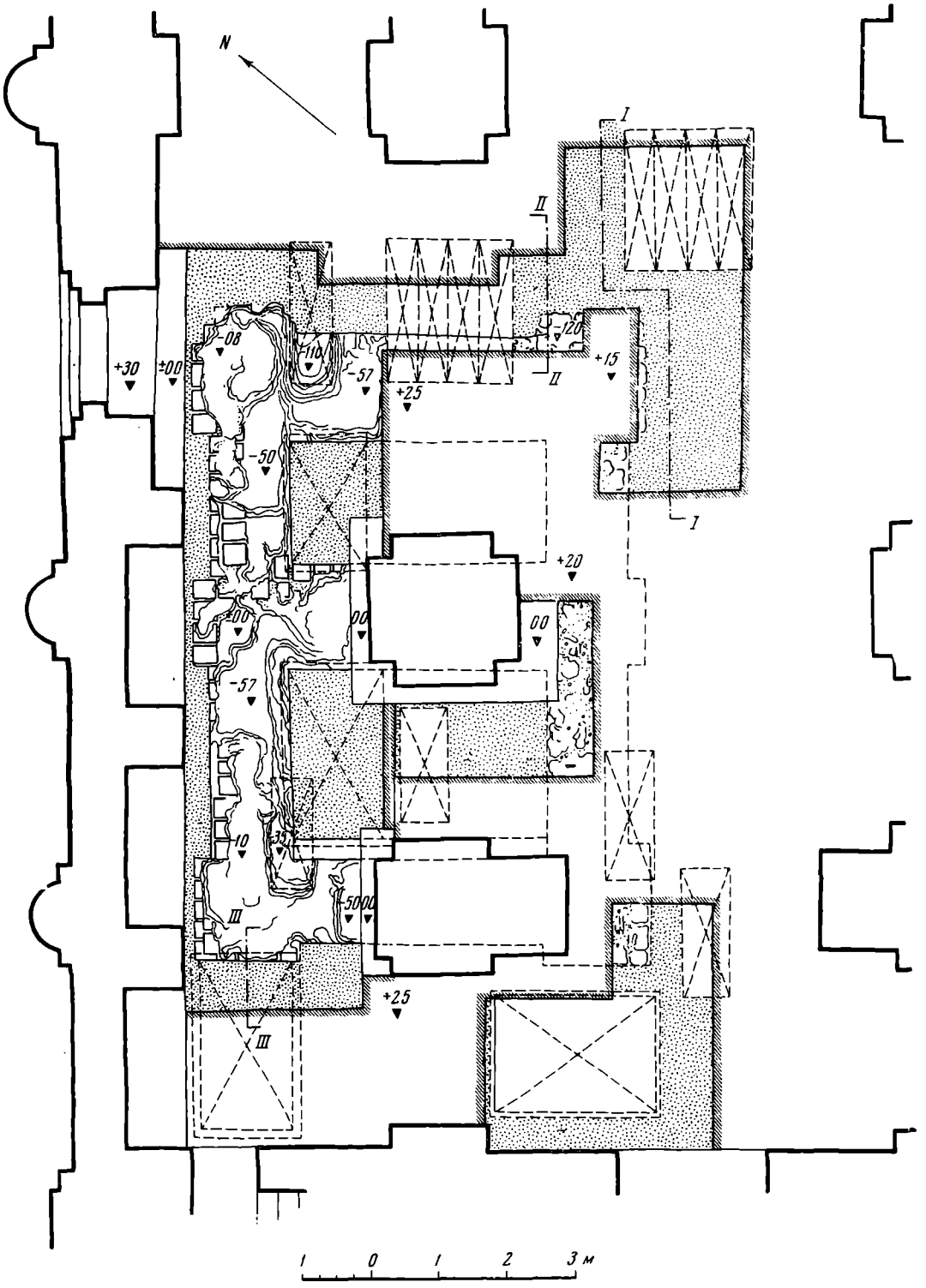


Рис. 10. Остатки двухкамерного терема

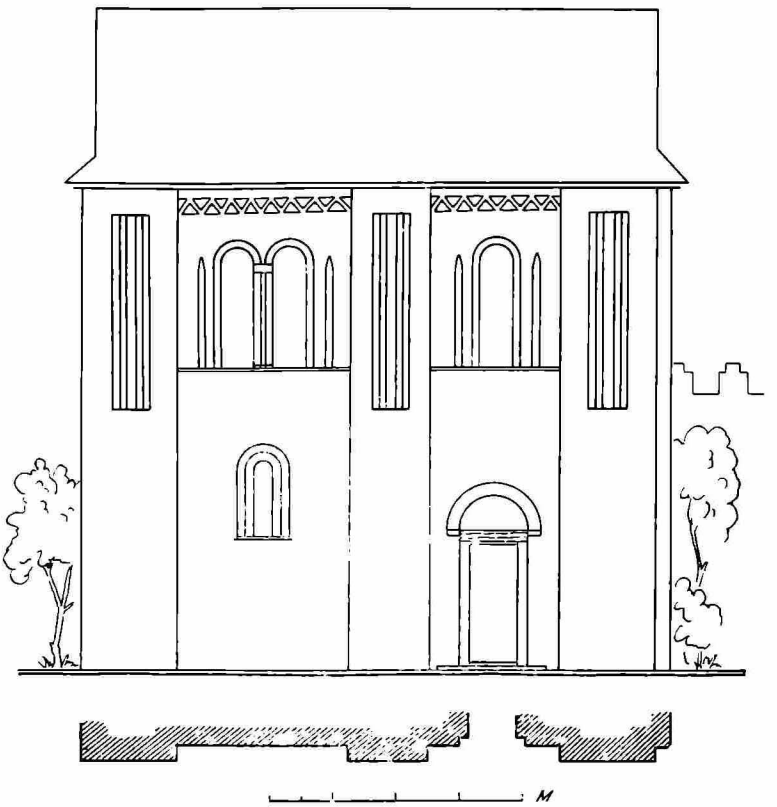


Рис. 11. Реконструкция терема

Рис. 12. Фрагмент капители со львом

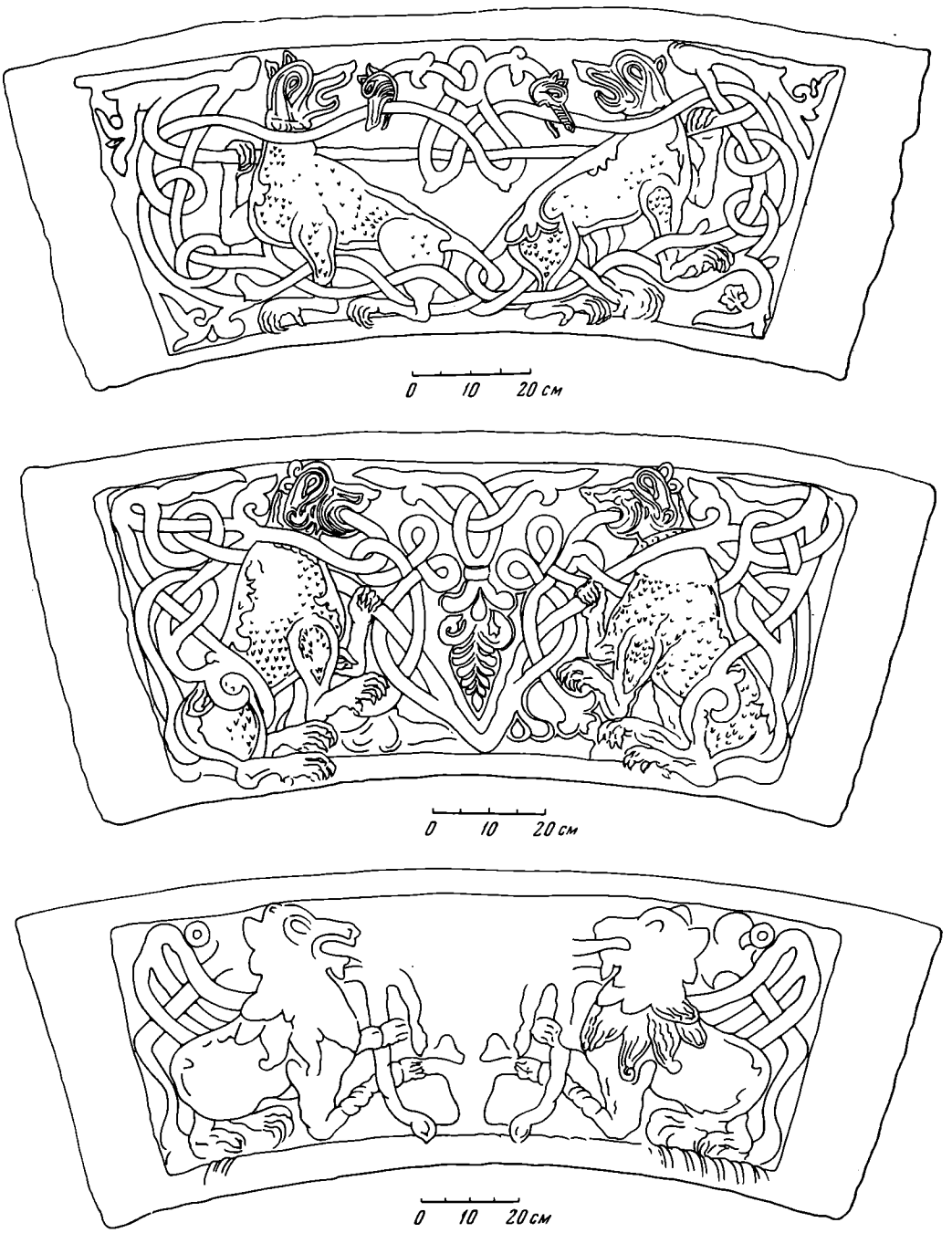


Рис. 13. Развертки двух капителей и схема капители со львом

уровне найдены в россыпи смальты кремового, зеленого и желтого цветов; возможно, пол был мозаичный.

Южная каплица вытянутой формы (ширина внутри около 3 *м*). Снаружи она имеет угловые пилястры. Внутри пол сильно поврежден захоронениями, остались лишь небольшие фрагменты подготовки и в россыпи смальты кремового, желтого и зеленого цвета; вероятно, как и в северной каплице, пол был мозаичный.

Стены южной паперти и ее внутренность сильно повреждены поздними захоронениями. Хорошо сохранился лишь ее юго-западный угол

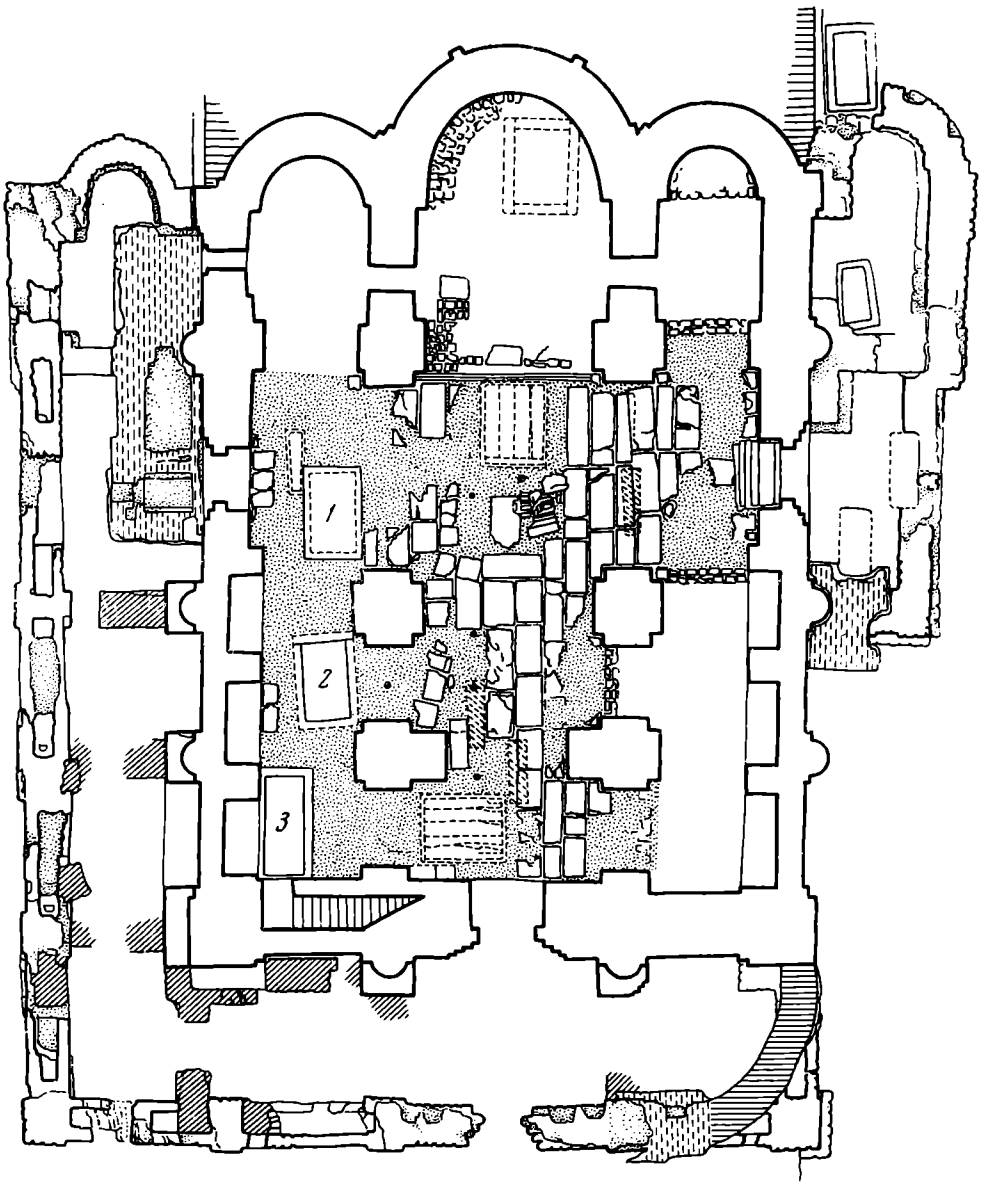


Рис. 14. Общий план собора с галереями

с раскрепованными пилястрами и фрагменты пола из таких же, как в галереях, керамических плиток. В развале ее стен найден богатый клад, уже описанный нами [34].

Реконструкция плана всего комплекса собора представлена на рис. 16, где показаны и соразмерности собора, полученные анализом его размеров и пропорций. Мастера приняли за единицу измерения простую тмутараканскую сажень — 152 *см* [35]. Это размер стороны пилонов, ему кратны и размеры собора. Разбивка его плана могла производиться с помощью шеста и веревки простыми геометрическими построениями с использованием закономерности квадрата и равностороннего треугольника с общим размером стороны. Перенос того же принципа на высотное построение показан на чертеже реставрации разреза (рис. 17). Общий вид

---

[34] Н. В. Холостенко. Клад у Борисоглебского собора в Чернигове. СА, 1962, 2, стр. 235.

[35] Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV веков. СЭ, 1949, 1.

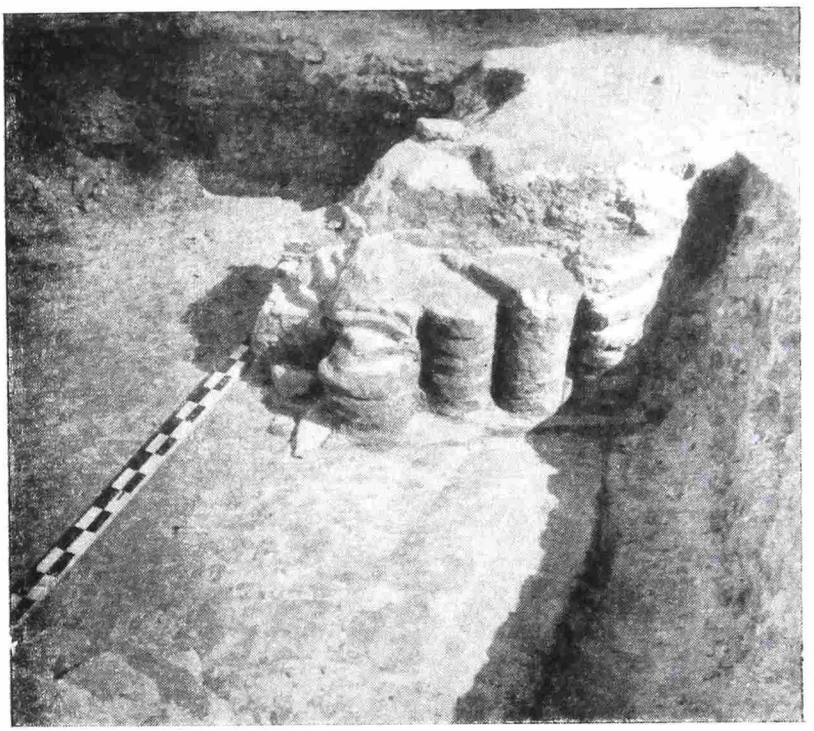


Рис. 15. Косяк западного портала галереи

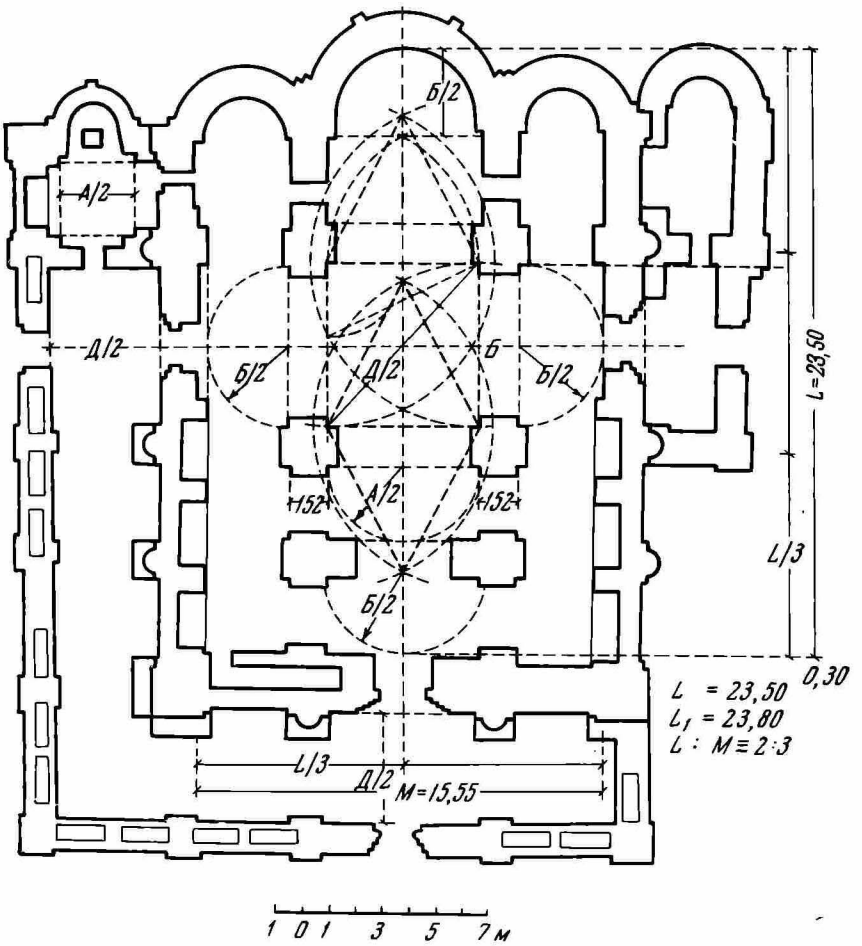


Рис. 16. План комплекса собора (реконструкция)

собора со всеми обстройками реконструируется на основе найденных фрагментов и сохранившихся частей (рис. 18).

Анализ конструкций обстроек, техники кладки, строительных материалов, в частности кирпича и знаков на нем, показывает, что галереи строились вслед за собором, во всяком случае, через незначительный промежуток времени. В третью очередь строилась южная каплица.

Установлено, что фундаменты собора глубиной 2,4 *м* были сложены в нижней части из плит известняка и дикого камня (встречаются также

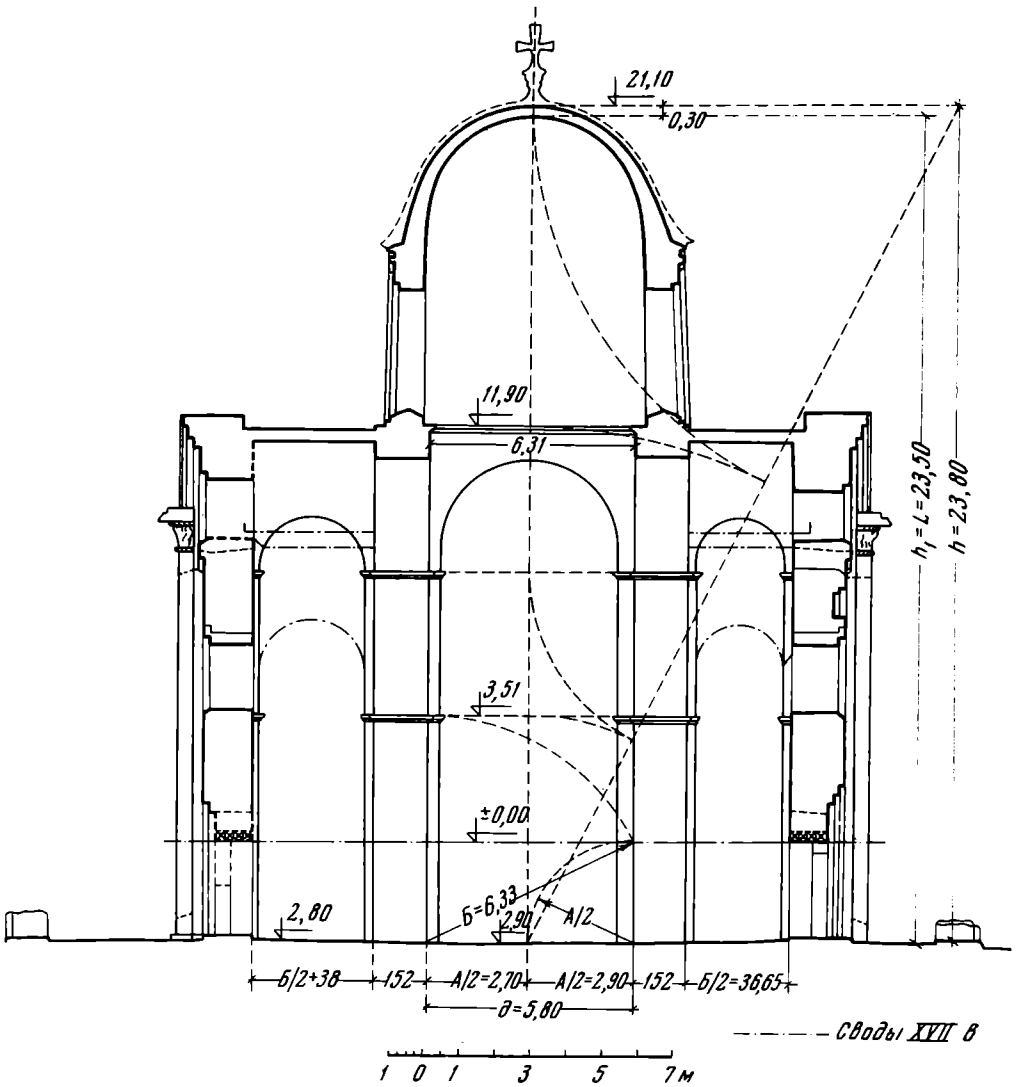


Рис. 17. Разрезы собора (реконструкция)

обломки кирпича и блоки кладки от разрушенных теремов), а выше идут 16 рядов из кирпича. В подошву фундаментов положена «основа» из двух бревен по всему их периметру. Фундамент галерей глубиной 1,1 *м* основан на культурном слое, покрывающем отложения сгоревшего поселения. Он сложен в нижней части из такого же плитняка, затем из кирпичного боя на растворе, перекрытого шестью рядами кладки. Фундамент южной каплицы глубиной 1,2 *м* имеет аналогичную конструкцию, но сверху перекрыт двумя рядами кирпича.

В процессе раскопок галерей установлено, что в них был произведен большой ремонт с закладкой поперечных арочных проемов (см. рис. 15).

При этом для прохода оставлялись проемы шириной 72—76 *см*. В угловых отсеках заложены были и ниши между пилонами у стен собора. Кладки эти выполнены очень характерным красным кирпичом (размерами 27 × 19 × 4,5—5,0 и 26 × 20 × 5,0 *см*) с рельефными знаками на торцах (рис. 19). Закладки делались порядовой кладкой, без подрезки швов, на розоватом растворе с крупной цемянкой. Кирпичи и тип кладки хорошо датируются второй половиной XII в. По размерам и меткам они весьма близки к кирпичу здания с проездом, открытого раскопками между

Рис. 18. Общая перспектива собора (реконструкция)

однокамерным теремом и Спасским собором[36], кирпичам и знакам Михайловской церкви (1173 г.)[37], Пятницкой церкви[38] и других памятников этого времени. Особенно близки они к кирпичам и знакам на них Михайловской церкви. В этом отношении весьма характерен имеющийся на кирпичах обоих памятников знак в виде двузубца с отрогом внизу. Такие знаки совершенно отсутствуют среди знаков Борисоглебского собора и обычны для памятников 60—80 гг. XII в.[39]

Ремонт галерей хорошо датируется 70—80-ми годами XII в. Для того, чтобы возникла необходимость в ремонте, должно было пройти 30—40 лет, следовательно, галереи строились в 20—30-е годы, что подкрепляет дату постройки памятника до 1123 г.

Раскопками установлено, что под застройку собора была отведена и заново спланирована часть территории княжеского двора с находивши-

---

[36] В. А. Богусевич. Раскопки в Чернигове, стр. 9.

[37] Многочисленные метки на кирпичах собраны нами осенью 1955 г. на открытых траншеями для прокладки водопровода частях стен.

[38] Н. В. Холостенко. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове. СА, XXVI, 1956, рис. 18, *1*.

[39] Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА, 11, 1949, рис. 6; С. Н. Ильин. Новый эпиграфический памятник XII в. в верховьях Волги. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 181, рис. 76; Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, 41, 1954. рис. 74, *а*; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940 (знаки из Родни, Селигера и Изяслава).

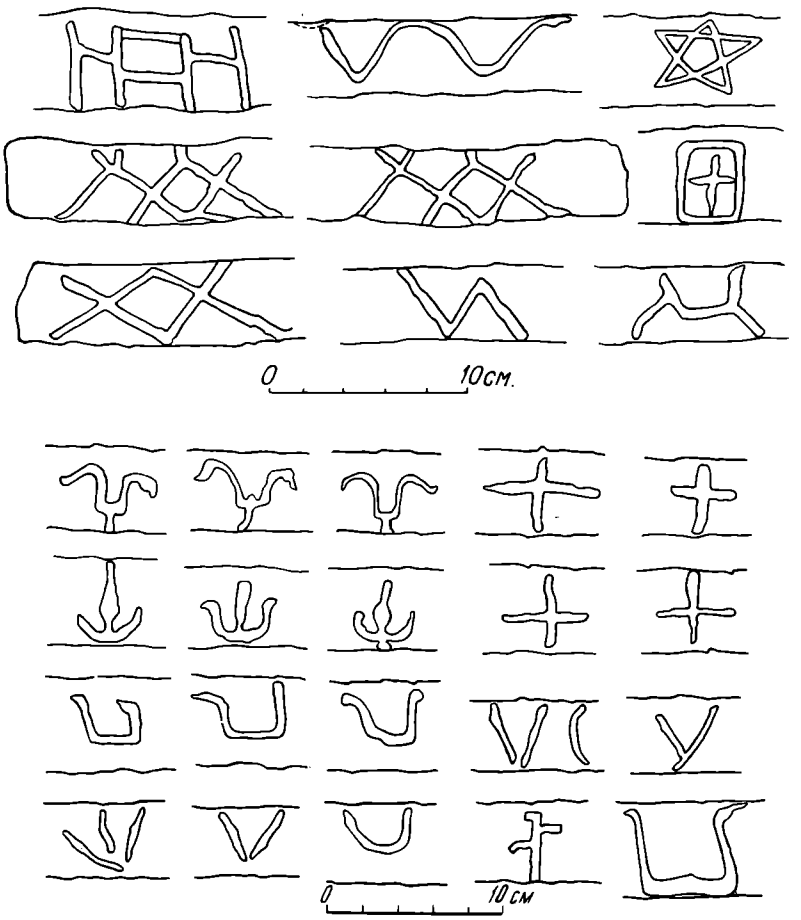


Рис. 19. Образцы меток кирпичей из закладок арок галерей

мися здесь и сильно обветшавшими сооружениями, разобранными при его постройке (рис. 20). Собор был поставлен таким образом, что одна из обнаруженных пока построек (двухкамерный терем) оказалась внутри его, а вторая — примерно в 15 *м* от его южной стены.

Что же вызвало необходимость такой реконструкции княжеского двора? Мы связываем ее с борьбой Владимира Мономаха за Черниговское княжество, кульминационным пунктом которой был бой за Чернигов в 1096 г., так красочно описанный самим Мономахом[40]. Давид Святославович, укрепившись на Черниговском «столе», к концу своего княжения предпринял капитальную реконструкцию «своего двора» и строительство «своего» храма — княжеской родовой усыпальницы.

Исследования памятника позволили установить характер и объем перестроек и реконструкций, которым подвергался собор за все время его существования. О ремонте XII в. мы уже говорили. В пожар 1239 г. выгорели все деревянные части, обрушились коробовые своды и пострадали галереи. В XIII в. покрытия были восстановлены в дереве, переложены тимпаны порталов и при ремонте обстроек северная галерея не восстанавливалась. При перестройке в костел (1627—1628 гг.) верхние своды были возобновлены, но поставлены значительно ниже древних, восточная же часть здания была заменена удлиненной на восток новой с устройством в ней католического престола. Отметим, что при устройстве новых сводов и других ремонтных кладок были применены плинфы от

[40] ПВЛ, 1, М.— Л., 1950, стр. 160, 161.

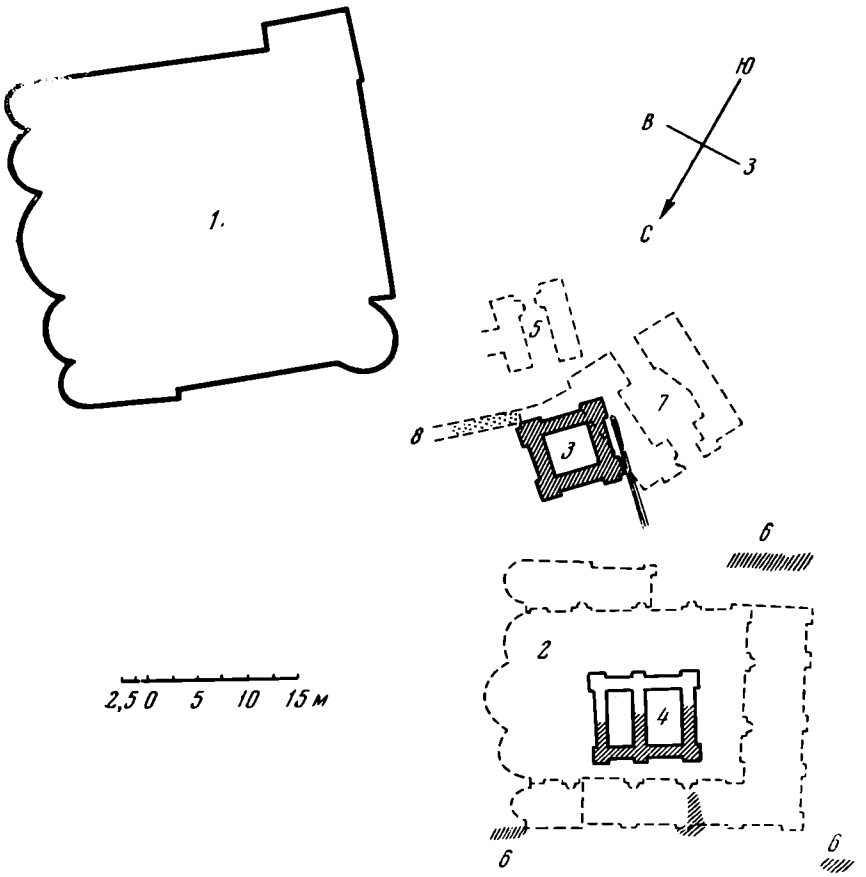


Рис. 20. План расположения сооружений между Спасским и Борисоглебским соборами:

1 — Спасский собор, *2* — Борисоглебский собор, *3* — терем однокамерный второй половины XI в., *4* — терем двухкамерный начала XI в., *5* — здание с проездом второй половины XII в., *6* — развалы кладок, *7* — колокольня XVII в., *8* — остатки стены ограждения

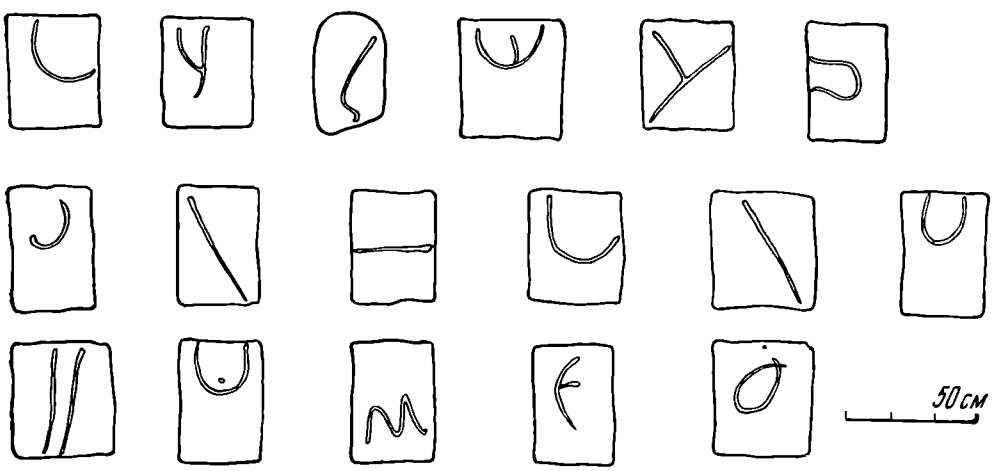


Рис. 21. Знаки неизвестного здания

разобранных древних сооружений; часть плинф была от разобранного в это время Благовещенского собора[41], а часть использована из руин неизвестного пока сооружения, находившегося, по-видимому, невдалеке. Сортамент кирпича этого здания показывает, что оно относилось к концу XII в. и по характеру архитектурных форм было близко к типу Пятницкой церкви. Кирпич его имел писанные острым инструментом знаки на их постелистой стороне, что является его характерной чертой (рис. 21).

При реставрационных работах после Великой Отечественной войны восточная часть XIX в. была разобрана и восстановлены древние апсиды. Была разобрана и поврежденная авиабомбой западная пристройка, а архитектурные формы по возможности реконструированы. Внутри здания пол оставлен на древнем уровне, а его сохранившиеся части реставрированы. Оставлены также для обозрения остатки кладок двухкамерного терема в северном нефе.

---

[41] Б. А. Рыбаков. Благовіщенська церква у Чернігові 1186 року за даними розкопок. «Архітектурні пам'ятники», Київ, 1950, стр. 55.

В. П. ДАРКЕВИЧ, А. Л. МОНГАЙТ

СТАРОРЯЗАНСКИЙ КЛАД 1966 ГОДА

В 1966 г. под руководством А. Л. Монгайта возобновились работы на городище Старая Рязань. В раскопе 7 на высоком берегу Оки в западной части Южного городища были вскрыты остатки большого наземного здания с бревенчатыми стенами и глинобитным полом. Местоположение и размеры здания (длина около 18 *м*), кладка из плинфы в его конструкции и богатый чисто светский инвентарь (импортная стеклянная и поливная керамика, бронзовый перстень-печать, книжная застежка, фрагменты бронзовых сосудов, серебряные колодочки от ожерелий, обрывок парчевой ткани) наводят на мысль о его дворцовом назначении. Возможно, постройка входила в комплекс княжеско-боярской усадьбы второй половины XII—первой половины XIII в.[1]. Вероятно, здание сгорело при взятии города Батыем 21 декабря 1237 г. В этот день после пятидневной осады город был взят штурмом и сожжен, а жители перебиты.

Для выяснения границ здания, которые прослеживались по мощному слою пожарища, к северу от раскопа была проведена траншея. В северной стенке траншеи на глубине 0,25 *м* был найден клад серебряных вещей. Это пятый клад Старорязанского городища (предыдущие были найдены в 1822, 1868, 1887, 1950 гг.).

Клад был зарыт второпях, в 4 *м* от дома, вероятно, в твердой смерзшейся земле и поэтому неглубоко. Вещи сложены компактно (денежные слитки внутри браслетов) и плотно завернуты в ткань, от которой сохранились небольшие фрагменты. По заключению Л. В. Ефимовой, ткань растительного волокна (лен или конопля). Переплетение полотняное. Плотность 18 × 18 нитей на 1 *см*^{2} ткани. Крутка нитей в основе и утке имеет одинаковое направление — справа налево. Нить утка более слабого кручения. Ткань неокрашена. Фрагмент ткани с отпечатками арочек створчатого браслета имеет следы края и швов. Возможно, вещи были завернуты в лоскут от одежды. Вместе с обрывком одежды могла попасть в клад нашивная полусферическая бляшка из серебра диаметром 0,8 *см*.

В состав клада входят:

1) Палочкообразный слиток серебра новгородского типа (рис. 1, *2*). Один конец слитка обрублен (длина 12,5 *см*), поэтому вес неполный (вместо 202—204 *г* — 132,83 *г*). На конце гривны с закругленной стороны — две прямых нарезки. Слитки «северного веса» бытовали в XI—XIV вв.[2]

2) Шестиугольный слиток серебра киевского типа (рис. 1, *1*). Вес 158,74 *г*, длина 7,3 *см*. Подобные слитки в большом количестве находят в кладах, связанных с монгольским нашествием[3].

3) Витой серебряный браслет (рис. 1, *3*). Размеры 7,5 × 6,5 *см*. По типологии А. В. Арциховского относится к типу III. 2 × 3 (отдел вяти-

[1] Выводы о назначении и архитектурном облике здания носят предварительный характер. Раскопки комплекса будут продолжены в 1967 г.

[2] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

[3] Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954, стр. 28.

ческих витых браслетов)[4]. Между витками толстого дрота пропущена витая сканная проволока.

4) Витой серебряный браслет (рис. 1, *4*). Размеры 7,8 × 6,7 *см*. Относится к тому же типу, но сделан грубее. Сканная нить отсутствует. Оба браслета характерны для вятического комплекса курганных украшений. В большинстве случаев их изготовляли из меди, серебряные экземпляры редки[5]. К последним относится браслет из клада 1927 г. у дер. Мужищево (бывш. Ржевский уезд Тверской губ.)[6]. «На северо-запад этот тип доходит до Вотской пятины, на северо-восток — до костромских кривичей. Исторический музей имеет такие браслеты из губерний: Ленинградской, Тверской, Московской и Калужской»[7]. По А. В. Арциховскому, витые браслеты типа 2 × 3 характерны для XIV в.[8]. В рязанском кладе они не могут быть позднее 1237 г.

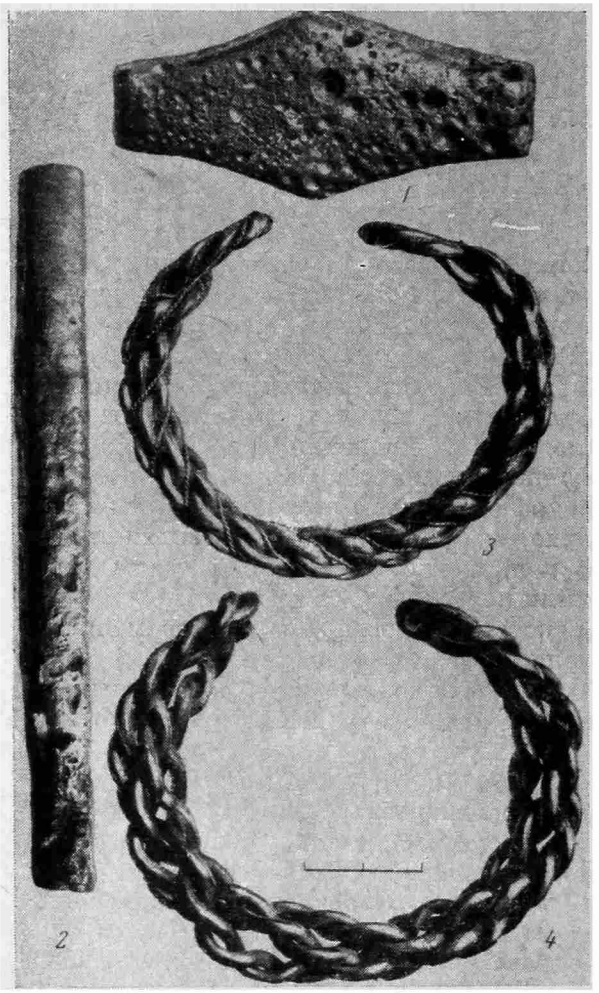


Рис. 1. Вещи клада из Старой Рязани

1, 2 — денежные гривны, *3, 4* — витые браслеты

5, 6) Для истории древнерусской культуры особенно интересны два серебряных с чернью и позолотой наруча (рис. 2, 3, 4). Среди пластинчатых браслетов XII—XIII вв. они одни из самых художественных. Судя по близости декоративных приемов, принципов построения орнамента и стиля рисунка, они синхронны и вышли из одной ювелирной мастерской.

Диаметр браслетов 6,5, ширина 5,4, толщина стенок 0,15 *см*. Они состоят из двух полукруглых створок на шарнирах. Изображения обрамлены накладной серебряной проволокой, образующей арочки и прямоугольные клейма. Проволока позолочена и разделена частыми поперечными бороздками, что создает видимость зерни[9]. Позолотой покрыты

[4] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 12.

[5] Там же, стр. 12, 25.

[6] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., табл. LXII, *6*.

[7] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 13.

[8] Там же, стр. 137.

[9] Инструмент для изготовления рубчатой проволоки описан Теофилом (конец X — первая половина XI вв.) «Кусок железа делают тонким, как соломинка, длиной в палец и четырехугольным, но с одной стороны шире. Концы, на которые приходятся ручки, загнуты кверху, а снизу по длине сделан разрез, выпиленный наподобие борозды, по обеим сторонам которого имеются острые ребра. Таким инструментом обрабатывают золотую и серебряную проволоку, толстую и тонкую, так, чтобы на ней появились зерна». Теофил. Записка о разных искусствах. ВЦНИЛКР, Сообщения, 7, М., 1963, стр. 120.

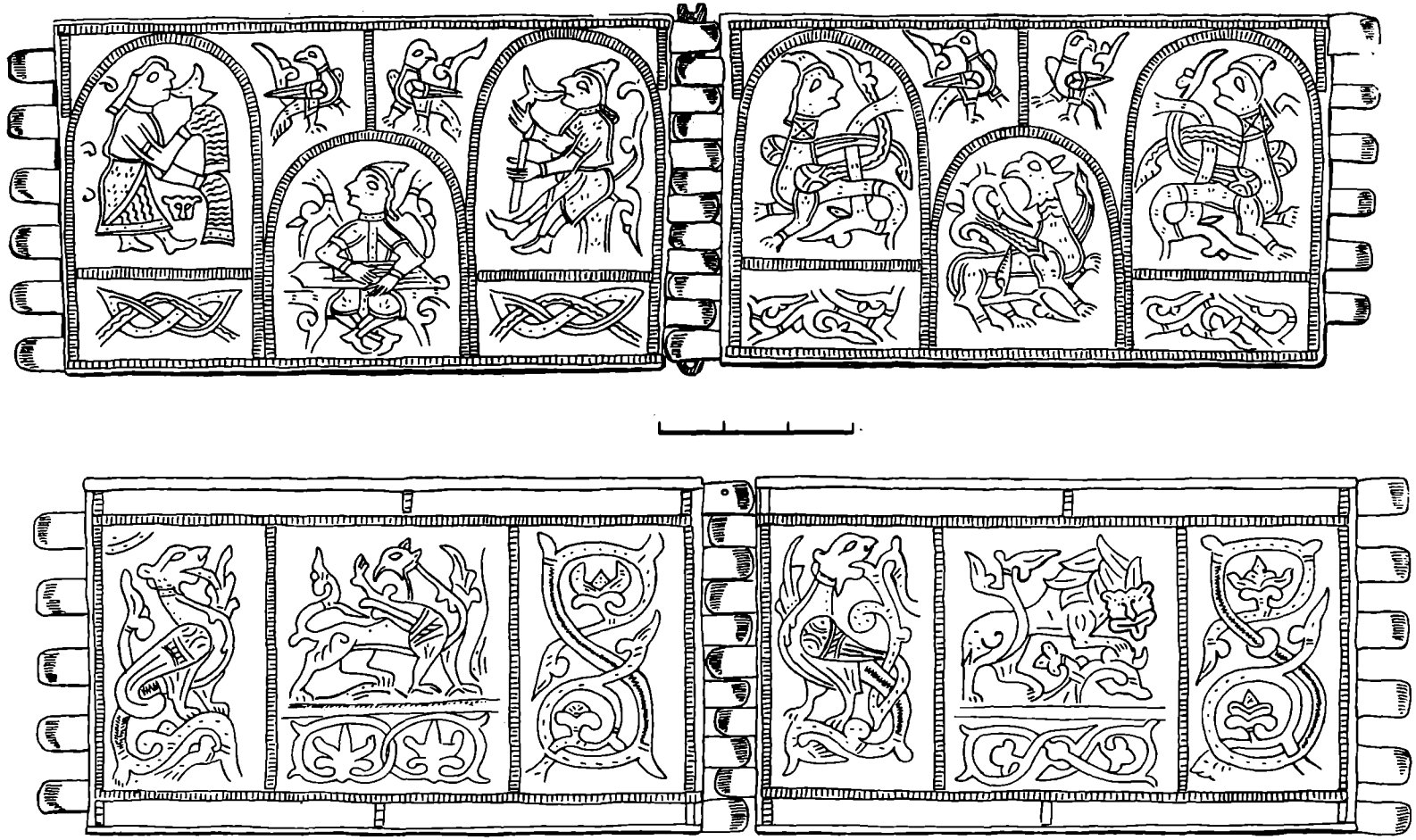


Рис. 2. Серебряные наручи клада из Старой Рязани

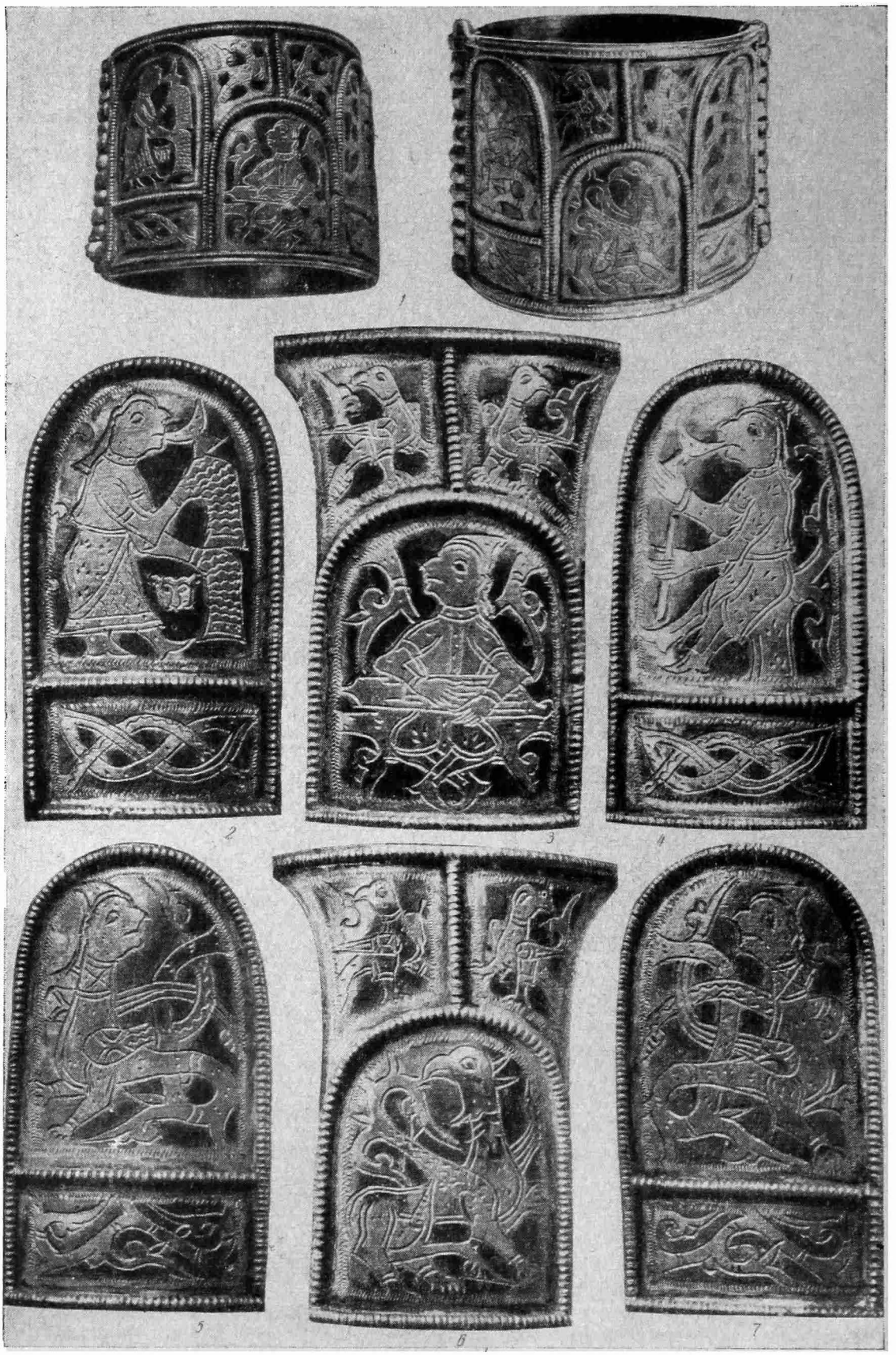


Рис. 3. Первый наруч и детали его орнамента

1 — общий вид, *2* — плясунья, *3* — гусляр, *4* — дудочник, *5* — сирин, *6* — грифон, *7* — сирин

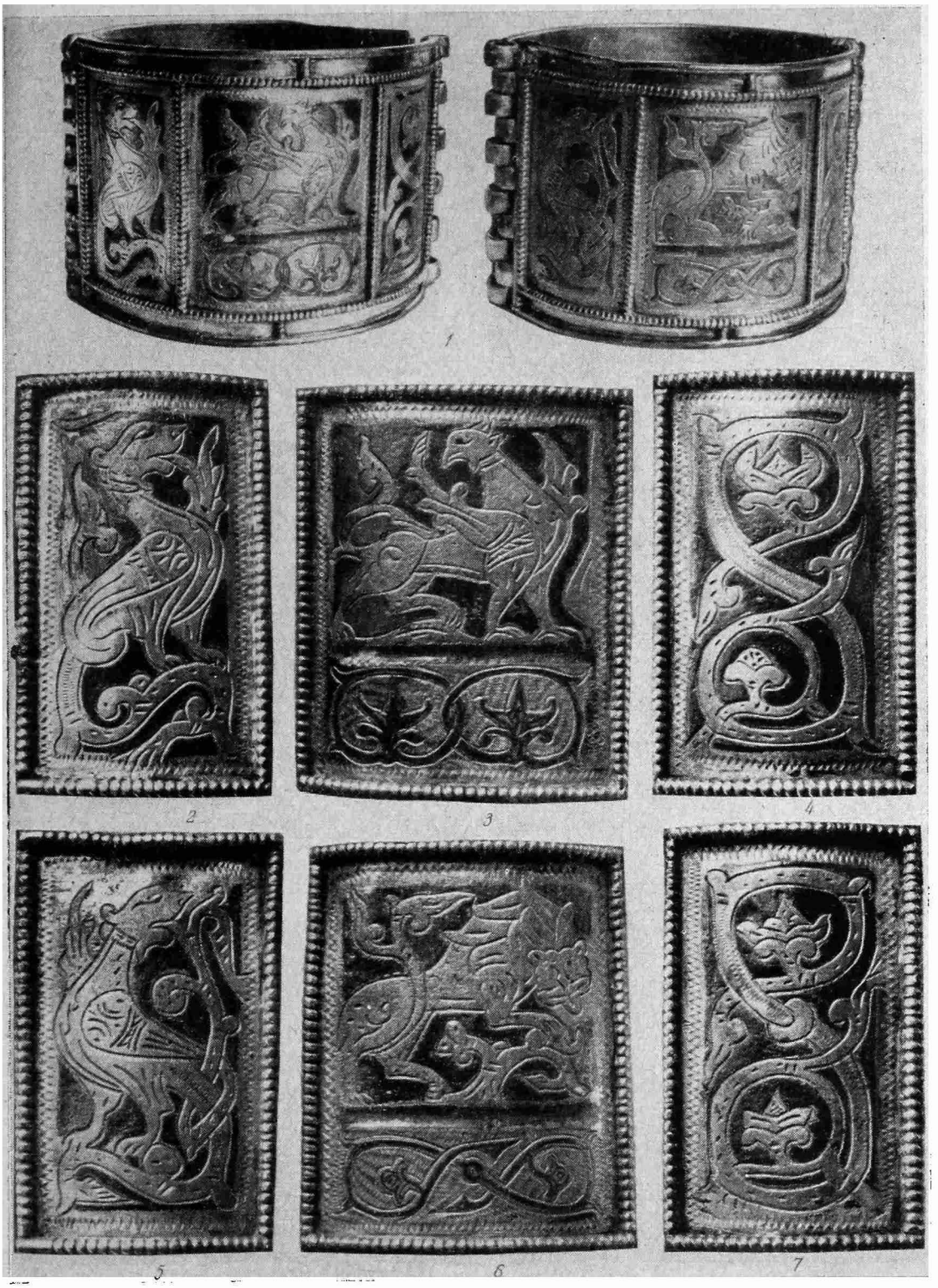


Рис. 4. Второй наруч и детали его орнамента

1 — общий вид, *2* — дракон, *3* — грифон, *4* — растение, *5* — дракон, *6* — лев, *7* — растение

шарниры обоих наручей и края второго. Фигуры в клеймах гравированы мелкозубчатыми линиями (контур местами двойной) и оставлены в серебре. Вокруг них по периметру проволочных обрамлений техникой «передвижки» выполнены зигзагообразные линии. Эти насечки, которые часто наносились для сцепления черневой массы с поверхностью предмета, здесь чисто орнаментальны. Фон фигур покрыт чернью. Чернью выделены глаза людей, зверей и птиц [10]. Матовый черненый фон контрастирует с блеском серебряных фигур и мягкой позолотой рельефных рамочек. Декоративный эффект строится на изысканных, точно найденных цветовых соотношениях [11].

Стиль орнамента характерен для древнерусской белокаменной резьбы, прикладного искусства и книжной миниатюры конца XII — первой половины XIII вв. Фигуры людей, зверей и птиц окружены растительными мотивами, подчас сливаются с ними. Хвосты и крылья переходят во вьющиеся стебли. Мускулы на бедрах зверей обозначены спиральными завитками. Шеи перехвачены декоративными обручиками. Крылья разделены узорной поперечной полоской. Одежда людей и туловища животных покрыты точками или группами коротких штрихов.

Основной мотив растительного орнамента — пяти- или трехлепестковые пальметки и листья — полупальметки. У всех пальметок верхний лист заострен, все остальные закругленные, как в резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском 1234 г.

Первый наруч. Каждая створка поделена арочками на три части. На одной створке в средней арочке изображен гусляр в коротком платье скомороха (рис. 5) [12]. Над ним в отдельных клеймах две симметричные птицы. На гусляре колпак с опушкой по нижнему краю и вышитая подпоясанная рубаха до колен. Узкий стоячий воротник рубахи облегчает шею. Вышитая полоса идет от ворота посреди груди вниз до подола. Узкие рукава украшены нашивными налокотниками и «опястьями». Ноги обуты в сапожки, на которых обозначены швы. Голенища составлены из двух частей, головки остроносые с приподнятым носком. Такие сапоги и их детали находят при раскопках Новгорода и Пскова [13]. Редкой для XII—XIII вв. деталью являются каблуки. В Новгороде и Пскове они появляются только с XIV в. [14] Так же одеты музыканты на фреске лестничной башни киевской Софии (XI в.) и гусляры в заглавных буквах новгородских рукописей XIV в. [15]

Гусляр сидит, скрестив ноги, на скамье с «процветшими» ножками. На коленях у него лежат большие пятиструнные гусли, пальцы перебирают струны. Обозначены колки, на которых укреплены струны. Музыковеды считают, что древнейшие русские гусли, родственные финской кантеле, были именно пятиструнными. Количество струн отвечало пятитоновому ладу русской народной песни. Подтверждением служит, например, находка в 1948 г. в Польше при исследовании Гданьска в слое XII в. доски от пятиструнных гуслей (рис. 6, *2*) [16]. В России тип пятиструнных

---

[10] Вещи клада были реставрированы В. Н. Даркевич в лаборатории ГИМ (см. приложение).

[11] Ср. пластинчатый браслет из Тверского клада 1906 г.: Е. А. Рыдзевская. Тверской клад 1906 г. ЗОРСА, XI, Пг., 1915, табл. II, *2*.

[12] Скоморохи на Руси носили особую одежду — «платье скоморошское», упоминаемое в былинах.

[13] С. А. Изюмова. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, рис. 6—8; Е. И. Оятева. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова. Археологический сборник, ГЭ, 4, Л., 1962, рис. 5, 6.

[14] С. А. Изюмова. Ук. соч., стр. 210, 214; Е. И. Оятева. Ук. соч., стр. 87.

[15] В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887, табл. LXVII, *2*; LXVIII, *19*, *21*, *25*; А. С. Фаминцын. Гусли — русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1890, рис. 38—40.

[16] K. Jażdżewski. Najstrasze zachowane geśle słowiańskie. ZOW, 1950, XIX, 1—2, стр. 13—18; его же. Kilka uzupełniających uwag o gęslach gdańskich. ZOW, 1950, XIX, 5—6, стр. 102—104.

Рис. 5. Гусляр на первом наруче

Рис. 7. Плясунья на первом наруче

гуслей сохранялся в народе до конца XVIII в. На новгородских миниатюрах XIV в. представлены как пяти- так и одиннадцатиструнные гусли [17].

Однако в раскопках в Новгороде в слоях XIII—XIV вв. найдены трое гуслей четырехструнных и одни — девятиструнные (рис. 6, *1*). Таким образом, пока нет несомненных археологических подтверждений ни того, что пятиструнные гусли были древнейшими, ни неоднократно высказывавшегося предположения, что постепенно количество струн увеличивалось. Корпус гуслей на рязанском браслете похож на девятиструнные новгородские, найденные в слое, датирующемся 1238—1268 гг. Наиболее широкая часть гуслей — головка, на которой находятся колки. Она трапециевидной формы с завитком на конце. Узкий конец корпуса гуслей завершается двумя полукруглыми срезами, образующими острие. В узкой части гуслей видна колодка, к которой крепятся струны.

Сложная пятиугольная форма гуслей известна только на киевском наруче. Древнейшей формой считают четырехугольную [18]. В новгородских рукописных инициалах XIV в. гусли имеют треугольный и овальный корпус-резонатор. Четырехструнные гусли, найденные в Новгороде, ладьевидной формы с прямым косым срезом головки. Вероятно, древнерусские гусли были разнообразных форм.

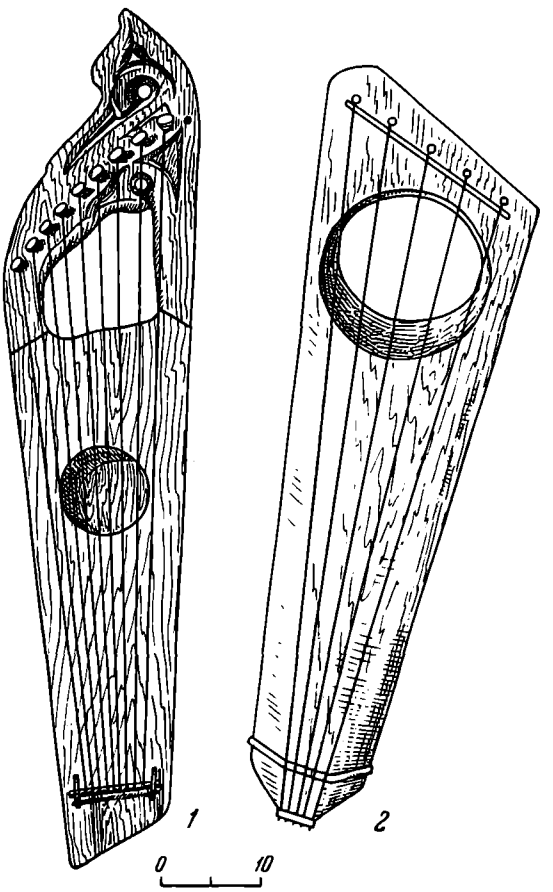


Рис. 6. Древние славянские гусли

1 — девятиструнные гусли XIII в. из Новгорода (реконструкция Б. А. Колчина), *2* — пятиструнные гусли XII в. из Гданьска (реконструкция К. Яждевского)

Изображение гусляра под арочкой, сходное с нашим, выгравировано на серебряном наруче из клада 1903 г., найденного в Михайловском монастыре в Киеве [19]. Близки форма и положение четырехструнных гуслей, поза и одежда гусляра, растительные побеги по сторонам музыканта, но рисунок очень упрощен, многие детали выпали. В XIV в. изображения гусляров появляются в инициалах новгородских рукописей. В трех случаях музыканты, держа гусли на коленях, играют на них обеими руками. Сиденье образовано плетенкой, которая иногда переходит в листья, как ножки скамьи на браслете. На четвертом инициале гусляр в скоморошьем колпаке приплясывает под аккомпанемент своей игры.

Литературные памятники, былины и народные песни рисуют «гуселки яровчаты» как самый популярный национальный инструмент древнерус-

---

[17] А. С. Фаминцын. Ук. соч., стр. 25, 26, 36; Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. I, 2, М.— Л., 1928, стр. 219, 220.

[18] Н. Финдейзен. Ук. соч.

[19] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, рис. на стр. 53; Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 121, 122. Наруч хранится в Киевском историческом музее.

ских певцов и сказителей, а «гусленое художество» — как излюбленное развлечение в придворном и домашнем быту. Неслучайно гусляр помещен в центре композиции на браслете.

Под арочкой справа от гусляра помещен второй игрец, в нижнем узком клейме — плетенка (рис. 3, *4*). Игрец одетый, как и гусляр (из-под колпака на плечи падает узорная лента), сидит в профиль на дереве. Правой рукой он подносит ко рту чашу на высоком поддоне [20], в левой держит прямую дудку (сопель). На таком инструменте флейтового типа играет один из музыкантов в сцене вятических игрищ на миниатюре Кенигсбергской летописи [21]. Небольшие деревянные или тростниковые дудочки длиной до 40—45 *см* с мундштуками и звуковыми отверстиями (на браслете не обозначены) относятся к простейшему типу духового инструмента. Они были широко распространены у всех народов, в том числе и у славян [22].

Арочку слева от гусляра занимает изображение пляшущей женщины, которая одновременно пьет из чаши; в нижнем узком клейме — плетенка (рис. 7). Танцовщица простоволоса, в косу вплетена лента-косник. Она одета в длинную подпоясанную рубаху с тесным стоячим воротником и узорной каймой по подолу. Своеобразны рукава рубахи. До запястий они узкие, с налокотниками и поручами (пластинчатыми браслетами?), ниже расширяются и доходят до пят. Поверх рубахи одеты панева, украшенная тройными штрихами, и передник с таким же волнистым орнаментом, какой украшает нижнюю часть рукавов. Ноги обуты в сапожки (?). Плясуньи в одежде с распущенными рукавами, но без пиршественной чаши изображены на двух парных браслетах из собрания ГИМ [23], на киевском браслете и литейной форме из Серенска и в миниатюре Кенигсбергской летописи.

Праздничные рубахи с очень длинными и широкими рукавами в XI—XV вв. были специфическим облачением танцовщиц и танцоров не только на Руси, но и в Византии, Болгарии [24], Сербии, Грузии [25], Армении, Иране (рис. 8, 9) [26]. В общности мод и обычаев на огромной территории ярко проявляется единство средневековой культуры Востока и Запада. Поэтому нельзя согласиться с А. Н. Грабаром, который считает, что сцены на древнерусских наручах — лишь отголосок византийского изоб-

[20] Ср. с изображениями пирующих на серебряном наруче из Тверского клада 1906 г. (Е. А. Рыдзевская. Ук. соч., табл. II, *2*) и на литейной форме для изготовления широких браслетов из раскопок в Серенске; Т. Н. Никольская. Древнерусские городища на территории вятичей. Сб.: «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 172.

[21] Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902, л. 6/об.

[22] Н. Финдейзен. Ук. соч. стр. 203; М. Г. Рабинович. Музыкальные инструменты в войске Древней Руси и народные музыкальные инструменты. СЭ, 4, 1946, стр. 151. В раскопках в Новгороде в слоях XIV — начала XV вв. найдены две дудки длиною в 19 и 22,5 *см* с тремя звуковыми отверстиями на каждой.

[23] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, рис. 60.

[24] Фреска середины XIV в. в Иваново. A. Grabar. Les fresques d'Ivanovo et l'art Paléologues «Byzantion», XXV—XXVII, 2, Bruxelles, 1957, табл. VII.

[25] В миниатюрах Джручской псалтыри XV в. Л. А. Шервашидзе. К вопросу о средневековой грузинской светской миниатюре (Миниатюры батальной тематики в Джручской псалтыри). Тбилиси, 1964, рис. XIX, *1*.

[26] По мнению А. Н. Грабара, костюм с длинными рукавами — иранского происхождения. В подтверждение он ссылается на костяные рельефные пластинки IV—V вв. из Ольвии с изображениями парфян или персов сасанидской эпохи (ИАК, 33, СПб., 1909, рис. 60—62). A. Grabar. Une pyxide en ivoire a Dumbarton Oaks. DOP, 14, Washington, 1960, прим. 59. Изображения танцоров и танцовщиц для настоящей статьи взяты из следующих изданий: SPA, 6, London — New York, 1938, табл. 603; S. D. Nersessian. Armenia and the Byzantine Empire, Cambridge, 1947, табл. XXIX, *2*, G. László. Lehel Kürtje. Budapest, 1953, вклейка; ГЭ инв. № w. 3, 72; The Illustrations in the Manuscripts of the Septuagint. III, 2, Vaticanus Graecus 752, Princeton, London, 1942, табл. LIV; там же, табл. V; В. Н. Лазарев. История византийской живописи. 2, М., 1948, табл. 157б; N. Mavrodinov. Le trésor protobulgare de Nagyszentmiklós. «Archaeologia Hungarica», XXIX, Budapest, 1943, рис. 117; A. Grabar. Une pyxide en ivoire a Dumbarton Oaks. DOP, 14, рис. 39.

Рис. 8. Танцоры и танцовщицы в средневековом искусстве Евразии

1 — гравированное полихромное блюдо, Иран, XI — начало XII в.; *2* — пир Ирода, миниатюра армянского Евангелия XIII в., *5* — олифант XII в. из Ясберени в Венгрии (деталь развертки); *4* — деталь серебряной чаши XII—XIII вв., Византия (?); *5* — деталь серебряной чаши XII—XIII вв., Византия (?)

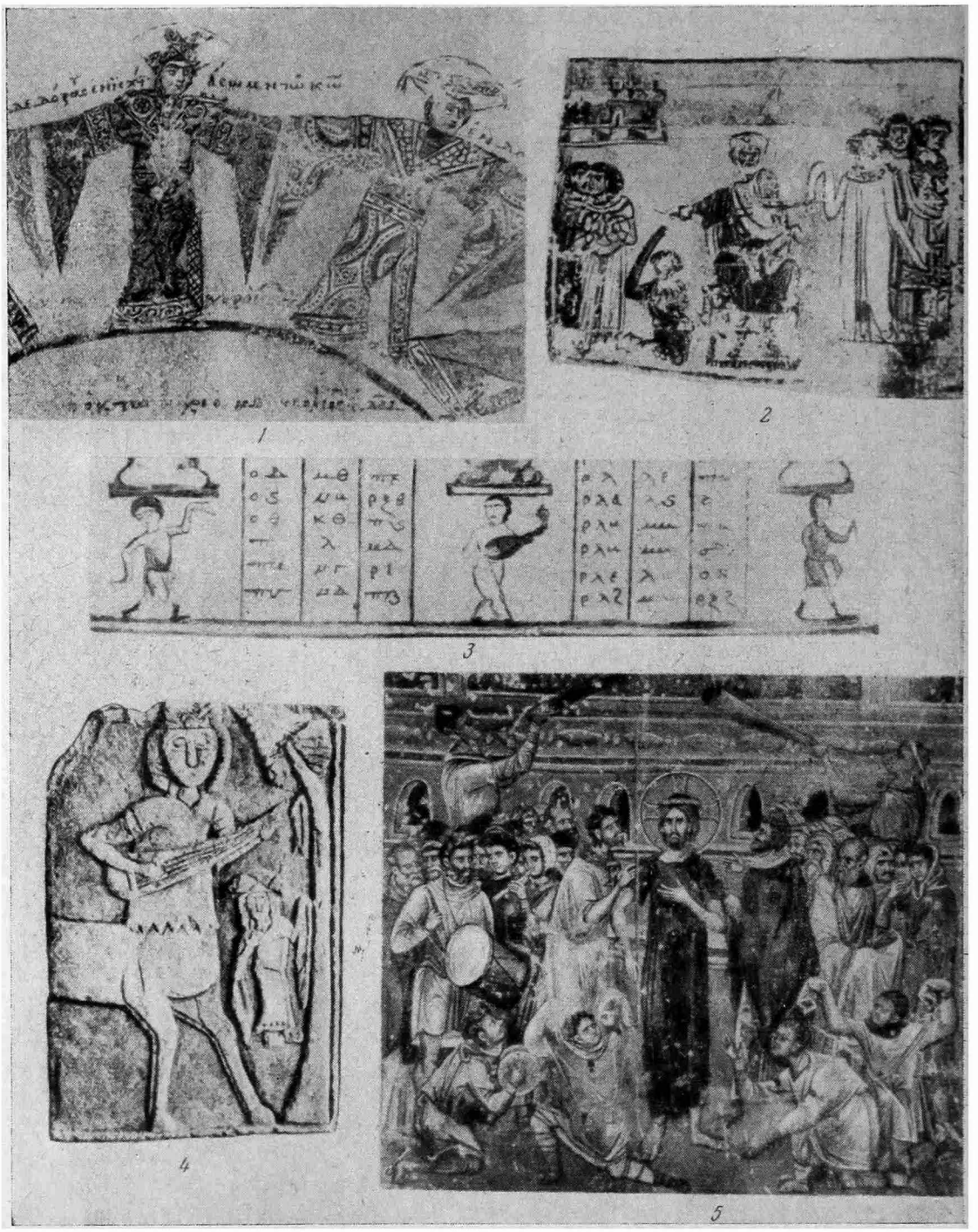


Рис. 9. Танцоры и танцовщицы в средневековом искусстве Евразии

1 — Мариам и танцовщицы, миниатюра византийской Псалтири Ватиканской библиотеки, gr. 752, около 1059 г.; *2* — Давид среди музыкантов и танцоров, та же рукопись; *3* — Канон из византийского Евангелия в венецианской Марчиана, первая половина XII в.; *4* — каменный рельеф IX в. из Греции (Афины, Византийский музей); *5* — коронование терновым венцом, фреска церкви Георгия в Старо-Нагоричине, Сербия, начало XIV в.

разительного цикла зрелищ на ипподроме [27]. По мнению Б. А. Рыбакова, длинные рукава праздничной женской одежды распускались перед обрядовым танцем. Ролью браслетов в заклинательной обрядности он объясняет насыщение их декора языческими сюжетами [28].

Ритуальный характер танца под «гусельные словеса» подчеркнут зооморфной личиной, помещенной у ног плясуньи (рис. 7). Об употреблении масок в играх скоморохов имеем свидетельство XII в.: «Москолудство вам, братие, нелепо имети», поучал русский архиепископ Лука [29]. Борьба ряженых в звериные маски показана на фреске лестницы Киево-Софийского собора (XI в.). В Новгороде в слое конца XII в. найдена кожаная расписная маска скомороха в виде смеющегося человеческого лица [30]. Вторая подобная маска происходит из слоя XIII в. [31].

Таким образом, на браслете из Старой Рязани развернута сцена «скомрашьских и скукальных» действ, против которых с XI и вплоть до XVII в. выступало русское духовенство. «Безчинныя» мимы-скоморохи участвовали в поминках и свадьбах, в зимних и весенне-летних празднествах аграрного календаря, без них не обходились и княжеские пиры [32]. Бесы искушали печерского инока Исакия игрой на сопелях, гуслях и бубнах [33]. Во время игрищ в центре толпы выступают скоморохи с трубами и гуслями («Слово епископа Евсевия», по рукописи XIII в.) [34]. «Блюдитежеся и плясаниа и гусли и сопели и сатаниньскых песней и позориц всех» (Измарагд, рукопись XV—XVI вв.) [35]. В специальном распоряжении царя, разосланном по городам воеводам в 1648 г., предписывалось: «Где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гудебные сосуды, и тебе бе то все велеть выимать, и изломав те бесовския игры велеть жечь» [36].

У музыкантов на серебряных наручах XII—XIII вв. находим тот же набор народных инструментов, которые упоминаются в церковных поучениях. Это «гусли звончатые», деревянная дудка (посвистель, свирель, сопель) и волынка («козица»).

Древнейшее на Руси изображение волынки, которое доказывает ее существование уже в XII—XIII вв., находим на литейной форме из Серенска. Инструмент, в который дует скоморох, представляет собой зашитый наглухо козий мех, причем сохранена даже козлиная голова с рогами. Мех снабжен сверху надувной трубой (которую музыкант держит во рту), а снизу — другой игральной трубой, по которой волынщик перебирает пальцами. Так же устроены примитивный немецкий Platerspiel XIII в. и старейшая польская волынка, получившая в Германии название «польский козел» (polnischer Bock). В Молдавии волынка называлась «коза». У русских скоморохов волынка употреблялась еще в XVI—XVIII вв. [37].

---

[27] A. Grabar. Ук. соч., стр. 140; А. Н. Грабар. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве». ТОДРЛ, XVIII, 1962, стр. 264, 265.

[28] Б. А. Рыбаков. Языческая символика русских украшений XII в. Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (сентябрь 1965 г.). М., 1965.

[29] А. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси. СПб., 1899, стр. 85.

[30] А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, 2, рис. 3.

[31] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 36, рис. 21, *1*.

[32] «Лютѣ бо граду тому, в немь же князь унѣ», «любяй вино пити сѣ гусльми и съ младыми свѣтникы». ПВЛ, I, М.— Л., 1950, стр. 95.

[33] Там же, стр. 128.

[34] А. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси..., стр. 79, 80.

[35] Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. I, Харьков, 1916, стр. 338.

[36] А. С. Фаминцын. Гусли..., стр. 98, 99; Н. Финдейзен. Ук. соч., стр. 148.

[37] Н. Финдейзен. Ук. соч., стр. 208, 209.

Возможно, на браслетах из собрания ГИМ показаны «бубны», под которыми в древней Руси понимали барабаны [38].

«Сборища идольские» сопровождались инструментальной музыкой («бряцание», «ударяние», «гудение», «гудьба»), «песнями пустошными», плясками мужчин и «кощунниц бесовских» («многовертимое плясанье», «скаканье», «руками плесканье»), играми ряженых в «хари» и «личины косматые и зверовидные» («москолудство»), обильным пиршеством («пьяное питье») и воинскими ристаниями.

На второй створке наруча в средней арочке помещен грифон (рис. 3, *6*), в боковых — сирины (рис. 3, *5*, *7*). Над грифоном в отдельных клеймах — две симметричные птицы. В двух нижних узких клеймах — волнистый стебель с отходящими листьями. У сиринов человеческая голова в остроконечной шапочке с лентами, птичье туловище с двумя лапами и змеевидный хвост, который, образуя петлю, сплетается с крыльями. Подобные монстры в плетенке вырезаны на литейной форме для наручей из Киева [39], позднее их образы распространены в тератологическом орнаменте новгородских рукописей XIII—XIV вв. [40].

Возможно, сирины выступают в смысловой связи с композицией на первый створке наруча. В христианской символике «Физиолога» и Бестиариев, впитавших античную традицию, сирены-птицы предстают как обольстительные демонические существа, которые привлекают людей обманчивым очарованием музыки и песен [41]. Сирины с лицами скоморохов на браслете могут олицетворять стихию запретной музыки и «сатанинских песен». Поэтому они и изображены в шутовских колпаках.

Близки по значению изображения птиц, которых по общераспространенным поверьям считали обладателями пророческого дара. Их вещий грай как бы вторит «рокотанию» «живых струн» вещего гусляра. Прилет птиц знаменует наступление весны, что позволяет связать сцены на браслете с весенне-летней праздничой обрядностью. Не исключено, что обилие растительных мотивов воплощает идею пробуждения природы после зимнего сна.

На втором наруче клада фигуры вписаны в прямоугольные обрамления. На одной створке в среднем клейме помещен грифон, в нижнем узком клейме — два переплетенных овальных стебля с пальметками внутри. Стебли черненые, оставленный в серебре фон покрыт зигзагообразными насечками (рис. 4, *3*). Левое боковое клеймо занимает дракон (рис. 4, *2*), правое — S-видный стебель с двумя пальметками внутри завитков (рис. 4, *4*). Те же, но различающиеся в деталях сюжеты выгравированы на другой створке, только грифона здесь заменил лев (рис. 4, *5*—*7*). В узком клейме ниже льва — S-видный, украшенный чернью стебель с двумя пальметками внутри завитков.

Орлиноголовые грифоны на обоих наручах с пышными крыльями, звериными лапами и процветшим хвостом находят параллели в резьбе Дмитриевского собора во Владимире и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.

Образ льва с широкой закругляющейся в углах пастью, пышной гривой и закинутым на спину хвостом с растительным окончанием тоже влади-

[38] М. Г. Рабинович. Ук. соч., стр. 159.

[39] А. С. Гущин. Ук. соч., рис. 1.

[40] В. В. Стасов. Ук. соч. табл. LXII, *17*; LXVI, *21*; LXVII, *14*, *43*; Ф. И. Буслаев. Русское искусство в оценке французского ученого. 3, Л., 1930, рис. 37.

[41] L. Réau. Iconographie de l'art chrétien. 1, Paris, 1955, стр. 121. Византийский клирик Иоанн Камениата (первая половина X в.), восхваляя церковные псалмопения, писал: «Что значит по сравнению с этим песнопением мифический Орфей, гомеровская муза или обманные песни Сирен, изукрашенные ложью вымысла, которые воистину не достойны хвалы, ибо это призрачные слова, совращающие людей и предающие их во власть заблуждения. Язычники обольщались ими попусту, ибо были лишены истинного знания и против самих себя вооружались суесловием своих суеверий». Две византийские хроники X в. Псамафийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники. М., 1959, стр. 166.

миро-суздальский. Он наиболее близок памятникам конца XII — первой половины XIII в. Лев и грифон — излюбленные образы владимиро-суздальской феодальной эмблематики [42].

У драконов «романского типа» собачья голова с бородкой, птичье тело на коротких звериных лапах, змеевидный хвост. Похожие драконы помещены в нижних клеймах западных врат Суздальского собора. Их находим и в новгородском книжном орнаменте XIII—XIV вв. [43].

Наручи изготовлены на рубеже XII—XIII вв. и 1237 г. Основой для датировки служит стиль орнамента, который соответствует стилю владимиро-суздальской скульптуры позднего этапа. Вместе с тем он находит естественное продолжение и развитие в рукописных заставках и инициалах XIII—XIV вв.

Как и витые браслеты вятического типа, наручи, по-видимому, рязанской работы. В лесной обособленной стороне вятичей особенно долго сохранялась языческая обрядность, вдохновлявшая художников. «И браци не бываху въ них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бъсовьская пѣсни» [44]. Местное производство пластинчатых браслетов с изображением «игрищ между селами» доказывается находкой литейной формы в Серенске. Вблизи этого города в земле вятичей в 1110 г. за пропаганду христианства был убит киево-печерский монах Кукша [45].

Сцена скоморошьих потех на наруче из Старой Рязани говорит о родственной близости быта богатого боярского двора с неофициальной народной культурой, которая накануне татаро-монгольского завоевания еще была полна языческих реминисценций.

ПРИЛОЖЕНИЕ *

РЕСТАВРАЦИЯ СТАРОРЯЗАНСКОГО КЛАДА 1966 Г.

Пластинчатые браслеты удовлетворительной сохранности. Серебро высокого качества, позолота местами сошла, так как лежит очень тонким слоем. На браслетах до очистки видны были контуры рисунка, но не везде просматривались детали. Фигуры на браслетах имели местами черный налет (сернистое серебро), местами небольшие бугорки хлористого серебра. Фон рисунка имел зеленоватый налет (соли меди), он более густой по цвету и более плотный по фактуре, чем рисунки. Это наводило на мысль, что фон, вероятно, сделан в технике черни. После очистки 10%-ным раствором трилона Б выяснилось, что фон действительно черненый, а наличие на нем зеленых солей меди свидетельствует о том, что в состав черни входит медь.

На обоих браслетах поверхность местами сохранилась хорошо. Она имеет светлый полированный вид, характерный для серебра. Там же, где были более густые налеты сернистого серебра и бугорки хлористого серебра, поверхность шероховата, более темного цвета. По окончании чистки и промывки браслеты были отполированы войлоком, что улучшило их внешний вид.

Один браслет внутри шарниров имеет серебряную застежку, другой — деревянную палочку. Неподвижные заклепки сделаны из металла, который целиком окислился. Можно предполагать, что это свинец. При окислении свинец сильно увеличился в объеме и разорвал некоторые шарниры, а в одном браслете окисленный металл частично выкрошился.

Надо отметить, что реставрация этих браслетов не закончена. Чтобы придать им устойчивое состояние, необходимо заменить в первую очередь неподвижные заклепки на серебряные или из какого-либо другого похожего по цвету и не окисляющегося металла (например, алюминия). Кроме того, сплав, из которого сделаны браслеты, неустойчив в структурном отношении, вследствие этого ломок, хрупок. Один браслет был несколько согнут. При попытке его выпрямить отломалась припаянная по краю проволока. Для того чтобы металл сделать более пластичным, необходимо его отжечь, что невозможно сделать без предварительных опытов ввиду наличия позолоты и черни.

Плетеные браслеты и две гривны были покрыты налетами сернистого серебра и местами медными солями. Обработка в 10%-ном растворе горячей муравьиной кислоты, чистка мелом и аммиаком и легкая полировка войлоком придали им характерный для серебряных изделий вид.

[42] Г. К. Вагнер. К вопросу о владимиро-суздальской эмблематике. «Историко-археологический сборник». М., 1962; его же. Грифон во владимиро-суздальской фасадной скульптуре. СА, 1962, 3; его же. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси г. Юрьев-Польской. М., 1964, стр. 108, сл.

[43] В. В. Стасов. Ук. соч., табл. LXIII, *8*; LXX, *9, 22*.

[44] ПВЛ, стр. 15.

[45] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, стр. 30.

* Составлено В. Н. Даркевич.

Ю. И. АРЕНКОВА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИЗРАЗЦОВЫХ РЕЛЬЕФОВ УСПЕНСКОГО СОБОРА В Г. ДМИТРОВЕ

В г. Дмитрове Московской обл., на площади древнего земляного Кремля XII в., расположен старейший в городе Успенский собор. На его южном и северном фасадах сохранились два прекрасно выполненных изразцовых рельефа — «распятия с предстоящими», а внутри собора — третий рельеф «Георгий Победоносец».

О происхождении и времени создания этих рельефов на протяжении многих десятилетий различными исследователями высказывались самые разные предположения. Еще первые исследователи дмитровских изразцовых рельефов И. Сахаров, М. Э. Воронец и В. Воронов считали, что они были созданы в XV в. [1].

До настоящего времени распространено мнение А. И. Некрасова, что основная часть собора (кроме приделов) была выстроена в первые десятилетия XVI в. Более раннее время постройки собора он считал возможным, но не доказанным [2]. Однако обследование, проведенное в 1957 г. В. И. Плужниковым [3] и подтвержденное в 1960—1962 гг. Е. Куницкой, показало, что подвалы собора сложены из крупных квадров белого камня с применением извести, способом, характерным для строительной техники XIV—XV вв. Надземная же часть здания, как известно, сложена из кирпича.

Неровный стык кладки подвалов из белого камня с кирпичной кладкой стен четко прослеживается на всех фасадах над поверхностью земли. Изучение нижнего этажа надземной части здания выявило наличие следов заложенной галереи. Результат обследования собора В. И. Плужниковым действительно дает основание предполагать существование белокаменного собора уже в XV столетии и капитальную перестройку его в самом начале XVI в.

Приведенные выше данные обследования В. И. Плужникова и высказывания различных исследователей по вопросу дат и постройки Успенского собора в г. Дмитрове выявляют определенные хронологические рамки, позволяющие предположить, что изразцовые рельефы собора могли быть созданы в период между концом XV и первой четвертью XVI в. Сопоставляя некоторые факты истории указанного периода, можно еще более

---

[1] М. Э. Воронец и В. Воронов. Изразцовые распятия Успенского собора в Дмитрове. Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 94—96; Другое мнение см.: А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы (XV—XVII вв.), 1, М., 1938, стр. 26.

[2] А. И. Некрасов. Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии. М., 1928, стр. 28.

[3] Обследование и описание подвалов, подтверждающее выводы В. И. Плужникова, было сделано в конце XVIII в., в связи с ремонтом собора и постройкой новой колокольни. И. Токмаков. Историко-статистическое описание города Дмитрова (Московской губ.) с уездом и святынями, сост. по первоисточникам и главнейшим пособиям, I—II, М., 1893.

точно определить время появления изразцовых рельефов на стенах собора и даже предположительно назвать имя автора.

Традиционна сюжетная разработка композиции распятий, традиционен и образ Св. Георгия, но некоторые особенности рельефов выделяют их из ряда аналогичных им произведений как по теме, так и по способу изложения темы.

Распятия размещены на северном и южном фасадах собора в центральных закомарах. Изразцовое панно на северном фасаде (рис. 1) завершается стрельчатой аркой, в наиболее высокой части которой помещено рельефное изображение так называемого «Оглавного Спаса». Композиция распятия размещается на 13 изразцах, обрамление на 19.

Панно на южном фасаде (рис. 2) завершается более плавной стрельчатой аркой. Оно составлено из 34 изразцов. Обрамляет южное распятие воспроизведенный в керамике перспективный портал с дыньками, типичный для русской архитектуры XV—XVI вв. При взгляде на него невольно приходит на память знакомый всем исследователям портал входа в южный придел того же Успенского собора в г. Дмитрове. И, если продолжить аналогии, то можно указать довольно многочисленные памятники русской архитектуры XV—XVI вв., входы которых оформлены порталами, подобными изображенному на рельефе из г. Дмитрова.

Центральная композиция «распятия с предстоящими» одинакова по иконографии на обоих рельефах и очень необычна. Нам не удалось найти аналогии в произведениях живописи. Единственные близкие по керамической технике изразцовые распятия из города Старицы середины XVI в. значительно отличаются по иконографии от дмитровских. Ангелы северного распятия по иконографии несколько напоминают ангелов на окладе евангелия Симеона Гордого из села Подчеркова. Своеобразный орнамент на северном распятии близок к отдельным элементам орнаментальных фризов церквей XV в. (собор Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде, Духовская церковь Троице-Сергиевой лавры), но точных аналогий ему не найдено.

Фигуры на распятиях выполнены очень обобщенно, хотя лица выразительны и даже не лишены известной индивидуальности. Как указывали исследователи М. Э. Воронец и В. Воронов, фигуры южного распятия напоминают резьбу. Они же привели суждение В. Щепкина о том, что палеографические особенности надписей характерны для XV в. [4].

Несомненно, самый значительный рельеф Дмитровского собора — «Георгий Победоносец», вделанный в стену рядом с входом в южный придел. При внешней традиционности сюжета необычна смелая трактовка всадника (рис. 3). Композиция, заключенная в круг, обрамлена орнаментом из перевитых жгутов (диаметр круга 2 *м* 39 *см*) [5]. Это сравнительно редкая форма рельефа еще больше усиливает впечатление неповторимости, удивительного своеобразия, проявляющегося в замечательной пластичности форм в сочетании со сравнительно большой глубиной рельефа и с попыткой передать первый и второй планы.

Воин пронзает змея копьем, над ним парит ангел, венчающий его короной, справа над ним благославляющая десница. Все это, по мнению В. Н. Лазарева, составляет характерные черты иконографии Георгия-воина конца XV в. [6]. Действительно, в русской иконописи XV в. можно найти сходные композиции. Такова, например, икона Новгородской школы «Чудо Георгия о змии» XV в., находящаяся в Русском музее [7]. С дмитровским рельефом сходны фигура летящего ангела, тип короны, благославляющая божья десница, сбруя коня, горки и другие детали. Плащ, посадка всадни-

[4] М. Э. Воронец и В. Воронов. Ук. соч., стр. 87—95.

[5] Обмер автора.

[6] В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и русском искусстве. ВВ, IV, М., 1951, стр. 217—218.

[7] И. Э. Грабарь. История русского искусства. VI, М., 1913, стр. 254.

Рис. 1. Изразцовое распятие на северном фасаде Успенского собора в г. Дмитрове

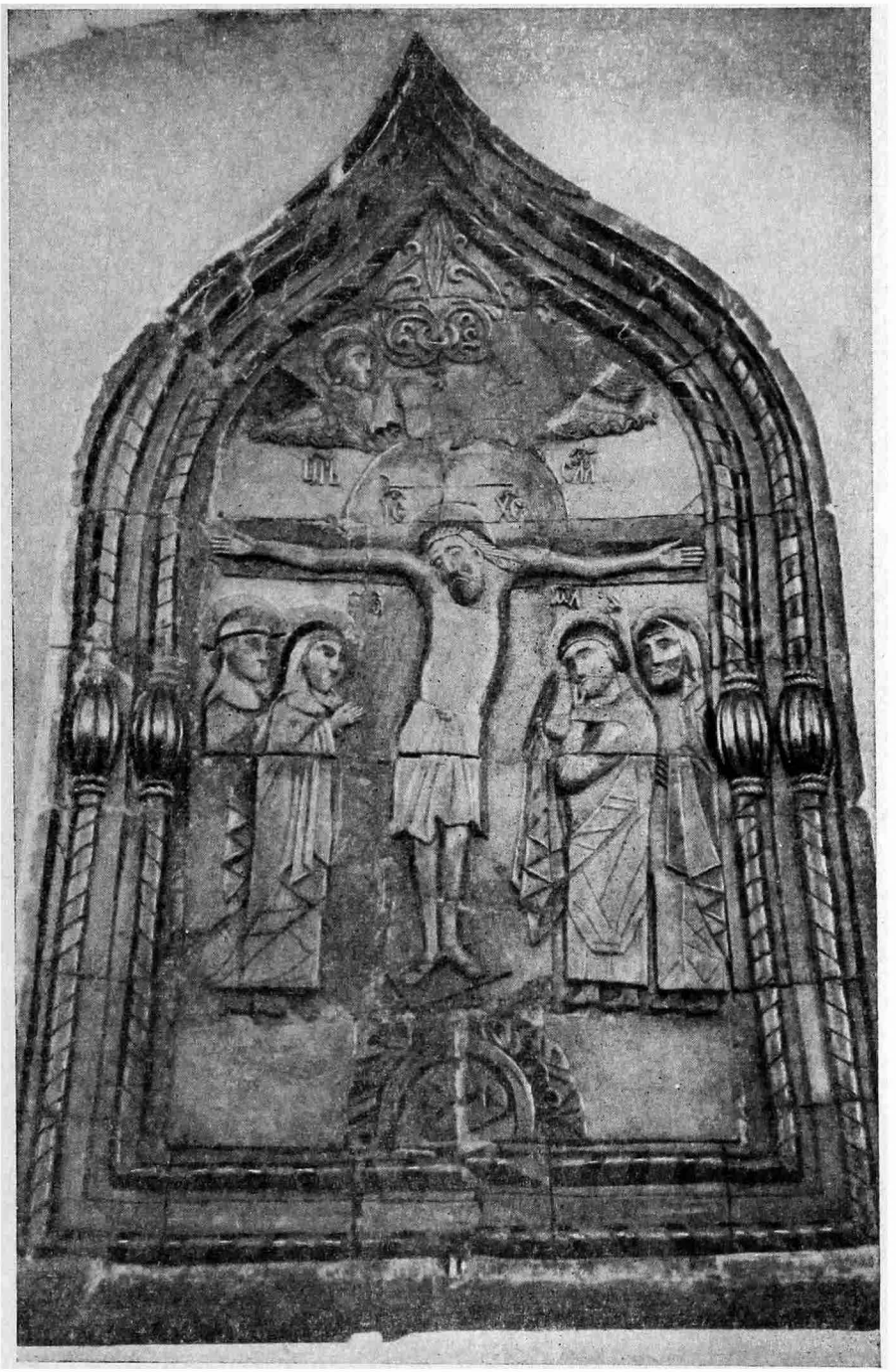


Рис. 2. Изразцовое распятие на южном фасаде Успенского собора в г. Дмитрове

ка близки также иконе Георгия из села Малая Шалга Архангельской области конца XV в. (ныне в ГТГ). Орнамент обрамления имеет очень близкую аналогию с орнаментом заставки Норовской псалтыри из собрания Уварова (XIII в.) [8].

Из произведений монументальной скульптуры наиболее близок изразцовому рельефу белокаменный рельеф «Георгий Победоносец» с Кремлевской Спасской башни. Высота рельефа, энергичное движение всадника, тип его лица и трактовка панциря сходны в обоих рельефах.

Хотя перед нами произведение монументальной пластики, все-таки можно указать ряд произведений ювелирного искусства, с которыми можно сопоставить изразцовый рельеф «Георгий Победоносец». Это — чеканное изображение Георгия на чаше из Микулина городища (конец XV в.— ГИМ), изображение на золотой печати Василия III. Конь Георгия напоминает коня на иконке XIV в. из собрания мелкой пластики Загорского историко-краеведческого музея [9].

Иконографический тип Георгия особенно близок изображению всадника на московских монетах, чеканившихся до денежной реформы 1532 г. Посадка всадника, плащ, похожий на птичье крыло,— все это общее и у монет, и у рельефа. Поражает точность воспроизведения деталей вооружения воина и конской сбруи. Мастерство автора рельефа проявляется и в смелости композиционного решения — конь, всадник и змей так умело вписаны в круг, что форма рельефа не сковывает динамичности действия, а наоборот, усиливает его.

Когда смотришь на это произведение «русского Ренессанса», то не Св. Георгий в его каноническом понимании предстает перед нами, а былинный витязь, чей образ был особенно близок и понятен русскому человеку именно в годы укрепления государства, когда свержение векового «змия» — татаро-монгольского ига — было не за горами. Это не формальный пересказ эпизода из священного писания, а легендарный образ русского воина, в сражении отстаивающего независимость родины.

Образ воина-победителя вызывает невольные ассоциации с портретом бойца участника Куликовской битвы, который мы находим в «Сказании о Мамаевом побоище»: «...имеем под собою боръзые комони, а на себе золоченые доспехи, а шеломы черкасъские, а щиты московсъкые, а сулицы немецкие, а копии фрязскыя, мечи булатныя» [10].

Поразительно и цветовое богатство глазури. Но прежде чем говорить об этом, важно отметить, что художник не выделяет цветом нимбы Георгия и увенчивающего его венцом ангела. Церковная тема здесь явно оттеснена, зато акцентированы мужество и доблесть воина. Правописание надписи на Дмитровском рельефе «СТЫЙ ГЕГОРИЕ» характерно для конца XV века.

Ввиду того, что техника изготовления всех трех рельефов одинакова, мы говорим о них вместе. Эти рельефы составлены из крупных изразцов (до 50 *см*), изготовленных из светлой глины и покрытых прекрасно сохранившимися прозрачными свинцовыми глазурями очень высокого качества [11]. Глазури окрашены окислами металлов в разные цвета: лимонно-желтый, песочно-желтый, коричневый, коричнево-фиолетовый (цвет густо разведенного марганцовокислого калия). Изразцы очень хорошо обожжены. Потеки глазури очень незначительны и так расположены, что возникает предположение, что изразцы обливались жидкой глазурью сверху и обжигались в вертикальном положении.

Поливные фасадные изразцы с прозрачной глазурью — редкое явление в русской архитектурной керамике. Они известны на западном фасаде Ду-

---

[8] М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV века. М., 1963.

[9] Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея. Загорск, 1960, стр. 144.

[10] Воинские повести Древней Руси. М.— Л., 1949, стр. 37.

[11] А. Филиппов. Ук. соч., стр. 51.

Рис. 3. Изразцовый рельеф «Георгий Победоносец» в южном приделе Успенского собора в г. Дмитрове

Рис. 4. Изразцовый рельеф «Георгий Победоносец» — деталь

ховской церкви Троице-Сергиевой лавры 1476 г. в виде рельефных балясин, покрытых прозрачной глазурью цвета густоразведенного марганца. Во Пскове на церкви Георгия со Взвозу 1494 г. имеются зеленые облицовочные плиты, одновременные постройке церкви. В соборе Андроникова монастыря в Москве при исследовании первоначального пола была найдена облицовочная плитка с орнаментом, нанесенным желтой и лиловой глазурью. Специалисты по-разному датируют эту плитку. Реставраторы относят ее ко времени постройки собора — началу XV в. Другие датируют ее первой половиной XVI в.

За пределами Руси наиболее близкой по способу нанесения узора и по составу глазури оказывается керамика Крыма XIII—XIV вв.— Херсонеса, Мангупа, Судака. Еще в IX—X вв. в Херсонесе часто применялась черепица с изображением всадников в кругах, определяемых как изображение Георгия [12]. В слоях XIII—XIV вв. наиболее массовой археологической находкой являются обломки чаш и блюд нескольких разновидностей, изготовленных иногда из красной, иногда из светлой глины с желтой, желтовато-зеленой или зеленой прозрачной поливой. В некоторых случаях исследователи специально отмечают, что полива свинцовая, т. е. и по химическому составу близкая поливе дмитровских изразцов [13]. Реже, чем в Крыму, но все же достаточно часто встречается прозрачная глазурь в архитектурной керамике Средней Азии [14]. Правда, обыкновенно прозрачная глазурь Самарканда XIV—XV вв. и других городов — щелочная, а не свинцовая, но в ней с дмитровской сходен принцип нанесения глазури по белому ангобу и нанесения узора под глазурью врезной линией. В Дмитрове так обработаны волосы Георгия (рис. 4). Кто же мог создать дмитровские изразцовые рельефы? Сопоставление некоторых их особенностей с известными и вновь обнаруженными историческими данными позволяет предположительно связать их с деятельностью В. Д. Ермолина, известного московского «предстателя».

На это указывает то обстоятельство, что размещение керамических рельефов повторяет размещение каменного Распятия на северном фасаде

[12] А. Л. Якобсон. Ранне-средневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 348—349.
[13] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, 17, 1950, стр. 168—204.
[14] Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV в. Тр. СГУ, нов. сер., II, гуман. науки, Ташкент, 1950, стр. 92—118.

Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.), который в 1471 г. восстанавливал В. Д. Ермолин [15]. В обоих случаях Распятия занимают верхние части закомар главного фасада. Известно также, что в 1462 г. В. Д. Ермолин создал белокаменный рельеф конного Георгия для Фроловских ворот Москвы. Этот рельеф близок Дмитровскому. Богоматерь на каменном рельефе, созданном В. Д. Ермолиным в 1468 г., по типу лица напоминает богоматерь керамических распятий. Кроме того, семья Ермолиных была издавна и теснейшим образом связана с городом Дмитровом.

Василий Дмитрович Ермолин принадлежал к роду «московских великих купцов» [16]. Это была семья, имевшая такое положение и богатство, что могла породниться с ближними боярами московских великих князей. Из актов второй половины XV в., относящихся к боярской семье Бобровых-Сорокоумовых (детей дочери В. Д. Ермолина), мы узнаем о вотчинах их родственников Ермолиных, которые были сосредоточены в Дмитровском уезде. Акты свидетельствуют о том, что эти вотчины находились в двух концах древней Дмитровской земли. Часть их располагалась по течению речки Икши (села Старое Ермолинское и Спасское-Семеновское) в Выгородском стане Дмитровского уезда, другая часть — на севере по течению речки Сестры [17]. Оба эти района богаты кирпичной и гончарной глиной. В них с незапамятных времен известно гончарное производство. В грамотах 1527 г. указывается, что около села Новое, находящегося в нескольких километрах от Старого Ермолинского (ныне села Ермолина), имеются «глинища», т. е. глиняные разработки [18].

В XIV—XV вв. на Руси была очень развита торговля с Крымом, особенно с Херсонесом и итальянскими колониями Сурожем (Судаком) и Кафой. Самые богатые ездившие в Крым купцы назывались «сурожанами». К ним принадлежали и Ермолины.

Отец Василия Ермолина — богатый купец Дмитрий Ермолин, человек для своего времени просвещенный (он умел «глаголати русски, гречески, половецки») [19], вышедший из семьи, издавна связанной с архитектурой [20], несомненно бывал в Крыму. Возможно, принимал участие в торговых поездках отца и его единственный сын и наследник — Василий Ермолин.

Выше нами было отмечено сходство техники керамики Крыма, которую привозили на Русь, с техникой рельефов дмитровского собора. Поэтому нам кажется возможным, что именно Ермолины, и в первую очередь Василий, покупали и привозили херсонесские блюда и чаши из светлой глины, покрытые прозрачной глазурью.

Сходство техники выполнения дмитровских рельефов с техникой керамики Крыма наталкивает еще на одно предположение. Я. И. Смирнов указывал, что изразцовый рельеф «Георгий Победоносец» Дмитрова имеет неожиданную аналогию — изразцовый рельеф того же сюжета в итальянском городе Бранколи работы знаменитого итальянского скульптора-керамиста Андреа делла Роббиа [21].

Богатство и процветание колоний итальянских, в которых было широко распространено художественное ремесло, тесные торговые связи Руси с итальянскими колониями в Крыму, существование поселения итальян-

[15] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964, стр. 90.

[16] Период феодализма IX—XV вв. В кн. «Очерки истории СССР», II, М., 1953. стр. 114; В. Е. Сыроечковский. Гости — сурожане. М., 1938, стр. 99—112.

[17] Сергей Шумаков. Обзор грамот коллегии экономики. 3, М., 1912, №№ 157, 158, 305; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, XIV—XVI в. М., 1950, № 95 и 96.

[18] Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XV веков. М., 1951, № 73.

[19] Н. Тихонравов. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892, стр. 158—163.

[20] Н. Н. Воронин. Лицевое житие Сергия как источник для оценки строительной деятельности Ермолиных (XV в.). Тр. Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, 14, М.— Л., 1958, стр. 573—575.

[21] Я. И. Смирнов. Устюжское изваяние Св. Георгия Московского Успенского собора. М., 1915, стр. 327.

цев в Москве[22] дают возможность предполагать, что знакомство купцов-сурожан, в том числе и Ермолиных, с произведениями итальянских мастеров было возможно в описываемую эпоху.

В то же время в Московской Руси XV в. искусство Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв., в частности каменные изваяния Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском, считалось образцовым, классическим. И совершенно закономерным для В. Ермолина было желание воспроизвести их в родном городе Дмитрове, тем более, что попытки создать архитектурные орнаменты из обожженной глины вместо камня делались в ту эпоху часто (терракотовый фриз церкви в селе Юркине под Москвой, созданный в 1504 г., фризы собора Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде и церкви Ризположения в Московском Кремле XV в. и др.).

Таким образом, если предположительно связать дмитровские изразцы с деятельностью В. Ермолина, то время их создания можно уточнить благодаря следующим обстоятельствам. В 1470 г. В. Д. Ермолин пытался взять на себя руководство строительством нового Успенского собора в Московском Кремле, но поссорился с другим «предстателем» Владимиром Головой-Ховриным и уехал из Москвы. В 1471 г. В. Д. Ермолин работал в Юрьеве-Польском, затем сведения о нем прерываются. Вполне возможно, что он возвратился в родной Дмитров и выполнил рельефы Успенского собора.

---

[22] М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957. стр. 129.

Заметки

А. В. БОДЯНСКИЙ

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ СОСУД С ДНЕПРОВСКОГО НАДПОРОЖЬЯ

На левом берегу Днепра у с. Васильевки была открыта большая неолитическая стоянка [1], которая ныне частично затоплена водохранилищем Днепровской ГЭС и размыта. Вследствие топографических особенностей берега Днепра стоянка расположена на высокой лёссовой террасе долины Днепра, ограниченной до сооружения плотины Днепростроя с запада высоким скалистым берегом, круто обрывающимся к руслу Днепра напротив Ненасытецкого порога. С востока терраса, постепенно подымаясь, переходит в степь.

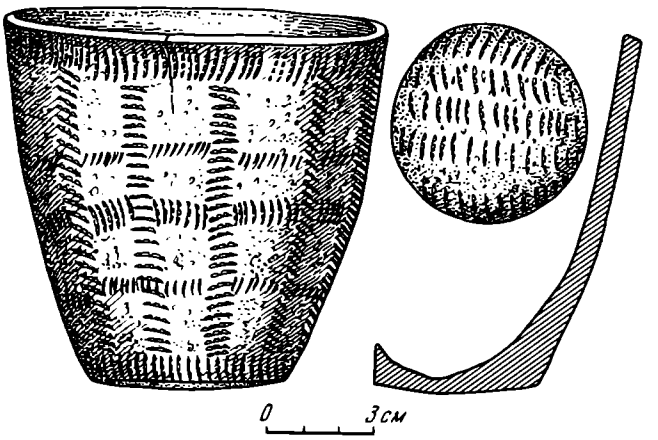
Благодаря порогу здесь были исключительно благоприятные условия для развития рыболовства в эпоху мезолита и неолита; особенно густо стоянки этого времени расположены по берегу Днепра над Нанасытецким порогом. Здесь же находится ряд больших мезолитических и неолитических могильников, расположенных на третьей лёссовой террасе берега. Днепровское водохранилище разрушает эти могильники и небольшую часть неолитической стоянки. Кремневый инвентарь стоянки у с. Васильевка характеризуется малыми и микролитическими размерами орудий (типичными для надпорожского мезолита и неолита) и большим количеством находок кремневых изделий геометрических форм. Здесь также найдены обломки толстостенных неолитических плоскодонных горшков с геометрическим орнаментом, сосуды с мелкими и крупными наколами (с примесью измельченного кварца в тесте), расположенными по всей поверхности сосуда, включая дно. Такие сосуды характерны для культуры Средний стог I [2]. Чрезвычайно редко попадаются обломки тонкостенных сосудов с острым дном и примесью толченых ракушек в массе. Орнамент на таких сосудах обычно занимает его верхнюю часть. Он нанесен мелкозубчатым штампом, сделанным из днепровской черепашки. Этот орнамент геометрический и состоит из горизонтальных и ломаных линий или косых насечек. Во время осмотра автором Васильевской неолитической стоянки житель с. Васильевки передал ему целый сосудик, который он нашел в размыве берега на площади разрушаемой стоянки. Этот сосуд является уникальным, подобные неизвестны в неолитической культуре Надпорожья. Он свидетельствует о появлении в Поднепровье пористой тонкостенной керамики с примесью черепашек еще в развитом неолите. До этой находки пористая керамика была известна только в виде остродонных сосудов.

[1] Стоянка открыта археологической экспедицией Запорожского музея под руководством М. С. Мушкет.

[2] А. В. Добровольский. Неолітична стація на скелі «Середній стіг». стр. 114—115. Дніпропетровський краевий історично-археологічний музей, зб. 1, Дніпропетровськ, 1929.

Найденный сосуд представляет собой кубок цилиндрическо-воронковидной формы с маленьким плоским, слабо выпуклым дном без выступов за стенки сосуда и с ровно срезанными венчиком, покрытым наружу.

Кубок в верхней части тонкостенный и до конусовидного дна сильно утолщен (рисунок). Обработан он внутри мелкозубчатой раковиной в горизонтальном направлении. В верхней части штрихи заглажены. Наружная поверхность сосуда матовая, хорошо выглажена, со слабыми неровностями. Обжиг кубка снаружи серы с желтоватыми пятнами. На изломе черепок равномерно окрашенный, зольного цвета с большой примесью толченой раковины Unio. На поверхности сосуда часть примесей при обжиге выгорела, и поэтому она имеет поры и углубления. Обжиг хороший. Орнамент на кубке нанесен мелкозубчатым штампом, сделанным из раковины Unio. Он покрывает в горизонтальном и вертикальном направлениях всю поверхность сосуда, включая донышко. Горизонтальные ряды орнамента состоят из трех широких поясов, расположенных под венчиком, на боку и в донной части сосуда. Пространство между ними заполнено двумя рядами горизонтальных групп из чуть видных, очень тонких вертикальных насечек без зубцов. Вертикальный орнамент состоит из 14 рядов густых параллельных насечек мелкозубчатого штампа. Размеры кубка: высота 10,2 *см*, диаметр горла 9,4 × 10,2 *см*, дна — 5,4 *см*.



Сосуд со стоянки у с. Васильевка

Такой состав массы, обжиг и орнамент мелкозубчатого штампа характерны для остродонных сосудов энеолитической эпохи Надпорожья.

С. Н. ОРЛОВ

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА В ОКРЕСТНОСТЯХ НОВГОРОДА

До недавнего прошлого памятники эпохи раннего металла были плохо известны на территории северо-запада европейской части СССР [1]. При сплошном археологическом обследовании Новгородской области за последнее десятилетие обнаружено свыше двух десятков поселений I тысячелетия до н. э. и рубежа нашей эры [2]. В настоящей заметке характеризуются остатки поселений из ближайших окрестностей Новгорода.

Инстересное многослойное поселение было обнаружено в 3 *км* южнее Новгорода, на левом берегу р. Прость, около дороги из Новгорода в дер. Старая Ракома. Верхние слои его относятся ко второй половине I тысячелетия н. э., а нижние — к эпохе раннего металла. Селище находится на

[1] Н. Н. Гурина. Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты. СА, XIII, 1950; ее же. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, 87, 1961, стр. 5—7, 63, 81—119.

[2] С. Н. Орлов. Городище эпохи раннего железа в низовьях реки Ловати. КСИА АН СССР, 87, 1962, стр. 42—45.

поле в 100—150 *м* от русла р. Прость. Площадь поселения около 2 *га*. Культурные остатки памятника перемешаны в результате распашки, и ненарушенные комплексы сохранились только в понижениях и ямах. В 1961 г. на поселении проведены археологические исследования экспедицией Новгородского пединститута и Новгородского музея[3].

Раскоп I был заложен в южной части стоянки к западу от шоссейной дороги и в 155 *м* к северу от р. Прость, где в обрезе канавы был обнаружен культурный слой. В ненарушенном виде от раннего слоя поселения здесь сохранилась часть ямы, заполненная черным перегноем, в котором были разбитые камни и угли. Яма в плане имела округлую форму диаметром с юга на север 1,5 *м*. Восточная часть ямы срезана канавой, и с запада на восток она сохранилась на ширину 1,1 *м*. Яма была перекрыта пахотным слоем толщиной 0,28—0,3 *м* и выбросом из канавы. Дно ямы чашеобразное, углубленное в материк на 0,3 *м*.

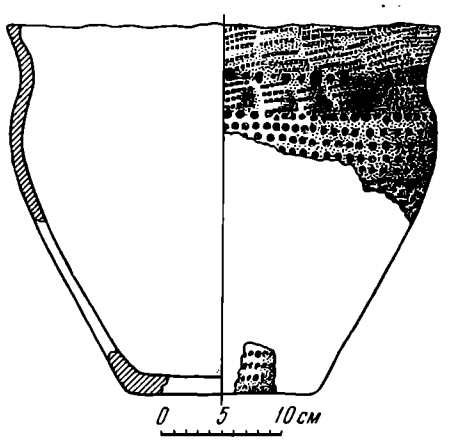


Рис. 1. Горшок с поселения на левом берегу р. Прость

При расчистке заполнения ямы собрано свыше 60 обломков лепных горшков, украшенных снаружи неглубокими неровными ямками и оттисками мелкой гребенки. Большинство фрагментов принадлежало одному горшку, который и удалось частично реставрировать. Горшок изготовлен из глины с примесью мелкого песка и растительных остатков. Профиль его хорошо выражен, широкий венчик отогнут наружу. Высота сосуда 31 *см*, диаметр горловины 36 *см*. Дно плоское, диаметр его 16,5 *см*. Толщина стенок 0,8—1 *см* и в придонной части 1,2 *см*. Оттиски многозубой мелкой гребенки покрывают поверхность венчика сосуда, а тулово украшено ямками (рис. 1). Они неровные, неглубокие, нанесены небрежно, отличаются от ямок на керамике эпохи неолита. Сосуд окрашен в темный цвет, и по внутренней поверхности идет глубокая небрежная штриховка.

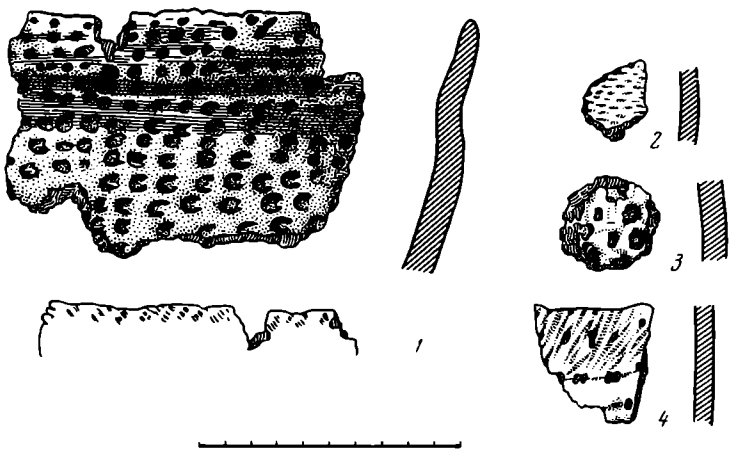


Рис. 2. Образцы керамики с поселения на левом берегу р. Прость

[3] Коллекция находок хранится в фондах Новгородского историко-архитектурного музея.

Обломки от второго крупного по размерам горшка, найденные в заполнении ямы, также хорошо профилированы, венчик и тулово горшка снаружи украшены копытообразными ямками. По венчику изнутри имеются оттиски мелкого гребенчатого штампа и глубокая штриховка. Диаметр горловины сосуда достигает 40 *см*, толща стенок 1,5 *см* (рис. 2, *1*).

В заполнении ямы найдены кремневый отщеп и обломок кремневого орудия, боковые режущие части которого ретушированы. Длина обломка 2,5 *см*, ширина 2,3 *см*.

На всей остальной площади раскопов I и II не найдено ненарушенных отложений культурного слоя, но отщепы кремня и обломки лепных орнаментированных горшков также встречались как в пахотном слое, так и при зачистке материкового песка.

На раскопе II, который находился в 100 *м* к востоку от раскопа I, в пахотном слое и при зачистке материка найдено около 30 обломков от подобных горшков и сланцевое шлифованное тесло. Длина тесла 11,5 *см*, ширина рабочего края 5 *см* (рис. 3). А при зачистке обреза канавы в 200—300 *м* к северо-востоку от раскопа I в перепаханном слое найдено два обломка от шлифованных сланцевых орудий и фрагменты от подобных же лепных горшков.

Всего на исследованной площади поселения найдено свыше 140 обломков лепных горшков с орнаментом в виде отпечатков различных ямочек и гребенчатого штампа. Все горшки имеют плоское дно и хорошо профилированы. Различаются обломки не менее как от 20 сосудов. Диаметр горловины горшков колеблется от 11 до 40 *см*, диаметр дна — от 6 до 18 *см*. Вся керамика изготовлена из глины с примесью песка, обжиг хороший, но не равномерный. Изнутри, как правило, горшки темные, а снаружи — светло-серые.

Рис. 3. Каменное тесло с поселения на левом берегу р. Прость

На керамике с поселения различается 17 вариантов орнаментации, состоящих из различных ямочных вдавлений или отпечатков мелкого гребенчатого штампа. Орнамент, как правило, сильно измельчен, отпечатки неглубокие, лишь скользят по поверхности сосуда (рис. 1). Два фрагмента имеют снаружи отпечатки ткани (рис. 2, *2*). Имеется несколько черепков от более грубой лепной керамики с густой штриховкой снаружи и изнутри и редкими ямочными вдавлениями (рис. 2, *3*, *4*).

Остатки размытого поселения с такой же керамикой обнаружены на правом берегу Волхова в 600 *м* к югу от с. Городища, напротив северной части Юрьева монастыря. Поселение находилось на невысоком всхолмлении вдоль берега р. Волхов, с юга ограничено протокой. На протяжении 200—250 *м* вдоль берега собрано здесь свыше сотни обломков лепных горшков, найдено сланцевое шлифованное тесло, скребок кремневый и ряд отщепов (рис. 4, *4*). Форма горшков, их фактура и орнамент совершенно идентичны керамике с поселения на р. Прость (рис. 4, *1—3*, *5—7*).

Аналогичная керамика собрана около размытого поселения Холопий городок, на правом берегу р. Волхов, в 9—10 *км* к северу от Новгорода (рис. 4, *8*). Здесь же найдено и шлифованное сланцевое орудие (рис. 4, *9*).

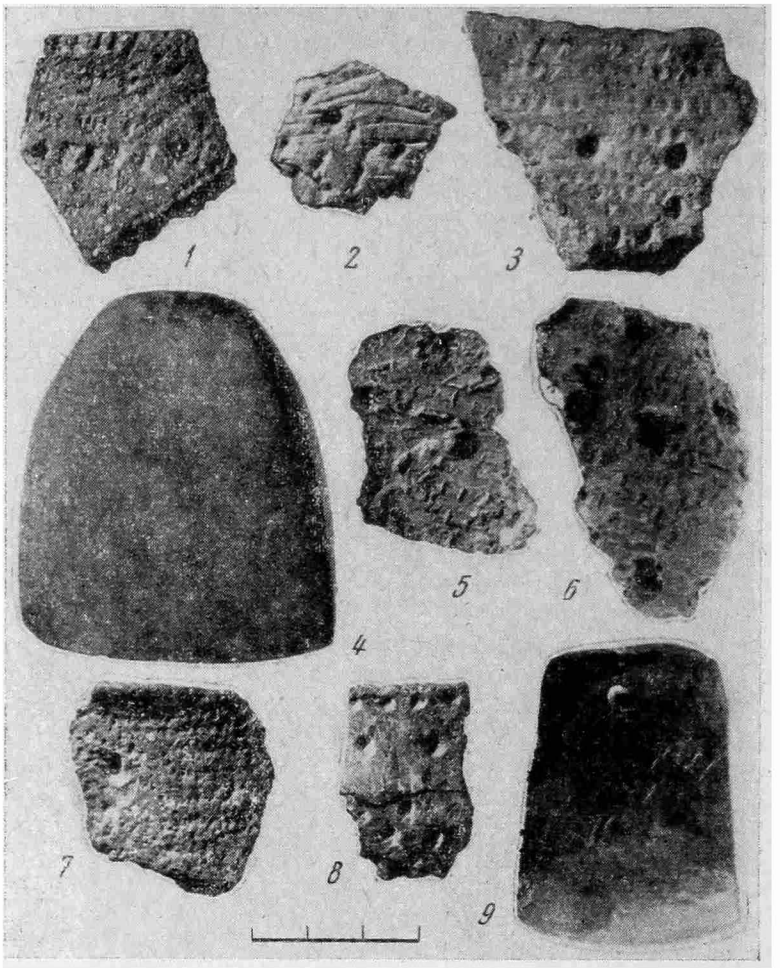


Рис. 4. Образцы керамики и орудий с поселений
1—5, 7, 8 — правый берег р. Волхов; *6, 9* — Холопий городок

Обследованные селища сходны по материалу с находками с поселений эпохи раннего металла, которые изучены на прилегающих территориях в бассейнах рек Волхова и Мсты и датируются концом II и I тысячелетием до н. э.[4].

[4] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада, стр. 81—119, 450—507; ее же. Результаты археологического обследования, стр. 300, табл. IV, стр. 306, табл. VII.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА, Л. П. ХЛОБЫСТИН

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ИЗ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

В последние годы Южноуральской археологической экспедицией, руководимой Л. Я. Крижевской, проводились исследования берегов Большого Миассового озера, входящего в зону Ильменского государственного заповедника Академии наук СССР. В устье одного из глухих заливов этого

озера было раскопано древнее поселение, получившее наименование Липовая Курья. На территории поселения обнаружены остатки полуземлянки, принадлежавшей черкаскульской культуре и погибшей в результате пожара. Она оказалась погребенной под вновь образовавшимся культурным слоем.

В заполнении жилища среди разбитых горшков и других изделий была найдена литейная форма, состоящая из двух лежавших рядом створок. Обе половинки сделаны из сходных по форме и размеру брусков тальково-перефеллитового сланца зеленовато-серого цвета. Длина одной половины (более массивной) 10 *см*, ширина в верхней части 4,1 *см* и в нижней — 3,8 *см*, толщина равна 2 *см* (рис. 1). Другая половинка — длиной 9,9 *см*, шириной 4 *см* в верхней и 3,7 *см* в нижней части бруска, толщиной соответственно — 1,7 и 1,5 *см* (рис. 2).

На створках вырезаны формы для отливки четырех орудий. Одно из них желобчатое долото. Задняя половинка долота вырезана посередине широкой грани более массивного бруска (рис. 1, *в*); передняя, с желобком, симметрично вырезана на другом бруске (рис. 2, *б*). Сложенные створки образуют полую форму желобчатого втульчатого долота, округлого в верхней части и имеющего серповидное сечение в нижней, рабочей. Длина долота 9,7 *см*. Наибольший диаметр втулки 2,5 *см*, длина ее около 3 *см*. Втулка довольно резко сужается по направлению к рабочей части. В сагитальном сечении орудие имеет форму клина. Значительную часть орудия занимает желоб.

Долото, отливавшееся в этой форме, было богато орнаментировано. Линии этого рисунка выпуклые. Два валика-кольца, охватывавшие втулку, повышая ее прочность, одновременно использовались как орнаментальная деталь. Между ними помещен узор из вложенных углов, обращенных вершинами в противоположные стороны и образующих зигзаг. От нижнего менее рельефного кольца на рабочую часть орудия спускались треугольные «флажки», очерченные выпуклой линией. Заднюю половину орудия украшали три «флажка». Желоб, достигающий нижнего кольца, вынудил мастера поместить на передней половинке орудия четыре «флажка» меньших размеров. При совмещении створок орнаментальные линии на задней и передней половинках полностью не совпадают, зато все остальные части орудия прекрасно подогнаны. Обе створки плотно, без просветов примыкают друг к другу. Заполированность и блеск поверхностей показывают, что створки буквально притерты друг к другу.

Литейная шишка, служившая для образования втулки, не найдена, поэтому только предположительно можно говорить о способе ее крепления. Шишка, очевидно, подвешивалась на плечиках, и ее смещению препятствовал небольшой скос торцовых поверхностей к месту стыка створок. Какую-то роль в укреплении сердечника, видимо, играли два углубления, симметрично вырезанные на верхнем торце одной из створок (рис. 2, *г*). Заливка металла происходила с двух сторон от сердечника, о чем свидетельствуют конусовидные литки на обеих створках. Отлитое долото имело тупое, толстое (до 3 *мм*) лезвие. Это орудие подвергалось дополнительной обработке: сглаживанию литейных швов, отковке и заточке лезвия. В результате отковки должна была образоваться некоторая секирообразность лезвия, наблюдаемая у большинства долот и кельтов. Следует обратить внимание на глубокие прорезы, сделанные на отшлифованных смыкающихся поверхностях и идущие от вырезанной формы наружу. Один прорез находится на массивной створке около лезвия. На второй створке имеются две пары прорезов, симметрично расположенных почти в середине формы. По-видимому, они служили для отвода газов, образующихся при заливке металла в форму и нередко портящих изделие.

Форма для долота была изготовлена из старой литейной формы. Часть старой формы оказалась срезанной при выделке уплощенных верхних торцовых поверхностей нового орудия, при этом были сильно повреждены две

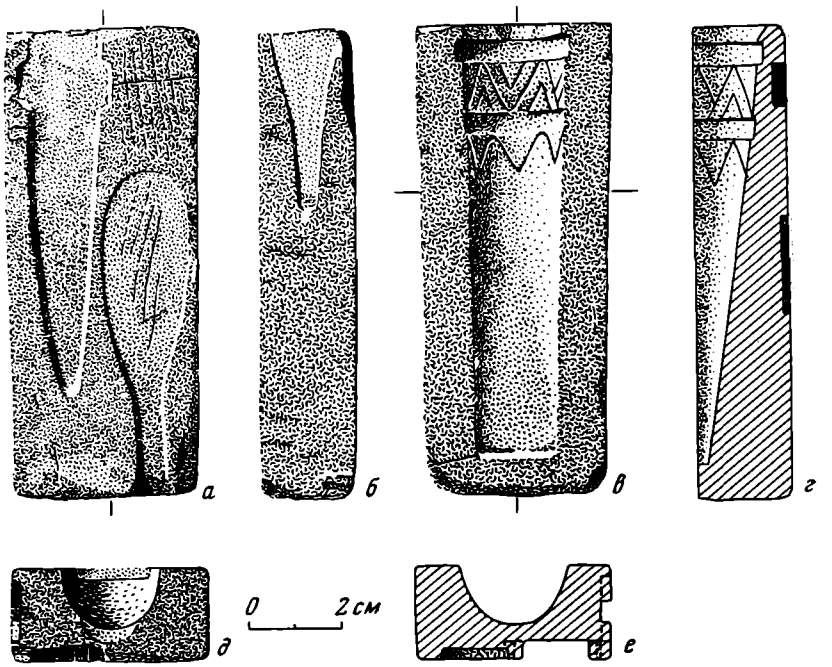


Рис. 1. Литейная форма со стоянки Липовая Курья (вторая створка)

а — вид снаружи, *б* — вид сбоку, *в* — вид изнутри, *г* — продольный разрез, *д* — вид сверху, *е* — поперечный разрез

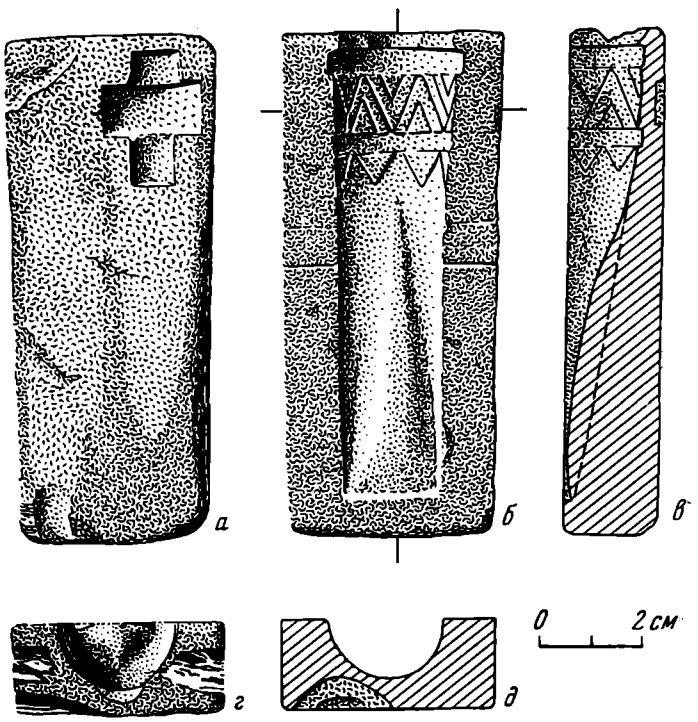


Рис. 2. Литейная форма со стоянки Липовая Курья (первая створка)

а — вид снаружи, *б* — вид изнутри, *в* — продольный разрез, *г* — вид сверху, *д* — поперечный разрез

ранее существовавшие формы: форма для отливки какого-то орудия (ножа, наконечника стрелы?), сделанная на боковой грани массивного бруска (рис. 1, *б*), и верхняя часть еще одной литейной формы, вырезанной на широкой, противоположной грани массивного бруска. Судя по части, сохранившейся от этой второй формы, она служила для отливки кинжальчиков с небольшими выступами перекрестия. Рядом с нею расположена полностью сохранившаяся форма для отливки плоского листовидного предмета с черешком, вероятно, наконечника стрелы (рис. 1, *а*). Заливка металла в формы этих орудий осуществлялась с противоположных сторон. В форму наконечника металл заливался через стержень, раструбом литка выходивший на торцовую часть бруска. Вторая половинка конусовидного литка выточена на другой створке (рис. 2, *а*). Отливка производилась при совмещении створок. Так как на поверхности второй створки ничего относящегося к наконечнику стрелы, кроме части литка, не вырезано, то, следовательно, этот наконечник имел вид пластинки толщиною в 2,5 *мм* и края его должны были отковываться и затачиваться. При наложении брусков друг на друга и совмещения их краев происходит не только совмещение частей литка наконечника, но также совмещение крестообразного углубления, находящегося на втором бруске, с выступами перекрестия «кинжальчика». Оно состоит из двух как бы вложенных один в другой полуцилиндров. По всей видимости, в пространство внутреннего полуцилиндра помещался вкладыш, в результате чего на месте перекрестия при отливке образовалось полукольцо, подобное «мостикам» на сибирских кинжалах. Так как здесь легче всего могла образоваться газовая раковина, то для устранения такой возможности от одного из выступов перекрестия сделан газоотводный прорез. При отливке этого орудия бруски должны были помещаться под наклоном, препятствовавшим смещению вкладыша. Правильность такого совмещения створок подтверждается пятнами на поверхности меньшей створки, своими очертаниями повторяющими очертания «кинжала» и наконечника (рис. 2, *а*). Эти пятна образовались во время отливки изделий в результате обесцвечивания тальково-перефеллитового сланца, обладающего большой температурой плавления, но при сильном нагреве (т. е. при отливке) меняющего окраску: из темной серовато-зеленой она становится светло-зеленой, желтоватой.

Формы для наконечника стрелы и кинжальчика повреждены сколами, почему и пришлось отказаться от их эксплуатации. Бруски были вторично использованы, вероятно, ввиду ценности материала, из которого они изготовлены. Большая жаростойкость тальково-перефеллитового сланца, сочетающаяся с вязкостью и мягкостью, позволяющими вырезать в нем сложные полоски и узоры, должны были цениться древними литейщиками, стремившимися использовать этот материал до последней возможности.

Бруски вырезаны, очевидно, из одного куска горной породы. Их поверхности обработаны методом выстругивания металлическим орудием с последующей пришлифовкой. Судя по сохранившимся следам, при изготовлении литейных форм употреблялись два резца различных размеров. Ряд приемов, примененных при изготовлении как старых литейных форм, так и новой формы долота, позволяет предполагать здесь работу рук одного человека, а тщательность исполнения форм, сочетающаяся с искусной орнаментацией, демонстрируют его большое профессиональное мастерство. Следует отметить совпадение в элементах и композиции орнаментов на желобчатом долоте и сосудах, найденных совместно с литейной формой в сгоревшем жилище. Это позволяет сделать предположение о том, что в этой полуземлянке жил сам мастер-литейщик.

Представляет большой интерес сопоставление липовокурьевской литейной формы с другими подобными же изделиями. Употребление талька для изготовления литейных форм — явление, характерное для зауральских и других культур на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Однако отыскание аналогий для орудий, отливавшихся в этой форме, оказывается затрудни-

тельным ввиду их своеобразия, тем более, что последующая обработка отливок могла существенно менять их облик. Если наконечник стрелы можно сопоставлять с серией андроновских и срубных ножей и наконечников стрел, то «кинжальчик» не находит себе подобных. От ранних сибирских кинжалов, имеющих на рукоятях перемычки в виде «мостиков», это орудие отличается как своими миниатюрными размерами и пластинчатостью, так и слиянием «мостика» с перекрестием. Оригинальное полукольцо, служившее, видимо, для прикрепления орудия к древку, имеет мало общего с перемычками на сложнопрофилированных рукоятях кинжалов, хотя и напоминает их. Таким образом, употребление этого изделия в качестве кинжала вызывает сомнение, усугубляемое его фрагментарностью. Асимметричность его лезвий скорее позволяет усматривать в орудии нож. Возможно, однако, что оно могло служить и для других целей и быть, в частности, кородером (потребность в таком орудии у лесных народностей всегда была велика).

Не менее велика была потребность обитателей Озерского Зауралья и в долотах, столь необходимых для изготовления лодок. Поэтому вполне естественна находка литейной формы для долота на берегу Большого Миассова озера, почти в самом центре этого района.

Желобчатое долото, отлитое в липовокурьевской форме, отличается некоторой оригинальностью. Размеры и пропорции (отношение желобчатой части к втулке равно 2 : 1) этого долота типичны для долот юга европейской части СССР и Урала, но богатый орнаментальный убор резко его выделяет. Кажется вероятным, что древний металлург, изготовивший литейную форму для долота, руководствовался формами и узором кельтов. Наиболее близки липовокурьевскому долоту кельты дербеденьского типа, у которых, так же как у этого долота, втулка округлая, а по ее краю сделан массивный валик [1]. Наиболее близкая орнаментация есть на одном из кельтов Дербеденьского клада [2].

Появление втульчатых долот, а в связи с ними время бытования кельтов дербеденьского типа принято относить к началу I тысячелетия до н. э. Однако мы склонны считать, что не следует на 500 лет растягивать промежуток времени между появлением в лесной и лесостепной зонах Приуралья и Зауралья кельтов и втульчатых долот, поскольку они имеют один и тот же принцип изготовления.

Залегание липовокурьевской литейной формы в комплексе с керамикой позволяет довольно точно определить ее культурную принадлежность и датировать находку черкаскульским этапом одноименной культуры, выделенной К. В. Сальниковым, т. е. не позднее последней четверти II тыс. до н. э. Радиоуглеродный анализ угля из сгоревшего жилища говорит, что оно погибло 3590 ± 90 лет тому назад (ЛЕ—633), но до получения серии анализов нельзя настаивать на такой углубленной дате.

[1] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 44—45.

[2] Н. И. Булычев. Древности из Восточной России. М., 1902, табл. VI, 1.

М. И. МАКСИМОВА

ЕЩЕ РАЗ О ДАТЕ АРТЮХОВСКОГО КУРГАНА

Несколько лет назад «Советская археология» опубликовала статью, в которой предлагалась новая датировка Артюховского кургана [1]. Я пришла тогда к выводу о необходимости отказаться от общепринятой датировки этого комплекса серединой III в. до н. э. и отнесла его к более позднему времени. Принадлежность его ко II в. до н. э. казалась мне несомненной.

[1] М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, 3, стр. 46—58.

Мысль о передатировке этого памятника II в. встретила, насколько нам известно, общее сочувствие как в Советском Союзе, так и за рубежом[2], однако возникли значительные разногласия о том, следует ли отнести его к началу, середине или концу столетия. Так, Кютман, независимо от нашей статьи пришедший к убеждению об ошибочности прежней датировки Артюховского кургана, относит его приблизительно к 100 г. до н. э.[3] С другой стороны, Р. Хиггинс склонен относить его к началу II в.[4] В моей статье речь идет о середине или третьей четверти II в. до н. э. Впоследствии, после проработки всех материалов кургана, удалось уточнить эту датировку, ограничив время трех неразграбленных его погребений временем примерно от 140 до 125 г. до н. э.

Точная датировка кургана важна, поскольку дело идет о памятнике исключительного значения как для истории Боспора, так и для истории художественного ремесла эллинистической эпохи, особенно ювелирного дела. Поэтому мы возвращаемся здесь к этому вопросу в связи с публикацией недавно новых материалов, чрезвычайно важных для уточнения даты нашего кургана.

В 1956 г. в Малой Азии, в местечке Мектепини во Фригии, при рытье канала рабочие случайно обнаружили большой клад серебряных тетрадрахм[5]. Большинство этих монет поступило в Музей Стамбула (686 монет), а с части клада, успевшей попасть на рынок, удалось получить слепки. Таким образом, в настоящее время доступны изучению 753 монеты. Издатели клада полагают, что первоначальное число его монет вряд ли намного превосходило эту цифру. Клад содержит разнообразные серии тетрадрахм эпохи эллинизма. В нем представлены монетные выпуски западного и южного побережья Черного моря, Пропонтиды, западных и южных областей Малой Азии и прилегающих островов, Сирии, Финикии, Месопотамии, Аравии, Ирана, Александрии в Египте, Македонии и Пелопоннеса.

Детальное изучение клада показало, что его следует отнести к периоду раннего эллинизма, так как наиболее ранние из монет восходят к Александру Македонскому, а наиболее поздние относятся к самым первым годам II в. до н. э. Этот вывод в связи с учетом места зарытия клада (у края большой дороги, соединявшей Никею с Киликийскими Воротами) позволил А. Серигу высказать весьма, как нам кажется, убедительное предположение о том, что сокрытие столь богатого скопления монет произошло в связи с катастрофой, постигшей Антиоха III в 190 г. до н. э. в битве с римлянами при Магнезии, после чего Малая Азия вышла из-под власти Селевкидов[6].

Среди монет клада из Мектепини имеется 38 тетрадрахм посмертного чекана Лисимаха в Византии, с теми же эмблемами и надписями, как и на золотых статерах того же происхождения[7]. Наиболее поздние экземпляры этой серии клада, относящиеся, следовательно, ко времени около 200 г. до н. э., за исключением монограмм, в точности повторяют аверс и реверс статера из Артюховского кургана[8], однако фактура монет и стиль изобра-

[2] Несогласие с новой датировкой Артюховского кургана было высказано В. Брабич. К вопросу о чеканке золотых статеров при Перисаде II. СГЭ, XXI, Л., 1961, стр. 48—51. Автор статьи датирует курган III в. до н. э., однако его доводы неубедительны. Основывается он главным образом на находке медной монеты Левкона II в том же кургане, в одной из разграбленных могил. Между тем, когда речь идет об Артюховском кургане, то имеются в виду три его нетронутые погребения. Разграбленные погребения кургана разновременны; наиболее раннее из них относится к III в. до н. э., а наиболее позднее — к I в. н. э.

[3] H. Küthman. Beiträge zur Hellenistisch — Römischen Toreutik. Jahrbuch des römisch-germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1958, стр. 94—127.

[4] R. A. Higgins. Greek and Roman Jewellery. London, 1961, стр. 157.

[5] Nekriman Olcay et Henri Seyrig. Le Trésor de Mektepini en Phrygie Institut Français d'Archéologie de Beyrouth. Bibliothèque archéologique et historique LXXXII, Paris, 1965.

[6] Там же, стр. 29, сл.

[7] Там же, табл. 6, см. также стр. 9 и 10.

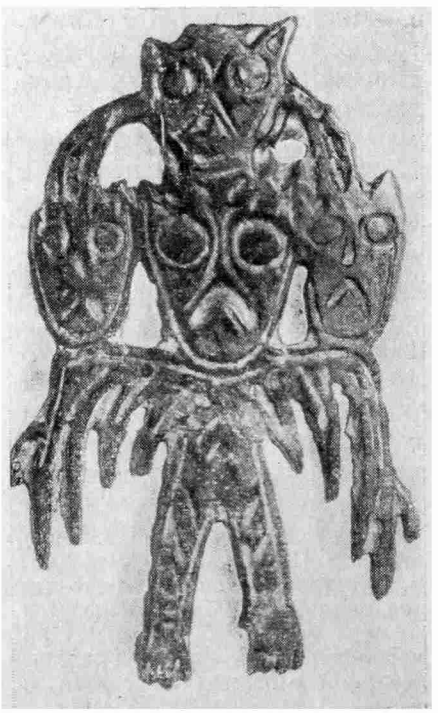
[8] Там же, № 138 и 141.

жения в обоих случаях различны. Артюховский статер должен быть значительно моложе тетрадрахм из Мектепини, так как небрежный стиль их исполнения гораздо дальше отходит от первоначальной строгости древних монет этой серии. Процесс дегенерации первоначальной композиции зашел здесь уже довольно далеко. То же можно сказать и о характере букв надписей. В соответствии с этим А. Сериг, который ранее датировал статер из Артюховского кургана примерно 200 г. до н. э., теперь, как он любезно сообщил нам в письме, полагает, что эта монета не может быть старше 160 г. до н. э. Снижение этой даты, которая, надо полагать, повлечет за собой и изменение даты статера Перисада, найденного в том же погребении, окончательно устраняет возможность отнесения Артюховского кургана к началу II в. до н. э. В то же время она прекрасно согласуется с теми выводами, которые вытекают из подробного изучения всех материалов, найденных в трех нетронутых погребениях этого фамильного некрополя и подтверждает их датировку примерно 140—125 г. II в. до н. э.

И. А. ЛУНЕГОВ

УСТЬ-ЯЗЬВИНСКАЯ НАХОДКА ИДОЛА

В начале июля 1965 г. в Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина поступила довольно крупная литая бронзовая пластинка, найденная около пос. Усть-Язьва неподалеку от впадения р. Язьвы в р. Вишеру в Красновишерском районе Пермской обл. (рисунок). Пластинка прорезная. На ней видны изображения трех человеческих голов, размещенных в ряд на плечах фантастической птицы. На их лицах крупные глаза, обозначенные кругами, изображены и рты в виде углов остриями вверх. Лица плоские. Из-за круглых глаз и выступов наверху человеческие лица имеют сходство с мордами филинов. Крылья фантастической птицы полураспущены. У нее две длинных ноги, каждая из которых оканчивается тремя когтями. Выше средней головы изображена четвертая голова с такими же круглыми глазами и острыми ушами. По сторонам от нее отходит также по полураспущенному крылу. Высота пластинки — 16, ширина — 9,5, толщина — 0,5 *см*. В верхней части край пластинки сломан. Петля на обратной стороне не сохранилась. Находчик заявил, что пластина им была найдена в песке, место находки никем не обследовалось.



Бронзовый шаманский идол, найденный у пос. Усть-Язьва

Эта пластина очень близка по манере изображения шаманскому идолу, найденному в 1949 г. на р. Вишере около Писаного Камня Вишерским отрядом Камской археологической экспедиции Института археологии АН СССР. Дата его — II век до н. э. К этому же времени относится и публикуемая нами находка.

В. С. ДРАЧУК

СТЕЛА СО ЗНАКАМИ ИЗ ТЕРЕБОВЕЛЬЩИНЫ

Среди памятников Причерноморья с так называемыми «загадочными знаками», привлекавших к себе внимание многих исследователей [1], и по настоящий день есть много таких, которые либо совершенно не имеют никакого объяснения, либо фигурируют в литературе с ошибочным толкованием. В этой заметке мы хотим обратить внимание на стелу, найденную около д. Задрости на Тернопольщине (б. Теребовельского повета). Она представляет собой большой четырехгранный столб, суженный вверху (рис. 1, *2*). Высота его — 5,5 *м*; ширина внизу — 1,21 *м*, вверху — 1 *м*. Толщина соответственно: внизу — 1 *м*, вверху — 0,18 *м*. Нижняя часть столба (которая, по-видимому, закапывалась в землю) — наиболее широкая и толстая, вся бугристая, грубо отесанная; верхняя часть отесана аккуратно, с выглаженной поверхностью. Длина отесанной части 1,85 *м*. На отесанной поверхности с большой тщательностью вырезано три знака: два — на лицевой стороне, один — на боковой. Ширина резьбы во всех трех знаках равна 1 *см*; глубина — 0,5 *см*. Размер знаков — разный (рис. 1, *3—5*). Один из них имеет высоту 40 *см*, другой — 24,5 *см*, третий — 6,5 *см*. Что касается техники резьбы, то третий знак вырезан немного хуже двух первых.

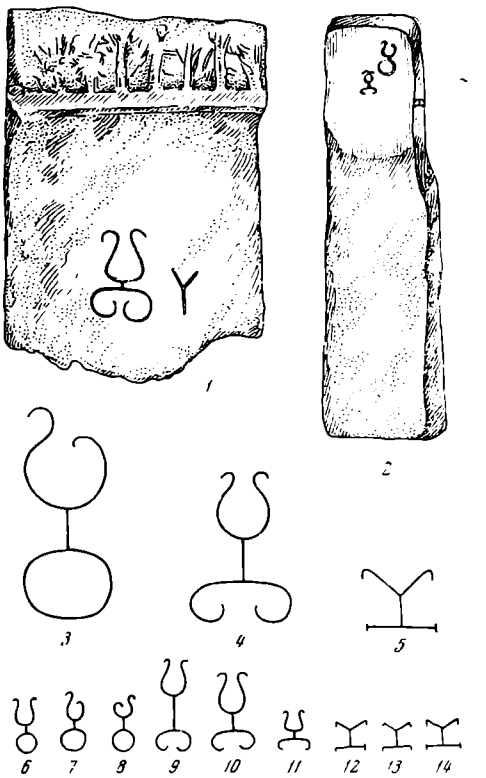


Рис. 1. Камни с сарматскими знаками и сарматские знаки

1 — известняковая плита из Керчи; *2* — камень со знаками из деревни Заздрости; *3—5* — знаки на заздростинском камне; *6—14* — сарматские знаки первых веков нашей эры; *6—8, 11, 14* — знаки на ольвийских львах (Гос. Эрмитаж, № 17832, 17833); *9* — на золотом флаконе из Ольвии (Гос. Эрмитаж, № ОЛ—95); *10* — на серебряном блюде из Воронежской обл. (по А. П. Смирнову); *12* — на известняковой плите из Керчи (Керчь, музей, № К—3240); *13* — на камне из Кривого Рога (Одесса, музей, № 50750)

Б. Януш [2], опубликовавший этот памятник, характеризуя его, ограничился лишь замечанием, что это, возможно, надгробие или пограничный столб.

Изучив памятник, мы увидели, что хотя ныне и нельзя со всей полнотой ответить на вопрос о том, что же представлял собой задростинский камень и знаки, на нем вырезанные, но можно говорить, что задростинский камень датируется II—III вв. Знаки, вырезанные на камне, являются знаками сарматскими. Об этом свидетельствует не только большое количество подобных знаков первых веков нашей эры на самых различных памятниках [3] (и из различных областей), но и наличие полностью аналогичных знаков, принадлежащих сарматским племенам (рис. 1, *1, 6—14*).

[1] П. Бурачков. О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России. ЗООИД, IX, 1875; В. Шкорпил. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия. ИАК, 37, СПб., 1910; И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. ИГАИМК, 62, 1933; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1959.

[2] Б. Януш. Камінь з загадковими знаками в с. Заздрости... Записки наукового товариства ім. Шевченка, 80, VI, 1907, стр. 125—128.

[3] См. знак на антропоморфном надгробии с Керченского п-ова (А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950, стр. 245, рис. 8—9); знак на известняковой стеле из Малой Козырки (ОАК, за 1909—1910 гг., стр. 101, рис. 146);

Зачем же они были поставлены на камне? Отвечая на этот вопрос, заметим, что, по свидетельству Плиния, Аммиана Марцеллина и других авторов, некоторые племена, в том числе и сарматы, для обозначения признаков социального положения использовали татуировку как специфическую геральдику. Уже тогда знаки у сарматов заключали в себе идею владельческих прав [4]. В первые века нашей эры знаки у сарматов широко вошли в употребление как тамги родовые и именные. Это, видимо, и было то основное значение, которое имели все многочисленные сарматские тамгоподобные знаки, в том числе и знаки на заздростинском камне [5].

Мы полагаем, что каменный столб, найденный вблизи д. Заздрости, не мог быть надгробным памятником, как думал Б. Януш. Все известные нам надгробия этого времени имеют значительно меньшие размеры; само погребение найдено не было. Не мог он быть и пограничным столбом в полном смысле этого слова, поскольку такая гипотеза предполагала бы наличие у сармат государства. Заздростинский столб был, скорее всего, символом власти сарматских племен над окружающей территорией. Возможно, он был поставлен аланами в конце II в., когда они, объединившись в племенной союз с могущественной военной организацией и заняв господствующее положение среди других сарматских племен, «истощая постоянными победами соседние народы, распространили на них свое племенное название, подобно персам» [6].

Знаки же принадлежали либо вождям, возглавлявшим аланское политическое объединение, либо племенам, занимавшим главенствующее положение. Если считать, что знаки принадлежали вождям, то количество их объясняется сменой вождей, так как гораздо легче было вырезать знак рядом, чем тесать новый камень. Подобные примеры известны из жизни многих кочевнических племен [7]. Помимо того, не исключена возможность, что одновременно на камне ставился знак вождя, знак рода и племени, к которым он принадлежал.

Изучение заздростинского камня с загадочными знаками привело нас к следующим выводам.

1. Памятник датируется II—III вв. и представляет собой символ власти.

2. Знаки, вырезанные на камне, являются сарматскими. Они принадлежали, возможно, аланскому политическому объединению, возникшему в конце II в., и играли роль именных, родовых или племенных тамг.

знаки на ольвийских львах (И. Мурзакевич. Ольвийские древности. 300 ИД, III, 1853; А. И. Савельев. Два лапидарных памятника, «Древняя и новая Россия», 1875, 4); знаки на других памятниках. См. Э. И. Соломоник. Ук. соч., № 23 и общую таблицу знаков.

[4] Plin, N. H., XXII, 2; Amm. Marc., XXXI, 17; Н. А. Захаров, Краснодарское городище. 1935, стр. 27, арх. ЛОИА, ф. 2, опись 2, № 475.

[5] Мы не можем согласиться с точкой зрения исследователей, которые считают, что знаки имеют много значений, т. е.: одни из них являются культово-магическими символами, другие — знаками собственности, третьи — родовыми тамгами и т. п. Мы считаем, что все они имели указанное выше значение. Какую же конкретную роль они исполняли — или знака собственности, или культово-магическую и т. п.— зависело от того, с какой целью и на каком памятнике их ставили. Кроме того, как показывают этнографические данные, иногда тамговые знаки наносили на какой-нибудь предмет «механически», без всяких преднамеренных целей, что, к сожалению, исследователями часто не принимается во внимание.

[6] Amm. Marc., XXI, 2, 13.

[7] Wetzstein. Über das Eigentumszeichen nomadischer Völker. «Globus», 32, Braunschweig, 1877, стр. 255—256.

Ю. Г. ЧУЛАНОВ

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ ФЕРГАНЫ

На территории Северной Ферганы сейчас ведутся интенсивные землеустроительные работы, при которых разрушаются археологические памятники. Некоторые материалы, собранные при этих работах, поступили в Наманганский краеведческий музей. Все эти места были обследованы сотрудниками музея, что дало возможность связать доставленные в музей вещи с определенными памятниками. Часть памятников испорчена местными жителями.

Среди памятников выделяются погребальные сооружения типа мугхона. Это надземные каменные погребальные сооружения в виде усеченной пирамиды.

Мугхона у с. Араб. Расположены в 18 *км* к северу-западу от с. Гава в районе с. Араб, на горном склоне левого берега Гава-Сая. Они сложены из обломков скальной породы, имеют внутри камеру и лаз. Местными жителями были раскопаны четыре мугхона. В одной из погребальных камер был обнаружен костяк, около которого стояли два сосуда типа кружки и один сосуд в виде небольшого кувшинчика. У левой руки лежал каменный оселок, а у ног — каменная пластина в виде ножичка, с одной стороны которой начало сверлины. Тут же медная монета с квадратным отверстием типа «у-ши» (рис. 1, *15*, *16*, *18*).

В остальных погребальных камерах были обнаружены еще восемь сосудов. Сосуды лепные плоскодонные. Изготовлены из грубого теста с большой примесью известняка. Поверхность сосудов серая, неровная от выгоревших органических примесей, черепок рыхлый.

Высота сосудов типа кружки — 9,8 и 11,3 *см*. Ручки — одна плоская с гребнем, другая округлая (рис. 2, *17*, *18*). Остальные сосуды имеют кувшинообразную форму. Высота их от 16 до 24 *см* (рис. 2, *15*, *16*).

Кроме того, в одном из мугхона была обнаружена медная литая согдийская монета (рис. 1, 17). На аверсе ее — изображение лошади и надпись на согдийском языке, на реверсе изображена тамга и надпись. Несколько подобных монет известно из раскопок на городище Пенджикент. Точная датировка их не установлена. Принадлежность монет тоже неизвестна. Лица, которые их выпускали, относились к одной из ветвей самаркандского правящего рода [1].

Мугхона у с. Чадак. Другая большая группа мугхона находится у с. Чадак. Они расположены на правой береговой террасе Чадак-Сая. Школьниками краеведческого кружка здесь было вскрыто четыре мугхона. Это невысокие полусферические сооружения с небольшими воронкообразными камерами, сложенные из окатанных валунов. На многих из валунов выбиты изображения козлов. (Подобные изображения были обнаружены на курумах в 1957 г.) [2] Обнаруженная в мугхона посуда изготовлена на гончарном круге. Один из сосудов имеет округлое тулово, удлиненное узкое горло и отогнутый венчик. Тесто плотное, без примесей, обжиг хороший. По горловине нанесены концентрические желобки, на тулове процарапан знак в виде угла, сверху сосуд покрыт ангобом темно-коричневого цвета (рис. 2, *12*). Два других сосуда оказались разбитыми. От одного сохранилась верхняя часть с горловиной, от другого — нижняя. Это горшкообразные сосуды изготовлены из глины светлого цвета, имеют плотный черепок. Оба сосуда покрыты ангобом темно-коричневого цвета и орнаментированы. На одном из них (рис. 2, *11*) нанесен процарапанный рисунок

---

[1] О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 222, рис. 17, табл. III, *4*.

[2] Б. А. Литвинский. Изучение курумов северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, СIII, 5, 1959, стр. 110.

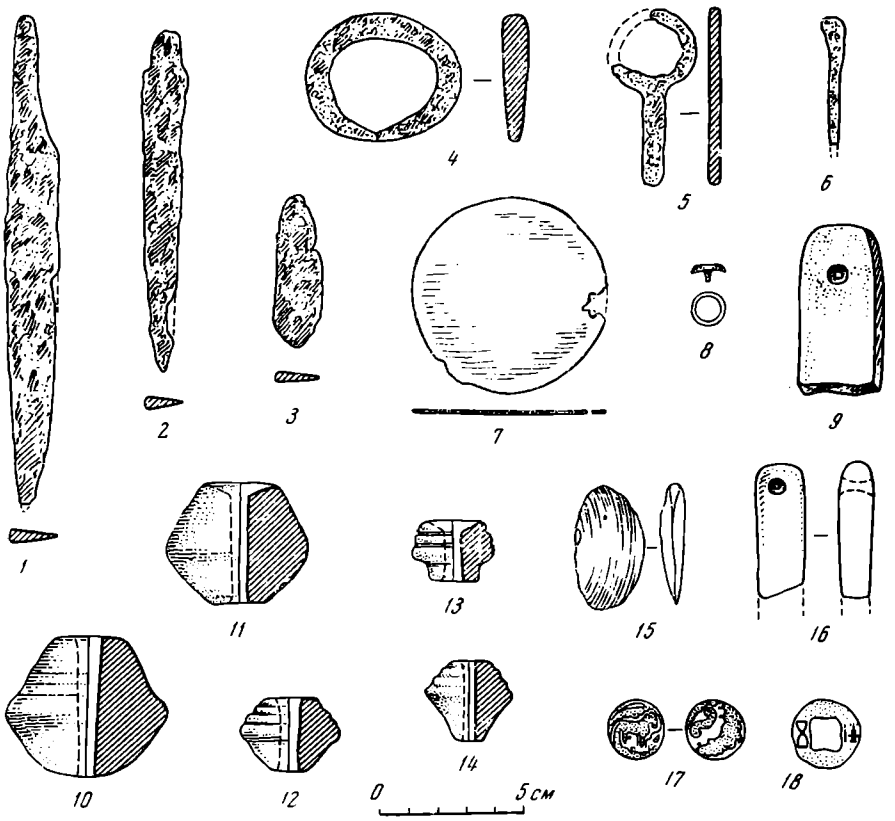


Рис. 1. Отдельные находки

1—6 — железные ножи, кольцо, гвоздь; *7* — бронзовое зеркало; *8* — медная кнопка; *9* — каменный оселок; *10—12* — глиняные пряслица; *13, 14* — глиняные пряслица; *15* — каменная пластина; *16* — каменный оселок; *17, 18* — согдийская и ханьская монеты (медь). *1—12* — Чадак, *13, 14* — Раут, *15—18* — Гава-Сай

в виде заштрихованных треугольников, другой украшен отрезками процарапанных прямых и волнистых линий (рис. 2, *10*).

Здесь найдены также два маленьких глиняных лепных сосудика. Один — миниатюрный горшочек, имеет плотный без примесей черепок, широкую горловину и покрыт красноватым ангобом плохого качества

Второй сосудик в виде кружечки изготовлен из теста хорошего качества, хорошо обожжен, поверхность покрыта плотным, незалощенным темно-коричневым ангобом (рис. 2, *13*).

Из других керамических изделий следует отметить три глиняных пряслица (рис. 1, *10—12*). Два пряслица крупные, третье — небольшое, с концентрическими желобками в верхней части. Тут же были найдены железные черешковые ножи (рис. 1, *1—3*), плоское бронзовое зеркало с двумя дырочками для подвешивания (рис. 1, *7*), железное кольцо (диаметр 5,4 *см*), железный гвоздь, медная кнопка, кусок каменного оселка (рис. 1, *4—6, 8, 9*).

Весь комплекс находок из Чадакских и Арабских погребальных сооружений находит близкие аналогии в ряде мугхона и могильников Ферганской долины. Горшкообразные сосуды (рис. 2, *10, 11*) сходны с сосудами из раскопок курумов в Ленинабадской области[3]. Кувшин с тамгой из Чадака (рис. 2, *12*) похож по форме на кувшин с ручкой из курумов Ленинабадской области, первый, правда, без ручки[4]. Сосуды типа кружки (рис. 2, *17, 18*) близки подобного типа посуде из тех же курумов[5].

---

[3] Там же, стр. 123, рис. 7, *10*.
[4] Там же, стр. 123, рис. 7, *20*.
[5] Там же, стр. 123, рис. 7, *15*.

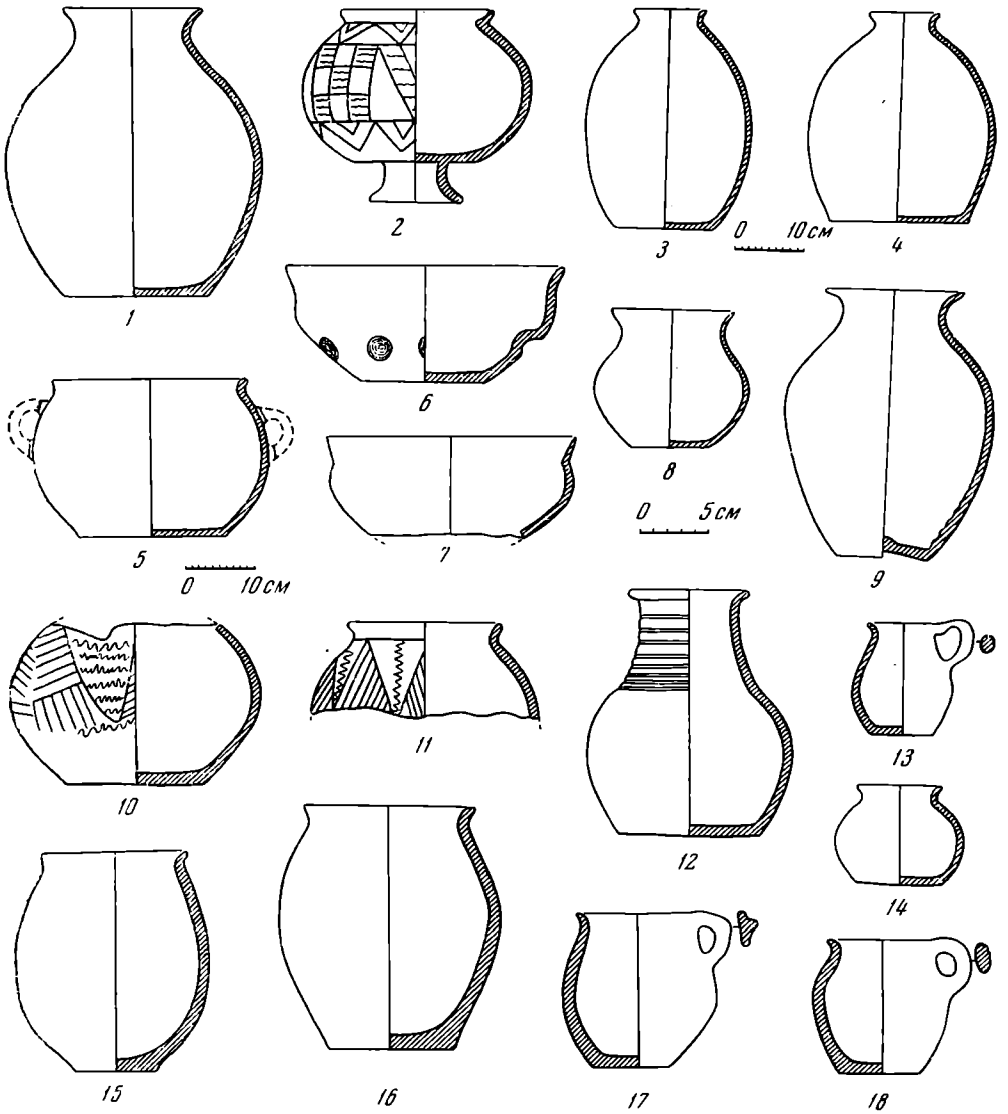


Рис. 2. Керамика

1—3 — Раут, *4—5* — Тергаучи, *6* — Навджар-Тепе, *7* — Ак-Тепе, *8, 9* — Бузулган-Тепе, *10—14* — Чадак, *15—18* — Гава-Сай

Железные ножи со свисающими концами известны из раскопок мугхона в верхнем течении Гава-Сая и его притоков [6], в могильнике Гурмирон [7].

Аналогичное плоское бронзовое зеркало было найдено при раскопках Кара-Булакского могильника [8].

Медные монеты типа «у-ши» часто встречаются в погребальном инвентаре мугхона и могильников. Подобные монеты были найдены при раскопках мугхона М. Э. Воронцом [9], в курумах, раскопанных Б. А. Литвин-

---

[6] М. Э. Воронец. Археологические исследования Ин-та истории и археологии и Музея истории АН Узбекской ССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Тр. МИ УзССР, II, 1954, стр. 72, рис. 21.

[7] Раскопки автора в 1958 г. и А. Н. Бернштама в 1951 г. Хранятся в Наманганском краеведческом музее.

[8] Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. Изв. АН КиргССР, сер. обществ. наук, III, 3, 1961, стр. 65, рис. 14, *5*.

[9] М. Э. Воронец. Ук. соч., стр. 76.

ским[10], в Ширинсайском[11], Гурмиронском[12], Кара-Булакском[13] и Варухском могильниках.

Эти находки показывают, что ханьские монеты были широко распространены в Фергане в это время, куда они попадали, очевидно, из Восточного Туркестана.

В датировке подобного рода погребальных сооружений у исследователей особых расхождений нет. В. И. Спришевский датирует каменные погребальные камеры I—IV вв.[15], а Б. А. Литвинский относит их к II—I вв. до н. э.— VI—VII (VIII) вв. н. э.[16]. Подтверждением правильности отнесения верхней границы датировки этого типа памятников к более позднему времени, очевидно, служит находка в Гавасайских мугхона медной согдийской монеты, которые известны по раскопкам Пенджикента.

Сравнивая рассмотренные выше материалы, нельзя не обратить внимания на различие в характере сооружения мугхона. В районе сел. Араб все мугхона сложены из обломков скальной породы, имеют внутри камеру и небольшой лаз. Мугхона в сел. Чадак сложены из валунов в виде невысокой полусферической насыпи, имеют одну или две небольшие воронкообразные камеры, идущие сверху, лаз отсутствует. Захоронения в обоих случаях совершены под небольшим слоем земли. Имеются различия и в керамике. Вся посуда из района Гава-Сая лепная. Полностью отсутствует орнаментация, тогда как керамика из района Чадак-Сая изготовлена на гончарном круге из теста хорошего качества и орнаментирована.

Керамика из сел. Араб имеет некоторое сходство с материалом из раскопок мугхона М. Э. Воронцом в 1950—1951 гг. на одном из притоков Гава-Сая — Сарыкуль-Сае. Прежде всего это проявляется в способе изготовления сосудов, в качестве теста. Но есть и различия. В керамике из Сарыкуль-Сая много сосудов с округлым дном и орнаментированных[17].

Керамика района Чадак-Сая близка керамике из раскопок курумов Б. А. Литвинским в Ленинабадской области в районе Ашта. Расстояние между этими двумя пунктами небольшое.

Отмеченные различия в типе погребальных сооружений и в керамике из мугхона близлежащих районов (Гава-Сай и Чадак-Сай) могут найти, очевидно, объяснение в наличии различных племенных групп, обитавших в этих районах.

Отдельные находки происходят из разрушенных поселений.

Поселение Раут. Расположено в 9 *км* к северу от г. Намангана, у подошвы плоскогорья на левом берегу Наманган-Сая. При прокладке дороги здесь разрушено небольшое возвышение и найдено три сосуда и два пряслица (рис. 1, *13*, *14*). Сосуды изготовлены на гончарном круге. Один из них кувшинообразный, с удлиненным яйцевидным туловом, узким горлом и плоским дном. Горловина невысокая, с четко профилированным венчиком. Тесто розоватое, черепок плотный, хорошо обожжен (рис. 2, *3*).

Другой сосуд также узкогорлый, тулово округлое, горловина невысокая со слегка отогнутым венчиком. Тесто сосуда плотное, без примесей, сосуд хорошо обожжен. По верхней части нанесена полоса красноватого ангоба (рис. 2, *1*).

---

[10] Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 121.

[11] В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, XIV, 1947.

[12] Раскопки автора в 1958 г. Хранятся в Наманганском музее.

[13] Ю. Д. Баруздин. Ук. соч., стр. 65.

[14] Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, XXVII, 6, 1961, стр. 75.

[15] В. И. Спришевский. Некоторые находки из мугхона в собрании Музея истории. Тр. МИ УзССР, III, 1956, стр. 70.

[16] Б. А. Литвинский. Изучение курумов..., стр. 126.

[17] В. И. Спришевский. Ук. соч., стр. 60—64

Третий сосуд — вазообразный на высоком поддоне. У него плотный хорошо обожженный черепок. Сверху сосуд покрыт плотным тусклым ангобом красно-коричневого цвета. Поверхность украшена узором, процарапанным после обжига. Орнамент разбит на три зоны. В верхней и нижней зонах даны вписанные друг в друга треугольники, опущенные вершинами вниз. Посредине — чередующийся ряд прямоугольников и треугольников. Прямоугольник разбит на мелкие квадраты, в которых в шахматном порядке процарапаны по три волнистые линии. Такие же волнистые линии заполняют и треугольники. На шейке имеются четыре симметрично расположенных отверстия для подвешивания сосуда. Венчик четко профилирован и имеет уступ для крышки (рис. 2, *2*).

Поселение Тергаучи. Находится в 10 *км* к югу от Кассана на западной окраине с. Тергаучи на пойме правого берега Кассан-Сая. Здесь на нескольких лёссовых останцах находится поселение эпохи бронзы [18]. На других лёссовых останцах колхозники при земляных работах нашли два сосуда. Один из них изготовлен на круге, тонкостенный, тесто плотное, розовое. У него широкое дно, округлое тулово и узкое горло. Сверху сосуд покрыт светлым ангобом и орнаментирован широкой полосой бурой краски, сохранившейся плохо (рис. 2, *4*). Другой сосуд в виде котла с ручками. Ручки вертикальные, округлые, в настоящее время отбиты. Сосуд лепной, тесто плотное, грубое, с примесью известковых частиц. На дне имеются отпечатки проса, которое подсыпалось при формовке. На тулове видны следы затирания тряпкой (рис. 2, *5*).

Бузулган-Тепе. Поселение расположено на правом берегу пересохшего ручья у с. Янги-Ер, находящегося в 5 *км* к западу от Уч-Кургана, рядом с железной дорогой Наманган — Уч-Курган. При освоении участков новых земель бульдозером было снесено небольшое тепе, в котором были найдены два сосуда. Здесь же встретилось много разбитой посуды, обожженной земли и золы.

Один из уцелевших сосудов имеет форму кувшинчика. Изготовлен на гончарном круге. Черепок плотный, тонкий. Тулово округлое, плавно переходящее к шейке, венчик резко отогнут наружу. Снаружи кувшинчик покрыт плотным ангобом карминного цвета без следов лощения (рис. 2, *9*). Второй сосудик имеет вид горшочка. Изготовлен на круге, черепок тонкий, плотный, хорошо обожжен. Снаружи сосуд покрыт плотным блестящим ангобом красного цвета типа лака. Тулово округлое, венчик плавно отогнут (рис. 2, *8*).

Ак-Тепе. Поселение расположено в 10 *км* к северо-востоку от с. Янги-Курган, слева от дороги в Пешкаран. Это небольшое округлое тепе с более низкой площадкой с восточной стороны. С юго-западной стороны хорошо прослеживается обнажившаяся внешняя стена из сырцового кирпича. Рядом на небольшом разрушенном возвышении найдена чаша (рис. 2, *7*).

Навджар-Тепе. Поселение расположено в 15 *км* к юго-западу от Кассана среди полей. Тепе округлое, высотой более 10 *м*. Здесь также обнаружена чаша, близкая по форме сосуду с поселения Ак-Тепе (рис. 2, *6*). Обе чаши изготовлены на круге и имеют тонкий плотный черепок. Первая чаша изнутри и на $^3/_4$ с внешней поверхности покрыта темно-коричневым ангобом плохого качества, во многих местах уже сошедшим. Вторая чаша с обеих сторон покрыта плотным красно-коричневым ангобом. Поверхность залощена, но тусклая. На тулове нанесен орнамент в виде крупных ямок. Почти все рассмотренные выше находки посуды имеют сходство с керамикой ферганских могильников и поселений. В частности, крупные кувшины

---

[18] Ю. Г. Чуланов. Новые памятники эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1963, 4.

с округлым туловом близки керамике могильников Хангиз [19], Джангаил [20], Кара-Булак [21], Гурмирон [22] и др.

Особенно близок кувшинообразный сосуд по форме, тесту, ангобу, орнаментации из останца у с. Тергаучи (рис. 2, *4*) керамике Гурмиронского могильника, тем более что расстояние между ними не более 1,5 *км*. Керамика подобного типа встречена на тепе в совхозе Нарын [23], на втором участке строительства Большого Ферганского канала [24] и т. д.

Вазообразный сосуд на высокомолом поддоне имеет близкую аналогию в керамике Исфаринского могильника (погр. № 29) из раскопок Б. А. Латынина и Т. Г. Оболдуевой. Там орнамент также процарапан по ангобу, но имеет другой рисунок [25]. Некоторое сходство имеет он с сосудами на низкой полой ножке из Кара-Булакского и Ворухского могильников [26].

Выше характеризованные чаши подобны обнаруженным на городищах Шурабашат, Мархамат [27] и в могильнике Хангиз, где они покрыты красным ангобом плохого качества и небрежно залощены [28]. Кувшинчик с поселения Бузулган-Тепе имеет близкое сходство с красноангобированным кувшинчиком поселения девятого участка Большого Ферганского канала [29].

В целом этот комплекс керамики на основании аналогий можно датировать первыми веками до нашей эры — первыми веками нашей эры.

Весь же комплекс рассмотренных находок в основном относится к началу I тысячелетия н. э.

---

[19] Н. Г. Горбунова и Б. З. Гамбург. Могильник Хангиз. Изв. ООН АН ТаджССР, 14, 1957, стр. 36, 37, рис. 2.

[20] Материал хранится в Ферганском областном музее.

[21] Ю. Д. Баруздин. Ук. соч., стр. 70, табл. IV.

[22] Материал хранится в Наманганском краеведческом музее.

[23] Б. А. Латынин. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции в 1934 г. Археологический сборник ГЭ, 3, Л., 1961, стр. 139, рис. 22.

[24] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Тр. ИИА АН УзССР, IV, 1951, стр. 12, табл. I, *1*, стр. 14, табл. II, *6*.

[25] С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954.

[26] Ю. Д. Баруздин. Ук. соч., стр. 77, табл. XII; Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. АН ТаджССР, XXXV, 1955, стр. 26, рис. 4 (слева).

[27] Ю. А. Заднепровский. Городище Шурабашат. КСИИМК, 71, 1958, стр. 103; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 228.

[28] Н. Г. Горбунова. Ук. соч., стр. 39, 44, рис. 4.

[29] Т. Г. Оболдуева. Ук. соч., стр. 12, табл I, *8*; стр. 25, табл. IX, *9*.

В. Ф. ИСАЕНКО

НАХОДКА СО ЗНАКОМ РЮРИКОВИЧЕЙ

В Мозырщине расположена большая группа древнерусских городищ: Ясенец, Моисеевка, Загорины, Мозырь-гора Коммунаров, Мозырь-Кимборовка, Акулинка, Стрельск, Юревичи, Заракитно.

Одним из наиболее значительных (площадью до 6 *га*) является городище, расположенное у деревни Юревичи Калинковичского района на левом берегу Припяти на расстоянии в 20 *км* ниже города Мозыря.

Юревичское городище размещается на мысу неправильной формы высотой в 30—35 *м*. Внешний, плохо сохранившийся пояс укреплений состоит из рва и вала, которые идут с напольной стороны в направлении с севера на юг и упираются концами в овраги. В северо-западной части городища валом и рвом выделен детинец, в плане имеющий форму полу-

круга. Глубина рва и высота вала достигают здесь в общем 6 *м*. Площадь детинца превышает гектар (рис. 1).

К югу от городища, за оврагом, на соседнем мысу — группа курганов, а отдельные насыпи встречаются и в 2—3 *км* на восток и северо-восток от городища. Часть из них раскопана В. Завитневичем и А. Н. Лявданским.

Обычно погребения в этих курганах располагались на уровне почвы, умершие захоронены в домовинах, изготовленных из четырех досок, скрепленных гвоздями. Иногда домовина обертывалась берестой. Под насыпью одного из курганов в неглубокой яме было парное погребение — мужчины и женщины. Ориентация покойников была западная, в одном случае она оказалась восточной.

Среди предметов, найденных в курганах, встретились обломки горшков, кусочки угля, украшения. В одном кургане были найдены пряслице и кусок кремня. Обычной находкой являются бусы серебряные, золоченые, инкрустированные. Найдена также серебряная буси-

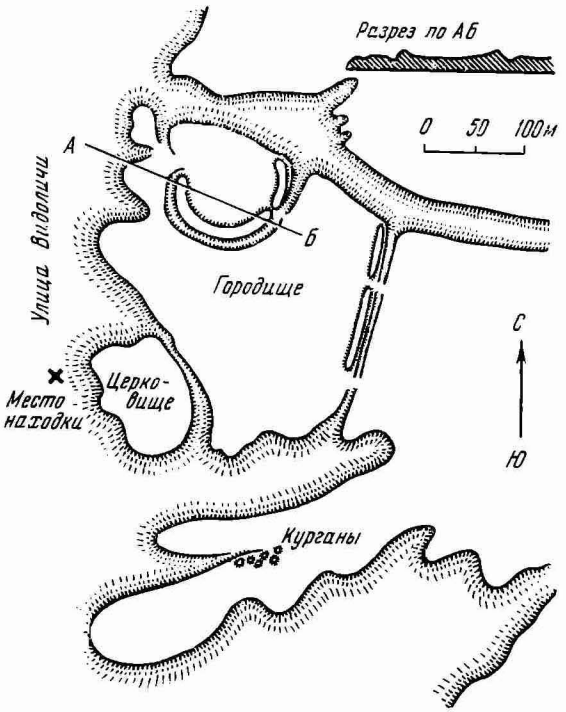


Рис. 1. План городища в дер. Юревичи

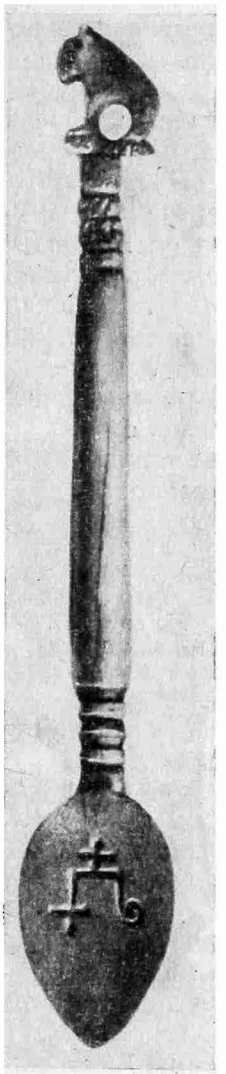


Рис. 2. Костяная ложечка со знаком Рюриковичей

на «минского типа» и трехбусинные киевского типа серьги. Перечисленные черты погребального обряда и инвентарь свидетельствуют о принадлежности древнего населения городища к восточнославянскому племени дреговичей.

Культурный слой отмечен не только на городище, но и у подножия возвышенности, на которой оно расположено. Здесь на территории вдоль современной улицы Видоличи, что в переводе с древнеславянского языка означает «свидетели», «очевидцы», нередко находят шиферные пряслица, обломки сосудов XII—XIII вв., а при земляных работах — кости живот-

ных и куски рога со следами обработки и даже дерево. Здесь же, западнее «Церковища» — горы, возвышающейся над улицей, бывшей, вероятно, частью городища, была найдена костяная ложечка (рис. 2). Длина ее 14 *см*. На конце ее ручки вырезана стилизованная фигурка животного. Ниже на круглой в сечении рукоятки пять колец-канавок. Чашечка ложечки неглубокая, отделяется от рукояти также четырьмя кольцевыми канавками. На внутренней поверхности чашечки костерез вырезал знак Рюриковичей в виде двузубца с крестом внизу. Правая часть двузубца кончается крестом, а левая завитком в полтора оборота. Вероятно, ложечка предназначалась для принятия причастия. Наличие фигурки животного на конце рукояти свидетельствует о пережитках языческих представлений в быту и высокой художественной культуре Киевской Руси.

Знаки княжеской собственности, подобные обнаруженному на ложечке, доживают до середины XII столетия [1]. Поэтому по характеру знака находку можно отнести ко времени не ранее XII в. Ближайшие аналогии знаку найдены вдоль важного водного торгового пути, идущего из Поднепровья по Припяти и Бугу в бассейн Вислы. Это знаки на перстне-печати из клада в Михайловском монастыре в Киеве и свинцовой пломбе из Дрогичина [2]. К сожалению, пока еще не установлена принадлежность перечисленных знаков тому или иному древнерусскому князю.

Размер Юревичского городища и посада, расположенного при нем, некоторые находки, среди которых, помимо ложечки, интересны наконечник ножен меча, серьги киевского типа, резная кость и др., позволяют считать это поселение одним из древнерусских городов, названия которого летописи не сохранили.

---

[1] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, 1940, VI, стр. 257.

[2] Там же, стр. 237, рис. 23, стр. 246, рис. 54.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

ПОГРЕБЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ В ХАЛЧАЯНЕ

Центральный бугор из группы Ханака-Тепе в Халчаяне (колхоз им. Калинина Денауского района УзССР) с 1959 по 1963 г. был основным объектом исследований Искусствоведческой экспедиции Института искусствоведения им. Хамзы. В нем находятся руины античного здания, богато оформленного живописью и скульптурой. Заброшенный в IV—V вв. район античного поселения у Халчаяна был заболочен в связи с упадком ирригационной системы. Много столетий спустя, очевидно в результате какого-то локального изменения водного режима, бугры стали доступны для человека, и тогда население, жившее на соседних, более возвышенных участках, использовало их под кладбище.

При раскопках центрального бугра было обнаружено 17 мусульманских погребений. Их продолговатые в плане могильные ямы, углубленные до 1,50 *м* от современной поверхности, ориентированы с юго-востока на северо-запад; покойники обращены лицом на юго-запад, то есть на кыблу. Никакого инвентаря в могилах нет. Найденные на поверхности единичные черепки средневековой керамики неполивные, иногда — с волнисто-гребенчатым орнаментом, широко распространенным в Средней Азии с середины I тысячелетия и до наших дней. Материала для датировки этих погребений не оказалось.

Иным оказалось погребение, располагавшееся среди прочих могил в северо-западной части бугра, в тех же стратиграфических условиях и потому явно им современное, но отличное по обряду и наличию сопровождающего инвентаря. Покойник лежал на спине, вытянуто, головой на север, лицом вверх; руки его несколько согнуты в локтях, ноги разведены, первоначально они, очевидно, были согнуты в коленях. В районе бедренных

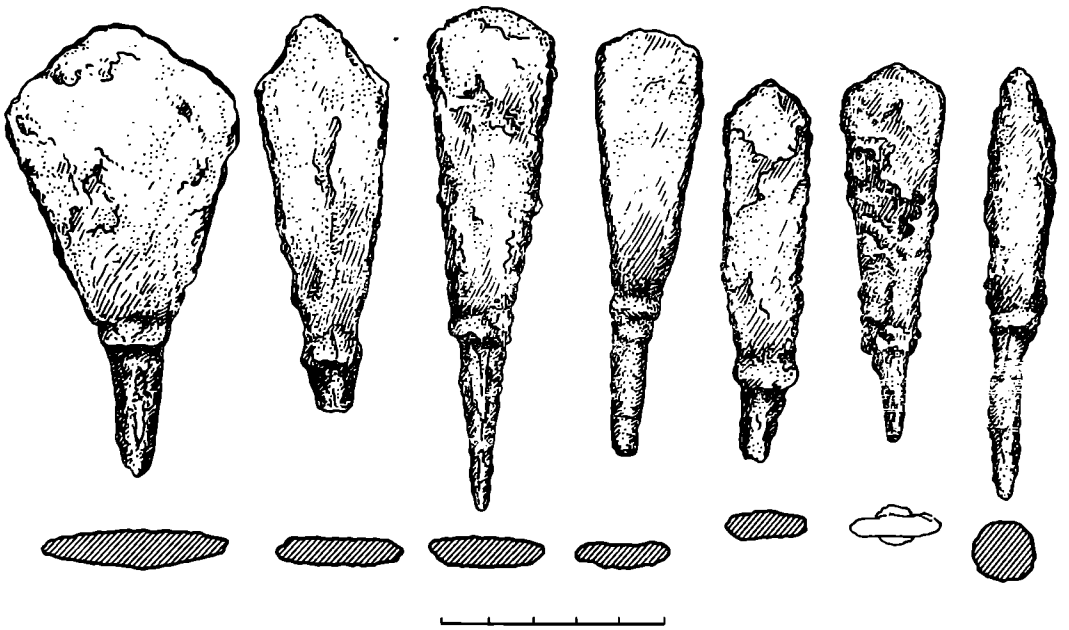


Рис. 1. Железные стрелы из Халчаянского погребения

костей много трухи коричневого цвета. Эта труха и поза скелета получают свое объяснение из сопровождающего инвентаря. Ступни ног покойника вдеты в железные стремена, по обе стороны костяка в нижней его половине оказались многочисленные железные скрепы и мелкие бронзовые накладки, которые вместе с древесной трухой были остатками деревянного седла, может быть обтянутого кожей. Среди других предметов в погребении оказались орнаментированные бляшки, железные наконечники стрел, серебряная чашечка и монета. Это типичное захоронение кочевника. Оно датируется монетой из низкокачественного серебряного сплава с большой добавкой меди. Диаметр монетного кружка 21 *мм*. Бо́льшая часть знаков на обеих сторонах ее стерта, тем не менее общий тип ее устанавливается, как принадлежащий к безымянному монгольскому чекану начала XIV в. На одной стороне сохранилась часть надписи العدل الاعظم, т. е. «Справедливый, величайший», на другой в верхней строке سكه — «бита» и разделительный знак — нишан под нею. Нижняя строка, указывающая место чекана, сбита; М. Е. Массон, определявший монету, полагает по типологическим признакам, что им был Термез [1].

Приведенной дате вполне отвечает и состав предметов из погребения. Здесь характерный комплекс крупных железных наконечников стрел (рис. 1). Они лежали кучкой, остриями вверх и, очевидно, заполняли кожаный, либо деревянный с кожаной обкладкой колчан, который не сохранился. Из семи наконечников шесть черешковых, плоских, веслообразной формы, с остриями в виде чуть округленного плоского треугольника. Длина наконечника от 8,5 до 10 *см*, длина пера от 6 до 7 *см*, ширина пера от 1,5 до 5,1 *см*. Один наконечник также черешковый, ланцетовидной формы

[1] Монета джагатаидского чекана была нами найдена также при расчистке соседнего бугра на Ханака-Тепе.

(1,3 × 1,3 *см* в наибольшем сечении, при длине без черешка 5,5 *см*, с черешком — 9,5 *см*).

Аналогичные наконечники стрел представлены в археологических памятниках XIII—XV вв. Красноярского края[2], Верхней Оби[3] и северного Казахстана[4]. М. П. Грязнов отмечал, что во всем комплексе обследованных им памятников монгольского времени не имеется непосредственной преемственности с культурами предшествующего периода[5]. В самом деле,

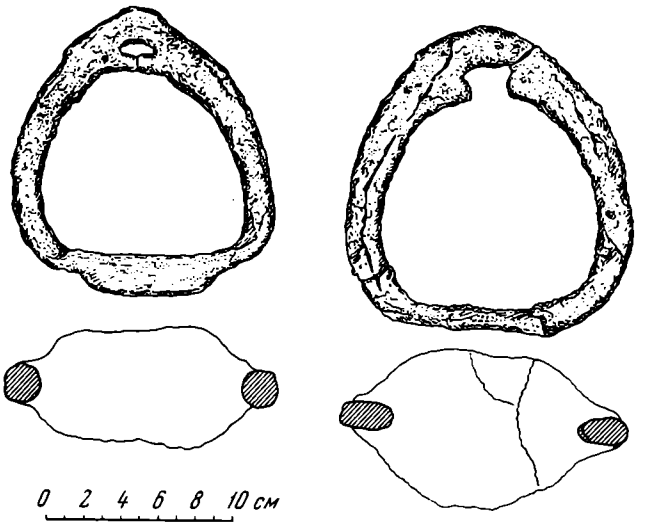


Рис. 2. Железные стремена из Халчаянского погребения

форма наконечников, встречающихся в тюркских погребениях IX—XI вв., иная: в составе их преобладают крупные, трехгранные черешковые стрелы[6]. Однако при сопоставлении их со стрелами из Енисейских курганов XI—XII вв. видно, что такого рода преемственность все же была. В них встречаются крупные плоские черешковые наконечники почти ромбического вида, а также узкие, четырехгранные в сечении (с округленными гранями)[7]; те и другие типологически могут предшествовать веслообразным. Переход к плоским — ромбическим, а затем веслообразным наконечникам связан был, очевидно, с необходимостью колоссального количества стрел для оснащения в XI—XII вв. обширных тюркских армий, а в XII—XIV вв.— монгольских орд, ковка таких наконечников гораздо проще, нежели трехгранных[8].

---

[2] В. Г. Кравцов. Материалы к археологии Красноярского края. Красноярск, 1929, стр. 49, табл. IV.

[3] М. П. Грязнов. Археологическое исследование территории одного древнего поселка. КСИИМК, XL, 1951, рис. 30, *218, 226*.

[4] Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, табл. I, *66* (погребение у оз. Раим), табл. III, *82—89* (могильник у с. Беловодского), табл. VIII, *219*.

[5] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 112.

[6] Там же, табл. 30; В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, 24, 1952, стр. 133, рис. 5.

[7] При раскопках кушанской столицы Каписа-Беграм в Афганистане был встречен комплекс наконечников стрел, совершенно идентичных халчаянским. К сожалению, обстоятельства их находки неизвестны, описания нет, а при публикации снимка они даже попали в разряд «бронзовых изделий» (см. J. Hackin, J. Carl et J. Meunié, Diverses recherches archéologiques en Afghanistan. MDAFA, VIII, Paris, 1959, рис. 233). На наш запрос проф. Р. Гиршман сообщил, что дополнительными данными по поводу этой группы стрел он не располагает, поскольку материалы безвременно погибшего главного производителя раскопок Ж. Акэна остались необработанными.

[8] Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, 1960, 3, стр. 103, рис. 12.

Значительное отличие от тюркского могильного инвентаря составляла в халчаянских погребениях и сбруя[9]. Стремена здесь (размеры 16 *см* в основании, 14 *см* по высоте) имеют плавнорасширяющуюся форму. Они выкованы из одного куска железа (рис. 2). В состав сбруи для скрепления ремней входили железные 6-сантиметровые кольца, полусферическая накладка (д — 6,4 *см*) и многочисленные скобки. Особый интерес представляют орнаментированные бляшки, лежавшие у середины скелета. Анализ

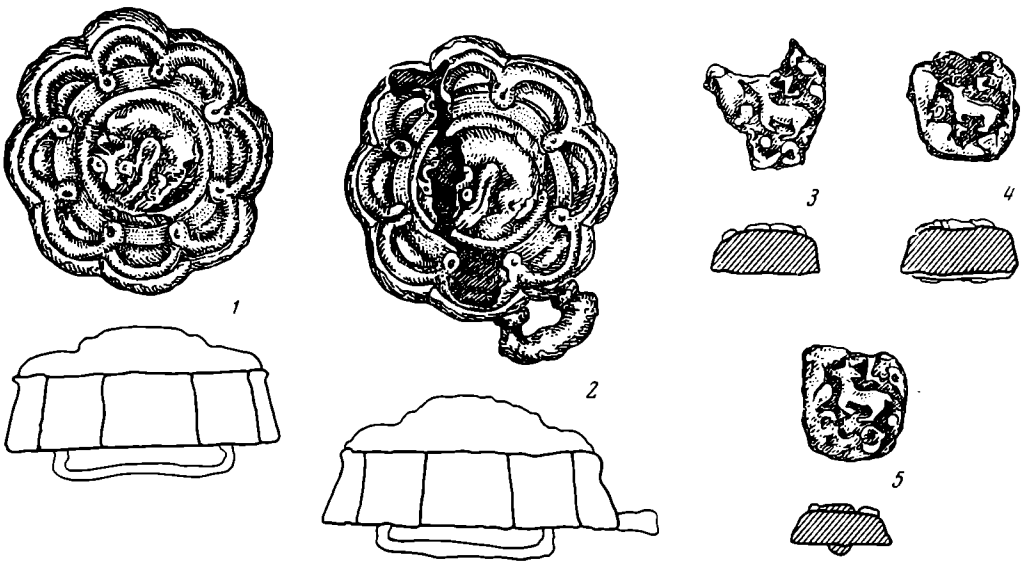


Рис. 3. Орнаментальные бляхи из Халчаянского погребения
1—2 — с изображениями волка; *3—5* — с изображениями козлов

металла, проведенный Е. Ф. Федорович, показал, что они из олова и позолочены. Три бляшки (одна из которых сильно разрушена) представляют род высоких (до 1,6 *см*), дутых округлых медальонов (д — 4,6 *см*) с двумя припаянными внизу петлями, через которые пропускался кожаный ремень; на оборотной стороне одной из блях, в местах проникновения металлического окисла, сохранились кусочки кожи. Она имеет форму восьмидольной розетки с петельками у стыка лепестков; на внутреннем, более возвышенном круге размещена плотно заполняющая его фигура зверя. Изображение сильно стилизовано, тело зверя повторяет форму круга, уши загнуты внутрь наподобие рожек, глаза огромны (рис. 3, *1*, *2*). Три другие, очень тонкие, небольшие по размеру бляшки (рис. 3, *3*, *5*) (1,8—2 *см*) имеют нечеткую, благодаря облому краев, форму. На них изображена фигурка козла с поджатыми для прыжка ногами, вокруг — неопределенные выпуклые узоры.

Некоторые параллели для халчаянских бляшек дают орнаментальные мотивы серебряных сосудов восточного происхождения, которые Я. И. Смирнов датировал «временем татарщины»[10]. Среди них особенно близка орнаментация богато оформленной, полусферической чашечки с Иртыша. На дне ее дана восьмилепестковая, с рельефной оторочкой розетка, внутренние острия которой завершены выпуклыми трехдольными петельками, а в кругах на стенках чаши, наряду с типичными для XIV в. мотивами «лотоса» и летящей утки, есть изображения скачущего козла или лани среди рельефной, стилизованной листвы. Подобный мотив можно видеть на чаше одного из белореченских курганов. А на дне чаши из

[9] В. П. Левашова. Ук. соч., рис. 1, *5*, стр. 126, сл., 133, сл.
[10] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, стр. 5, табл. CIII, *225*; табл. CIV, *229*; табл. CVIII, *264*.

б. Алмалыкского уезда имеется шестилепестковая, с рельефно отороченным контуром розетка, в которой представлен бегущий волк. Все эти изобразительные мотивы близки «звериному стилю» полукочевых народностей азиатского северо-востока, хотя большинство из них уже в предмонгольское время вошло, с определенной переработкой, и в орнаментальное искусство феодальных народов Средней Азии.

Назначение серебряных накладок из Халчаянской могилы могло быть двояким. Они либо украшали пояс умершего, либо служили оформлением сбруи. Второе предположение вероятней. Если в домонгольско-тюркской среде поясные пряжки играли заметную роль, о чем свидетельствуют многочисленные изваяния — балбалы [11], то сопоставление это недоказательно, потому что на миниатюрах монгольской школы XIII—XIV вв. с изображениями Чингисхана, его сыновей, придворного окружения и монгольских воинов, которые передают традиционный костюм монгольской знати, видно, что поясом служит узкий ремешок, лишенный каких-либо накладных украшений [12]. Пояса с фугурными пряжками (нередко в виде розеток) появляются лишь в нарядном городском костюме на тимуридских миниатюрах [13], однако там они характеризуют совершенно иную культурно-историческую среду.

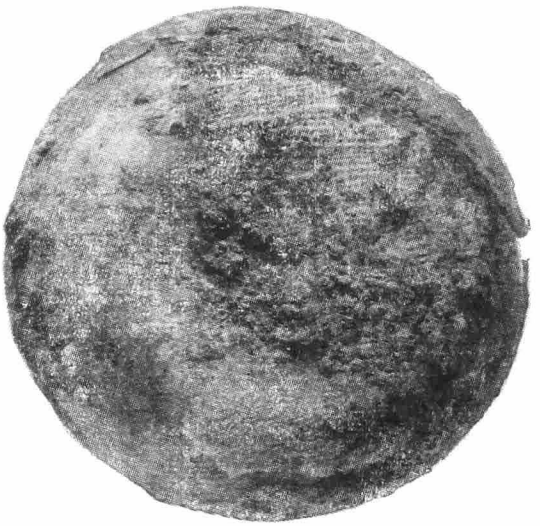


Рис. 4. Серебряная чаша из Халчаянского погребения с остатками джутовой ткани на дне

Среди находок из погребения имеется небольшая, полусферическая с уплощенным дном чашечка (д — 7,2 *см*, высота — 1,9 *см*). По форме и небольшому размеру она близка к упомянутой орнаментированной чашке монгольского времени с Иртыша [14]. Халчаянская чашечка изготовлена из серебряного сплава со значительной добавкой меди. Пропитанный окислами на чаше превосходно сохранился налипший на нее кусочек плотной ткани бурого цвета (рис. 4). Лабораторный анализ показал, что изготовлена она была из тонких нитей кенафа [15]. Она могла принадлежать либо одежде покойника, либо специальному мешочку для чаши. Изображения таких подвесных мешочков нередки на каменных балбалах.

Халчаянское погребение датируется началом XIV в. Покойник из халчаянской могилы принадлежал к монгольской или, во всяком случае, монголизированной среде. По данным В. Я. Зезенковой, череп его имеет четко выраженные монголоидные черты.

Языческий характер обряда захоронения вполне очевиден. Уже с глубокой древности у многих народов были погребения воинов с боевым конем либо с атрибутами всадника, при сохранении позы всадника — как переживания более древнего захоронения с конем. В Средней Азии курганы с

[11] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, стр. 108—110. По своей форме тюркские поясные бляхи совершенно не похожи на халчаянские накладные украшения (см. там же, рис. 64).

[12] A. Sakisian. La miniature persane du XII au XVII siècle. Paris, 1929, табл. XXI—XXII.

[13] B. W. Robinson. Origine and Date of Three Famous Shah-Nameh Illustrations. «Ars Orientalis», I, Baltimore, 1954.

[14] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. CIV, *229*.

[15] Исследование ткани осуществлено Е. Ф. Федорович в лаборатории научно-художественной реставрации Института искусствознания им. Хамзы.

костяками, лежащими в подобной позе, известны уже с первых веков н. э. в погребениях Лявандинского могильника (на окраине Бухарского оазиса) [16].

Сведения о погребальных обычаях и обрядах у монгол очень скудны. Все Чингизиды вплоть до перехода в ислам погребались тайно. По Рашид ад Дину (начало XIV в.): «У монгольских государей из рода Чингисхана до настоящего времени водится такой обряд и обычай, что могилы их находятся в неизвестном месте, вдали от населенных и возделанных земель, так, что ни одна душа о них не знает. Окрестности их объявляются запретным местом и препоручают верным людям, чтобы они близко к ним никого не подпускали» [17]. По сведениям Плано де Карпини, тайные захоронения осуществлялись и в среде монгольской знати [18].

В. В. Бартольдом дана подробная сводка сведений о типично шаманских погребальных обрядах, сопровождавших захоронения ханов [19]. Можно ли распространять их на похоронную обрядность всех слоев монгольского населения, проживавших на обширных азиатских просторах? Ответ на этот вопрос остается за археологией и в этом отношении халчаянская могила дает реальное представление об определенном обряде захоронения, существовавшем при Джагатаидах на территории Мавераннахра. Показателем типичности его в среднеазиатской монголизированной среде служит могильный курган конца XIII — начала XIV в. в районе Пскента (Ташкентская область). Погребение осуществлено здесь в выдолбленном гробе-колоде, опущенном в узкую могильную яму, вытянутую с севера на юг. Покойник был обращен головой на север и лежал на спине; в составе могильного инвентаря оказались монеты анонимного джагатаидского чекана конца XIII — начала XIV в., колчан, серебряная чашка, а в ногах — остатки седла [20]. За исключением деревянного гроба, все остальные особенности захоронения — ориентация, трупоположение, инвентарь, здесь вполне совпадают с погребением в Халчаяне.

Исторические сведения, касающиеся вторжения монголов в Саганинан и дальнейших судеб его в правление Джагатаидов, весьма скудны [21]. По материалам раскопок выявляется резкий упадок области после монгольского завоевания. Многочисленные «тепе» Шурчинского, Денауского, Сары-Асийского и других соседних районов обильно насыщены средневековым археологическим материалом не позднее начала XIII в., после чего жизнь на них обрывается. Лишь к XIV в. на некоторых из них она возобновляется. К числу их принадлежит, например, главный центр средневекового Саганиана — ныне городище Бедрач-Тепе (в 6 *км* к югу от Денау). Очевидно, какое-то небольшое поселение располагалось и у Халчаяна, бугры которого, возвышавшиеся среди заболоченных земель, были использованы под кладбище. При этом захоронения в основном были осуществлены по мусульманскому обычаю, но в одном случае — по языческому обряду.

С конца XIII и особенно в XIV столетии в покоренных монголами мусульманских странах происходит интенсивный процесс исламизации монголов. Известно, как круто проводил в гулагидском Иране обращение в ислам своего монгольского окружения Газанхан, сам принявший его в 1295 г. для сближения с иранской феодальной знатью [22]. Процесс исламизации захватил и государство Джагатаидов — в большей мере Мавераннахр, где во второй четверти XIV в. хан Тармаширин уже принял ислам; в меньшей

---

[16] О. В. Обельченко. К вопросу о происхождении скорченных погребений в могильниках Бухарского оазиса. Тр. САГУ, LXXXI, Ташкент, 1956, стр. 47, сл.

[17] Рашид ад Дин. Сборник летописей. III, М.— Л., 1946, стр. 228.

[18] Иоанн де Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911, стр. 10.

[19] В. В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. ЗВО РАО, XXV, СПб., 1920.

[20] М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 25.

[21] W. Barthold. Caghanian. Encyclopaedia of Islam, I, London — Leiden, 1927, стр. 811.

[22] Рашид ад Дин. Ук. соч., стр. 162, сл.

степени это было в северном Туркестане, где не только у населения, но и среди монгольской знати ислам долгое время сосуществовал наряду с буддизмом, шаманизмом и даже занесенным западными миссионерами христианством [23].

Остатки кладбища XIV в., располагавшегося на халчаянских буграх, рисуют этот общий процесс, протекавший и на территории Саганиана. Очевидно, какая-то осевшая в этом районе племенная группа улуса Джагатая еще сохраняла приверженность к традиционной шаманской обрядности, хотя основная масса населения и исповедовала ислам. Во всяком случае уже в 1270/71 г. монгольский правитель — обладатель наследственного удела в Саганиане принял, находясь в Ташкенте, ислам [24].

Отметим, что в антропологическом составе современного населения Сурхан-Дарьинского оазиса весьма незначителен процент монголоидов, да и те встречаются преимущественно среди некоторых монголизированных узбекских родов (кунград, юз, дурман, каратамгалы) [25].

---

[23] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 47, сл.

[24] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Сочинения, II, М., 1963, стр. 263.

[25] К. Наджимов. Антропологический состав некоторых народов Сурхан-Дарьинской области и вопросы их этногенеза в свете данных антропологии. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1953, стр. 8, сл.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Colloques internationaux du Centre National de la recherche scientifique. La Mosaïque Gréco-Romaine. Paris, 29 Août — 3 Septembre, 1963. Paris, 1965. 386 стр., 186 табл.

Как показывает заглавие аннотируемой работы, она посвящена шестидневному коллоквиуму по изучению греко-римских мозаик, состоявшемуся в Париже в 1963 г.

В коллоквиуме приняло участие всего 30 археологов, являвшихся представителями 18 стран. По количеству участников на первом месте, естественно, была Франция, затем Италия, а после — ФРГ и Греция. Остальные государства были представлены каждое только одним археологом. Из европейских стран это были Австрия, Англия, Венгрия, Испания, Норвегия, Португалия, СССР и Югославия; из африканских — Алжир, Марокко, Тунис; из азиатских — Израиль и Ливан, а из американских — США. Председателем коллоквиума был акад. А. Грабарь (Париж), организаторами — профессора Ж. Ш. Пикар (Париж) и Г. Стерн (Франция).

Работы коллоквиума в основном были направлены на изучение отдельных групп памятников, иногда в пределах целой страны, на публикацию новых материалов, исследование различных проблем. Как известно, большинство античных мозаик относится к периоду Римской империи, когда этот прием украшения полов общественных зданий и богатых домов получил особенно широкое распространение не только в Италии, но и во всех провинциях. Это обстоятельство в значительной мере определило и содержание докладов парижского коллоквиума: только два из них были посвящены мозаикам эллинистического времени. Ф. Петсас (Салоники) дал анализ великолепных мозаик последней четверти IV и начала III в. до н. э., обнаруженных при раскопках столицы Македонии — Пеллы. В докладе А. И. Вощининой (Ленинград) «Греко-римские мозаики, найденные в СССР» рассматривались мозаичные полы эллинистического времени Ольвии и Херсонеса и позднеантичные мозаики Закавказья. Надеемся, что в работах последующих коллоквиумов несколько большее место будет уделено мозаикам классического и эллинистического периодов.

Римским мозаикам было посвящено 25 докладов; почти все они — исследования мозаичных полов, и только в одном говорилось о редких для античного времени стенных мозаиках Помпей (Д. Жоли, Париж).

В результате проведенных исследований выяснено наличие ряда школ периода ранней и поздней империи в западных и северных римских провинциях, а также в Северной Африке. Кроме того, был поднят ряд вопросов, связанных со сменой различных направлений, эволюцией стиля и датировкой больших групп мозаик, а также воздействием мозаичного дела одних стран на другие.

Мозаикам, украшавшим полы зданий древней Италии, был посвящен только один доклад проф. Дж. Бекатти (Флоренция). В этом докладе была выявлена эволюция черно-белых мозаик, характерных для Италии времени империи.

Вопрос о датировке грандиозных мозаик виллы в Пиацца Армерина, уже вызывавший большие разногласия между археологами, был предметом обсуждения и на коллоквиуме, после посвященного этой теме доклада проф. Г. П. Л'Оранж, директора Норвежского института в Риме; докладчик придерживался ранее высказанного мнения, согласно которому мозаики были исполнены около 300 г., а дворец сооружен для Максимина.

Темой двух докладов были мозаики Галли. Б. Життон (Франция) сообщил о мозаиках времени Адриана, недавно найденных в Пон-Шеврон, а Г. Стерн (Франция) характеризовал мастерские мозаичистов в бассейне Роны.

Проф. А. Балил (Мадрид) представил исследование тарраконских мозаик (северо-восточная Испания), проследив их историю со II в., до н. э. до позднеантичного времени. М. Баиррао Олейро (Португалия) анализировал многочисленные мозаики Конибриги, датированные им периодом династии Северов.

Д. Дж. Смитс (Англия) установил наличие трех школ мозаичистов в римской Британии IV в. Кл. Парласка (Франкфурт-на-Майне) выступил с предложением о пересмотре хронологии ряда римских мозаик в Германии; в частности, он отнес мозаики дворца прокуратора в Трире к середине I в.

Очерк сравнительно непродолжительной (примерно 50—270 гг.) истории римских мозаик на территории нынешней Швейцарии представила В. фон Гонценбах (Афины). Значительно более продолжительная (I—VI вв.) история мозаик, открытых в Австрии, была обрисована проф. Г. Кеннером (Вена).

Главный хранитель Национального музея в Белграде Дж. Мано-Зиси исследовал сложный вопрос о наличии различных школ, изготовлявших греко-римские мозаики, найденные на территории Югославии, и наметил эволюцию их творчества. Мозаики Паннонии, известные со II до середины IV в., были освещены в докладе А. Кис Акос (Будапешт).

Девять докладов было посвящено римским мозаикам в странах северного побережья Африки, преимущественно в западной его части.

Проф. П. Романелли (Рим) установил наличие в североафриканских мозаиках сюжетов, навеянных условиями местной жизни. Проф. Ж. Ш. Пикар (Париж) посвятил свой доклад «цветочному стилю» (мотиву побега) в африканских мозаиках.

Сложный вопрос датировки мозаик с изображением гладиаторского боя из Злитена был поставлен в докладе Ж. Вилля (Лилль), исследователь склоняется к отнесению их к первой половине II в. Инспектор Службы древностей М. Фендри (Тунис) исследовал хронологию и эволюцию стиля эмблем (фигурных сцен) мозаик Джебел-Уста.

Три доклада были посвящены анализу отдельных сюжетов. Так, изображения нильских пейзажей на африканских мозаиках изучались проф. Л. Фуше (Тунис), иконография «Морской Венеры» — директором службы древностей Дж. Лассю (Алжир), а сцена купания Дианы на мозаике из Волубрис — инспектором Службы древностей Р. Ребюффатом (Марокко).

Р. Тувено (Франция) прочитал доклад о мозаиках, обнаруженных в ряде центров Тингитанской Мавритании; Кл. Пионссо (Франция) остановился на некоторых вопросах, связанных с исследованием мозаик двух домов «Диониса» и «Улисса» в Тугге.

По сравнению с полнокровным освещением мозаичного дела в европейской части Римской империи и западной части Северной Африки значительно более скудно были представлены на коллоквиуме материалы из восточных провинций. Им было посвящено только два доклада.

Директор Службы древностей М. Шехаб (Бейрут) дал общую характеристику мозаик, находящихся на территории Ливана. Проф. Ави-Ионах (Иерусалим) исследовал вопрос об отношениях иудейских мозаик с классическими мозаиками.

Как бы завершением всех работ коллоквиума был доклад Э. Китзингера об эволюции стиля мозаичных полов греческого востока от времени Константина до Юстиниана.

Наконец, два доклада были связаны с вопросами подготовки международного корпуса греко-римских мозаик.

Почти все доклады вызвали оживленные прения, которые обстоятельно освещены в аннотируемой работе. Многочисленные прекрасно исполненные иллюстрации увеличивают ценность издания трудов коллоквиума. Не подлежит сомнению, что эта книга станет необходимым пособием для каждого исследователя, занимающегося античными мозаиками — одним из самых своеобразных проявлений греко-римского искусства и художественного ремесла.

В. Д. Блаватский

Железный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. II, Йошкар-Ола, 1962, 266 стр., XIV табл., 88 рис. в тексте

Рецензируемая книга — это сборник статей, посвященных публикации и научной интерпретации материала эпохи железа, (I тысячелетие до н. э.— I тысячелетие н. э.), полученного Марийской экспедицией в 1956—1960 гг. Она открывается предисловием редакции, где дана краткая характеристика эпохи железа и изложено содержание тома.

Основу его составляют работы А. Х. Халикова и Г. А. Архипова. Публикуемый ими новый материал важен не только для решения вопросов энтогенеза мари, но и представляет интерес для изучения истории и других финно-угорских народов Среднего Поволжья и Прикамья. В конце сборника помещены статьи антропологов М. С. Акимовой и В. П. Алексеева, анализирующих небольшой материал из могильников Среднего Поволжья и Прикамья. Завершается том статьей Е. Н. Черных о результатах спектрального исследования бронзовых вещей из Акозинского и Младшего Волосовского могильников.

Работа А. Х. Халикова «Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа» состоит из введения, где разбираются вопросы этнокультурного развития племен Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э. и основного раздела — публикации материала ряда памятников эпохи железа. Автор определяет территорию этногенеза мари в пределах северной части Среднего Поволжья, от устья Оки на западе до р. Вятки на востоке. Указывая на

сложность процесса марийского этногенеза, вызванную постоянными включениями пришлых племен и смешением их с местными племенами, исследователь правильно намечает основные этапы развития населения Марийского края — эпохи раннего железа (VIII—III вв. до н. э.), рубежа нашей эры (II в. до н. э.— II в. н. э.) и раннего средневековья (III—VI вв.). Последний этап завершается формированием народности древних мари, этнические признаки которой складываются к концу I тысячелетия.

Констатируя, что эпоха раннего железа в Марийском крае характеризуется главным образом памятниками ананьинской культуры, автор останавливается на ее происхождении. Он считает, что население, послужившее базой сложения ананьинской культурной общности, сформировалось в результате развития племен приказанской культуры, испытавших в начале I тысячелетия до н. э. зауральское влияние. Нижнее Прикамье является основным центром сложения ананьинского ядра. Изложенная точка зрения А. Х. Халикова близка мнению А. В. Збруевой по этому вопросу [1]. Вместе с тем нельзя не отметить, что А. Х. Халиков несколько односторонне говорит о характере зауральского влияния, указывая лишь на появление андроновской и близкой ей керамики на стоянках эпохи поздней бронзы Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья, не упоминая о наличии на поселениях бассейна Средней Камы в эпоху финальной бронзы значительного количества посуды гамаюнско-каменогорского типа [2], которую оставили племена, проникшие в Прикамье в конце II — начале I тысячелетия до н. э., по-видимому, из районов Среднего Зауралья. Приток различных групп зауральского по происхождению населения, возможно, неравномерно распределялся на обширной территории Прикамья. По-видимому, в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье среди восточных пришельцев преобладали группы, керамика которых по облику была близка поздней андроновской, о чем свидетельствует материал I Луговской стоянки [3] и поселения Сускан I [4], на который ссылается А. Х. Халиков. В то же время в Среднем Прикамье возобладали каменогорские племена, участие которых в сложении ананьинской культуры не учитывает исследователь.

Зауральское каменогорское население в формировании ананьинской культуры сыграло, вероятно, не меньшую роль, чем родственные андроновцам группы, проникшие в Поволжье и Нижнее Прикамье. Скорее всего именно инфильтрация каменогорских племен обусловила свежую монголоидную примесь в составе прикамского, ананьинского населения, отмеченную на краниологическом материале из предананьинских и раннеананьинских могильников [5].

Монголоидные элементы проникли в область Среднего Прикамья; в районах Нижней Камы и Средней Волги их воздействие было гораздо слабее. Это явление объясняется территориальной близостью Зауралья к Среднему Прикамью.

Автор отмечает сохранение немногочисленного ананьинского населения на Ветлуге до III в. и поддерживает мнение В. Ф. Генинга о том, что территория по р. Вятке в III в. до н. э.— II в. н. э. не была заселена. Он вслед за В. Ф. Генингом [6] отмечает существенные изменения в жизни племен Прикамья и Среднего Поволжья, выразившиеся в консолидации населения в племенные союзы, занимавшие ограниченные районы. Этот процесс привел к известному отливу позднеананьинского населения с Ветлуги и Вятки на Каму и Среднюю Волгу. Однако полного запустения Поветлужья и Вятского края не было, о чем говорят находки III в. до н. э.— II в. н. э. из этих районов [7]. Возможно, что в пьяноборское время на р. Вятке, как и Ветлуге, население сохранило архаические ананьинские черты и в материальной культуре, в частности в керамике, которые затем, в III в., под влиянием притока сюда с Камы позднепьяноборских племен [8] сразу сменяются азелинскими. Застойность развития малочисленного здесь населения объясняется его оторванностью от основного средне-

---

[1] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30. 1952, стр. 189 сл.

[2] В. П. Денисов. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху поздней бронзы. Сб.: «Из истории Урала». Свердловск, 1960, стр. 36, рис. 2, *11, 12*; А. В. Збруева. Галкинское городище. МИА, 1, 1940, стр. 85, таб. IV. 3.

[3] А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, 80, 1960, стр. 16, рис. 4, *4—5*.

[4] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1957, стр. 104, 130 сл., рис. 21.

[5] Т. А. Трофимова. Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье. КСИИМК, IX, 1941, стр. 43—47; М. С. Акимова. Палеоантропологические материалы из погребений эпохи бронзы и раннего железа с территории Среднего Поволжья. Тр. МАЭ, II, Йошкар-Ола, 1962, стр. 234, 235, 240.

[6] В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 58.

[7] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961, стр. 103; ОАК за 1893 г. СПб., 1894, стр. 21, рис. 12, 13.

[8] В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии, стр. 58, 73; его же. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. Казан. ФАН СССР, сер. гум. наук, 2. Казань, 1959, стр. 174, 183; его же. Азелинская культура. ВАУ, 5, Свердловск — Ижевск, 1963, стр. 18.

камского пьяноборского массива племен. Вятка, подобно Ветлуге, являлась периферией ананьинско-пьяноборского мира.

А. Х. Халиков приходит к выводу, что древнемарийские племена сформировались к концу I тысячелетия «в результате развития северных волжских групп позднегородецкого населения при активном участии прикамского, позднепьяноборского населения, оставившего в Марийском крае памятники типа Писеральского и Мари-Луговского могильников». В состав луговых мари вошли также азелинские племена р. Вятки. Главную роль в этом процессе исследователь отводит более экономически развитым позднегородецким племенам, культура которых была воспринята местным пьяноборско-азелинским населением.

Предложенная А. Х. Халиковым схема пока довольно слабо аргументирована. Она основана на совпадении территории экспансии позднегородецких племен с ареалом распространения древнемарийских могильников IX—XI вв. и расселения исторически известных мари, а также на некотором сходстве небольшого материала могильника V—VI вв. на Чёртовом городище с материалом древнемарийских могильников. В качестве доказательств участия азелинцев в этногенезе мари используются параллели между костюмом марийских женщин и костюмом из женских погребений азелинской культуры. Роль городецкого компонента в должной степени не раскрыта. Материал поселений III—V вв. в Волго-Вятском междуречьи говорит лишь о проникновении сюда городецких племен и о смешении их с местным населением. Материал могильника на «Чёртовом» городище, проливающий некоторый свет и на генетическую связь азелинско-городецкого и древнемарийского населения, не разрешает всех вопросов. Не подчеркнута также роль ананьинско-пьяноборского субстрата, обусловившего единство мари. Несмотря на недостаточное обоснование, предложенная А. Х. Халиковым схема этногенеза мари кажется вполне приемлемой. Ее подтверждает и антропологический материал, иллюстрирующий черты сходства между древними пьяноборцами и марийцами[9]. Пробелы в аргументации объясняются слабой изученностью памятников середины и особенно второй половины I тысячелетия.

Во втором разделе работы А. Х. Халиков публикует материал памятников преимущественно эпохи раннего железа, среди которых основное место занимает Акозинский могильник.

Сравнивая материал с памятников эпохи раннего железа Среднего Поволжья и Прикамья, исследователь приходит к заключению, что Средняя Волга была заселена племенами ананьинской культуры. Своеобразие культуры ананьинских племен Поволжья А. Х. Халиков объясняет специфичностью средневолжского района, ранней датировкой памятников, верхний предел которой, по определению исследователя, не выходит за рамки V в. до н. э., а также влиянием раннегородецких племен, которое несколько недооценивается и рассматривается как взаимное. Однако городецкое влияние на ананьинские племена, особенно на правобережье Среднего Поволжья, было гораздо интенсивнее, чем ананьинское — на городецкие племена. Помимо отмеченного автором наличия на ананьинских поселениях «весьма значительного процента (Васильсурское городище — 35%, Мари-Луговое — 40%, Нижний Услон — 30%) чашевидных сосудов, изготовленных из глины с примесью песка и украшенных по поверхности «текстильными» отпечатками», о влиянии западных соседей свидетельствует ряд городецких черт в погребальном обряде и инвентаре могильников, на что указывал А. П. Смирнов[10]. Наличие в одном слое находок ананьинской и раннегородецкой керамики (второй слой Васильсурского II городища и др.) позволяет говорить об инфильтрации городецкого населения в среду ананьинских племен и о совместном проживании этих этнических групп, чему благоприятствовала малая плотность ананьинского населения на Средней Волге. Кроме того, городецкие черты в погребальном обряде и инвентаре раннеананьинского Акозинского могильника вместе с находками текстильной керамики эпохи поздней бронзы[11] в этом районе наводят на мысль о воздействии предков городецких племен на генезис ананьинского населения Среднего Поволжья. Именно городецкий фактор в существенной степени обеспечил своеобразие ананьинской культуры этой территории. Можно считать, что в состав ананьинского населения Среднего Поволжья вошел городецкий этнический пласт, который в результате процесса инфильтрации городецкого населения в ананьинскую среду Среднего Поволжья становится постепенно преобладающим.

А. Х. Халиков утверждает, что в V в. ананьинское население исчезает из Среднего Поволжья. К этому заключению исследователь приходит, анализируя материал могильников, датирующихся до V в. до н. э. Материал более многочисленных поселений не дает возможности отстаивать эту точку зрения ввиду того, что хронология ананьинской керамики этого района не разработана. Несмотря на инфильтрацию го-

---

[9] М. С. Акимова. Некоторые итоги изучения антропологического состава древнего населения Прикамья. ВАУ, I, Свердловск, 1966, стр. 125; ее же. Антропологический состав населения пьяноборской культуры. «Вопросы антропологии», 1961, 8, стр. 132.

[10] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья..., стр. 86; А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, Д1-14, М., 1965, стр. 22.

[11] А. Х. Халиков и Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, 110, 1962, стр. 268.

родецкого населения можно предполагать, что ананьинская культура существовала здесь более длительное время. По-видимому, правы те исследователи, которые утверждают, что ананьинская культура Среднего Поволжья постепенно перерастает в пьяноборскую [12].

А. Х. Халиков высказывает иную точку зрения по вопросу о происхождении пьяноборской культуры Поволжья. Исходные позиции ее основаны на положении В. Ф. Генинга о локализации всего пьяноборского населения III в. до н. э.— II. в. н. э. в Прикамском районе около устья р. Белой и по нижнему течению последней [13].

Анализируя материал из Писеральского могильника II — III вв., А. Х. Халиков считает, что пьяноборские племена проникают в правобережные районы Среднего Поволжья в конце II — начале III в. из Бельского района. По его мнению, эта наиболее южная часть пьяноборских племен уже в конце II в. испытала давление пришлого восточного населения и была вынуждена уйти на запад раньше, чем более северные, чегандинско-пьяноборские племена двинулись на Вятку, где оставили памятники азелинской культуры. Более ранним уходом пьяноборцев р. Белой на запад исследователь объясняет наличие у писеральского населения некоторых черт пьяноборской культуры, отсутствующих в культуре азелинских племен. Однако точка зрения А. Х. Халикова не объясняет всей специфики пьяноборской культуры Среднего Поволжья, выражающейся в отсутствии в погребальном инвентаре типичных для прикамских и в меньшей степени, но все же характерных для бельских пьяноборских памятников эполетообразных застежек, височных подвесок в виде «?» с конусовидной подвеской, в сохранении ананьинских традиций в способе застегивания поясов, а также в наличии среди инвентаря черешковых наконечников стрел с двумя жаловидными шипами и крупных наконечников копий, типичных для городецких могильников Сергачского и Кошибеевского.

Кроме того, можно указать еще на ряд отличий культуры населения, оставившего Писеральские курганы, от пьяноборской (караабызской) культуры Башкирии. Если для Писеральских курганов типичны захоронения на уровне горизонта или в могильных ямах глубиной 0,2—0,7 *м*, то для караабызских могильников Башкирии характерны погребения в довольно глубоких ямах, до 1,9 *м*, в среднем 1,2—1,3 *м* [14]. Большинство писеральских погребений ориентировано головой на восток, а для пьяноборских могильников Башкирии типична неустойчивая ориентировка [15] или сохранение ананьинской традиции захоронения ногами в реке [16]. В башкирских караабызских и прикамских ананьинских памятниках встречается обкладка могильных ям известняковыми плитами [17], чего нет в Писералах.

Курганный обряд погребения писеральского населения не был типичен ни для городецких, ни для пьяноборских племен. Его появление связано, вероятно, с влиянием сармат. Попытка А. Х. Халикова интерпретировать возникновение этого обряда стремлением пьяноборцев сооружать своеобразные погребальные памятники на могильниках во время кратковременных остановок при движении на запад (стр. 134) ничем не аргументирована. В сравнительно хорошо изученном Нижнем Прикамье и Приказанском Поволжье, по территории которых должно было бы идти вытесненное население, мы не знаем ни одного подобного памятника. Могильники этих районов — Масловский, Казанский, Сюкеевский — грунтовые. Пьяноборских курганов здесь нет.

Своеобразие культуры пьяноборского, писеральского населения объясняется его автохтонным развитием от местных ананьинских племен Среднего Поволжья. Черты, общие для пьяноборской культуры Среднего Поволжья, Башкирии и Прикамья, легко могут быть поняты при учете того, что племенные группы этих территорий имели единую ананьинскую подоснову и контактировали друг с другом в послеананьинское время. В данном случае мы имеем в виду группы: караабызскую — Башкирии, поволжскую и наиболее хорошо изученную, собственно пьяноборскую — на Средней Каме. Из них поволжская была, по-видимому, расчленена массивом городецких племен.

В последние годы точка зрения о ранней дате бытования, а отчасти и автохтонности своеобразной пьяноборской культуры Среднего Поволжья получила новое подтверждение благодаря исследованию П. Д. Степановым Андреевского кургана, датированного автором I—II вв. до н. э. [18]. Однако наличие четырех фибул типа «Avcissa»

---

[12] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья, стр. 95.

[13] В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа, стр. 163; его же. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. ВУА, 4, Свердловск, 1962, рис. 1.

[14] Р Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник. СА, 1959, 1, стр. 161, табл. I; А. Х. Пшеничнюк. Биктимировский могильник. Сб.: «Археология и этнография Башкирии», II, Уфа, 1964, стр. 229; В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии н. э. Там же, стр. 113.

[15] Н. А. Мажитов. Археологические исследования в северных районах Башкирии в 1957 году. Сб.: «Из истории Урала». Свердловск, 1960, стр. 56—58, рис. 1.

[16] А. Х. Пшеничнюк. Ук. соч., стр. 113.

[17] Н. А. Мажитов. Ук. соч., стр. 58; А. В. Збруева. История населения Прикамья..., стр. 114, 116, 117.

[18] П. Д. Степанов. Андреевский курган. Тр. НИИЯЛИЭ, XXVII, Саранск, 1964, стр. 221.

только в наиболее поздних, впускных погребениях позволяет уточнить эту дату, ограничив ее I — началом II в. Материал Андреевского кургана во многом близок Писеральскому. Отдельные различия в культуре этих памятников объясняются частично их асинхронностью, а также, что более важно, расположением населения, оставившего Андреевский курган, в среде городецких племен, изолировано от основного пьяноборского мира. Интенсивное воздействие городецкой культуры ощутимо и в погребальном обряде, и в инвентаре андреевского населения. Здесь мы видим использование андреевским населением городецкой посуды. Обряд постановки глиняных сосудов с пищей погребенным не свойствен пьяноборскому населению и в данном случае заимствован у городецких племен. По-видимому, городецкой особенностью является ориентировка части женских погребений в сторону, противоположную господствующей ориентировке [19]. Аналогичное явление наблюдается в Кошибеевском могильнике [20]. Некоторые черты устройства грунтовых могил Андреевского кургана связаны с сарматским влиянием, что уже отмечено П. Д. Степановым [21]. Отстаивая мнение об автохтонном развитии пьяноборской культуры Среднего Поволжья, мы вместе с тем не отрицаем полностью имевшего место непрерывного проникновения отдельных групп пьяноборцев из Прикамья на запад, на что указывал А. П. Смирнов [22].

По-видимому, во II—III вв. инфильтрация пьяноборцев в Поволжье усиливается в связи с давлением зауральских племен на финно-угорские племена Прикамья. Продвигаясь и частично оседая вдоль нижнего течения Камы, позднепьяноборское население достигает городецкой территории. Об этом движении свидетельствует цепочка позднепьяноборских (азелинских) памятников на Нижней Каме и Средней Волге: городища — Тарасова пристань, Черепашье, Елховское, могильники — Масловский, Сюкеевский, Казанский, а также находки вещей пьяноборского типа на городецких памятниках, в том числе на могильниках кошибеевского типа.

Однако это проникновение пьяноборцев с востока не было массовым и не внесло существенных изменений в начавшийся еще в ананьинскую эпоху процесс постепенной ассимиляции пермских групп поволжского населения городецкими племенами. Находясь под интенсивным городецким влиянием, «пьяноборцы» Среднего Поволжья к I—III вв. в значительной степени утрачивают свои этнографические особенности, будучи почти полностью ассимилированными городецким этносом. Сохраняя их в украшениях и ряде черт погребального обряда, они воспринимают городецкую керамику, которая встречена в инвентаре части погребений Андреевского кургана и в насыпи кургана № 1 Писеральского могильника. А. Х. Халиков отрицает пьяноборское влияние на племена Западного Поволжья ранее конца II в. и относит процесс смешения пришлого пьяноборского населения с местными позднегородецкими племенами лишь к III—IV вв. Такая датировка этого явления противоречит вышеизложенной аргументации о постоянном контакте ананьинско-пьяноборских и городецких племен Среднего Поволжья, начиная с эпохи раннего железа, а также опровергается находками классических пьяноборских вещей в Среднем Поволжье, в том числе на городецких городищах (клад на городище у дер. Тиханкино) [23]. Малое количество «пьяноборских» памятников в Среднем Поволжье говорит о том, что «пьяноборское» население этого района, особенно на правобережье, уже не составляло сплошного этнического массива, а проживало отдельными группами среди городецких племен.

Распространение городецкой керамики указывает на то, что процесс ассимиляции пьяноборских этнических групп городецкими племенами на правобережье Среднего Поволжья заканчивается в III—IV вв. На левобережье он задерживается, но также в это время идет интенсивно, что иллюстрируется материалом Мари-Луговского могильника IV—V вв. и наличием позднегородецкой керамики на памятниках Волго-Вятского междуречья середины I тысячелетия.

А. Х. Халиков в очерке, посвященном Мари-Луговскому археологическому комплексу, считает Мари-Луговской могильник IV—V вв. азелинским, возникшим в связи с приходом населения из Прикамья. Однако, несмотря на преобладание черт азелинской культуры, нельзя не указать особенности в погребальном обряде и инвентаре, находящие аналогии в городецкой культуре [24]. К ним относятся ориентация части женских костяков в сторону, противоположную общепринятой, углистые включения в засыпи при малой глубине могил, наличие типично азелинского глиняного сосуда в погребении № 38, поставленного в могилу в соответствии с городецким обрядом. Городецкие черты в инвентаре погребений Мари-Луговского могильника пра-

---

[19] П. Д. Степанов. Ук. соч., стр. 208.

[20] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, стр. 11.

[21] П. Д. Степанов. Ук. соч., стр. 219.

[22] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 103.

[23] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья..., стр. 104; А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура..., стр. 20, табл. 21, *11*, *13*; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 30—33.

[24] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 10, 11.

вильно подмечены А. Х. Халиковым. Здесь есть различные бляшки и накладки обычно с ажурным щитком и бутыльчатыми или колокольчиковидными подвесками, бронзовые сюльгамы с завернутыми в трубочку концами и округлым пластинчатым кольцом, украшенные насечками и точечным орнаментом, железные гривны с напускными медными или стеклянными бусами, крупные сюльгамы со шнуровой окантовкой и биспиральными выступами по краям, круглая ажурная нагрудная бляха, находящие аналогии в материале Кошибеевского и Селиксенского могильников. Исследователь указывает также на ряд вещей, имеющих аналогии в материале из могильников как городецкой, так и азелинской культур. Такой состав инвентаря и черты погребального обряда Мари-Луговского могильника свидетельствуют о смешанном азелинско-городецком характере культуры населения, оставившего этот памятник. Вероятно, захоронения на Мари-Луговском могильнике IV—V вв. совершались в эпоху, когда городецкое население уже наслоилось на местные ананьинско-пьяноборские племена, а процесс смешения этих этнических групп шел уже длительное время. Материал ряда поселений, обследованных Марийской археологической экспедицией (селища Нур-Шари, Ахмылово, Сутыри, Юрино, городища Богородское, Чортово, Шилихинское, Осетровское, Цекеевское, Кубашевское и др.), свидетельствует, что Поветлужье и левобережье Волги к середине I тысячелетия уже были заняты городецким населением, в состав которого, вероятно, входили также потомки ассимилированных ананьинско-пьяноборских племен правобережья Волги.

Азелинское население бассейна р. Вятки в III—V вв. еще не участвовало в процессе марийского этногенеза. Только после V в. в связи с движением западного, в том числе вновь образовавшегося, этноса на восток можно говорить о постепенном вовлечении азелинцев Вятки в этногенез луговых мари. Свидетельством проникновения западного населения в бассейн Вятки служат находки плоскодонной керамики с примесью песка на Пижемском городище [25]. А. П. Смирнов предположительно связывает появление этой посуды с движением городецких племен [26]. До их вторжения плоскодонная посуда была не свойственна культурам железного века Прикамья, в том числе бассейна р. Вятки.

Бóльшая доля позднепьяноборских элементов на востоке марийской эйкумены и, напротив, городецких черт на западе обеспечили те отличия, которые наблюдаются в настоящее время между луговыми и горными мари. По-видимому, горные мари оформились окончательно несколько раньше, чем луговые. Если первые образовали более или менее монолитную группу к VI—VII вв., то последние как часть марийской народности складываются лишь к концу I тысячелетия. Очевидно, сведения Иордана (VI в.), упоминающего древних марийцев, относятся только к горномарийским племенам, а данные Иосифа (IX в.) могут быть связаны со всеми марийцами.

У нас нет возражений против суждения А. Х. Халикова, рассматривающего Мари-Луговское селище X—XI вв. как булгарскую факторию в среде марийских племен. Это тем более вероятно потому, что торговые отношения древних марийцев с болгарами объясняют наличие множества болгарских вещей на древнемарийских памятниках.

Убедительно доказана и принадлежность Мари-Луговского кладбища XIII—XIV вв. булгаро-татарскому мусульманскому населению. Краниологический материал с этого памятника, обнаруживающий сходство с сериями черепов из могильников поздних кочевников Южной Сибири и Казахстана [27], лишний раз подтверждает участие восточного, кочевнического компонента в этногенезе булгаро-татар.

Кратко резюмируя изложенное по работе А. Х. Халикова, следует отметить, что исследователь публикует первоклассный новый материал, делая при этом интересные выводы.

Работа Г. А. Архипова посвящена характеристике материала, полученного Марийской экспедицией с ряда ананьинских и городецких поселений. Автор излагает историю изучения части обследованных памятников, критически подходит к оценке материала предшествующими исследователями.

В разделе о городище «Ройский шихан» приведены результаты, полученные при работах на этом памятнике А. А. Спицыным, С. К. Кузнецовым при участии М. Б. Малахова, П. А. Пономарева, А. А. Штукенберга, дана оценка материала с этого поселения в работах Л. И. Вараксиной [28] и А. В. Збруевой [29]. Г. А. Архипов считает, что мнение А. В. Збруевой о бытовании городища в пьяноборскую эпоху не подтверждено новым материалом. Между тем такое отрицание противоречит фактам. Кроме подвески, на которую ссылалась А. В. Збруева [30], на городище Г. А. Архиповым был найден нож (табл. XXXIX, *12*) с прямой спинкой и уступами при переходе к черешку

---

[25] А. В. Збруева. Пижемское городище. Сб.: «Из истории родового общества на территории СССР». М.— Л., 1934, стр. 289, 295.

[26] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 96.

[27] В. П. Алексеев. Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника. Тр. МАЭ, II, стр. 251.

[28] Л. И. Вараксина. Костеносные городища Камско-Вятского края. ИОАИЭКУ, XXXIV, 3—4, Казань, 1929.

[29] А. В. Збруева. История населения Прикамья...,

[30] А. В. Збруева. Там же, стр. 294, табл. III, *11*.

со стороны лезвия и спинки. Таких ножей нет в ананьинское время. Они датируются позднепьяноборской эпохой.

Заслугой Г. А. Архипова является выявление на городище керамики чирковско-сеймипской культуры. К сожалению, неудовлетворительное состояние культурного слоя не позволило разрешить вопрос о характере взаимоотношений племен чирковско-сеймипской и ананьинской культур на материале городища «Ройский шихан». Однако можно высказать предположение, что чирковско-сеймипское население в какой-то степени участвовало в формировании ананьинской культуры на р. Вятке.

Переходя к характеристике памятников первой половины I тысячелетия в Марийской АССР, Г. А. Архипов отмечает, что в IX—XI вв. происходит оформление основных этнических признаков марийской народности. Это положение стоит несколько уточнить. Оформление этих признаков в основном уже заканчивается к IX в. Об этом свидетельствует тот факт, что древнемарийские могильники IX—XI вв.— Кочергинский, Веселовский, Черемисское кладбище и др.— представляют довольно единую культуру на большей части территории расселения мари в это время. В IX—XI вв. этнографические признаки мари как складывающейся народности закрепляются.

Публикуемый Г. А. Архиповым материал городищ I тысячелетия — «Ивановой горы», Пайгусовского, Кубашевского, Юшковского, Старосельского, Ернурского и др.— демонстрирует постепенное продвижение городецких племен на восток, начавшееся в конце I тысячелетия до н. э., когда городецкое население внедрялось в ананьинский массив правобережья Среднего Поволжья, продолжавшееся в начале I тысячелетия уже на левобережье Средней Волги и особенно усилившееся в IV—V вв.

Рассматривая материал Кубашевского городища IV—VI вв., расположенного в верховьях р. Большой Кокшаги, Г. А. Архипов выделяет здесь керамику азелинского, городецкого и мазунинского типов.

Совместные находки азелинской и городецкой керамики расцениваются автором как результат расположения городища на границе азелинских и пьяноборских племен. Интересны находки в культурном слое Кубашевского городища фрагментов двух сосудов мазунинского типа. На основании их можно говорить о довольно глубоком проникновении мазунинцев в районы Волго-Вятского междуречья, о наличии определенных связей между азелинско-городецкими и мазунинскими племенами.

Сравнивая керамику с позднегородецких памятников правобережья Волги и Верхнего Поволжья, с одной стороны, и Вятско-Ветлужского междуречья, с другой, Г. А. Архипов отмечает, что в первом районе сосуды баночной формы сравнительно немногочисленны, в то время как во втором они составляют примерно половину общего количества сосудов. Это любопытное наблюдение пока не имеет объяснения. Недостаточно сводить его только к локальным различиям. По-видимому, за этим скрываются некоторые отличия в этническом составе этих районов.

М. С. Акимова в работе «Палеоантропологические материалы из погребений эпохи бронзы и раннего железа с территории Среднего Поволжья» приходит к выводу, что население эпохи поздней бронзы указанных районов было европеоидным. В период, переходный к эпохе железа, наблюдается проникновение монголоидных элементов с востока, о чем свидетельствуют монголоидные особенности черепов из Луговских курганов и Подгорно-Байларского могильника.

В статье В. П. Алексеева «Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника» указывается на связь монголоидного компонента, прослеживаемого на черепах из Мари-Луговского могильника IV—V вв., с типом населения ананьинской культуры. Это позволяет утверждать, что пьяноборское население Среднего Поволжья формируется на ананьинской основе, что согласуется с анализом археологических данных.

Сборник завершается статьей Е. Н. Черных «Спектральные исследования цветного металла Акозинского могильника», где приводятся данные анализов металла Акозинского и Младшего Волосовского могильников и делается вывод о чертах их сходства и различия.

В заключение следует подчеркнуть, что сборник «Железный век Марийского края» является значительным вкладом в древнюю историю народов Урала и Поволжья. Он вводит в оборот большой научный материал. Выводы авторов приближают окончательное решение вопросов этногенеза мари и соседних с ними финно-угорских народностей.

В. А. Могильников

Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. Изд-во «Наука», М.— Л., 1966

Книга Я. А. Шера — новый труд в серии многочисленных работ, посвященных каменным изваяниям тюрков. Огромное количество этих изваяний разбросано в степях Евразии. На Востоке они еще стоят на месте, на Западе; в Европе они все почти перенесены в музеи или установлены в городских парках. Древнетюркские изваяния изучены неравномерно. Наиболее слабо исследованы каменные «бабы» Казахстана. До книги Я. А. Шера мы знали очень мало о каменных статуях Семиречья. А этот район очень важен для изучения каменных скульптур тюрков, так как он является

связующим звеном между изваяниями сибирскими и монгольскими и изваяниями западными, Дешт-и-Кыпчака.

Книга ценна тем, что построена на большом материале. Автор привлек для своей работы 367 каменных изваяний (стр. 129). Я. А. Шер обработал свой материал при помощи перфокарт и счетных машин.

В начале своей работы, совершенно правильно положив иконографический принцип в основу классификации, Я. А. Шер выделил шесть групп изваяний: мужские с сосудом в правой руке и с оружием; мужские и неопределимые по полу с сосудом в правой руке без оружия; изваяния с изображением только одного лица или головы человека; изваяния с птицами; мужские изваяния с сосудом, удерживаемом двумя руками, и такие же женские изваяния (последняя группа распространена преимущественно в Семиречье). Затем автор исследует встречаемость различных признаков на статуях этих шести групп и замечает, что признаки распределяются по-разному, причем выявляется два «типа»: I тип объединяет изваяния 1, 2, 3 и 4 групп; II тип — 5 и 6 группы.

Исходя из своей концепции археологического типа как статистически устойчивого сочетания признаков, автор называет выделенные совокупности групп типами. вместе с тем у него и сами группы названы иконографическими типами. Иконографический тип автором рассматривается как ведущий признак. Каждому такому иконографическому типу соответствуют характерные изображения реалий, своя манера трактовки деталей. Между 1—4 и 5—6 иконографическими типами больше всего расхождений в манере трактовки деталей. Это говорит о том, что налицо две какие-то группы изваяний. Трактовка деталей менялась с течением времени. Автор доказывает, что изваяния 5 и 6 групп относятся к VIII—XII вв., а изваяния первых четырех групп — к VI—VIII вв. Все это выглядит убедительно и не вызывает возражений.

Некоторые замечания вызывает таблица на рис. 14, которая показывает распределение признаков по иконографическим типам. Автор просто подсчитывает в процентах количество статуй с определенным признаком среди всех статуй взятого иконографического типа. Однако выборки, которыми оперирует автор, малы. Можно было исследовать цифры этой таблицы, применив к ним метод сравнения теоретической вероятности встречи признаков на взятом иконографическом типе и практической частоты, с которой данный признак встречается на этом типе статуи. Но если применить его к 4 группе, где выборка мала, то никакой сопряженности этого иконографического типа с особым приемом трактовки бровей и с манерой стилизации пальцев, держащих сосуд или птицу, не отмечается.

В последнее время возник спор между А. Д. Грачем и Л. Р. Кызласовым о назначении и семантике каменных изваяний тюрков. Мы склонны поддерживать точку зрения Л. Р. Кызласова о том, что изваяния изображали самих умерших тюрков, их знать. Об этом убедительно пишет и Я. А. Шер, приведя целый ряд соображений и аргументов в пользу именно этой теории. Но Я. А. Шер делает существенный шаг вперед в этом вопросе. Разделив изваяния на две группы, он показал, что не только хронологические различия, связанные с трактовкой деталей, разделяют эти группы, но и различный обряд, с ними связанный, и их семантика. Он сделал любопытное сопоставление семантики статуй I и II типа. А. Я. Шер считает, что статуи I типа были изображением реальных представителей тюркского общества, реальных людей, а изваяния II типа — героизированный, обобщенный образ предка. Я. А. Шер считает, что эти две семантические линии в каменной скульптуре кочевников-тюрков существовали с VI в., ссылаясь на то, что мотив фигуры, держащей сосуд в обеих руках, был известен очень давно. Однако не в этой детали позы суть семантических различий статуй этих двух типов. Сам же автор показывает, что статуи I типа связаны с поминанием реально умерших людей, с оградками и с балбалами, а статуи II типа с этими деталями не связаны. Нам думается, что налицо трансформация семантики изваяний, превращение поминального обряда в культ предков. Совершенно правильно обратил внимание автор на то, что культ предков был связан с каким-то женским божеством, почитаемым, возможно, как прародительница. Это и вызвало появление женского иконографического типа в поздних статуях Семиречья, поставленных без оградок и без балбалов, статуй, бывших объектом культа предков.

Очень интересны наблюдения автора о влиянии согдийской и буддийской художественных традиций на семиреченские статуи, которые иногда прослеживаются в изображении рук. Вместе с тем автор приводит и ряд других элементов художественного стиля изображений (стилизация бровей), которые восходят к тюркскому искусству. Важны разделы об отражении сословных различий в иконографии и размерах каменных изваяний. Эти различия можно проследить только на изваяниях I типа, изображающих реально существующих людей, а среди статуй II типа они не выявляются.

Книга очень интересна и полезна. К сожалению, автору не удалось в приложении дать фотографии. Но и в таком виде эта публикация множества новых тюркских статуй очень важна для исследователей. Книга весьма ценна и в другом отношении. Она позволяет понять ряд особенностей восточноевропейских изваяний половцев. Семиреченские изваяния 5 и 6 групп являются прообразом половецкой скульптуры, тем исходным пунктом, от которого начала свою эволюцию половецкая каменная

скульптура. Видимо, еще в бытность свою на Иртыше в составе кимаков, кыпчаки перед своим продвижением на запад в XI в. познакомились с этими изображениями. У них получил развитие именно этот тип и связанный с ним культ обожествления предков, при котором значительную роль играл культ женщины-прародительницы, что соответствует мифологии половецко-кыпчакских племен.

Это позволяет нам понять особенности половецких изваяний. Они никогда не сооружались с балбалами и оградками. Последние связаны, как показал автор, с более ранними 1—4 группами статуй, представлявших реальных умерших людей, и обычно не связаны с 5 и 6 типами изваяний в Семиречье, от которых и пошло развитие каменных статуй у половцев. Значит, у половцев статуи были тоже не изображением реального умершего вождя, а обобщенным образом предка.

Треть половецких каменных статуй ранних типов («стоящие» изображает мужчин, две трети — женщин. Также по полу распределяются и семиреченские статуи 5 и 6 групп: 11 мужских и 31 женских (см. стр. 66). Это подтверждает тезис о заимствовании половцами семантики статуй у тюрков Семиречья именно той эпохи, когда сооружались статуи этих групп. Кроме того, это снимает и сомнения в том, что статуи принадлежали половцам. Такую связь восточноевропейских статуй с семиреченскими можно объяснить лишь тем, что их в Восточную Европу принес народ, соседствовавший с Семиречьем где-то в XI в. А таким народом могли быть только кыпчаки.

Характерно, что половецкие каменные статуи более позднего типа («сидящие») имеют иное распределение по полу. У «сидящих» статуй только треть принадлежит женским фигурам. Роль культа женщины-прародительницы уменьшается в культе предков, связанном с этими статуями. Возможно, тот факт, что среди более поздних половецких каменных статуй больше «сидящих» типов и больше статуй, изображающих мужчин, связан с тем, что культ предков превращался все более в культ половецкой родо-племенной аристократии. Этому культу отвечают половецкие «сидящие» статуи, на две трети мужские. Существовавшие параллельно им у половцев сильно упрощенные «стелообразные» статуи являлись поздним вариантом стоящих статуй и сохранили тоже распределение между мужскими и женскими фигурами (две трети стелообразных статуй — женские). В этих стелах, очевидно, продолжала сохраняться семантика, связанная с архаическим вариантом культа предков у половцев.

Г. А. Федоров-Давыдов

Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси (г. Юрьев-Польский). М., 1964

Сложность установления начальных архитектурных форм и рельефно-декоративного убранства Георгиевского собора г. Юрьева-Польского бесспорна, и поэтому все работы по его исследованию являются ценным вкладом в его изучение.

Таким вкладом в решение этой сложной проблемы является изданная Институтом археологии Академии наук СССР работа Г. К. Вагнера «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси», посвященная исследованию рельефов и архитектуры Георгиевского собора г. Юрьева-Польского.

Автор в предисловии отмечает посвящение данной работы «исследованию скульптуры этого совершенно уникального памятника». Но одновременно он затрагивает и вопросы архитектуры, решая в целом архитектурно-скульптурную реконструкцию собора, что надо считать правильным в силу большой взаимосвязанности здесь скульптуры и архитектуры.

Ведущую роль в скульптурном убранстве Георгиевского собора занимают тематические композиции, в отношении которых автор отмечает, что (стр. 56) «последние, за редким исключением, не обнаруживают прямой связи с архитектурой». Это положение автора считаю неверным. Такой вывод сделан автором в связи с неправильной реконструкцией им ряда тематических композиций Георгиевского собора и в первую очередь двух крупноразмерных — «Распятие», «Оранта с предстоящими» и других более мелких сюжетных и декоративных рельефов. На самом деле они связаны с архитектурой сооружения.

Композиции «Распятие» посвящены работы многих исследователей, относящихся как к началу этого века [1], так и к последним годам [2]. Н. Н. Воронин трактует

---

[1] К. К. Романов. «Святославов крест» в г. Юрьеве-Польском. Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому, СПб., 1911.

[2] Н. Н. Воронин. О некоторых рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. СА, 1962, 1, стр. 140—148; Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964, стр. 59—64.

«Распятие» как «Победный крест», завершая его рельефом «Спаса» над этимасией, между фигурами двух ангелов. Г. К. Вагнер, отрицая обоснованность включения «Спаса», размещает здесь условно рельеф «Серафима».

Анализ этой композиции и имеющихся разрозненных рельефных камней на стенах храма приводит нас к выводу, что в состав композиции «Распятие» входил рельеф треугольной формы с полуфигурой благословляющего бога Саваофа (табл. XII, *а*). находящийся ныне на южном фасаде собора. Этот камень и завершал типичную композицию «Распятие». Не достает в этой композиции только камня с надписью «Иисус Христос — царь иудейский» на остающемся свободном месте. Заостренная килевидная форма этого рельефа, завершающего «Распятие», дает прямую, непосредственную связь всей композиции «Распятие» с архитектурными формами собора, четко выявляя местоположение этого рельефа на стенах собора, а именно: в люнетах под закомарами одного из центральных прясел храма.

«Оранту с предстоящими» Г. К. Вагнер в своей реконструкции рассматривает в виде серийной композиции, относя к системе полосных: деисусы, пророческие и святительские чины, горизонтальный ряд из ликов юношей и львиных масок и др.

В реконструкции «Оранты», представленной нами на рассмотрение сессии Института археологии в апреле 1962 г., последняя трактовалась как крупноразмерная тематическая композиция «Оранта с предстоящими князьями», завершенная полуфигурой благословляющего Спаса — Эммануила (табл. XII. *а*), как бы парящего в небе. Камень с полуфигурой Спаса-Эммануила имеет треугольную форму, рассчитанную на постановку его в килевидной части закомар. Этот камень снабжен в его фоновой части растительным орнаментом, рисунок которого переходит на камень с рельефом «Оранты», чем устанавливается их сюжетная взаимосвязь. Таким образом, завершающая форма этой композиции определенно устанавливает ее местоположение в системе закомар храма, а ее общие размеры и высота в 2 *м* и связный иконографический характер рисунка дают основание отнести ее к крупноразмерной тематической композиции, подобной композиции «Преображение», реконструированной К. К. Романовым.

Сличение этих двух композиций «Оранты» и «Преображения» — устанавливает их одноразмерность по высоте, так как в «Преображении» отсутствует только один завершающий камень, бесспорно (судя по рисунку всего рельефа) треугольной формы, с растительным орнаментом, легко определяемым по рельефному рисунку нижележащего камня с верхней частью глории. Высотная одноразмерность этих двух крупных рельефных композиций и характер их рисунка дают достаточно оснований утверждать, что они размещались в закомарах центральных прясел храма и симметрично по отношению к оси храма. Третья крупноразмерная композиция — «Распятие» — в сделанной нами дореконструкции получит высоту большую, чем 2,35 *м*. Полную высоту этой композиции установить точно нельзя, так как к собранным камням этого рельефа общей высотой 2,35 *м* нужно дополнить растительный рельеф, примерно высотой 40—50 *см*, начало рисунка которого размещено в основании «Распятия». Это дает, таким образом, общую высоту «Распятия» не менее 2,75—2,85 *м*, т. е. значительно превышающую высоту «Оранты» и «Преображения».

Таким образом, правильная реконструкция этих трех крупноразмерных рельефных композиций достаточно четко определяет их связь с архитектурой собора и даже устанавливает их местоположение, каким для «Распятия» является центральное прясло западного фасада храма.

Последняя крупноразмерная рельефная композиция в составе апостолов, богоматери, двух ангелов и камня с фигурой Христа с поднятыми руками трактуется Г. К. Вагнером как «Вознесение» (табл. XXIV, *б*). Наличие камней с перечисленными выше рельефами дает основание к включению их в состав «Вознесения». Но составленная таким образом Г. К. Вагнером композиция со включением Христа в окружении «глории» представляется искусственной (рис. 27, стр. 67). Камень с фигурой Христа выпадает из размеров окружающих его камней ангелов и не имеет ни одного следа каких-либо остатков «глории». Растительный орнамент на камне с рельефом Христа не получает логического завершения в окружении «глории». Сам камень с предполагаемыми остатками «глории» и растительным орнаментом на нем дан на предлагаемом автором рисунке реконструкции (рис. 27, стр. 67) с искажением в масштабе. Таких камней на стенах собора — два. Второй камень, хотя и имеет более расширенный рисунок, но очень близко совпадает по рисунку с первым камнем и никак не вписывается в рисунок «Вознесения» по реконструкции Г. К. Вагнера. Анализ рисунка этих камней дает основание относить их к килевидным завершениям окон второго яруса храма.

Крупноразмерной композиции «Вознесение» в реконструкции Г. К. Вагнера есть основание противопоставить более логично компонуемую композицию «Покрова богородицы».

По утверждению Г. К. Вагнера (стр. 64), «неопровержимым же доказательством принадлежности рассматриваемого рельефа к Вознесению является то, что недостающая часть крыла левого ангела изображена на камне с группой апостолов, которой не должно быть в Покрове, но которая является необходимой составной частью композиции Вознесения. При соединении обоих камней (конечно в прорисях) разрозненные части крыла ангела совпадают». Но для композиции «Покрова» наличие в ней

группы апостолов совсем не является противопоказанием, позволяющим исключать из обзора эту композицию. В ряде иконографических изображений «Покрова» (икона «Покрова» из собрания Третьяковской галереи и др.) дана развернутая композиция, где богоматерь изображена в окружении апостолов и ангелов [3].

Профильная поза фигуры богоматери на рельефном камне дана молитвенно обращенной к Христу, как это имеет место на рисунке «Покрова» западных дверей Рождественского собора в Суздале [4].

Сама поза богоматери, отражающая образ богоматери боголюбской, определяет ее роль заступницы, покровительницы перед богом за землю Владимиро-Суздальскую, что нашло свое отражение в «Покрове» Суздальских врат, и дальнейшее развитие этой темы в рельефной композиции «Покрова» Георгиевского собора вполне логично, особенно если учесть, что рисунок «Покрова» Суздальских врат и рельефы Георгиевского собора были сделаны почти одновременно, с разрывом в 4—5 лет. Все это дает достаточно оснований камни с фигурой богоматери, апостолов, двух ангелов и полуфигурой Христа, изображенного парящим в небе (камень сохраняется внутри храма), связывать с темой «Покрова», как это отмечало большинство исследователей, включая К. К. Романова, Е. С. Медведеву. Собранная из всех перечисленных камней композиция «Покрова» хорошо сочетается в единое целое как по размерам, так и по смысловому содержанию. Недостающий камень с «омофором» вполне логично размещается в свободном разрыве между камнем с богоматерью и камнем с фигурой Христа. Все это позволяет видеть в собрании этих камней начальные формы не композиции «Вознесения», а композицию «Покрова».

Полнофигурный рельефный камень «Христа» в позе возносящегося (табл. XXIV, *б*) вполне мог входить в самостоятельную композицию «Вознесения», остальные составлявшие эту композицию камни уже утеряны.

Приведенный разбор четырех крупноразмерных рельефных композиций убеждает нас в том, что это были не полосные композиции, а тематические, решенные в связном рисунке, по иконографическому принципу построения. Три из них размещались в центральных закомарах храма, из которых «Распятие» — на западном фасаде, а две одинаковые по размерам («Оранта с предстоящими» и «Преображение») — симметрично на северном и южном фасадах. Это устанавливает не только четкую взаимосвязь с архитектурой собора указанных трех композиций, но и их местоположение на стенах храма. Четвертая дискуссионная композиция могла размещаться только в закомаре западного притвора, одной из наиболее крупных составных частей храма. Вторым выводом из анализа «Распятия» и «Оранты» является то, что рельефные камни треугольной формы с изображением Бога Саваофа и Спаса-Эммануила входили в состав указанных двух композиций и не могли одновременно входить в систему закомарного ряда у основания барабана, как это намечено Г. К. Вагнером (рис. 38, 39, 40). Исключение их из этих закомар лишает единственной вещественной обоснованности выдвигаемой Г. К. Вагнером архитектурной формы килевидного обрамления барабана.

В малых сюжетных композициях, к числу которых относятся «Троица», «Три отрока в пещи огненной», «Даниил во рву львином», «Восхождение Александра Македонского на небо» и др., можно установить компактность их решений, общность в размерах их высот (порядка 90 *см*) и ширин, что естественно говорит и об одинаковой их роли в архитектурном объеме собора, правильно размещаемых Г. К. Вагнером в закомарах храма. Но само решение закомар Георгиевского собора, предлагаемое Г. К. Вагнером (в трактовке рис. 38, 39, 40), вызывает возражение, что будет освещено ниже. Проведенный выше анализ всех тематических рельефных композиций, как больших, так и малых, дает основание сделать вывод, что они имеют неразрывную связь с архитектурой собора, определяя тем их значение серьезных компонентов при установлении начальных архитектурных форм Георгиевского собора.

К такому же выводу мы должны прийти при рассмотрении так называемых серийных композиций, в состав которых Г. К. Вагнер вводит группу деисусов, мучеников-целителей, пророческий чин, «Оранту с предстоящими», святительский чин, маски на капителях, маски на консолях, «гирлянды» головок, рельефы юношей в арочках, человеческие и львиные маски. Г. К. Вагнер, размещая реконструируемый им (рис. 13) большой одиннадцатифигурный деисус в системе аркатурного пояса, на западном фасаде западного притвора, утверждает, что «здесь хорошо размещается весь одиннадцатифигурный деисус» (стр. 84). Но натурная ширина западной стены западного притвора, равная 5,67 *м*, не допускает размещения здесь одиннадцатифигурного деисуса. Для размещения его в аркатурном поясе, по аналогии с размерами существующих аркатурных поясов на северном и западном фасадах храма, нужно не менее 6,20 *м*, а точнее — $11 \times 0{,}54 + 0{,}15 \times 2 = 5{,}94 + 0{,}30 = 6{,}24$ *м* длины аркатурного пояса, а стена допускает размещение только 10 фигур, для которых ширина пояса должна быть равной $10 \times 0{,}54 + 0{,}15 \times 2 = 5{,}40 + 0{,}30 = 5{,}70$ *м*.

Такое несоответствие отмечено и автором на его чертеже, помещенном в журнале № 3 «Советская археология» 1961 г. (стр. 91), где длина пояса с одиннадцатичлен-

---

[3] История русского искусства. II., М., 1954, стр. 227.

[4] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси..., стр. 63, рис. 25.

ным деисусом, согласно приложенному масштабу, равна 6,75 *м*, что весьма значительно превышает действительный, натурный размер — 5,67 *м*.

Г. К. Вагнер намечает размещение пятифигурного деисуса (табл. IV, *а*) на западном фасаде западного притвора в нишах над порталом (рис. 38), ныне заложенных кирпичом, отмечая, что «размеры камней сохранившегося внутри собора пятифигурного деисуса хорошо совпадают с размерами ниши». Это указание о хорошем совпадении размеров гнезд и скульптурных камней нельзя разделить, так как только одно центральное гнездо, имеющее ширину 47 *см*, весьма значительно превышает ширину центрального камня с рельефом Христа, равную 26 *см*. Но не только размерные соображения исключают логичность размещения здесь всей этой скульптурной группы пятифигурного деисуса. Необходимо отметить, что все камни этого деисуса имеют обратную сторону, обработанную по определенному профилю, а именно: камни с рельефами Марии и апостола имеют в плане прямоугольник с правильно срезанными под 45° углами, а три остальных камня на обратной стороне имеют профиль полуколонны с примыкающими по фасадной стороне полочками. Все это говорит о том, что этот деисус был размещен где-то в другом месте и всего вероятнее — внутри храма, в условиях двухсторонней обозреваемости. Если к этому дополнить, что внутри храма на стеллажах имеются остатки профильных камней в виде полуколонок, абсолютно точно совпадающих с полуколонками тыльной стороны трех камней деисуса, то нужно сделать более логичный вывод, что вся композиция упомянутого пятифигурного деисуса была размещена в системе алтарной преграды, как это правильно полагает Н. Н. Воронин, и укреплена системой деревянного каркаса, к чему имеются дополнительные обоснования на основе произведенных нами вскрытий.

Ниже будет отмечена необоснованность намечаемого Г. К. Вагнером размещения здесь, под основанием аркатурного пояса, фризового пояса в виде гирлянд из ликов юношей и львиных масок, объединенных волнистым растительным орнаментом. Исключение этого фризового пояса делает размещение здесь двух деисусов, одного под другим, совершенно несовместимым. Таким образом, мы не имеем никаких оснований включать этот пятифигурный деисус в систему западного фасада западного притвора собора, как это намечает в своей реконструкции Г. К. Вагнер, но должны определить ему иное назначение — вхождение в состав алтарной преграды. Поэтому размещение поясного пятифигурного деисуса (табл. IV, *б*), отнесенного Г. К. Вагнером к алтарной преграде, отпадает, так как наличие двух деисусов в алтарной преграде недопустимо, и поэтому поясному деисусу должно быть определено другое место в общей архитектурно-декоративной композиции собора.

Из числа рельефов медальонного типа, в виде полуфигур мучеников или целителей, Г. К. Вагнер правильно выделяет угловые медальоны с полуфигурами мучеников Бориса и Глеба и целителей Косьмы и Дамиана, но местоположение их в системе угловых пилястр западного притвора вызывает возражение по следующим мотивам общей архитектурной организации собора.

В системе всех фасадов собора архитектурным элементом, четко отделяющим нижний ярус собора от верхнего второго, является рельефный полувал над килями арочек аркатурного пояса. Такая его роль дополнительно подчеркивается рельефами угловых трехглавов (табл. VIII, *а*), связанных посередине такого же размера и формы полувалом. Размещение этих трехглавов нами точно установлено на основе анализа положения северо-восточного трехглава на северо-восточной угловой колонне. Они делили угловые колонны на нижний и верхний ярус, и полувал трехглавов находился на одном уровне с полувалом аркатурного пояса. Элементы такого же полувала мы видим на угловых медальонах с ликами Бориса и Глеба на одном из Косьмы и Дамиана на другом (табл. XX, *а*), что определяет и положение этих угловых медальонов: они размещались на линии этого полувала, архитектурно отделявшего нижний ярус храма от верхнего. Дополнительным подтверждением такого их положения являются размеры высот камней, входящих в состав углов второго яруса западного притвора. Устанавливая высоту углового камня с фигурой архангела (табл. XI, *а*), равной 1,20 *м*, и угловых медальонов 45 *см*, мы получим общую высоту до середины медальона, равную 1,20 + 0,45 : 2 = 1,425 *м*, чему абсолютно точно отвечает высота от основания аркатурного пояса (обреза стены) до оси полувала, завершающего аркатурный пояс. Все это резко расходится с предложениями Г. К. Вагнера, устанавливающего угловой медальон значительно выше (рис. 38) и связывающего с ним всю серию медальонных камней с ликами мучеников. Отмеченная выше точно документированная постановка угловых медальонов в системе угловых пилястр западного притвора совершенно исключает выдвигаемое Г. К. Вагнером размещение в одной полосе с ними прочих медальонного типа рельефов. Дополнительно нужно отметить, что такая дифференциация медальонов исключает объединение всех их в одну полосу, как это сделано Г. К. Вагнером на фасадах западного притвора, и требует иной, расчлененной их постановки.

Нельзя согласиться с предложением Г. К. Вагнера считать угловые медальоны выполняющими роль капителей угловых пилястр западного притвора. На примере двух притворов и особенно южного (рис. 10), полностью сохранившего в западной стороне завершение угловых пилястр типичной капителью, состоящей из полочки и скоции, надо считать вполне обоснованным аналогию в решении верха западного при-

твора с южным северным. Экземпляр такой старой капители мы имеем также на стеллажах внутри храма.

Завершая рассмотрение поясных серийных композиций западного притвора, считаю необходимым остановиться на рельефах львиных масок и ликов юношей, размещенных в окружении волнистого растительного орнамента и поставленных Г. К. Вагнером в основании аркатурного пояса западного притвора. Анализируя положение верхнего ряда камней с растительным орнаментом первого нижнего яруса западного фасада западного притвора, Г. К. Вагнер приходит к выводу, что здесь должен разместиться еще один ряд камней, и на этом основании включает сюда, в основание аркатурного пояса, поясной рельеф из львиных масок и ликов юношей, оставляя белым пятном решение этих полос на южном и северном фасадах западного притвора и на его угловых пилястрах.

Такое решение надо признать совершенно необоснованным по двум причинам.

Надо учесть, что западная стена западного притвора, находясь под нагрузкой колокольни, построенной здесь в 1781 г., значительно осела как в своей фундаментной части, так и в результате ее общей деформации, вызвавшей необходимость производства инженерных работ, выполненных нами в 1960 г. Эта осадка определяется нами величиной в 20—22 *см*, учет которой поставит верхний ряд камней западного фасада западного притвора в линию с низом аркатурного пояса на основных фасадах собора и тем исключит возможность размещения здесь дополнительного ряда с рельефами львиных масок и ликов юношей. Исключение этого рельефа делает несовместимым размещение здесь двух рядов деисусов, о чем было сказано уже ранее.

Детальный анализ самих рельефов с масками львов и ликами юношей убеждает нас в том, что эти рельефы компонуются в строго замкнутые отрезки одинакового размера. При сборке этих рельефов по характеру их непрерывного рисунка найдены камни с растительным орнаментом в виде концовок, устанавливающих таким образом длину каждой серии. Из сохранившихся камней собрано две законченные серии длиной каждая по 2,50 *м*, а из оставшихся камней для двух следующих серий такой же длины недостает 1,20 *м* камней, бесспорно утерянных. Такой анализ дает достаточно оснований относить размещение этих рельефных камней к стенам отдельных прясел собора и в частности к его западным углам, где ширина стен прясел между угловыми колоннами с их пилястрами и полувалами и аналогичной системой вертикальных тяг серединной полуколонки имеет тот же размер — 2,50 *м*. Ширину 2,50 *м* имеют и восточные прясла южного и северного фасадов храма.

Особого суждения заслуживает группа камней, названная Г. К. Вагнером «Оранта с предстоящими воинами» и решенная в виде полосной композиции.

В представленной нами на сессии Института археологии в апреле 1962 г. конструкция этой композиции трактовалась как «Оранта с предстоящими князьями» и компоновалась не как полосная, а как большая тематическая композиция в составе полутора десятков камней, размещенных в трех рядах. В состав верхнего ряда входил камень треугольной формы с рельефом благословляющего бога Саваофа, отмеченный выше; во второй ряд входили рельефы четырех князей и в нижний — рельефы пророков во главе с Давидом и Соломоном. Все эти рельефы размещены в системе растительного орнамента, сопровождающего эти рельефы в определенной симметричной композиции и тем помогающей, в известной степени, ее составлению.

Отмеченная принципиальная разница в трактовке композиции «Оранты» в значительной степени отражается на установлении архитектурных форм всего собора и в системе размещения в нем крупноразмерных тематических композиций.

Из 35 фигур пророческого чина надо отдельно выделить фигуры, связанные единой системой их рисунка и размещения. Это фронтально стоящие фигуры с поднятой одной рукой (правой или левой) и свитком в другой. В настоящее время имеется на стенах собора 20 камней и внутри храма 5 камней, из которых 2 камня нами найдены в 1961 г. в грунте вблизи поверхности земли. Из числа 25 камней 12 камней левой ориентации, т. е. с левой поднятой рукой, и 13 камней правой ориентации, т. е. с правой поднятой рукой.

Характер иконографического начертания фигур дает основание допускать их симметричное размещение по отношению к какой-то оси (ею вполне могли быть окна центральных нефов), а характер рисунка растительного орнамента — связность их в единую картинную плоскость, но не в линию, как это решается Г. К. Вагнером. В целом композиция из этих камней требует дополнительного изучения.

Камни с рельефами юношей, размещенных в нишах полуциркульных арочек в виде полуфигур и в нишах килевидных арочек в виде голов (табл. VI, *а*), автором исследования включены в завершение барабана как полосный горизонтальный ряд.

Анализ этих камней позволяет выделить здесь две группы. Первая группа — камни с полуциркульными арками и размещенными в них полуфигурами юношей, имеющими одинаковый рисунок и высоту, с грубо обработанной тыльной стороной. Эти камни имеют все основания быть включенными в завершение барабана в виде горизонтального пояса, по аналогии с завершением барабанов в храмах — предшественниках той же владимиро-суздальской школы зодчества.

Второй тип камней с килевидным завершением и головами юношей в нишах килевидных арочек разнится от первых не только формой, но и меньшей высотой и обработанной под плоскость его тыльной стороной.

Эти камни второго типа имеют одноразмерную толщину — 14 *см* и рассчитаны на постановку на какой-то полочке — обрезе. Они явно имеют иное назначение и никак не могут быть включенными в завершение барабана совместно с полуциркульными камнями первого типа. Места их размещения — нижняя полка — уступ восьмигранного барабана, реконструированного нами на основе сохранившихся камней этой части храма. В этой реконструкции барабана, доложенной нами на сессии Института археологии в 1962 г., указаны назначение и места размещения как этих, так и прочих не учтенных Г. К. Вагнером рельефных камней, в том числе и «масок» на консолях, снабженных в верхней или нижней плоскостях (или в обеих одновременно) выемками в виде блюдечек для вставки фустов колонок.

В отношении этих последних камней необходимо внести некоторую поправку к тексту Г. К. Вагнера, отметившего, что после падения их при обрушении храма «Очутившись внизу завала камней, они были разобраны В. Д. Ермолиным в последнюю очередь и вынесены в сторону Троицкого придела, в кладку которого, вероятно, и попали. При перестройке Троицкого придела в теплый Троицкий собор они были перенесены на стены последнего, а при сломке Троицкого собора очутились в лапидарии Георгиевского собора» (стр. 53).

Нужно отметить, что эти камни — «маски» ни в кладке стен Троицкого придела, ни в кладке стен Троицкого собора никак не могли быть, так как большая часть из них была вынута нами из сводов храма в 1960 г., а три маски, также из сводов, были извлечены, по словам директора музея Ф. Н. Полуянова, П. Д. Барановским в годы второй мировой войны.

Приведенные выше замечания о назначении серийных композиций дополнительно подчеркивают неслучайность их размещения, вне связи с архитектурой собора, как это отмечает автор исследования, а, наоборот, подчеркивают сугубую взаимосвязь архитектурных форм собора с его декоративным убранством.

Нельзя отрицать очень большой роли растительного орнамента и характера его рисунков в установлении общих архитектурных форм Георгиевского собора. Наше внимание в анализе орнамента должно быть уделено не только сохранившемуся «in situ» орнаменту, но и его отдельным кускам, поставленным Ермолиным при перекладке храма.

Растительному орнаменту Георгиевского собора много внимания уделили К. К. Романов, Н. П. Кондаков, А. И. Некрасов, Д. В. Айналов и др. Г. К. Вагнер правильно отмечает, что анализ его необходим для целей реконструкции второго яруса собора. Но мы не можем согласиться с рядом выводов по анализу растительного орнамента, сделанного Г. К. Вагнером, и особенно с его выводом, «что растительному орнаменту второго яруса придана не древовидная форма, а вид переплетающихся виноградных стеблей» (стр. 160).

Наличие камней с остатками растительного орнамента убеждает нас в том, что растительный орнамент древовидной формы имел большое развитие во втором ярусе Георгиевского собора. Обозрение этих камней приводит нас к выводу, что в системе второго яруса храма было три типа растительного орнамента: наиболее развитый осевой (древовидный), в составе которого мы можем отметить камни с шириной этого орнамента 45 и 80—90 *см*, что отвечает полосам простенков между окнами и вертикальными членениями второго яруса храма (80—90 *см*) и простенкам барабана (45 *см*). Безусловно, нельзя исключить и второй тип орнамента, не имеющий строго осевого построения, а решенный в свободной арабесковой трактовке. Этот тип орнамента надо отнести к составу тематических композиций, завершающих или дополняющих их сверху и с боков. И третий тип орнамента, состоящий из повторяющихся элементов, входил в состав камней пилястр, вертикальных тяг полувалов и полуколонн. Его наличие определяло характер архитектурных вертикальных членений фасада, а камни циркульного очертания с растительным орнаментом — характер оформления закомарных обрамлений. К особой группе надо отнести растительный орнамент на плоских камнях, но циркульного очертания в плане. Такие камни, согласно установленному радиусу их кривизны, надо отнести к стенам апсид второго яруса.

Такая трактовка камней с растительным орнаментом второго яруса храма идет в значительной степени вразрез с принципом полосного размещения ряда сюжетных композиций в решении их, предложенном Г. К. Вагнером.

Нельзя согласиться с выводами Г. К. Вагнера в установлении роли звериного орнамента и его размещении в системе архитектуры и декоративного убранства Георгиевского собора.

Необходимо отметить, что, давая очень пространную и обоснованную историю происхождения и развития всех видов звериного орнамента и его смысловой роли в разных странах, у разных народов и в разные эпохи, Г. К. Вагнер не размещает их правильно в архитектуре собора. Причиной этому является ошибочное решение им схемы реконструкции барабана. Последний, как это установлено нами, был оснащен большим количеством элементов декоративного убранства. В частности, в системе барабана в линию с масками-кашителями размещаются четыре пары грифонов (табл. XVI, *а*, XIV, *б*). Такое их размещение обосновано как совпадающими размерами высоты масок и ширины простенков, так и смысловым их содержанием. Размещение некоторой разновидности грифона — грифо-змея, т. е. грифона с змеиным хвостом, наделяемого в смысловом значении символом мудрости, благоразумия, вполне обоснованно

можно связать с композицией «восхождение Александра Македонского на небо», как это имеет место в аналогичной композиции на Дмитриевском соборе.

Наличие среди камней четырех пар рельефов сиринов (табл. XVI, *а*, XXVIII, *б*) вполне обоснованно как по содержанию, общей композиции, так и по размерам. Они размещаются также на барабане, в общей полосе со срединными масками. Размещение их по соседству с крылатыми грифонами вполне согласуется с их содержанием — носителей добра, радостного начала жизни.

Таким образом, все перечисленные рельефы необходимо исключить из размещения их на стенах храма, что в известной степени чувствует и сам автор исследования, давая им фактически случайное и не обоснованное размещение на стенах храма, а некоторым совсем не намечая их местоположения в системе рельефного убранства собора.

Размещение на стенах храма очень распространенных во владимиро-суздальском зодчестве рельефов львов не влияет на общую архитектурную композицию Георгиевского собора. Вполне соглашаясь с мнением Г. К. Вагнера, что последние (табл. XIII, *б*, XIV, *а*, XIV, *б*, XV, *а*, XVIII, *б*) размещались как геральдические пары в центральных пряслах в виде дополнений к крупным тематическим рельефам или по сторонам окон, считаю наиболее правильным камень с парными львами, находящийся ныне внизу южной трети западной стены (рис. 5), отнести к сюжетной композиции «Даниил во рву львином», а не к случайному размещению этого рельефа на западном фасаде западного притвора под реконструированным Г. К. Вагнером тройным окном (рис. 38, 46) «княжеской ложи».

Имеющиеся в системе рельефов камни с рельефом сиринов, меньших по высоте размеров (38—39 *см*), и рельефы птиц с остатками растительного орнамента на этих камнях надо отнести к участкам стен второго яруса храма в местах с преимущественным размещением растительного орнамента как ведущего элемента декоративного убранства.

В построении архитектурного объема Георгиевского собора Г. К. Вагнер совершенно правильно констатирует, что сохранившийся первый ярус Георгиевского собора, заканчивающийся аркатурным поясом, «представляет прочную базу для реконструкции архитектурных форм всего здания». Но его утверждение, что «наличие в Георгиевском соборе трех сильно выступающих притворов позволяет думать, что зодчие при определении общей высоты здания исходили из тех же художественных побуждений, что и зодчие Свирской церкви Смоленска» (стр. 97), не имеет оснований в силу резкой разницы основ архитектурных форм этих двух сооружений. Нельзя забывать, что устройство притворов было далеко не чуждым для храмов владимиро-суздальской школы зодчества. Уже первый Георгиевский храм, построенный в 1152 г. Юрием Долгоруким, имел, как это установлено нами, три аналогичных притвора. Такие притворы были в Успенском соборе г. Владимира, построенном Андреем Боголюбским, что вскрыто нами в процессе работ в этом храме в 1952 г. Три притвора имел Суздальский Рождественский собор 1224 г., один из ближайших предшественников рассматриваемого нами Георгиевского собора. Наличие трех притворов совершенно не обосновывает воздействие на Георгиевский собор художественных приемов Свирской церкви г. Смоленска. Поэтому положенный в основу реконструкции Георгиевского собора прием башенной композиции здания собора приводит автора этой установки к решению, которое никак не подтверждается сохранившимися деталями этого храма. Включение промежуточного постамента у основания барабана с четырьмя килевидной формы закомарами лишается единственного обоснования — камней треугольной формы с ликами Спаса Эммануила-Вседержителя, введенного Г. К. Вагнером в закомары постамента. Последние, как было отмечено выше входили в крупноразмерные композиции «Распятия» и «Оранты с предстоящими». Реконструированная нами форма барабана, восьмигранного в плане, также исключает существование здесь отмеченного выше постамента с килевидными закомарами.

Построение основных высот храма на основе стороны подкупольного квадрата с двумя примыкающими пилонами, верное в принципе, ведется автором исследования от уровня существующего пола, а не от древнего, лежащего на 65 *см* ниже существующего, что также неверно. Система закомар, построенных радиальными кривыми из центров, расположенных на линии верха капителей, т. е. с нарушением приемов аналогичных построений, имевших место во всех памятниках владимиро-суздальского зодчества, не позволяет разместить здесь водосток, ширина которого (64 *см*) установлена найденными остатками камней этого водомета. Такой перенос центра закомарных кривых на линию верха капителей противоречит приемам построения закомарных обрамлений на южном и северном притворах собора, дошедших до нас без серьезных изменений от XIII в., где центры кривых этих обрамлений размещены на линии основания боковых капителей, а не на линии их верха.

Приведенные соображения, даже без детального анализа принятых приемов построения, дают основание полностью исключить предложенный автором исследования метод построения основных архитектурных форм Георгиевского собора, основанных на неправильной отправной позиции башнеобразности архитектурных форм этого храма.

Существенную роль в установлении архитектурного облика Георгиевского собора играют дошедшие до нас его архитектурные детали как находящиеся в кладке при-

творов, стен и сводов, так и внутри храма, на его стеллажах. К числу этих деталей мы должны отнести рельефные полувалы прямолинейного и криволинейного очертаний, разных радиусов кривизны, сколы профильных камней, базы колонн и пр., играющие определенную роль в установлении архитектурных форм собора. Эти детали не были учтены Г. К Вагнером в анализе архитектурных форм, что отрицательно сказалось на трактовке архитектурных форм основного куба собора и его барабана.

Выше нами было отмечено, что автор исследования Георгиевского собора Г. К. Вагнер, решая проблему оформления второго яруса западного притвора, допустил ряд неточностей в расстановке здесь рельефных камней, в том числе и определяющих его общую архитектурную форму и высоту. Но основным значением по проблеме второго яруса западного притвора является нерешенность вопроса попадания в помещение этого второго яруса. Нам известно устройство следующих видов входов на хоры храма. Спасо-Преображенский собор г. Переяславля имел вход на хоры извне через дверь в стене второго яруса, к которой, надо полагать, вели переходы из княжеских хором. Церковь Бориса и Глеба, как установлено нами, имела деревянную лестницу внутри храма, в его северо-западном углу, и люк в своде, служившие входом на хоры. Извне, с помощью переходов, был вход на хоры Рождественского собора, построенного Андреем Боголюбским; также извне, из угловых башен, был устроен вход в Андреевский Успенский и Дмитриевский соборы г. Владимира и изнутри — во Всеволодовский Успенский собор там же. В Рождественском соборе 1224 г. г. Суздаля ход на хоры — ложи второго яруса западного притвора — был устроен изнутри, в толще северной стены западного притвора.

Этот краткий перечень систем входов на хоры — ложи в сооружениях владимиро-суздальского зодчества говорит о большом их разнообразии. Переходя к установлению варианта входа на хоры — ложу второго яруса западного притвора Георгиевского собора, мы должны полностью исключить устройство входа изнутри храма с помощью лестницы в стенах притвора, так как для такой лестницы там нет места; невероятно устройство входа изнутри храма с помощью деревянной лестницы, так как там не сохранилось никаких следов ее примыкания, а главное, нет дверного проема в стене или люка в сводах притвора, а есть только слуховое окно. Поэтому попадание на второй ярус притвора могло быть только извне, через дверной проем или в боковых стенах притвора (северной или южной), или в его западной, лицевой стене. Но так как высота боковых стен второго яруса от уровня пола до карниза недостаточна для устройства здесь дверного проема, а на стенах нет никаких следов примыкания каких-либо лестничных устройств, то единственно вероятным остается вариант устройства входа на второй ярус через дверной проем в западной стене второго яруса притвора. К такому варианту мы имеем и обоснования в виде гнезд в уровне пола второго яруса притвора, служившие опорами для деревянных балок перехода. Отсутствие в реконструкции на фасадах притвора дверного проема входа на хоры, безусловно имевшего место снаружи храма, делает предложенное Г. К. Вагнером решение декоративного убранства второго яруса западного притвора весьма спорным. Наличие дверного проема во втором ярусе западного фасада западного притвора дает основание по-иному трактовать композицию «семь спящих отроков Эфесских» и размещать ее подковообразно, вокруг дверного проема. Это дает большее смысловое значение композиции как охранной, а ее подковообразная форма вполне отвечает иконографическому начертанию одной из икон XII в. этой темы, а именно каменной иконки Дмитрия Солунского XI—XII вв. с изображением на обороте Николая Чудотворца и семи отроков Эфесских [5].

Особо необходимо поставить вопрос о Троицком приделе, возведение которого Г. К. Вагнер считает одновременным со строительством всего храма, т. е. относит к 1230—1234 гг. Это дает ему основание размещать рельефно-тематическую композицию «Троица» в закомарах этого придела. Но проведенные нами исследования рисунка растительного орнамента на восточной стене северного притвора и на восточном прясле северного фасада храма говорят, что этот начальный рисунок был нарушен пробивкой дверного проема в восточной стене притвора и при устройстве ниши гробницы аркосолия для Святослава на северном фасаде храма, что безусловно не могло быть сделано одновременно со строительством, а когда-нибудь позднее.

Анализ вскрытого нами фундамента Троицкого придела определенно говорит о том, что этот фундамент заложен позже фундамента храма. Он сложен из местного желтого известняка на слабом растворе, что свидетельствует об его более поздней постройке, в монгольский период, когда мечтать о рельефном украшении этого притвора не было возможности. Поэтому в фундамент и арку аркосолия был употреблен не привозной, а весьма плохого качества местный желтый известняк.

Приведенные материалы исследований этой части храма не позволяют нам разделить точку зрения Г. К. Вагнера о времени строительства и характере оформления этой части храма, а дают основания трактовать эту постройку как мавзолей князя Святослава, возведенный в годы после его смерти и уже без каких-либо рельефных украшений, со входом, устроенным в его северной стене, где в основании их остались

---

[5] История русского искусства. I, М., 1953, стр. 286.

остатки пилястр, оформлявших вход. Пробивку дверного проема в восточной стене северного притвора и последующую пристройку алтарной части, т. е. превращение мавзолея в придел храма, надо отнести к периоду канонизации Святослава.

Приведенные выше критические замечания по работе Г. К. Вагнера «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси» имеют целью помочь нам ближе подойти к решению начальных форм Георгиевского собора «жемчужины владимиро-суздальского зодчества», как оценивал значение этого храма и его рельефно-декоративного убранства Н. П. Кондаков.

А. В. Столетов

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ А. В. СТОЛЕТОВА

Публикуемая рецензия на мою книгу «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Город Юрьев-Польский» написана А. В. Столетовым незадолго до кончины. Она вызвала оживленный обмен мнениями между нами, но вследствие неожиданной смерти А. В. Столетова эта дискуссия оборвалась. Ввиду крайнего расхождения мнения А. В. Столетова с уже высказанными в печати оценками моей книги таких ученых, как Н. Н. Воронин и Д. С. Лихачев [1], а также с отзывами В. Н. Лазарева, М. В. Алпатова, Н. И. Брунова, К. Н. Афанасьева и др., я считаю необходимым сказать следующее.

Когда в 1959 г. я приступал к своей работе, то, принимая во внимание ее большую сложность, Институт археологии АН СССР предложил Владимирским реставрационным мастерским, где тогда работал А. В. Столетов, объединить творческие усилия. На это предложение последовал отказ. Считаю, что он не пошел на пользу ни мне, ни А. В. Столетову. Вопросы первоначальной архитектуры собора ставились в моей книге лишь постольку, поскольку это вызывалось необходимостью реконструкции скульптуры.

А. В. Столетов нигде не оговорил, что вопросы реконструкции скульптуры затрагиваются им попутно. Следовательно, он выступил в этой области как специалист-искусствовед. Между тем рецензия показывает некоторую неосведомленность А. В. Столетова, в частности, в вопросах иконографии. Цифровые расчеты, как они ни важны в деле реконструкции, мало что могут дать, так как в средневековом искусстве чуть ли не каждый шаг обусловлен законами иконографии. Вследствие сказанного в критических замечаниях А. В. Столетова много явных ошибок. Перечислю их кратко, так как многое из нижеследующего является аксиомой.

1. Композиция «Распятие» в домонгольском русском искусстве не могла увенчиваться изображением «бога Саваофа», так как такого изображения до XIV в. не было. Указанный А. В. Столетовым рельеф изображает не бога Саваофа, а Спаса Эммануила. Но и этим изображением «Распятие» не завершалось.

2. Композиция «Оранта с предстоящими» действительно могла завершаться изображением Спаса Эммануила, и я признал это еще в ходе издания книги, сделав на стр. 104 соответствующее примечание. Поэтому «опровержение» А. В. Столетова здесь излишне. Но перед Орантой не могут изображаться четыре князя с нимбами, т. е. в виде святых, так как в домонгольское время такой композиции не было. В рассматриваемой композиции изображены не князья, а святые воины.

3. Композицию «Оранта с предстоящими» нельзя зачислять в один ряд с евангельскими композициями на основании только совпадения масштабов. Это совершенно разные тематические циклы, и им находится разное место на фасадах.

4. Тематические, как их называет А. В. Столетов, композиции нельзя распределять по фасадам произвольно или на основании размеров. Размеры, конечно, должны учитываться, но в основе расположения должна была быть определенная идейная программа. Об этой программе у А. В. Столетова ничего не говорится.

5. Композиция «Вознесение» еще до меня была правильно выявлена С. Г. Щербовым, я лишь реконструировал ее. Попытка А. В. Столетова превратить совершенно ясную композицию «Вознесение» в композицию «Покрова Богоматери» представляет ничем не оправданный возврат к старым ошибочным представлениям, когда профильное положение Богоматери считали повторением известной сцены на Суздальских вратах. Между тем и в «Вознесении» Богоматерь часто изображалась в такой позе, и только в «Вознесении» по бокам ее могло быть 11 или 12 апостолов. В сцене «Покрова» их не изображали, изображался лишь условный «апостольский лик» из трех фигур. Поэтому ссылка А. В. Столетова на икону из Третьяковской галереи не оправдана. Возможно, что в реконструкции глории у меня допущена техническая ошибка, но это не опровергает реконструкции композиции.

---

[1] См. журналы «Искусство», 1965, № 2, и «Новый мир», 1965, № 3.

6. Килевидное обрамление постамента под барабаном главы обосновывается мной вовсе не одними только рельефами Спаса Еммануила, но совокупностью соображений, причем предложенную форму постамента я не считаю единственно возможной, но допускаю возможность и иных форм (стр. 98).

7. Исчислять истинные размеры большого Деисуса и устанавливать его несоответствие размеру западного притвора нужно было бы не по моему старому чертежу, опубликованному еще до выхода в свет рецензируемой книги, а по натуре или хотя бы по рецензируемой книге. Таково элементарное правило рецензирования. Убрав Деисус с западного притвора, А. В. Столетов не определил ему никакого места, а это равносильно вообще отказу от реконструкции.

8. Наличие четвертей и полуваликов на обратной стороне камней с композицией малого (пятифигурного) Деисуса не исключает возможности нахождения этих рельефов на западном притворе в тех нишах, которые видны до сих пор. Ведь и в кладке алтарной преграды, куда их переносит А. В. Столетов, эти рельефы не могли находиться в условиях «двухстороннего обозрения», так как алтарная преграда состояла не из одного ряда (слоя) камней.

9. Если можно согласиться с тем, что рельефы Бориса и Глеба находились на 30—40 *см* ниже определенного мной места, то отсюда вовсе не значит, что должен быть разрушен весь горизонтальный ряд таких рельефов в круглых рамках. Хорошо видно, что на одном камне высечены рядом два, а иногда и два с половиной рельефа. Как же их располагать? Не вертикально же?

10. Свободная полоса на западном притворе, на которой я расположил пояс из львиных и юношеских масок, не могла образоваться вследствие осадки западной стены притвора под находившейся здесь ранее колокольней. Тогда дали бы осадку и смежные стены, но этого нет. Пояс из масок расчленяет западный притвор на два яруса, поэтому здесь и возможны два Деисуса. Под закомарами западного фасада этот пояс выглядит совершенно неправомерно, не говоря уже о том, что в древнерусском зодчестве такого приема до XV в. не было.

11. Пророческий чин не мог располагаться «картинно» прежде всего потому, что это именно чин. К тому же в скульптуре собора не один, а два пророческих чина. Я обоим нашел свое место, в реконструкции же А. В. Столетова они смешаны.

12. Напрасно А. В. Столетов упрекает меня в том, что консоли в виде масок были не в кладке теплого Троицкого собора, а извлечены из сводов собора, куда их заложил В. Д. Ермолин. Может быть, из сводов и было извлечено какое-то количество «масок», но в основном они оказались в кладке Троицкого собора, что хорошо видно по «Атласу» А. А. Бобринского [2].

13. Беспредметна и критика моего мнения об орнаменте второго яруса собора. Я вовсе не исключаю наличия в нем древовидных мотивов (стр. 136).

14. «Геральдические львы», как их называет А. В. Столетов, не могли входить в композицию «Даниил во рву львином», так как, во-первых, это не львы, а барсы, а во-вторых, расположение их у меня вовсе не «случайное». Они расположены под окном княжеской «ложи», хорошо известно, что барс был княжеской эмблемой.

15. В определении первоначальных пропорций Георгиевского собора я исхожу не от уровня современного пола, а от основания цоколя. Но вообще эта деталь не играет большой роли в реконструкции, так как есть много других данных, свидетельствующих, что первоначальная высота собора была не менее удвоенной ширины (стр. 95—98). Поскольку четверик собора делился аркатурным поясом пополам, то следует представить его не очень высоким, что и является основанием для реконструкции постамента под барабаном главы. А. В. Столетов реконструирует Георгиевский собор исходя из пропорций Дмитриевского собора, построенного на 40 лет раньше. И хотя его метод реконструкции на специальном заседании был подвергнут обстоятельной критике Н. И. Брунова, А. В. Столетов счел возможным полностью забраковать мой подход к этому вопросу. Думается, что здесь уместнее было бы по крайней мере признание правомерности двух точек зрения. Дальнейшие исследования должны внести уточнения.

16. Из дальнейшего изложения выясняется, что А. В. Столетову нужно было убрать большой Деисус с западного притвора потому, что им реконструируется здесь деревянная лестница во второй ярус этого притвора. Деревянная лестница над главным западным входом в собор — вещь, из ряда вон выходящая! Конечно, вопрос о входе во второй ярус притвора очень сложен, но все же есть более логичные пути его решения. И для оправдания фантастической лестницы, а следовательно, и дверного проема А. В. Столетов не остановился перед разрушением композиции «Семь спящих отроков эфесских», хотя она вполне бесспорно реконструируется на основании знаменитого Суздальского змеевика. Эта композиция была реконструирована мной задолго до выхода книги, А. В. Столетову она также была известна, и тогда он против нее не имел никаких возражений.

17. Что касается Троицкого придела, то возможность возникновения его несколько позже собора нисколько не исключает существования на его фасаде скульптурной композиции «Троицы». Так считал и Д. В. Айналов, к авторитету которого прибегает А. В. Столетов.

---

[2] А. А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916, табл. 21, рис. 3 и 4.

В заключение мне хотелось сказать о моем отношении к Георгиевскому собору как памятнику древнерусского искусства. Я глубоко убежден и думаю, что со мной согласятся многие, что к реконструкции Георгиевского собора нельзя подходить с мерками искусства только XII в., а следовательно, и с мерками Дмитриевского собора. Георгиевский собор включался в то большое общерусское движение архитектурной мысли, которое создало на рубеже XII и XIII вв. столь различные внешне, но общие по духу памятники, как Пятницкая церковь в Чернигове, Свирская церковь в Смоленске, Троицкий собор в Пскове и т. д.[3]. Конечно, Свирская церковь, о которой я пишу в книге, многим отличается от Георгиевского собора, но ведь я пишу о ней не ради реконструкции каких-либо деталей Георгиевского собора, а ради понимания самой художественной природы его архитектуры, а в это понятие входит и вопрос пропорций. Таких исторических сближений нельзя бояться, иначе мы сами уничтожим почву, на которой строим реконструкцию.

И еще одно. Я вовсе не считаю, что все в моих реконструкциях бесспорно. Кто внимательно читал мою книгу, тот не мог не заметить, как часто я оговариваю невыясненность того или иного вопроса. По линии выяснения этих темных мест и нужно идти. У А. В. Столетова было много интересных соображений именно в этом направлении. К ним я отношу вопрос о характере скульптурного убора барабана главы Георгиевского собора. В частности, очень интересны те наблюдения, которые ему удалось сделать над рельефами юношей в арочках. Допускаю, что часть их действительно могла быть в основании барабана. Кстати сказать, это только подтверждает мою мысль о наличии под барабаном главы особого постамента, так как рельефы юношей в арочках могли быть только на постаменте, а не висели в воздухе. Такой прием прямо предвосхищает оформление постамента под барабаном главы Успенского собора в Звенигороде под Москвой, который привлекается мной в качестве памятника, наследующего некоторые формы Георгиевского собора (стр. 98). Вот такой общей заинтересованностью в разработке проблемы можно достичь гораздо большего, нежели опровержением чуть ли не обязательно всех положений соревнователя по работе. В разработку вопроса о форме постамента под барабаном главы А. В. Столетов как архитектор мог бы внести гораздо больше, нежели я. Следовало бы разработать вопрос и о входе во второй ярус западного притвора с южной стороны, где почему-то не окончен растительный орнамент на стене. Наконец, остается еще невыясненным вопрос о форме алтарной преграды собора. Таким образом, можно и без тотальной критики соревнователя по работе внести в дело изучения Георгиевского собора много оригинального.

Г. К. Вагнер

[3] Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. Ежегодник Института истории искусств, М., 1952, стр. 300—301.

Хроника

СЕДЬМАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕССИЯ В ОДЕССЕ

Археологические конференции в Одессе стали хорошей традицией[1]. Характерной особенностью их становится широта обсуждаемой тематики, увеличение числа участников и возрастающая активность дискуссий. В этом отношении ярким примером представляется VII археологическая сессия ОАМ, ОГУ и ОАО, посвященная итогам полевых археологических исследований, проходившая в Одессе с 29 по 31 марта 1966 г. В ней приняло участие более 60 человек, в том числе гости из Москвы, Киева, Кишинева, Белгород-Днестровского, Измаила, Кировограда, Кривого Рога, Николаева и Херсона. Кроме сотрудников институтов союзных академий наук, преподавателей университетов и научных работников областных и районных музеев, в работах собрания приняли участие краеведы. Напряженную работу в дни сессии отражают 36 прочитанных на ней докладов. При обсуждении был отмечен их высокий научный уровень, подвергнуты критике спорные и требующие доработки положения и в ряде случаев намечены дальнейшие пути археологических исследований.

Древнейшим периодам исторического прошлого были посвящены выступления В. И. Красковского (Одесса) «Мангейм — новая позднепалеолитическая стоянка в Одесской области» и В. Н. Станко (Киев) «Раскопки раннемезолитической стоянки Белолесье». Мангейм — семнадцатый памятник позднего палеолита в районе Одессы. Удалось установить, что стоянка заселялась с перерывами трижды: мустьерским, позднепалеолитическим и мезолитическим населением. Стоянка Белолесье по кремневому инвентарю и технике его обработки резко отличается от синхронных памятников северо-западного Причерноморья и Левобережной Украины.

Новые достижения в исследовании истории древнеземледельческих племен культуры гумельница получили освещение в докладе Т. С. Пассек (Москва), В. С. Титова (Москва), Е. В. Бесфамильной (Одесса) «Раскопки в с. Озерном в 1965 г.». Орудия труда, предметы культа, керамика свидетельствуют о тесной связи жителей поселения у с. Озерное с населением культуры гумельница на территории РНР и БНР. Раскопки этого поселения выявляют своеобразие этой культуры на территории нашей страны.

В. П. Цыбесков (Одесса) в сообщении «Стратиграфия трипольского поселения у Березовской ГЭС на Южном Буге» остановился на хронологии и стратиграфии двух типов углубленных в землю и наземных жилищ трипольского поселения возле с. Березовка (период В-I, по Т. С. Пассек), слабо изученных в районах Побужья. Автор доклада утверждает, что наземные жилища не одновременны углубленным в землю постройкам, которые им предшествуют.

В связи со строительством Придунайской оросительной системы с 1963 г. Институт археологии АН УССР и ОАМ проводят обследование левобережной части Нижнего Подунавья. В 1964—1965 гг. велись раскопки на территории Килийского и Татарбунарского районов Одесской области. И. Т. Черняков (Одесса) и Н. М. Шмаглий (Киев) сообщили о раскопках 20 курганов, из которых наиболее значительный материал дали курганы у сел. Нерушай, Борисовки, Глубокого Одесской обл. Материал из раскопок этих курганов позволяет по-новому подойти к рассмотрению юго-западных границ позднетрипольской и ямной культур, а также хронологического взаимоотношения между ними. Самыми древними в курганах являются погребения усатовского типа. Вскрытые в курганах захоронения эпохи бронзы

---

[1] Н. П. Сорокина. Шестая научная сессия по археологии в Одессе. СА, 1965, 4 стр. 298—300; И. Т. Черняков. Научная сессия Одесского университета и Одесского археологического музея. СА, 1962, 1, стр. 345; А. А. Кравченко. Научная сессия, посвященная итогам полевых исследований 1962. КСОАМ, 1964, Одесса, стр. 162—165.

свидетельствуют об оживленных связях древнего населения исследуемой территории с племенами культур монтеору и ноа, известных на территории РНР. Особый интерес представляют два основных погребения в курганах, в одном из которых обнаружен меч красномаяцкого типа и остатки кожаного щита на деревянной основе. Изучение памятников ямной культуры позволяет выделить ее северо-западный причерноморский вариант. В одном из ямных погребений найдена золотая спиральная трехвитковая подвеска. К этому же периоду относятся четыре новых антропоморфных каменных стелы. Раскопки позволяют сделать предположение о местном происхождении памятников срубной культуры, оформившейся на основе позднеямной культуры в северо-западном Причерноморье. П. В. Никитин (Николаев) выступил с докладом «Археологическая разведка берегов рек Ингула и Сагайдака». Здесь впервые обнаружены памятники палеолита, эпохи бронзы и высеченные на скалах изображения.

О работе Северо-крымской экспедиции ИА АН УССР сделал сообщение И. Д. Ратнер (Херсон) — «Курганы предскифского времени на р. Каланчак». По наблюдениям автора, погребения, относящиеся к IX—X вв. до н. э., позволяют говорить о связях населения степной зоны с чернолесской культурой. Обнаружены оригинальные погребения в ямах с возвышающимся на середине останцом и канавками по его краю. Кроме того, И. Д. Ратнер сделал сообщение о находке женского погребения с золотой диадемой и другими вещами VI—VII вв. у с. Пролетарка Херсонской обл. на Левобережье Днепра. В докладе М. С. Синицына «Строительное дело эпохи поздней бронзы в северо-западном Причерноморье» дана характеристика приемов, широко применявшихся в домостроительстве на поселениях эпохи бронзы у хут. Черевичного и в урочище Вершина (Одесская обл.).

Р. Д. Бондарь (Одесса) в своем выступлении «Археологические исследования Орловского городища на берегу Дуная в 1965 г.» рассказала о результатах охранных раскопок исключительного в своем роде памятника. Здесь с конца VIII—VI вв. до н. э. существовало гальштаттское поселение (фаза С). В конце I тысячелетия до н. э. на этом месте было дакийское укрепление, которое в первых веках н. э. римляне превратили в укрепление вексиляций I Италийского, V Македонского легионов и кораблей Флавиева Мезийского флота. Исследование этого памятника проливает свет на историю местного населения Нижнего Придунавья в I тысячелетии до н. э.— начале I тысячелетия н. э. и представляет большой интерес для изучения путей римского проникновения в северо-западное Причерноморье.

Г. А. Дзис-Райко в докладе «Лепная керамика Надлиманского городища на Днестровском лимане» предложила типологическую классификацию находок и говорила о соотношениях скифской, гетской и греческой культур. Автору удалось установить, что на поселении количественно преобладает керамика скифского облика и можно говорить о проникновении гето-фракийского элемента в скифскую среду в IV—III вв. до н. э.

Очень интересным был доклад П. О. Карышковского (Одесса) «Из истории Ольвии в конце III в. н. э.». Докладчик показал на материалах эпиграфических памятников, происходящих из Ольвии, что город был обитаем в период, последующий за «скифскими войнами», что также доказывают и нумизматические находки.

А. А. Белогорский (Одесса) в сообщении «Ольвийская агора эллинистического времени» ставит вопрос о возможности найти агору в Нижнем городе. Предположение автор основывает на сравнительно топографическом методе изучения других античных городов и их планировки.

И. Б. Клейман рассказал о работе ОАМ в древней Тире, где были открыты постройки римского времени.

Э. И. Диамант в своем выступлении сообщил о продолжении археологических исследований Кошарского городища (Тилигуло-Днепровский отряд ИА АН СССР). Были раскрыты остатки построек и сделаны другие находки, которые подтверждают существование поселения в IV—III вв. до н. э.

Несколько выступлений участников конференции было посвящено характеристике кладов, открытых в последнее время. Г. П. Сергеев (Кишинев) сообщил о двух новых кладах из Молдавии: кладе времени позднего триполья из «Кетрашки» и Олонештском кладе греческих доспехов в Нижнем Поднестровье. В позднетрипольском кладе был сосуд, покрытый росписью, в котором находились бусы из зубов оленя, мелкие бусы из белой пасты и костяное шило. Олонештский клад состоял из шести медных шлемов, шести пар позолоченных кнемид, рельефной головки Афродиты, подвески и шестилампового светильника в виде люстры с посвятительной надписью Артемиде Эфесской. Предметы из этого клада разновременны. Самый ранний — светильник VI—V вв. до н. э., поздние вещи датируются второй половиной IV в. до н. э.

А. Г. Загинайло (Одесса) сообщил о редком кладе монет-стрелок из Сасицко-Березанского лимана. Некоторые из монет-стрелок украшены елочным орнаментом. Клад датируется VI в. до н. э.

А. А. Нудельман (Кишинев) выступил с сообщением о кладе античных монет из Дубоссарского района МССР. В составе клада 263 серебряные драхмы автономной Истрии и Тиры. Монеты клада свидетельствуют о торговых связях Истрии с отдаленными районами.

Доклад Э. А. Сымоновича (Москва) «Новый могильник черняховской культуры на Тилигульском лимане» познакомил слушателей с находками из с. Коблева, полученными Тилигуло-Днестровской экспедицией ИА АН СССР при участии ОАМ. В 1965 г. на поселении позднеримского времени были вскрыты остатки больших наземных многокамерных построек с каменными стенами и обнаружен относящийся к поселению могильник. На нем было раскопано 39 погребений с трупоположениями и трупосожжениями, установлены особенности планировки могильника, являющегося, по-видимому, одним из самых больших для Причерноморья памятников подобного рода.

В результате многолетних раскопок на древнерусских поселениях Молдавии собрана большая коллекция керамики. Типологическому изучению этого материала был посвящен доклад И. Г. Хынку (Кишенев) «Классификация древнерусской керамики Молдавии». Во втором докладе — «Археологические памятники X—XIV вв. в Ганчештских и Оргеевских кодрах Молдавии» — И. Г. Хынку дал характеристику археологических памятников лесной зоны Молдавии. Анализ находок свидетельствует о том, что они входят в ареал археологической культуры Карпато-Дунайских земель IX—XII вв., но на изучаемой территории, видимо, существует до XIV в.

И. А. Рафалович (Кишинев) в докладе «Итоги археологических исследований раннеславянского поселения Ханска II за 1964—1965 гг.» рассказал о том, что, по его мнению, поселение Ханска II можно считать принадлежавшим ранним славянам-антам. Находки гончарной сероглиняной посуды, сходные с керамикой пастырского типа, могут быть с какой-то долей вероятности связаны с аллано-болгарским населением Причерноморских степей VI—VII вв. (Кутригуры).

П. М. Секерский (Одесса) доложил об интересном граффити на чернолаковом сосуде V в. до н. э. из Роксоланского городища. Это оказалось застольным пожеланием: «...чтобы (ты) выпил быстро». Докладчик высказал предположение, что подобная надпись могла быть связана с состязанием в винопитии, которые проводились в честь бога Диониса в праздник анфистерий.

Другая тема, связанная с изучением Роксоланского городища,— «Население городища у с. Роксоланы по данным ономастики», предложенная в докладе В. П. Красницкого (Одесса), как показало обсуждение, требует более тщательной разработки. Как информационное было воспринято сообщение Ю. Н. Васильевич (Одесса) о семантике знаков на древнем браслете, найденном под Керчью.

С. А. Булатович (Одесса) посвятил свое выступление отдельным находкам из большой коллекции сарматских вещей из фондов ОАМ. Продолжение систематизации и проработки фондов музея является насущной задачей его сотрудников. Заслуживает внимания и доклад В. Д. Власова «Портрет римского императора Антонина Пия из коллекции ОАМ», в котором сделана попытка установить кто изображен на древнеримском скульптурном портрете из собрания ОАМ.

«Международные научные связи Одесского общества истории и древностей (40-е годы XIX ст.)» были освещены Л. П. Латышевой (Одесса). Г. И. Дубин (Одесса) рассказал «Об юбилейном сборнике, подготовленном Одесским археологическим музеем в честь столетия Одесского общества истории и древностей». Об исследовании «Из истории Вилково» доложил А. А. Бачинский (Одесса). Н. Я. Мерперт (Москва) поделился со слушателями впечатлениями о совместных исследованиях советских и болгарских археологов в Южной Болгарии. Учеными произведены наблюдения над мощными слоями долгое время существовавшего поселения, которые помогают хронологическому расчленению древних материалов, полученных в результате больших раскопок, и приводят к ценным выводам о смене археологических культур.

Большой интерес у археологов вызвал доклад В. Ф. Петруня (Кривой Рог) «О материале шлифованных орудий эпохи энеолита — бронзы и направлениях миграции подобных изделий на территории Северного Причерноморья». Выявление ареалов преобладающего использования тех или иных видов каменного сырья позволило автору наметить наиболее вероятные пути и суммарную протяженность перемещения отдельных изделий в результате сложных междуплеменных обменных операций и прямого проникновения отдельных человеческих групп из одних районов Северного Причерноморья и примыкавших территорий в другие.

Участники конференции отметили в резолюции необходимость более строгой и своевременной охраны археологических памятников, которые нередко подвергаются разрушению. Только в Одесской области в 1965 г. подверглись разрушениям поселение культуры гумельница у о. Озерное, античное поселение у г. Измаила, остатки римского укрепления у с. Орловка, курганы на нижнеднестровской оросительной системе, были разобраны кладки раскопанных древних построек у с. Ранжевое. Остатки древнего города Тиры и средневековой крепости в г. Белгород-Днестровском требуют незамедлительных охранных раскопок, что под силу сделать только при объединении усилий ряда соответствующих археологических и историко-архитектурных учреждений.

Н. М. Андрунина, Э. А. Сымонович

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В ТУНИС

(Международный археологический семинар в Керкуане)

Международный археологический семинар в Керкуане, организованный Институтом археологии Туниса, проходил с 15 по 30 июля 1966 г. на раскопках пунического городища IV—II вв. до н. э. в урочище Керкуан, близ г. Келибии на берегу Средиземного моря, к югу от мыса Бон, к востоку от г. Туниса [1]. В этом семинаре участвовали: группа тунисских археологов, преимущественно студентов, несколько сотрудников Института археологии Туниса во главе с директором раскопок проф. Амаром Махджуби; группа французских археологов, главным образом студентов из Парижа и Монпелье во главе с профессором университета в Монпелье Гали де-Сантерром, специалистом по римской археологии; группа итальянских археологов и архитекторов во главе с проф. Ф. Баррекой, специалистом по пунической археологии, который ведет раскопки Монте-Сараи в Сардинии — городища, синхронного Керкуану и относящегося к пунической культуре [2]. В раскопках приняли участие алжирские студенты. На раскопках присутствовал И. Фрель, специалист по античной керамике и скульптуре, профессор университета в Праге. В раскопках участвовал в качестве стажера и автор этой статьи.

Работы велись в трех пунктах.

1. Городище Керкуан (руководитель Ж. Морель, Рим). Этот древний город был построен в IV в. до н. э. выходцами из Финикии, основавшими Карфагенское государство. Его древнее имя неизвестно. В середине II в. до н. э. город погиб после разгрома римлянами. Здесь нет слоев римского времени, которые так сильно нарушили древнейшие пунические слои в Карфагене. Поэтому для изучения поздней пунической культуры Керкуан особенно удобен. Город был обнесен кольцевидной стеной и внутри имел регулярную планировку из взаимно перпендикулярных улиц, на месте пересечения которых были большие квадратные площади (рис. 1) [3]. Хорошо изучены дома, их конструкции, дворики, домашние алтари, мощеные площади, пережившие четыре строительных периода, в течение которых планировка в основном сохранялась. Во многих домах найдены интересные камеры, покрытые цементом с приспособлениями для стока воды, с сиденьями и полочками, видимо, особого типа ванны, до сих пор в античных памятниках Средиземноморья не встречавшиеся. Хорошо изучено покрытие полов, представляющее беспорядочное вкрапление белых камешков в красный цементный пол [4]. Иногда эти белые обломки мрамора смонтированы так, что образуют геометрическую фигуру, символизирующую богиню Танит (рис. 2). Среди домов открыто здание с мраморными карнизами, украшенными дантикулами. Встречаются цементные скамьи вдоль стен, на одной белыми обломками мрамора выложены были фигуры для игр. Помещения соединены проходами и образуют единые прямоугольные блоки-кварталы. Найдено много терракотовых статуэток [5], терракотовых алтарей, украшений, керамики, датируемых IV—II вв. до н. э. Тунисские археологи и историки придают особо важное значение этому периоду истории Северной Африки и именно этому памятнику, потому что видят в истории пунийцев и Карфагена истоки своей национальной истории. В пунийцах они склонны видеть далеких предков современных тунисцев, а развалины Керкуана для них имеют значение национальных древностей. В настоящее время Керкуанское городище раскопано примерно на $^1/_3$. Предполагаются раскопки до полного вскрытия всего городища. Публикации материалов из Керкуана носят предварительный характер. Близ города открыто сооружение, предположительно определяемое как раннехристианская базилика, а также горны римского времени, с пуническим городом не связанные.

---

[1] Этот район Туниса известен по ряду других пунических археологических памятников. В частности, здесь еще в 1908 г. И. Касань исследовал пуническое святилище Ваала и Танит.

[2] F. Barreca, G. Garbini. Monte-Sarai, 1963.

[3] Возможно, в этом сказалось греческое влияние в градостроительстве и архитектуре карфагенских городов позднепунического периода, подобное тому, которое было отмечено при раскопках пунических домов на холме Сен-Луи в Карфагене. Там в правильной планировке улиц исследователи были склонны усматривать традиции греческого градостроительства.

[4] Это так называемые литостроты, распространенные в других районах Средиземноморья (Уттика, Помпей, Греция и т. д.). Катон писал о «пуническом покрытии пола», имея в виду, очевидно, эти литостроты (В. И. Авдиев. Пунический Карфаген в свете новейших раскопок. ВДИ, 1962, 3, стр. 133).

[5] Очень интересны полые статуэтки Деметры, найденные в Керкуане, в частности найденная во время семинара статуэтка Деметры с поросенком. Известно, что греческие культы Деметры и Коры были введены в Карфагенской державе в начале IV в. до н. э. Сходный образ Деметры имеется среди коллекций позднепунических статуй музея Бардо.

Рис. 1. Общий вид раскопок на городище Керкуан (IV—II вв. до н. э.)

2. Некрополь IV—III вв. до н. э. близ Керкуана (руководитель Г. де-Сантерр, Монпелье). Этот могильник исследован еще в 40-х годах[6]. Он связан с ранним периодом жизни на городище. В большинстве случаев здесь встречены трупоположения в катакомбах со ступенчатым дромосом. На стенах гробниц были обнаружены росписи. Много целых сосудов и монет. Керамика представлена как местная, часто с росписью красной краской (пуническая), так и чернолаковая (кампанская по преимуществу). Ценен большой антропологический материал. Во время разведок обнаружены были еще несколько холмов, где, возможно, также расположены некрополи городища Керкуан.

3. Римская вилла III в. в Келибии[7] (руководитель Ж.-М. Лассер, Монпелье, и М. Еннаби, Институт археологии Туниса). Здесь при строительных работах было открыто много мозаик и фрагментов мраморных скульптур. Лучшие мозаики относятся к римской вилле начала III—IV в., которая была во время семинара частично раскопана. Вилла построена была на развалинах более ранней виллы также с мозаиками. Позже на ее месте возникло раннехристианское кладбище. Кроме мозаик на вилле были открыты мраморные скульптуры, монеты, фрагменты фресок. В цистерне виллы была найдена мраморная женская голова (рис. 3), голова Зевса со следами позолоты на волосах и мраморная голова животного. Эти фрагменты, видимо, из привозного мрамора датируются серединой II в. до н. э. Мозаики датируются началом III в. В одной комнате мозаичный пол, на котором изображены медальоны с театральными масками, а в проходе дано изображение двух павлинов; в другой комнате — мозаичные медальоны с животными, а в проходе — изображение рыбы; в третьей — геометрические орнаменты, а в проходе — изображение пьющей пантеры; в четвертой — также геометрические орнаменты, а в проходе — два петуха. Комнаты выходили на балюстраду, также с мозаичным полом (здесь, в частности, было открыто изображение якоря и рыбы). Мозаики сходны

---

[6] P. Cintas et E.-G. Cobert. Le Tombes du Jbell — Mlezza. «Revue Tunisienne», нов. сер., 1939, 37.

[7] Это место древнего поселения Clupea, которое было основано сиракузским тираном Агафоклом во время его экспедиции в Африку и разрушено Сципионом в 146 г. до н. э. Затем поселение было восстановлено в римскую эпоху. Позднее, в 1533—1547 гг., оно было захвачено испанцами, которые на вершине холма, господствующего над Келибией, построили крепость — прекрасный образец фортификации XV в. Внутри крепости сохранились руины византийской крепости. В основе стен испанской крепости были обнаружены более древние кладки, возможно римского или пунического времени.

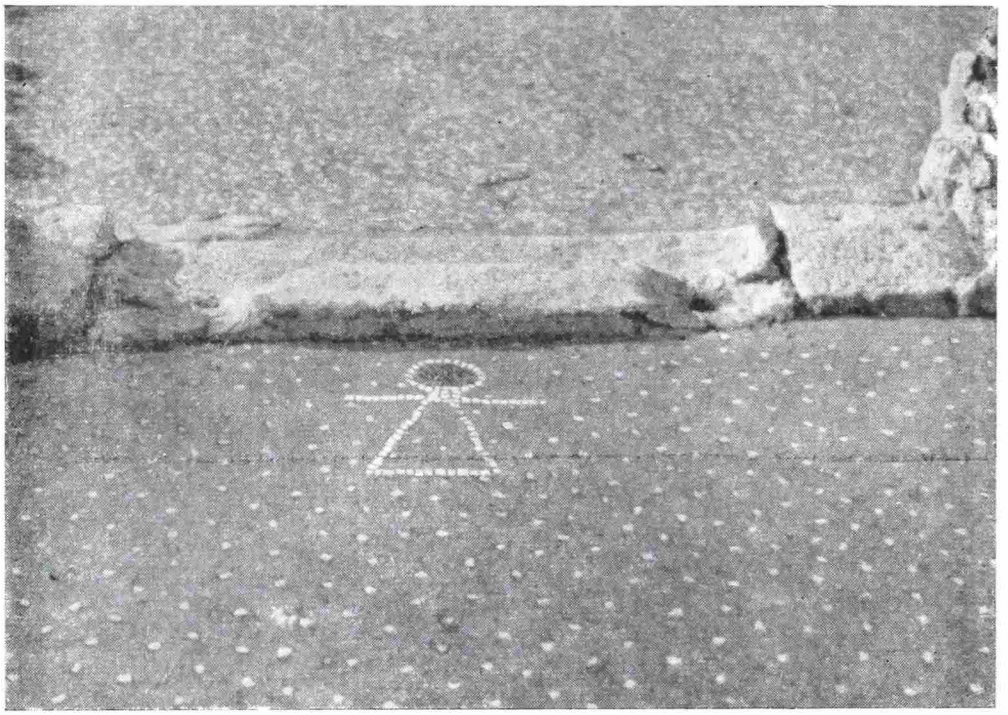


Рис. 2. Литостроты и фигура Танит на полу

с мозаиками римского дома, открытого в Суссе в 1962—1963 гг., относящегося к первой половине III в. [8] (рис. 4, 5).

Во время работы семинара были проведены археологические разведки районов к северу от Керкуана, где были обнаружены развалины пунического города и крепости и остатки римского храма. Для участников семинара были проведены экскурсии. Первая поездка была к югу от Керкуана, в Набель, где было осмотрено современное ремесленное керамическое производство. Близ Набеля, на месте римского города Неаполя в 1966 г. были открыты римские виллы и прекрасные мозаики II—III вв. В одной вилле был открыт перистильный двор с нимфеумом, украшенным мозаикой с изображением Нептуна в окружении морских животных. Мозаика в одной из комнат этой виллы изображала сцену «туалет Пегаса», на другой был представлен бой петухов. Здесь же были открыты и позднепунические постройки с характерными литостротами.

Другая поездка была в Сусс и расположенный рядом Монастирь. Здесь были осмотрены памятники арабской средневековой архитектуры и прекрасный музей в Суссе, основную ценность которого составляют многочисленные римские мозаики. Удалось осмотреть Карфаген и музей Бардо в г. Тунисе.

Музей Бардо — главный национальный музей Туниса — основан в 1888 г. В пунической части его экспозиции имеются замечательные вотивные каменные стелы, найденные в районе святилища с человеческими жертвоприношениями у вокзала Саламбо на территории Карфагена, а также стелы из других мест. Обращает на себя внимание стела с изображением жреца, несущего на руках ребенка, предназначенного в жертву. Здесь же можно познакомиться с коллекцией украшений поздней пунической эпохи. Характерны золотые привески с изображением Танит, подвески из пасты в виде головок животных и человека. Сходные украшения известны из раскопок в Сардинии, и познакомиться с ними можно было на выставке «Золото и серебро Италии» в Москве [9].

Значительный интерес представляет комплекс неопунической скульптуры из храма Ваала и Танит у Бир-Бу-Рекба. На неопунических стелах хорошо видно смешение римско-греческого и пунического стилей. Обильно представлены памятники эпиграфики пунической и неопунической эпох.

В музее Бардо собраны коллекции статуй и мозаик из различных римских памятников Туниса. Здесь находится замечательная мозаика «Персей и Андромаха»

[8] L. Foucher. La Maison des Masques à Sousse. Fouilles 1962—1963. Tunis. 1965.

[9] Н. А. Сидорова. Выставка «Золото и серебро античной Италии». СА, 1963, 3, стр. 299.

из Булла-Регия (II в.). Среди сотен римских мозаик музея Бардо замечательны мозаики, изображающие Диониса, подносящего вино Икару (II в.), Нептуна в повозке, влекомой морскими конями, мозаики с изображением сельскохозяйственных работ, охоты, игр и т. д. Интересна мозаика из Гафсы с изображением цирка, мозаика из Джема, изображающая Венеру в повозке, которую тянут два тигра (III в.), и др. В одном из залов собраны «морские» мозаики (сцена рыбной ловли, триумф Нептуна, постройки на берегу моря, Амфитрида, морские животные, рыбы и т. п.). Богато представлены раннехристианские мозаики.

Рис. 3. Мраморная голова женщины

В двух залах выставлены детали корабля, затонувшего у берегов Туниса в районе Махдии, вероятно, в 83 г. до н. э. Корабль вез из Афин в Италию произведения искусства, скульптуры, фрагменты которых сохранились и выставлены. Предполагается, что корабль стал жертвой нападения Суллы, возвращавшегося из экспедиции против Митридата.

Раскопанный археологами древний Карфаген представляет собой интереснейший и сложнейший комплекс Гуляя по раскопанным улицам римского города и аллеям древнего парка, можно видеть стелы (рис. 6, 7), добытые раскопками пунических святилищ, которые ведутся в Карфагене, начиная с 1870-х годов. В 1950-х годах около вокзала Саламбо, рядом со святилищем, были найдены остатки пунической гавани и набережной. Доступен для обозрения «Источник 1000 амфор» — главный источник пресной воды. Раскопано большое число пунических погребений, главным образом за пределами доримского Карфагена. Наиболее интересны могилы, восходящие к VII в. до н. э. Они имеют глубокие вертикальные колодцы и камеры, сложенные из каменных плит. Раскопано несколько святилищ Ваала, Мелькарта, Танит. На холме Сен-Луи Сомань раскопал пунический жилой квартал, погибший в 146 г. до н. э.

Наиболее интересные римские и раннехристианские руины сосредоточены у берега моря, в районе терм Антонина (145—162 гг.). В возвышенной части римского Карфагена расположен театр II в., где была найдена огромная статуя Аполлона, хранящаяся сейчас в музее Бардо. В центре холма у театра расположены руины Одеона (III в.). Рядом на развалинах римского дома построен «Антикварium» — выставка последних находок, сделанных при раскопах Карфагена (рис. 8, 9). Кроме «Антикварium», находки хранятся в небольшом национальном музее Карфагена. Здесь представлены результаты раскопок главным образом Р. П. Делаттра и Р. П. Лапейра. Рядом с «Антикварium» раскопаны большие римские многоэтажные дома II—III вв. типа инсул, а также римская вилла III в.

Благодаря любезности тунисских археологов я имел возможность детально изучить арабские древности Кайруана, Сусса и г. Туниса.

В Кайруане — столице древней Ифрикии, где чеканились дирхемы, в изобилии поступавшие на территорию Древней Руси в конце VIII—IX вв.,— прежде всего останавливает внимание большая мечеть Сиди-Укба. Строительство ее относится ко второй половине VII в. Сооружение было расширено и перестроено в конце IX в. В мечети множество мраморных деталей, взятых из римских и византийских построек. Михраб украшен люстровыми изразцами, привезенными из Багдада в IX в.— необычная деталь для арабского зодчества Северной Африки и Египта, где обычно поверхности зданий украшались только резным ганчем или мраморной мозаикой. При мечети имеется небольшой музей с экспозицией арабских древностей IX—XI вв. Следует отметить коллекцию бронзовых фигурок IX в., а также богатый набор предметов из дворца Аглабидов IX в. в Роккаде, близ Кайруана, где недавно производились раскопки. Широко представлена рядовая аглабидская керамика с желтым фоном, зеленой росписью и коричневым бордюром. Есть посуда, близкая к люстровой. Здесь же выставлены предметы из Габра-Мансурия, близ Кайруана, где раскапывалась резиденция Фатимидов и Зияридов. Уникальный круглый бассейн Аглабидов (IX в.) в Кайруане поражает своими размерами. В диаметре он имеет 128 *м*. Мечеть «Трех порталов» (866 г.) интересна богатым орнаментом на ганче над входом и внутри во дворе мечети.

В Суссе древнеарабские здания сосредоточены в Медине — древнем городе, обнесенном стеной, в плане, имеющем прямоугольное очертание. Большая мечеть эпохи Аглабидов (850 г.) интересна главным образом резьбой по ганчу. Хорошо сохранился Рибат (821 г.) — прямоугольная крепость с внутренним квадратным двором, в котором сейчас размещен небольшой музей арабских древностей. Там имеется хорошая коллекция стекла IX—XI вв. из Кайруана. На самой возвышен-

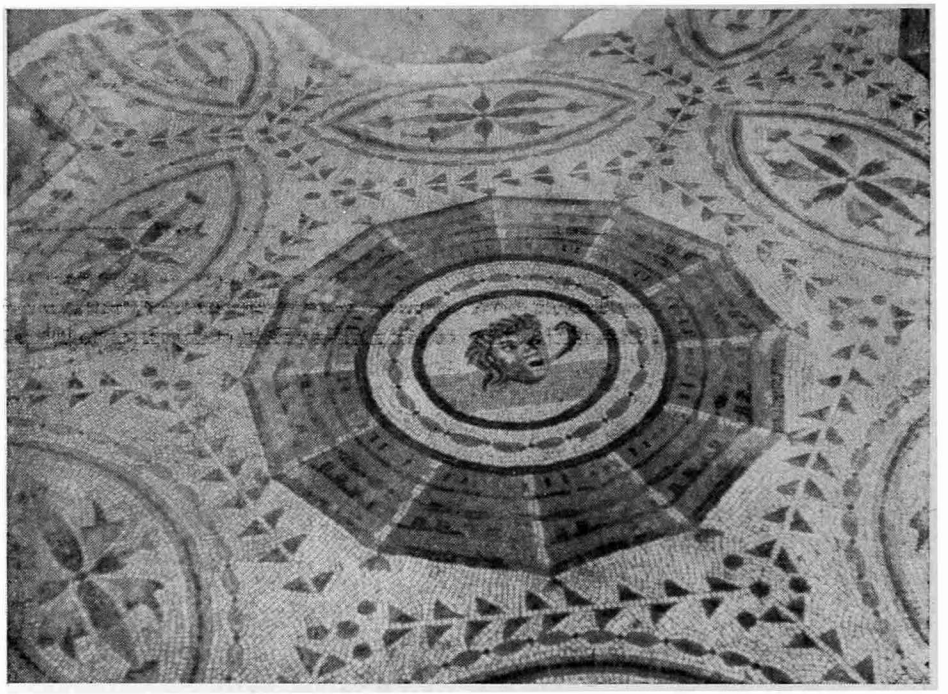


Рис. 4. Мозаика с изображением театральной маски

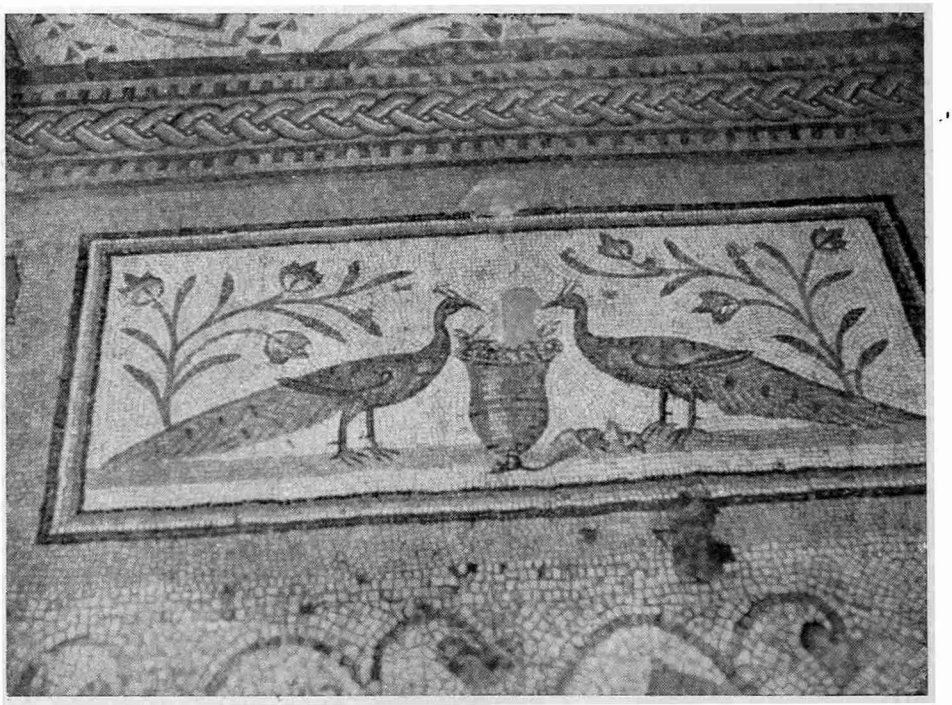


Рис. 5. Мозаика с изображением павлинов

Рис. 6. Пунические и римские стелы в Карфагене

ной части Медины построена Касба — сигнальная башня, где сейчас расположен главный музей города Сусса.

В г. Тунисе хорошо представлено позднеарабское зодчество Магреба, главным образом в границах Медины. Наиболее интересны мечеть Ал-Ксар (XII в.), мечеть Касба (XIII в.) и др. Характерные прямоугольные минареты украшены плетенкой, выложенной кирпичом, обычной в зодчестве эпохе Альмохадов. Сильно перестроенная Большая мечеть сохранила планировку IX в., аналогичную Большой мечети Сусса и в какой-то степени Большой мечети в Кайруане.

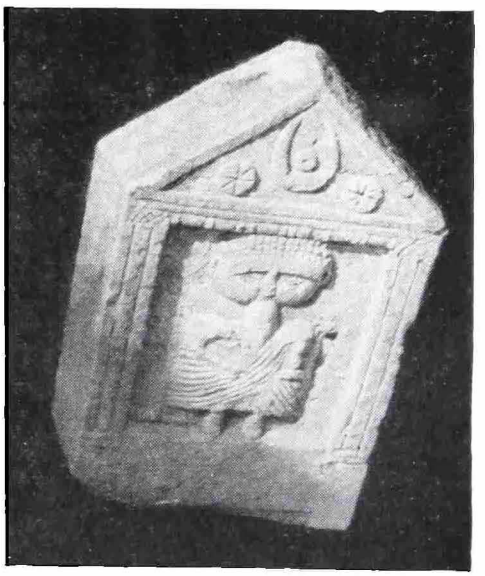


Рис. 7. Пуническая стела в Карфагене

Музей мусульманского искусства, расположенный в г. Тунисе, хранит богатые коллекции арабских древностей. В зале Роккады хорошо представлены люстровые чаши IX в. Прекрасное собрание изразцов дает представление о так называемых изразцах андалузского типа XIV в., в частности с изображением синих звезд на белом фоне. Стекло представлено большими сериями простой и украшенной эмалями посуды. Интересны дутые синие фигурки птиц из стекла, украшенные желтой и белой эмалями. Среди бронзовых изделий обращают на себя внимание бронзовые замочки в виде козлов, похожие на наши болгарские замочки в виде лошади. Музей имеет богатые собрания деревянных резных панелей, часто инкрустированных слоновой костью, сходных с деревянными изделиями из раскопок Фустата в Каире. Интересна коллекция, составленная из стеклянных гирек с обозначениями весовых единиц.

В музее Бардо также имеется коллекция арабских древностей, в частности, сюда поступил найденный в 1930 г. у г. Кефа замечательный клад золотых динаров и ювелирных изделий XI в. [10]. Очень богато представлены в этом музее образцы позднего прикладного искусства арабов.

---

[10] G. Marçais, L. Poinssot. Objets kairouanais IX au XIII siecle. Reliures, verreries, cuivres et bronzes, bijoux. Tunis, 1952, стр. 469, сл.

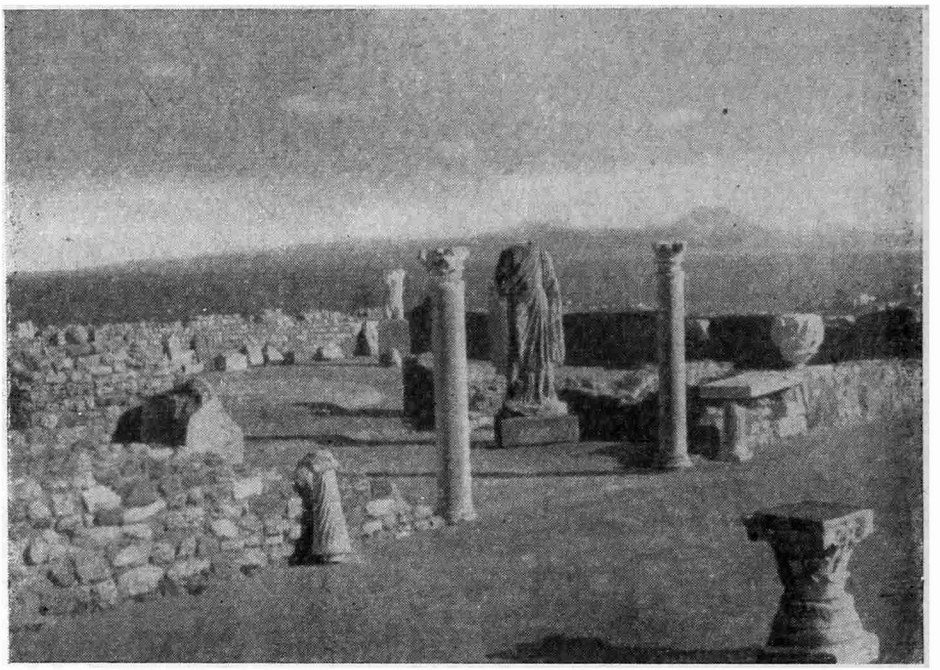


Рис. 8. «Антикварium» в Карфагене

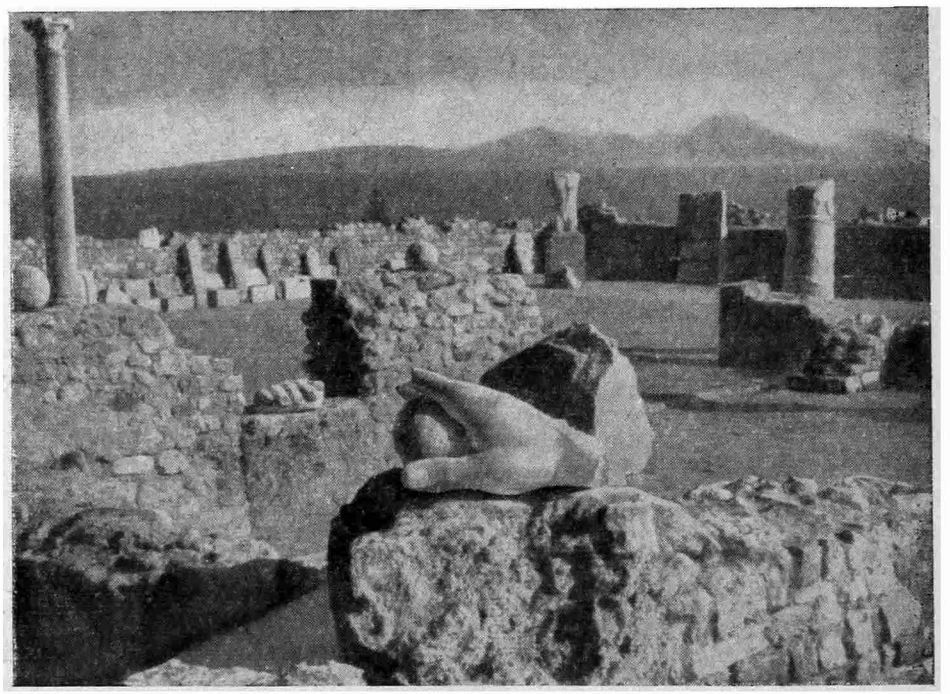


Рис. 9. «Антикварium» в Карфагене

Во время научных собраний коллектива, работающего на раскопках Керкуана, я мог убедиться, что тунисские археологи стремятся к историческим обобщениям и историческому истолкованию своего материала. Для них очень важны вопросы социальной истории Карфагенской державы и ее борьбы с Римом, чью экспансию они называют империализмом. Чувствуется явное стремление отойти от вещеведения.

Археологический семинар в Керкуане был главным образом студенческим семинаром, хотя в его работах приняли участие ряд профессоров и преподавателей как из Туниса, так и из других стран. Для тунисских студентов-археологов он дает возможность близкого общения с крупными учеными, является хорошей практической школой. Тунисские археологи намерены провести подобные семинары в 1967 г. в Керкуане и на раскопках дворца Аглабидов в Роккаде.

Г. А. Федоров-Давыдов

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ПЛЕНУМ ИА АН СССР

С 15 по 21 апреля в Москве проходили сессия Отделения истории АН СССР, пленум Института археологии и расширенное заседание Ученого совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященные итогам полевых исследований 1965 г.

В работе сессии приняли участие представители научных учреждений АН СССР, академий наук союзных республик, научно-исследовательских институтов автономных республик и областей, высших учебных заведений и музеев страны. На сессионных, пленарных и секционных заседаниях было прочитано и обсуждено около 300 докладов и сообщений [1]. В институтах Археологии и Этнографии к годичной сессии были приурочены выставки новых материалов, полученных во время экспедиций 1965 г.

Сессию открыл академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков. Он отметил важность проблематики, разрабатываемой советскими археологами и этнографами. Е. М. Жуков призвал советских ученых к работе по более активной популяризации за рубежами нашей страны советской археологической методологии и крупнейших открытий наших археологов. Он говорил о важных первоочередных задачах по расширению социологических исследований, вставших перед советской археологией в свете решений XXIII съезда КПСС.

В докладе акад. Б. А. Рыбакова «Язычество и христианство в Древней Руси» на основе многообразных материалов (летописи и поучения против язычества, данные о верованиях и обрядах, памятники прикладного искусства, археологические данные) рассмотрены взаимоотношения и борьба христианской и языческой идеологий в Древней Руси. Показано, что языческие культы были формой оппозиции феодальному строю, который представляла, в частности, христианская церковь. Укрепление государственной власти к XIV в. привело к возрождению языческих представлений, в частности в учении стригольников.

В докладе А. Д. Грача «Первый полевой сезон Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР» говорилось об организации больших разведывательных работ и о раскопках памятников, относящихся к разным эпохам, начиная от поздней бронзы и кончая поздним средневековьем.

Доклад В. Д. Блаватского и Б. Г. Петерса «Об исследовании античного кораблекрушения конца IV—III вв. до н. э.» продемонстрировал на конкретном примере изучения остатков древнего корабля на дне строящегося Евпаторийского порта все особенности методики советской школы подводных археологических исследований.

Член-корр. АН СССР А. П. Окладников сделал доклад об археологических открытиях на Дальнем Востоке. Он отметил связь между археологическими культурами и этногоническими процессами, проходившими на территории Дальнего Востока. Новейшие открытия позволяют утверждать, что здесь были представлены древнейшие палеолитические культуры. Ряд стратиграфических наблюдений, в частности на Осиновском поселении в районе г. Уссурийска, позволяют проследить прямую преемственность культуры от мезолита до железного века.

С докладом «Развитие рыболовства в Восточной Европе» выступил А. В. Куза. Докладчик определил значение рыболовства как существенного фактора в процессе освоения человеком природы и проследил изменения удельного веса рыболовства в хозяйстве населения, начиная от среднего палеолита и вплоть до позднего средневековья.

Н. Н. Воронин сделал доклад «Новые памятники древнего Смоленска». Раскопки в Детинце и в западной части города выявили целый ряд памятников архитектуры, относящихся к XII в.

[1] В информации освещается работа археологической части сессии и секций.

Доклад В. Ф. Каховского и А. П. Смирнова «Болгарский город Хулаш» проливает новый свет на вопрос о времени появления болгар на Правобережье Волги. Раскопки на городище Хулаш показали, что город этот существовал в X—XII вв. и погиб в результате военной катастрофы.

В. А. Шишкин доложил «О раскопках на городище Афрасиаб». Он изложил историю исследования памятника, а затем рассказал об охранных раскопках, проведенных в 1965 г. В помещениях, относящихся к VII в., обнаружены прекрасные образцы настенной живописи, сопровождающиеся согдийскими надписями.

Б. А. Колчин сделал доклад «Художественное дерево древнего Новгорода», в котором систематизировал данные о находках деревянных изделий X—XVI вв. на Неревском конце. Выявлена языческая символика в деревянной резьбе X—XII вв. Начиная с XII в. отмечается упадок художественого стиля, что связано с большей специализацией ремесленников и изготовлением массовой продукции.

В докладе М. П. Грязнова «Работы Красноярской экспедиции» освещены исследования памятников среднего Енисея от неолита до кыргызской эпохи.

Пленум завершился подведением итогов по работе секций. О работе секции палеолита сообщил О. Н. Бадер; о секции неолита и бронзового века — Н. Я. Мерперт; о секции раннего железного века — А. П. Смирнов; о секции античной археологии — В. Д. Блаватский; о секции славяно-русской археологии — М. К. Каргер; о секции архитектуры — Н. Н. Воронин; о секции археологии и этнографии Кавказа — Е. И. Крупнов; о секции Урало-Сибирской археологии — А. Д. Грач; о секции археологии и этнографии Средней Азии — М. А. Итина; о секции нумизматики — В. Я. Янин.

Секция палеолита. В. П. Любин доложил об исследованиях Малой Воронцовской и Ахштырской пещер. В них уточнена стратиграфия отложений. Мустьерские слои Воронцовской пещеры сопоставляются с верхними слоями Ахштырской. Новые данные о геологии Воронцовской пещеры были суммированы в докладе М. Н. Грищенко. Докладчик полагает, что слои Ахштырской и Воронцовской пещер датируются одним временем. В докладе Е. А. Векиловой «Общие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг.» подведены итоги стратиграфических и типологических наблюдений. П. У. Аутлев и В. М. Муратов в докладе «Среднехаджохское раннепалеолитическое поселение» сообщили о работах на новом позднеашельском — раннемустьерском памятнике. Доклад М. К. Габуния «Новые данные об Эдзанской (Бармаксызской) мезолитической стоянке (Восточная Грузия)» был посвящен раскопкам на памятнике, открытом в 1936 г. Б. А. Куфтиным. Стоянка отличается микролитическим инвентарем, аналогии этому памятнику обнаруживаются среди материалов Западной Грузии, в стоянках Черноморского побережья Кавказа и Ближнего Востока. Датируется памятник переходной порой от мезолита к неолиту. В. Ф. Петрунь сообщил о результатах микроскопических наблюдений над кремнем, позволяющих локализовать некоторые кремневые месторождения Крыма и Приднепровья. Р. М. Касымов сделал доклад «Палеолитическая стоянка Кульбулак (УзССР)», Р. Х. Сулейманов доложил предварительные результаты исследований грота Оби-Рахмат — многослойного позднемустьерского памятника в южных отрогах Западного Тянь-Шаня. В. А. Ранов сообщил о первых палеолитических находках на оз. Иссык-Куль; о новых палеолитических находках в бассейнах рек Нуры и Сарысу доложил Клапчук. Большой интерес вызвал доклад С. Н. Накельского «О палеолитических находках по рекам Самаре и Днепру». В. Н. Гладилин в докладе «Некоторые итоги исследования Антоновского раннепалеолитического местонахождения» проанализировал отличия разновременных мустьерских стоянок Антоново I и II по технике обработки кремня от леваллуа-мустьерских комплексов Кавказа. Антоновские местонахождения, по мнению докладчика, хорошо увязываются с мустьерскими памятниками Русской равнины и Крыма. Н. Д. Праслов доложил о разведках палеолитических памятников в Волго-Донском междуречье. В докладе А. И. Черныша «Исследования каменного века на Правобережье Днестра в 1965 г.» суммированы новые данные по позднепалеолитическим поселениям и предложены обоснования стратиграфии мезолитических поселений. Л. В. Грехова доложила о разведочных работах на стоянке Тимоновка. Выявленный шурфами новый памятник Тимоновка II относится к финальной стадии позднего палеолита. В докладе Г. П. Григорьева «Стилистический анализ женских статуэток Костенковско-Виллендорфско-Павловского единства» сделана попытка оценить художественные идеалы палеолитического человека. О. Н. Бадер в докладе «Новые палеолитические местонахождения и пещерные стоянки на Урале» дал описание позднепалеолитических находок из разных областей Урала и Приуралья. Он полагает, что пещера Смеловская II (близ г. Магнитогорска) относится к самому началу верхнего палеолита. В. А. Балашенко доложил о нескольких находках в пещерах Пермской области. Г. Н. Матюшин сделал доклад «Новые данные по мезолиту Южного Урала». По его мнению, памятники здесь делятся на приуральскую и зауральскую группы. В последней распространены микролитические формы, характерные для Средней Азии и Ближнего Востока. О раскопках Бызовской палеолитической стоянки на Средней Печоре доложил В. И. Канивец. О мезолитических и неолитических памятниках Средней Печоры докладывал В. Е. Лузгин. Л. Г. Мацкевой в докладе «Мезолит Кер-

ченского полуострова» подвел итоги исследованиям последних лет (выделено 11 достоверно мезолитических памятников) и сопоставил большую группу стоянок с тарденуазскими памятниками юго-западного Крыма. П. И. Борисковский сделал доклад «Новые данные по Тарденуазу Юго-Запада СССР». Он выдвинул гипотезу о возможном распространении юго-западных памятников до Днепра, где они могут смыкаться с мезолитическими памятниками Левобережной Украины. Доклад Р. Римантене «Раскопки палеолитических мест обработки кремня в Эжеринай (Алитусский район Литовской ССР) в 1964 г.» посвящен обследованиям 22 кратковременных стоянок позднепалеолитического времени. Г. А. Панкрушев в докладе «Позднемезолитические стоянки с жилищами в Карелии» рассмотрел три стоянки с полуземляночными жилищами, датирующиеся по финским аналогиям второй половиной VI тысячелетия до н. э. Н. Н. Гурина сделала доклад «Арктический палеолит Кольского полуострова». Доклад З. А. Абрамовой «Исследования палеолита Енисея в 1965 г.» был посвящен в основном стоянкам Кокорево I и II. С. Н. Астахов доложил об исследованиях каменного века в Туве в 1965 г. О работах на палеолитической многослойной стоянке «Красный Яр» Иркутской обл. докладывал Г. И. Медведев. М. П. Аксенов сообщил о новых работах на стоянке Верхоленская Гора. М. М. Мансуров сделал краткое сообщение о палеолитических памятниках Азербайджана.

Секция неолита и бронзового века. В. Н. Мамонтов сделал доклад «Подъемный материал Пятимарской стоянки». Об аэрофоторазведке трипольских поселений на Уманщине доложил К. В. Шишкин. Приведенные им данные свидетельствуют о густой заселенности района и об определенной системе группировки поселений. О раскопках поселения бронзового века и городецкой культуры у с. Журавкино (Мордовская АССР) доложил А. В. Циркин. В. Ф. Петрунь в докладе «О материале каменных сверленых топоров-молотов юго-западной части СССР» наметил несколько групп возможных месторождений диабазовых пород, из которых изготовлялись эти топоры. Т. Г. Мовша, Г. Ф. Чеботаренко, А. В. Зайцев в докладе «Трипольское погребение из Калнар в Молдавии» рассмотрели инвентарь могилы, в которой обнаружены медные браслеты и гривна, напоминающие по химическому составу предметы из Карбунского клада, с которым это погребение сближается хронологически. В докладе А. Д. Пряхина «К вопросу о памятниках абашевского типа на Верхнем и Среднем Дону» делается предположение, что абашевцы приходят на эту территорию из восточных районов в третьей четверти II тысячелетия до н. э. О новом кладе вещей (псалии, браслеты, подвески и др.) конца бронзового века с поселения возле с. Медведевцы Закарпатской обл. доложил Э. А. Балагури. Я. А. Шер сделал доклад «Типологический метод в археологии и статистика». О раскопках на неолитических стоянках Калининской области доложила М. П. Зимина. Д. А. Крайнов сообщил о новых памятниках, открытых Верхневолжской экспедицией в Калининской, Ивановской и Ярославской областях (неолитические стоянки, фатьяновские погребения). Об итогах раскопок на грунтовом могильнике эпохи бронзы «Стрелица» Гомельской обл. доложил И. И. Артеменко. В докладе Н. М. Шмаглия и И. Т. Черняковa рассмотрен материал около 20 курганов эпохи бронзы, раскопанных в Одесской области в 1964—1965 гг. Новые материалы позволяют наметить пограничную территорию ямной и позднетрипольской культур и уточнить их хронологическое соотношение. О раскопках многослойного поселения, в четырех слоях которого представлены материалы от неолита до срубной культуры у с. Раздольного Донецкой обл., доложила О. Г. Шапошникова. Доклад А. А. Щепинского и Е. Н. Черепановой был посвящен итогам изучения погребальных памятников (неолит — бронзовый век) в северном Присивашье. В докладе А. Л. Нечитайло рассмотрены курганы предкавказского варианта катакомбной культуры в окрестностях г. Черкасска. Л. Д. Небиерадзе доложила о неолитических памятниках Черноморского побережья Кавказа. А. А. Куратов сообщил о работе экспедиции Архангельского краеведческого музея. Ф. Загорскис сделал доклад «Памятники позднего мезолита и раннего неолита на территории Латвии». О позднем неолите Латвии доложила И. А. Лозе. Доклад «Свайное поселение на Берендеевом болоте» сделал А. Л. Никитин. О палеогеографическом изучении этого памятника сообщил Н. А. Хотинский. Н. Н. Мамонова сделала сообщение о черепе из неолитического погребения на том же памятнике. О раскопках многослойной неолитической стоянки Усвяты IV и хронологии памятников неолитической эпохи Псковской области доложил А. М. Микляев. В. И. Маркевич доложил о многослойном неолитическом памятнике Сороки II на Днестре. О раскопках грунтового могильника энеолитического времени у с. Дереивки на Днепре доложил Д. Я. Телегин. Могильник синхронен близлежащему поселению. Находки трипольских предметов позволяют датировать этот памятник концом IV — началом III тысячелетия до н. э. Л. П. Крылова доложила о раскопках погребений ямной, катакомбной, срубной, скифской и других культур на Криворожье. В. Г. Збенович сделал доклад «Раскопки поселения усатовского типа в с. Маяки Одесской области». Результатам работ Молдавской экспедиции в 1965 г. был посвящен доклад Т. С. Пассек. Е. В. Бесфамильная сделала доклад «Антропоморфные изображения культуры Гумельница в СССР».

Секция раннего железного века. П. Н. Шульц сделал доклад «Об одной группе сарматских погребений с конским набором на Боспоре и в Неаполе Скифском». Докладчик связывает эту группу погребений II—III вв. с проникновением поздних сарматов в Крым. О находках предметов, выполненных в савроматском зверином стиле, доложил Е. К. Максимов. И. С. Винокур сообщил о найденном в Среднем Поднестровье кладе первых веков нашей эры, состоящем из золотой шейной гривны, предметов из серебра, меди, янтаря и т. д. О развитии древней металлургии меди и железа в Карелии доложил А. В. Анпилогов. Об открытии первого поселения рубежа нашей эры со штрихованной керамикой в Западной Латвии сообщил Э. С. Мугуревич. Доклад «Аорсы и сираки» сделал Ю. С. Гаглоев. По вопросу о локализации этих племен завязалась оживленная дискуссия. В. П. Шилов доложил о результатах работ Астраханской экспедиции в 1964 г. О работах на поселении раннежелезного века у с. Черепин Львовской обл. рассказала Л. И. Кружельницкая. О могильнике и поселении у дер. Отвержичи Брестской обл. сделала доклад К. В. Каспарова. На памятниках выявляется преемственность между позднеоморской и зарубинецкой культурами. В докладе С. П. Бурлацкой, Т. Б. Нечаевой, Г. Н. Петрова шла речь о датировке некоторых черняховских памятников археомагнитным методом. Об обработке железа и стали на черняховском поселении Журовка доложила Г. А. Вознесенская. О технологии керамического производства черняховской культуры сделала доклад О. Ю. Круг. О скифском кургане V в. до н. э. у ст. Медерово Кировоградской обл. доложил А. И. Тереножкин. О раскопках скифского погребения в катакомбе IV в. до н. э. рассказал В. Ф. Пешанов. О происхождении, этнической принадлежности и культурных связях племен Посульско-Донецкой лесостепи в скифское время сделала доклад В. А. Ильинская. О раскопках на Восточно-Бельском городище рассказывал В. А. Шрамко. Н. В. Анфимов доложил о некоторых вопросах изучения меотской культуры. В. А. Калмыкова сообщила о раскопках на Ахунском городище под Пензой. Об Охлябинском могильнике караабызской культуры доложил А. Х. Пшеничнюк, о костях животных с городища этой культуры — А. Г. Петренко. О могильнике IV—VII вв. в Среднем Прикамье докладывал В. Л. Семенов. Е. А. Халикова и Е. П. Казаков сделали сообщение о погребальном обряде Танкеевского могильника. О протоболгарском поселении на Нижней Каме доложил П. Н. Старостин. Н. А. Мажитов рассказал о тюркских курганах Южного Урала VIII—IX вв. О раскопках Объединенной экспедиции Херсонесского музея, Уральского и Харьковского университетов в 1963—1965 гг. докладывал С. Ф. Стрелецкий. Были прочитаны также доклады о раскопках Надлиманного городища на Днестре (доклад Г. А. Дзис-Райко), о Золотаревском городище XII—XIII в. (доклад М. Р. Полесских), о Втором Васюковском поселении (доклад В. П. Денисова), о некоторых ремеслах Нового Сарая (доклад И. С. Вайнера).

Секция античной археологии. Доклад Г. А. Кошеленко и Р. М. Мунчаева был посвящен работам французской археологической экспедиции в Афганистане в 1965 г. Н. В. Пятышева сообщила о разведках на о. Левке на Черном море. Здесь обнаружены памятники с VI в. до н. э. и до позднего средневековья. О раскопках поселения IV — конца III в. до н. э. у села Пивденного на днестровском лимане доложил А. Г. Сальников. В докладе Ю. И. Козуб «Новые открытия на территории некрополя Ольвии» рассмотрены материалы, свидетельствующие о существовании в первой половине V в. до н. э. поселка на территории, впоследствии занятой некрополем первых веков нашей эры. К. К. Шилик в докладе «Результаты геоакустического и геоморфологического исследования Ольвии» показал методику работы. А. Н. Щеглов доложил о работах по выявлению планировки земельных наделов и исследованию сельской усадьбы в древнем округе Калос Лимена, проводившихся экспедицией Херсонесского музея. Доклад В. И. Калиева посвящен подводным археологическим исследованиям в районе Херсонеса. О новых приемах идентификации минералогического сырья в каменных изделиях Северного Причерноморья доложил В. Ф. Петрунь. А. Н. Карасев рассказывал о продолжении раскопок на городище «Чайка». Здесь находилась укрепленная греческая фактория IV — середины II вв. до н. э. На скифском поселении, сменившем эту факторию, обнаружены три помещения с алтарями. Г. Д. Белов сообщил о раскопках XXV квартала в Херсонесе в 1965 г. Обнаружено семейное захоронение тавров V—IV вв. до н. э. и большое число предметов IV в. до н. э.— IV в. н. э. Доклад О. Д. Дашевской «Античная башня Беляус в северо-западном Крыму» посвящен итогам раскопок этого памятника, относящегося к IV в. до н. э.— I в. н. э. Башня являлась одним из укрепленных фортов Херсонеса. Доклад А. Ю. Кахидзе был посвящен керамической таре античного времени с Пичвнарского городища. Об исследованиях Ортельской экспедиции Керченского музея в 1965 г. доложил Д. С. Кирилин. Значительная площадь, вскрытая на Ортельском приозерном поселении, свидетельствует о существовавшей здесь в широких масштабах добыче соли. Близ поселения вскрыто несколько скифских курганов IV в. до н. э. В одном из них обнаружено двойное богатое захоронение в каменной гробнице. И. Т. Кругликова доложила о работах Анапско-Керченской экспедиции в 1964—1965 гг. О работах на Фанталовском полуострове в 1964—1965 гг. доложил Н. И. Соколь-

ский. Им были продолжены работы на крепости Батарейка II, памятнике I в. до н. э., и на возникшем на ее месте поселке. Докладчик рассмотрел также клад бронзовых предметов конца II тысячелетия до н. э. К. В. Шишкин доложил о результатах аэрофоторазведки памятников Керченского полуострова. В докладе Н. Н. Матиашвили рассматривалась позднеэллинистическая краснолаковая керамика из Вани. О продолжении раскопок некрополя Кеп доложила Н. П. Сорокина. Здесь раскопаны еще 109 погребений, относящихся к трем хронологическим периодам: V в. до н. э., III—I вв. до н. э., I—III вв. н. э. В юго-восточном районе Фанагории, по сообщению М. И. Кобылиной, было вскрыто несколько последовательных строительных планировок V в. до н. э.— IV в. н. э. Г. А. Цветаева доложила о раскопках в южной части Горгиппии. Б. Я. Ставиский сделал доклад «Итоги пяти лет раскопок Кара-Тепе в Старом Термезе». О работах на Черноморском побережье в районе Геленджик — Адлер доложил И. Б. Брашинский. И. Б. Зеест на примере керамического материала сделала доклад «О методике и задачах исследования античного массового материала».

Секция славяно-русской археологии. О раскопках на Старокиевской горе в 1965 г. доложил П. П. Толочко. Там были выявлены напластования VII—IX вв. О раскопках в Пскове сообщил В. Д. Белецкий. Здесь открыты остатки храма Дмитрия Солунского XII в. Об археологических работах 1965 г. на Малом Торопецком городище доложила М. Д. Малевская. Были вскрыты четыре строительных горизонта с сооружениями, датирующиеся концом XI — первой половиной XII в. Доклад И. А. Рафаловича назывался «К вопросу о гнездовом расположении поселений и его отображении в Стратегиконе Псевдо-Маврикия». О значении деревянных изделий Старой Ладоги как исторического источника доложил С. Н. Орлов. С. И. Пеняк докладывал об исследовании славянских курганных могильников второй половины VII—IX вв. в Закарпатской области УССР. О раскопках в Волковыске сообщил Я. Г. Зверуго. Т. И. Алексеева сделала доклад «Славяне и их соседи (по данным антропологии)». О некоторых итогах изучения городов Белоруссии докладывал Э. М. Загорульский. Л. В. Алексеев сделал доклад об исторической географии северной Белоруссии в раннефеодальное время. О славянском могильнике VI—VII вв. близ Курска докладывал Ю. А. Липкинг. О постройках на селище VII в. Тетеревка I близ Житомира докладывал И. К. Фролов. Моделированию славянских поселений как методу их изучения был посвящен доклад Г. В. Борисевич. О селище и городище Красная Зорька Минской обл. докладывал Л. Д. Поболь. Характеристике городищ V—VII вв. типа Тушемля был посвящен доклад Е. А. Шмидта. О раскопках могильника XI в., принадлежащего веси, сообщила Н. В. Тухтина. О раскопках ГИМ на Баклинском городище VI — начала XIII вв. в Крыму докладывал Д. Л. Талис. О раскопках на Княжой горе доложила Г. Г. Мезенцева. Доклад Л. Н. Гумилева «Климатические колебания и их влияние на энтогенез Восточной Европы» вызвал обсуждение. О палеогеографии Ольвии по результатам геоакустических и геоморфологических исследований докладывал К. К. Шилик. Т. В. Николаева сделала доклад «Икона-складень 1412 года мастера Лукиана». При обсуждении доклад получил высокую оценку. Ю. Л. Щапова рассмотрела стеклянные браслеты из древнерусских городов с целью выяснить их значение для датировок культурного слоя. Доклад «Янтарь в Древней Руси» сделал Р. Л. Розенфельдт. С. Н. Ильин доложил о «Труворовых» древностях г. Изборска. Об энколпионах Северного Кавказа докладывал В. А. Кузнецов. О кладе сельскохозяйственных орудий из с. Киржеманово Мордовской АССР сообщил А. В. Циркин. Клад относится к XII—XIV вв. О вновь открытых средневековых христианских храмах X—XIII вв. в Отрадненском районе Краснодарского края докладывал М. Н. Ложкин. О связях населения Латвии со славянами во второй половине I тысячелетия рассказал В. А. Уртан. О следах языческих обрядов в погребениях Литовских могильников XV—XVII вв. сделал доклад В. Урбанавичус. О раскопках Одинцовского курганного могильника под Москвой доложил А. Г. Векслер. Древнейшие курганы здесь датируются второй половиной XI в. В. Ф. Черников докладывал об археологических раскопках Нижнего Новгорода. О работах на поселении Маяки докладывал В. К. Михеев.

Секция археологии и этнографии Кавказа. Об итогах полевых работ в Квемо-Картли сделали доклад О. М. Джапаридзе и А. И. Джавахишвили. Ими исследован жилой холм Шулавери, материалы из которого, датированные V—IV тысячелетиями до н. э., предшествуют куро-араксинскому энеолиту и находят аналогии в памятниках Казахского района Азербайджанской ССР и др. О новых раскопках на Аргиштихинили доложил А. А. Мартиросян. О раскопках средневекового поселения в верхнем течении р. Большой Лиахви сделал доклад Б. В. Техов. Р. Б. Геюшев сделал доклад «О некоторых особенностях культуры Нагорного Карабаха (IV—XIII вв.)». В докладе И. Р. Селимханова и Р. М. Торосяна «Результаты исследования древнейших металлических предметов в Закавказье» доказывается высокий уровень металлургии меди на памятнике, относящемся к V—IV тысячелетиям до н. э. (поселение Техута, Армянская ССР). Памятникам V—IV тысячелетиям в Южной Грузии был посвящен доклад Т. Н. Чубинишвили, Л. Д. Небиеридзе и Квижинадзе. О новых исследованиях памятников куро-араксинской культуры в бассейнах рек Иори и Алазани докладывал

Ш. Ш. Дедабришвили. Г. С. Измаилов докладывал о памятниках эпохи энеолита и бронзы на юго-восточных склонах Малого Кавказа. Г. С. Хачатрян — об Артыкском могильнике позднебронзового и раннежелезного веков в Армении. О бронзовых топорах Талыша доложил Ф. Р. Махмидов. О металлообработке у племен эпохи раннего железа предгорий Северо-Восточного Кавказа доложила В. И. Козенкова. Э. В. Ханзадян доложила об исследованиях производственного металлургического комплекса в Мецаморе Армянской ССР. А. С. Мнацаканян сделал доклад «О датировке Лчашена»; раскопкам Двина посвящен доклад А. А. Калантарян. Были прочитаны также сообщения об уточнении датировки Самтаврского могильника (И. К. Угрелидзе), о средневековом кладе из Дманиси (В. А. Леквинадзе), о раннеармянских могильниках из Гарни и Гичедара (Т. Д. Хачатрян), о перстне с греческим текстом из катакомбного погребения Кавказской Албании (М. М. Расулов), об исследовании средневековых памятников Балкарии (И. И. Мизиев), о происхождении и расселении кабардинцев в XII—XVI вв. (И. А. Шариев). Об обследовании святилища X—XI вв. на городище Гиляч доложила Т. М. Минаева. Доклад Д. Л. Мусхешвили был посвящен вопросу о распространении красноглиняной керамики в Восточной Грузии в VI—IV вв. до н. э. О «камнях-писаницах» Уругитена доложили П. У. Аутлев, П. А. Дитлер, А. Д. Столяр. О египетских талисманах и амулетах у населения Центрального и Северо-Восточного Кавказа в первых веках нашей эры сообщил В. Б. Виноградов. Были сделаны также сообщения о памятниках феодальной эпохи в Восточной Грузии (доклад В. А. Джорбенадзе), о художественной поливной керамике из Тбилисской мастерской XIII в. (доклад М. Н. Мицишвили), о производстве средневековой строительной керамики в Грузии (доклад Д. К. Джгмая) и о средневековом памятнике «Ацкар» в Абхазии (доклад Л. А. Шервашидзе).

Секция археологии и этнографии Средней Азии. На совместном заседании с секцией неолита и бронзового века было заслушано семь докладов: В. М. Массон «Бронзовый век в Южном Туркменистане (итоги и перспективы изучения)», В. А. Ранов «Предварительное сообщение о раскопках поселения Тахтакул», А. М. Орозбаев «Поселение эпохи бронзы Чаглинка», О. К. Бердыев «Чакмаклы-Депе — новый памятник времени Анау I-А». Доклад М. А. Итиной «О месте тазабагьябской культуры среди культур степной бронзы» вызвал оживленное обсуждение, касавшееся как терминологических вопросов, так и вопроса о разделении андроновской и тазабагьябской культур. Комплексным археолого-географическим исследованием во внутренних Кызыл-кумах был посвящен доклад А. В. Виноградова и Э. Мамедова.

К. А. Акишев сделал доклад «Сакские памятники Семиречья конца VIII—VII вв. до н. э.». О новых раскопках на могильнике Уйгарак в 1965 г. доложила О. А. Вишневская. О связях памятников II—V вв. н. э. в долине Кетмень-Тюбе (Тянь-Шань) с могильниками Северного Причерноморья докладывал И. К. Кожомбердиев. О хорезмийских башенных оссуариях докладывали Ю. А. Раппопорт и М. С. Лапиров-Скобло. О раскопках памятников I тысячелетия в зоне затопления Керкидонского водохранилища (Фергана) докладывала Н. Г. Горбунова. Ю. А. Заднепровский сделал доклад «Древности Алтая». Г. А. Кошеленко информировал о работах французской экспедиции в Афганистане. А. М. Беленицкий докладывал о некоторых сюжетах живописи Пенджикента. Об «Аниковском блюде» из Прикамья сделал доклад Б. И. Маршак. Он датировал этот предмет IX—X вв. и подтвердил его семиреченское происхождение. Были сделаны также доклады: о серебряном руднике в Восточном Памире (доклад М. А. Бубновой), о замке VI—IX вв. Чил-Худжра (доклад М. Пулатова), о средневековых замках-усадьбах в округе Кулана (доклад К. М. Байпакова), о раскопках средневекового городища Шахрлик (доклад Н. Н. Вактурской), о стекле с городища Шехр-Ислам (доклад Э. Аттагарыева), о монументальных росписях мавзолея Абу-Саида (XI в.) близ Меана (доклад И. Ф. Бородиной); об археолого-стратиграфическом изучении Китаба (доклад Н. И. Крашенинниковой), о городище Мездахкан (доклад В. Н. Ягодина). Плодотворным было обсуждение доклада Э. В. Сайко «Ангобирование как технологический прием в древнем и средневековом керамическом производстве».

Секция истории архитектуры. В докладе О. Х. Халпахчьяна «Архитектура книгохранилищ средневековой Армении» показаны пути возникновения и развития крайне специфического типа средневековых построек — книгохранилищ, появляющихся в Армении в качестве особой группы архитектурных памятников уже в X в. Об археологическом изучении Тракайского замка доложил А. Таутавичус. Н. В. Пятышева сделала доклад «Раскопки средневекового замка с главным городским водохранилищем в Херсонесе». О раскопках оборонительных сооружений в портовом районе Херсонеса доложила И. А. Антонова. Доклад М. К. Каргера назывался «Вновь открытый памятник полоцкой архитектуры XII в.» и был посвящен церкви Бориса и Глеба в Новогрудке. О новых исследованиях архитектуры Софии Новгородской доложил Г. М. Штендер. Благодаря новым исследованиям удалось сделать важные наблюдения о первоначальном облике храма и древнейших его перестройках. (Доклады М. К. Каргера и Г. М. Штендера,

И. А. Антоновой, Н. В. Пятышевой и А. Е. Алиховой обсуждались на совместном заседании с секцией славяно-русской археологии.) Доклад Г. Н. Хотюна назывался «Средневековое здание дворцового типа в с. Бакота, Каменец-Подольского района Хмельницкой области Украинской ССР». О мавзолеях и банях города Мухши (современный г. Наровчат) докладывала А. Е. Алихова.

Секция нумизматики. О восточных монетах из собрания Е. А. Пахомова, полученных Государственным Эрмитажем, доложил А. А. Быков. О русских и восточных монетах из того же собрания, поступивших в ГИМ, доложила С. А. Янина. Д. Г. Капанадзе сделал обзор нумизматических коллекций А. Е. Пахомова, завещанных Государственному музею Грузии. О коллекциях А. Е. Пахомова в Азербайджанском музее сообщил А. М. Раджабли. Доклад о монетах из погребений на территории Древней Руси сделал В. М. Потин. О хронологии и распространении пражских грошей на территории СССР сделала сообщение Н. А. Соболева. О. В. Кунцене доложила о весах и гирях в археологическом материале Литвы. А. С. Мельникова сообщила об особенностях русского денежного обращения в XVII в. Были сделаны также доклады о денежном обращении на Урале и в Прикамье (доклад В. П. Вязельщикова) и в Северо-Кавказском эмирате (доклад Ю. Д. Пахомова) в период гражданской войны. Об орденах Советского Азербайджана сообщил Р. В. Шейн, о двух английских наградных медалях — А. С. Шкурко. П. А. Шорин сделал доклад о древнейших печатях новгородских владык. О находках печатей XII в. на городище древнего Звенигорода под Львовом сообщил В. С. Шеломенцев-Терский. О монетном деле Боспора во второй половине I в. докладывала Н. А. Фролова. П. О. Карышковский предложил классификацию ольвийских монет с изображением речного божества и скифского оружия. Доклад А. Нудельман был посвящен кладам античных монет из собрания Государственного историко-краеведческого музея Молдавской ССР. Были сделаны также сообщения по ряду вопросов восточной нумизматики: о серебре в денежном обращении Джурчженьского государства (доклад Н. В. Ивочкиной), о хронологии кушано-сасанидских монет (доклад В. Г. Луконина), о золотой монете Ребенидов и о находках куфических монет в Армении (два доклада Х. А. Мушегяна), о монетных дворах Сефевидов (доклад А. М. Раджабли), о нумизматике Зенджана и Ахарского государства (доклад М. Сейфеддини).

Секция Урало-Сибирской археологии. С докладом о неолитической стоянке Кокуй I на р. Ишиме выступил В. Ф. Генинг. Прочли доклады студенты-дипломники Свердловского государственного университета: Е. М. Мырсина «Некоторые вопросы раннебронзового века Западной Сибири», В. В. Евдокимов «Эпоха развитой бронзы лесостепной зоны Западной Сибири», А. Шфикова «Медные птицевидные идолы Урала и Сибири», Б. Б. Овчинникова «Новые памятники Сылвинской культуры (X—XIII вв.)». О стоянке Махтыли в Северном Зауралье доложил В. Ф. Старков. О работах в Эвенкии в 1965 г. доложил Г. И. Андреев. О шлифованном каменном кольце из серпентинита с изображениями людей и животных доложил Н. В. Нащекин. О новых данных по археологии Курильских островов сделал доклад В. А. Голубев. Доклад «Лесное Зауралье в I тысячелетии» сделала Б. Д. Викторова. О Тагильском могильнике в I тысячелетии н. э. доложила А. И. Рассадович. О следах древнего заселения в сибирской Арктике сделал доклад Л. П. Хлобыстин. Л. А. Иванова сделала доклад о типологии материалов из афанасьевских могильников Среднего Енисея. А. П. Уманский доложил о позднеандроновском могильнике у с. Нижняя Суетка Алтайского края. О работах Черновского отряда Красноярской экспедиции доложил Г. А. Максименков. Доклад о периодизации памятников Лесостепного Зауралья на материалах новых больших раскопок андроновских могильников Челябинской области сделал В. С. Стоколос. П. П. Хороших сделал доклад «Сцены охоты на писаницах Сибири». Памятникам раннежелезного века верхнего Приобья были посвящены доклады А. П. Уманского и Т. Н. Троицкой. А. И. Мартынов сделал доклад о распространении памятников таштыкской культуры. О привозных зеркалах IV в. до н. э.— XVI в. н. э. из Минусинской котловины сделал доклад Е. И. Лубо-Лесниченко. Доклад «Новые данные к археологии Южного Алтая» сделал С. С. Сорокин. Докладчик дает описание курганного могильника середины I тысячелетия. О работах отрядов Саяно-Тувинской экспедиции сделали доклады М. Х. Маннай-оол, Ю. И. Трифонов, И. У. Самбу. Об истории Приморья в железном веке сделала доклад Ж. В. Андреева. О средневековых памятниках среднего Приамурья доложил Е. И. Тимофеев. О работах Абаканского музея и новых находках карасукского и тагарского времени доложил А. Н. Липский.

Прошедшая сессия и пленум продемонстрировали большой объем проведенных в 1965 г. полевых работ и их высокий научный уровень.

П. М. Кожин

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

В октября 1966 г. в Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР состоялась сессия, посвященная проблеме происхождения осетинского народа, организованная Северо-осетинским НИИ при Совете Министров СО АССР и Югоосетинским НИИ при Академии наук ГрузССР. На ней присутствовали и выступали с докладами и сообщениями ученые Москвы, Ленинграда, Одессы, Ростова, Грозного, Махачкалы, Нальчика, Черкесска, Ставрополя, Элисты и других городов.

Это второй подобного рода форум ученых на Северном Кавказе. Первый проходил в Нальчике в 1959 г. и был посвящен проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов [1].

Настоящую сессию открыл Председатель Оргкомитета В. И. Абаев (Ин-т языкознания АН СССР). Он подчеркнул важность проблемы и сложность ее разрешения в условиях многонационального Северного Кавказа, где далекие по языку соседние народы очень близки по материальной и духовной культуре.

В докладе «Этногенез осетин по данным языка» В. И. Абаев подчеркнул, что язык народа вместе с другими данными имеет большое значение при решении этногенических проблем. Вместе с этим язык не всегда может играть определяющую роль в этом вопросе. Однако докладчик отметил, что при решении проблемы этногенеза осетин мы имеем «тот случай, когда язык играет решающую роль». Автор подтвердил, что осетины восходят к ираноязычным скифо-сармато-аланским племенам Северного Кавказа, напомнив, что генетическая связь алан и осетин по языку была доказана еще Ю. Клапротом и В. Ф. Миллером. Перейдя к исторической интерпретации термина «алан», докладчик отметил, что в последнее время рядом ученых оспаривалось этническое единство алан, и аланы рассматривались то как союз племен, то как собирательное название, то как единое племя — потомков сармат (В. А. Кузнецов), благодаря чему будто бы преемственность осетин от алан не имеет основы. Ссылаясь на письменные источники (Иоан Цец, XII в.), которые четко отличают алан от других племен, на работы Ю. Клапрота и В. Ф. Миллера, которые говорили об алано-осетинской преемственности, он доказывал, что аланы были этнически единым племенем и что потомками их являются осетины. В подтверждение этого он привел данные языка. В этом вопросе, по мнению В. И. Абаева, «нельзя создавать искусственный туман там, где царит общее согласие». Автор рассмотрел роль кавказского компонента в сложении осетинского народа. Углубленное изучение лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса осетинского языка выявило в нем заимствования из кавказских языков, которые не могут рассматриваться лишь как внешние. В. И. Абаев утверждал, что в этногенезе осетин мы видим кавказское и иранское смешение; доминирующим был иранский элемент. Касаясь двух диалектов осетинского языка, докладчик отметил, что это различие могло сложиться еще в североиранской ветви, возможно, в языке скифо-сармат.

Доклад об этногенезе осетинского народа по данным археологии сделал Е. И. Крупнов (Ин-т археологии АН СССР). Он подчеркнул, что одной из важных и наиболее сложных исторических проблем была и остается проблема этногенеза народа. Восстановление истории народа только по языку неправомерно. Важнейшим материалом для воссоздания бесписьменной истории народов являются памятники материальной и духовной культуры — его поселения, погребения, украшения, обряды, легенды и пр. Переходя к конкретному анализу данных археологии, Е. И. Крупнов подчеркнул, что в археологических памятниках мы всегда выявляем локальные варианты отдельных этнических групп, хотя общий фон материальной культуры одинаков. Сложившиеся в глубокой древности формы и типы погребальных сооружений и обряды погребений, соблюдая преемственность, доживают до средневековья и даже позднее. Так, каменные ящики и гробницы, возникшие на Центральном Кавказе во II тысячелетии до н. э., существовали и в Кобанскую эпоху I тысячелетия до н. э. Были они в средневековье и сохранились даже до XVIII в. Самый обычный погребальный обряд кобанцев — скорченное положение скелета — отмечается и в средневековых катакомбах X—XII в., где на 100 погребений приходится 14 скорченных; здесь преемственность сохранилась и в обряде. Такая же преемственность наблюдается и в типах украшений. По мнению Е. И. Крупнова, легенда о Руймоне, культ божества охоты Авсати и основное ядро нартского эпоса сложились в Кобанский период и являются общими почти для всего Центрального Кавказа.

По материальной и духовной культуре осетины — кавказцы, а по языку — иранцы. Иранизация местных племен началась скифами, сарматами и, наконец, завершилась аланами. Е. И. Крупнов говорил, что при сохранении материальной культуры, традиций и обычаев могут происходить языковые ассимиляции. Он отметил, что осетины антропологически почти не отличаются от адыгов, черкесов и других северокавказских народов, тогда как язык их различен.

С докладом бо этногенезе осетин по данным средневековой археологии выступил В. А. Кузнецов (СОНИИ). Отвергая миграционную теорию переселения осетин на Кавказ, докладчик подчеркнул, что она подменяет проблему этногенеза пе-

[1] Сб.: «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960.

реселением племен. Схема постоянного внедрения ираноязычных элементов в кавказскую среду вряд ли кем оспаривается сейчас. В то же время местная кавказская среда была этнически пестрой, о чем свидетельствуют локальные варианты археологических культур II и I тысячелетий до н. э., I тысячелетия н. э. на этой территории. Переходя к анализу распространения так называемых «аланских курильниц» — грубых сероглиняных лепных «стаканчиков» с отверстием в дне, он отметил, что находки их сосредоточены в рамках района Пятигорск — Грозный — лесистый хребет — среднее течение Терека. На этой территории письменные источники помещают алан Ардозской равнины (Армянская география VII в.). По мнению В. А. Кузнецова, курильницы связываются именно с этой группой алан. Близкие по виду курильницы распространены в Поволжье — Северном Прикаспии — Южном Приуралье, где они встречены в прохоровской сарматской культуре IV в. до н. э., которая связывается с «верхними аорсами» Страбона. Отсюда следует, что аланы, жившие в Ардозской области, могли происходить от аорсов. В свою очередь алан-ардозцев, по его мнению, можно связывать с современной иранской группой осетин. Западнее современного Пятигорска письменные источники помещают народ Ашдигор (территория современной Карачаево-Черкесской АО, Верховья Кубани, Кабардино-Балкарская АССР). Здесь «аланских курильниц» — эталона аланской культуры, как их характеризует В. А. Кузнецов, нет. Этим подчеркивается своеобразие археологической культуры этих районов. В. А. Кузнецов говорил о двух группах алан: восточной — ардозцы и западной — аш-дигоры, восточных алан он связывает с аорсами, а западных аш-дигор — с сарматскими племенами сираков. Докладчик отметил, что под аланами письменных источников могли подразумеваться и автохтонные племена, скрывающиеся под именем господствующего племени. Автор признал особое значение субстратного кавказского элемента, составившего подоснову формирования осетин, и большую роль, которую сыграли в этом процессе сармато-аланские племена.

Доклад «Об этногенезе осетин по данным письменных источников» прочел Ю. С. Гаглоев (Югоосетинский НИИ при АН ГрузССР). Он отметил, что в этногенезе осетин имеются два компонента и одни исследователи считают основным аланский, другие — иберийско-кавказский. Какой же компонент сыграл большую роль? Первыми ираноязычными племенами, проникшими в кавказскую среду, по мнению Ю. С. Гаглоева, были скифы, которые якобы оставили археологические памятники в Осетии. Этими скифскими племенами были дандарии, механхлены, исседоны, которые позднее растворились в аланской среде (первая волна иранизации). Он добавил, что ираноязычные предки осетин могли появиться еще во II тысячелетии до н. э. Вторая волна иранизации Ю. С. Гаглоевым связывается с сармато-аланами. По мнению автора, сарматы двигались несколькими этапами — язиги, роксаланы, аорсы и затем аланы. Первые три племени Ю. С. Гаглоев считает аланскими. Устанавливая этническую связь сарматов и алан, автор считает, что эти разновидности сарматских племен затем превращаются в разновидности алан. Ю. С. Гаглоев заметил, что мнение о собирательном значении термина «алан» бездоказательно.

С докладом об этногенезе осетин по данным этнографии и фольклора выступил Б. А. Калоев (Ин-т этнографии АН СССР). Он утверждал, что местный и иранский компоненты в этногенезе осетин равнозначны. Остановившись на этнографическом сходстве осетин с другими народами Северного Кавказа, Б. А. Калоев отнес к скифо-сарматским все формы кавказской одежды — башлык, бурку, кафтан-черкеску и т. п. К этим же племенам он отнес и многие общекавказские обряды и обычаи.

Содержательные доклады о происхождении осетин по данным антропологии сделали М. Г. Абдушелишвили и В. П. Алексеев.

На основе изучения антропологических серий из Центрального Кавказа они приходят к выводу, что осетины по антропологическим признакам относятся к кавкассионскому типу, а этот тип является местным, и к нему относятся почти все горные группы населения Центрального Кавказа. В. П. Алексеев отметил, что краниологический тип осетин изучен лучше, чем какой-либо другой народ СССР (кроме русских), и что антропология алан в предгорьях представлена лучше, чем в горных районах Кавказа (могильники Байтал-Чалкан, Узун-Кол, Дуба-Юрат, Змейское и др.). Сопоставление их приводит к тому, что по антропологическим данным осетины резко отличаются от алан. Эти наблюдения подтвердили и другие антропологи (Э. А. Джавахишвили).

В прениях по докладам выступило 25 человек.

М. С. Тотоев, С. Ш. Габараев, Н. Т. Кибизов утверждали, что антропологи преувеличивают значение своих наблюдений. С. Ш. Габараев заявил, что в результате ассимиляции победителем вышел иранский элемент и что «победа скифо-сарматского элемента» неслучайна. Это вполне исторически обусловленное явление.

Н. Т. Кибизов подчеркнул, что должно говорить не о роли сармато-алан в этногенезе осетин, а о том, что они были основным компонентом.

Ш. Д. Инал-ипа, З. В. Анчабадзе, А. И. Робакидзе, В. К. Гарданов и др. говорили о том, что надо шире развернуть сравнительное изучение кавказских народов, что нельзя рассматривать этногенез осетин в отрыве от кавказской среды. Они

признали, что по материальной и духовной культуре осетины тесно связаны с другими местными племенами.

Г. Ш. Инал-ипа утверждал, что связь этногенеза осетин с одними аланами исторически неоправданна.

Независимо от происхождения, кавказские народы создали общий фон материальной культуры, и культурное творчество осетин развивалось вместе с кавказскими народами,— говорил А. И. Робакидзе.

З. В. Анчабадзе отметил, что нельзя сводить этногенез к истории языка. И если в языке осетин победили иранские элементы, то по всем другим признакам этноса победили кавказские элементы. О том, что язык не является единственным средством определения этногенеза, сказал в своем выступлении и В. К. Гарданов. Он отметил, что многие недооценили выводы антропологов, тогда как они представляют значительный интерес. Кроме того, он остановился на том, что надо различать алан этнических от алан письменных источников, такую оговорку делал еще В. Ф. Миллер. Не все аланы были предками осетин, а лишь их часть. Об этом же говорили Е. П. Алексеева, Д. М. Атаев и др.

С конкретным анализом археологического материала выступили многие археологи-кавказоведы (В. Б. Виноградов, Е. П. Алексеева, М. П. Абрамова, В. Д. Атаев и др.), которые считают невозможным удревлять иранизацию осетин. Археологические памятники не позволяют говорить о том, что скифы массами оседали здесь, ибо таких археологических комплексов нет в горах ни в скифское, ни позже в сарматское время. Даже аланских катакомб до V в. нет в горах. Ссылка на работы Е. И. Крупнова для доказательства того, что скифы в горах оседали массами, никак не может быть приемлемой для данной конкретной территории расселения осетин в горных районах, так как Е. И. Крупнов говорит только о частичном оседании скифов и то лишь в степных и предгорных районах Северного Кавказа. Подчеркивалась необходимость точнее проследить поэтапную иранизацию местного населения, заметную лишь после гуннского нашествия, но не раньше.

В. Б. Виноградов, В. Н. Гамрекели отметили, что к письменным источникам надо подходить осторожно и критически. До сих пор мы не имеем полного научного комментария к этим источникам, при анализе их надо исходить из географических знаний авторов.

Критикуя формулировку Ю. С. Гаглоева о том, что «этногенез осетин — это внутреннее развитие скифо-сармато-аланских племен», В. Н. Гамрекели напомнил, что сведения о ранних аланах в письменных источниках относятся только к равнинным аланам, а в горных районах на раннем этапе по письменным источникам алан нет.

С интересными сообщениями о топонимике осетии и фольклоре осетин выступили А. Цагаева и А. Х. Безров. На основе изучения топонимов А. Цагаева приходит к заключению, что в топонимике Осетии отражаются кавказские, алано-иранские, тюрко-татарские и грузинские смешения. Есть такие топонимы, где одна часть тюркская, другая иранская. Она подчеркнула, что В. И. Абаев видит субстратные кавказские элементы в фонетике, лексике, синтаксисе осетинского языка, такой же субстрат есть и в топонимике края.

По частным вопросам на сессии выступил Н. Г. Турчанинов, который остановился на вопросе о новой попытке «расшифровки» Зеленчукской надписи. Он напомнил, что в последнее время были сделаны попытки расшифровки этой надписи с кабардинского (А. Ж. Кафоев) и даже тюркского языков; об этом же сообщил на сессии К. Т. Лайпанов (г. Черкесск), ссылаясь на статью М. Кудаева в газете «Коммунизмге жол» от 14 февраля 1964 г. Н. Г. Турчанинов подверг резкой критике обе эти попытки и заявил, что эта надпись правильно читалась и читается исходя только из осетинского (иранского) языка.

Подводя итог широкому обсуждению проблемы этногенеза осетин, сессия пришла к заключению, что в нем приняли участие как местные кавказские элементы, так и пришлые иранские.

Сессия рекомендовала всем исследователям, занимающимся этой проблемой, усилить ее исследования в разных аспектах с тем, чтобы уточнить роль и удельный вес каждого из этих компонентов в этногенезе осетинского народа.

И. М. Мизиев

ВИКТОР ФРАНЦЕВИЧ ГАЙДУКЕВИЧ

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату. 9 октября 1966 г. в Керчи во время полевых археологических работ скончался выдающийся советский археолог, один из крупнейших специалистов по истории античного юга СССР, доктор исторических наук, профессор Виктор Францевич Гайдукевич — старейший научный сотрудник Института археологии АН СССР.

В. Ф. Гайдукевич родился 12 ноября 1904 г. в Ленинграде в семье врача. В 1923—1928 гг. он учился в Ленинградском университете, где специализировался в области античной истории и археологии. С 1926 г., после участия в археологической конференции в Керчи, посвященной столетию керченского музея, он связал свою деятельность с исследованием Боспорского царства. После окончания Ленинградского университета он уехал работать в Керченский музей. Он принимал активное участие в раскопках Фанагории, Китея, Херсонеса. Важнейшей задачей своей исследовательской работы Виктор Францевич ставил изучение экономической истории Боспорского царства. Ученого интересовали преимущественно те археологические материалы, которые позволяли осветить те или иные отрасли производства. Его две первые книги посвящены именно производственной деятельности Боспора: «Античные керамические обжигательные печи» (1934) и «Строительные керамические материалы Боспора» (1935).

С 1934 г. В. Ф. Гайдукевич возглавляет Боспорскую экспедицию, перед которой была поставлена задача полевого исследования «малых» городов Боспора. Разрабатывая эту проблему, Виктор Францевич стремился выяснить прежде всего картину экономической жизни и производственной деятельности Боспорского царства. В результате многолетних систематических и планомерных работ определился торгово-ремесленный облик «малых» городов — центров виноделия и рыбного хозяйства и была впервые изучена особенность организации этих традиционных промыслов Боспора.

В 1952—1956 гг. Виктор Францевич исследовал большую эллинистическую сельскую усадьбу близ Керчи. Раскопки эти показали, что товарное виноделие существовало не только в городах, но и в специализированных сельских винодельческих хозяйствах. Итогом работы явилось исследование Виктора Францевича «Виноделие на Боспоре» (МИА, 85, 1958).

Трудно переоценить значение предпринятых В. Ф. Гайдукевичем раскопок Илурата — степного форпоста Боспора первых веков н. э. Многолетние раскопки этого города-крепости, своеобразный варваризованный облик которого был им ярко охарактеризован, позволили по-новому осветить историю Боспора первых веков н. э.

В связи с исследованием Илурата следует особо отметить огромный вклад, который внес В. Ф. Гайдукевич в решение проблемы взаимоотношений и взаимодействий Боспорского царства и северопричерноморских греческих городов с их варварским окружением. Особенно много в этом отношении он сделал в области исследования культуры Боспора. Тесное переплетение и взаимопроникновение греческих и местных элементов в экономике и культуре Боспора получили в его работах подлинно научное освещение.

Все труды В. Ф. Гайдукевича имеют обобщающий характер. В полной мере это относится и к издававшимся им отчетам о раскопках; работы эти всегда являлись исследованиями.

Капитальным трудом В. Ф. Гайдукевича явилась его книга «Боспорское царство» (1949). В ней дана яркая и содержательная характеристика Боспора на основании всестороннего изучения письменных и археологических данных. В книге рисуется картина хозяйственной жизни Боспора, освещаются его сельское хозяйство, ремесло и художественная культура. Благодаря пристальному вниманию к различным варварским элементам в культуре Боспора и тщательному анализу их, Боспорское царство выступает как глубоко своеобразное явление. В последние годы В. Ф. Гайдукевич работал над вторым, значительно дополненным изданием своей большой книги. В нем нашли отражение итоги всех полевых и камеральных работ, проведенных после выхода в свет первого издания монографии.

В течение многих лет В. Ф. Гайдукевич вел большую педагогическую работу в Ленинградском университете. Он разработал специальные курсы по античной археологии и археологии Северного Причерноморья.

После перенесенной тяжелой болезни В. Ф. Гайдукевич продолжал по-прежнему много работать, не щадя своих сил. Непосредственное наблюдение за раскопками было для него уже непосильным делом, но он не мог устраниться от активного участия в них: новые открытия в Мирмекии, новые работы на Царском кургане влекли его каждый год в экспедиции. Он оставил много почти законченных работ, среди них — крупное исследование эллинистической сельской усадьбы близ Керчи, большой труд о боспорских уступчатых склепах и другие. Его перу принадлежит около ста печатных трудов.

Смерть настигла Виктора Францевича на трудовом посту, в разгаре полевых работ в Мирмекии, которыми он руководил. Ушел от нас неутомимый, горячо любивший свое дело ученый, беззаветно и самоотверженно служивший советской науке.

С. И. Капошина, А. Л. Якобсон

ВАСИЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ШИШКИН

Советская археология понесла горестную утрату. 18 октября 1966 г. скоропостижно скончался видный среднеазиатский археолог, член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР, заслуженный деятель науки УзССР, доктор исторических наук, профессор Василий Афанасьевич Шишкин (род. 11 января 1894 г.).

Сын сельского учителя, Василий Афанасьевич был поначалу учителем Сюмсинского училища Вятской губернии, затем служил в армии. В 1921 г. он был направлен в Туркестан для работы в военном комиссариате. В Ташкенте В. А. Шишкин окончил в 1926 г. восточный факультет Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина (по иранскому разряду).

Его научная деятельность началась в 1925 г. Полевые археологические исследования Василия Афанасьевича сочетались с энергичной работой по организации охраны и изучения среднеазиатских памятников древности. В. А. Шишкин был активным участником многих крупных научных экспедиций: Зеравшанской, Термезской и др. Особенное внимание уделялось им памятникам древности Бухары и Бухарского оазиса.

Наибольшую известность получили начатые в 1938 г. археологические исследования В. А. Шишкина на городище Варахша близ Бухары, где были раскопаны остатки дворца бухар-худатов с замечательными и для времени их открытия уникальными памятниками настенной живописи. Итоги работ на Варахше В. А. Шишкин подвел впоследствии в монографии («Варахша. Опыт историко-археологического исследования», М., 1963). Особо должны быть отмечены также проводившиеся в 1948 г. под его руководством раскопки обсерватории Улугбека в Самарканде («Обсерватория Улугбека и ее исследование», Ташкент, 1953).

С 1940 г. В. А. Шишкин начал работать в Узбекском филиале АН СССР (в последующем — Академия наук Узбекской ССР). По день своей смерти он бессменно, более 20 лет, был руководителем сектора археологии Института истории и археологии АН УзССР.

В последние годы жизни В. А. Шишкин возглавлял экспедицию института на городище Афрасиаб (Самарканд). Раскопки здесь ознаменовались в 1965 г. выдающимся по своему научному значению открытием руин большого жилого здания, стены помещений которого оказались украшенными росписью VII в. Отдельным изображениям человеческих фигур росписи сопутствовали согдийские надписи.

В январе 1964 г. общественность Средней Азии тепло отметила 70-летие со дня рождения В. А. Шишкина. Перу В. А. Шишкина принадлежит около 90 научных работ.

Смерть застала В. А. Шишкина на посту в полном смысле этого слова. Он скончался в Самарканде, где вел исследования городища Афрасиаб.

Жизнь и деятельность В. А. Шишкина — это прекрасный пример неустанного труда на благо советской археологии. Преданность науке, скромность, благожелательное отношение к людям стяжали Василию Афанасьевичу заслуженную репутацию большого ученого и человека доброго и чистого сердца.

Б. В. Лунин

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Ю. А. Савватеев (Петрозаводск). О новых петроглифах Карелии 3
Б. Я. Ставиский (Москва). О датировке ранних слоев Тали-Барзу 22
Б. А. Литвинский (Душанбе). Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы 29
И. С. Николаев (Москва). Античная техника в строительстве Гардского моста 38
А. А. Иерусалимская (Ленинград). О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье 55
А. С. Воскресенский (Москва). Полихромные майолики золотоордынского Поволжья 79
Б. А. Рыбаков (Москва). Русалии и бог Симаргл-Переплут 91
Памяти А. Я. Брюсова 117

Публикации

С. С. Березанская (Киев). Тшинецко-комаровская культура на Северной Украине 120
М. Н. Погребова (Москва). Урартские мечи из Закавказья 137
И. Д. Марченко (Москва). Местная расписная керамика Пантикапея VI—V вв. до н. э. 146
Н. А. Онайко (Москва). Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора 155
А. М. Хазанов (Москва). Сарматские мечи с кольцевым навершием . . . 169
О. В. Обельченко (Ташкент). Погребение сарматского типа под Самаркандом 181
Н. В. Холостенко (Киев). Исследования Борисоглебского собора в Чернигове 188
В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт (Москва). Старорязанский клад 1966 года . . 211
Ю. И. Аренкова (Москва). О происхождении изразцовых рельефов Успенского собора в г. Дмитрове 224

Заметки

А. В. Бодянский (Запорожская обл.). Неолитический сосуд с Днепровского надпорожья 232
С. Н. Орлов (Новгород). Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода 233
М. Д. Хлобыстина, Л. П. Хлобыстин (Ленинград). Литейная форма из Южного Зауралья 236
М. И. Максимова (Ленинград). Еще раз о дате Артюховского кургана . . 240
И. А. Лунегов (Чердынь). Усть-язьвинская находка идола 242
В. С. Драчук (Киев). Стела со знаками из Теребовельщины 243
Ю. Г. Чуланов (Ленинград). Некоторые новые памятники Северной Ферганы 245
В. Ф. Исаенко (Минск). Находка со знаком Рюриковичей 250
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Погребение монгольского времени в Халчаяне 252

Критика и библиография

В. Д. Блаватский (Москва). Colloques Internationaux du Centre National de la recherche scientifique 259
В. А. Могильников (Москва). Железный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции, т. II 260
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья 266
А. В. Столетов. Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси . . 268
Г. К. Вагнер (Москва). По поводу рецензии А. В. Столетова 276

Хроника

Н. М. Андрунина (Одесса), **Э. А. Сымонович** (Москва). Седьмая археологическая сессия в Одессе 279
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Археологическая поездка в Тунис . . . 282
П. М. Кожин (Москва). Сессия Отделения истории и пленум ИА АН СССР 289
И. М. Мизиев (Москва). Научная сессия об этногенезе осетинского народа 296
В. Ф. Гайдукевич 299
В. А. Шишкин 301

SOMMAIRE

Articles

I. A. Savvatéev (Petrozavodsk). Sur les pétroglyphes nouveaux de la Carélie 3
B. I. Staviski (Moscou). Sur la datation des premiéres couches de Tali-Barzou 22
B. A. Litvinski (Douchanbé). La nécropole de Djoun et quelques aspects du probleme kanguien 29
I. S. Nikolaev (Moscou). La technique antique à la construction du pont de Gard 38
A. A. Iérusalimskaïa (Léningrad). Sur «la route de soie» du Caucase du Nord au début du moyen âge 55
A. S. Voskresenski (Moscou). Majoliques à polychromie dans la région de la Volga de l'Horde d'Or 79
B. A. Rybakov (Moscou). «Русалии» et le dieu Simargle-Pereploute 91
À la mémoire d'A. I. Brusov 117

Publications

S. S. Berézanskïa (Kiev). Civilisation Tchinetzko komarovienne en Ukraine du Nord 120
M. N. Pogrebova (Moscou). Ggaives ourartiens de la Transcaucasie 137
I. D. Martchenko (Moscou). Céramique peinte indigéne de Panticapée des VIe—Ve siècles av. n. ère 146
N. A. Onaïko (Moscou). Bâtiment hellénistique du gorodistché Raïevskoïé et sa place dans l'architecture du Bospore 155
A. M. Khazanov (Moscou). Glaives des Sarmates à poignée avec un anneau 169
O. V. Obeltchenko (Tachkent). Une tombe du type Sarmate près de Samarkand 181
N. V. Kholostenko (Kiev). Recherches de la cathédrale de Saint Boris et Saint Gleb à Tchernigov 188
V. N. Darkevitch, A. L. Mongaït (Moscou). Le trésor trouvé à Staraïa Riazan en 1966 211
J. I. Arenkova (Moscou). Sur l'origine des réliefs en carreaux de faïence de la cathédrale Ouspenski à Dmitrov 224

Notes

A. V. Bodianski (Zaporojié). Vase néolothique de Nadporojié du Dniepr . . 232
S. N. Orlov (Novgorod). Monuments du début de l'époque du métal aux environs du Novgorod 233
M. D. Khlobystina, L. P. Khlobystin (Léningrad). Un moule de Transouralié du Sud 236
M. I. Maximova (Léningrad). Encore une foise sur la date du tumulus Artioukhovski 240
I. A. Lounégov (Tcherdyn). Trouvaille d'idole à Oust-Iasva 242
V. S. Dratchouk (Kiev). Une stèle à signes de Trebovelstchina 243
I. G. Tchoulanov (Léningrad). Quelques monuments nouveax de la Ferghana du Nord 245
V. F. Isaénko (Minsk). Une trouvaille à signes de Riourikovitchs 250
G. A. Pougatchenkova (Tachkent). Une tombe du temps mongolien à Khaltchaïan 252

Critique et bibliographie

V. D. Blavatski (Moscou). Colloques Internationaux du Centre National de la recherche scientifique 259
V. A. Moguilnikov (Moscou). L'âge de fer en pays de Mari. Travaux de l'exyédition archéologique Marienne, v. II 260
G. A. Fedorov-Davydov (Moscou). I. A. Cher. Les statues de pierre de Semirétchié 266
A. V. Stolétov. G. K. Wagner. La sculpture de la Russie Vladimiro-Souzdalienne 218
G. K. Wagner (Moscou). À propos de la critique d'A. V. Stolétov 276

Chronique

N. M. Androunina (Odessa), **E. A. Symonovitch** (Moscou). Septième session archéologique à Odessa 279
G. A. Fedorov-Davydov (Moscou). Voyage archéologique en Tunisie 282
P. M. Kojine (Moscou). Session de la Section d'Histoire et plénum de l'Institut d'archéologie de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. 289
I. M. Misiev (Moscou). Session scientifique sur l'etnogenèse du peuple Ossète 296
V. F. Gajdukiewicz 299
V. A. Chichkine 301

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,

С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,

Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков,

А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *А. И. Мелюкова*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/I-1967 г. Т-04272 Подписано к печати 31/III-1967 г. Форм. бум. 70 × 108 1/16
Бум. л. 9 1/2 Печ. л. 26,6 + 2 вкл. Уч.-изд. л. 28,6 Тираж 2325 экз. Зак. 1833

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10